

**РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАРОДНОГО ХОЗЯЙСТВА
И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ
ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ
ЮЖНО-РОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ УПРАВЛЕНИЯ**

ISSN 2079-1690

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ
И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ**

*Журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий,
в которых должны быть опубликованы основные научные
результаты диссертаций на соискание ученой степени
кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук
по группам научных специальностей:
5.2. Экономика; 5.4. Социология; 5.5. Политология*

№ 3

**Ростов-на-Дону
2022**

**ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕННЫЕ ЗАПИСКИ**

Регистрационный номер ПИ № ФС 77 – 71827 от 08.12.2017 Федеральной службы по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Учредитель – Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего образования «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации»

Главный редактор **ИГНАТОВА Т. В.**,
Заслуженный работник высшей школы
Российской Федерации,
доктор экономических наук, профессор

Зам. главного редактора **ЧЕРКАСОВА Т. П.**,
доктор экономических наук, профессор

Члены редколлегии:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne (France); *Eugene Nivorozhkin*, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London (Great Britain); *Ford Lumban Gaol*, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta (Indonesia); *Аманесян А. В.*, докт. полит. наук, проф., Ереванский государственный университет (Армения); *Кадол Н. Ф.*, докт. экон. наук, доц., Гомельский государственный университет им. Ф. Скорины (Беларусь); *Ушаков Д. С.*, докт. экон. наук, проф., Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand);

Арсеньева В. А., докт. экон. наук, доц.; *Дзахова Л. Х.*, докт. полит. наук, проф.; *Дробышевская Л. Н.*, докт. экон. наук, проф.; *Золочевская Е. Ю.*, докт. экон. наук, проф.; *Кислицын С. А.*, докт. ист. наук, проф.; *Козлюк Н. В.*; докт. экон. наук, доц.; *Колядин А. П.*, докт. экон. наук, проф.; *Крюкова Е. М.*, докт. экон. наук, проф.; *Миляева Л. Г.*, докт. экон. наук, проф.; *Овчаренко Р. К.*, докт. социол. наук, доц.; *Пешкова Е. П.*, докт. экон. наук, проф.; *Понеделков А. В.*, заслуженный деятель науки РФ, докт. полит. наук, проф.; *Попова Е. А.*, докт. полит. наук, доц.; *Скворцов Н. Г.*, докт. социол. наук, проф.; *Сологуб В. А.*, докт. социол. наук, проф.; *Чернова О. А.*, докт. экон. наук, доц.

Адрес редакции: 344002, г. Ростов н/Д, ул. Пушкинская, 70/54.

Тел. 8-863-203-63-89,

e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

**RUSSIAN PRESIDENTIAL ACADEMY OF NATIONAL ECONOMY
AND PUBLIC ADMINISTRATION
SOUTH-RUSSIA INSTITUTE OF MANAGEMENT**

ISSN 2079-1690

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*The journal is included into the list of reviewed scientific publications
where main research results of dissertations for the degree of Candidate
and Doctor of Science in specific scientific fields:
5.2. – economic science; 5.4. – sociology; 5.5. – politology*

№ 3

**Rostov-on-Don
2022**

**STATE AND MUNICIPAL MANAGEMENT.
SCHOLAR NOTES**

*Registration number ПИ № ФС 77 – 71827 from 08.12.2017 of Federal Service
for Supervision of communications, information technologies and mass media
(Roskomnadzor)*

*Founder – Federal state budget educational institution of higher education
«Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration»*

The Editor in Chief   **IGNATOVA T. V.**,
Honored Worker of Higher School of Russian Federation,
Doctor of Economic science, professor

Vice-Editor in Chief   **CHERKASOVA T. P.**,
Doctor of Economic science, professor

Editorial Board:

Alexakis Christos, PhD, Professor, Business School Renne, France; **Eugene Nivorozhkin**, PhD, Associate Professor in Finance, School of Slavonic and East European Studies, University College, London, Great Britain; **Ford Lumban Gaol**, PhD, University Bina Nusantara, Jakarta, Indonesia; **Arthur V. Atanesyan**, Doctor of Political Science, Professor, Head of the Department of Applied Sociology, Faculty of Sociology, Yerevan State University, Armenia; **Natalia F. Kadol**, Doctor of Economics, Docent, Francisk Skarina Gomel State University (Belarus); **Denis S. Ushakov**, PhD, Professor, Suan Sunandha Rajabhat University (Bangkok, Thailand); **Arsenieva V. A.**, Doctor of Economic Science, Docent; **Dzakhova L. Kh.**, Doctor of Political Science, Professor; **Drobyshevskaya L. N.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Zolochevskaja E. Yu.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Kislitsyn S. A.**, Doctor of Historic Science, Professor; **Kozlyuk N. V.**, Doctor of Economic Science, Docent; **Kolyadin A. P.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Kryukova E. M.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Milyaeva L. G.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Ovcharenko R. K.**, Doctor of Sociology, Docent; **Peshkova E. P.**, Doctor of Economic Science, Professor; **Ponedelkov A. V.**, Honorary Scientist of RF, Doctor of Political Science, Professor; **Popova E. A.**, Doctor of Political Science, Docent; **Skvortsov N. G.**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Sologub V. A.**, Doctor of Sociological Sciences, Professor; **Chernova O. A.**, Doctor of Economic Science, Docent.

Address: 344002, Russia, Rostov-on-Don, st. Pushkinskaya, 70/54.

Tel: 8-863-203-63-89,

E-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru

<http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

СОДЕРЖАНИЕ

ПРОБЛЕМЫ УПРАВЛЕНИЯ	9
А. В. Баранов, А. В. Тагаев, Н. В. Брюханова ОПТИМИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ И ШТАТНОЙ ЧИСЛЕННОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ	9
Е. А. Васюта, Т. В. Подольская ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ GOVTESH В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ОБЗОР ЛУЧШИХ МИРОВЫХ ПРАКТИК	17
Д. И. Дынник СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ	25
Н. Н. Евченко, Ван Сяохань ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОЕКТАХ КИТАЯ	32
О. В. Котлярова, А. В. Баранов ПРИНЦИП КЛИЕНТОЦЕНТРИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ	41
М. А. Овакимян, А. Б. Савченко «ЭКОСИСТЕМА» ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ЭТИКЕТ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ	49
В. В. Петрушевская, И. В. Дмитров ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ	55
А. В. Рачипа, М. А. Суржиков, С. И. Самыгин ЦИФРОВИЗАЦИЯ В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЙ: ИННОВАЦИОННЫЕ БИЗНЕС-МОДЕЛИ	64
Д. Н. Сырцов УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИЯТИЙ И ЗАЩИТА КРЕАТИВНОСТИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ	70
Н. М. Фоменко, Ю. В. Котелевская НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ	76
Н. Н. Евченко, Дэн Юе ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ: НАПРАВЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ (НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)	84
ПРОБЛЕМЫ ЭКОНОМИКИ	92
Э. А. Безуглый, В. В. Ткаченко, В. Л. Михайликов МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ	92
К. П. Еременко, В. В. Ефремов, В. Е. Иванов АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ МНОГООКЛАДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ ДОМИНАНТНЫХ ФАКТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА	98
О. А. Ищенко-Падукова, И. В. Мовчан МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ	106
Е. В. Каплюк, К. С. Руднева СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ИННОВАЦИОННОГО ЛАНДШАФТА ЮЖНОРОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ИНСТИТУТЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, ПОТЕНЦИАЛ ПЕРЕХОДА К ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКЕ	112
Т. В. Кашникова РОССИЙСКАЯ БЕДНОСТЬ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ	121
В. В. Келарев, А. А. Потопурченко МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ТУРИЗМА КАК ПРЕДМЕТА НАУЧНОГО АНАЛИЗА	125
Н. Ю. Ковалев, Г. В. Ярошенко ИНДЕКС ДОБРОВОЛЬНЫХ ПЕНСИЙ (VPI) КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ДОБРОВОЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ	133
А. Н. Козлов ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ИЗМЕНЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА	143
Е. И. Лазарева, Либин Ни ОСОБЕННОСТИ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ ПО СТИМУЛИРОВАНИЮ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ: КЕЙС ГОРОДА ХАНЧЖОУ	149
Т. А. Макареня, Али Аль-Убайди Ахмед Ибрагим Хусейн ПРОБЛЕМЫ ТОПЛИВО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ИРАКА: АНАЛИЗ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ	157
А. М. Пономарева, М. А. Пономарев SHARING КАК ИНСТРУМЕНТ МАРКЕТИНГА ОДИНОЧЕСТВА	165

ПОЛИТОЛОГИЯ И ЭТНОПОЛИТИКА	1 7 2
О. А. Артюхин, Л. Л. Иванова ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗОВ ПО ОРГАНИЗАЦИИ СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАДИКАЛЬНОЙ И ИНОЙ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ	172
М. А. Аствацатурова, Л. Х. Дзахова ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА ФОНЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: АКТУАЛЬНЫЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КЕЙСЫ.....	178
Д. К. Григорян, Е. Н. Кондратенко, В. А. Дурасенко ГРАЖДАНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТИТУТ СИСТЕМЫ ГАРАНТИЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА	187
А. А. Ковалев ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ И ГИПОТЕЗЫ ИХ БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	193
О. А. Коряковцева, А. Ю. Карпов РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОСТИ	204
С. И. Кузина, А. С. Семеренко СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ БЛАГОПРИЯТНОГО ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА	210
М. Н. Плякич ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СССР В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ: ОПЫТ И УРОКИ	215
Т. И. Просандеева, А. В. Ляхов ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РАБОТНИКОВ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: КОНТЕКСТ ДИАЛОГА ОБЩЕСТВА И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ.....	220
Е. А. Склярва ЦИФРОВИЗАЦИЯ И СТИЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ.....	226
Е. Н. Тованчова, О. А. Полякова ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ ЕВРОПЫ: ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ	231
ПРОБЛЕМЫ СОЦИОЛОГИИ	2 3 6
Ж. В. Андриевская, Н. Ю. Беликова, Р. Н. Муллаширов СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРОГРАММ МЫШЛЕНИЯ И СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ.....	236
А. В. Войтов, В. С. Медведев АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД.....	242
Я. Г. Зинченко, А. С. Рева, А. Д. Тур БУДУЩЕЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МНЕНИЙ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА	248
Д. Н. Иванова, В. И. Немчина ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ГЕОПОЛИТИКА (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ)	255
Н. С. Котова, С. С. Дукян ДИАЛОГ КАК ОСНОВА ОБРАЗОВАНИЯ И ОБЩЕСТВА: ОБРАЩАЯСЬ К НАСЛЕДИЮ МАРТИНА БУБЕРА	261
А. М. Лилюхин, Н. В. Баблюян, Л. Н. Кравченко АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ.....	267
А. М. Руденко, В. К. Биловус, И. Е. Шолудченко СОЦИАЛЬНО-МЕДИЦИНСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИ РАСПРОСТРАНЕНИИ COVID-19: НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ	273
Л. В. Рябова ОБРАЗ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ГРАНИ И ПАРАДОКСЫ.....	279
В. А. Чернышова, А. А. Иванова, Е. А. Гринченко СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ	284
С Л О В О М О Л О Д Ы М У Ч Е Н Ы М	2 9 2
И. А. Демешкин РЕСУРСЫ ДЛЯ НАСЛЕДОВАНИЯ БИЗНЕСА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЕМЬЯХ.....	292
Мэн Юйфэн ТЕОРИЯ «НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ» МАО ЦЗЭДУНА: ОПЫТ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА.....	297
А. А. Подгайко НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА	307
Г. В. Туманян, Б. З. Лызденов, В. Ф. Толпышева РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РАСПРОСТРАНЕННЫХ ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ.....	313
ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ	3 1 9

CONTENTS

PROBLEMS OF MANAGEMENT	9
<i>Alexey V. Baranov, Alexey V. Tagaev, Natalia V. Bryukhanova</i> OPTIMIZATION OF THE STRUCTURE AND STAFFING OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES AS A TOOL FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE MUNICIPALITY	9
<i>Evgenia A. Vasyuta, Tatiana V. Podolskaya</i> EXPERIENCE OF IMPLEMENTING GOVTECH TECHNOLOGY IN PUBLIC ADMINISTRATION: GLOBAL TRENDS AND WORLD'S BEST PRACTICES OVERVIEW	17
<i>Dmitry I. Dynnik</i> IMPROVING THE METHODOLOGY FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE ACTIVITIES OF STATE AUTHORITIES	25
<i>Natalia N. Yevchenko, Wang Xiaohan</i> RESEARCH ON FACTOR IDENTIFICATION OF CHINESE INTERSTATE PROJECT RISK MANAGEMENT	32
<i>Olga V. Kotlyarova, Alexey V. Baranov</i> PRINCIPLE OF CLIENT CENTRALITY IN THE PROCESS OF PERSONNEL TRAINING IN THE PUBLIC SERVICE	41
<i>Mikhail A. Ovakimyan, Anna B. Savchenko</i> "ECOSYSTEM" OF INTERACTION OF PUBLIC AUTHORITIES: MANAGEMENT DECISION-MAKING ETIQUETTE	49
<i>Viktoriya V. Petrushevskaya, Igor' V. Dmitrov</i> FOREIGN EXPERIENCE IN EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF EXECUTIVE AUTHORITIES	55
<i>Andrey V. Rachipa, Mikhail A. Surzhikov, Sergey I. Samygin</i> DIGITALIZATION IN ORGANIZATION MANAGEMENT: INNOVATIVE BUSINESS MODELS	64
<i>Dmitry N. Syrtsov</i> SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND PROTECTION OF CREATIVITY IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION	70
<i>Natalia M. Fomenko, Yulia V. Kotelevskaya</i> DIRECTIONS OF THE STATE POLICY OF INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS	76
<i>Natalia N. Yevchenko, Deng Yue</i> INTERNATIONALIZATION OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT: DIRECTIONS AND CONDITIONS OF DEVELOPMENT (CASE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA)	84
PROBLEMS OF ECONOMICS	92
<i>Eduard A. Bezugly, Vladimir V. Tkachenko, Vitaly L. Mihailikov</i> MEASURES OF STATE SUPPORT FOR RUSSIAN ENTREPRENEURSHIP UNDER SANCTIONS	92
<i>Konstantin P. Eremenko, Vadim V. Efremov, Vyacheslav E. Ivanov</i> ANTI-CRISIS MANAGEMENT OF A MULTI-LAYERED ECONOMY UNDER SANCTIONS BASED ON THE CONCEPT OF DOMINANT FACTORS OF PRODUCTION	98
<i>Oksana A. Ishchenko-Padukova, Irina V. Movchan</i> METHODOLOGICAL CONCEPTS TO THE ANALYSIS OF ECONOMIC POLICY IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION	106
<i>Ekaterina V. Kapluyk, Kristina S. Rudneva</i> STRATEGIC DIAGNOSIS OF THE INNOVATIVE LANDSCAPE OF THE SOUTHERN RUSSIAN REGIONS: INSTITUTIONS, INSTRUMENTS, THE POTENTIAL OF TRANSITION TO A CIRCULAR ECONOMIC	112
<i>Tatyana V. Kashnikova</i> RUSSIAN POVERTY IN THE NEW REALITY AND WAYS TO OVERCOME IT	121
<i>Vladimir V. Kelarev, Anastasia A. Potopurchenko</i> METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR STUDYING THE TOURISM STRATEGY AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC ANALYSIS	125
<i>Nikolay Yu. Kovalev, Galina V. Yaroshenko</i> VOLUNTARY PENSION INDEX (VPI) AS A TOOL FOR ASSESSING VOLUNTARY PENSION INSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION	133
<i>Andrey N. Kozlov</i> GEO-ECONOMIC SPACE IN THE CHANGES OF THE MODERN INFORMATION SOCIETY	143
<i>Elena I. Lazareva, Libin Ni</i> FEATURES OF CHINESE SOCIO-ECOLOGICAL-ECONOMIC POLICY TO STIMULATE SUSTAINABLE URBAN DEVELOPMENT: THE CASE OF HANGZHOU CITY	149
<i>Tatiana A. Makarenya, Obaidi Ahmed Ibrahim Hussein</i> PROBLEMS OF THE FUEL AND ENERGY COMPLEX OF IRAQ: ANALYSIS AND POSSIBLE SOLUTIONS	157
<i>Alexandra M. Ponomareva, Maxim A. Ponomarev</i> SHARING AS A TOOL OF LONELINESS MARKETING	165
POLITOLOGY AND ETHNOPOLITICS	172
<i>Oleg A. Artyukhin, Lyudmila L. Ivanova</i> PRACTICAL ACTIVITY OF UNIVERSITIES ON THE ORGANIZATION OF A SYSTEM OF COUNTERING RADICAL AND OTHER DESTRUCTIVE IDEOLOGY IN THE YOUTH ENVIRONMENT	172

Maya A. Astvatsaturova, Larisa Kh. Dzakhova POLITICAL AND MANAGEMENT PROCESS ON THE BACKGROUND OF MODERN CHALLENGES: CURRENT FEDERAL AND REGIONAL CASES.....	178
David K. Grigoryan, Evgenia N. Kondratenko, Valeria A. Durasenko CITIZENSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN INSTITUTION OF THE SYSTEM OF GUARANTEES OF INDEPENDENCE AND THE SECURITY OF THE STATE.....	187
Andrej A. Kovalev CAUSES OF INTERNATIONAL CONFLICTS AND HYPOTHESES OF THEIR FUTURE DEVELOPMENT: POLITICAL SCIENCE ASPECT.....	193
Olga A. Koryakovtseva, Andrey Yu. Karpov THE RUSSIAN POLITICAL ELITE IN THE TRANSFORMATIONAL PROCESSES OF MODERNITY.....	204
Svetlana I. Kuzina, Alina S. Semerenko MASS-MEDIA AS AN INSTRUMENT OF INFLUENCE ON THE FORMATION OF A FAVORABLE IMAGE OF THE STATE IN THE MASS CONSCIOUSNESS.....	210
Manushak N. Plyakich STATE POLICY OF THE USSR IN RELATION TO INDIGENOUS PEOPLES: EXPERIENCE AND LESSONS.....	215
Tamara I. Prosandeeva, Andrey V. Lyakhov FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE PERSONNEL POTENTIAL OF EMPLOYEES OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES: THE CONTEXT OF THE DIALOGUE BETWEEN SOCIETY AND THE STATE IN A NEW REALITY.....	220
Elena A. Sklyarova DIGITALIZATION AND STYLE OF POLITICAL THINKING.....	226
Elena N. Tovanchova, Olga A. Polyakova GEOPOLITICAL CONTOURS OF EUROPE: HISTORICAL AND METODOLOGICAL ASPECTS.....	231
SOCIOLGY PROBLEMS	2 3 6
Zhanna V. Andrievskaya, Natalya Yu. Belikova, Ruslan N. Mullashirov SOCIO-CULTURAL ANALYSIS OF SYMBOLIC PROGRAMS OF THINKING AND HUMAN SOCIAL BEHAVIOR IN RUSSIAN SOCIETY.....	236
Aleksander V. Voytov, Vadim S. Medvedev AXIOLOGICAL PROBLEMS OF CONSUMER SOCIETY IN MODERN CONDITIONS: A SOCIOLOGICAL VIEW.....	242
Yaroslava G. Zinchenko, Anastasia S. Reva, Artur D. Tur THE FUTURE OF DISTANCE LEARNING IN HIGHER EDUCATION: A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE VIEWS OF THE EDUCATIONAL PROCESS SUBJECTS.....	248
Dinara N. Ivanova, Vera I. Nemchina LINGUISTIC SITUATION AND GEOPOLITICS (RETROSPECTIVE ANALYSIS).....	255
Nina S. Kotova, Sofia S. Dukyan DIALOGUE AS THE BASIS OF EDUCATION AND SOCIETY: TURNING TO THE LEGACY OF MARTIN BUBER.....	261
Andrey M. Lilyukhin, Natalia V. Babloyan, Lidiya N. Kravchenko ADDICTIVE BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE AS ASUBJECT OF SCIENTIFIC RESERCH.....	267
Andrey M. Rudenko, Vyacheslav K. Bilovus, Inessa E. Sholudchenko SOCIO-MEDICAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES OF COVID-19: ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND GERMANY.....	273
Larisa V. Ryabova IMAGE OF PERSONALITY IN MODERN SOCIOCULTURAL SPACE: FACETS AND PARADOXES.....	279
Victoria A. Chernyshova, Anastasia A. Ivanova, Elizaveta A. Grinchenko SOCIOLOGICAL SUPPORT AS A FACTOR OF IMPROVING THE QUALITY OF EDUCATION MANAGEMENT.....	284
YOUNG SCIENTISTS	2 9 2
Ilya A. Demeshkin RESOURCES FOR BUSINESS HERITAGE IN ENTREPRENEURIAL FAMILIES.....	292
Meng Yufeng MAO ZEDONG'S THEORY OF "NEW DEMOCRACY": THE EXPERIENCE OF MORPHOLOGICAL ANALYSIS OF AN IDEOLOGICAL CONSTRUCT.....	297
Aleksei A. Podgaiko THE NEOINSTITUTIONAL NATURE OF ECONOMIC INEQUALITY.....	307
Garnik V. Tumanyan, Buda Z. Lygdenov, Valeria F. Tolpysheva REPRESENTATION IN ACCEPTED COMMUNICATIVE POLITICAL PRACTICES.....	313
REQUIREMENTS TO REGISTRATION OF ARTICLES.....	3 1 9

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 9-16
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):9-16

Проблемы управления

Научная статья

УДК 352

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-9-16

ОПТИМИЗАЦИЯ СТРУКТУРЫ И ШТАТНОЙ ЧИСЛЕННОСТИ ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО РАЗВИТИЯ МУНИЦИПАЛЬНОГО ОБРАЗОВАНИЯ

**Алексей Викторович Баранов¹, Алексей Васильевич Тагаев²,
Наталья Владимировна Брюханова³**

^{1,2,3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹bav.skags@gmail.com

²tagaevav@gmail.com

³nbruhanova@uriu.ranepa.ru

Аннотация. В статье дается обзор подходов к определению штатной численности органов местного самоуправления, проводится анализ практик отдельных регионов. Как результат, предлагается унифицированная методика оптимизации структуры и штатной численности органов местного самоуправления, основанная на комбинированном подходе. Предложенная методика апробирована на примере городского округа город-курорт Сочи Краснодарского края. Результаты ее апробации приведены в статье.

Ключевые слова: штатная численность, организационная структура, органы местного самоуправления, эффективность, социально-экономическое развитие, оптимизация

Для цитирования: Баранов А. В., Тагаев А. В., Брюханова Н. В. Оптимизация структуры и штатной численности органов местного самоуправления как инструмент социально-экономического развития муниципального образования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 9–16. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-9-16>

Problems of Management

Original article

OPTIMIZATION OF THE STRUCTURE AND STAFFING OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES AS A TOOL FOR SOCIO-ECONOMIC DEVELOPMENT OF THE MUNICIPALITY

Alexey V. Baranov¹, Alexey V. Tagaev², Natalia V. Bryukhanova³

^{1,2,3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹bav.skags@gmail.com

²tagaevav@gmail.com

³nbruhanova@uriu.ranepa.ru

Abstract. The article provides the overview of approaches to members of the local governments staff number, analyzes practitioners in certain regions. As a result, a unified methodology was taken, similar to the structure and composition of local governments, based on a combined approach. The proposed methodology was tested on the territory of the urban district of the resort city of Sochi, Krasnodar Territory. The results of its testing are presented in the article.

Key words: staff number, organizational structure, local self-government, efficiency, socio-economic development, optimization

For citation: Baranov A. V., Tagaev A. V., Bryukhanova N. V. Optimization of the structure and staffing of local self-government bodies as a tool for socio-economic development of the municipality. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):9-16. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-9-16>

Вопросы оптимизации структуры и штатной численности органов местного самоуправления уже более 10 лет привлекают внимание экспертного и научного сообщества. Однако ни одним федеральным нормативным актом не определены единые требования к типам структур и штатной численности органов местного самоуправления. По сути, каждое муниципальное образование имеет право самостоятельно определять данные параметры исходя из региональных или муниципальных нормативных правовых актов, а также ориентируясь на предельную штатную численность муниципальных служащих, определенную в каждом субъекте Российской Федерации.

Практика показывает, что каждое муниципальное образование самостоятельно определяет структуру администрации и штатное расписание отраслевых и функциональных органов местного самоуправления, основываясь только на собственном опыте и исторически сложившейся ситуации. Несомненно, важным вектором в данных процессах является структура органов власти субъекта РФ, которую многие муниципалитеты пытаются «отзеркалить» для налаживания более эффективного взаимодействия по вертикали власти.

Тем не менее, практически все муниципальные полномочия являются уникальными, в связи с чем требуют особенного подхода при формировании структуры и определении штатной численности исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления. Принципы построения организационных структур исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления представлены на рис. 1 [1].

Рис. 1. Принципы построения организационных структур исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления

Fig. 1. Principles of building organizational structures of executive and administrative bodies of local self-government

Анализ литературы и практики отдельных регионов позволил выделить три подхода к определению штатной численности органов местного самоуправления:

- в основе первого подхода лежит численность населения, проживающего на его территории [2];
- второй, самый распространенный в настоящее время, подход основан на учете средней трудоемкости функций, исполняемых органами местного самоуправления [3–4];
- третий подход предполагает учет экзогенных факторов, среди которых цели и задачи стратегий и программ социально-экономического развития, темпы и уровень социально-экономического развития территорий, социально-демографический состав населения и др. [1; 5–7].

При этом субъектами Российской Федерации самостоятельно устанавливаются нормы штатной численности выборных должностных лиц местного самоуправления, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе, и муниципальных служащих в исполнительно-распорядительных органах муниципальных образований. Рассмотрим практику некоторых из них.

Так, например, Министерством региональной политики и массовых коммуникаций Ростовской области сформированы нормы штатной численности выборных должностных лиц местного самоуправления, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе, и муниципальных служащих в исполнительно-распорядительных органах муниципальных

образований в Ростовской области на 2023 – 2025 годы¹. В зависимости от численности постоянного населения сформированы группы муниципальных образований, в том числе с разбивкой по муниципальным районам и городским поселениям, в соответствии с которыми определены нормативы штатной численности.

Согласно методическим рекомендациям по определению численности работников органов местного самоуправления муниципального образования Иркутской области норматив численности муниципальных служащих местной администрации определяется как сумма базового норматива численности муниципальных служащих местной администрации и дополнительного норматива численности муниципальных служащих местной администрации. Базовый норматив устанавливается в зависимости от численности населения муниципального образования. При этом в отдельных случаях учитывается количество вопросов местного значения, закрепленных за территорией. Что же касается дополнительного норматива, то он определяется в зависимости от объема валовой продукции всех категорий хозяйств муниципального образования, количества сельскохозяйственных организаций, осуществляющих деятельность на территории муниципального образования и др.²

Краснодарский край использовал другой подход. Согласно п. 5 Методики расчета нормативов формирования расходов на оплату труда депутатов, выборных должностных лиц местного самоуправления, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе, муниципальных служащих и содержание органов местного самоуправления муниципальных образований Краснодарского края³ нормативная штатная численность муниципального образования рассчитывается по формуле:

$$\text{НШ}_i = \text{БНЧ}_i \times \text{ЧН}_i \times \text{ПКЧ}_{gi} / 10, \text{ где:}$$

НШ_i – нормативная штатная численность по *i*-му городскому округу;

БНЧ_i – базовый норматив численности депутатов, выборных должностных лиц местного самоуправления, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе, муниципальных служащих в расчете на 10 тыс. жителей, полученный расчетно и равный 27 единицам;

ЧН_i – численность населения *i*-го городского округа;

ПКЧ_{gi} – поправочные коэффициенты по нормативной штатной численности по группам городских округов. Методикой предусмотрена группировка городских округов и муниципальных районов на 6 групп. При этом поправочные коэффициенты по нормативной штатной численности по группам городских округов устанавливаются в зависимости от численности постоянного населения территории.

Южно-Российским институтом управления – филиалом РАНХиГС в рамках реализации муниципального контракта от 30.04.2021 № 5/ДМСиКП/2021 выполнены научно-исследовательские работы по разработке научно-обоснованных предложений по повышению эффективности организации деятельности исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления городского округа город-курорт Сочи Краснодарского края.

В частности, проведен расчет штатной численности муниципальных служащих отраслевых, функциональных и территориальных структурных подразделений администрации городского округа город-курорт Сочи Краснодарского края.

Численность постоянного населения город-курорт Сочи на 01.01.2022 года по официальным данным государственной статистики составляет 519 156 человек⁴. Городской округ можно отнести к 1 группе (с численностью населения свыше 500 тыс. чел.), соответственно поправочный коэффициент ПКЧ_{gi} составит 0,7.

¹ О нормативах штатной численности выборных должностных лиц местного самоуправления, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе, и муниципальных служащих в исполнительно-распорядительных органах муниципальных образований Ростовской области на 2023 – 2025 годы // <https://www.donland.ru/result-report/1456/>

² Приказ Министерства труда и занятости Иркутской области от 14.10.2013 № 57-мпр «Об утверждении методических рекомендаций по определению численности работников органов местного самоуправления муниципального образования Иркутской области» (с изменениями на 8 февраля 2022 года).

³ Постановление Главы администрации (Губернатора) Краснодарского края от 07.11.2018 №716 «О внесении изменений в некоторые нормативные правовые акты главы администрации (губернатора) Краснодарского края и об утверждении нормативов формирования расходов на оплату труда депутатов, выборных должностных лиц местного самоуправления, осуществляющих свои полномочия на постоянной основе, муниципальных служащих и содержание органов местного самоуправления муниципальных образований Краснодарского края».

⁴ Управление Федеральной службы государственной статистики по Краснодарскому краю и Республике Адыгея (Краснодарстат) // [https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/Ocenka22\(3\).htm](https://krsdstat.gks.ru/storage/mediabank/Ocenka22(3).htm)

Установим нормативную штатную численность муниципальных служащих городского округа города-курорта Сочи

$$\text{НШ} = 27 \times 519,156 \times 0,7 / 10 = 981 \text{ шт. ед.}$$

По той же формуле определим нормативную штатную численность муниципальных служащих администраций внутригородских районов городского округа города-курорта Сочи¹ (табл. 1).

Таблица 1 – Нормативная штатная численность муниципальных служащих администраций внутригородских районов городского округа города-курорта Сочи

Table 1 – Standard number of municipal employees of administrations of intracity districts of the urban district of the resort city of Sochi

Внутригородской район	Численность постоянного населения на 01.01.2022	Значение поправочного коэффициента ПКЧ _{gi}	Нормативная штатная численность, шт.ед.
Адлерский район	139 947	0,884	234
Лазаревский район	96 130	1,33	242
Хостинский район	98 252	1,33	247
Центральный район	184 827	0,884	309

Стоит отметить, что полученные значения штатной численности муниципальных служащих определены как для администраций внутригородских районов, так и для всех сельских округов, входящих в его состав.

Однако уникальность администрации городского округа города-курорта Сочи заключается в том, что в ее состав входят как 4 администрации внутригородских районов (привязанные к территории и численности населения), так и «головная» администрация самого городского округа города-курорта Сочи (осуществляющая координацию работы на территории всего городского округа, в том числе работу администраций внутригородских районов). В связи с этим полученные расчетные значения никак не коррелируются с фактической штатной численностью муниципальных служащих администраций внутригородских районов – они существенно меньше.

Одним из направлений выполнения научно-исследовательских работ по разработке научно-обоснованных предложений по повышению эффективности организации деятельности исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления городского округа город-курорт Сочи Краснодарского края стало проведение фотографии рабочего времени муниципальных служащих отраслевых, функциональных и территориальных структурных подразделений.

В результате было определено, что оптимальной штатной численностью для «головной» администрации будет 736 шт. ед. Следовательно численность муниципальных служащих внутригородских районов должна составить 981 - 736 = 245 шт. ед. (табл. 2).

Таблица 2 – Распределение штатной численности по внутригородским районам городского округа город-курорт Сочи Краснодарского края

Table 2 – Distribution of staffing by intracity districts of the urban district of the resort city of Sochi, Krasnodar Territory

Внутригородской район	Численность постоянного населения на 01.01.2022	Доля численности населения в общем населении городского округа, %	Кол-во штатных единиц муниципальных служащих (245 шт.ед.*ст.3)
Адлерский район	139 947	26,96	66
Лазаревский район	96 130	18,52	45
Хостинский район	98 252	18,93	46
Центральный район	184 827	35,60	87

Сравним полученные значения с фактической штатной численностью внутригородских районов (табл. 3).

¹ Внутригородские районы г. Сочи не являются самостоятельными муниципальными образованиями и в чистом виде применять формулу расчета нормативной штатной численности нельзя, но в целях проведения научно-исследовательских работ было сделано подобное допущение.

Таблица 3 – Сравнительный анализ полученных значений с фактической штатной численностью внутригородским районов городского округа город-курорт Сочи Краснодарского края

Table 3 – Comparative analysis of the obtained values with the actual staffing of intracity districts of the urban district of the resort city of Sochi, Krasnodar Territory

Внутригородской район	Фактическое значение муниципальных служащих, шт.ед.			Оценочное количество муниципальных служащих, шт.ед.	Отклонение фактического значения от оценочного
	всего	из них в районе	из них в сельских округах		
Адлерский район	114	85	29	66	+73%
Лазаревский район	113	84	19	45	+151%
Хостинский район	74	62	12	46	+61%
Центральный район	76	76	-	87	-13%

Сравнительный анализ, представленный в табл. 3, свидетельствует о значительном отклонении оценочных значений от фактических в связи с тем, что ранее мы «закрепили» штатную численность администрации городского округа, а численность муниципальных служащих внутригородских районов считали по остаточному принципу.

Таким образом, действующие методические рекомендации не могут быть в полной мере применены к рассматриваемой ситуации, так как не учитывают дополнительные (индивидуальные) факторы, влияющие на формирование оптимального количества муниципальных служащих на определенной территории, в том числе по следующим причинам:

- территориальная протяженность города-курорта Сочи;
- численность временно прибывающего населения (туристы), кратно превышающая численность постоянного населения города-курорта;
- большое число чрезвычайных ситуаций, обусловленных климатическими и природными факторами и др.

Кроме того, методика не учитывает стратегические цели и задачи программ социально-экономического развития территории. Поэтому организационная структура, построенная на результатах проведенных расчетов не будет соответствовать принципам построения организационной структуры администрации муниципального образования, приведенным выше.

На основании изложенного, для определения структуры и оптимального количества муниципальных служащих администраций городского округа и внутригородских районов рекомендуется использовать методику, основанную на комбинированном подходе, которая включает в себя инвентаризацию состава полномочий (функций) должностных лиц; выявление нереализуемых, избыточных и/или дублирующих функций с последующим их исключением; дополнение функций с учетом приоритетов стратегического развития муниципального образования; определение фактических и средних трудозатрат с поправкой на количество постоянно проживающего на территории населения; оценку кадровых потребностей (рис. 2).

Оценка кадровой потребности исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления определяется посредством комплексной, научно обоснованной методики определения штатной численности органов государственной власти и местного самоуправления, в основе которой положен трёхзвенный концептуальный алгоритм: «полномочия – функции (виды работ) – трудозатраты» [8].

Итогом реализации данного этапа является определение оптимального количества муниципальных служащих в конкретном структурном подразделении, необходимых для осуществления государственных и муниципальных полномочий с учетом стратегических целей и задач. Он предполагает высвобождение избыточной численности муниципальных служащих, перераспределение и перевод части служащих в другие подразделения, а также восполнение кадровых потребностей из внешних источников. Это позволило выявить резерв для создания нового структурного подразделения – департамента реализации проектов комплексного развития со штатной численностью 13 единиц.

В табл. 4 представлены результаты расчета фактических трудозатрат муниципальных служащих администраций внутригородских районов городского округа города-курорта Сочи.

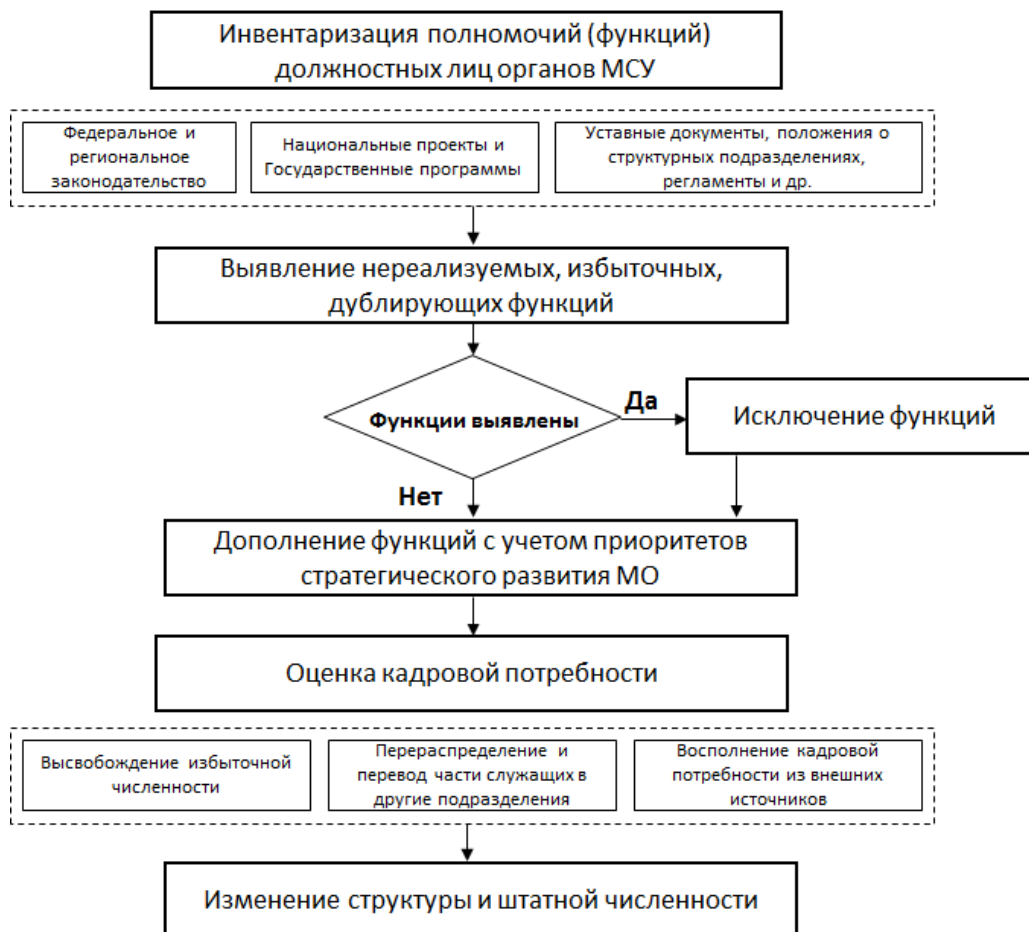

Рис. 2. Унифицированная методика оптимизации структуры и штатной численности органов местного самоуправления

Fig. 2. Unified methodology for optimizing the structure and staffing of local governments

Таблица 4 – Сравнительный анализ фактической и оптимальной (расчетной) штатной численности администраций внутригородских районов городского округа города-курорта Сочи Краснодарского края

Table 4 – Comparative analysis of the actual and optimal (estimated) staffing of administrations of intracity districts of the urban district of the resort city of Sochi, Krasnodar Territory

Внутригородской район	Фактическая штатная численность, шт. ед.	Оптимальная (расчетная) штатная численность, шт. ед.	Отклонение фактического значения от рассчитанного, -/+
Адлерский район	85	81	- 4
Лазаревский район	84	83	- 1
Хостинский район	62	62	0
Центральный район	76	92	+ 16

Дополнительные 16 шт. ед. рекомендовано распределить по следующим направлениям:

- жилищно-коммунальное хозяйство и благоустройство территории;
- земельно-имущественные отношения и архитектура;
- физическая культура, спорт и молодежная политика;
- социальное развитие;
- вспомогательные подразделения.

На основании проведенных расчетов была разработана типовая структура администрации внутригородского района городского округа города-курорта Сочи Краснодарского края линейно-функционального типа, которая предусматривает 5 заместителей главы администрации и включает в себя 20 функциональных и обеспечивающих структурных подразделений.

Таким образом, процессы оптимизации штатной численности и организационной структуры органов местного самоуправления требуют многогранного (комбинированного) подхода, основанного как на учете численности постоянного населения конкретного муниципального образования, так и расчета фактических и средних трудозатрат структурных подразделений исполнительно-распорядительных органов местного самоуправления. При этом при определении перечня полномочий и функций наряду с законодательными актами и уставными документами во главу угла необходимо ставить стратегические цели и задачи социально-экономического развития территории, что позволит повысить результативность деятельности муниципальных служащих. Предложенная методика является универсальной и может быть использована для оптимизации структуры и штатной численности органов местного самоуправления во всех субъектах Российской Федерации.

Список литературы

1. Маслов И. С., Слинко А. А. Подходы к формированию организационной структуры органов местного самоуправления: региональный аспект // Регион: системы, экономика, управление. 2017. №2(37). С. 122–26.
2. Жуков А.П. Метод определения оптимального количества государственных и муниципальных служащих // Вестник ГУУ. 2012. №4. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-opredeleniya-optimalnogo-kolichestva-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-sluzhaschih> (дата обращения: 13.09.2022).
3. Горшков А. С. Об едином подходе к определению численности государственных служащих исполнительных органов власти: методика расчета // Управленческое консультирование. 2009. № 3. С. 5–13.
4. Рудой В. В., Овакимян М. А. Штатная численность государственных гражданских служащих: рекомендации к ее нормированию // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2014. № 4. С. 26–31.
5. Борщевский Г. А. Прогнозирование численности управленческого аппарата с учетом тенденций социально-экономического развития // Вопросы государственного и муниципального управления. 2020. № 2. С. 55–84.
6. Буров А. В., Овакимян М. А. Современные подходы и методы нормирования численности федеральных государственных гражданских служащих и их совершенствование // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС. 2015. № 1. С. 16–24.
7. Добролюбова Е. И., Южаков В. Н., Александров О. В., Шебураков И. Б., Логунов М. А., Киселева Е. В., Рудко А. М. Нормирование численности государственных гражданских служащих в сфере осуществления контроля (надзора) и предоставления государственных услуг. М.: Дело, 2015.
8. Рудой В. В. Штатная численность органов государственной власти и местного самоуправления (современные подходы к её нормированию) // Власть. 2009. №9. С. 77–80.

References

1. Maslov I. S., Rudnev V. M., Slinko A. A. Approaches to formation of organizational structure of local governments: a regional perspective. *Region: sistemy, ekonomika, upravlenie = Region: systems, economics, management*. 2017;2(37):122–126. (In Russ.)
2. Zhukov A.P. Method of determining the optimal number of state and municipal employees. *Vestnik GUU = Bulletin of GUU*. 2012;(4). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/metod-opredeleniya-optimalnogo-kolichestva-gosudarstvennyh-i-munitsipalnyh-sluzhaschih> [Accessed 13.08.2022]. (In Russ.)
3. Gorshkov A. S. About a unified approach to determining the number of executive authorities state employees: calculation methodology. *Upravlencheskoe konsultirovanie = Management consulting*. 2009;(3):5–13. (In Russ.)
4. Rudoy V. V., Ovakimyan M. A. Staff number of state civil servants: recommendations for Its Normalization. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2014;(4):26–31. (In Russ.)

Problems of Management

Baranov A. V., Tagaev A. V., Bryukhanova N. V. Optimization of the structure and staffing of local self-government bodies...

5. Borschevsky G. A. Forecasting the Management Apparatus Enrollment Taking into Account the Trends of Socio-Economic Development. *Voprosy gosudarstvennogo i munitsipal'nogo upravleniya = Public Administration Issues*. 2020;(2):54–84 (in Russ.)

6. Burov A. V., Ovakimyan M. A. Modern approaches and methods of rationing the number of federal state civil servants and their improvement. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2015;(1):16–24. (in Russ.)

7. Dobrolyubova E. I., Yuzhakov V. N., Alexandrov O. V., Sheburakov I. B., Logunov M. A., Kiseleva E. V., Rudko A. M. *Rationing the Number of State Civil Servants in the Sphere of Control (Supervision) and Provision of Public Services*. Moscow: Delo; 2015. (in Russ.)

8. Rudoy V. V. The staff number of state and local authorities (modern approaches to its rationing). *Vlast' = The Authority*. 2009;(9):77–80. (in Russ.)

Информация об авторах

А. В. Баранов – зам. директора ЮРИУ РАНХиГС;

А. В. Тагаев – канд. экон. наук, директор информационно-технологического центра ЮРИУ РАНХиГС;

Н. В. Брюханова – канд. экон. наук, доц., директор учебно-научного центра ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

A. V. Baranov – Deputy Director of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА;

A. V. Tagaev – Candidate of Economic Sciences, Director of the Information Technology Center of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА;

N. V. Bryukhanova – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Director of the Educational and Scientific Center of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.08.2022; одобрена после рецензирования 08.09.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 24.08.2022; approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Научная статья

УДК 339.9

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-17-24

ОПЫТ ВНЕДРЕНИЯ ТЕХНОЛОГИИ GOVTECH В ГОСУДАРСТВЕННОМ УПРАВЛЕНИИ: ГЛОБАЛЬНЫЕ ТРЕНДЫ И ОБЗОР ЛУЧШИХ МИРОВЫХ ПРАКТИК

Евгения Александровна Васюта¹, Татьяна Валентиновна Подольская²

^{1, 2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹vasyuta-ea@uriu.ranepa.ru

²podolskayat@uriu.ranepa.ru

Аннотация. Сегодня, во времена широкого развития новых технологий, органы власти начинают использовать их для взаимодействия с обществом. Пандемия COVID-19 наглядно продемонстрировала значимость цифровых компетенций не только для общества, но и для государства. Потенциал для рынка GovTech существенен, однако необходимы экономические предпосылки, чтобы, потенциал смог стать перспективной точкой роста в сфере государственного и муниципального управления. В статье определены основные тенденции, игроки и прогнозы развития данной индустрии. Также в рамках исследования проведен обзор цифровой зрелости систем государственного управления различных стран, проанализированы значения рейтинга Digital Government Index, а также даны рекомендации для развития отечественного сектора GovTech, необходимого для создания эффективной экосистемы стартапов по этому направлению.

Ключевые слова: государственное управление, цифровизация, технология GovTech, умный город, искусственный интеллект, большие данные, бесшовные технологии

Для цитирования: Васюта Е. А., Подольская Т. В. Опыт внедрения технологии GovTech в государственном управлении: глобальные тренды и обзор лучших мировых практик // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 17–24. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-17-24>

Problems of Management

Original article

EXPERIENCE OF IMPLEMENTING GOVTECH TECHNOLOGY IN PUBLIC ADMINISTRATION: GLOBAL TRENDS AND WORLD'S BEST PRACTICES OVERVIEW

Evgenia A. Vasyuta¹, Tatiana V. Podolskaya²

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹vasyuta-ea@uriu.ranepa.ru

²podolskayat@uriu.ranepa.ru

Abstract. Today, at a time of widespread development of new technologies, the authorities are beginning to use them to interact with society. The COVID-19 pandemic has clearly demonstrated the importance of digital competencies not only for society, but also for the state. The potential for the GovTech market is significant, but economic prerequisites are needed so that the potential can become a promising growth point in the field of public and municipal administration. The article identifies the main trends, players and forecasts of the development of this industry. Also, as part of the study, an overview of the digital maturity of public administration systems in various countries was conducted, the values of the Digital Government Index rating were analyzed, and recommendations were given for the development of the domestic GovTech sector necessary to create an effective ecosystem of startups in this area.

Keywords: public administration, digitalization, GovTech technology, smart city, artificial intelligence, big data, seamless technologies

For citation: Vasyuta E. A., Podolskaya T. V. Experience of implementing GovTech technology in public administration: global trends and world's best practices overview. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):17-24.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-17-24>

На современном этапе развития наблюдается тенденция, связанная с ростом принципиально новых технологических решений, которые зачастую реализуются через стартапы и используют новые цифровые продукты и услуги. Важно, что происходит формирование и принципиально новых сфер экономической деятельности, выходящие за рамки традиционных понятий. Формирование этих новых сфер происходит путем интеграции традиционных сегментов деятельности и технологической сферы, а терминология, определяющая новое направление, путем добавления суффикса *tech* к существующим обозначениям.

Одним из таких развивающихся направлений является GovTech (Гостех), которое представляет собой целый комплекс технологий, необходимый для предоставления государственных услуг населению в цифровой среде¹, что существенно повышает доступность и оперативность их предоставления, и, как следствие, эффективность работы органов государственной власти. Важно отметить, что развитие рынка GovTech является одним из индикаторов эффективности реализации стратегий цифровой трансформации в сфере государственного и муниципального управления.

Особую роль в стимулировании развития сферы GovTech сыграла пандемия COVID-19, которая наглядно продемонстрировала значимость цифровых компетенций не только для общества, но и для государства. Сделав системные выводы и оценив угрозы, сформировавшиеся в период жестких локдаунов, введенных из-за распространения COVID-19, рынок GovTech продолжает набирать обороты по всему миру. Если в 2019 г. объем рынка GovTech составлял порядка 400 миллиардов долларов, то к 2025 г. по прогнозам экспертов он может вырасти до отметки 1 триллион долларов [1]. Показательным фактом влияния пандемии COVID-19 на динамичное развитие сферы GovTech представляется то, что премию Future Unicorn Award в 2020 г. получил стартап Corti, который работает на стыке мед- и гостеха².

Сегодня рынок GovTech объединяет в себе несколько технологических отраслей:

- технология Smart City предназначена для управления городским хозяйством, например, умные системы освещения, управление обращением городскими отходами, интеллектуальные транспортные системы. При этом заказчиком и потребителем услуг в этой сфере являются местные органы власти (B2G) [2, с. 32];

- технология UrbanTech предназначена для повышения качества жизни городского населения (потребителями является городское население – B2C) посредством предоставления разнообразных платформенных решений: доставка продуктов, каршеринг и карпулинг, транспортные сервисы и т.д.³;

- технология CivicTech упрощает процесс коммуникации между B2G и B2C, когда речь идет о решении важных социальных вопросов. Технологическими решениями, позволяющими обеспечить взаимодействие подобного рода являются платформы для взаимодействия правительства и граждан, платформы гражданского картирования и т.д.⁴

- непосредственно технология GovTech предназначена для предоставления государственных услуг населению и повышению эффективности деятельности органов государственной власти. Потребителями данных услуг являются органы власти, а также различные государственные институты – суды, больницы, школы и т.д. Реализация подобных услуг возможна посредством использования платформ городского планирования, технологических решений в области бюджетно-финансовой и закупочной сферы и т.д. Примеры международных компаний, предоставляющие технологические решения на рынке GovTech представлены в табл. 1.

---

¹ GovTech. Europe's next opportunity [Электронный ресурс]. URL:

https://www.accenture.com/_acnmedia/pdf-90/accenture-govtech-pov.pdf (дата обращения 14.07.2022).

² Future Unicorn Award 2020 [Электронный ресурс]. <https://www.digitaleurope.org/future-unicorn-award-2020-2/> (дата обращения 14.07.2022).

³ Smart City и Urban Tech: в чем разница? [Электронный ресурс]. URL: <https://vc.ru/future/163095-smart-city-i-urban-tech-v-chem-raznica> (дата обращения 12.07.2022).

⁴ What Is Civic Technology? [Электронный ресурс]. URL:

<https://www.forbes.com/sites/quora/2017/09/19/what-is-civic-technology/?sh=8d3646c3eccc1> (дата обращения 12.07.2022).

Таблица 1 – Основные сферы деятельности GovTech с примерами компаний¹

Table 1 – GovTech Core Business Areas with Company Examples

Направление GovTech	Пример компании, предоставляющей соответствующие технологические решения
IT-поддержка принятия решений	Chaos, Citibeats, Civocracy, Zencity, OSCity, Datactics
Кибербезопасность и мониторинг	Blackberry, Syneren, Verint, Clarity, Plume Labs, Elichens
Городское планирование	Mapillary, Azavea, Calthorpe Analytics
Общественная безопасность	Palantir, Mark43, Synapse
Управление отходами	Enway, Enevo, Ecube
Умный транспорт	Swiftly, Doublemap, Citymapper, Shuttl, Mobike, Optibus
Электронное правительство	Kompany, Sigalei, Moni
Энергосберегающие решения	Opusone, Telensa, Trilliant

Однако реализация технологических решений, предоставляемых вышеуказанными компаниями в первую очередь зависит от того, на каком этапе цифровой зрелости находится система государственного управления того или иного государства (рис. 1)².

Рис. 1. Этапы цифровой зрелости систем государственного управления

Fig. 1. Stages of digital maturity of public administration systems

В рамках Политики цифрового правительства (DGP), определенной Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР), зрелое цифровое правительство характеризуется следующими чертами³:

- является цифровым. В данном случае цифровые технологии могут быть использованы с целью упрощения процесса оказания соответствующих услуг, а также повышения эффективности коммуникации с заинтересованными сторонами;
- процесс управления происходит в результате анализа данных, которые являются своеобразным стратегическим активом и устанавливают механизмы управления, совместного использования и повторного использования для улучшения принятия решений и предоставления услуг;
- ключевым принципом работы зрелого цифрового правительства можно считать его позиционирование как единой цифровой платформы, главная задача которой заключается в том, чтобы собрать воедино все государственные услуги, отвечающие всем потребностям пользователей. Более того, подобный механизм способен предвосхитить потребности людей и быстро отреагировать на них, избегая необходимости в громоздких процессах предоставления услуг;

¹ Маркетинговое исследование Vinci Research. Отрасль GovTech — 155 кейсов ведущих компаний [Электронный ресурс]. URL: <https://vincipr.com/wp-content/uploads/2021/11/gov-tech-issledovanie-vinci-research.pdf> (дата обращения 12.07.2022).

² Public Governance and Territorial Development Directorate. Recommendation of the Council on Digital Government Strategies [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/gov/digital-government/Recommendation-digital-government-strategies.pdf> (дата обращения 12.07.2022)

³ The OECD Digital Government Policy Framework. Six dimensions of a Digital Government. OECD Public Governance Policy Papers N02 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd.org/governance/the-oecd-digital-government-policy-framework-f64fed2a-en.htm> (дата обращения 12.07.2022).

– наличие открытых данных, описывающих процессы разработки соответствующих IT-продуктов государственного профиля, которые доступны в рамках действующего законодательства и соответствуют национальным и общественным интересам;

– главными субъектами управления являются пользователи, которые ориентируются в первую очередь на свои потребности и удобство получения необходимых услуг.

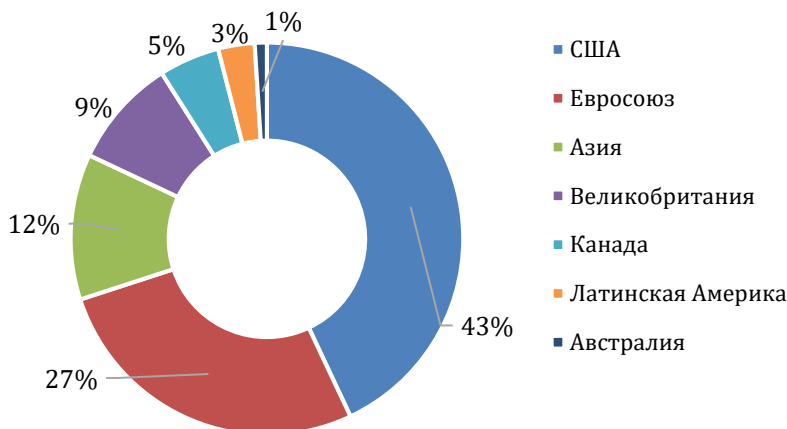
Так о степени цифровой зрелости системы государственного управления можно судить и по данным рейтинга Digital Government Index, составляемого ОЭСР (табл. 2).

Таблица 2 – ТОП- 5 стран по уровню цифровой зрелости по состоянию на 2019 г.¹

Table 2 – 5 Countries by Digital Maturity, 2019

Ранг	Страна	Значение
1	Великобритания	0,90
2	Корея	0,89
3	Португалия	0,85
4	Канада	0,82
5	Колумбия	0,79

Однако значения данного рейтинга можно трактовать весьма неоднозначно, так как распределение компаний рынка GovTech по регионам мира выглядит следующим образом (рис. 2).

Рис. 2. Распределение компаний рынка GovTech по регионам мира в 2019 г.²

Fig. 2. GovTech Market Company Breakdown by Region of the World, 2019

Численное преимущество американских компаний даже на тот период времени вполне объяснимо, так как в системе государственного и местного управления США занято более 19 миллионов человек. На обслуживание данной области ежегодно потрачено порядка 3 триллионов долларов. Это связано с тем, что Федеральным правительством было признан существенный разрыв в инновациях. В результате этого был принят закон, стимулирующий процесс ускоренного внедрения инноваций в государственном секторе. Это позволило вовлечь в этот процесс 50 штатов, 3000 округов, 19 000 городов и 38 000 других населенных пунктов³.

Однако стоит обратить внимание на то, что во всем мире сегодня выделяют шесть ключевых технологий, развитие которых необходимо для построения зрелых цифровых систем государственного управления. Можно предположить, что именно они позволят обеспечить

¹ Digital Government Index 2019 results. OECD Public Governance Policy Papers N03 [Электронный ресурс]. URL: <https://www.oecd-ilibrary.org/docserver/4de9f5bb-en.pdf?expires=1657643566&id=id&accname=guest&checksum=2D0BC7A16804DB5599D211713D9A0E91> (дата обращения 12.07.2022).

² Маркетинговое исследование Vinci Research. Отрасль GovTech — 155 кейсов ведущих компаний [Электронный ресурс]. URL: <https://vincipr.com/wp-content/uploads/2021/11/gov-tech-issledovanie-vinci-research.pdf> (дата обращения 12.07.2022).

³ Там же.

предоставление бесшовных государственных услуг, которые в свою очередь позволят учесть запросы потребителей соответствующих услуг.

К основным из них можно отнести¹: внедрение искусственного и эмоционального интеллекта, интеграцию человеческой и машинной деятельности, обработку естественного языка, реализацию принципа «все как услуга», развитие гибридной и мультиоблачной инфраструктуры, блокчейн.

Технологиями с наибольшим потенциальным эффектом в сфере государственного и муниципального управления считаются:

1. Искусственный интеллект. Ожидается стремительный рост приложений, построенных на использовании данной технологии в трех основных направлениях:

- B2C- приложения на основе искусственного интеллекта;
- IT-решения, предназначенные для организации труда государственного служащего (например, документооборот);
- системы искусственного интеллекта, предназначенные для оперативного управления и принятия важных стратегических решений.

2. Активное использование роботов и чат-ботов в деятельности госструктур. Это позволит избежать рутинной работы и сосредоточиться на задачах, которые требуют «человеческого участия», творческих навыков, аналитического мышления и эмоционального интеллекта;

3. Постепенный переход к гибкой облачной инфраструктуре и общим API, что позволит не только разрабатывать новые совместные проекты, реализуемые несколькими органами власти, но и создавать, и в дальнейшем передавать бесшовный опыт получения услуг для пользователей (например, суперприложения в области госуслуг).

Так, к основным трендам развития мирового рынка GovTech можно отнести следующее²:

- разработка услуг с учетом потребностей пользователей. Предполагает персонализацию государственных услуг вокруг важных жизненных ситуаций (рождение ребенка или смерть родственника, поиск работы и т.д.) Городские жители теперь становятся не только клиентами соответствующих услуг, но и важными субъектами, участвующими в проектировании этих услуг. В связи с этим происходит активное использование поведенческой психологии при разработке соответствующих сервисов.

Так, например, в Израиле существует персонализированная цифровая платформа DigiTel, на которой собрана информация не только о существующих госуслугах, но и культурных и развлекательных мероприятиях. Причем предоставляемая информация сгенерирована с учетом интересов пользователей, их местоположения и сложившейся жизненной ситуации. А во Франции существует механизм, который называется «Партисипаторное бюджетирование». Благодаря нему происходит формирование городского бюджета, причем активное участие принимают и жители территорий, голосуя за приоритетные направления;

- управление на основе данных. В современных реалиях данные становятся важнейшим стратегическим активом, необходимым для разработки государственной политики, осуществляемой в режиме реального времени. Именно в этом случае можно говорить о повышении эффективности и адресности предоставляемых государственных услуг, а также о создании общей инфраструктуры для управления данными и разработке новых сервисов. Также уже сейчас в Сингапуре существует единая городская онлайн-платформа Virtual Singapore. Эта платформа представляет собой единую трехмерную модель города и обновляется в режиме реального времени³. Пользователи этой платформы имеют возможность увидеть цифровые «двойники» объектов городской инфраструктуры и получить детальную информацию о них. А в Финляндии существует проект NOPE, который осуществляет мониторинг качества воздуха

¹ Tech Savvy: Advancing GovTech Reforms in Public Administration URL: <https://documents1.worldbank.org/curated/en/099400004112257749/pdf/P1754970d6c6420f00ab5905f7004ba9c2f.pdf> (дата обращения 12.07.2022)

² Тренды и направления развития GOVTECH. [Электронный ресурс]. URL: <https://innoagency.ru/files/govtech8.pdf> (дата обращения 12.07.20 22).

³ Government Technologies: новая цифровая реальность для государства [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/future/145740-government-technologies-novaya-cifrovaya-realnost-dlya-gosudarstva> (дата обращения 14.07.20 22).

на основе данных, собираемых не только со станций, но ориентируясь на данные, которые предоставляют местные жители через приложения;

– проактивное правительство. Заинтересовано в ускоренной разработке и внедрении инноваций. Также оно стремится к предсказанию не только проблем, но и потребностей, возникающих в рамках городской среды до их непосредственного возникновения. Данный процесс происходит за счет комплексного анализа и попыток построения предиктивных моделей на основе больших данных. Так значительный интерес представляет опыт ОАЭ, где в конце 2019 года был создан экспериментальный Департамент проактивных государственных услуг. Именно эта госструктура продолжает заниматься разработкой новых государственных услуг, предварительно проанализировав наиболее значимые жизненные ситуации. А в США создан Департамент полиции, главная задача которого заключается в предсказании будущих преступлений на основе существующих моделей машинного обучения. Наиболее популярным IT-продуктом является Patternizr, где собраны десятилетние исторические данные;

– полностью автоматизированные и одновременно интегрированные услуги. В данном случае можно говорить об активном внедрении принципа «невидимого» правительства. В результате реализации этого тренда происходит не только расширенная автоматизация, но роботизация услуг. Популярностью пользуются чат-боты, более того, прогнозируется, что почти половина всех поисковых запросов в области поиска тех или иных государственных услуг будет происходить посредством применения voice-технологий. Также достаточно активно идет процесс создания бесшовных суперприложений, позволяющий осуществлять более эффективное взаимодействие между различными госструктурами, которое необходимо для оказания комплексных услуг.

В некоторых странах существуют подобные механизмы: в Эстонии, например, суперприложение Child life-event располагает целым комплексом услуг, связанных с рождением ребенка, которые предоставляются проактивно и автоматически. Подобные приложения также существуют в Сингапуре (Moments of life) и Новой Зеландии (Smart Start). А в Калифорнии существует специальный цифровой навигатор, позволяющий проанализировать возможности получения грантовой поддержки для бизнеса в соответствующем регионе;

– открытость и развитие взаимодействия между всеми участниками рынка. Предполагает высокую степень прозрачности и открытости не только деятельности органов государственной власти, но и сотрудников госорганизаций. В этой связи происходит и развитие сотрудничества как внутри самой государственной структуры, так и с другими участниками инновационной экосистемы, то есть очевиден процесс реализации межведомственных, а иногда и межотраслевых проектов. Так в Австралии в рамках программы IP Australia Global Artificial Intelligence Network (IP GAIN) была выдвинута инициатива по развитию международного сотрудничества и совместного использования программных продуктов и открытых API в области искусственного интеллекта. Важно, что представленные данные доступны для любых сторонних организаций. А в Индии благодаря платформе ipaidabrike.com жители могут сообщить о коррупционных действиях, совершаемых со стороны городских властей;

– развитие культуры экспериментов. Предполагает повышение гибкости со стороны различных государственных органов и структур. Также растет и увеличение скорости закупки новых сервисов исходя из возможности их тестирования в безопасной среде. Так, например, в Финляндии в рамках программы Experimental Finland выдвинуто предложение по интеграции культуры экспериментов в разработку специализированных IT-продуктов для государственного сектора. Поступающие идеи оперативно тестируются, и в случае положительного заключения запускаются в виде небольших пилотных проектов. Прогнозируется, что к 2025 г. Финляндия намерена стать мировым лидером в области разработки новых решений посредством проведения различных экспериментов. А в Мехико при мэрии города создана специализированная лаборатория инноваций, которая занимается разработкой и дальнейшим тестированием новых городских сервисов, активно вовлекая в этот процесс население.

Сфера GovTech развивается крайне динамично. Это видно по данным рейтинга уровня развития электронного правительства ООН (E-Government Development Index, EGDI), публикуемой раз в два года. Несмотря на то, что Россия в последнем опубликованном в 2020 году рейтинге осталась в группе стран-лидеров с «очень высоким» EGDI, тем не менее она опустилась

на 4 позиции по сравнению со своими показателями 2018 года¹. Это свидетельствует о том, что темпы развития сферы GovTech в России стали отставать от динамичного развития в других странах. И страны-лидеры по уровню развития электронного правительства регулярно менялись: Дания в рейтинге 2020 и 2018 года, Великобритания – в 2016, Южная Корея – в 2014 и 2012 гг.

Тот факт, что отдельные государства не могут удержать лидерство в рейтинге уровня развития электронного правительства, свидетельствует о том, что сфера GovTech очень масштабна и достижения в отдельный временной промежуток не гарантируют сохранения лидерства на длительный период.

Проанализировав представленные выше тренды развития рынка GovTech можно выделить следующие направления дальнейшего развития данного IT-сегмента:

- продолжение ускоренного процесса автоматизации в области государственного управления, а, следовательно, рост стартапов, которые предлагают исключительно услуги из области GovTech;

- повышение уровня ожиданий граждан вследствие демографических сдвигов, то есть омоложения потребителей соответствующих услуг. В этой связи можно предположить, что увеличится и скорость развития G2C (Government-to-Citizen), G2B (Government-to-Business) и G2G-услуг (Government-to-Government);

- увеличение объема восточноазиатских стартапов в области GovTech. Растущая напряженность между США и Китаем может стать перспективной точкой роста для азиатских IT-компаний, которые займут значительную рыночную нишу на рынке GovTech;

- интеграция усилий государственных структур и представителей малого и среднего бизнеса ввиду признания последних как ключевых игроков рынка GovTech;

- прогресс в области искусственного интеллекта, облачных решениях и активное использование технологии big-data приведет к значительному повышению эффективности GovTech.

Подводя итог всему вышесказанному и оценивая положение России на мировом рынке GovTech можно отметить, что в настоящее время отрасль развивается достаточно активно, участвуя в реализации стратегических национальных проектов и предоставляя ориентированные на граждан услуги в контексте технологических решений, применяемых в органах государственной власти.

Однако для эффективного развития сектора GovTech в России необходимо создание отечественной экосистемы стартапов по этому направлению, которая будет учитывать следующие рекомендации:

- создание единых городских GovTech-центров, необходимых для интеграции различных органов власти, заинтересованных в ускоренной цифровизации государственных услуг. Подобные структуры могут также выполнять и функции экспериментальных площадок или лабораторий инноваций, инициируя запуск экспериментальных проектов. Также в рамках этого направления целесообразно создать единую цифровую платформу, функционирующую на открытом коде и объединяющую IT-системы отдельных государственных организаций. Можно предположить, что эффективным будет и привлечение иных коммерческих партнеров, размещающих открытые данные с целью формирования IT-сообщества, нацеленного на разработку новых госсервисов;

- выстраивание системной работы с инновациями, начиная от генерации идеи и завершая внедрением и закупкой соответствующей продукции. Несмотря на то, что существует отечественная практика поддержки инноваций (например, грантовая поддержка), все-таки, отсутствуют переходы проектов между этапами. В связи с этим было бы целесообразно провести аудит существующих инструментов для каждого этапа и сформировать единую систему работы с проектами;

- совершенствование процедур государственных закупок по следующим направлениям: создание специализированного маркетплейса по закупке программного обеспечения и

¹ 2020 United Nations E-Government Survey. United Nations [Электронный ресурс] URL: <https://vc.ru/future/145740-government-technologies-novaya-cifrovaya-realnost-dlya-gosudarstva> (дата обращения 14.07.20 22).

цифровых услуг у аккредитованных поставщиков (подобная практика уже сейчас существует в Великобритании (Digital Marketplace)¹), а также создание специального раздела для стартапов, развивающихся в области малого и среднего предпринимательства на портале поставщиков (подобная практика уже частично существует в Москве);

– запуск образовательных и акселерационных программ для государственных служащих, которые будут способствовать отработке конкретных цифровых навыков, необходимых для дальнейшей разработки новых городских цифровых сервисов [3]. Также целесообразно усовершенствовать и меры материального стимулирования для государственных служащих, предложивших наиболее эффективные инновационные решения и добившихся успехов в данном направлении;

– совершенствование уже существующих цифровых площадок (например, платформы «Активный гражданин» и портала «Государственных услуг»). Было бы полезным создать специализированный раздел, где будут собраны идеи и видения горожан о новых цифровых платформах и сервисах.

Также необходимо и совершенствование инструментов обратной связи на собранные от горожан идеи для анализа опыта потребителей в отдельных сферах (городское благоустройство, система дошкольного образования и т.д.), для последующей разработки новых инструментов повышения качества жизни населения России.

Список источников

1. Лапук М. Цифровизация госуправления: как стартапу зайти на гостехрынок [Электронный ресурс]. URL: <https://rb.ru/opinion/govtech/> (дата обращения 14.07.2022)
2. Васюта Е. А., Труханович Д. С., Штепа М. А. Умный город – 2030: анализ принципов построения и развития (на примере г.Москва) // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 12 (127). С. 31–36.
3. Вахтина М. А., Игнатова Т. В. Институциональные ограничения на пути комплексного развития российских моногородов // Вестник Академии знаний. 2020. № 36(1). С. 43–48.

References

1. Lapuk M. *Digitalization of public administration: how to go to the state market as a startup*. Available from: <https://rb.ru/opinion/govtech/> [Accessed 14.07.2022]. (In Russ.)
2. Vasyuta E. A., Truhanovich D. S., Shtepa M. A. Smart city – 2030: analysis of the principles of construction and development (using the example of Moscow). *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and Education: Economy and Economics; entrepreneurship; law and management*. 2020;12(127):31–36. (In Russ.)
3. Vakhtina M. A., Ignatova T. V. Institutional restrictions for ways of complex development of the Russian monotowns. *Vestnik Akademii znanii = Bulletin of Academy of knowledge*. 2020;36(1):43–48. (In Russ.)

Информация об авторах

Е. А. Васюта – ст. преп. кафедры международных экономических отношений ЮРИУ РАНХиГС;
Т. В. Подольская – канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой международных экономических отношений ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

E. A. Vasyuta – Senior Lecturer of Department of International Economic Relations of South-Russia Institute of Management –branch of RANEPA;
T. V. Podolskaya – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Head of Department of International Economic Relations of South-Russia Institute of Management –branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.07.2022; одобрена после рецензирования 28.07.2022; принята к публикации 29.07.2022. The article was submitted 15.07.2022; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication 29.07.2022.

¹ Технологии в государственном управлении (GOVTECH): направления и инструменты развития в мире. Август 2021. [Электронный ресурс] <https://innoagency.ru/files/govtech8.pdf> (дата обращения 14.07.2022).

СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ МЕТОДОЛОГИИ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ВЛАСТИ

Дмитрий Игоревич Дынник

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, iubip502@yandex.ru

Аннотация. В период реформирования системы оценки эффективности системы управления региона и учитывая недостатки прошлых методик в статье обоснована необходимость в разработке методического подхода к определению агрегированного показателя эффективности, который отражал бы состояние социально-экономической системы региона и управленческие индикаторы органов государственной власти. В работе представлены результаты по определению эффективности работы государственных органов на примере Краснодарского края с использованием метода fuzzy logic.

Ключевые слова: эффективность, fuzzy logic, национальные проекты, государственные программы, органы государственной власти, региональное развитие, индикатор, агрегированный показатель, проектный менеджмент

Для цитирования: Дынник Д. И. Совершенствование методологии оценки эффективности деятельности органов государственной власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 25–31. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-25-31>

Problems of Management

Original article

IMPROVING THE METHODOLOGY FOR ASSESSING THE EFFECTIVENESS OF THE ACTIVITIES OF STATE AUTHORITIES

Dmitry I. Dynnik

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, iubip502@yandex.ru

Abstract. During the period of reforming the system for assessing the effectiveness of the regional management system and taking into account the shortcomings of past methods, the article substantiated the need to develop a methodological approach to determining the aggregated performance indicator, which would reflect the state of the socio-economic system of the region and managerial indicators of state authorities. The work presents the results to determine the effectiveness of the work of state bodies on the example of the Krasnodar Territory, applicable to Fuzzy Logic.

Keywords: efficiency, Fuzzy Logic, national projects, state programs, state authorities, regional development, indicator, aggregated indicator, project management

For citation: Dynnik D. I. Improving the methodology for assessing the effectiveness of the activities of state authorities. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):25-31. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-25-31>

Проведение оценки эффективности системы управления региональным развитием является в настоящее время актуальным направлением. На высшем государственном уровне с 2017 г. осуществляется поиск оптимальных индикаторов оценки эффективности. В этот период вносятся значительные изменения в систему показателей оценки (рис. 1).

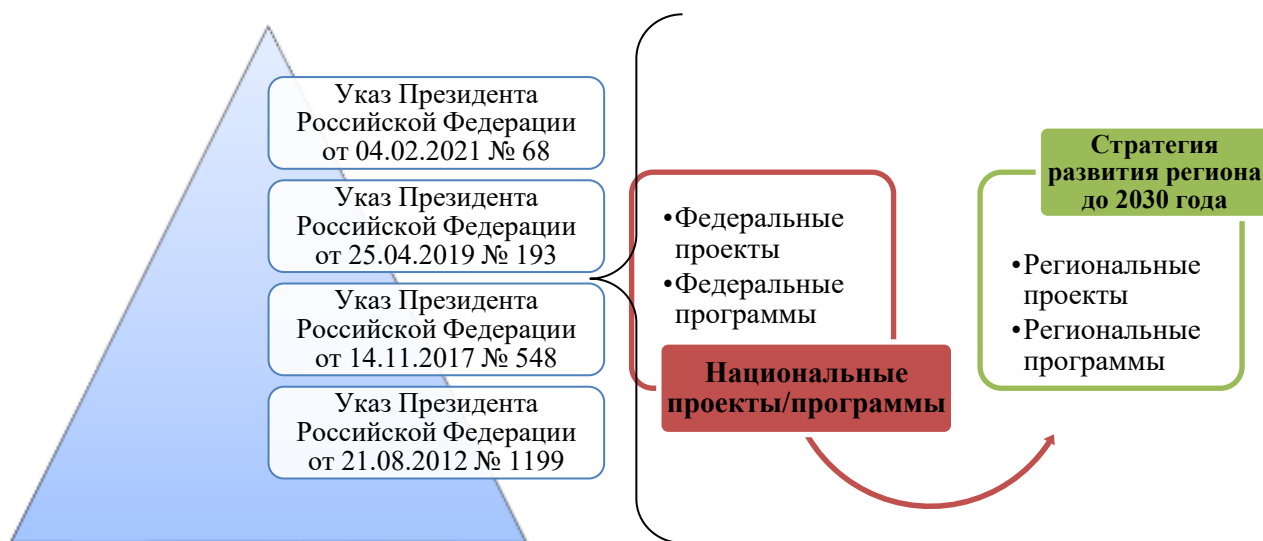

Рис. 1. Реформирование оценки эффективности системы управления (составлено автором)

Fig. 1. Reforming the assessment of the effectiveness of the control system of the executive authorities

В указе Президента РФ от 21.08.2012 № 1199¹ количество показателей составляло 11. С принятием указа Президента РФ от 14.11.2017 № 548² было увеличено количество до 24 показателей. Следует отметить, что 12 индикаторов имели свои собственные методики расчета. Региональные власти столкнулись с проблемой расчета индикаторов, так как методика была сложной, и некоторые из показателей были интегральными. Из-за неверного расчета итоговый коэффициент мог снизить в целом эффективность деятельности органов власти в регионе, и субъект мог лишиться гранта в виде федеральных средств на социально-экономическое развитие. Спустя короткий промежуток времени и сложности расчетов индикаторов было принято решение сократить количество показателей до 15 и принять новый Указ Президента РФ от 25.04.2019 № 193³. Документ предусматривает существенное изменение процедуры рассмотрения и оценки результатов работы органов государственного управления. В процессе подготовки доклада Президенту Российской Федерации увеличено число сторонних независимых экспертов, которые принимают активное участие в разработке методик и рассмотрения достигнутых результатах региона.

На этом этапе реформирования оценки эффективности системы управления не закончилось. Был принят новый указ Президента РФ от 04.02.2021 № 68⁴, в котором определены 20 показателей для оценки.

Все перечисленные в указе показатели имеют социальную значимость и направлены на развитие человеческого капитала в регионе. Федеральный уровень, внедрив такую систему

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.08.2012 №1199 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/35958> (Дата обращения: 01.07.2022).

² Указ Президента Российской Федерации от 14.11.2017 № 548 «Об оценке эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/42465> (Дата обращения: 01.07.2022).

³ Указ Президента Российской Федерации от 25.04.2019 № 193 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/44185> (Дата обращения: 01.07.2022).

⁴ Указ Президента Российской Федерации от 04.02.2021 № 68 «Об оценке эффективности деятельности высших должностных лиц (руководителей высших исполнительных органов государственной власти) субъектов Российской Федерации и деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/46402> (Дата обращения: 01.07.2022).

индикаторов, тем самым получает обратную связь от населения. Также, следует обратить внимание на последний коэффициент. В рамках государственной программы «Цифровая экономика» органы государственной власти должны перейти в цифровое пространство. Если на федеральном уровне данная система внедрена и эффективно применяется (пример цифровой трансформации Федеральной налоговой службы), но на уровне региона есть проблемы с внедрением и адаптации цифровых систем, особенно при интеграции цифровых платформ между системами регионального уровня к федеральным. Цифровые преобразования, происходящие в государственном управлении и в экономике, являются по сути неким драйвером роста и повышения качества жизни [1].

В Указе Президента РФ от 04.02.2021 № 68 отсутствует требование предоставления доклада о достигнутых за отчетный период значениях показателей Президенту Российской Федерации главами субъектов Российской Федерации. Формирование доклада и выполнение контрольных функций возложено на Правительство Российской Федерации на основе данных, полученных от регионов. Также изменения коснулись и сроков предоставления Президенту Российской Федерации документов:

- доклад – ежегодно, до 1 июня;
- направление предложений по распределению грантов регионам на основе достигнутых значениях за отчетный период – ежегодно, до 1 июля.

Схема взаимодействия участников в подготовке итогового доклада Президенту РФ по указу от 04.02.2021 № 68 представлена на рис. 2.

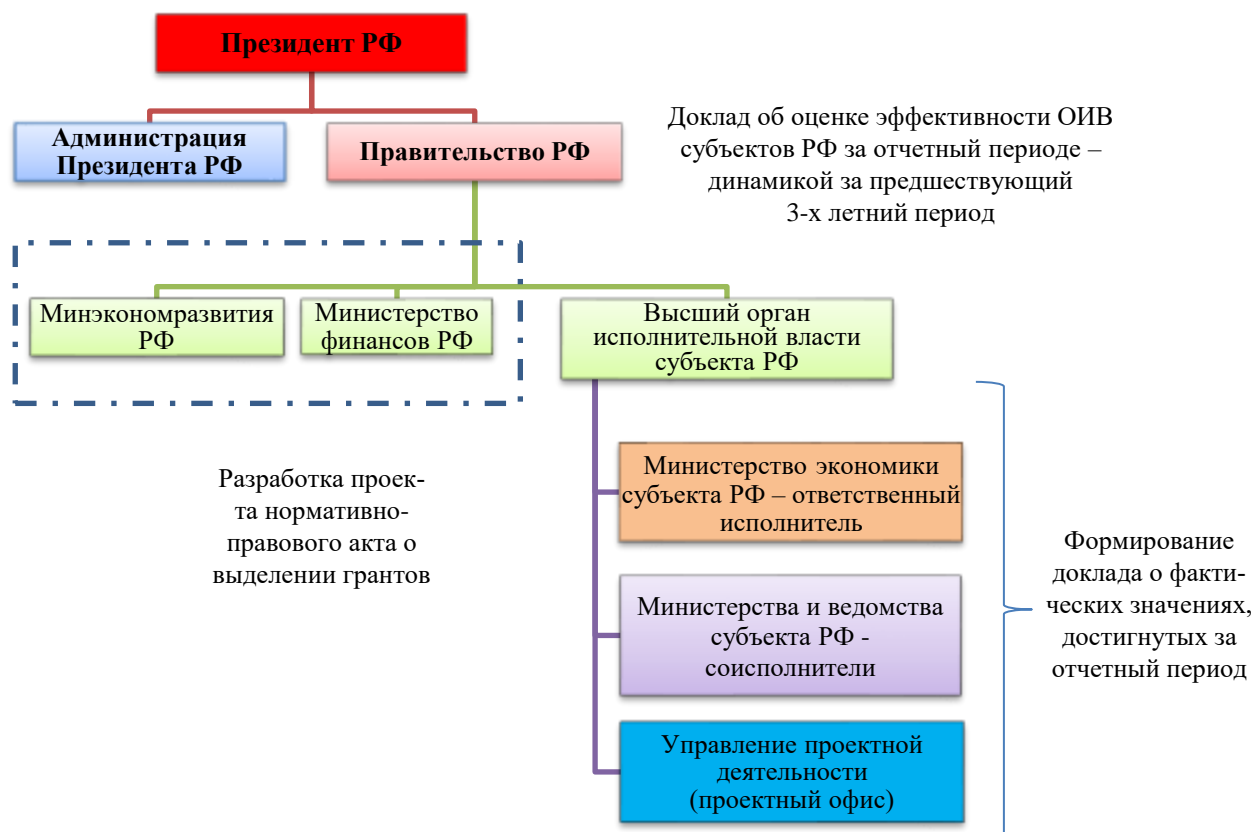

Рис. 2. Схема взаимодействия участников в подготовке итогового доклада Президенту Российской Федерации (составлено автором)

Fig. 2. Scheme of interaction between participants in the preparation of the final report to the President of the Russian Federation

При подготовке итогового доклада Президенту Российской Федерации особое внимание также уделяется достижению значений региона по национальным проектам. В соответствии с Указом Президента РФ от 07.05.2018 № 204¹ были определены ключевые направления развития страны. Эти направления зафиксированы в национальных проектах/программах. Одновременно с принятием Указа Президента РФ регионы разрабатывали стратегии социально-экономического развития региона до 2030 года, а не некоторые из них, например, Московская область, успели и принять ее.

Органам государственной власти пришлось учитывать требования данного указа в своих стратегических документах развития. В тот период остро стал вопрос согласованности документов стратегирования с федеральными органами власти в части закрепления отраслевых показателей и установления их значений до 2030 года. Учитывая опыт реализации государственных программ в регионах в период с 2014–2020 гг., который выявил множество методологических проблем в разработке показателей и их обоснованное числовое значение, многие исследователи помнят, когда в программах развития указывали качественные показатели, которые не дают объективной оценки, и органы исполнительной власти как ответственные исполнители имели возможность вносить изменения в значения показателей.

Таким образом, ранее не осуществлялся контроль за обоснованностью определения индикаторов развития и внесение изменений значений. И получается, что по итогам 9 месяцев исполнения государственной программы, орган власти уже определял риски недостижения ключевого показателя. Чтобы минимизировать негативные тенденции, вносились изменения в нормативно-правовые акты субъекта РФ. Отсюда вытекает вопрос о бюджетной эффективности реализации таких мероприятий. Конечно, в программах предусматривались показатели эффективности, но сводились они всего лишь отношению фактического значения к плановому.

С принятием Указа Президента РФ от 07.05.2018 № 204 ситуация должна измениться. В государственных органах власти стали внедрять стандарты проектного менеджмента, который показал свою эффективность в бизнес среде. Государственных гражданских служащих направляли на повышение квалификации по программам «Основы проектного управления в государственных органах власти». В каждом органе исполнительной власти создавались ведомственные проектные офисы, которые должны были определять проекты, формировать команды, контролировать ход реализации проекта по ключевым точкам и принимать результаты.

Если вернуться к теории проектного менеджмента [2], то руководителем проекта становится лицо, которое имеет опыт работы в данном направлении, имеет специальные знания, компетенции и т.д. В бизнес среде руководителем проекта мог стать специалист компании, а исполнителем проектом – руководитель структурного подразделения. То есть, получается, что проектный подход «стирает» грани системы «руководитель-подчиненный». Все участники нацелены на конечный результат и получения премиального фонда, который распределялся среди проектной команды. В государственном секторе сложно представить такую модель в действии.

Учитывая все вышесказанное, можно утверждать, что органы государственной власти столкнулись с большим объемом показателей: начиная с показателей по государственным программам, заканчивая индикаторами по национальным проектам и коэффициентам по указу Президента РФ от 04.02.2021 № 68. Для объективной и комплексной оценки эффективности при таком множестве показателей и снижении количества ошибок (человеческий фактор), возможность внесения необоснованных корректировок в целевое значение можно использовать (как пример) fuzzy logic.

Нечеткие множества описываются функциями принадлежности, а Т-нормы – математическими операциями. В общем виде нечеткое суждение можно представить в виде нейроновой сети [3]. Данное направление популярно среди ученых исследователей в области искусственного интеллекта, экономики, математики, психологии. Функции принадлежности показателей оценки эффективности нечетким множеством обладают достоинствами – они являются количественной мерой в информационной неопределенности в отношении анализируемых индикаторов. В настоящее время на отечественном рынке имеются программные средства,

---

¹ Указ Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» <http://www.kremlin.ru/acts/bank/43027> (Дата обращения: 01.07.2022).

позволяющие производить оценку эффективности на основе статистических данных и не только. Применение такого инструментария органами власти позволит получить всестороннюю и объективную оценку своей деятельности, а также строить прогноз изменения региональной регулирующей системы.

Для определения агрегированного показателя эффективности предлагается применять данный подход. Проведем с этой точки зрения комплексную оценку эффективности системы управления региональным развитием. Исходным материалом для расчета послужили официальные данные министерства экономики Краснодарского края (табл. 1)¹. Данный регион выбран в связи с тем, что по итогам 2021 года Краснодарский край является лидером на Юге России по основным ключевым показателям.

Таблица 1 – Фрагмент расчетной таблицы определения эффективности по fuzzy logic

Table 1 – The calculation table of determining the effectiveness of fuzzy logic

Показатели	2021 год		2020 год		K _i	K _c ^c	C _{Hi}	У _{Hi}
	значения	Темп роста, %	значения	Темп роста, %				
Рост ВРП (оценка), в % к соответствующему периоду предыдущего года	108,5	X	95,0	X	0,6303	0,723	0,154	0,05024 333
Индекс промышленного производства, в % к соответствующему периоду предыдущего года	X	112,5	X	95,9	0,5961	0,781	0,186	0,05210 333
Объем продукции сельского хозяйства, млрд. руб.	549,5	112,8	433,0	91,4	0,5870	0,685	0,168	0,048
Объем строительных работ, млрд. руб.	323,5	113,3	274,4	94,9	0,6197	0,678	0,158	0,04852 333
Ввод в действие жилых домов, тыс. кв. м	6 283,1	122,6	5 124,3	113,1	0,6289	0,641	0,146	0,04719 667
Оборот оптовой торговли, млрд. руб.	2 556,2	99,6	2 092,5	93,3	0,5858	0,658	0,064	0,04359 333
Оборот розничной торговли, млрд. руб.	1 808,7	112,6	1 487,3	98,5	0,6001	0,673	0,064	0,04457
Оборот общественного питания, млрд. руб.	85,5	108,9	75,4	91,2	0,4970	0,906	0,178	0,0527
Объем платных услуг населению, млрд. руб.	672,3	119,6	527,7	97,0	0,5749	0,673	0,168	0,04719 667
Индекс потребительских цен, в % к соответствующему периоду предыдущего года	X	107,5	X	103,2	0,6057	0,686	0,185	0,04922 333
Среднедушевые денежные доходы населения в месяц, руб.	40 453	109,8	36 838	103,3	0,6697	0,999	0,099	0,05892 333
Номинальная начис-	40 774	108,0	38 499	106,5	0,5902	0,894	0,138	0,05407

¹ Официальный сайт министерства экономики Краснодарского края <https://neweconomy.krasnodar.ru/> (Дата обращения: 02.07.2022).

Показатели	2021 год		2020 год		Ki	Kс ^c	СНи	УНи
	значения	Темп роста, %	значения	Темп роста, %				
среднемесячная зарплата, руб.								333
Реальная зарплата, в % к соответствующему периоду предыдущего года	X	100,5	X	103,2	0,4869	0,811	0,078	0,04586 333
Задолженность по заработной плате, млн. рублей	29,0	39,8	72,9	в 2,5 раза	0,4057	0,369	0,091	0,02885 667
Уровень зарегистрированной безработицы, в % к численности рабочей силы	0,6	X	3,7	X	0,2389	0,295	0,098	0,02106 333
Ag (Eff) 2020					0,5301			
Ag (Eff) 2021					0,6524			

В табл. 2 приведен классификатор агрегированного показателя эффективности Ag (Eff).

Таблица 2 – Классификатор агрегированного показателя эффективности Ag (Eff)

Table 2 – Classifier of the aggregated performance indicator Ag (Eff)

Численное значение переменной	Лингвистические значения переменной
[0;0,2]	Кризисное состояние
[0,2;0,4]	Недопустимое состояние
[0,4;0,6]	Допустимое состояние
[0,6;0,8]	Нормальная состояние
[0,8;1]	Абсолютная состояние

На рис. 3 представлена функция принадлежности по итогам проведенного анализа.

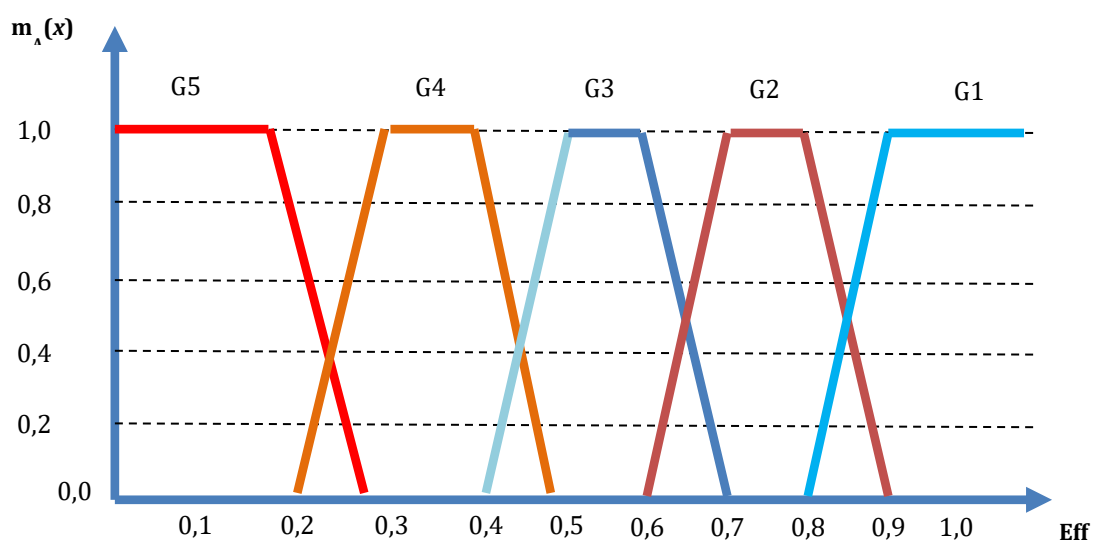

Рис. 3. Функция принадлежности лингвистических значений переменной

Fig. 3. The function of belonging to the linguistic values of the variable

По итогам 2020 года агрегированный показатель эффективности управления Краснодарским краем составил 0,5301, в 2021 году – 0,6524. По итогам отчетного периода органы исполнительной власти повысили свой уровень на 0,1223 единиц. Данный результат достигнут за счет успешного внедрения проектного менеджмента на территории Краснодарского края, сокращения процедур по выработке управленческих решений по проблема социально-экономического развития региона, а также достижение ключевых показателей по национальным проектам и государственным программам. Агрегированный показатель 2020 года из статуса «Допустимое состояние», перешел в статус «Нормальное состояние». Но, вместе с тем, со значением индикатора эффективности 2021 года (0,6524) мы не можем утверждать с уверенностью, что деятельность государственных органов привела к нормальному состоянию региональной регулирующей системы. Возвращаясь к теории систем и системного анализа, на РРС оказывают влияние внешние (силовые) факторы. И данное значение Ag (Eff) может быть случайным. Для этого необходимо проводить региональную политику края по принципу «джардо», и конечно же, накапливать данные по fuzzy logic.

С помощью предложенного инструмента можно провести комплексную оценку эффективности системы управления и не только на региональном уровне. В период цифровых преобразований в системе государственного управления, внедрение современных информационных систем и цифровых продуктов в деятельность органов власти не составит труда в проведении оценки автоматизированным способом и исключит возможность искажения объективным данными.

Не вызывает сомнений, что данная проблемная область требует дальнейших дополнительных исследований. Любая оценка эффективности должна базировать на анализе социально-экономической системы региона. Только после данного анализа, возможно провести комплексную оценку эффективности системы управления.

Список источников

1. Игнатова Т. В., Черкасова Т. П. Институты и технологии цифровой экономики как факторы инновационного роста России // Друкеровский вестник. 2020. № 2(34). С. 5–14.
2. Грядунова А. В., Крюкова О. А., Леонова О. В. Проектный менеджмент в системе государственного управления: проблемы применения // Среднерусский вестник общественных наук. 2016. Т. 11. № 4. С. 203–213.
3. Звягин Л. С. Теория нечетких множеств в современной экономике // Экономика и управление: проблемы, решения. 2019. Т. 1. № 6. С. 29–35.

References

1. Ignatova T. V., Cherkasova T. P. Institutions and technologies of the digital economy as factors of Russia's innovative growth. *Drukerovskii vestnik = Drucker Bulletin*. 2020;2(34):5–14. (In Russ.)
2. Gryadunova A. V., Kryukova O. A., Leonova O. V. Project management in the system of public administration: problems of application. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2016;11(4):203–213. (In Russ.)
3. Zvyagin L. S. The theory of fuzzy sets in modern economics. *Ekonomika i upravlenie: problemy, resheniya = Economics and management: problems, solutions*. 2019;1(6):29–35. (In Russ.)

Информация об авторе

Д. И. Дынник – ст. преп. кафедры экономики, финансов и природопользования ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

D. I. Dynnik – senior lecturer at the Department of Economics, Finance and Nature Management of South-Russian Institute of Management –branch of RANEPA.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 13.07.2022; одобрена после рецензирования 28.07.2022; принята к публикации 29.07.2022.

The article was submitted 13.07.2022; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication 29.07.2022.

RESEARCH ON FACTOR IDENTIFICATION OF CHINESE INTERSTATE PROJECT RISK MANAGEMENT

Natalia N. Yevchenko¹, Wang Xiaohan²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹nnyevchenko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8626-0684>

²275557347@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1187-258X>

Abstract. The problem of large interstate projects managing is of particular relevance in the context of investment cooperation expansion between states, the implementation of programs for interstate transport and other infrastructure construction. The growth in the number and volume of interstate investment projects creates a special layer of tasks management associated with the risks of their implementation, and insufficient accounting and errors in eliminating risks can lead to significant economic and reputational losses. Chinese international engineering enterprises have accumulated valuable experience in the implementation of a significant number of interstate projects. However, due to the complex and constantly changing foreign environment, Chinese enterprises face difficulties in implementing these projects, including due to the poor understanding of the risks concept and insufficient risk management technologies. The purpose of the study is to identify the factors and stages of the implementation of China's interstate projects that are most vulnerable to risks and propose measures to minimize them based on the concept of risk diversification by the project life cycle stages, developing general principles of risk management and a system of specific project risks. An analysis of the results of the implementation of a number of large completed investment projects of the PRC based on the author's methodology made it possible to formulate the conclusion that for an interstate project, the priority attention of the authorities should be focused on minimizing the risks of the construction stage. The second risky stage is the turnover and startup stage. For government authorities and participating companies, the authors formulate a number of practical recommendations on technologies for large interstate projects risks minimizing.

Keywords: interstate project, risk management, project life cycle, risk identification, risk factors system, risk management technologies

For citation: Yevchenko N. N., Wang Xiaohan. Research on factor identification of Chinese interstate project risk management. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):32–40.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-32-40>

ИССЛЕДОВАНИЕ ФАКТОРОВ УПРАВЛЕНИЯ РИСКАМИ В МЕЖГОСУДАРСТВЕННЫХ ПРОЕКТАХ КИТАЯ

Наталья Николаевна Евченко¹, Ван Сяохань²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹nnyevchenko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8626-0684>

²275557347@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-1187-258X>

Аннотация. Проблематика управления крупными межгосударственными проектами обретает особую актуальность в условиях расширения инвестиционного сотрудничества государств, реализации программ создания межгосударственной транспортной и иной инфраструктуры. Рост числа и объемов межгосударственных инвестиционных проектов создает особый

пласт управленческих задач, связанный с рисками их выполнения, а недостаточный учет и ошибки в элиминировании рисков могут привести к существенным экономическим и репутационным потерям. Китайские международные инжиниринговые предприятия накопили ценный опыт реализации значительного числа межгосударственных объектов. Однако из-за сложной и постоянно меняющейся зарубежной среды китайские предприятия сталкиваются с трудностями в реализации данных проектов, в том числе, в силу слабой изученности концепции рисков и недостаточных технологий управления ими. Цель исследования – выявить наиболее уязвимые для рисков факторы и этапы реализации межгосударственных проектов Китая и предложить меры по их минимизации на основе концепции диверсификации рисков по стадиям жизненного цикла проекта, развивая общие принципы управления рисками и систему специфических проектных рисков. Анализ результатов реализации ряда крупных завершенных инвестиционных проектов КНР на основе авторской методики позволил сформулировать вывод о том, что для межгосударственного проекта приоритетное внимание органов управления следует сосредоточить на минимизации рисков строительства объекта. Второй рискованной стадией является этап оборота и стартапа. Для государственных органов управления и компаний-участников авторы формулируют ряд практических рекомендаций по технологиям минимизации рисков реализации крупных межгосударственных проектов.

Ключевые слова: межгосударственный проект, управление рисками, жизненный цикл проекта, идентификация рисков, система факторов риска, технологии управления рисками

Для цитирования: Евченко Н. Н., Ван Сяохань. Исследование факторов управления рисками в межгосударственных проектах Китая // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 32–40. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-32-40>

Introduction

As Chinese international engineering enterprises practice the Belt and Road Initiative (BRI), the enterprises are shifting their main targets for market development and project execution overseas. Interstate projects have become an important manifestation of China's economic development. Chinese international engineering enterprise's construction capacity and level in some areas have reached a world-class level, laying a good foundation for Chinese enterprises to realize the overseas strategy as Fig. 1 shows.

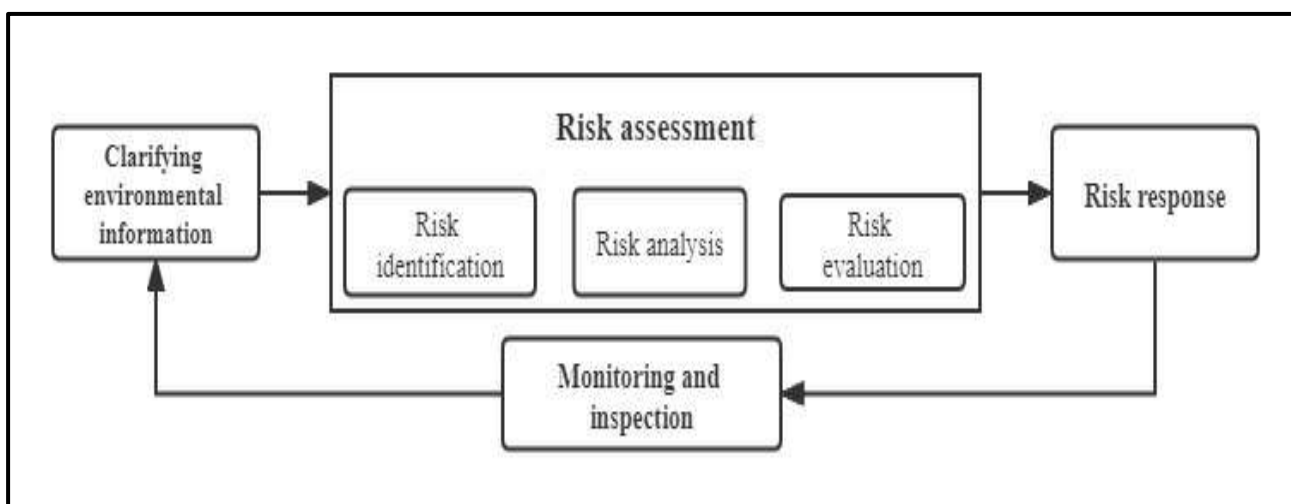

Fig. 1. Risk management cycle: basic structure and process¹

In Shuoqing W.'s opinion [2], risk management should be dynamically distributed in all phases of the project life cycle. Researchers have been working on more scientific methods of risk identification.

¹ Compiled by the authors based on [1]

The authors Bing L. [3] et al. identified and classified project risks into three categories: internal, project, and external risks, based on the sources and attributes of the risks.

The authors Gholamreza D. et al. [4] identified and classified project risks into financial, policy and political, technical, weather and environmental, contractual, design, and construction areas.

The authors Hastak M. et al. [5] developed an international engineering risk assessment model by integrating project macro-level, market-level, and project-level risk factors according to the different levels to which the risks belong.

Interstate project risk identification content and process

The list of risk factors for China’s interstate projects is sorted out and includes the following two aspects. The authors identify the general list of international engineering risks through literature research. Further case studies were used to gather risk factors for implemented (completed) and performed China’s interstate projects.

1. Literature identification of risk factors in China’s international engineering projects

The literature selected by the authors is scholars or practitioners in the relevant fields in China and abroad. The literature identifies risk factors from a full life cycle perspective of interstate projects. The identifying general risk factors for interstate projects through the literature studies helps to create a list of risk factors and a provide clear risk breakdown structure.

Guangning Z. et al. classified project risk factors into external risk, design risk, procurement risk, construction risk, project management risk, and safety, environmental and health (HSE) risk [6].

Lin P. used hierarchical analysis to divide the second level of risk factors into a schedule, cost, quality, and safety. The third level is divided into political, natural, economic, and technical indicators [7].

The author Qiang L. et al. constructed a dynamic model of interstate project whole life cycle risk management based on the different characteristics of risks in each stage of the interstate project life cycle. Twenty-three risk factors are divided into five life cycle stages in the case study [8].

Chuang L. categorized 27 risk factor indicators into 9 categories such as political, economic, socio-cultural, natural, managerial, and technological for hierarchy analysis [9].

Eskander R.F.A. classifies 37 risk factors into acts of god, physical, economic, political, design and construction risk hierarchy [10].

As shown in Table 1, summarizes the list of literature studies that examine risk management involving international engineering projects.

Table 1 – List of literature research on risk identification of international engineering projects¹

	Years	Characteristic	Source
1	2017, 2012	Industry specifics - energy carriers, energy	[7], [14]
2	2019, 2020	Industry specifics - transport infrastructure (railway)	[8], [12]
3	2017, 2019, 2019	Research of risks in the project life cycle system	[11], [6], [8]
4	2012, 2015, 2018, 2018, 2019	Decision-making technologies in risk management of international projects	[14], [15], [10], [13], [9]

An analysis of the data in Table 1 shows that with the start of the «One Belt One Road» project (2017), the number of scientific publications on risks for industry and logistics international projects has increased, and research has begun on risks in the project life cycle system.

¹ Compiled by the authors.

Thus, the analysis of literary sources on the risk management of the implementation of investment projects of authors from China showed, in general, the lack of a systematic approach in building a clear system that would become risk management technologies for management. It is especially important to develop such a system for interstate projects, the costs of which significantly exceed the costs of domestic projects.

It should be noted that international projects have a significantly more pronounced risky nature, which actualizes the creation of risk management technologies specifically for such projects. The authors believe that such a technology should be based not only on a comprehensive analysis of the current ongoing projects, but also be formed taking into account the database of minor and significant risk cases of unsuccessful international investment projects.

2. Case studies of China's successful and failed international engineering projects

Chinese international engineering enterprises have accumulated valuable successful experiences and failed lessons in numerous interstate projects. Therefore, in combination with specific interstate project cases, risk factors closely related to Chinese international engineering enterprises can be identified as a supplement to the list of risk factors identified in the literature in the field of practice.

Table 2 – Risk factors of interstate projects in China's successful and failed international engineering projects¹

Number	Project Name	Project Location	Project Result
1	An oilfield offshore platform manufacturing project	Southeast Asia	The Subcontractor project duration was extended by 4 months. General Contractor fails to complete one-third of the contract work within the construction period. Termination of the contract by the owner. Losses of up to US\$18 million.
2	China-Myanmar Oil and Gas Pipeline Project	South Asia	The project was completed on schedule and is a pioneering project of China's BRI in Myanmar.
3	Mecca light-rail project	West Asia	During the construction of the project, it was discovered that the actual amount of work was significantly higher than the amount of work anticipated at the time of contracting. The project ultimately resulted in a huge loss of about US\$630 million for the Chinese contractor.
4	A power engineering project	South Asia	Completed on schedule and highly praised by the local government.
5	A2 freeway project	Central Europe	The project contractor decided to abandon the project to avoid greater losses. As a result, the project owner issued a US\$271 million claim.
6	A power station expansion project	Africa	The owner suspended the contract due to a serious delay in the construction schedule.
7	A power station project	South Asia	Blind bidding, inadequate research, failure to communicate with the owner.
8	A subway project	West Asia	Project schedule delayed.
9	A coal mining project	South Asia	Project completion and handover on schedule.
10	A bridge construction project	South Asia	Completed on schedule and highly evaluated by the government.
11	Long-distance crude oil product pipeline project	Africa	The contractor's procurement costs have increased significantly, reducing the profitability of the project.
12	A surface oil field water injection project	Africa	The contractor pay millions of dollars in additional procurement cost.

¹ Developed and compiled by the authors

Problems of Management

Yevchenko N. N., Wang Xiaohan. *Research on factor identification of Chinese interstate project risk management*

13	A natural gas pipeline project	South Asia	Project schedule delayed.
14	A hydro-power station project	Africa	The project was completed on time, gaining a reputation and market for the contractor.
15	A thermal power plant project	Southeast Asia	The project schedule is delayed and costs are exceeded, but the quality of the project meets the owner's requirements.
16	Natural gas pipeline cross-border section shield project	Eastern Europe	The project was completed on schedule and the contractor summarized and formed several core technologies.
17	A high-speed rail project	South America	The contractor suffered a huge loss of bid cost.

Through the analysis of key risk factors of the 17 cases in Table 2, it is concluded that the risk factors of Chinese interstate projects are mainly concentrated in the following aspects.

1. *Political risk.* For example, in case 2, Myanmar politics is in transition and there are numerous contradictions and risk factors. Creating uncertainty for the project. In case 17, only three days after the contractor won the bid, the project site government changed its mind and canceled the bid.
2. *Socio-cultural risk.* For example, in case 2, there are frequent military conflicts in northern Myanmar, through which the project passes. Cultural differences, religious differences, linguistic diversity, customary taboos, and lack of labor motivation pose risks to the smooth implementation of the project. In case 3, project construction required passage through an Islamic holy site, an area closed to non-Muslim personnel. Re-recruiting Muslim engineers resulted in project delays and increased costs.
3. *Natural risk.* For example, in case 1, the contractor and subcontractors underestimated the complexity of the weather and marine environment at the project site, creating unforeseen difficulties for construction. In case 3, the local weather is hot, dry, and sandy, and access to fresh water is difficult, which seriously affects the normal construction of the project. In case 16, the equipment shield machine needed to be shipped back to China before the river froze over, otherwise, the schedule would have been delayed by at least 3 months. Strict schedule requirements were imposed on the contractor.
4. *Economic risk.* For example, in case 3, the project contract currency is the Saudi currency, and exchange rate fluctuations during the life of the project have caused some degree of loss to the project. In case 7, the local currency depreciated significantly during the life of the project, but the contract provided for the payment of rupees to the contractor to settle at a constant price. The contractor suffered a significant exchange loss.
5. *Legal risk.* For example, in case 8, the duration of the project encounters a change in tax policy in the country where the project is located, and the government requires a significant increase in the individual income tax rate for foreign corporations and individuals in its territory. Contractors' project profits are significantly impaired. In case 7, the contractor did not research the construction industry laws and regulations in the country where the project was located in advance. It was not clear that night blasting operations were not allowed in the country, which affected the project construction schedule.
6. *Owner risk.* For example, in case 1, the project owner has a strict HSE management system, while the contractor's HSE management level has a gap with international standards. The contractor's HSE workflow was not approved by the owner, resulting in several suspensions of construction.
7. *Design risk.* For example, in case 3, the owner appointed an international firm at the project site to perform the design work, resulting in a delay in the design *schedule and further shortening the project duration.*
8. *Consulting supervision risk.* For example, in case 6, the consulting engineer is directly appointed by the owner and makes some unreasonable decisions. In case 9, the British consultant hired by the owner was unfamiliar with Chinese standards, which brought resistance to the acceptance phase.
9. *Subcontractor risk.* For example, in case 10, the actual capacity of the subcontractor does not match its qualification, and the construction process cannot meet the requirements of the project supervisor.

10. *Procurement management risk*. For example, in case 11, when the contractor purchased raw material, the price increased by an average of 40,56% over the bid budget. In case 12, the contractor's lack of understanding of the owner's bid document criteria led to a later increase in the number of certain valves purchased from 15 to 314. In case 13, contractors lose actual control over materials and equipment, resulting in a series of risk events such as equipment transportation damage and customs clearance delays.

11. *Site management risk*. For example, in case 10, the project construction was severely disturbed by local residents. Equipment and materials could not be delivered to the site in time, and the construction schedule was seriously delayed.

12. *Health and Safety Executive (HSE) risk*. For example, in case 1, the owner's HSE management requirements were extremely strict. In practice, the contractor did not follow the procedures carefully. There was even an accident in which employees smoked on board and started an indoor fire. In case 15, the project had a large number of personnel and a large workload of intersecting mechanical equipment installation, which posed a greater threat to the safety and health of personnel.

13. *Financial management risk*. For example, in case 9, the contractor did not take into account the problem of project arrears when preparing the plan for the use of funds. The owner's failure to make timely progress payments caused a shortage of liquidity for the contractor, resulting in the suspension of the project.

14. *Organizational personnel risk*. For example, in case 1, the hired foreign project manager was not able to communicate directly with Chinese personnel because he was not familiar with the background and culture of the Chinese company. The contractor paid him a salary equivalent to dozens of times that of the Chinese project manager but failed to secure rights and benefits for the contractor. The subcontractor project manager was able to make full use of the good communication mechanism to gain the trust and support of the owner, which eventually turned the subcontractor into a profit. In case 2, the translator hired by the contractor had difficulty mastering multiple ethnic languages, and it was difficult to avoid ethnic conflicts in the selection of personnel. It caused great difficulties in the daily communication of the project and the coordination and communication with the local government.

15. *Contract risk*. For example, in case 3, poorly defined contract scope, unreasonable pricing methods, and unclear design standard provisions can have serious negative impacts on contract execution. In Case 5, the contractor underbid for a variety of reasons and was a significant factor in the eventual termination of the project.

After analyzing the cases in Table 2, the following characteristics of the risk factors faced by Chinese contractors in interstate projects were summarized.

A. Chinese contractors have relatively limited design capabilities and lack Chinese standards with international standards and recognition strength. More project owners choose international design companies for project design, and contractors have insufficient ability to integrate project design resources. Chinese engineering industry standards are limited to petrochemicals, railroads, and other fields, and are not well recognized internationally.

B. Project bidding errors are a major constraint on the contractor's ability to select projects. Contractors are interested in blindly expanding their international business volume in pursuit of performance. Or making blind bidding decisions by placing more emphasis on the political significance of the project, which ultimately leads to project losses.

C. The shortage of interstate project management talent in China virtually raises costs for contractors. Professional talents for various types of interstate projects, and the training of language talents need to be improved.

D. The stability of the political and social environment in the project country is a prerequisite for the success of the project. China has a lot of interstate projects in countries with relatively unstable politics and backward economic development. The external environment in such countries brings more uncertainty to the project.

List of China’s typical project risk factors for international engineering projects

Through literature research, the author identified a list of risk factors underlying interstate projects. A large number of cases were also used to identify representative risk factors in the field of international engineering projects in China. After synthesis, the list of China’s typical project risk factors is obtained as shown in Table 3.

Finally, the occurrence of risk factors in each phase of the project life-cycle was categorized and summarized through interviews with international engineering project experts. As a life cycle of projects, 4 stages are distinguished: I – represent the feasibility stage of the project life-cycle. II – represents the project planning and design stage. III – represents the construction stage, and IV – represents the turnover and startup stage.

Table 3 – List of China’s typical interstate project risk factors¹

Risk factor category	Risk factor indicators	Main stages to occur
Political risk	Political instability risk	I II III IV
	International relations risk	I II III IV
	Government intervention risk	II III IV
Legal risk	Risk of inadequate law and regulation	I II III IV
	Legal and policy changes and differences	II III IV
Natural risk	Natural force majeure risk	III IV
	Adverse natural conditions risk	II III IV
Socio-cultural risk	Social security risk	II III IV
	Cultural differences risk	I II III IV
	Macroeconomic risk	I II III
Economic risk	Exchange rate risk	II III IV
	Price fluctuation risk	II III IV
	Interest rate fluctuation risk	II III IV
	Organizational personnel risk	II III IV
Management risk	Site management risk	II III IV
	Procurement management risk	II III IV
	HSE management risk	II III IV
	Financial management risk	I II III IV
	Owner's risk	II III IV
	Consulting supervision risk	III IV
Behavioral risk	Design risk	I II III
	Supplier risk	II III IV
	Subcontractor risk	II III IV
	Bidding risk	I II
Operational risk	Contract risk	I II III IV
	Insurance risk	II III IV
	Claim risk	III IV
	Transfer risk	IV
	Technical standard risk	I II III
Technology risk	Risk of using new technology	II III IV

The distribution of each project risk factor indicator over the project life-cycle is shown in Figure 2.

As shown in Figure 2, there are 10 risk factors occur during the feasibility phase of a project. The project risk factors gradually increase with the owner's investment and the contractor's work. The most significant (maximum) risk occurring phase is the project construction phase. Therefore, project formulation, feasibility studies, strategic design, and approval are not the primary (priority) components of interstate project risk management.

¹ Developed and compiled by the authors.

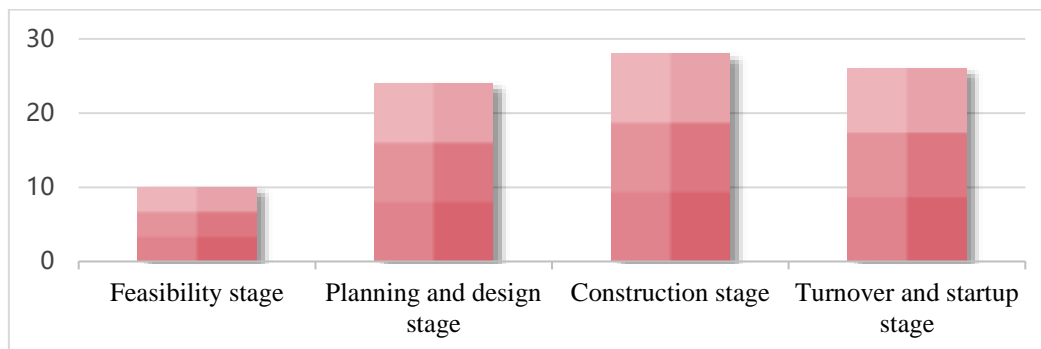

Fig. 2. Distribution of risk factors over the project life cycle¹

Project construction phase risk management should be given top priority. Although the project phase I faces the least amount of realistic risks if combined with case studies and experience. Considering the potential risk factors comprehensively, can reduce the probability of risk occurrence in phases II, III, and IV to a certain extent. Therefore, the efficiency of risk management for stage I is relatively high.

Conclusion

As international engineering projects involve a wider range of fields, the requirements for project management are gradually increasing. Based on the current development status of international engineering projects in China, the authors put forward the following suggestions for project management enhancement.

1. It is important to establish a professional and experienced project management team, conduct regular professional training, hire experienced foreign experts in the project field, or cooperate with other project management organizations. During project implementation, all personnel should continuously identify and update the list of risks based on the bottom-up principal.
2. It is important to encourage enterprises to make a reasonable choice of project markets.
3. On a national scale, it is necessary to create a database of international projects risks. This will allow quantification of design data indicators and provide scientific advice to international engineering firms and teams.
4. In order to minimize management risks and redistribute some project risks, the contractor may wish to form a consortium with local or high-value contractors to bid.
5. Before entering the international market, it is advisable for a company to comprehensively study and analyze the technical feasibility of the project, the financial capacity of the owner, as well as national stability, international relations, relevant policies and regulations, public order and security, religious customs, natural environment, and market conditions within the project area.
6. It is important for the contractor to fully understand the content of the tender documents before submitting a bid. The process of signing a contract also requires special attention. Once a contract has been signed, it is important to focus on managing communications for its implementation/changes.
7. A separate problem, not addressed in this article, is the task of insuring the risks of international projects. This problem sometimes turns into a separate task of choosing a company - a reliable insurance partner - and purchasing insurance.

Thus, following the dialectic of the research transition from the general to the particular, the authors believe that in the study and creation of a risk management system for an international project, a clear system should be built:

- the first stage is the identification of the most general conditions, areas and features of the project implementation;
- the second stage of building a more detailed, deployed risk management system is the identification of stages and elements of the structure of the project life cycle;
- the third stage in diagnosing and clarifying the direction of building the most complete risk system is the definition, comprehensive study, scientific assessment and prioritization of risk factors linked to the project life cycle.

¹ Developed and compiled by the authors.

References

1. Principles and guidelines on implementation [Electronic resource]. *China national standardization administration committee* - Access mode: <http://openstd.samr.gov.cn/bzgk/gb/newGbInfo?hcno=A33C129B985365ABC6341B068DC5DBCf> (access date April 08, 2022).
2. Shuoqing W., Dulaimi M. F. & Aguria M. Y. Risk management framework for construction project in developing countries. *Construction management and economics*. 2004;22: 237-252.
3. Bing L., Tiong Robert L. K. Risk management model for international construction joint ventures. *Journal of construction engineering and management*. 1999;125(5): 377-384.
4. Gholamreza D., Rosli M. Z. & Ali K. Risk classification and barrier of implementing risk management in oil and gas construction companies. *Journal teknologi (sciences & engineering)*. 2015;77(16): 161-169
5. Hastak M. & Shaked A. ICRAM-1: Model for international construction risk assessment. *Journal of management in engineering*. 2000;16(1): 59-69.
6. Guangning Z. Full project life-cycle risk management practice. *Petrochemical design*. 2019;36(4): 28-32.
7. Lin P. Risk analysis of multinational oil and gas pipeline projects. *Dissertation of Tianjin University*. 2017.
8. Qiang L. & Li G. Risk management of international construction projects during the project life-cycle. *Journal of civil engineering and management*. 2017; 34(6): 2-16.
9. Chuang L. Study on the risk management of international engineering project based on AHP-Fuzzy evaluation - taking Omdel-Swakopumund pipeline project of Namibia as an example. *Dissertation of Nanchang University*. 2019.
10. Eskander R.F.A. Risk assessment influencing factors for Arabian construction projects using analytic hierarchy process. *Alexandria engineering journal*. 2018. [Electronic resource] / Access mode: <https://doi.org/10.1016/j.aej.2018.10.018> (access date May 19, 2022).
11. Quan Z. Application of the full life-cycle theory on the project management of the development and construction of railway land. Hunan University. 2019.
12. Ting Y. Research on the early warning of investment risks in overseas railway projects of Chinese enterprises under the background of the BRI. *Dissertation of Chongqing University*. 2020.
13. Dikmen I., Budayan C., Birgonul M. T. & Ehsanullah H. Effects of risk attitude and controllability assumption on risk ratings: observational study on international construction project risk assessment. *J. Manage. Eng.* 2018;34(6):1-12.
14. Zegordi S. H., Rezaee E. N. & Nazari A. Power plant project risk assessment using a Fuzzy-ANP and Fuzzy-TOPSIS method. *International journal of engineering*. 2012; 25(2): 107-120.
15. Sohrabinejad A. & Rahimi M. Risk determination, prioritization, and classifying in construction project case study: Gharb Tehran commercial-administrative complex. *Journal of construction engineering*. 2015. [Electronic resource] / Access mode: <http://dx.doi.org/10.1155/2015/203468> (access date June 6, 2022).

Информация об авторах

Н. Н. Евченко – докт. экон. наук, профессор кафедры «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ;
Ван Сяохань – аспирант факультета управления ЮФУ.

Information about the authors

N. N. Yevchenko – Dr. Sc. (Economics), Professor of Department of Innovational and International Management, Faculty of Management, Southern Federal University;
Wang Xiaohan – Postgraduate, Faculty of Management of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 15.08.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 01.09.2022.

Научная статья

УДК 351

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-41-48

ПРИНЦИП КЛИЕНТОЦЕНТРИЧНОСТИ В ПРОЦЕССЕ ПОДГОТОВКИ КАДРОВ НА ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЕ

Ольга Владимировна Котлярова¹, Алексей Викторович Баранов²

¹Владимирский филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Владимир, Россия, olya-apriori@yandex.ru

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, bav.skags@gmail.com

Аннотация. Гипотезой представленной статьи является мысль о том, что формализм дополнительного профессионального образования в процессе подготовки кадров на государственной службе может быть устранен посредством внедрения принципа клиентоцентричности. Клиентоцентричность подразумевает ориентир на слушателей и их потребности и удовлетворение индивидуальных и коллективных образовательных запросов. Принцип клиентоцентричности в процессе освоения дополнительных профессиональных программ должен основываться на мнении всех заинтересованных сторон образовательного процесса, то есть на мнении заказчиков, исполнителей и, главное, самих слушателей. Принцип клиентоцентричности формируется посредством соблюдения нескольких факторов, в том числе: blended-формата, корпоративного подхода, кастомизации, персонализации, экспертного сопровождения, инновационной методологии, анализа и оценки.

Ключевые слова: принцип клиентоцентричности, профессиональное развитие, дополнительное профессиональное образование, подготовка кадров

Для цитирования: Котлярова О. В., Баранов А. В. Принцип клиентоцентричности в процессе подготовки кадров на государственной службе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 41–48. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-41-48>

Problems of Management

Original article

PRINCIPLE OF CLIENT CENTRALITY IN THE PROCESS OF PERSONNEL TRAINING IN THE PUBLIC SERVICE

Olga V. Kotlyarova¹, Alexey V. Baranov²

¹Vladimir Branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Vladimir, Russia, olya-apriori@yandex.ru

²South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, bav.skags@gmail.com

Abstract. The hypothesis of the presented article is the idea that the formalism of additional vocational education in the process of training personnel in the public service can be eliminated by introducing the principle of client centrism. Clientcentricity implies a guideline on listeners and their needs and the satisfaction of individual and collective educational needs. The principle of client centrism in the process of mastering additional professional programs should be based on the opinion of all stakeholders in the educational process, that is, on the opinion of customers, performers and, most importantly, the listeners themselves. The principle of client centrism is formed through compliance with several factors, including: blended format, corporate approach, customization, personalization, expert support, innovative methodology, analysis and assessment.

Keywords: principle of client-centric nature, professional development, additional professional education, personnel training

For citation: Kotlyarova O. V., Baranov A. V. Principle of client centrality in the process of personnel training in the public service. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):41-48. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-41-48>

Подготовка кадров государственного управления является основным направлением профессиональной деятельности Президентской Академии и поддерживается ключевыми принципами развития Академии, в том числе: концентрацией деятельности на реализации национальных целей и задач развития, определенных Президентом Российской Федерации¹.

Проблемой, поднимаемой авторским коллективом в представленной работе, является необходимость увеличивать эффективность дополнительных профессиональных программ, способствующих формированию и динамичности компетенций, востребованных государственными гражданскими и муниципальными служащими.

Отметим, что современная государственная политика развивается в рамках сервисного подхода, то есть государство позиционирует себя в качестве политического института, предоставляющего гражданам максимально функционирующий сервис, удовлетворяющий потребности и нужды населения, обеспечивающий общественную безопасность, ориентированный на гражданскую инициативу и учитывающий мнение граждан в процессе реализации государственной политики. Основой такого сервиса является гражданин с его проблемами, потребностями и нуждами.

В связи с вышесказанным, ядром системы социальных ценностей становится человек и отношение к нему как к клиенту, желающему своевременно и качественно удовлетворять собственные запросы. Клиентоцентричность становится обязательным условием процесса взаимодействия общества и власти.

Клиентоцентричность активно внедряется во все сферы жизнедеятельности российского общества. Так, клиентоцентричный подход актуален для работы банковской сферы [1]. Клиентоцентричный бизнес предполагает конкурентные преимущества и дополнительное использование сервисных инструментов, привлекающих и удерживающих клиентов (см., например, работы [2–3]). С точки зрения сервисного подхода исследуется практический опыт функционирования органов власти [4–6]. Индустрия туризма и гостеприимства исследуется как направление, основанное на принципе клиентоцентричности в процессе обслуживания гостей [7–8].

Авторский коллектив уверен в том, что принцип клиентоцентричности должен учитываться и в процессе подготовки кадров государственного управления. Для того, чтобы дополнительное профессиональное образование переставало быть формальным и начинало действительно «работать» при разработке и реализации дополнительных профессиональных программ должен быть внедрен принцип клиентоцентричности. Клиентоцентричность, с этой точки зрения, становится обязательным условием ориентации на клиента, то есть на самого слушателя, однако это системный принцип, который состоит из взаимообусловленных факторов. Мы придерживаемся мнения, что эффективность дополнительного профессионального образования государственных и муниципальных служащих повысится при условии восприятия слушателей как клиентов.

Принцип клиентоцентричности в процессе подготовки кадров предполагает учет специфических пожеланий и запросов всех групп целевой аудитории для разработки и реализации качественных образовательных контентов.

Представителями Высшей школы государственного управления РАНХиГС проведено исследование, результаты которого могут быть использованы для формулирования аспектов, в совокупности составляющих принцип клиентоцентричности².

Во время реализации дополнительных профессиональных программ повышения квалификации и профессиональной переподготовки за 2021–2022 г. были проведены масштабные опросы и анкетирования участников образовательных проектов. Среди участников образовательных проектов следует выделить *заказчиков* дополнительных профессиональных программ, то есть руководителей властных структур, заинтересованных в обучении кадрового состава государственной и муниципальной службы; *исполнителей*, то есть реализаторов образовательных контентов, педагогов и экспертов и самих *слушателей*, то есть государственных и муниципальных служащих, осваивающих дополнительные профессиональные программы и имеющих потребность в развитии профессиональных и надпрофессиональных навыков. Данные исследования были направлены на выявление факторов, определяющих эффективность образовательного процесса.

---

¹ В соответствии с Программой развития РАНХиГС до 2030 года.

² <https://cx.cdto.ranepa.ru/>

Исследовательским результатом, во-первых, стало доказательство гипотезы о том, что при оценке качества образовательных программ, прежде всего должно учитываться мнение самих слушателей этих программ. При этом с этим утверждением согласились 37,5 % заказчиков, 39,1 % исполнителей и 53,2 % самих слушателей (рис. 1).

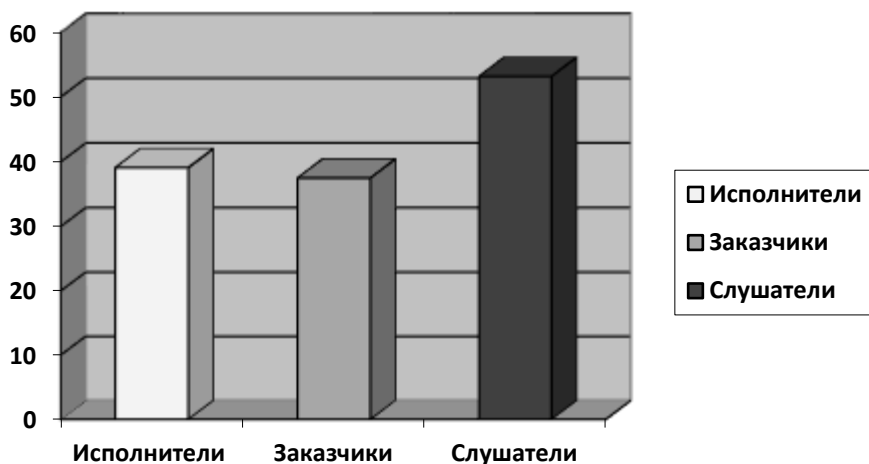

Рис. 1. Дифференциация целевой аудитории, подтвердившей главный критерий оценки качества образовательных контентов
 Fig. 1. Differentiation of the target audience, which confirmed the main criterion for assessing the quality of educational content

Во-вторых, всеми категориями целевой аудитории были сформулированы ресурсы, определяющие потенциал государственных и муниципальных служащих в процессе получения дополнительного профессионального образования¹ (рис. 2).

Рис. 2. Ресурсы, определяющие потенциал государственных и муниципальных служащих в процессе получения дополнительного профессионального образования
 Fig. 2. Resources that determine the potential of state and municipal employees in the process of obtaining additional professional education

¹ <https://gspm.ranepa.ru/>

Отметим, что фактором, сопутствующим клиентоцентричности образовательных контентов является наличие профессионального и личного опыта государственных гражданских и муниципальных служащих (критерий отметили 89% целевой аудитории), подразумевающий знание системы и понимание закономерностей процессов государственного управления.

Также к таким факторам относится интерес к практическому применению новых знаний (данный критерий значим для 75% респондентов). Сами слушатели не желают получать формальное образование, они готовы тратить личное или рабочее время исключительно для приобретения и развития новых компетенций, которые они смогут внедрять в рабочие процессы. То, что не целесообразно применять на практике, слушатели определяют как бесполезные и невостребованные навыки.

Безусловно, положительным фактором является стремление государственных и муниципальных служащих к самореализации (данный ресурс выделили 56% опрошенных). Они готовы выбирать интересующие их программы, потому что подходят к процессу обучения с точки зрения осознанности.

Большинство слушателей не сохраняют первичный интерес к содержанию образовательных контентов, однако государственные и муниципальные слушатели имеют высокую степень самоконтроля, что также выступает в качестве дополнительного ресурса в процессе освоения дополнительных профессиональных программ (данный критерий очевиден для 46% целевой аудитории).

Если служащий осознает необходимость повышать уровень профессиональной компетенции и необходимость получать дополнительно профессиональное образование, значит можно констатировать мотивацию к обучению и профессиональному развитию (она присутствует у 58 % опрошенных).

Еще одним ресурсным фактором выступает концентрация на профессиональных целях и решении профессиональных задач (критерий выделили 71 % респондентов), что, с одной стороны, стимулирует слушателей в процессе освоения программ, с другой стороны, повышает требования к образовательным контентам и качеству их реализации.

В-третьих, исследовательским результатом стало выявление ограничений, вызовов, с которыми сталкиваются все три группы, составляющие целевую аудиторию дополнительного образования. Такие ограничения становятся барьерами для внедрения принципа клиентоцентричности (рис. 3).

Рис. 3. Ограничители клиентоцентричности

Fig. 3. Clientocentric limiters

К ограничителям эффективности реализации дополнительных образовательных программ, формирующим барьеры клиентоцентричного подхода, отнесены те характеристики государственных и муниципальных служащих, которые приобретаются в следствие профессиональной деформации. Среди них отметим *сопротивление процессу обучения и изменениям*. Государственная служба достаточно стигматична и традиционна. Она характеризуется бюрократическими традициями и устоявшимися правилами. В связи с этим государственные и муниципальные служащие *не владеют достаточной мобильностью для адаптации к быстрым и непредвиденным изменениям*. Такими же причинами объясняется *высокая критичность к новым знаниям и незнакомой информации и наличие стереотипов и шаблонов мышления*. Также значимо обратить внимание на то, что преподаватели-эксперты констатируют у слушателей *разный профессиональный уровень участников группы, то есть различную стартовую подготовку*. В связи с этим дополнительные образовательные контенты требуют большей индивидуализации, то есть ориентации на индивидуальные запросы слушателей. Еще одним барьером повышения эффективности образовательных контентов является *не активная включенность слушателей в процесс, обоснованная страхом неудачи и боязнью показаться некомпетентным*. Отметим, что работа в структурах власти всегда связана с поддержкой личного имиджа и профессиональными рисками.

Основываясь на результатах исследования, представленного ВШГУ РАНХиГС, авторский коллектив сформулировал факторы, которые, по нашему мнению, в совокупности будут составлять принцип клиентоцентричности, позволяющий повышать эффективность дополнительного профессионального образования в рамках подготовки кадров государственного управления.

Сформулированные факторы визуализированы на рис 4.

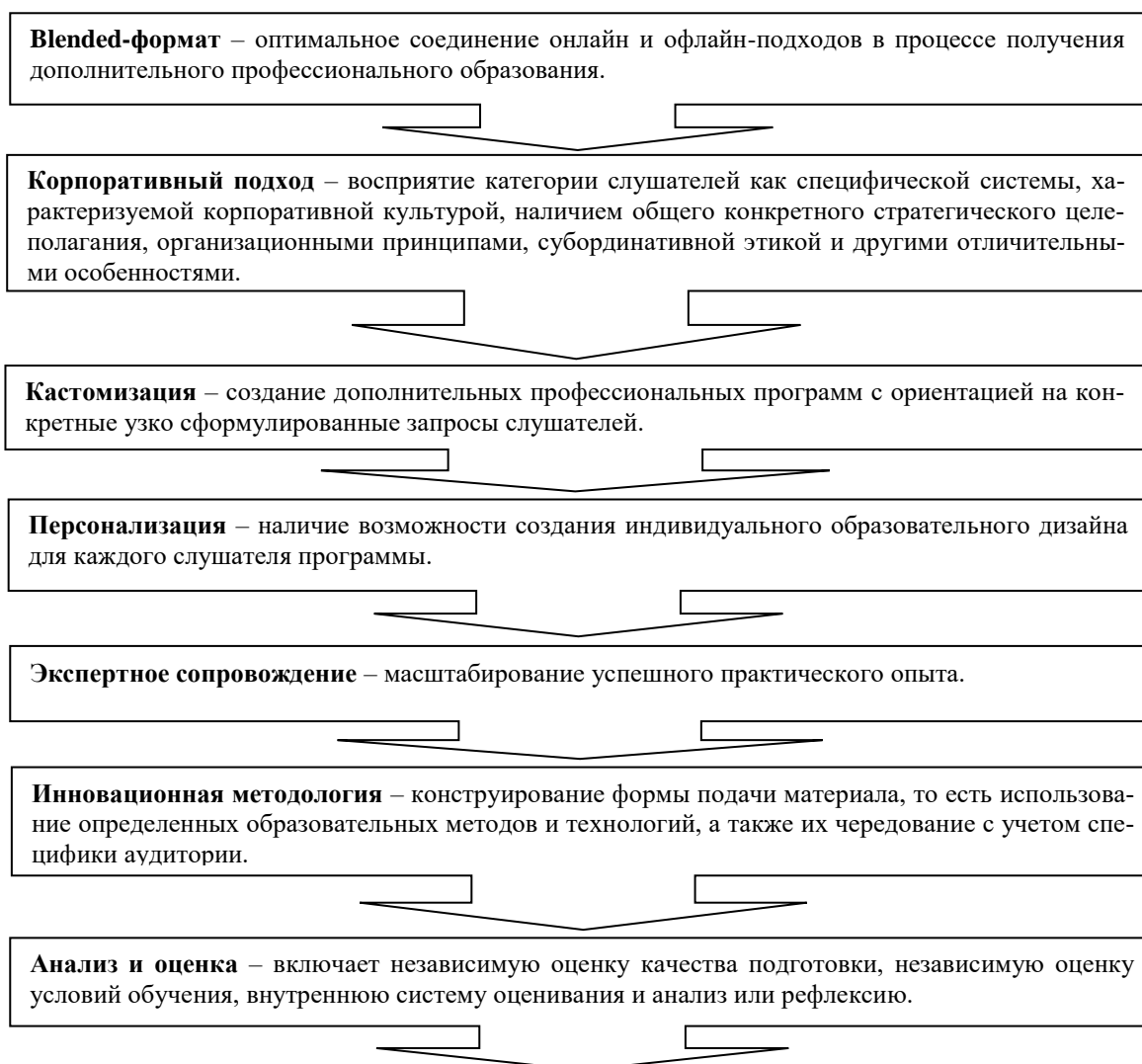

Рис. 4. Факторы, составляющие принцип клиентоцентричности
Fig. 4. Factors that make up the principle of client centrism

Прокомментируем факторы, определяющие клиентоцентричность в процессе обучения.

1. *Blended-формат*, то есть соединение онлайн и офлайн-подходов в процессе получения дополнительного профессионального образования. В следствии эпидемиологической ситуации во всех жизненно значимых сферах российского общества, ранее противопоставленные форматы очного (живого, офлайн) обучения и онлайн обучения перестают быть взаимоисключающими. Образовательная практика демонстрирует многообразие ситуаций, когда такие форматы взаимообусловлены, могут и должны объединяться, совмещаться и чередоваться. Полное исключение живого общения непривычно и неприемлемо для слушателей, это негативно сказывается на мотивационной активности и не способствует развитию совершенствуемых компетенций. В этой связи возможность чередования онлайн и офлайн-форматов для экономии пространственных и временных ресурсов всех участников образовательного процесса, для увеличения скорости передачи информации, для внедрения инновационных интерактивных и виртуальных методов взаимодействия обучающихся с преподавателями и экспертами, безусловно, способствует заинтересованности слушателей и повышению эффективности процесса обучения. Посредством внедрения blended-формата возможно сохранить временную и пространственную подвижность получения дополнительного профессионального образования, но не потерять личную взаимосвязь между слушателями, преподавателями, экспертами и организаторами обучения.

2. *Корпоративный подход*. Органы власти с точки зрения категории обучающихся представляют собой особый кластер, имеющий свою специфику. По нашему мнению, развитие профессиональных компетенций без учета аудиторной специфики снижает качество обучения. Важно применять корпоративный подход, воспринимая категорию слушателей как систему, характеризующую корпоративной культурой, наличием общего конкретного стратегического целеполагания, организационными принципами, субординативной этикой и другими отличительными особенностями. В этой связи значимо проведение регулярных исследований, направленных на структурирование компетентностного портрета современных государственных служащих, на выявление профессиональных лакун (слабых мест), требующих восполнения для грамотного выполнения профессиональных обязанностей, на определение компетентностного дефицита и будущих образовательных запросов. Результаты таких исследований взаимообусловлены совместными действиями образовательной организации и органов власти.

3. *Кастомизация программ* предполагает ориентацию в процессе их разработки и внедрения на конкретные узко сформулированные запросы заказчика. Отметим, что под термином *запрос заказчика* нами понимается, с одной стороны, образовательные потребности слушателей программ ДПО, то есть непосредственно самих государственных служащих, готовых совершенствовать профессиональные навыки, с другой стороны – пожелания работодателя, заинтересованного в качественной и квалифицированной подготовке кадров, то есть определенного органа власти. Кастомизация предполагает этап, предшествующий освоению программы, и предполагающий четкую формулировку, верную интерпретацию и учет потребностей, пожеланий и запросов слушателей и их руководителей. Учет двустороннего запроса позволяет разрабатывать и реализовывать программы, соответствующие пожеланиям работодателей и образовательным потребностям слушателей.

4. *Персонализация* дополнительных профессиональных программ. Безусловно, процесс приобретения государственными служащими востребованных компетенций является массовым. Периодически возникают сложности для дифференциации содержания программы для конкретных категорий слушателей. Имеют значение возраст, занимаемая должность, спектр непосредственной ответственности и обязанностей, имеющих не одинаково развитые навыки, располагающие ограниченным количеством времени для освоения программы. Однако, в дополнительных профессиональных программах должна быть заложена возможность создания индивидуального образовательного дизайна для каждого слушателя программы. Наличие вопросов разной сложности, возможность выбрать и более подробно разобрать наиболее интересные темы, постоянное предоставление обратной связи и другие факторы способствуют персонализации программы и повышают мотивационную активность к ее освоению.

4. *Экспертность* заключается в активном привлечении экспертов, практиков в соответствующей области государственного управления. Основываясь на многолетнем опыте, можно утверждать повышение эффективности процесса обучения, сопровождаемого демонстрацией индивидуального практического опыта, его обсуждением и анализом. В этой связи значима личность приглашенного эксперта, его значимость с точки зрения профессионализма.

5. *Инновационность методологии* предполагает конструирование формы подачи материала, то есть использование определенных образовательных методов и технологий, а также их чередование с учетом специфики аудитории. Это внедрение инновационных методов и технологий обучения, ориентированных на интерактивный образовательный процесс. Технологии активного обучения подразумевает конструирование образовательного процесса самими обучающимися. В сфере государственного и муниципального управления актуален проблемный и проектные подходы.

7. *Мотивация* учитывает стремление к развитию заинтересованности государственных служащих в приобретении новых компетенций и получению дополнительного профессионального образования. Особо важным мы считаем изменение отношения самих служащих к процессу и результатам освоения дополнительных профессиональных программ, а именно: осознание ими возможности изменения траектории карьерного развития.

8. *Анализ и оценка* предполагают, во-первых, наличие независимой оценки качества условий образовательного процесса, регулярное проведение мероприятий оценки материально-технической базы и материально-технического оснащения, а также социально-бытовых условий, подтверждающих благоприятные факторы реализации образовательной деятельности. Во-вторых, этот аспект включает оценку качества подготовки обучающихся, что позволяет образовательной организации иметь серьезное преимущество перед конкурентами – объективно оценивать уровень подготовки слушателей и результативность процесса обучения. Методика независимой оценки предполагает проведение экзаменационных испытаний не заинтересованной стороной. Также актуально применение методов «слепой оценки», позволяющих исключить заинтересованность экспертов в результатах проверки. В-третьих, принцип анализа и оценки включает внутреннюю систему оценивания. Многоуровневое измерение компетенций в начале и в финале освоения программы способствуют качественному контролю процесса обучения. Контроль качества предоставления образовательной услуги требует от организации разработку развернутой системы внутренней оценки качества образования, сертифицированной по стандарту менеджмента качества (ГОСТ ИСО 9001-2015). В соответствии со стандартом мониторинг качества образовательного процесса должен реализовываться непрерывно, присутствовать на каждом этапе освоения программы, предусматривать устранение недоработок, снижающих результативность обучения.

Соблюдение перечисленных факторов в совокупности обеспечит внедрение принципа клиентоцентричности, подразумевающего полную ориентацию на запросы целевой аудитории и способствующего росту профессионализма представителей властных структур, что, в свою очередь не просто улучшает имидж государственной службы, но и повышает уровень доверия к государству со стороны населения.

Особо обратим внимание на то, что меняется сам подход государства к процессу подготовки кадров, обучению государственных гражданских и муниципальных служащих, повышению ими квалификации и профессиональной переподготовки. Регулярное повышение квалификации, осуществляемое один раз в несколько лет, заменяется на обучение с использованием образовательных сертификатов.

Введение в обиход образовательных сертификатов утверждено постановлением Правительства в мае 2019 года. Образовательный сертификат предполагает 1) инициативу со стороны государственного служащего, который понимает необходимость повышения квалификации и осознанно запрашивает сертификат; 2) возможность самостоятельного выбора образовательной организации, направления обучения и образовательной программы, соответствующих индивидуальным образовательным запросам государственного служащего.

Введение образовательных сертификатов способствует повышению мотивации служащих в получении дополнительного профессионального образования, в связи с тем, что инициативность и ответственность за процесс обучения ложатся на плечи слушателей, осваивающих образовательные контенты.

По нашему мнению, возможность использования образовательного сертификата также является частью клиентоцентричного подхода, потому что в центре внимания находится сам слушатель и его образовательная потребность, которая должна быть своевременно и качественно удовлетворена.

Список источников

1. Ушанов А. Е. Принцип клиентоцентричности в банковской деятельности в условиях цифровизации // *Азимут научных исследований: экономика и управление*. 2020. Т. 9. № 1 (30). С. 350-354.
2. Архипова Л. И., Пархименко В. А. Клиентоцентричность бизнеса, управляемого данными // *Big Data and Advanced Analytics*. 2021. № 7-1. С. 138-143.
3. Юзвович Л. И., Данилова К. А. Синергетический эффект взаимодействия торгово-розничных и финансовых организаций в условиях цифровизации как инструмент формирования клиентоцентричности в третичном секторе. В книге: *Экономика сферы услуг в условиях цифровизации*. Екатеринбург, 2020. С. 165-190.
4. Богатырева Т. Г., Мартынова С. Э. Внедрение ценностей клиентоцентричности в деятельность органов власти: концептуальные подходы и инструменты // *Среднерусский вестник общественных наук*. 2022. Т. 17. № 3. С. 42-70.
5. Рощупкина В. В., Клушина Н. П. Модель партнерского взаимодействия предпринимателя и налогового органа с позиции клиентоцентричности // *Вестник Алтайской академии экономики и права*. 2021. № 8-2. С. 181-185.
6. Федоров Е. А. Клиентоцентричность как механизм повышения уровня доверия граждан к органам власти. В сб.: *Экономика, управление, право: актуальные вопросы и векторы развития*. Сборник статей VIII Международной научно-практической конференции. Петрозаводск, 2022. С. 101-104.
7. Астахова М. Д., Фокина Ю. М. Ценности адресата в туристическом дискурсе. В сборнике: *Креативная лингвистика. Сборник научных статей*. Астрахань, 2021. С. 9-13.
8. Баранов А. В., Котлярова О. В. Модель компетенций руководителя гостиничного бизнеса // *Личность: ресурсы и потенциал*. 2022. № 2 (14). С. 27-32.

References

1. Ushanov A. E. The principle of client-centric banking in digitalization. *Azimut nauchnykh issledovaniy: ekonomika i upravlenie = Azimuth of scientific research: economics and management*. 2020;9(1(30)):350-354. (In Russ.)
2. Arkhipova L. I., Parkhimenko V. A. Client-centric business managed by data. *Big Data and Advanced Analytics*. 2021;7-1:138-143. (In Russ.)
3. Yuzvovich L. I., Danilova K. A. The synergistic effect of interaction between trade, retail and financial organizations in the context of digitalization as a tool for the formation of client centrism in the tertiary sector. In: *The economy of the service sector in the context of digitalization*. Yekaterinburg; 2020:165-190. (In Russ.)
4. Bogatyreva T. G., Martynova S. E. Introduction of client-centric values in the activities of government bodies: conceptual approaches and tools. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2022;17(3):42-70. (In Russ.)
5. Roshchupkina V. V., Klushina N. P. Model of partnership between an entrepreneur and a tax authority from the position of client-centric. *Vestnik Altaiskoi akademii ekonomiki i prava = Bulletin of the Altai Academy of Economics and Law*. 2021;8-2:181-185. (In Russ.)
6. Fedorov E. A. Client-centric as a mechanism to increase the level of confidence of citizens in the authorities. In: *Economics, management, law: topical issues and vectors of development. Collection of articles of the VIII International Scientific and Practical Conference*. Petrozavodsk; 2022:101-104. (In Russ.)
7. Astakhova M. D., Fokina Yu. M. Addressee's values in tourist discourse. In: *Creative linguistics. Collection of scientific articles*. Astrakhan, 2021:9-13. (In Russ.)
8. Baranov A. V., Kotlyarova O. V. Model of competencies of the head of the hotel business. *Lichnost': resursy i potentsial = Personality: resources and potential*. 2022;2(14):27-32. (In Russ.)

Информация об авторах

О. В. Котлярова – канд. филолог. наук, доц. кафедры социально-гуманитарных дисциплин Владимирского филиала РАНХиГС;

А. В. Баранов – зам. директора ЮРИУ РАНХиГС;

Information about the authors

O. V. Kotlyarova – Candidate of Philology Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Humanitarian Disciplines of Vladimir branch of RANEPА;

A. V. Baranov – Deputy Director of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 24.08.2022; одобрена после рецензирования 07.09.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 24.08.2022; approved after reviewing 07.09.2022; accepted for publication 08.09.2022.

Научная статья

УДК 352/354

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-49-54

«ЭКОСИСТЕМА» ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ ПУБЛИЧНОЙ ВЛАСТИ: ЭТИКЕТ ПРИНЯТИЯ УПРАВЛЕНЧЕСКИХ РЕШЕНИЙ

Михаил Амиранович Овакимян¹, Анна Борисовна Савченко²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

Автор, ответственный за переписку: Михаил Амиранович Овакимян, ovakimyan-m.a@mail.ru

Аннотация. В представленной статье авторским коллективом исследуются вопросы этикета принятия управленческих решений в условиях формирования «экосистемы» взаимодействия публичной власти в современной России. К новым условиям, в которых осуществляется реформирование и развитие социально-экономических систем относятся – «хрупкость» современного мира, субъекта и объекта управления, высокая тревожность за судьбы будущего, нелинейность развития и необходимость выбора приоритетов, «неопределенная неопределенность» – мир не много не такой каким кажется». В статье обозначен инструментарий, определяющий возможности роста эффективности принятия «красивых управленческих решений» в выше перечисленных условиях. В заключительной части статьи рассматриваются вопросы формирования «экосистемы» публичной власти, основанной на этикете принятия управленческих решений, гармонии с внешней и внутренней средой и обеспечения условий для принятия «красивых управленческих решений».

Ключевые слова: «экосистема», публичная власть, этикет, «красивое управленческое решение», этикет взаимодействия

Для цитирования: Овакимян М. А., Савченко А. Б. «Экосистема» взаимодействия публичной власти: этикет принятия управленческих решений // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 49-54. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-49-54>

Problems of Management

Original article

"ECOSYSTEM" OF INTERACTION OF PUBLIC AUTHORITIES: MANAGEMENT DECISION-MAKING ETIQUETTE

Mikhail A. Ovakimyan¹, Anna B. Savchenko²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Mikhail A. Ovakimyan, ovakimyan-m.a@mail.ru

Abstract. In this article, the team of authors examines the issues of etiquette for making managerial decisions in the context of the formation of an "ecosystem" of interaction between public authorities in modern Russia. The new conditions in which the reform and development of socio-economic systems are carried out include the "fragility" of the modern world, the subject and object of management, high anxiety for the fate of the future, non-linearity of development and the need to choose priorities, "uncertain uncertainty" – the world is not much different what it seems." The article outlines the tools that determine the possibility of increasing the efficiency of managerial decision-making in the above conditions. The final part of the article discusses the formation of an "ecosystem" of public authority based on the etiquette of making managerial decisions, harmony with the external and internal environment and providing conditions for making "beautiful managerial decisions".

Keywords: "ecosystem", public authority, etiquette, "beautiful management decision", interaction etiquette

For citation: Ovakimyan M. A., Savchenko A. B. "Ecosystem" of interaction of public authorities: management decision-making etiquette. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):49-54.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-49-54>

В условиях реализации современной модели управления актуальность приобретает не процессный, а проектный подход. Системное, критическое, сервисное и дизайн мышление приходят на смену традиционным и консервативным парадигмам. Решение большинства современных управленческих проблем связано с необходимостью реализации нетривиальных, креативных сценариев. Понимание проблемы в управленческой науке представляется как несоответствие представления субъекта управления об объекте управления или явлении его, характеризующем и то, чем объект является на самом деле. Рассматриваемые выше проблемы научного исследования анализируются в работах российских и зарубежных ученых: Атаманчука Г. В., Волчкова И., Игнатова В. Г., Игнатовой Т. В., Минкевича А., Моги Кено, Кемпкенса О., Киселева В. Д., Радченко А. И. и др.

Современная наука управления «перестала» отвечать на вызовы и предлагать решения в условиях «неопределенной неопределенности» – характеристика «BANI»-мира. Как известно, в таких условиях и с такими характеристиками системы построение прогнозов и планов невозможно. Есть ли из этой ситуации выход? Так, ли все однозначно? Именно ответ на данные вопросы и привел к выбору актуальной проблемы формирования «экосистемы» взаимодействия публичной власти чрез формирование правил – этикета принятия управленческих решений.

Авторский коллектив в данной статье продолжает исследовать проблему принятия «красивых управленческих решений» в единой системе публичной власти (государственном и муниципальном управления) и акцентирует внимание на таком инструменте, как этикет и его роль в «экосистеме» публичной власти. Необходимость разработки инструментария и актуализации вопросов совершенствования управленческой науки, раскрытия новых аспектов и направлений анализа в данной сфере.

Исследование – является не только продолжением исследования, но и постановкой актуальной научной проблемы совершенствования моделей принятия решений, в сфере функционирования единой системы публичной власти в современном «хрупком», тревожном, нелинейном мире – «BANI»-мире.

Введение

Управленческое знание утрачивает ценность и не дает рецептов преодоления сложных проблем развития социально-экономических систем, кризисов в условиях глобализационных и глокализационных, национальных и мировых процессов.

В связи с выше сказанным авторский коллектив признает перспективной тему проведенного научного анализа, основополагающим вопросом которого будет являться вопрос о роли этикета принятия управленческих решений в формировании «экосистемы» взаимодействия публичной власти, сообществ и хозяйствующих субъектов.

Необходимость данного анализа актуализируют процессы, связанные с потерей интереса к управленческой профессии, образованию и науке. Реформирование системы публичной власти, связанное с централизацией и снижением инновационности, самостоятельности в принятии управленческих решений, формируют в свою очередь негативный образ государственного и муниципального управленца в глазах опытных профессионалов и молодых кадров. Результаты работы показывают, что данное обстоятельство обусловлено отсутствием «экосистем» и корпоративной культуры взаимодействия в государственном и муниципальном управлении. В «экосистеме» взаимодействия публичной власти важнейшим элементом являются правила принятия управленческих решений – этикет взаимодействия при осуществлении данного процесса.

Актуальность исследования

В современной управленческой науке уже более двадцати лет выдвигается гипотеза, о том, что вопросы планирования будущего, формирования эмоционально окрашенного результата, сосредоточены в руках управленцев из сферы публичной власти. В условиях мира «новой реальности», исследователи выявили и изучают новые тренды в управленческой практике: человекоцентричность, клиентоцентричность, клиентоориентированность управленческой деятельности, основанные на человекомерности мира. Отметим, что данные тренды сочетаются с цифровизацией и цифровой трансформацией управления, как нового явления и характеристике управленческих систем. Данное явление снижает тренд на человекомерность

мира, что создает ряд сложностей, связанных с вопросами понимания смыслового наполнения управленческой деятельности в целом и может сказаться на результатах очередного этапа административной реформы.

В науке государственного и муниципального управления сформировалось несоответствие представления субъекта управления об объекте – ключевой содержательной стороной категории управления. Как известно управление – это деятельность субъекта управления по воздействию на объект управления в целях его перевода в заданное состояние, соответствующее целям субъекта управления или системы.

Система понимается, как совокупность элементов (частей) взаимосвязанных и взаимодействующих между собой. Управленческая система не является исключением. Как видно из данной «формулы» наиболее важными элементами становятся взаимосвязи и взаимодействие. Повышение их эффективности и обеспечивает эффективное управление, а это и эффективность оценки деятельности руководителей разного уровня, рост доверия населения к власти в целом, репутация, основанная на экспертизности в принятии управленческих решений.

Под единством системы публичной власти понимается, прежде всего, функциональное единство, дополняющееся организационным взаимодействием государственной власти и органов местного самоуправления при решении задач на соответствующей территории.

Обеспечение потребностей государства, регионов, муниципалитетов, муниципальных общин, семей, граждан и всего населения – одна из задач власти. Согласованное функционирование и взаимодействие органов является обязательным условием ее эффективности.

В рамках различных этапов реализации административной реформы в России обозначился ее главный вектор – эффективность. Ее основой, по нашему мнению, является этикет принятия управленческих решений в «экосистеме» взаимодействия публичной власти. Цель реформы состояла в том, чтобы на более «веских основаниях» избавить государственный аппарат от «старых» функций, инструментом, технологий, механизмов, взятых из прошлого; четко разграничить функции между федеральными органами исполнительной власти, исключив дублирование, параллелизм и «провисание» [1]. Тем самым предполагалось, что удастся наконец-то «пресечь» бесконечную реорганизацию государственного аппарата, рационально реализовать взаимодействие «трех определений» исполнительного аппарата: «функций, структуры, штатов» – и приступить к осуществлению эффективного государственного управления.

Указанный вектор предопределяет необходимость оптимизационных процессов с целью формирования эффективной модели управления и повышения качества и результативности управленческой деятельности, основанной на внедрении новых подходов в управлении: проектный, процессный, стратегический, управление изменениями и управление в условиях неопределенности и т.д. Но даже в совершенстве прописанные процессы, алгоритмы, регламенты, функции, цели и задачи не смогли обеспечить и тем более гарантировать эффективность и результативность управленческой деятельности и в целом системы управления. Анализ показывает, что проблемы возникают на стадии взаимодействия органов публичной власти друг с другом и сообществами (во внутренней и внешней среде) при принятии управленческих решений. Одиночное лидерство перестает быть трендом и не является эффективным в современном мире. Необходимо и важно наладить систему взаимодействия для достижения значимых целей управления для обеспечения единства правил (этикета) принятия управленческих решений в системе публичной власти.

Однако, взаимодействие связано с рядом сложностей: применение консервативных управленческих подходов, методов и инструментов «из прошлого», отсутствие смысловой нагрузки в понимании совершаемых действий, ее значимости для системы в целом.

Важным направлением административной реформы является реальное повышение эффективности деятельности органов публичной власти. Решение этой задачи диктуется необходимостью обеспечить высокую организованность всех звеньев власти и государственных (муниципальных) служащих, четкость и деловитость в осуществлении их компетенции.

Во взаимодействии в «экосистеме» публичной власти, в целях обеспечения эффективности управления важно выделить следующие компетенции, которыми должен владеть современный управленец, использующий этикет принятия управленческих решений:

- целеполагание и управление основанное на ценностях, смысловое и содержательное наполнение управленческой деятельности;

- лидерство, саморазвитие и мотивация на успех;
- эффективные коммуникации (в том числе цифровые);
- управления основанное на доверии;
- договороспособность;
- «эмоциональный интеллект»;
- человекоцентричность и клиентоцентричность;
- управление, основанное на восприятии (ощущениях) и др.

В современной управленческой науке и практике наметился тренд на создание «экосистем» управления. «Экосистема» управления – это группа взаимосвязанных элементов, которая образовалась из внутреннего и внешнего взаимодействия с целью достижения высокой эффективности (комфортности, результативности) управленческой деятельности.

Современная управленческая «экосистема» включает: внутреннюю и внешнюю среду взаимодействия, поле проблем и задач деятельности, способы контроля и решения по взаимодействию, и чек-листы взаимодействия (табл. 1-2).

Таблица 1 – Поле проблем в использования потенциала управленцев в системе публичной власти

Table 1 - Field of problems in using the potential of managers in the public power system

Поле проблем	Оценка проблемы (в процентах)		
	Плохое	Удовлетворительное	Хорошее
У кого			
Наука (фундаментальная и отраслевая)			
Образование			
Бизнес			
Власть формальная (виды: законодательная, исполнительная, судебная и четвертая власть (информационная))			
Власть неформальная. Конструктивная (религиозные органы, формальные и неформальные институты гражданского общества, общества, партии, общественные движения, ...)			
Власть деструктивная (формы организованной и неорганизованной преступности, ...)			
Итого (сейчас):			

Таблица 2 – Матрица взаимодействия (акцентуация «красивых управленческих решений»)

Table 2 – Interaction matrix (accentuation of "beautiful management decisions")

Персонаж или группа	Тип решения (стратегии)											
	Сотрудничество	Сотрудничество + Соперничество	Соперничество	Соперничество + Уклонение	Уклонение	Растворение + Уклонение	Растворение	Сотрудничество + Растворение	Сотрудничество+ уклонение	Соперничество + Растворение	Компромисс (Микс)	Итого (решений):
Персонаж или группа 1												
Персонаж или группа 2												
Персонаж или группа n.....												
Итого (решений):												

n – (количество персонажей/групп)

В табл. 2 сегментированы решения по взаимодействию в «экосистеме» управления при соблюдении этикета принятия управленческих решений (особого их вида – названного в предыдущей статье авторов – «красивые управленческие решения»).

Этикет принятия управленческих решений обеспечивает условия для более эффективного контроля взаимодействия в «экосистеме» взаимодействия публичной власти (именно такой инструмент как этикет формирует условия для принятия «красивых управленческих решений») посредством использования следующих измерителей (измеритель – чем будете мерить полученный результат принятия управленческих решений (например: рубли, прибыль, убытки, штуки, время, километры, килограммы и многое другое)).

- Измеритель структурный: оптимизация штатной численности.
- Измеритель финансовый: рост доходов бюджета от привлечения инвесторов и участия в решении проблем.
- Измеритель отношения: повышение лояльности населения к решениям (рост авторитета).
- Измеритель правоотношений: принятие правовых актов. Разработка меморандумов и чек-листов взаимодействия, ситуационные семинары и кейсы [2].

Чек-листы взаимодействия – это документ, который является своего рода планом действий управленца на ближайший отрезок времени, один из важных элементов этикета принятия именно «красивых управленческих решений» в «экосистеме» взаимодействия публичной власти. Если говорить еще проще о том, что такое чек-листы, то можно назвать их своего рода органайзерами. Благодаря таким документам вы не забудете сделать то, что имеет для вас особую важность. Также чек-лист можно обозначить словом «подсказка». Заглянув в него, вы можете получить нужную информацию, которую не всегда удается.

В чем заключаются плюсы такого документа в системе этикета-взаимодействия при принятии «красивых управленческих решений»?

1. Чек-лист – это своего рода пошаговая инструкция, благодаря которой человек может выполнять задачи, начиная с самых важных и заканчивая второстепенными.

2. Возможность анализа эффективности труда. Эти особенности чек-листов широко и успешно используются в сфере бизнеса. Многие руководители составляют планы выполнения определенных работ (графики) для сотрудников. За счет итоговых результатов можно определить, кто из персонала максимально эффективно справляется с поставленными задачами, а кто менее успешен в этом вопросе.

3. Использование во всех сферах деятельности. Так, существуют четко разработанные планы создания цифровой репутации органа публичной власти, которым необходимо следовать неотступно, чтобы проект был успешным и результативным.

Рассмотрим, как сделать чек-лист принятия «красивых управленческих решений»? Это зависит от целей его написания, а также от сферы применения. Но чтобы сформировать нужный документ, нужно руководствоваться такими простыми подсказками:

- определить разновидность чек-листа;
- разделить документ на 3 графы: номер п/п, название и условия задачи, результат выполнения задания;
- все пункты краткие, лаконичные, но понятные;
- один чек-лист должен иметь от 5 до 20 пунктов (если их больше, то лучше разбить одно задание на несколько этапов, а для каждого из них составить отдельный check list);
- пункты плана должны располагаться в логической последовательности;
- можно добавлять дедлайны (временные ограничения) для повышения эффективности работы.

Однако стоит отметить, что любые инновации представляют потенциальные риски. Внедрение новой парадигмы принятия «красивых управленческих решений», мы можем отнести к инновациям. Необходимо понимать, что экономика и управление ориентированы на максимально выгодное затрачивание ресурсов. При этом на второй план уходит духовная и этическая составляющая развития общества. В связи с вышесказанным кажется важным определение границ применения инновационных технологий, разграничение вещественной и ценностной парадигмы современного общества, учет человеческого фактора.

В заключение представленной статьи мы считаем необходимым акцентировать внимание на том, что современный этап административной реформы направлен на использование нетривиальных и нестандартных подходов к решению «старых» задач. Технологии и инструменты науки управления должны способствовать формированию «антихрупкости» систем. Элементом «антихрупкости», по нашему мнению, является пример создания «экосистемы» взаимодействия публичной власти. Ключевым и надежным инструментом такой «экосистемы» является этикет принятия управленческих решений. Современный управленец в единой системе публичной власти должен владеть инструментами управления, обеспечивающего «антихрупкость» системы, ее основой становится парадигма принятия «красивых управленческих решений».

Список источников

1. Краснов Ю. К., Шкатулла В. И. Научно-практический комментарий к Федеральному закону от 21.12.2021 N 414-ФЗ «Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации» (постатейный) // СПС КонсультантПлюс. 2022.
2. Киселев В. Д. Технология написания проектного кейса в жанре «кейкис» // Научные исследования и разработки. Социально-гуманитарные исследования и технологии. 2015. № 4(13). С. 7-14.

References

1. Krasnov Yu. K., Shkatulla V. I. *Scientific and practical commentary on the Federal Law of 21.12.2021 N 414-FZ "On the General Principles of the Organization of Public Power in the Constituent Entities of the Russian Federation" (Article)*. In: SPS ConsultantPlus. 2022.
2. Kiselev V. D. Technology for writing a project case in the keikis genre. *Nauchnye issledovaniya i razrabotki. Sotsial'no-gumanitarnye issledovaniya i tekhnologii = Scientific research and development. Socio-humanitarian research and technology*. 2015;4(13):7-14. (In Russ.)

Информация об авторах

М. А. Овакимян – канд. экон. наук, доц., зав. кафедрой государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС;

А. Б. Савченко – директор программы центра дополнительного образования ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

M. A. Ovakimyan – Candidate of Economics Sciences, Associate Professor, Head of Department of State and Municipal Administration of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA;

A. B. Savchenko – Program Director of the Center for Additional Education of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPA.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.09.2022; одобрена после рецензирования 11.09.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 01.09.2022; approved after reviewing 11.09.2022; accepted for publication 12.09.2022

Научная статья

УДК 352:354.1

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-55-63

ЗАРУБЕЖНЫЙ ОПЫТ ОЦЕНКИ ЭФФЕКТИВНОСТИ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ОРГАНОВ ИСПОЛНИТЕЛЬНОЙ ВЛАСТИ

Виктория Викторовна Петрушевская¹, Игорь Владимирович Дмитров²

¹Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики, Донецк, Донецкая Народная Республика, petrushevskaya@list.ru

²Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, zeldner@inecon.ru

Аннотация. Статья посвящена изучению эффективности работы органов государственной исполнительной власти и аппарата местного самоуправления, которая является важнейшей задачей каждого государства на любом этапе его развития, а также насущной проблемой административного управления. В связи с этим правильно построенная оценка эффективности функционирования вышеуказанных структур, учитывающая национальную специфику органов власти, обеспечивает формирование действенной системы объективного анализа деятельности государственных органов в целом, а также их структурных подразделений. Мировой опыт показывает, что государства, в которых налажена работа подобной системы оценки, выделяются эффективностью работы структур власти и высоким уровнем достижений во всех сферах жизнедеятельности общества. Высокого качества принимаемых решений в рамках вышеупомянутой системы можно добиться путем проведения мониторинга реализации поставленных целей, учитывающего сравнение фактического объема затраченных ресурсов с установленным объемом. В области исследуемой проблемы в данной работе представлены государственные административные реформы, осуществляемые в зарубежных странах, а также основные модели и интегральные показатели, позволяющие провести объективную оценку эффективности деятельности органов исполнительной власти, а также проведен анализ возможности переноса зарубежного опыта в Российскую Федерацию и вероятных последствий этого.

Ключевые слова: органы исполнительной власти, оценка эффективности, государственное управление, критерии оценки, анализ деятельности, интегральные показатели

Для цитирования: Петрушевская В. В., Дмитров И. В. Зарубежный опыт оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 55–63. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-55-63>

Problems of Management

Original article

FOREIGN EXPERIENCE IN EVALUATING THE EFFECTIVENESS OF EXECUTIVE AUTHORITIES

Viktoriya V. Petrushevskaya¹, Igor' V. Dmitrov²

¹Donetsk Academy of Management and Public Administration Under the Head of the Donetsk People's Republic, Donetsk, Donetsk People's Republic, petrushevskaya@list.ru

²Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, zeldner@inecon.ru

Abstract. The article is devoted to the study of the effectiveness of the work of state executive authorities and the local self-government apparatus, which is the most important task of each state at any stage of its development, as well as an urgent problem of administrative management. In this regard, a properly constructed assessment of the effectiveness of the functioning of the above structures, taking into account the national specifics of the authorities, ensures the formation of an effective system of objective analysis of the activities of state bodies as a whole, as well as their structural units. World experience shows that states in which such an assessment system has been established are distinguished by the efficiency of government structures and a high level of achievements in all spheres of society. The high quality of decisions made within the framework of the above-mentioned system can be achieved by monitoring the implementation of the set goals, taking into account the comparison of the actual amount of resources spent

with the established amount. In the area of the problem under study, this paper presents the state administrative reforms implemented in foreign countries, as well as the main models and integral indicators that allow an objective assessment of the effectiveness of the executive authorities, as well as an analysis of the possibility of transferring foreign experience to the Russian Federation and the likely consequences of this.

Keywords: executive authorities, efficiency assessment, public administration, evaluation criteria, activity analysis, integral indicators

For citation: Petrushevskaya V. V., Dmitrov I. V. Foreign experience in evaluating the effectiveness of executive authorities. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(3):55–63. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-55-63>

Повышение уровня жизни населения является одним из основных приоритетов исполнительных органов власти и самоуправления на государственном, региональном и местном уровнях. В настоящее время нет четко регламентированных стандартов, которые регулируют жизнеустройство, жизнеобеспечение и жизнедеятельность на имеющихся уровнях управления, а также, в отличие от многих высокоразвитых стран мира, не разработана система оценки качества и эффективности деятельности органов местной власти по оказанию услуг населению.

Ввиду необходимости повышения качества работы органов местной власти в России и целесообразности изучения зарубежного опыта в этой сфере, данная тема является актуальной.

Исследованием отдельных аспектов этого вопроса занимаются такие ученые и практики, как А. Р. Абляшев, Т. В. Бутова, А. К. Бочарова, О. Н. Богатырева, О. Ю. Еремина, Н. В. Климовских и др. [1–6]

Формально перестройки в области государственного управления в России направлены на повышение эффективности, ответственности, информативности деятельности, подотчетности деятельности органов исполнительной власти, контроля за перечисленными процессами за счет различного вида оценок [3].

Проведение оценки эффективности деятельности органов государственного управления возможно в результате определения их общественного значения и соответствия субъективным ценностям (идеалам, принципам, целям, концепциям, нормам).

В основе критериев эффективности лежат принципы государственного управления, являющиеся нормативными требованиями, которые способны регулировать взаимосвязь между поставленными целями и полученными результатами управленческой деятельности [1].

Реформирование является основной задачей, которую необходимо выполнить для повышения качества деятельности органов исполнительной власти и государственного управления.

Проектирование новых реформ, даже опираясь на зарубежный опыт, требует глубокого и тщательного анализа, при проведении которого можно будет ответить на ряд следующих вопросов:

каким образом разработан механизм исполнения государственных функций и построена система управления в области планирования, анализа и улучшения деятельности;

какую роль играет взаимосвязь с потребителями и насколько адекватно, достоверно, полно и информативно характеризуются их запросы;

каким образом определена сущность, достаточность, всеобъемлемость и сбалансированность функций, полномочий и осуществляемых услуг органа исполнительной власти.

С целью реализации проекта реформирования системы качества органов исполнительной власти необходимо придерживаться всех вышеизложенных факторов. Таким образом будет обеспечен эффект синергии всех элементов организационной структуры ведомства и гарантировано качество предоставляемых государственных услуг в соответствии с запросом потребителя.

К основным мотивам принятия реформ относится необходимость решения поставленных задач:

повышение эффективности деятельности государственных органов власти и способности государства эффективно осуществлять государственную и финансовую политику в соответствии с действующим законодательством;

возрастание доверия к государственным органам со стороны населения, государственного и частного бизнеса;

привлечение достаточного количества работников необходимой квалификации с последующим контролем за целевым использованием средств, выделенных на реализацию определенных целей [7].

По степени радикальности проводимых реформ можно выделить три группы стран [5]:

страны, в которых реформирование происходило быстрыми темпами (США, Канада, Новая Зеландия);

страны, в которых реформы проходили умеренными темпами (Великобритания, Франция, Австралия);

страны, реформы в которых носили консервативный характер (Италия, Дания Венгрия).

В США были внедрены три основные фазы реформ: «работать качественнее, стоить меньше», «пересмотреть все, что вы делаете», «Америка – самая лучшая во всем». В результате внедрения реформ был устранён дефицит бюджета, однако возвращение доверия к правительству не было осуществлено.

В Канаде был применен принцип эффективного распределения государственных ресурсов между ведущими направлениями деятельности правительства. В результате произошло внедрение новой системы управления затратами, которая предполагала проведение анализа собственных программ органами исполнительной власти.

В Новой Зеландии ведомствам была предоставлена максимальная гибкость и самостоятельность, а после проведен мониторинг результатов деятельности ведомств. В конечном итоге: реформы проведены успешно, благодаря высокому уровню правовых знаний государственных служащих и низкому уровню коррупции.

В Великобритании проведена «менеджеральная революция», главная идея которой заключалась в формировании модели наиболее эффективного государственного управления, в результате чего сокращена численность льгот и привилегий государственных служащих, повышена эффективность администрации.

Во Франции проведена реформа «нового менеджизма» и создана французская модель информационного государства, которая привела к введению новой системы бюджетного учета и контроля в министерствах и новой должности – генерального казначея.

В Австралии разработан ряд законодательных актов, направленных на повышение гибкости в управлении государственными органами исполнительной власти и находящихся в процессе полного внедрения.

В Италии внедрён «новый государственный менеджмент», предполагающий новые правила компетенции, статуса и ответственности государственных исполнительных органов, который сделал государственное управление негибким и неэффективным.

В Дании проведена крупная финансовая и кадровая реформа, которые дали положительные результаты.

В Венгрии осуществлялся процесс децентрализации: государственным органам было передано больше полномочий и автономии, в результате чего повышено качество государственных услуг.

В научных исследованиях рассматриваются такие методы оценки эффективности управленческой деятельности [4;6]:

описательный метод (метод предусматривает сумму баллов, которые может получить государственный служащий во время своей работы, основываясь на оценке таких различных показателей, как количество выполненной работы, ее качество, количество отработанных часов и др.);

метод графической рейтинговой шкалы (метод основан на показателях, выявленных в процессе работы, проводится оценка достижения целей и график их выполнения должностными лицами);

методика оценки решающих ситуаций (основан на соотношении достигнутых и невыполненных целей и задач);

метод шкалы поведенческих установок (критерии сотрудника – эффективная и неэффективная работа);

метод наблюдения за поведением (шкала критериев, по которым оценщик описывает преимущества и недостатки поведения сотрудника).

В современных условиях каждой стране в государственном управлении нужны люди, которые смогут успешно решать сложные задачи, встающие перед государством. Существенное значение приобретает понимание государственными служащими стоящих перед ними профессиональных задач и способов мобилизации интеллекта на формирование новых идей (рис. 1).

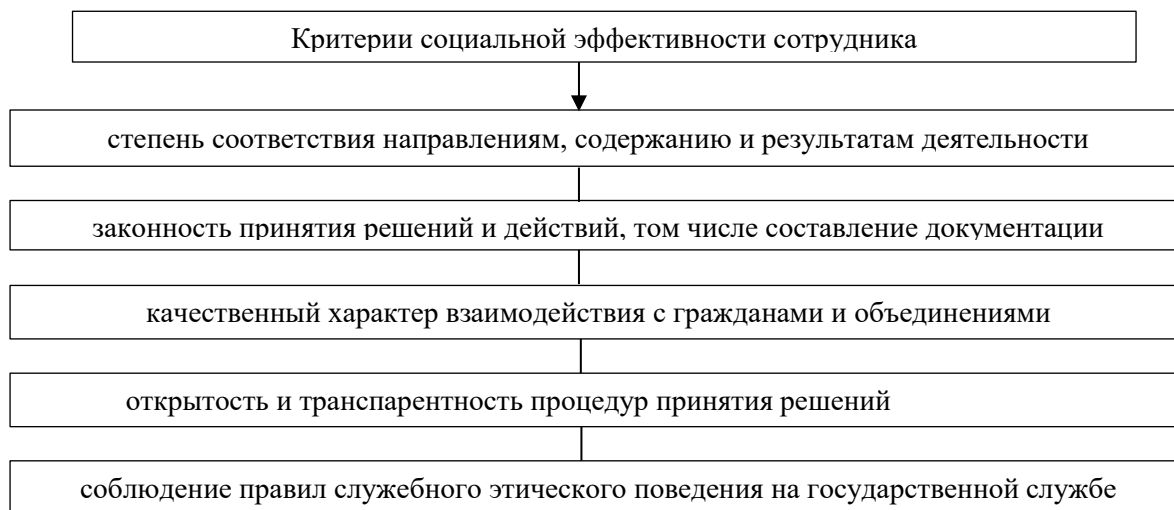

Рис. 1. Методологические критерии для практической оценки эффективности государственных служащих

Fig. 1. Methodological criteria for practical evaluation of the effectiveness of civil servants

Аттестация государственных служащих необходима для определения уровня их профессиональной подготовки и степени ее соответствия предъявляемым квалификационным требованиям на периодической основе.

Однако, несмотря на все положительные аспекты проведения аттестации, к сожалению, зачастую данная процедура имеет определенные существенные недостатки, в связи с чем не в полной мере работает на достижение целей, для которых она предназначена. К таким недостаткам можно отнести: формальный характер проведения, иногда может выступать в роли инструмента избавления от «неудобных» служащих и др. Формализм нередко дополняется игнорированием результатов аттестации руководителями.

В Минтруда России отмечается, что для эффективной организации системы оценивания необходимо следовать следующим правилам [8, с. 32]:

- участие независимых экспертов в разработке методологии аттестации и служебной аттестации должностных лиц;
- участие в оценке всех участников;
- формализация процедур оценки, разработка методик оценки и формализованных отчетов по результатам оценки;
- обеспечение регулярности процесса оценки.

В табл. 1 представлена оценка мониторинга эффективности государственной службы в Гонконге, Сингапуре, Южной Корее.

Таблица 1 – Сравнительная характеристика процесса мониторинга государственной службы в Гонконге, Сингапуре, Южной Корее

Table 1 – Comparative characteristics of the public service monitoring process in Hong Kong, Singapore, South Korea

Статистические показатели	Гонконг	Сингапур	Южная Корея
Численность государственных служащих на середину 2020 г.	177 300	85 000	1 113 900
Отношение к общей занятости	4,9%	2,3%	4,1%
Постановка целей и промежуточный обзор	Выполняется	Выполняется	Выполняется
Частота оценки в год	1	1	1-2
Количество оценок производительности	6	5	4
Корректировка оценок эффективности для всех государственных служащих	Отсутствует	Выполняется	Выполняется

Существующая система зарубежного опыта оценки эффективности органов исполнительной власти показала, что частота проведения оценки – раз в год, где задействовано от четырех до шести видов оценки производительности. В соответствии с этим, должна учитываться корректировка оценок эффективности для органов исполнительной власти.

Реализация предложенного комплекса взаимоувязанных мероприятий позволит:

внедрить составление SWOT-анализа государственного органа, самопрезентацию, оценку методом «360 градусов»;

мотивировать служащих к получению более высоких результатов аттестации;

увеличить на 5 % количество служащих, получивших результат по итогам аттестации, необходимый для включения служащего в кадровый резерв;

учитывать мнение граждан – получателей государственных услуг при проведении аттестации.

Таким образом, разработанный комплекс взаимоувязанных мероприятий, позволит снизить степень формализма при проведении аттестации, а также будет способствовать тому, чтобы результаты, полученные государственными служащими по итогам аттестации, непосредственно способствовали мотивации служащих к повышению эффективности своей деятельности и создавали стремления служащих к должностному росту.

Вышеизложенные направления оценки используются в западных странах, и, соответственно, применимы непосредственно к ним, тем не менее, Российской Федерации целесообразно на них опираться.

Выделяют следующие базовые подходы для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации, которые проводятся на основе [2]:

социально-экономических показателей развития, находящихся под влиянием субъектов Российской Федерации;

приоритетных федерально-региональных реформ;

показателей, связанных с реализацией различных полномочий на региональном уровне;

показателей целевого и результативного использования бюджетных средств;

эффективности деятельности, путём анкетирования населения.

Мировая практика свидетельствует о наличии собственной модели оценки эффективности государственного управления в каждой стране. Тем не менее выделяются две основные модели, которые наиболее широко используются. Их сравнительная характеристика представлена в табл. 2.

Согласно анализу таблицы, результативная модель оценки эффективности деятельности органов государственной власти означает независимость в принятии решений государственных учреждений и организаций, при этом, не исключая наличия плановых и фактических показателей, а модель затрат предполагает наличие определенных бюджетных лимитов, которые следует использовать строго по назначению.

Таблица 2 – Сравнительная характеристика моделей оценки государственного управления

Table 2 – Comparative characteristics of public administration assessment models

Критерии оценки модели	Название модели	
	Затратная модель (сметное финансирование)	Результативная модель
Объект оценки	Проводится анализ целевого использования выделенных бюджетных ассигнований в соответствии с выделенными бюджетными лимитами	Проводится мониторинг достижения государственными служащими поставленных целей в рамках реализуемой программы
Определение лимита бюджетных средств, необходимого для осуществления деятельности	Основными критериями оценки нужного объема ассигнований бюджета являются: проект сметы доходов и расходов по бюджету; объем расходов предыдущего периода и уровень инфляции.	Соответствующее количество бюджетных средств выделяется по достижению определенных результатов
Характер оценки эффективности	Мониторинг соответствия выделенных бюджетных ассигнований осуществленным расходам (соответствие фактических расходов первоначальной смете)	Оценка соответствия полученного результата плану

Опираясь на мировой опыт, повышению эффективности органов исполнительной власти способствует создание всеобъемлющей и объективной системы целевых интегральных показателей, способных количественно оценить качественные характеристики процесса, проанализировать качество выполнения должностных обязанностей и успешность достижения поставленных целей (табл. 3) [1].

Таблица 3 – Мировые интегральные показатели оценки эффективности деятельности государственных органов власти

Table 3 – Global integral indicators for evaluating the effectiveness of the activities of public authorities

Наименование показателя	Сущность	Где используется
Governance Research Indicator Country Snapshot (GRICS)	Включает шесть основных показателей: наличие политической стабильности и отсутствие насилия; качество законодательства; главенство закона и уровень повышенного внимания граждан к законам; защита гражданских прав и свобод и подотчетность государственных органов; результативность деятельности правительства; контроль за коррупцией.	Мировой показатель
индекс бедности	рассчитывается с помощью трёх основных показателей: ожидаемая продолжительность жизни, уровень образованности и уровень реальных доходов населения	Международные организации
индекс развития человеческого потенциала	целостный интегральный показатель, который необходим для сравнения и измерения бедности, образованности, грамотности	
Наименование показателя	Сущность	Где используется
европейский индекс удовлетворенности потребителей	отражает связь между удовлетворённостью потребителей, лояльностью и финансовым результатом	
индекс восприятия коррупции	отражает объективную степень восприятия населением уровня коррупции в государственном секторе и определяет уровень экономической свободы	Мировой показатель
рейтинг качества финансового управления органами власти	качественно анализируется соответствие финансовых процедур установленным стандартам и административной деятельности органов власти	Швеция
индекс «КАФКИ»	отражает уровень неэффективности государственного сектора	Бельгия и Франция

Далее, опираясь на обширный зарубежный опыт, следует рассмотреть аспекты, благодаря которым можно провести комплексную оценку эффективности деятельности органов власти в Российской Федерации [6]:

целевой аспект (характеризует динамику продвижения целевых социально-экономических показателей к нормативным значениям);

функциональный аспект (к основным критериям оценки относится законодательная и нормативная база, качественная система планирования, от которых зависит качественное выполнение управленческих функций).

На рис. 2. представлены показатели эффективности работы российского правительства за временной период с 2000 по 2020 гг., которые, в целом, не превышали 20 % – 55 %¹.

По мнению авторов рейтинга, несмотря на ежегодный рост показателей, он имеет определенные ограничения и, соответственно, не может являться основанием для идентификации специфических проблем в государственном управлении и планирования реформ, поскольку основан на экспертных оценках и слабо ориентирован на определение взаимосвязи качества управления и экономического роста.

¹ Официальный WEB-портал Мирового Банка: сайт. World Bank Group, 2022. – Режим доступа: <http://info.worldbank.org/governance/wgi/#reports>

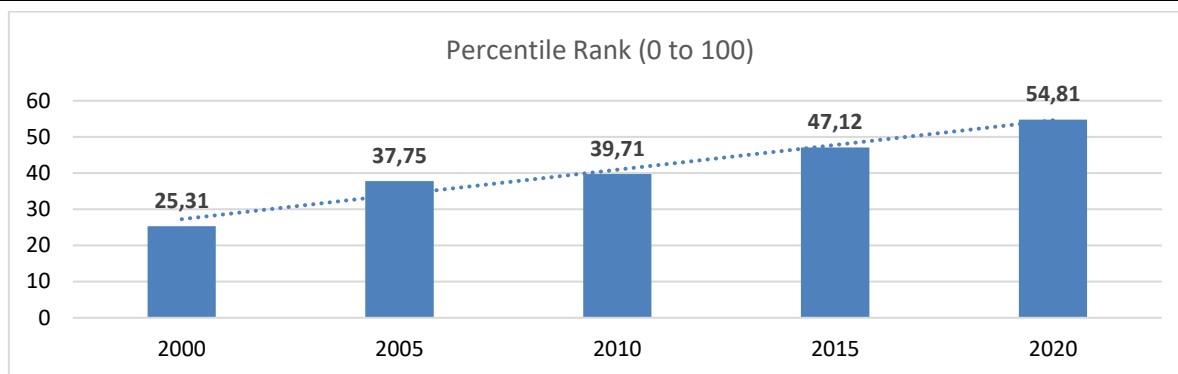

Рис. 2. Мировые характеристики управления. Эффективность власти в России с 2000 по 2020 год, %
 Fig. 2. Global management characteristics. The effectiveness of government in Russia from 2000 to 2020, %

Своеобразной возможностью оценки эффективности деятельности исполнительных органов может стать привлечение специалистов-экспертов, с помощью которых может проводиться функциональная оценка экономической эффективности деятельности государственного органа, а также внесение предложений по повышению эффективности.

На рис. 3 представлены официальные статистические данные по соответствующим показателям за 2019–2020 гг., которые также помогут провести оценку эффективности деятельности органов исполнительной власти Российской Федерации¹.

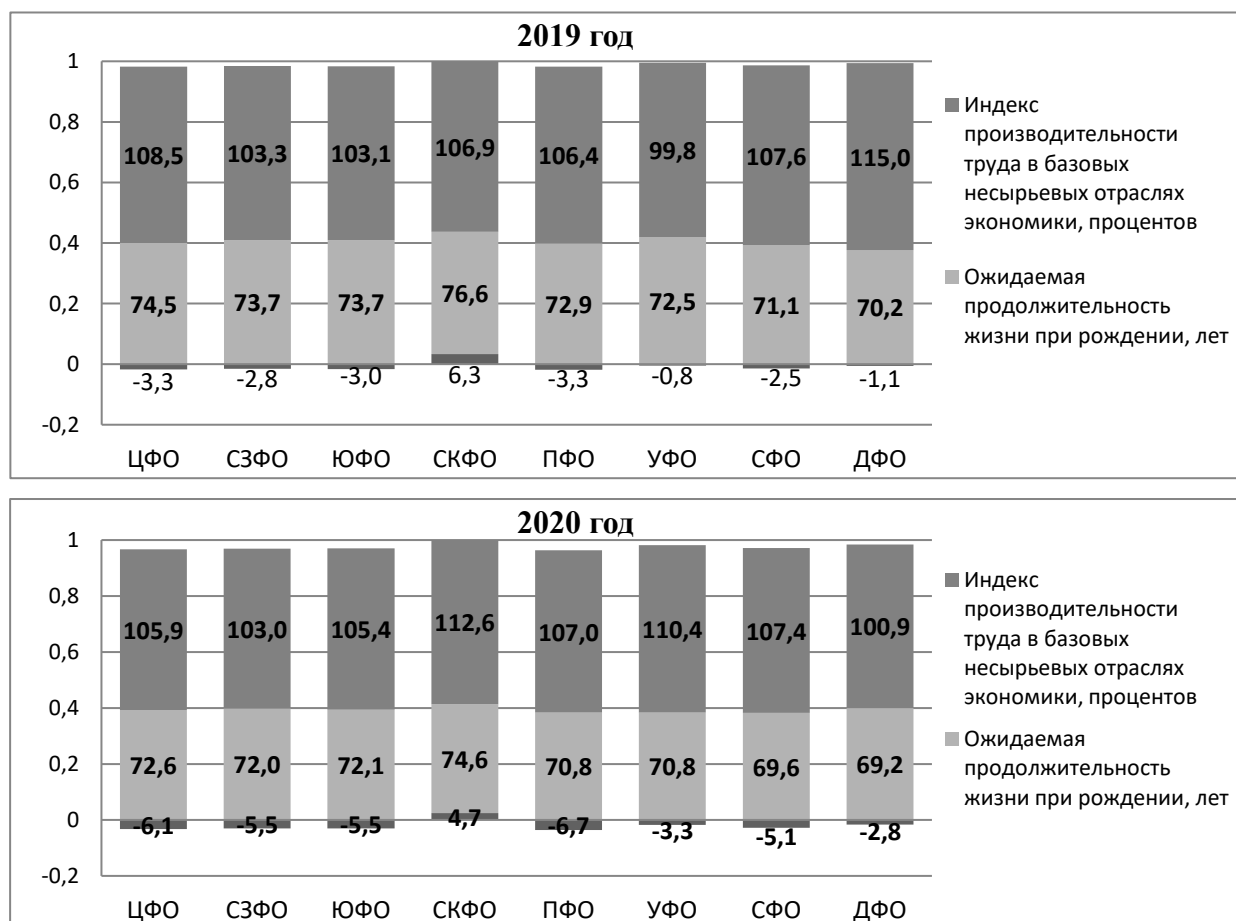

Рис. 3. Статистические данные по показателям за 2019-2020 гг., необходимые для оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации
 Fig. 3. Statistical data on indicators for 2019-2020, necessary to assess the effectiveness of the executive authorities of the subjects of the Russian Federation

¹ Официальный интернет-портал правовой информации: сайт, 2022. – Режим доступа: https://gks.ru/free_doc/new_site/rosstat/pok-monitor/pok-monitor.html.

Вышеуказанные данные свидетельствуют о том, что от результативности принимаемых управленческих решений зависит эффективность деятельности органов исполнительной власти.

Особую научную и практическую ценность, имеет сопоставление изменения индикаторов деятельности территориальных единиц экономики государства с изменением объёмов финансирования этого развития. Такое сопоставление может иметь как всеохватывающий характер (отношение результата к общим затратам), так и специализированный (отношение результата к целевым расходам). Кроме этого, возможность оценить влияние каждого из источников финансового обеспечения на достигнутый результат в той или иной сфере формирует дополнительные аналитические и управленческие инструменты [9].

Анализируя вышеизложенное, можно сделать вывод о том, что проблема эффективности и результативности управленческих решений является весьма актуальной, поскольку органы исполнительной власти работают в изменяющихся условиях. В таких условиях крайне сложно однозначно определить критерии эффективности и высокую степень динамизма изменений указанных факторов влияния на эффективность управленческих решений.

Поэтому проблемы повышения эффективности и результативности государственно-управленческих решений, изучение факторов их обеспечения являются актуальными и требуют дальнейшего исследования и разработки методов практического решения в современных условиях создания государства и утверждения рыночных принципов функционирования экономико-хозяйственного механизма.

Попытка переноса, понимания и анализа западного опыта эффективности деятельности исполнительных органов власти в российскую экономику прошла весьма успешно. Основным направлением государственного управления в Российской Федерации является взаимодействие с населением и степень удовлетворенности гражданами деятельностью органов исполнительной власти.

Список источников

1. Абляшев А. Р. Оценка эффективности и результативности деятельности органов власти: зарубежной власти // Экономика и предпринимательство. 2014. № 11. С. 54–56.
2. Бутова Т. В., Добринина Л. Р. Понятие эффективности деятельности органов власти // Актуальные проблемы гуманитарных и естественных наук. 2014. № 7. С. 114–117.
3. Бочарова А. К. Механизм оценки эффективности деятельности органов исполнительной власти субъектов Российской Федерации; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. 68 с.
4. Богатырева О. Н. Европейские модели регионализма: учеб. пособие; М-во образования и науки Рос. Федерации, Урал. федер. ун-т. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 2018. 171 с.
5. Еремина О. Ю. Правовые критерии результативности деятельности органов исполнительной власти в зарубежных странах // Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения «Исследования молодых ученых». 2016. № 6. С. 179–192.
6. Климовских Н. В., Кийкова С. А. Отечественный и зарубежный опыт оценки эффективности деятельности органов государственной власти // Фундаментальные и прикладные научные исследования: актуальные вопросы, достижения и инновации сборник статей XII международной научно-практической конференции: в 2 ч. Издательство: МЦНС «Наука и Просвещение», 2018. С. 250–253.
7. Нарыкова Н. М., Каратуева Е. Н. Зарубежный опыт государственного и муниципального управления: учебно-методическое пособие для обучающихся по направлению подготовки 38.03.04 Государственное и муниципальное управление; Санкт-Петербургский государственный аграрный университет. СПб: СПбГАУ, 2021. 175 с.
8. Куракин А. В., Савостин А. А. Процедуры, обусловленные прохождением государственной гражданской службы Российской Федерации // Право и политика. 2004. № 8. С. 27–37.
9. Петрушевская В.В. Методический подход к оценке эффективности механизма финансового обеспечения деятельности территориальных единиц экономики государства // ГОУ ВПО «ДОНЕЦКАЯ АКАДЕМИЯ УПРАВЛЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННОЙ СЛУЖБЫ ПРИ ГЛАВЕ ДОНЕЦКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ». Сборник научных работ серии «Финансы, учет, аудит» ГОУ ВПО «ДОНАУИГС». Донецк, 2021. Вып. 22. С. 135-146.

References

1. Ablyashev A. R. Evaluation of the effectiveness and efficiency of the activities of authorities: foreign authorities. *Ekonomika i predprinimatel'stvo = Economics and entrepreneurship*. 2014;(11):54–56. (In Russ.)
2. Butova T. V., Dobrina L. R. The concept of the effectiveness of the activities of authorities. *Aktual'nye problemy gumanitarnykh i estestvennykh nauk = Actual problems of humanities and natural sciences*. 2014;(7):114–117. (In Russ.)
3. Bocharova A. K. *Mechanism for evaluating the effectiveness of the executive authorities of the subjects of the Russian Federation*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics; 2012. 68 p. (In Russ.)
4. Bogatyreva O. N. *European models of regionalism*. Yekaterinburg; 2018. 171 p. (In Russ.)
5. Eremina O. Y. Legal criteria for the effectiveness of the activities of executive authorities in foreign countries. *Zhurnal zarubezhnogo zakonodatel'stva i sravnitel'nogo pravovedeniya «Issledovaniya molodykh uchenykh» = Journal of Foreign Legislation and Comparative Law «Studies of Young Scientists»*. 2016;(6):179–192. (In Russ.)
6. Klimovskikh N. V., Kiikova S. A. Domestic and foreign experience in evaluating the effectiveness of public authorities. In: *Fundamental and applied scientific research: current issues, achievements and innovations collection of articles of the XII International scientific and practical conference: in 2 parts*. Publishing House: ICNS «Science and Education»; 2018:250–253. (In Russ.)
7. Narykova N. M., Karatueva E. N. *Foreign experience of state and municipal management: a teaching aid for students in the direction of training 38.03.04 State and municipal management*; St. Petersburg State Agrarian University. St. Petersburg: St. Petersburg State Agrarian University; 2021. 175 p. (In Russ.)
8. Kurakin A. V., Savostin A. A. Procedures conditioned by the passage of the state civil service of the Russian Federation. *Pravo i politika = Law and Politics*. 2004;(8):27–37. (In Russ.)
9. Petrushevskaya V. V. Methodological approach to assessing the effectiveness of the mechanism of financial support for the activities of territorial units of the state economy. In: *Collection of scientific papers of the series "Finance, accounting, audit" of the State Educational Institution of Higher Education "DONAUIGS"*. Donetsk, 2021;(22):135–146. (In Russ.)

Информация об авторах

В.В. Петрушевская – докт. экон. наук, проф., Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики;

И. В. Дмитров – слушатель программы ДПА, Институт государственной службы и управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации.

Information about the authors

V. V. Petrushevskaya – Doctor of Economic Sciences, Professor of Donetsk Academy of Management and Public Administration Under the Head of the Donetsk People's Republic;

I. V. Dmitrov – DPA Program Student, Institute of Public Service and Management of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 02.09.2022; принята к публикации 03.09.2022.

The article was submitted 10.06.2022; approved after reviewing 02.09.2022; accepted for publication 03.09.2022.

ЦИФРОВИЗАЦИЯ В УПРАВЛЕНИИ ОРГАНИЗАЦИЕЙ: ИННОВАЦИОННЫЕ БИЗНЕС-МОДЕЛИ

Андрей Валерьевич Рачипа¹, Михаил Андреевич Суржиков²,
Сергей Иванович Самыгин³

¹Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, rachipa@sfedu.ru

¹Московский авиационный институт (национальный исследовательский университет), Москва, Россия

^{2,3}Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия,
²2980135@mail.ru

³samygin78_@yandex.ru

Аннотация. Данная статья представляет собой социально-управленческий анализ, связанный с внедрением инновационных бизнес-моделей в процесс управления организацией. Применение цифровых технологий в управлении организацией обеспечивает решение административно-управленческих, коммуникативно-интерактивных, образовательно-исследовательских и задач, а также задач, связанных с обеспечением информационной безопасности организации. Авторы полагают, что направленность организаций на новые цифровые возможности способствуют в перспективе сделать их более устойчивыми, стабильными и конкурентоспособными. Перспективным представляется вопрос, каким образом управленцы определяют угрозы и возможности для функционирования и развития своих организаций, что предполагает применение подхода, основанного на внимании к концепциям, связанным с управлением человеческими ресурсами, управлением персоналом и корпоративным (организационным) подходом.

Ключевые слова: цифровизация, управление, задачи, цифровые технологии, управленческие решения, бизнес-модели, инновации, персонал, организация, проект, крауд-технологии, Scrum

Для цитирования: Рачипа А. В., Суржиков М. А., Самыгин С. И. Цифровизация в управлении организацией: инновационные бизнес-модели // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 64–69. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-64-69>

DIGITALIZATION IN ORGANIZATION MANAGEMENT: INNOVATIVE BUSINESS MODELS

Andrey V. Rachipa¹, Mikhail A. Surzhikov², Sergey I. Samygin³

¹Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, rachipa@sfedu.ru

¹Moscow Aviation Institute (National Research University), Moscow, Russia

^{2,3}Rostov State University of Economics, Rostov-on-Don, Russia

²2980135@mail.ru

³samygin78_@yandex.ru

Abstract. This article is a socio-managerial analysis related to the introduction of innovative business models in the process of managing an organization. The use of digital technologies in the management of an organization provides a solution to administrative, managerial, communicative and interactive, educational and research tasks, as well as tasks related to ensuring the information

security of an organization. The authors believe that the focus of organizations on new digital opportunities contributes to making them more resilient, stable and competitive in the future. A promising question is how managers determine the threats and opportunities for the functioning and development of their organizations, which involves the use of an approach based on attention to concepts related to human resource management, personnel management and corporate (organizational) approach.

Keywords: digitalization, management, tasks, digital technologies, management decisions, business models, innovations, personnel, organization, project, crowd technologies, Scrum

For citation: Rachipa A. V., Surzhikov M. A., Samygin S. I. Digitalization in organization management: innovative business models. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(3):64–69. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-64-69>

Под эгидой повышения уровня и качества жизни, цифровые (электронные) технологии произвели беспрецедентную трансформацию абсолютно всех сфер социально-экономической жизнедеятельности [1; 2], заложили основу для «умной экономики», внесли весомый вклад в формирование и развитие инновационных бизнес-моделей и новых социальных трендов в области управления персоналом организации.

Для того чтобы иметь возможность своевременно реагировать на социально-экономические изменения, связанные с процессом тотальной цифровизации, всякой организации необходимо иметь и создавать организационную культуру, открытую для изменений и пересмотра мышления в сторону инновационных цифровых трендов и построения эффективных бизнес-моделей в практике управления организацией. Так, по мнению Б.М. Гарифуллина и В.В. Зябрикова, «изменение мышления бизнеса представляет собой новый взгляд руководства и лиц, принимающих решения, на бизнес-модель компании, а драйверами такого изменения могут быть не только потребители и коммуникации, но также действия конкурентов» [3, с. 1348]. Действительно, сейчас востребованы инновационные идеи, смелость изобретать что-то новое, а также готовность инвестировать в цифровые изменения. Эксперты говорят об индустрии 4.0, четвертой промышленной революции после паровой машины (1.0), электрификации (2.0) и компьютеризации (3.0) [4].

Анализ научной литературы в рамках проблемного поля исследования показывает, что разработка бизнес-моделей как инструмента инновационного управления организацией появился относительно недавно и представлен в исследованиях как зарубежных, так и российских исследователей: В. Йонгена, Д. Сазерленда, А. Остервальдера, И. Пинье, а также М. Б. Гарифуллина, Е. С. Горевой, Ю. В. Данилкиной, Я. Г. Одинцовой и др.

Что же представляет собой бизнес-модель?

Согласно анализу научной литературы по социологии управления Е.С. Горевой, можно очертить три направления интерпретаций бизнес-моделей:

- первый инновационный «способ создания, продажи и поставки ценности клиентам, на основе которого компания делает бизнес» [5, с. 1927];
- в рамках второго – акцент ставится на концепции бизнеса и выделении базовых элементов бизнес-модели;
- третье направление ориентировано на аналитику «конкретных ситуаций и анализ бизнес-моделей реальных компаний» и организаций [5, с. 1927].

Мы ориентированы на третье направление, при котором, на наш взгляд, главные характеристики управленческой бизнес-модели складываются в зависимости от ее способности и возможности к инновационным социально-управленческим трендам, поскольку новые классификации бизнес-моделей нацелены «на сетевые возможности коммуникаций», т.е. на цифровизацию, цифровые технологии [5, с. 1934].

А. Остервальдер и И. Пинье выделили пять типов бизнес-моделей в управлении, созданных организациями, одерживающими победу в конкурентном противостоянии (разделение бизнес-моделей, «длинный хвост», многосторонние платформы, Free как бизнес-модель, открытые бизнес-модели) [6], которые подробно проанализированы в публикации российского исследователя Е.С. Горевой «Управление бизнес-моделью: становление концепции и современные тренды» [5].

Говоря об управлении организацией в рамках инноваций, нельзя упускать из фокуса внимания, что цифровизация запускает инновационные механизмы и в рамках принятия управленческих решений (УР), ориентируя социальное пространство организаций на новые цифровые возможности, позволяющие в перспективе сделать их более устойчивым, стабильным и конкурентоспособным.

Как подчеркивают Ю.В. Данилкина и А.О. Яковлева, новым цифровым инструментарием для принятия УР являются: платформы открытых данных, Big Data (Больших данных), Искусственный интеллект, Блокчейн, нейронные сети, облачные вычисления и сервисное обслуживание, а также системы ERP и CRM [7, с. 69].

О новых программных информационных системах HRM, ERP и CRM как продуктах цифровизации, пишет Я.Г. Одинцова, констатируя, что «стремительное развитие цифровых технологий (ЦТ) также оказало влияние на менеджмент» [8, с. 213], в деятельности которого значительный удельный вес приобретают следующие программные системы:

- HRM – это системное программное обеспечение, созданное для автоматизации управления человеческими ресурсами [8].

- ERP – комплексная программная информационная система для управления деятельностью любой организации и планирования ее человеческих ресурсов.

- CRM – это системное программное обеспечение, направленное на установление и поддержание взаимоотношений организации с клиентами [9, с. 17]; причем не просто с массовым клиентом, а структурирование отношений с конкретным клиентом, что указывает на ключевое конкурентное преимущество данного инновационного программного обеспечения. Вместо заботы о массовых потребителях – забота о каждом конкретном потребителе, индивидуальный подход.

- BPM – программный пакет, содержащий концепцию управления эффективностью бизнеса. Как подчеркивается в статье Д.В. Исаева «Business Performance Management»: «Ключевые финансовые и операционные процессы BPM включают планирование, консолидацию и отчетность, анализ ключевых показателей эффективности и их распространение в рамках организации» [10, с. 14].

Более того, BPM – это инновационная модель, являющаяся важной частью системы корпоративного управления бизнесом, модель, базирующаяся на трех принципах управления бизнес-процессами ESG в век развития и распространения цифровизации: экологическом, социальном, управленческом (корпоративном) [11].

Применение ЦТ в управлении организацией обеспечивает решение такого рода задач:

- во-первых, административно-управленческих, связанных с электронным делопроизводством и информационным принятием управленческих решений, а также оперативной передачей информации среди персонала по нисходящей вертикали (т.е. доведения до сведения нижестоящего персонала);

- во-вторых, коммуникативно-интерактивных задач, направленных на сбор и поиск необходимой информации, ее распространения и обмена с целью установления плодотворного взаимодействия персонала;

- в-третьих, образовательно-исследовательских задач, включающих такие вопросы, связанные с ЦТ, как: обучение персонала через образовательные порталы в различных структурных подразделениях той или иной организации посредством проведения видео-лекций, видеоконференций, вебинаров, контрольного электронного тестирования, а также поиска инновационных механизмов и бизнес-моделей управления и обработки релевантного опыта;

- в-четвертых, задач, связанных с обеспечением информационной безопасности организации, а именно: защиты секретной информации, минимизацией и предотвращением кибератак в электронном информационном пространстве, используемом организацией.

Защита инноваций в продуктах с помощью прав на товарные знаки становится все более важной для компаний и организаций, ориентированных на перспективное будущее, чтобы окупить инвестиции, вложенные в исследования и разработки. Именно только те компании и организации, эффективно защищающие свои новые технологические разработки патентами, торговыми марками, полезными моделями или образцами, могут добиться экономических преимуществ перед высококонкурентным бизнесом. Действительно, инновации без надлежащих стратегий защиты не могут быть предоставлены сегодня ни одной компанией. Информационные

инновации становятся все более важными для высокотехнологичных организаций, чтобы обеспечить себе прочные позиции в глобальной конкуренции и создать новые возможности для роста в будущем.

Ключевая цель всякой инновационной бизнес-модели – это разрушить господствующую отраслевую логику управления персоналом организации таким образом, чтобы клиенты, пользующиеся услугами конкретной организации, смогли получить еще больше ценности, а сама организация – конкурентное преимущество и значительных дивидендов.

Содержание инновационного бизнес-моделирования в управлении организацией можно редуцировать к таким компонентам: «работа в ориентации на целевые показатели развития; переход на сервисную модель работы, эффективность которой оценивается по удовлетворенности потребителей» [12, с. 12].

По причине децентрализации центров управленческих компетенций и цифровых сетей сложность инновационных процессов в менеджеристве существенно возросла. Применение современных информационно-коммуникационных технологий открывает новые ресурсные возможности, например, интернет-инновационные сети, которые являются целевой базой для сотрудничества в области образовательно-исследовательских задач. Многие проблемы, связанные с новыми моделями в управлении организацией можно решить более эффективно и сэкономить время с помощью крауд-инновации (крауд-технологии, целью которых является обеспечение конкурентоспособности организации), если они передаются онлайн-аутсорсингу группе пользователей.

В социологии управления под краудсорсингом (crowdsourcing, crowd- «толпа» и sourcing - «использование ресурсов») подразумевается передача тех или иных производственных функций определенному кругу лиц, способному координировать свою деятельность с помощью ЦТ.

По мнению О.Л. Чулановой, крауд-технология – современная инновационная технология отбора идей, позволяющая в рамках принятия УР «обеспечить процесс генерации решений» при одновременном «снижении временных и материальных затрат» [13, с. 287].

Так, анализируя очевидные преимущества крауд-технологии как инновационной бизнес-модели в области управления персоналом организации, в число главных преимуществ упомянутый выше автор относит следующие: экономию финансовых ресурсов организации; беспрецедентную скорость, связанную с ЦТ; решение любых видов проблем, стоящих перед организацией, на основе высокого уровня компетентности; широкий охват персонала (масштабируемость); «автоматическое совмещение в управлении коммерческих проектов с решением социальных» [13, с. 287–288]. Все эти преимущества обеспечивают конкурентную борьбу в сфере социально-управленческих инноваций.

Сегодня практически все управленцы хорошо осведомлены в вопросе сложности создания слаженной командной работы в организации. Известно, что при управлении бизнес-проектами традиционно требуется наличие двух принципов – подконтрольность и предсказуемость. Однако такой подход неизбежно приводит к возникновению бюрократической практики, влекущей за собой рост большого количества документов, перерасходование финансовых средств и затягивание запланированных сроков сдачи продукции, наконец, росту недовольства и разлаживанию отношений среди персонала организации.

По причине отсутствия фактора слаженности, сработанности персонала в организации возникает множество проблем социально-экономического характера: нарушается стратегическое планирование; наблюдается отставание от намеченного графика; цели и задачи различных структурных подразделений организации могут ошибочно дублироваться; расходы на бюджет запланированного проекта увеличиваются и пр. Что же касается персонала в таких организациях, последний вступает в конфликтные взаимодействия, не испытывает удовлетворенности в работе; а клиенты, в свою очередь, не удовлетворены окончательным вариантом созданной продукции.

Бесспорно, что создание единой команды в организации, усилия которой будут направлены на достижение одной общей цели, имеет первостепенное значение. И здесь стоит внимания публикация Джеффа Сазерленда, посвященная инновационной модели управления, – «Scrum. Революционный метод управления проектами» [14], изданная в 2014 г. и переведенная на русский язык в 2016 г. Основная суть Scrum как инновационной модели управления в бизнесе – это, прежде всего, командная работа. Автором выделены три ключевые характеристики

лучших коллективов: непрерывающийся поиск совершенства; автономность – способность к самоорганизации; многофункциональность.

И сегодня можно наблюдать, как увеличивается работа команд со Scrum в рамках этой новой технологии управления бизнес-проектами, основанной на нескольких правилах и гибкости, вместо использования планирования и документации. В результате изменяются структуры и иерархия организации. Внутренние социальные сети, а также семинары, роуд-шоу, открытые пространства, дни цифровой жизни будут все больше повышать культуру инноваций и способствовать независимому изобретательскому мышлению персонала при внедрении бизнес-модели Scrum.

В качестве резюме необходимо отметить, что дальнейшее развитие ЦТ и пользовательского опыта в управлении организациями способствует формированию инновационных бизнес-моделей в рамках управления персоналом. Перспективные исследования могут быть направлены на изучение взаимосвязи между инновациями различных бизнес-моделей и новыми технологическими тенденциями, в частности, цифровизацией. Кроме того, интерес может представлять вопрос, каким образом управленцы определяют угрозы и возможности для функционирования и развития своих организаций, что предполагает применение подхода, основанного на внимании к концепциям, связанным с управлением человеческими ресурсами, управлением персоналом и корпоративным (организационным) подходом.

Список источников

1. Попов А. В., Рахипа А. В., et al. Specificity of explication of the category «management decisions» and scientific-methodological approaches for their development // Revista Inclusiones. 2019. Vol. 6. №2. Pp. 215-224.
2. Гафиатулина Н. Х. Вектор разработки образовательной парадигмы в контексте персонализированного образования в эпоху развития цифровых технологий / В сборнике: Образование и молодежь в условиях цифровой экономики будущего. Материалы Международной научной конференции. Южно-Российский государственный политехнический университет (НИИ) имени М.И. Платова. 2020. С. 17–21.
3. Гарифуллин Б. М., Зябриков В. В. Цифровая трансформация бизнеса: модели и алгоритмы // Креативная экономика. 2018. Т. 12. №9. С. 1345–1358.
4. Йонген В. Onlife. Ритейл будущего: что нужно сделать сегодня, чтобы быть лидером отрасли завтра / пер. Д. А. Шалаевой. М., 2021. 320 с.
5. Горевая Е. С. Управление бизнес-моделью: становление концепции и современные тренды // Российское предпринимательство. 2016. Т. 17. №16. С. 1925–1944.
6. Остервальдер А., Пинье И. Построение бизнес-моделей. М., 2013. 288 с.
7. Данилкина Ю. В., Яковлева А. О. Использование цифровых технологий в принятии управленческих решений // Инновации и инвестиции. 2022. №3. С. 69–73.
8. Одинцова Я.Г. Новые возможности управления персоналом в условиях цифровизации // Ученые записки Тамбовского отделения РoCMY. 2020. №20. С. 212–219.
9. Кудинов А., Сорокин М., Годышева Е. CRM: Практика эффективного бизнеса. 3-е изд. М., 2019. 463 с.
10. Исаев Д. В. «Business Performance Management» // Финансовая газета. 2009. №10 (898). С. 15; №11 (899). С. 14-15.
11. Аكوпова Е. С., Попов А. В. Корпоративная культура организации: принципы ESG в эпоху цифровизации // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2022. № 1. С. 155–158.
12. Дятлов А. В., Игнатова Т. В., Ковалев В. В., Черкасова Т. П. Ресурсы менеджизма для обеспечения эффективности муниципального управления (по оценкам экспертов Южного федерального округа) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. №4. С. 11–17.
13. Чуланова О. Л. Крауд-технологии: сущность, преимущества, задачи / Материалы Ивановских чтений. 2017. 2-1 (12). С. 286-290.
14. Сазерленд Д. Scrum. Революционный метод управления проектами / пер. Манн, Иванов и Фербер; М., 2016. 186 с. http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11946933

References

1. Popov A. V., Rachipa A. V., et al. Specificity of explication of the category «management decisions» and scientific-methodological approaches for their development. *Revista Inclusiones*. 2019;6(2):215–224.
2. Gafiatulina N. Kh. The vector of developing an educational paradigm in the context of personalized education in the era of digital technology development. In: *Education and youth in the digital economy of the future. Materials of the International scientific conference. South Russian State Polytechnic University (NII) named after M.I. Platov*. 2020:17–21. (In Russ.)
3. Garifullin B. M., Zyabrikov V. V. Digital transformation of business: models and algorithms. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2018;12(9):1345–1358. (In Russ.)
4. Jongen V. *Onlife. Retail of the future: what needs to be done today to be the industry leader tomorrow* / transl. D. A Shalaeva. Moscow; 2021. 320 p. (In Russ.)
5. Gorevaya E. S. Business model management: formation of the concept and modern trends. *Rossiiskoe predprinimatel'stvo = Russian Journal of Entrepreneurship*. 2016;17(16):1925–1944. (In Russ.)
6. Osterwalder A., Pigne I. *Construction of business models*. Moscow; 2013. 288 p. (In Russ.)
7. Danilkina Yu. V., Yakovleva A. O. The use of digital technologies in making managerial decisions. *Innovatsii i investitsii = Innovations and investments*. 2022;(3):69–73. (In Russ.)
8. Odintsova Ya.G. New opportunities for personnel management in the context of digitalization. *Uchenye zapiski Tambovskogo otdeliya RoSMU = Scientific notes of the Tambov branch of RoSMU*. 2020;(20):212–219. (In Russ.)
9. Kudinov A., Sorokin M., Godysheva E. *CRM: Effective business practice*. 3rd ed. M., 2019. 463 p. (In Russ.)
10. Isaev D. V. Business Performance Management. *Financial Newspaper*. 2009;10(898):15; No. 11 (899):14–15. (In Russ.)
11. Akopova E. S., Popov A. V. Corporate culture of an organization: ESG principles in the era of digitalization. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2022;(1):155–158. (In Russ.)
12. Dyatlov A. V., Ignatova T. V., Kovalev V. V., Cherkasova T. P. Resources of managerialism to ensure the effectiveness of municipal government (according to experts from the Southern Federal District). *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):11–17. (In Russ.)
13. Chulanova O. L. Crowd technologies: essence, advantages, tasks. *Materialy Ivanovskikh chtenii = Materials of the Ivanovo Readings*. 2017;2-1(12):286–290. (In Russ.)
14. Sutherland J. *Scrum. Revolutionary method of project management*. Transl. by Mann, Ivanov and Ferber; Moscow; 2016. 186 p. http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=11946933 (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Рачипа – докт. социолог. наук, проф. ЮФУ; проф. МАИ;
 М. А. Суржиков – докт. экон. наук, проф. РГЭУ (РИНХ);
 С. И. Самыгин – докт. социолог. наук, проф. РГЭУ (РИНХ).

Information about the authors

A. V. Rachipa – Doctor of Sociological Sciences, Professor;
 M. A. Surzhikov – Doctor of Economics, Professor;
 S. I. Samygin – Doctor of Sociological Sciences, Professor.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.08.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022; принята к публикации 29.04.2022.

The article was submitted 10.08.2022; approved after reviewing 26.08.2022; accepted for publication 29.04.2022.

Научная статья
УДК 338.2:65.01
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-70-75

УПРАВЛЕНИЕ УСТОЙЧИВЫМ РАЗВИТИЕМ ПРЕДПРИЯТИЙ И ЗАЩИТА КРЕАТИВНОСТИ В ПРОМЫШЛЕННОСТИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВОЙ ТРАНСФОРМАЦИИ

Дмитрий Николаевич Сырцов

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации, Москва, Россия, dmitry_syrtsov@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются актуальные проблемы креативной деятельности как одного из ключевых факторов устойчивого развития компании. Данные проблемы актуализировались и приняли новые формы в условиях цифровой трансформации, значительно ускорившейся в условиях пандемии COVID-19. В статье выявлены факторы, оказывающие негативное влияние на развитие креативной деятельности в промышленности, и прежде всего производство и торговля контрафактной продукцией и пиратство, а также основные проблемы и направления борьбы с нарушением прав интеллектуальной собственности, получившие свое развитие в результате противоправного использования возможностей новейших цифровых технологий, в том числе, в сети Интернет.

Ключевые слова: устойчивое развитие, компания, промышленность цифровизация, креативность, интеллектуальная собственность, контрафактная продукция

Для цитирования: Сырцов Д. Н. Управление устойчивым развитием предприятий и защита креативности в промышленности в условиях цифровой трансформации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 70–75. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-70-75>

Original article

SUSTAINABLE DEVELOPMENT AND PROTECTION OF CREATIVITY IN THE CONDITIONS OF DIGITAL TRANSFORMATION

Dmitry N. Syrtsov

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Moscow, Russia, dmitry_syrtsov@mail.ru

Abstract. This article are discussed the actual problems of the creative activity results protecting, as one of the key factors in sustainable development. These problems have been updated and taken on new forms in the digital transformation, which has accelerated in the COVID-19 pandemic. Attention is paid to the tools to counter the trade in counterfeit products and piracy. The factors that have a negative impact on the human creative activity development, the main problems and directions of combating the violation of intellectual property rights, incl. on the Internet.

Keywords: sustainable development, enterprise, digitalization, creativity, creativity, intellectual property, counterfeit products

For citation: Syrtsov D. N. Sustainable development and protection of creativity in the conditions of digital transformation. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):70–75.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-70-75>

Введение

Пандемия послужила катализатором для исследования новых взаимодействий и аспектов устойчивого развития, концепция которого была принята в конце 20 в. Ограничительные меры, падение доходов населения, а часто и нехватка ряда лицензированных товаров привели к росту теневого рынка товаров, выпущенных с нарушением прав интеллектуальной собственности, увеличили спрос на более дешевую нелегальную продукцию. Это способствовало увеличению мирового оборота торговли контрафактной продукцией и пиратства, что стало дополнительным негативным фактором устойчивого развития как отдельных предприятий, так и отраслей промышленности в целом. Потери мировой экономики, вызванные ростом теневого рынка и нелегальным использованием интеллектуальной собственности уже в первые месяцы пандемии COVID-19¹ оценивались на уровне 2 трлн долл.²

Бюджет России также теряет более 500 млрд рублей в год из-за оборота разного рода нелегальной продукции, а объем нелегального рынка только непродовольственных товаров составляет порядка 5,2 трлн руб.³ Очевидно, что масштабная торговля контрафактом и пиратство приводят к финансовым потерям правообладателей, компаний, государства, часто вредит здоровью и жизни людей.

Однако, у проблемы негативного влияния производства и торговли контрафактной продукцией на устойчивое развитие есть и другой практически неизученный аспект.

Как показали результаты исследования торговля контрафактом и пиратство оказывает негативное воздействие на развитие человеческого потенциала, демотивируя людей к творчеству и дестабилизируя их креативность, что в свою очередь уменьшает продуктивность интеллектуального капитала, приводит к неэффективному использованию интеллектуальных ресурсов, являющихся одним из ключевых факторов устойчивого развития любого предприятия.

Особенности цифровой трансформации и интеграции новейших- технологий в промышленность

В современных условиях вызовы и эффекты пандемии простимулировали ускоренную интеграцию новейших технологий и цифровизации как в хозяйственную деятельность, так и в жизнь домохозяйств. Человеческое общество все более погружается в цифровую среду, которая становится полноценным интегрирующим пространством, определяя новый виток цивилизации. Ускоряющаяся цифровизация, не только приводит к структурным трансформациям, расширяются технические возможности и меняются формы использования результатов творческой деятельности человека для промышленного производства. Одновременно значимо увеличивается скорость их копирования, передачи и территория распространения копий [1]. Цифровая сфера с одной стороны увеличивает и ценность развитого бренда предприятия, в то же время делает интеллектуальную собственность более уязвимой для воровства. Встает вопрос о новых методах защиты креативности.

В условиях, когда повышение продуктивности интеллектуальных ресурсов и развитие креативности становятся одним из ключевых факторов устойчивого развития, проблема эффективной защиты интеллектуальной собственности, результатов креативной деятельности и правомерного использования ее в промышленности особенно в контексте новых платформ и сервисов, а также экстерриториальности Интернета, приобретает особую актуальность для управления устойчивым развитием предприятий.

Производство и торговля контрафактом в условиях цифровизации как тормоз креативной деятельности и устойчивого развития предприятия

«Креативность», может быть определена, как **изначальная уникальная совокупность свойств (способностей) человека, врожденных и приобретенных, определяющих готовность к проявлению творческого начала во внешней среде.**

Высокий уровень креативности и творческого мышления – важнейшие гибкие навыки 21 века, являющиеся источником инновационности (получение результатов творческого труда

¹ на август 2020 г.

² Euromonitor International - URL: <https://www.euromonitor.com/our-expertise>

³ Нелегальная торговля - зловредный сорняк экономики – Российская газета, 20.11.2020 - <https://rg.ru/2020/11/20/nelegalnaia-torgovlia-zlovrednyj-sorniak-ekonomiki.html>

и их применение), активно способствующий устойчивому развитию¹. Творческое мышление находится на третьем месте в десятке важнейших гибких навыков, составленном в 2020 г. на экономическом форуме. в Давосе.

Информация – уже давно не новый продукт интеллектуальной деятельности. Скорость современных систем коммуникации, глобальная сеть Интернет и другие новейшие технологии значительно ускорили и во многом упростили процессы распространения информации и продуктов, результатов творческой деятельности (в т.ч. в трансграничных масштабах). Это не только увеличило количество коммерческих сделок с товарами, содержащими объекты интеллектуальной собственности, но и одновременно создало техническую возможность для моментального копирования² (включая нелегальное, осуществляющееся в нарушение действующих правовых норм), что расширило возможности пиратства и производства контрафактного товара.

Проблемам борьбы с производством и торговлей контрафактной продукции всегда уделялось большое внимание [2, 3]. Однако, в настоящее время требуются новые подходы к ее решению. Создание и применение инструментов, регулирующих оборот товаров, содержащих объекты

интеллектуальной собственности, не всегда успевает за темпами развития технологий [4].

Контрафактный товар – это товар, произведенный и продаваемый с нарушением прав ИС, т.е. без надлежащим образом оформленного разрешения от правообладателя ИС.

По данным Организации европейского сотрудничества и развития (ОЭСР) и Ведомства интеллектуальной собственности Европейского союза (EUIPO) контрафактная и пиратская продукция составляет более 3% мировой торговли и постоянно растет (для сравнения 2,5% мировой торговли в 2013 г.)³.

Производители и продавцы контрафактной продукции получают свои доходы пользуясь особенностями поведения потребителей на рынке. Несмотря на то, что выручка от продаж лицензионных товаров и услуг до пандемии в 2019 г. в мире выросла до 292,8 млрд. долл. США, превысив на 4,5 % уровень 2018 г., когда было получено 280,3 млрд. долл. США⁴, нарушения прав ИС, в частности подделка в коммерческих масштабах и пиратство, являются серьезной проблемой.

Усиливается тренд роста доли сравнительно небольших партий контрафактной продукции. Более того, если раньше контрафактная продукция зачастую представляла собой продукцию более низкого качества, то в настоящий момент зачастую бывает трудно отличить оригинал от подделки. Важным этапом в борьбе с контрафактной продукцией в мире стал «Контрольный список контрафактных и пиратских товаров», работа над которым началась в 2018 г.⁵ Список включает четыре группы: веб-сайты, содержащие пиратский контент, платформы электронной коммерции, интернет-аптеки и торговые площадки.

Особую тревогу вызывает объем международной торговли контрафактной фармацевтической продукцией и товарами для здравоохранения. По существующим оценкам рынка контрактной фармацевтической продукцией на территории ЕС до пандемии достигли 38,9 млрд евро⁶.

Структура рынков контрафактных потребительских товаров, во многом повторяет структуру рынка лицензионных потребительских товаров, на котором сектор развлечений является крупнейшим, занимая более 40 %, вторым по величине является сектор брендовых товаров (20 %), треть и четвертую позицию по величине рынка лицензионных потребительских

---

¹ Концепция устойчивого развития (от англ. sustainable development) - заимствованный термин, не имеющий прямого перевода на русский язык. В настоящий момент существует более 50 определений данного понятия.

² Euromonitor International - URL: <https://www.euromonitor.com/our-expertise>

³ Intellectual property: Protecting Europe's know-how and innovation leadership- URL: https://ec.europa.eu/commission/presscorner/detail/en/IP_17_4942

⁴ Ежегодный обзор Licensing International. Brandar Consulting, 2019.

⁵ В работе принимали участие Ведомство по интеллектуальной собственности Европейского союза, Европейское бюро по борьбе с мошенничеством и Европол.

⁶ Trade in counterfeit pharmaceutical products. 2020 – URL:

<https://euipo.europa.eu/ohimportal/en/web/observatory/trade-in-counterfeit-pharmaceutical-products>

товаров занимает сектор моды и сектор спорта (около 8–10 %). Многие поддельные товары (особенно фармацевтические препараты, продукты питания и напитки, а также медицинское оборудование) содержат серьезный риск для здоровья и безопасности людей. В отчете «О статусе нарушения прав ИС» 2020 г., установлено, что наиболее распространенная контрафакция и пиратство нанесли наибольший ущерб, оцениваемый около 50 млрд евро, что эквивалентно 6,4% от общего числа продаж в этих секторах стран ЕС, и привело к прямой потере 416 004 рабочих мест¹.

Таким образом, расширение рынков товаров, содержащих объекты интеллектуальной собственности связано с особенностями цифровизации, и в первую очередь тем, что цифровая продукция может потребляться неограниченным количеством пользователей по всему миру. Общедоступность ИС в виде цифрового контента и неопределенности его правовой защиты приводит к многочисленным нарушениям.

Проблемы и тенденции развития инструментов борьбы с контрафактной продукцией и пиратством в условиях цифровой трансформации

На международном и на национальных уровнях не существует согласованного общепринятого определения для цифрового контента, как объекта товарного обмена. Одновременно многими государствами подчеркивается важность такого определения.

В некоторых странах уже существуют определения, которые могут служить отправной точкой для дальнейшего определения торговли цифровым контентом. Так, в Индонезии одной из стран-пионеров в области регулирования «цифровых товаров» «цифровые товары» и «цифровой контент», определены, как электронная или цифровая информация, которая включает в себя конвертированные в цифровую форму физические товары и электронные товары (например, программное обеспечение). В соответствии с определением китайского закона Digital Government Law «цифровая услуга» – услуга, которая частично или полностью предоставляется через интернет или любую другую аналогичную сеть, «автоматически», но не лично, с использованием цифровых технологий для их осуществления, создания или доступа к данным или контенту, которые имеют общественную ценность для граждан и человечества в целом. Однако, выделяется необходимость в ясной, прозрачной, универсальной нормативно-правовой среде, благоприятной с точки зрения бизнеса.

Главная проблема на этом пути то, что с расширением цифровой среды, доступностью цифровых технологий постоянно меняются способы и возможности потребления контента, в т.ч. и пиратского. Долгое время основными источниками пиратского контента были были трекеры, FTP папки, P2P, Torrent, eMule, затем – потоковые медиа и социальные сети. Экстерриториальность интернета и процессы трансграничной передачи информации обуславливают сложность пресечения преступную деятельность на государственном уровне.

На примере Facebook² и Youtube можно видеть, какой властью обладают лидеры цифрового мира. Компании предоставляют пользователям доступ к своим площадкам на основании пользовательского соглашения. В случае, если пользователь своими действиями нарушает условия такого соглашения - сервис вправе реагировать. Например, у социальных сетей возникает право блокировать абсолютно любого пользователя. Фактически, это право применяется неограниченно, часто без разъяснения причин блокировки, кем принято такое решение, какое правило было нарушено и главное – где и как это решение может быть оспорено. На примере событий 2020–2021 гг., мы видим, что политика соц. сети выступает основным источником, регламентирующим ее деятельность по регуляции контента. В этом контексте особенно актуально звучат слова Маршала Маклюэна, который задолго до появления соц. медиа заметил: «Я обопрусь на ваши глаза, уши, нервы, мозг, и мир будет вертеться в любом ритме и на любой манер, как только я пожелаю»³. Ситуация усугубляется трансграничной передачей объектов авторского права и отсутствием строгой необходимости регистрации прав автора, по причине его возникновения в момент создания произведения.

¹ Status Report on IPR infringement 2020 – URL:

<https://euipo.europa.eu/ohimportal/en/web/observatory/status-reports-on-ip-infringement>

² Признана экстремистской организацией и запрещена на территории РФ.

³ Официальный сайт М.Маклюэна – URL:

<https://web.archive.org/web/20191006021851/https://marshallmcluhan.com/>

Вместе с этим, зачастую жалобы любого анонимного пользователя о том, что другой пользователь неблагонадежен, действует вразрез с ее политикой и распространяет нелегальный контент онлайн, достаточно для того, чтобы удалить такой контент без суда, что часто используется в конкурентной борьбе за потребителя. А правообладатель фактически лишается возможности распоряжаться результатами творческой деятельности в цифровой среде. Возникает и много спорных вопросов, связанных с правом первенства.

С целью обеспечения возможности управлять креативным процессом создаются новые инструменты, Примером в области совершенствования системы регистрации авторских прав могут быть новые технологии блокчейн-реестров, которые позволяют определить принадлежность прав¹. Примером использования токенов в сфере ИС может служить проект WIPO Prooof, электронный токен – «метка времени», новая цифровая услуга, разработанная ВОИС, которая дополняет существующие системы ИС². WIPO PROOF позволяет изобретателям и авторам практически из любой отрасли обеспечить сохранность своих цифровых файлов, получив цифровой отпечаток любого файла с отметкой даты и времени, что подтверждает существование данного файла в конкретный момент времени.

В новых условиях цифровой трансформации мировой экономики на современном этапе все большего развития мирового цифрового пространства и общества, формирующегося на базе цифровых средств межличностных и бизнес-коммуникации, социальные медиа выступают в роли наднациональных организаций, а их деятельность по регулированию контента зачастую обусловлена политическими факторами.

Необходима разработка новых мер, которые должны быть направлены на решение важнейшей проблемы доступа и использования результатов интеллектуальной деятельности в новой экосреде.

Таким образом, дальнейшее устойчивое развитие становится невозможным без использования новых инструментов формирования цивилизованного правового поля для осуществления креативной деятельности и борьбы с нарушениями прав интеллектуальной собственности.

Заключение

Последствия пандемии COVID-19 простимулировали рост контрафактной продукции и пиратства (вследствие неопределенности правовой защиты ИС в цифровой среде, простоты и дешевизны копирования цифрового контента, размещенного в глобальной сети Интернет). Это наносит серьезный экономический ущерб, формирует многочисленные риски, демотивирует людей для креативной деятельности.

Правовые пробелы создают предпосылки для производства контрафакта и пиратства, а быстрое развитие новых технологий не всегда может противостоять этой негативной общемировой тенденции.

За счет облегчения процесса передачи информации, копирования, дальнейшего изготовления подделки и ее распространения усугубляется правовая незащищенность, что приводит к появлению сложностей при ведении научной-исследовательской, управления инновационной деятельности и коммерциализации результатов интеллектуального труда, часто приводит к усиливающемуся падению заинтересованности производителей в производстве качественных новых высокотратных продуктов.

Пиратство и производство контрафактной продукции сильно «бьет» по заинтересованности в создании нового, по мотивации человека к развитию ключевого навыка 21 века – креативности, без обладания и эффективного использования которого невозможно управление устойчивым развитием предприятия.

Но эффективная системы охраны интеллектуальной собственности должна не только защищать права правообладателя. Дальнейшее развитие мировой системы защиты интеллектуальных прав должно строиться не только с учетом новых технологических трендов и быть адаптирована к новым вызовам цифровизации, она должна решать новые задачи, среди которых важнейшей становится **обеспечить мотивацию для проведения не только научных**

---

¹ <https://thepctnetwork.com/emerging-ip-trends-to-know-in-2020-what-14-top-experts-say/>

² Trusted Digital Evidence for Your Intellectual Assets. – URL: <https://wipoproof.wipo.int/wdts/about-wipo-proof.xhtml?lang=en>

исследований, но развития творческого потенциала человека и его креативной деятельности в различных секторах экономики. Только так возможно обеспечить инновационность бизнеса, рост его экономического потенциала, формирование конкурентных цивилизованных рынков и возможно управление устойчивым развитием предприятия.

Список источников

1. Сырцов Д. Н. Современные мировые проблемы реализации интеллектуальных прав на медиаконтент в цифровой экономике // Торговая политика. 2020. № 1(21). С. 78-94. <https://tpjournal.hse.ru/article/view/10986>
2. Берлова Н. В., Чадова Т. В. Идентификация контрафактных товаров при таможенном контроле // Таможенная политика России на Дальнем Востоке. 2018. № 2(83). С. 47–58.
3. Интеллектуальная собственность как объект оценки: таможенный аспект / В. А. Останин, С. В. Кирбитова, Н. А. Кожина, П. В. Довженко. Владивосток :РИО Владивостокского филиала Российской таможенной академии, 2019. 106 с.
4. Филосоfoва Т. Г. Современные тенденции и проблемы развития глобального рынка интеллектуальной собственности // Экономика промышленности. 2021. № 14(4). С. 396–409. <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2021-4-396-409>

References

1. Syrtsov D. N. Modern world problems of the implementation of intellectual rights to media content in the digital economy. *Torgovaya politika = Trade policy*. 2020;1(21):78–94. (In Russ.)
2. Berlova N. V., Chadova T. V. Identification of counterfeit goods during customs control. *Tamozhennaya politika Rossii na Dal'nem Vostoke = Customs policy of Russia in the Far East*. 2018;2(83):47–58. (In Russ.)
3. *Intellectual property as an object of assessment: customs aspect*. V. A. Ostanin, S. V. Kirbitova, N. A. Kozhin, P. V. Dovzhenko. Vladivostok: RIO of the Vladivostok branch of the Russian Customs Academy; 2019. 106 p. (In Russ.)
4. Filosofova T. G. Modern trends and problems in the development of the global intellectual property market. *Ekonomika promyshlennosti = Industrial economy*. 2021;14(4):396–409. (In Russ.) <https://doi.org/10.17073/2072-1633-2021-4-396-409>

Информация об авторе

Д. Н. Сырцов – канд. экон. наук, магистр юриспруденции, доц. РАНХиГС.

Information about the author

D. N. Syrtsov – Candidate of Economic Sciences, Master of Law, Associate Professor of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 24.08.2022; одобрена после рецензирования 06.09.2022; принята к публикации 07.09.2022.

The article was submitted 24.08.2022; approved after reviewing 06.09.2022; accepted for publication 07.09.2022.

Научная статья

УДК 338.242

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-76-83

НАПРАВЛЕНИЯ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ РАЗВИТИЯ ИНФРАСТРУКТУРЫ ОБРАЗОВАТЕЛЬНЫХ ОРГАНИЗАЦИЙ

Наталья Михайловна Фоменко¹, Юлия Викторовна Котелевская²

¹Российский экономический университет им. Г. В. Плеханова, Москва, Россия, fnata77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9266-9865>

²Севастопольский филиал Российского экономического университета им. Г. В. Плеханова, Севастополь, Россия, ykotelevskaia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1790-3981>

Аннотация. В статье рассмотрены вопросы государственного регулирования формирования и развития инфраструктуры образовательной организации. Отмечено, что одной из форм государственного регулирования и поддержки развития инфраструктуры является механизм государственно-частного партнерства. Авторами проведен анализ процесса формирования предметного поля государственной политики в области образования и систематизация законодательных актов в сфере развития инфраструктуры образовательных организаций.

Ключевые слова: инфраструктура, государственная политика, публичное управление, образование, государственно-частное партнерство, образовательные организации

Для цитирования: Фоменко Н. М., Котелевская Ю. В. Направления государственной политики развития инфраструктуры образовательных организаций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 76–83. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-76-83>

Problems of Management

Original article

DIRECTIONS OF THE STATE POLICY OF INFRASTRUCTURE DEVELOPMENT OF EDUCATIONAL ORGANIZATIONS

Natalia M. Fomenko¹, Yulia V. Kotelevskaya²

¹Plekhanov Russian University of Economics, Moscow, Russia, fnata77@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9266-9865>

²Sevastopol branch of Plekhanov Russian University of Economics, Sevastopol, Russia, ykotelevskaia@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1790-3981>

Abstract. The article deals with the issues of state regulation of the formation and development of the infrastructure of an educational organization. It is noted that one of the forms of state regulation and support for infrastructure development is the mechanism of public-private partnership. The authors analyzed the process of formation of the subject field of state policy in the field of education and systematization of legislative acts in the field of infrastructure development of educational organizations.

Keywords: infrastructure, public policy, public administration, education, public-private partnership, educational organizations

For citation: Fomenko N. M., Kotelevskaya Yu. V. Directions of the state policy of infrastructure development of educational organizations. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):76–83.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-76-83>

В современных условиях развитие инфраструктуры, как одного из факторов социальной и экономической жизни человека представляет собой ключевую роль в развитии государства и общества. Благодаря инфраструктуре образуются и развиваются целые сектора экономики, повышается уровень качества жизни населения, реализуется повседневная экономическая деятельность [1]. Как правило, создание условий для развития инфраструктурных объектов во многом обеспечивается формами государственного регулирования и поддержки.

В течении многих десятилетий большое количество ученых ведут научные дискуссии о социально-экономической значимости и целях государственного управления при формировании инфраструктуры, степени участия государства в модернизации инфраструктурных объектов российской экономики [2]. Так, в своих исследованиях Самуэльсон П. отмечал, что, «направляя средства в инфраструктуру, государство, с одной стороны, способствует развитию экономического положения частных предпринимателей, снимая с них необходимость создания и поддержания низкорентабельных или убыточных инфраструктурных объектов, с другой стороны, улучшает условия функционирования основных отраслей экономики. При этом государство должно обеспечивать рост расходов на инфраструктуру, поскольку они являются критическим фактором, обуславливающим нормальное функционирование общества» [3]. Таким образом, государство призвано корректировать те «несовершенства», которые присущи рыночному механизму и с которыми он сам либо справиться не в состоянии, либо это решение неэффективно. Одной из форм государственного регулирования и поддержки развития инфраструктуры является механизм государственно-частного партнерства, который получил широкое распространения в различных отраслях. Однако в каждом случае данный инструмент активизации незадействованных экономических ресурсов и экономического роста имеет свои особенности, которые обусловлены рядом факторов, такими как: специфика отрасли, национальные особенности, система регулирующих нормативно-правовых актов и др.

Ключевой особенностью государственно-частного партнерства как формы взаимодействия государства и бизнеса является участие государства, представителей бизнес-структур и общества в решении общественно-значимых задач на условиях транспарентности, равноправия, взаимного сотрудничества без использования властных функций государства, исключительно на основе партнерских отношений.

Обращаясь к трактовкам некоторых авторов понятия государственно-частного партнерства [4, 5] можно утверждать, что ряд из них отражают ключевую роль механизма как партнерства между государственным и негосударственным секторами экономики, которое заключается в передаче части полномочий, традиционно находящихся у государственного сектора, частному бизнесу и некоммерческим организациям с целью реализации отдельных проектов или предоставления комплекса услуг. Необходимость такого партнерства обусловлена тем, что каждая из сторон таких отношений имеет специфические компетенции, совокупность которых обеспечивает выполнение задач, отвечающих запросам современного общества. Ряд других авторов [6], рассматривая предметное поле государственно-частного партнерства, трактуют данное понятие как модель финансовых отношений, при которых государство, для решения общественно-значимых задач, использует частный капитал тех участников рынка, которые имеют общие цели с государством. По мнению авторов данного исследования, вторая трактовка понятия «государственно-частного партнерства» ограничивает роль данного механизма финансовыми интересами участников, тогда как государственно-частное партнерство, как форма взаимодействия, требует от участников инновационных ресурсов, в которых финансовые отношения являются всего лишь частью совокупности материальных и интеллектуальных ресурсов.

Современное развитие РФ неразрывно связано с экономикой знаний, повышением эффективности использования результатов интеллектуальной деятельности, которые обеспечиваются системой образования [7]. Образование является одним из приоритетных направлений социально-экономического развития страны, так как обеспечивает инновационный и трудовой потенциал национальной экономики [8]. Поэтому в рамках данного исследования предлагается сделать особый упор влияния государственной политики на развитие инфраструктуры образовательной организации.

Высокий уровень инфраструктурного обеспечения образовательной сферы позволяет обеспечить конкурентоспособность учебных заведений как на отечественном, так и зарубежном

рынке, качество предоставления образовательных услуг и уровень профессорско-преподавательского состава, а также условия жизнедеятельности студентов и способность самого образовательного учреждения своевременно и точно реагировать на изменения внешней среды. Исходя из сущности государственно-частного партнерства как совместного участия государства и бизнеса в решении социально-значимых проблем, имеющих особое влияние на экономическое развитие, можно остановиться на отличительных особенностях государственно-частного партнерства в сфере образования.

В рамках исследования Завьялова Е. Б. и Шаманина Э. А. [4] отмечено что, государственно-частное партнерство целесообразно применять в отраслях экономики, создающих фундамент для развития других отраслей, называемых инфраструктурными, к которым относятся в первую очередь образование и здравоохранение. Среди традиционных объектов государственно-частного партнерства в сфере образования следует выделить объекты материальной инфраструктуры (здания, сооружения, земельные участки и др.). Однако такая отрасль как образование имеет интеллектуальные и творческие ресурсы, которые сегодня выходят на первый план как первоочередные ресурсы, опережая по значимости материальные ресурсы образовательной инфраструктуры в связи с развитием цифровой составляющей образовательного процесса.

Сегодня, обращаясь к трактовке понятия «образования» как приоритету национальной стратегии, отметим, что этот процесс, направленный на обеспечение качественным образованием всех желающих, что возможно благодаря использованию современных инновационных и технологических укладов. В свою очередь, управление образованием – это регулирование достижения целей государственной политики в данной сфере.

Остановимся подробнее на аспектах формирования предметного поля государственной политики в сфере образования. Образование как процесс развития общества за последние 200 лет претерпело ряд ключевых изменений, связанных со сменой политической власти и как следствие смена курса общественной мысли. Наиболее знаковым периодом развития образования в России, в тот период в составе СССР, после Великой отечественной войны стал период, начавшийся после смены власти 1953 г., так называемая «кратковременная оттепель». Этому периоду характерно сближение государства, общества и образовательных организации, поиск общих интересов, появление новых форм взаимовыгодного сотрудничества. Обращаясь к истории, отметим, что публичное управление образованием имело место на протяжении всего периода развития образования начиная с середины XIX в. Однако, именно во второй половине XX в. началась активная фаза влияния публичного управления на систему образования в России. Этому периоду характерно появление таких форм сотрудничества между государством, обществом и образовательными организациями как шефство трудовых коллективов над организациями образования, в первую очередь, школами и учреждениями среднего профессионального образования. Однако уже в 1988г. в связи с экономико-политическим преобразованием, был взят курс на реформирование и преобразование системы образования. Этот период характерен разработками основных принципов управления образованием в России, которые стали основой для закона «Об образовании» 1992 г.¹

Следует отметить, предложенные реформы управления образованием были положительно восприняты обществом, так как уровень доверия к системе образования того времени был на достаточно высоком уровне. До 1992 г. управление образованием носило преимущественно государственный характер. После 1992 г. усиливается роль общества в управлении образованием. Появляется понятие «государственно-общественное управление образованием». Система образования периода до 1992 г., а именно, преимущественно государственный контроль системы образования, имела ряд достоинств и недостатков. Основным достоинством являлась государственная гарантия качества образования для всех участников образовательного процесса.

Система управления образованием гарантировала финансирование, соблюдение стандартов образования всеми участниками, преемственность образовательных учреждений и трудоустройство. Однако монополия на управление образованием со стороны государства имела

¹ Закон РФ "Об образовании" /N 3266-1 от 10.07.1992 URL: <https://www.dokipedia.ru/document/1719796> (Дата обращения 15.05.2022).

и отрицательные стороны, среди которых ключевое место занимает бюрократизм, не позволявший оперативно реагировать на изменения внешней среды, чем затормаживал развитие технологического и общественного прогресса. Усиливающиеся противоречия в процессе управления образованием между государством и потребностями общества, которые набирали скорость изменения, стали причиной реформы, приходящейся на 2012 г. В этот период были внесены ключевые изменения в закон «Об образовании». С этого периода, согласно ст. 89 Федерального закона «Об образовании в Российской Федерации»¹, управление образованием в России смещает свой акцент с только государственного управления на государственно-общественное. Среди ключевых аспектов, характеризующих общественный характер управления образованием, согласно ФЗ «Об образовании в РФ»², следует выделить развитие негосударственных образовательных организаций, участие общественных организаций, коммерческих структур в разработке образовательных программ, а также, в их реализации. Указанные изменения нашли свое отражение в законодательстве, а также, дали новый толчок развитию государственной образовательной политики.

Сегодня документы стратегического планирования, разработанные для организации процесса управления образованием в России, едины в трактовке главной цели государственной образовательной политики – обеспечение доступности и качества образования. В докладе Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования³ сформулированы инструменты достижения поставленной цели: усиление роли человеческого капитала, повышение качества образования за счет развития образовательной инфраструктуры, создание постоянно действующей системы подготовки и развития кадров для развития науки и технологий. Исходя из этого, можно говорить о том, результаты процесса управления образованием зависят от развития и постоянного совершенствования человеческого капитала и образовательной инфраструктуры.

Как известно, инфраструктура образовательной организации призвана обеспечивать, влияние органов государственного управления напрямую или косвенным образом, достижение цели образования, а именно, качественная организация процесса образования, т.е. обучение, и достижение высоких образовательных результатов. Другими словами, цель инфраструктуры образовательной организации – создание условий для овладения знаниями, умениями, навыками и компетенциями.

Сегодня одной из ключевых элементов инфраструктуры образовательной организации является наличие развитой информационно-образовательной среды [9-11], которая является обязательным элементов образовательного процесса согласно требованиям стандарта Минобрнауки. Такой элемент образовательной инфраструктуры как информационно-образовательная среда обеспечивает формирование информационных компетенций обучающихся, цифрового портфолио, содержащего предметные, мета-предметные и личностные результаты, что в свою очередь, позволяет говорить о другом, более качественной уровне образования. Что касается управления качеством образования, то сегодняшняя государственная политика в этой сфере представлена комплексом процедур и механизмов, которые позволяют управлять данным процессом через постоянную оценку, осуществляемую посредством государственной регламентации образовательной деятельности, независимой оценки качества образования, проведения профессионально-общественных аккредитаций образовательных программ, а также, системы государственной итоговой аттестации.

Таким образом, инфраструктура образовательных организаций лежит в плоскости цифровых технологий, так как само образование сегодня не может развиваться без цифровых

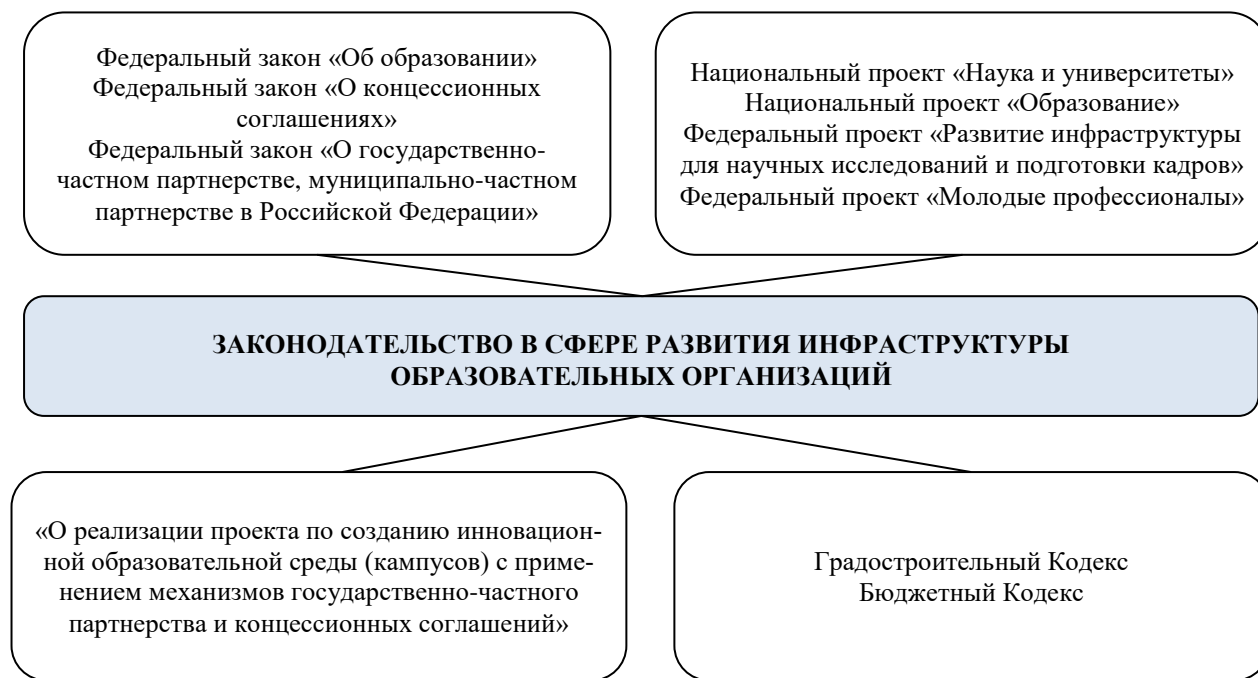
¹ Федеральный закон РФ "Об образовании в Российской Федерации", N 273-ФЗ | Ст. 89 URL: <https://www.zakonrf.info/zakon-ob-obrazovanii-v-rf/89/> (Дата обращения 15.05.2022)

² Федеральный закон «Об образовании в Российской Федерации» (с изменениями на 14 июля 2022 года) URL: <https://docs.cntd.ru/document/902389617> (Дата обращения 19.07.2022)

³ ДОКЛАД Правительства Российской Федерации Федеральному Собранию Российской Федерации о реализации государственной политики в сфере образования URL: <http://static.government.ru/media/files/GYRuAhoqmjgpAher8PRuu2zMB9NBFAa9.pdf> (Дата обращения 15.06.2022)

технологий. Цифровой образовательное пространство представляет собой основу для повышения качества и доступности образования, следовательно, можно говорить о цифровой образовательной инфраструктуре. Таким образом, достижения цели управления образованием зависит от развития образовательной инфраструктуры, лежащей в плоскости цифровых технологий.

На рис. 1 представлено законодательство в сфере развития инфраструктуры образовательной организации.

Рис. 1. Законодательство в сфере развития инфраструктуры образовательных организаций

Fig. 1. Legislation in the field of infrastructure development of educational organizations

Система законодательных и нормативных актов, регулирующих развитие инфраструктуры образовательной организации в России представлена федеральными законами, кодексами, федеральными и национальными проектами. Так, национальный проект «Наука и университеты»¹ в рамках федерального проекта «Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров»² предполагает реализацию мероприятий, направленных на создание инновационной образовательной среды (кампуса). Данный проект предусматривает создание кампуса не только за счет средств государственного бюджета, но в первую очередь, за счет финансирования частных партнеров.

Он обеспечивает создание инновационной образовательной инфраструктуры, такой как комплекс зданий, сооружений для обучающихся, научно-педагогических и других работников и сотрудников образовательной организации, предусмотренный для проживания, обучения, самостоятельной работы и организации досуга и отдыха, а также, объекты социального обслуживания.

Примером влияния государственной политики через механизм вовлечение в процесс управления инфраструктурой образовательной организации частного бизнеса и негосударственных организаций являются национальные и федеральные проекты. Так, федеральный проект «Молодые профессионалы»³ предусматривает механизм грантового финансирование

¹ Паспорт национального проекта «Наука и университеты». URL:

<https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/09/НиУ.PDF> (Дата обращения: 14.05.2022)

² Паспорт федерального проекта «Развитие инфраструктуры для научных исследований и подготовки кадров». URL: <https://minobrnauki.gov.ru/upload/2021/09/ИНФРАСТРУКТУРА.PDF> (Дата обращения: 14.05.2022)

³ Паспорт федерального проекта «Молодые профессионалы (Повышение конкурентоспособности профессионального образования)». URL:

общественных организаций с целью развития информационного ресурса «Современная цифровая образовательная среда в Российской Федерации»¹. Главной целью информационного ресурса является повышение конкурентоспособности профессионального образования. Проект предусматривает доступ к онлайн-курсам и образовательным платформам, формирование индивидуальных портфолио, перевод части образовательных курсов в онлайн формат для свободного доступа и возможность осваивать отдельные образовательные модули и курсы в других образовательных организациях.

Важно отметить, что доступность образования, как ключевой приоритет государственной политики, зависит среди прочего, от объемов контрольных цифр приема, это ограничивает в развитии ряд образовательных организаций, так как в фокусе сегодняшней государственной политики по развитию образования находится среднее профессиональное образование, а также, высшего образование медицинской и информационно-телекоммуникационной направленности. При этом говорить о неостребованности других направлений образования, в т.ч. высшего, не приходится. Так, согласно данным приема, на экономические направления поступают абитуриенты с высокими баллами ЕГЭ. Это свидетельствует о необходимости поддержки образовательных программ экономической направленности за счет внебюджетных средств, т.е. используя механизм государственно-частного партнерства. Такая тенденция сегодня способствует распространению опыта целевого обучения, которое обеспечивает финансирование и трудоустройством, так как такая форма взаимоотношений предполагает обязательное трудоустройство в организацию, профинансировавшую обучение на установленный соглашением период.

Таким образом, к инструментам государственной политики в области развития инфраструктуры образовательной организации следует отнести:

- утверждение контрольных цифр приема (КЦП);
- реализация целевого обучения в образовательных организациях, в т.ч. высшего образования;
- национальные и федеральные проекты, в том числе региональные проекты (например, 5-100);
- создание цифровой образовательной среды в рамках реализации национального проекта «Образование»;
- создание сети опорных и отраслевых университетов (цель: обеспечение местного рынка труда высококвалифицированными специалистами);
- реализация научно-исследовательских и проектных компонентов на базе государственно-частного партнерства.

Исследование управления образовательной организацией и ее инфраструктурой позволяет говорить о необходимости усиления публичного характера управления образовательными организациями и самим процессом образования, т.е. стратегические ориентиры развития образовательной организацией и ее инфраструктурой должны выстраиваться исходя из совместного решения государственных и муниципальных органов власти, и представителей некоммерческого и коммерческого секторов [12]. Здесь следует говорить о государственно-общественном характере процесса управления как самой образовательной организацией, так и ее инфраструктурой. Развитие инфраструктуры образовательной организации во много зависит от эффективного взаимодействия государства, бизнеса и системы образования. В связи с этим, государственная политика в сфере управления образованием подразумевает принятие большого числа законодательных документов, предполагающих реализацию мероприятий по формированию и развитию такого взаимодействия.

---

https://projects.sakha.gov.ru/uploads/ckfinder/userfiles/2021/01/15/files/FP_Molodye_professionaly_11_01_2021.pdf (Дата обращения 07.07.2022)

¹ Постановление Правительства Российской Федерации от 16 ноября 2020 года N 1836 «О государственной информационной системе «Современная цифровая образовательная среда»» URL: <https://docs.cntd.ru/document/566337965> (Дата обращения 12.06.2022)

Список источников

1. Котелевская Ю. В. Эволюция концепции инфраструктурного обеспечения в менеджменте // Управленческий учет. 2022. № 6-2. С. 246-253.
2. Арбузова Т. А., Фоменко Н. М. Эволюция социально-экономической системы мегаполиса как результат государственной политики // Креативная экономика. 2020. Т. 14. № 12. С. 3321–3342.
3. Самуэльсон П. Экономика: В 2 т. М.: Алгон, 1992.
4. Завьялова Е. Б., Шаманина Э. А. Обзор монографий, пособий и рекомендаций в области развития и применения механизма государственно-частного партнерства // Государственно-частное партнерство. 2016. №3. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-monografiy-posobiy-i-rekomendatsiy-v-oblasti-razvitiya-i-primeneniya-mehanizma-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva> (Дата обращения 12.04.2022)
5. Нехайчук Д. В. Развитие инвестиционно-финансовой инфраструктуры регионов: теория, методология, практика: монография. Симферополь: Издательство «Тарпан», 2014. 360с.
6. Hodge G.A., Greve C. Public-Private Partnerships: An International Performance Review // Public Administration Review. 2007. Vol. 67 (3). P. 545–558.
7. Котелевская Ю. В. Особенности управления взаимодействием бизнеса и высшего образования // Вестник Российского экономического университета имени Г. В. Плеханова. 2022. Т. 19. № 3 (123). С. 175–181.
8. Морозова И. А., Волков С. К., Мысин М. Н. Развитие инфраструктуры сферы образования и возможности применения инструментов государственно-частного партнерства // НАУЧНЫЕ ВЕДОМОСТИ. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. 2014 № 15 (186). Выпуск 31/1. С. 48-57. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-infrastruktury-sfery-obrazovaniya-i-vozmozhnosti-primeneniya-instrumentov-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva> (Дата обращения: 07.07.2022)
9. Фоменко Н. М. Применение информационно-коммуникационных технологий в системе публичного управления // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2014. № 5. С. 85–89.
10. Катабай П. Х., Смирнов Ю. И., Абрамов И. Н., Мажиев Х. Н., Скрипникова М. И. Управление локальной профсоюзной организацией на основе применения цифровой платформы // Креативная экономика. 2021. Т. 15. № 11. С. 4095–4104.
11. Катабай П. Х. Теория полюсов роста в стратегии использования потенциала территориального ресурса // Стратегическое планирование и развитие предприятий: Материалы Девятнадцатого всероссийского симпозиума, Москва, 10–11 апреля 2018 года / Под редакцией Г. Б. Клейнера. – М.: Центральный экономико-математический институт РАН, 2018. С. 581–584.
12. Фоменко Н. М. Особенности публичного управления в цифровой экономике. Ростов-на-Дону, 2022.

References

1. Kotelevskaya Yu. V. Evolution of the concept of infrastructure support in management. *Upravlencheskii uchet = Managerial accounting*. 2022;(6-2):246–253. (In Russ.)
2. Arbuzova T. A., Fomenko N. M. The evolution of the socio-economic system of the metropolis as a result of state policy. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2020;14(12):3321–3342. (In Russ.)
3. Samuelson P. *Economics*: In 2 vol. Moscow: Algon; 1992. (In Russ.)
4. Zavyalova E. B., Shamanina E. A. Review of monographs, manuals and recommendations in the field of development and application of the mechanism of public-private partnership. *Gosudarstvenno-chastnoe partnerstvo = Public-private partnership*. 2016;(3). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/obzor-monografiy-posobiy-i-rekomendatsiy-v-oblasti-razvitiya-i-primeneniya-mehanizma-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva> [Accessed 12.04.2022]. (In Russ.)
5. Nekhaychuk D. V. *Development of investment and financial infrastructure of regions: theory, methodology, practice*. Simferopol: Tarpan Publishing House; 2014. 360 p. (In Russ.)

6. Hodge G. A., Greve C. Public-Private Partnerships: An International Performance Review. *Public Administration Review*. 2007;67(3):545–558. (In Russ.)
7. Kotelevskaya Yu. V. Features of managing interaction between business and higher education. *Vestnik Rossiiskogo ekonomicheskogo universiteta imeni G. V. Plekhanova = Bulletin of the Plekhanov Russian University of Economics*. 2022;19(3 (123)):175–181. (In Russ.)
8. Morozova I. A., Volkov S. K., Mysin M. N. Development of the infrastructure of education and the possibility of using public-private partnership tools. *NAUCHNYE VEDOMOSTI. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika = SCIENTIFIC VEDOMOSTI. History series. Political science. Economy. Computer science*. 2014;15(186). Issue 31/1:48–57. Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/razvitie-infrastruktury-sfery-obrazovaniya-i-vozmozhnosti-primeneniya-instrumentov-gosudarstvenno-chastnogo-partnerstva> [Accessed: 07.07.2022]. (In Russ.)
9. Fomenko N. M. Application of information and communication technologies in the public administration system. *Ekonomicheskie i gumanitarnye issledovaniya regionov = Economic and humanitarian studies of the regions*. 2014;(5):85–89. (In Russ.)
10. Katabai P. H., Smirnov Yu. I., Abramov I. N., Majiev H. N., Skripnikova M. I. Management of a local trade union organization based on the use of a digital platform. *Kreativnaya ekonomika = Creative Economy*. 2021;15(11):4095–4104. (In Russ.)
11. Katabai P. H. The theory of growth poles in the strategy of using the potential of a territorial resource. In: *Strategic planning and development of enterprises: Materials of the Nineteenth All-Russian Symposium*, Moscow, April 10-11, 2018. Edited by G.B. Kleiner. Moscow: Central Economic and Mathematical Institute of the Russian Academy of Sciences; 2018:581–584. (In Russ.)
12. Fomenko N. M. *Features of public administration in the digital economy*. Rostov-on-Don, 2022. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. М. Фоменко – докт. экон. наук, проф. кафедры теории менеджмента и бизнес-технологий РЭУ им. Г. В. Плеханова;
Ю. В. Котелевская – канд. экон. наук, доц., зам. директора по учебной работе Севастопольского филиала РЭУ им. Г.В. Плеханова.

Information about the authors

N. M. Fomenko – Doctor of Economics, Professor, Department of management theory and business technologies, Plekhanov Russian University of Economics;
Y. V. Kotelevskaya – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor, Deputy Director for Academic Affairs of Sevastopol branch of Plekhanov Russian University of Economics.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.08.2022; одобрена после рецензирования 01.09.2022; принята к публикации 02.09.2022.

The article was submitted 17.08.2022; approved after reviewing 01.09.2022; accepted for publication 02.09.2022.

**INTERNATIONALIZATION OF ENVIRONMENTAL MANAGEMENT:
DIRECTIONS AND CONDITIONS OF DEVELOPMENT
(CASE OF THE PEOPLE'S REPUBLIC OF CHINA)**

Natalia N. Yevchenko¹, Deng Yue²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹nnyevchenko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8626-0684>

²1041405206@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-5448-7991>

Abstract. The problems of the state environmental processes managing have become international in nature in the last decade due to the increasing importance of the environmental paradigm in the general context of analyzing the consequences of rapid economic growth, the need to transition to a "green" and low-carbon economy and ensure the quality of residents' life. The internationalization of environmental process management involves global trends, indicators, management technologies and their synchronization with internal (national) processes.

Based on a comparative analysis of the key macroeconomic and environmental indicators of China and the United States, the authors identify the problems that have arisen in the Chinese environmental management practice and propose directions and forms for improving environmental management based on its internationalization. It was determined that the priority measures for the Chinese government are: 1) the concentration of the national environmental management system at the primary territorial management link level - the municipality; 2) use existing cooperation platforms to strengthen international exchange and cooperation between the Chinese government and other countries on environmental management issues; 3) training and retraining of personnel taking into account the fact that modern international systems stimulate technologies for unifying the collection and processing of environmental data; 4) the need to optimize the budget expenditures structure and the development of "green finance" technologies; 5) basing the environmental management system of the territory on the control of industrial and non-industrial pollution. The conclusion of the authors about the need for significant detail in the disclosure of environmental pollution information by enterprises is important. The authors believe that in the process of internationalization and improvement of China's environmental management, the existing information platforms of international cooperation should be more actively used in order to strengthen international exchange and cooperation. It is also important to take into account that modern information systems stimulate technologies for unifying the collection and processing of environmental data.

Keywords: environmental management, internationalization of environmental management, informatization & environmental data processing, training of environmental managers, financing of environmental problems

For citation: Yevchenko N. N., Deng Yue. Internationalization of environmental management: directions and conditions of development (case of the People's Republic of China). *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):84–91* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-84-91>

**ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗАЦИЯ В СФЕРЕ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ:
НАПРАВЛЕНИЯ И УСЛОВИЯ РАЗВИТИЯ
(НА ПРИМЕРЕ КИТАЙСКОЙ НАРОДНОЙ РЕСПУБЛИКИ)**

Наталья Николаевна Евченко¹, Дэн Юе²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹nnyevchenko@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8626-0684>

²1041405206@qq.com, <https://orcid.org/0000-0001-5448-7991>

Аннотация. Проблемы управления экологическими процессами государства в последнее десятилетие приобретают характер интернациональных в силу увеличения значимости экологической парадигмы в общем контексте анализа последствий быстрого экономического роста, необходимости перехода к «зеленой» и низкоуглеродной экономике и обеспечения качества жизни жителей. Интернационализация управления экологическими процессами предполагает учет мировых тенденций, индикаторов, технологий управления и их синхронизацию с внутренними (национальными) процессами.

Базируясь на сравнительном анализе ключевых макроэкономических и экологических показателей Китая и США, авторы выявляют проблемы, возникшие в практике управления природоохранной деятельностью Китая, и предлагают направления и формы совершенствования экологического управления на основе его интернационализации. Определено, что приоритетными мерами для китайского правительства являются: 1) концентрация системы национального экологического управления на уровне первичного территориального управленческого звена - муниципалитета; 2) использование существующих платформ сотрудничества для укрепления международного обмена и сотрудничества между правительством Китая и другими странами по вопросам управления окружающей средой; 3) учет того, что современные международные системы стимулируют технологии унификации сбора и обработки экологических данных, что потребует подготовки и переподготовки кадров; 4) необходимость оптимизации структуры бюджетных расходов и развития технологий «зеленых финансов»; 5) базирование системы экологического управления территории на контроле производственного и внепроизводственного загрязнения. Важным представляется вывод авторов о необходимости значительной детализации раскрытия предприятиями информации о загрязнении окружающей среды. Авторы полагают, что в процессе интернационализации и совершенствования экологического управления Китая следует более активно использовать существующие информационные платформы международного сотрудничества в целях укрепления международного обмена и сотрудничества. Также важно учитывать, что современные информационные системы стимулируют технологии унификации сбора и обработки экологических данных.

Ключевые слова: экологическое управление, интернационализация экологического управления, информатизация и обработка экологических данных, подготовка кадров эколого-менеджеров, финансирование проблем экологии

Для цитирования: Евченко Н. Н., Дэн Юе. Интернационализация в сфере экологического управления: направления и условия развития (на примере Китайской Народной Республики) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 84–91. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-84-91>

1. Introduction

Improving the environmental management strategy and technology is an important part of improving the China's national management capacity. Enhancing the capabilities of state environmental management and building a national environmental management system are determined by the current basic national conditions of China and the objective needs of economic and social development, and are also fundamental requirements for building a new ecological civilization [1]. Environmental management is now increasingly transcending national boundaries, becoming internationalized.

This article is devoted to the research of the environmental management in China in the context of rapid economic development. The purpose of the study is to identify directions, conditions and factors that contribute to the improvement of Chinese government technologies in the environmental management based on the influence of international development processes.

2. Materials and Methods

2.1 Economic growth desire is relatively high, and the share of investment in the environment is low in China

It is important to note that the territorial management in the field of ecology in China is of particular importance due to the integrated approach to both the occurrence of pollution from the enterprises and the organization of environmental management. The territory of the municipality (city, county) is

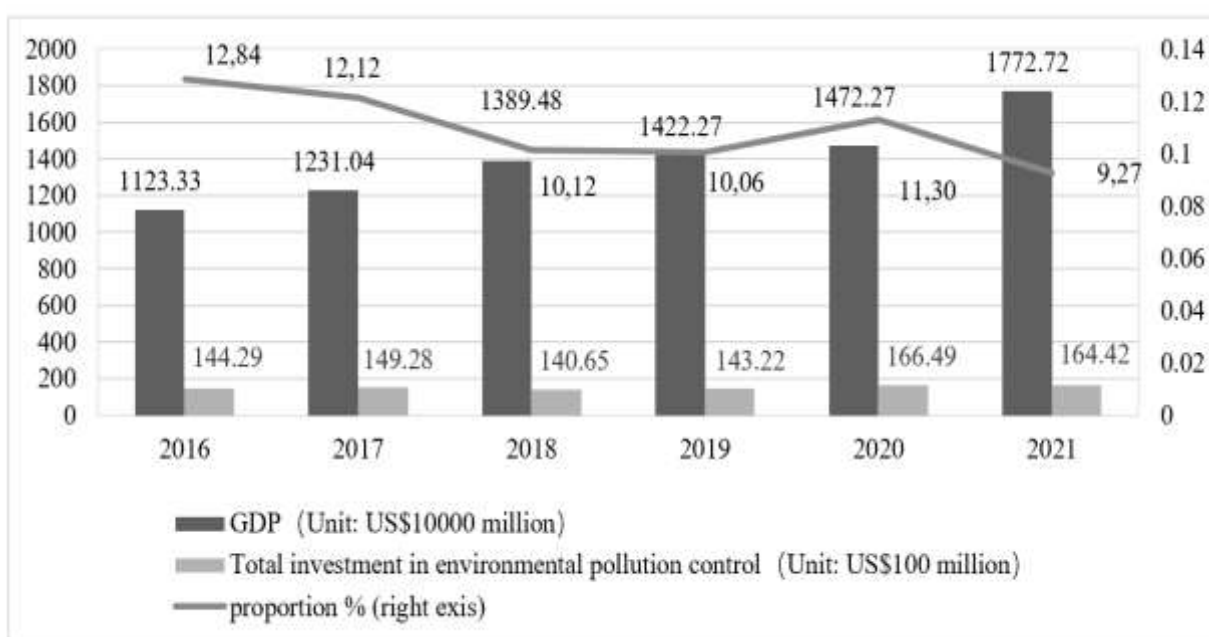
Problems of Management

Yevchenko N. N., Deng Yue. Internationalization of environmental management: directions and conditions of development ...

a place where pollution from the enterprises activity is concentrated, and human activity also increasingly affect the state of the environment, for example, the growing use of private cars. Some local governments ignore the social management areas and public services for which they should be responsible and blindly pursue economic growth. Some local governments do not have enough funds to invest in the ecological environment, which is contrary to the concept of sustainable development and "green" strategies.

In 2021, China's total investment in pollution control was US\$ 164.421 billion. The ratio of total investment in pollution control to gross domestic product (GDP) was 9.27 %. From 2016 to 2021, China's total investment in pollution control accounted for a small share of GDP, and the growth rate was slow, as shown in Figure 1 [2].

Due to insufficient investment in environmental funds, the share of environmental resources in the resource allocation of the entire socio-economic development is low, and public finances have low support for government environmental functions. The environmental function of government does not provide a complete picture of the sustainable development role in green (eco) becoming.

Fig. 1. GDP and total investment in environmental pollution control in China, 2016 – 2021¹

Thus, based on the data in Fig. 1, it is possible to conclude that there is a certain increase in environmental protection costs (+ 14 %), however, a 57.8 % increase in GDP over the same period leads to a decrease in the share investment in GDP for environmental projects from 12,84 % to 9.27 % in the PRC in 2016-2021.

2.2. Lack of national basic technologies and techniques for environmental protection, independent innovation ability is still weak

Compared with developed countries, there is still a significant gap in Chinese environmental science and technology, which is mainly manifested by the lack of original core technologies and weak independent innovation ability.

Take patent data as an example, the main patent holding data shown in the "Global Environmental Technology Patent Heat Analysis Report 2008-2017" published jointly by the China Environmental Protection Industry Association and the Hefei Institute of Physical Sciences of the Chinese Academy of Sciences, shown in Table 1 [3].

¹ Developed and compiled by the authors, based on [2]

Table 1 – Data comparison of core patent holdings, China and the United States, 2008-2017 ¹

Category	Nationality of applicant: United States (invention patent applications, piece)	Nationality of applicant: China (invention patent applications, piece)	Proportion China / US, %
Patents in air pollution prevention and control	893	118	13,2
Patents in water pollution prevention and control	585	139	23,8
Patents in solid waste disposal	212	75	35,4
Patents in environmental monitoring	274	78	28,5
Patent aspects in soil and groundwater remediation technology	33	9	27,3

Thus, based on the comparison of received patents in the field of environmental issues, it is possible to conclude that China's experience in comparison with the United States seems to be the most positive in terms of the number of patents in the field of solid waste management (35.4% of the US level). The most problematic and requiring priority attention should be recognized as patenting in air pollution prevention and control (13.2% of the US level), as well as in water pollution prevention and control (23.8% of the US level).

Therefore, it is important for China to focus on scientific priorities, research and development, put forward as a priority for patenting in the fields of air & water pollution prevention and control.

2.3. The ecology and environmental protection industry lacks workers, and the scientific and technical staff still has great potential to highlight as priority research in ecology and environmental protection.

In 2020, the ratio of total national operating income from environmental management to gross domestic product (GDP) is 1.9%, and the rate of direct contribution to the national economy is 4.5%. The environmental and environmental sector employs about 3.2 million people, which is 0.43% of the total employment in the country [4].

China's environmental protection industry started late, but R&D is progressing fast. In the development process, China's environmental protection technology research closely follows international patterns, forming a more comprehensive research scheme, and has reached the international level of advanced technology in some fields, such as forest and grassland restoration technology, and desertification prevention and control technology in environmental protection technology. restoration. However, the overall level of environmental science and technology research is at the international average, and there is still a large gap with the United States, Germany, the United Kingdom and other leading world powers. Therefore, it is important for Chinese authorities to track quantitative indicators, which are the targets in world practice. At the same time, internationalization creates quantitative parameters that form an integral system, the construction of which in the PRC should be linked to international practice and experience.

3. Results

Through a comparative analysis of China's GDP, pollution control investment, popularity of environmental technology patents and other key indicators, it can be shown that, from the point of view of environmental management, China's modernization level has shortcomings and problems, which are mainly in the following aspects:

3.1. Economic growth desire is relatively high, and the share of investment in the environment is low in China.

¹ Developed and compiled by the authors, based on [3]

3.2. Lack of national basic technologies and techniques for environmental protection, independent innovation ability is still weak.

3.3. The ecology and environmental protection industry lacks workers, and the scientific and technical staff still has great potential to highlight as priority research in ecology and environmental protection.

4. Proposals for using the principles of internationalization in improving China's environmental management system

4.1. States in the modern world, especially such a large one as China, are committed to improving environmental management. Considering the attention to environmental issues, the growth in the number of publications and the significance of these problems, it should be concluded that environmental issues are a priority for the PRC authorities. Therefore, given the global nature of environmental problems, the tasks of internationalization in their solution acquire a strategic character for the state.

4.2 It is advisable to form a monitoring system and detail the mandatory disclosure of information on the main polluting objects local governments: provincial, municipal, and county governments should be assessed in more detail in environmental disclosure activities, such as preparing and publishing the territory's annual environmental report.

Enterprises: to ensure favorable conditions for conducting public control, the introduction of regulatory (mandatory) disclosure by enterprises of detailed information on emissions into the environment deserves priority attention: generation and disposal of solid and hazardous waste from enterprises, environmental administrative penalties, energy consumption and energy saving, water consumption and water saving.

Detailing of information: it is important to expand the scope of mandatory disclosure of information by enterprises from data on general pollutants and their volumes to disclosure of specific pollutants; from disclosures from key controlled entities to more entities subject to the disclosure procedure; as well as providing information not only about sources of fixed pollution, but also mobile ones.

Population. It is important for the PRC government to stimulate the transformation of the lifestyle, regime and consumption patterns of the population into a "green" and low-carbon one.

The authors propose that the government should formulate policies and regulations that encourage the public to engage in environmental behavior and use systems to limit the public's non-environmental behavior. In particular, environmental standards for citizens' families may include: choosing a low-carbon lifestyle, using low-carbon energy-saving and environmental products, healthy and reasonable consumption, and reducing waste.

An important aspect of changing the behavior of the population in public places can be "Environmental Codes", including: eco-friendly travel; using public transport rather than a private car; priority of accommodation in a green, low-carbon and environmentally friendly hotel; maintaining environmental hygiene and infrastructure at tourist sites.

4.3 The Chinese government is constantly expanding the international cooperation platform to strengthen international exchanges and cooperation in environmental management, uses the platform of relevant international conferences to explore the ideas of environmental management. In this way, China can learn from international best practices while sharing its experience in public environmental management. In this way, China is accelerating the reform of domestic technology and environmental protection systems, and improving the capacity and efficiency of environmental management. For example, the creation of the website of the One Belt, One Road environmental protection big data service platform. The platform promotes the exchange of environmental information, the promotion of the exchange of green technologies, and the prevention of environmental and environmental risks of the "Belt and Road".

The site's first major achievement is that, in late 2016, the site released the "Belt and Road Environmental Blue Book – 2015 Report on the State of the Ecological Environment of Key Countries along the Route". The Blue Book covers 26 countries and regions, including Russia, Kazakhstan, Belarus, Mongolia, India, Pakistan, Cambodia, Indonesia, Myanmar, Malaysia, Singapore, Thailand, Turkey, etc. The content of the analysis includes environmental management policy systems, water environment, atmospheric environment, information on waste and soil pollution, nuclear pollution and international cooperation in the field of the environment [5].

The platform brought together key national data, regulations and standards, environmental policies, technology industries, case studies, etc. from more than 30 countries, and collected more than 200 index data from 30 international authoritative public platforms involving more than 190 countries and regions around the world [6].

4.4 The use of information technology in the fight against environmental pollution should be strengthened and the close integration of environmental management with modern technologies should be promoted. Ecological environment management is closely integrated with modern technologies. However, it is important to accelerate the standardization and use of big environmental data, further promote the relationship between the perception of the Internet of things and the Internet, the use of smart terminals and cloud computing, etc., as well as improve the efficiency of collecting environmental information [7].

Taking the automatic pollution source monitoring system as an example, personal wearable electronic devices are gradually becoming popular, and environmental monitoring equipment can be included in this category. With the help of IOT technology, this data will be integrated into valuable information resources. For example, the app "250 You Publish" People can take PM2.5 photos wherever they are and upload them to the app. When tens of thousands of data are collected in an area, they can determine the air quality index for that area based on the coordinates of the photo. PM2.5 is fine airborne particles less than or equal to 2.5 microns in diameter. [8].

With the platform environmental departments can effectively manage the environment. In the future, the platform may also implement more functions so that environmental protection departments of the territories can receive primary information about environmental events throughout the country. For example, the environmental department can quickly locate illegal dumpers and the specific location of a chemical plant leak.

4.5 It is necessary to speed up the reform of the personnel training system, create a high-quality environmental management team, train and retrain personnel for environmental protection:

- 1) Colleges and universities should pay attention to the development of talents in the environmental protection industry at the same time as the development of innovative talents in the field of ecology and environmental protection in the field of basic science and key technologies.
- 2) China's environmental protection industry should attract scarce high-level talent in a timely manner according to the actual work needs. The platform of continuous education may become effective at the enterprise.
- 3) Introduce a system of additional training for employees of local governments and departments of environmental protection.

The authors suggest that local governments and environmental departments develop plans for training personnel, expand the composition of units for on-the-job training. For example, the government of Jiashan County, Zhejiang Province sent 8 specialists to the Shanghai Municipal Landscaping and Appearance Bureau for training. The topic of learning outside the workplace is to conduct in-depth research on the handling of household waste, as well as to study the best practices of the Shanghai Environmental Service, environmental protection work [9].

4.6 Improving the mechanism of financial support and optimization of capital investments in the environment to solve financing problems.

First, it is important to optimize the structure of budget expenditures, ensuring the environment and protecting the environment as a key area. For example, during the 13th Five-Year Plan (2016-2020), national finance allocated a total of 4.421 billion yuan (about \$691.87 billion) to environmental and environmental protection funds, with an average annual increase of 8.2%. Of these, central finance accounted for \$303.91 billion, accounting for 43.7% [5].

Secondly, it is important to fully use the role of market mechanisms, develop green finance and attract more social capital in the field of ecology and environmental protection. Green finance can not only promote environmental protection and governance, but also direct the flow of resources from highly polluting and energy-intensive industries to green development [10].

As of the end of 2019, China's domestic green bond balance was 977.2 billion yuan (about \$140 billion), of which \$136.06 billion worth of green bonds maturing in the next five years, accounting for 88% of the total balance. The total issuance of green corporate bonds in 2019 was about \$7.51 billion, an increase of 124.43% from about \$3.34 billion in 2018, making it the green bond type with the largest increase in domestic labeled bonds [11].

5. Conclusion

Increasing the ability of the Chinese government to internationalize and, on this basis, modernize the environmental management of the state, as the authors believe, is of a strategic nature due to the complexity and magnitude of the tasks. A special role in this process in the PRC should be assigned to the municipal (large regional) level of environmental management, which concentrates industrial and non-industrial pollution. The authors propose directions and measures for environmental management improvements.

1) The ecological state of the state in the current conditions seems to be an element of a united ecological world system, since problems can only be solved on a global scale, Internationalization is the basis for obtaining indicative target indicators for the national environmental management system. In addition, managing of industrial and non-industrial environmental problems in order to minimize the impact on humans should be concentrated at the primary territorial management links level - the municipality and/or their regional associations.

2) The environmental management state system should be based on a mandatory mechanism for monitoring, assessing and disclosing environmental information in municipal (territorial) governments. Specialized environmental services of municipalities as state governing bodies should receive information both from enterprises and monitoring systems for controlling non-industrial pollution of the territory. For the successful functioning of the environmental management system, interaction with public organizations of municipalities of large territorial (urban) agglomerations is of key importance.

3) There is a need to make full use of the existing international platforms to strengthen international exchange and cooperation between the Chinese government and other countries on environmental management issues.

4) Environmental management according to international experience, is based on science and technology, such as the Internet, intelligent terminals and cloud computing. Modern systems for the exchange of large volumes of data stimulate technologies for the unification of the collection and processing of environmental data.

5) The priority direction of the implementation of the strategy of internationalization and modernization of the environmental management system is the personnel training, retraining of technical personnel for environmental protection, innovative solutions of local authorities and environmental departments.

6) An important component of China's state environmental management system is the mechanism for enhancing the environment investments. International experience indicates the need to optimize the structure of budget expenditures and develop green finance technologies.

Full use should be made of existing international cooperation platforms to strengthen international exchange and cooperation between the Chinese government and other countries on environmental management issues. It is important to take into account that modern international systems encourage technologies for unifying the collection and processing of environmental data, which will require training and retraining of personnel. International experience indicates the need to optimize the structure of budget expenditures and develop "green" finance technologies. The regional environmental management system should be based on the industrial and non-industrial pollution control.

References

1. Zhang W. Analysis on the connotation and path of "multiple co-governance" environmental governance system. *Administrative Management Reform*. 2017 (02): 31-35.
2. 2021 Bulletin on the State of China's Environment. [Electronic resource] / Access mode: <https://d.qianzhan.com/xdata/details/b8baf318689cf3ae.html> (access date July 15, 2022).

3. Global Environmental Technology Patent Heat Analysis Report 2008-2017. [Electronic resource] / Access mode: <https://huanbao.bjx.com.cn/news/20190517/981125.shtml> (access date July 22, 2022).
4. 2021 China Environmental Protection Industry Development Status Report. [Electronic resource] / Access mode: <https://www.sensorexpert.com.cn/article/34807.html> (access date June 14, 2022).
5. The total amount of ecological and environmental protection funds arranged by the Chinese government from 2016 to 2020. [Electronic resource] / Access mode: <https://baijiahao.baidu.com/s?id=1706705808532856656&wfr=spider&for=pc> (access date June 15, 2022).
6. The Belt and Road Initiative: A New Platform for International Cooperation in Environmental Protection. [Electronic resource] / Access mode: http://www.chinatoday.com.cn/chinese/economy/ls/201701/t20170124_800086237.html (access date July 01, 2022).
7. Wen N. Application Research of Information Technology in the Field of Environmental Protection. *Information Systems Engineering*. 2019. (01): 110-111.
8. China has initially formed an environmental protection Internet of Things application system. [Electronic resource] / Access mode: <http://epmap.zjol.com.cn/system/2016/11/08/021359650.shtml> (access date July 01, 2022).
9. The Symposium of Suspended Cadres of the Ministry of Environmental Protection was held. [Electronic resource] / Access mode: <https://www.gov.cn> (access date July 13, 2022).
10. Zhang J. The role of green finance in environmental protection. *Times Finance*. 2017 (11):81-88.
11. 2020 China Green City Index TOP50 Report. [Electronic resource] / Access mode: https://www.sohu.com/a/448714232_200224 (access date June 11, 2022).

Информация об авторах

Н. Н. Евченко – докт. экон. наук, проф. кафедры «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ;
Дэн Юе – аспирант факультета управления ЮФУ.

Information about the authors

N. N. Yevchenko – Dr. Sc. (Economics), Professor of Department of Innovational and International Management, Faculty of Management, Southern Federal University;
Deng Yue – Postgraduate, Faculty of Management of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 22.08.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 06.09.2022.

The article was submitted 22.08.2022; approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 06.09.2022.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 92–97
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):92–97

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 332.146

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-92-97

**МЕРЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОДДЕРЖКИ РОССИЙСКОГО ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСТВА
В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ**

**Эдуард Александрович Безуглый¹, Владимир Васильевич Ткаченко²,
Виталий Леонидович Михайликов³**

^{1,2,3}Белгородский юридический институт МВД России имени И.Д. Путилина, Белгород, Россия

¹eduardbezugly@mail.ru

²tkachenkovlad@yandex.ru

³mihailikov.vitalii@mail.ru

Аннотация. В статье рассматриваются вопросы необходимости актуализации государственной политики в области развития малого и среднего предпринимательства, представляющий целый комплекс мероприятий правового, экономического, политического, социального, информационного, консультационного, образовательного и организационного характера, которые должны быть направлены на обеспечение получения высоких экономических показателей. В настоящее время российские предприниматели нуждаются в предоставлении государственной поддержки в форме софинансирования процентных ставок, государственных гарантий, частичной компенсации капитальных вложений, налоговых вычетов, ускоренной амортизации. Правительство Российской Федерации приняло ряд экономических мер по поддержанию субъектов малого и среднего предпринимательства, которые рассматриваются в данной статье.

Ключевые слова: санкции, финансовый кризис, конкурентоспособная экономика, поддержка бизнеса, поддержка малого и среднего предпринимательства, экономические меры, кредитование бизнеса, государственная помощь

Для цитирования: Безуглый Э. А., Ткаченко В. В., Михайликов В. Л. Меры государственной поддержки российского предпринимательства в условиях санкций // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 92–97. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-92-97>

Problems of Economics

Original article

MEASURES OF STATE SUPPORT FOR RUSSIAN ENTREPRENEURSHIP UNDER SANCTIONS

Eduard A. Bezugly¹, Vladimir V. Tkachenko², Vitaly L. Mihailikov³

^{1,2,3}Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia, Belgorod, Russia

¹eduardbezugly@mail.ru

²tkachenkovlad@yandex.ru

³mihailikov.vitalii@mail.ru

Abstract. The article discusses the issues of the need to update the state policy in the field of small and medium-sized entrepreneurship development, which represents a whole range of legal, economic, political, social, informational, consulting, educational and organizational measures that should be aimed at ensuring high economic indicators. Currently, Russian entrepreneurs need state support

in the form of co-financing of interest rates, state guarantees, partial compensation of capital investments, tax deductions, accelerated depreciation. The Government of the Russian Federation has taken a number of economic measures to support small and medium-sized businesses, which are discussed in this article.

Keywords: sanctions, financial crisis, competitive economy, business support, support for small and medium-sized enterprises, economic measures, business lending, state aid

For citation: Bezugly E. A., Tkachenko V. V., Mihailikov V. L. Measures of state support for Russian entrepreneurship under sanctions. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(3):92-97. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-92-97>

В настоящее время Российская Федерация переживает сложный период экономической и политической жизни: обостряется внешнеполитическая ситуация, обострился внутрироссийский экономический и финансовый кризис, растут масштаб и острота проблем, которые испытывает на себе наше общество [1]. В связи с возникшими опосредованными политическими обстоятельствами и введением в отношении России экономических санкций со стороны западных стран, вопросы стимулирования внутреннего спроса, потребления, импортозамещения и создания конкурентоспособной экономики обрели в настоящее время особую значимость [2].

Европейский Союз и Соединенные Штаты Америки направлены на поиск новых путей развития западной экономики с учетом введенных антироссийских санкций. Экономическая ситуация, сложившаяся на мировой арене, направлена на подрыв экономической стабильности нашего государства.

Цель санкций состоит в том, чтобы нанести удар именно по стратегическим секторам российской экономики, в определенной степени зависящих от западных технологий отраслям [3]. В результате применения экономических санкций в отношении Российской Федерации, наблюдаются негативные последствия для российской экономики: увеличение ставок по кредитам, рост масштабов оттока капитала, падение курса национальной валюты и цен на нефть, повышение цен на внутреннем рынке, сокращение социальных расходов бюджета и реальных доходов значительной части населения [4; 5].

Особую значимость для поддержания российской экономики играет поддержка со стороны государства российского предпринимательства, как малого, так и среднего. Европейские санкции затронули не только крупный промышленный и сельскохозяйственный бизнес и финансовую систему, но и поставили под удар малое предпринимательство – наиболее массовую и мобильную часть предпринимательства, выполняющую важную роль в российской экономике, незаменимую при возникновении и решении наиболее острых экономических и социальных задач.

В связи с новыми экономическими условиями объективно возрастает необходимость актуализации государственной политики в области развития малого предпринимательства, представляющей целый комплекс мероприятий информационного, экономического, образовательного, правового, консультационного, социального, политического, организационного характера, которые должны быть направлены на обеспечение получения высоких экономических показателей в этом секторе экономики.

От воздействия экономических санкций страдает российское предпринимательство в сельскохозяйственной и промышленной сферах. Предприниматели испытывают одни и те же проблемы от санкций, ответных мер и непременно нуждаются в государственной поддержке [6]. В создавшихся условиях необходимо реализовывать комплекс мер системного характера, направленных на минимизацию экономических рисков, угроз и создавать условия для развития малого предпринимательства. Малое и среднее предпринимательство в современных условиях должно поддерживаться со стороны государства, путем частичной компенсации капитальных вложений, предоставлении налоговых вычетов, государственных гарантий, в форме софинансирования процентных ставок и т.д. [7].

Правительство Российской Федерации приняло ряд экономических мер по поддержанию субъектов малого и среднего предпринимательства (табл. 1).

Говоря о поддержке малого предпринимательства, следует отметить, что речь в данном случае должна идти не только о выделении каких-либо средств, а, в первую очередь, о создании необходимых условий функционирования российского предпринимательства и инвестиционного климата, способствующего развитию государственной экономики [8].

Таблица 1 – Государственные меры поддержки российских предпринимателей

Table 1 - State measures to support Russian entrepreneurs

Мера поддержки	Содержание меры поддержки
Проверки предпринимателей	
Запрет на проверки предпринимателей	Запрет на плановые проверки на предприятиях малого и среднего бизнеса, в том числе и индивидуальных предпринимателей в период с 10.03.2022 по 31.12.2022.
Изменения по налогам	
Федеральные и региональные органы власти получили новые налоговые полномочия	В связи с введением изменений в Налоговый Кодекс Российской Федерации, были продлены сроки уплаты региональных и местных налогов, направленных на поддержку граждан и бизнеса.
Система быстрых платежей (СБП)	
Бесплатное использование СБП (нового продукта, введенного ЦБ РФ)	Предприятия и граждане, которые используют систему СБП, получают субсидии, т.е. им возместят все банковские комиссии за покупки товаров и услуг.
IT-компании	
Новые льготы для работников IT-отрасли	<ol style="list-style-type: none"> 1. На основании нового ФЗ от 08.03.2022 № 46-ФЗ до конца 2024 года – запрещено осуществлять плановые проверки IT-компаний; 2. IT-компании могут взять кредиты на развитие своего бизнеса по ставке, не превышающей 3% годовых. 3. Освобождены от уплаты налога на прибыль в период с 2022 – 2024 годы. 4. Сотрудники смогут получить льготную ипотеку и отсрочку от армии до достижения ими возраста 27 лет.
Российские производители мобильных приложений	
Новые льготы по страховым взносам и налогу на прибыль.	Предприятия, занимающиеся отечественными разработками мобильных приложений, их тестированием, установкой вводятся пониженные тарифы по страховым взносам и льготная ставка по налогу на прибыль.
Льготные кредиты	
Перезагрузка программы поддержки «ФОТ 3.0»	С конца 2021 года заработала программа поддержки «ФОТ 3.0», которая позволила российским предпринимателям взять льготные кредиты, для сохранения рабочих мест, оплаты коммунальных платежей, выплаты заработной платы сотрудникам.
Возобновлено льготное кредитование малого и среднего бизнеса	В рамках рефинансирования малого и среднего предпринимательства, государством (в лице Правительства Российской Федерации, Центрального Банка России и Корпорации МСП) запускается программа льготного кредитования.
Защита активов	
Государственная помощь	В условиях экономических санкций, оказания политического давления, наблюдается охота за российскими активами со стороны иностранных государств.
Амнистия капиталов-2022	
Введение 4-этапа амнистии капиталов	Внесены поправки в Уголовный Кодекс Российской Федерации. Возможно будет легализовать опционы, фьючерсные контракты, облигации, акции и т.д. (производственные финансовые инструменты).
Инвестиционные проекты	
Повышение инвестиционной привлекательности для долгосрочных инфраструктурных проектов	Правительство Российской Федерации проводит дальнейшую работу по созданию благоприятного инвестиционного климата на всей территории российского государства, путем запуска новых инфраструктурных проектов, защиты интересов инвесторов, улучшения механизма государственно-частного партнерства.

Сельхозпроизводители	
Оказывается посильная помощь государства в выплате кредитов, путем пролонгации льготных договоров и введения льготных каникул	В период посевной кампании, сельхозпроизводители смогут снизить свою кредитную нагрузку, т.е. размер ежемесячных кредитных платежей, получение отсрочки платежей по льготным инвестиционным кредитам.
Возбуждение дел по налоговым преступлениям	
Приостановка возбуждения дел по налоговым преступлениям	В рамках защиты граждан и юридических лиц от необоснованного уголовного преследования Советом Федерации и Государственной Думой принято решение с 01.03.2022 года приостановить возбуждение уголовных дел по налоговым преступлениям. Это направлено на снижение нагрузки на предпринимателей в условиях санкций.
Туризм и туристический бизнес	
НДС – 0%	Налог на добавленную стоимость в размере 0% смогут получить инвесторы индустрии гостеприимства, компании туристической индустрии, которые создают новую инфраструктуру бизнеса, владельцы уже существующих гостиниц сроком на 5 лет (с момента ввода в эксплуатацию объекта индустрии). НДС по ставке 0% будет действовать до 30.06.2027 года.
Субсидии	
Индивидуальные предприниматели и промышленные предприятия имеют право на отсрочку платежей по субсидиям	В рамках реализации государственных программ «Развитие фармацевтической и медицинской промышленности», «Развитие авиационной промышленности», «Научно-технологическое развитие Российской Федерации», «Развитие промышленности и повышение её конкурентоспособности» и других, предприниматели имеют право на отсрочку исполнения обязательств по просубсидированным от государства проектам. В исключительных случаях возвращать субсидию или платить штраф не придётся.
Налог на прибыль	
Новый порядок расчета «тонкой капитализации»	Исходя из фактически полученных доходов предпринимателями, есть возможность у некоторых предприятий уплачивать налог авансовыми платежами. «Тонкая капитализация» - это когда курс иностранной валюты зафиксирован в договоре оказания услуг, выполненных работ и является неизменным (если деятельность предприятия связана с привлечением иностранных заемных средств и зависит от курса евро и доллара).
Налог на имущество	
Перерасчета кадастровой стоимости имущества в 2022 г. не будет	Оценку кадастровой стоимости предложено Правительством Российской Федерации оставить на уровне 2022 года для исчисления налога на имущество.
Пени	
При просрочке уплаты налогов, сборов и пошлин применяется повышенная ставка расчета пени	При просрочке исполнения обязательств по уплате налогов, сборов и пошлин юридическими лицами в течение 2022 и 2023 годов Правительство Российской Федерации отменило повышенную ставку расчета пени.

В настоящее время предпринимательские и научные сообщества, государственные органы направлены на поиск путей и различных механизмов повышения эффективности российской экономики, в том числе необходимо провести анализ возможностей малого предпринимательства в зависимости от профильной дифференциации и внедрение практики государственной поддержки малых и средних предприятий в условиях экономических санкций. В рамках государственной поддержки бизнеса в субъектах Российской Федерации созданы «Агентство

кредитных гарантий» и «Национальная система кредитных гарантий» [9]. Важным экономическим аспектом повышения конкурентоспособности российской продукции и экономической независимости от европейских стран, является введение инновационной денежно-кредитной, бюджетно-финансовой и структурной политики государства, направленной на стимулирование и развитие интеграционных связей всех предпринимательских структур [10].

Наряду с внешними проблемами на российском рынке производства товаров, работ и оказания услуг, существуют и внутренние проблемы, которые связаны с тем, что такой мощный рынок, как сфера научно-технических новшеств и информации почему-то не осваивается. С одной стороны, это связано с тем, что научно-исследовательские институты сосредоточили в себе весь объем финансирования научной сферы, что привело к отсутствию внедренческих структур в материальной сфере, монополией государственных научно-исследовательских институтов, а с другой стороны, обусловлено недостаточным вниманием к проблемам в данной отрасли со стороны государственных структур управления. Значительных капитальных вложений требуют такие отрасли экономики как: сельское хозяйство, общественное питание, ремонт техники и машин, торговля, строительство гражданских объектов и др. Это те сферы, которые занимают малые предпринимательские структуры, которые особо остро нуждаются в государственной поддержке.

Президент и Правительство Российской Федерации указывают на то, что именно в условиях экономических санкций необходимо развивать экономику нашей страны, предпринимательские структуры за счет замены импортных товаров, на товары собственного российского производства.

Список источников

1. Наумова А. А. Государственная поддержка малого и среднего бизнеса в России // *Аллея науки*. 2020. Т.1 №4 (43). С. 91–93.
2. Россихин А. П., Чаусов Н. Ю. Государственная поддержка как ключевой фактор обеспечения конкурентоспособности малого бизнеса // *Российский экономический интернет-журнал*. 2021. № 3.
3. Фролкин Н. И. Государственная поддержка малого предпринимательства в России в современных условиях / В сборнике: *Актуальные проблемы экономики, управления, права*. Отв. ред. Ю. А. Соколова. 2002. С. 19–27.
4. Мусаева Х. М. Основные тенденции развития малого предпринимательства // *Деловой вестник предпринимателя*. 2021. №5 (3). С. 108–110.
5. Алпатов Ю. М. Участие государства в развитии малого и среднего бизнеса // *Право и управление*. 2021. №2. С. 48–51.
6. Гильманова Г. Р., Макаров А. Н. Поддержка малого предпринимательства в России // *Наука Красноярья*. 2022. Т. 11. № 1-3. С. 159–167.
7. Осипов В. А. Поддержка малого и среднего предпринимательства как одно из важнейших направлений совершенствования инвестиционного климата России // *Российский экономический интернет-журнал*. 2020. №1. С. 36.
8. Перепелица А. С. Государственная поддержка и регулирование развития малого предпринимательства в России // *Молодежный научный форум: общественные и экономические науки*. 2017. № 3 (43). С. 100–106.
9. Шторгин С. И. Государственная поддержка малого и среднего предпринимательства в России // *Вестник АКСОР*. 2016. № 3 (39). С. 73–76.
10. Сапронова Е. Н. Поддержка предпринимателей в России // *Бенефициар*. 2021. № 103. С. 19–22.

References

1. Naumova A. A. State support of small and medium-sized businesses in Russia. *Alleya nauki = Alley of Science*. 2020;1(4 (43)):91–93. (In Russ.)
2. Rossikhin A. P., Chausov N. Y. State support as a key factor in ensuring the competitiveness of small business. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal = Russian Economic Online Journal*. 2021;(3). (In Russ.)

3. Frolkin N. I. State support of small entrepreneurship in Russia in modern conditions. In: *Actual problems of economics, management, law*. Responsible editor Y. A. Sokolova. 2002:19-27. (In Russ.)
4. Musaeva H. M. The main trends in the development of small business. *Delovoi vestnik predprinimatel'ya = Entrepreneur's Business Bulletin*. 2021;5(3):108-110. (In Russ.)
5. Alpatov Y. M. State participation in the development of small and medium-sized businesses. *Pravo i upravlenie = Law and management*. 2021;(2):48-51. (In Russ.)
6. Gilmanova G. R., Makarov A. N. Support of small business in Russia. *Nauka Krasnoyar'ya = Science of Krasnoyarsk region*. 2022;11(1-3):159-167. (In Russ.)
7. Osipov V. A. Support of small and medium-sized businesses as one of the most important areas of improving the investment climate in Russia. *Rossiiskii ekonomicheskii internet-zhurnal = Russian Economic Online Journal*. 2020;(1):36. (In Russ.)
8. Perepelitsa A. S. State support and regulation of small business development in Russia. *Molodezhnyi nauchnyi forum: obshchestvennye i ekonomicheskie nauki = Youth Scientific Forum: Social and Economic Sciences*. 2017;3(43):100-106. (In Russ.)
9. Shtorgin S. I. State support of small and medium-sized entrepreneurship in Russia. *Vestnik AKSOR = Bulletin of AXOR*. 2016;3(39):73-76. (In Russ.)
10. Saprionova E. N. Support of entrepreneurs in Russia. *Benefitsiar = Beneficiary*. 2021;(103):19-22. (In Russ.)

Информация об авторах

Э. А. Безуглый – канд. экон. наук, доц. кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина;

В. В. Ткаченко – канд. экон. наук, ст. преп. кафедры управления и административной деятельности органов внутренних дел Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина;

В. Л. Михайликов – канд. юрид. наук, доц., начальник факультета правоохранительной деятельности Белгородского юридического института МВД России имени И. Д. Путилина.

Information about the authors

E. A. Bezugly – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs of Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia;

V. V. Tkachenko – Candidate of Economic Sciences, Senior Lecture of Department of Management and Administrative Activities of Internal Affairs of Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia;

V. L. Mikhaylikov – Candidate of Law Sciences, Associate Professor, Head of the Faculty of Law Enforcement of Putilin Belgorod Law Institute of the Ministry of Interior of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 10.06.2022; одобрена после рецензирования 04.07.2022; принята к публикации 05.07.2022.

The article was submitted 10.06.2022; approved after reviewing 04.07.2022; accepted for publication 05.07.2022.

Научная статья

УДК 338

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-98-105

**АНТИКРИЗИСНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
МНОГОУКЛАДНОЙ ЭКОНОМИКОЙ В УСЛОВИЯХ САНКЦИЙ
НА ОСНОВЕ КОНЦЕПЦИИ ДОМИНАНТНЫХ ФАКТОРОВ ПРОИЗВОДСТВА**

**Константин Павлович Еременко¹, Вадим Вадимович Ефремов²,
Вячеслав Евгеньевич Иванов³**

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

³Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия

¹eremenko-kp@ranepa.ru

²vefremov-21@edu.ranepa.ru

³IvanovRussia@bk.ru

Аннотация. Спецификой развития хозяйства Российской Федерации является ее многоукладность, которая подразумевает одновременное существование различных субординаций факторов производства в разных регионах. Так, в Ставрополье и Ингушетии доминирующим фактором является капитал, в Ростовской области – земля, Краснодарском крае и Ставрополье – труд. Следовательно, для каждого из субъектов характерна собственная специфика инвестирования. Для отображения связей между факторами производства в хозяйстве в статье применены матрицы общественного воспроизводства, представленные в концепции И. Р. Бугаяна. На основании представленных данных отмечены закономерности в особенностях инвестирования каждого из факторов производства.

Ключевые слова: матрица воспроизводства хозяйства, доминантный фактор производства, закон – тенденция опережающего роста общественного сектора, труд, земля, капитал, предпринимательство

Для цитирования: Еременко К. П., Ефремов В. В., Иванов В. Е. Антикризисное управление многоукладной экономикой в условиях санкций на основе концепции доминантных факторов производства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 98–105. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-98-105>

Problems of Economics

Original article

**ANTI-CRISIS MANAGEMENT OF A MULTI-LAYERED ECONOMY UNDER SANCTIONS
BASED ON THE CONCEPT OF DOMINANT FACTORS OF PRODUCTION**

Konstantin P. Eremenko¹, Vadim V. Efremov², Vyacheslav E. Ivanov³

^{1, 2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

³Volgodonsk branch of Rostov Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russia

¹eremenko-kp@ranepa.ru

²vefremov-21@edu.ranepa.ru

³IvanovRussia@bk.ru

Abstract. The specifics of the development of the economy of the Russian Federation is its diversity, which implies the simultaneous existence of different subordinations of factors of production in different regions. So, in Stavropol and Ingushetia, capital is the dominant factor, in the Rostov region – land, Krasnodar Krai and Stavropol – labor. Consequently, each of the subjects is characterized by its own specifics of investment. To display the connections between production factors in

the farm, the article uses the matrices of public reproduction presented in the concept of I. R. Bugayan. Based on the presented data, patterns in the investment features of each of the factors of production are noted.

Keywords: matrix of reproduction of economy, dominant factor of production, law – trend of outstripping growth of public sector, labor, land, capital, entrepreneurship

For citation: Eremenko K. P., Efremov V. V., Ivanov V. E. Anti-crisis management of a multi-layered economy under sanctions based on the concept of dominant factors of production. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(3):98–105. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-98-105>

Долгосрочным глобальным итогом проводившейся с 90-х годов либеральной экономической политики является формирование все углубляющегося разрыва между развитыми и развивающимися странами, вынужденными остаться в подобном статусе навсегда в том случае, если они будут продолжать соблюдать требования ВТО: при декларируемом равноправии сторон реализуется ситуация асимметричной свободной торговли [1]. Системному разрушению подвергаются наиболее технологичные отрасли стран с менее развитой экономикой, причем без возможности восстановления: экономика менее развитой страны начинает принудительно специализироваться на видах деятельности с убывающей отдачей. Таким образом, в рамках объявленной политики свободной торговли преимущество получают страны с более развитым хозяйством.

Сложность и специфика Российской Федерации обусловлены неравномерным распределением факторов производства на территории её регионов. Для обеспечения эффективного развития национальной системы хозяйства необходимо, прежде всего, знать структуру распределения основных факторов производства. Кроме этого следует учитывать сложности, создаваемые санкциями, в условиях которых Российская Федерация существует уже около 10 лет.

Факторы производства связаны друг с другом сетью положительных обратных связей, определяющих направление воздействия с целью получения максимальных эффектов. Также существует историческое доминирование определенного фактора в определенную эпоху развития цивилизации и человеческого общества.

Первым, исторически зафиксированным сменой факторов производства, является переход к выплавке и созданию металлических орудий труда – он сменил фактор посреднического предпринимательства, доминировавший до этого и начавший развиваться под влиянием скотоводства и земледелия. Хорошо известно, что меновая торговля, широко охватывающая всю Европу и Переднюю Азию, существовала еще в эпоху неолита.

Смена факторов привела к масштабному росту производительности труда и как одному из следствий – возникновению первых рабовладельческих государств, получивших свое наивысшее развитие в форме обширных империи, как например, Римская или Парфянская.

Вторым событием подобного типа стал переход от доминирования труда к доминированию земли как основного производственного фактора. Этот переход способствовал формированию новых более эффективных методов использования производственных сил и тягловых животных. Основным следствием стало формирование нового типа общества – феодального, главной ценностью которого была земля.

Третьим крупным событием стало изобретение паровой машины, которое ознаменовало переход доминирующего положения к фактору производства – капиталу. И соответственно началу эпохи капитализма, характеризующейся переходом производства на совершенно новый уровень. Стало возможным существование крупных предприятий, способных к масштабному выпуску единообразных изделий и товаров. Начался процесс промышленного переворота – перехода доминирующего положения в экономике к промышленному производству. Четвертым – является новый переход основного фактора производства. Лидирующая роль вновь вернулась к фактору предпринимательства, но не посреднического, представленного в древних обществах, а основанного на информационных и новейших технологиях.

Главной ценностью новой фазы развития становятся знания и информация, характерной чертой – появление совершенно новых средств обработки информации, позволяющих ускорить этот процесс в миллионы раз и создающих возможность создание общества совершенно нового типа – информационного общества, главное отличительной чертой которого является возможность быстрого доступа к необходимой информации для любого члена этого общества.

Будущее (и уже во многом настоящее) принадлежит тем странам, граждане которых обладают способностями к современному предпринимательству, основанному на принадлежащих им новых информационных технологиях. Население этих стран, названное «золотым миллиардом» (ЗМ), составляет около 15% всех землян, но им принадлежит до 95% от всех конкурентоспособных технологий и соответствующей предпринимательской деятельности; как следствие этого – и львиная доля мирового и прибавочного продуктов [2].

Для отображения связей между факторами производства в хозяйстве мы применим матрицы общественного воспроизводства, представленные в концепции И. Р. Бугаяна [2].

Предварительно дадим определение расширенному воспроизводству: возобновление производства в новом цикле с увеличением масштаба по количеству и качеству выпускаемой продукции.

В соответствии с рассматриваемой концепцией существует пять матриц, показывающих ситуации с разными доминирующими факторами производства и меняющихся в зависимости от эпохи и территории. В приведенных ниже матрицах буквами обозначены ключевые факторы производства, отдельно выделен общественный сектор:

В – современное предпринимательство, L – труд, T – земля, K – капитал, S – общественный сектор.

Индекс справа обозначает причастность к определенному фактору производства: 1 – первое подразделение, 2 – второе и т.д. кроме индекса – 0. Этим индексом обозначено пятое подразделение. Подразделения обозначают разные виды хозяйства, в зависимости от доминирующего фактора: 1 – предпринимательство, 2 – труд, 3 – земля, 4 – капитал, 0 – общественный сектор.

Ключевое значение имеет главная диагональ, идущая от верхнего левого к нижнему правому углу. А неглавная – побочная – наоборот от верхнего правого к нижнему левому углу. Сумма факторов неглавной диагонали отражает общий размер общественного сектора. Главная же диагональ показывает цель – необходимые размеры социальной сферы в зависимости от подразделения, а также средства достижения цели – размер прочих факторов производства, находящихся на главной диагонали.

Первой рассмотрим матрицу хозяйственного воспроизводства стран «золотого миллиарда» как наиболее характерный вариант структуры, в которой доминирует фактор предпринимательства (рис. 1).

	B₁	L ₁	T ₁	K ₁	S ₁
в	L ₂	T₂	K ₂	S ₂	B ₂
	T ₃	K ₃	S₃	B ₃	L ₃
	K ₄	S ₄	B ₄	L₄	T ₄
	S ₀	B ₀	L ₀	T ₀	K₀

Рис. 1. Матрица воспроизводства странах ЗМ («золотого миллиарда») (нижнее подчеркивание элементов матриц указывает главную диагональ)

Fig. 1. Reproduction matrix in ZM countries ("golden billion")

В ней показано распределение факторов, необходимых для общественного воспроизводства в условиях доминирования фактора предпринимательства. Для расширенного воспроизводства необходимо, чтобы верхняя часть над главной диагональю была больше, чем нижняя.

Матрица показывает, что в условиях доминирования предпринимательства особую значимость приобретает продукт общественного сектора, производство которого связано с фактором «Земля», обозначенным на рисунке как S₃. Поэтому в реальности частная собственность

на землю не является необходимостью в условиях доминирования в хозяйствовании фактора предпринимательства. Одним из условий успешного воспроизводства факторов является использование земли преимущественно для общественных целей.

Данная матрица характерна для экономик наиболее развитых стран мира – США, Германии, Франции, Британии. Если рассматривать конкретные регионы Российской Федерации, то ее мы можем наблюдать в таких регионах, как Москва и Санкт-Петербург. Именно поэтому они в условиях санкций были вынуждены перепрофилироваться в области образования от производства кадров на экспорт за рубеж, которым занималось большинство крупнейших вузов – МГУ, НИУ ВШЭ, МГТУ им. Баумана, на поставку высококвалифицированных специалистов на внутренний рынок.

Вторая матрица показывает распределение факторов и их значимость для воспроизводства, при доминировании фактора труда (рис. 2).

L_2	T_2	K_2	S_2	B_2
T_3	K_3	S_3	B_3	L_3
K_4	S_4	B_4	L_4	T_4
S_0	B_0	L_0	T_0	K_0
B_1	L_1	T_1	K_1	S_1

Рис. 2. Матрица воспроизводства при доминирующем факторе «Труд»

Fig. 2. Matrix of reproduction under the dominant factor "Labor"

Наиболее характерно подобное распределение факторов для рабовладельческого общества. Соответственно в общественном воспроизводстве подобной структуры, наиболее востребованным товаром становится трудовая сила – рабы. Основная цель (неглавная диагональ) – развитие предпринимательства работодателей. Средство – развитие фактора «Труд». Конкретно же речь идет о капиталистическом предпринимательстве, обозначенном на рисунке как B_4 .

На рис. 2 показаны 5 подразделений, необходимых для воспроизводства каждого фактора. 1 подразделение отображает все необходимое для воспроизводства фактора «Труд». Как и в предыдущем случае, для того, чтобы существовало расширенное воспроизводство, необходимо, чтобы верхняя часть над главной диагональю превышала нижнюю. Только в тогда будут возникать условия для обмена результатами деятельности. На рис. 2 представлены условия расширенного воспроизводства при доминировании фактора «Труд».

В Российской Федерации подобного рода распределение характерно для Юга России применительно к таким регионам как Краснодарский и Ставропольский края. Эти регионы стабильно обладают избыточным трудовым населением, которое постоянно мигрирует в другие регионы. Чтобы обеспечить наилучшие условия для их развития, необходимы вложения в обучение и образование новых специалистов плюс дополнительные масштабные мероприятия по мелиорации и обводнению территорий, а также в модернизацию системы водохранилищ и регулирования речного стока. Данный комплекс мер обеспечит повышенный спрос на высококвалифицированных специалистов внутри регионов на достаточно длительный срок и позволит значительно интенсифицировать земледельческую и рекреационную специализацию указанных территорий, а также сопутствующих им отраслей. Для данного случая именно эти отрасли будут играть роль видов деятельности с возрастающей отдачей.

На рис. 3 представлена матрица, возникающая при доминировании фактора «Земля».

T_3	K_3	S_3	B_3	L_3
K_4	S_4	B_4	L_4	T_4
S_0	B_0	L_0	T_0	K_0
B_1	L_1	T_1	K_1	S_1
L_2	T_2	K_2	S_2	B_2

Рис. 3. Матрица воспроизводства при доминирующем факторе «Земля»
 Fig. 3. Matrix of reproduction under the dominant factor "Earth"

Данная матрица показывает распределение факторов производства, соответствующее феодальной эпохе. Особенностью данной матрицы является то обстоятельство, что для обеспечения воспроизводства факторов необходим преимущественно общественный труд, обозначенный на главной диагонали как L_0 . На рис. 3 показана структура из пяти подразделений для случая доминирования земли. Чтобы обеспечить расширенное воспроизводство фактора «Земля», все также необходимо, чтобы верхняя правая часть матрицы превышала нижнюю левую часть.

Примером подобной территории может служить Ростовская область. Основной проблемой области является обводнение довольно засушливых степных территорий в летние месяцы, организация дополнительных лесополос, не обновлявшихся с советского времени, и создание сети крупных сельскохозяйственных комбинатов для переработки получаемого сырья. В основательной модернизации также нуждается дорожная инфраструктура и сети электрического питания.

Для Ростовской области именно данная структура будет играть роль отраслей с возрастающей отдачей.

На рис. 4 представлена матрица факторов производства, возникающая при доминировании фактора «Капитал».

K_4	S_4	B_4	L_4	T_4
S_0	B_0	L_0	T_0	K_0
B_1	L_1	T_1	K_1	S_1
L_2	T_2	K_2	S_2	B_2
T_3	K_3	S_3	B_3	L_3

Рис. 4. Матрица воспроизводства при доминирующем факторе «Капитал»
 Fig. 4. Matrix of reproduction under the dominant factor "Capital"

Такое распределение факторов было характерным во времена формирования и приоритетного доминирования капиталистических отношений, одной из характерных примет которых стала индустриализация – процесс создания крупных предприятий, способных обеспечить выпуск больших объемов массовой продукции.

Условием расширенного воспроизводства капитала тоже является преобладание верхней правой части матрицы над нижней левой.

Регионами Российской Федерации с преобладанием капитала, прежде всего, являются многие промышленные регионы областей крайнего севера, а также некоторые другие области, например, Свердловская и Челябинская. Основные характерные особенности – преобладание в структуре производства продукции крупной промышленности, в значительной степени унаследованной от советского периода. Основная стратегия развития – инвестирование в отрасли тяжелой промышленности, преобладающие в конкретном регионе, кроме этого – преимущественное развитие социальной сферы, традиционно необходимой для обслуживания потребностей населения, зачастую живущего в области довольно рискованных климатических условий и поэтому имеющего повышенные потребности в области реализации неоплатных задач безопасности [3].

В данном случае именно капитал и общественный сектор являются основными факторами, на которых основаны отрасли возрастающей отдачи.

Теперь мы перейдем к пятой матрице – матрице воспроизводства хозяйства, при доминировании общественного сектора (рис. 5).

S₀	B ₀	L ₀	T ₀	K₀
B ₁	L₁	T ₁	K ₁	S ₁
L ₂	T ₂	K₂	S ₂	B ₂
T ₃	K ₃	S ₃	B₃	L ₃
K ₄	S ₄	B ₄	L ₄	T₄

Рис. 5. Матрица воспроизводства при доминировании общественного сектора

Fig. 5. Reproduction matrix under public sector dominance

Представленная структура включает пять подразделений, необходимых для воспроизводства общественного сектора. Условием расширенного воспроизводства является преобладание верхней правой части матрицы над нижней левой для того, чтобы в последующих периодах мог происходить процесс обмена результатами деятельности.

Путем сопоставления факторов, обладающих максимальной отдачей, с производственными выявляется следующая закономерность – фактор максимальной отдачи находится в матрице, являющейся последующей для рассматриваемого фактора в рамках выявленной тенденции смены соподчиненности доминирующих свойств.

Поэтому можно сформулировать следующие рекомендации по оптимальному инвестированию (см. рис. 6):

- 1) при доминировании предпринимательства необходимо инвестировать в предпринимательство и перспективно – в труд;
- 2) при доминировании труда необходимо инвестировать в труд и перспективно – в землю;

3) при доминировании земли необходимо инвестировать в землю и перспективно – в капитал;

4) при доминировании капитала необходимо инвестировать в капитал и перспективно – в общественный сектор;

5) при доминировании общественного сектора необходимо инвестировать в общественный сектор и перспективно – в предпринимательство.

Доминирующие свойства играют ключевую роль в процессе организации приоритетного развития отраслей с возрастающей отдачей и определяют приоритетность развития отраслей, релевантных доминирующим факторам.

	Предпри- ниматель- ство	Труд	Земля	Капитал	Общественный сектор
max	B_2	L_3	T_4	K_0	S_1
	B_3	L_4	T_0	K_1	S_2
	B_4	L_0	T_1	K_2	S_3
	B_0	L_1	T_2	K_3	S_4
min	B_1	L_2	T_3	K_4	S_0
Приме- чание	Инвести- рование в L для мак- симальной отдачи от B	Инве- стиро- вание в T для мак- сималь- ной от- дачи от L	Инве- стиро- вание в K для мак- си- маль- ной отдачи от T	Инвести- рование в S для мак- симальной отдачи от K	Инвестирование в B для макси- мальной отдачи от S

Рис. 6. Матрица максимальной отдачи при инвестировании (с учетом факторов производства)

Fig. 6. Maximum return on investment matrix (taking into account production factors)

Приоритетным направлением экономической политики является выявление доминирующих факторов и релевантных им потенциальных отраслей возрастающей отдачи в зависимости от конкретного региона Российской Федерации [4]. В условиях санкций нарастающей необходимостью является повышение эффективности функционирования отдельных регионов и генерация, со временем, высокого уровня экономического развития на основе доминирующих производственных факторов и сопутствующих им отраслей возрастающей отдачи, которые по мере собственного развития будут постепенно заменяться отраслями и факторами, характерными для более высоких иерархических подразделений последующих матриц доминирующих факторов.

Список источников

1. Райнерт Э. С. Как богатые страны стали богатыми, и почему бедны страны остаются бедными / пер. с англ. Н. Автономовой; под ред. В. Автономова; Гос. ун-т - Высшая школа экономики. М.: Изд. дом Гос. ун-та – Высшей школы экономики, 2011. 384 с.

2. Бугаян И. Р. Неотмирность России: возможные варианты воспроизводственного роста хозяйства при многоукладности. / Сб. «Россия под переменами» / Под ред. Ю. М. Осипова, И. Р. Бугаяна, Е. С. Зотовой. М.; Ростов н/Д, 2020.

3. Бугаян И. Р., Иванова Д. Е. Экономика и экология: роль инвестиций в оптимизации их соотношения как условия непрерывного роста эффективности хозяйства РФ / По материалам Всероссийской научно-практической конференции с международным участием «Защита окружающей среды как фактор социально-экономического развития территорий муниципальных образований: опыт и проблемы, апрель 2017. Ростов-на-Дону. С. 624–629.

4. Бугаян И. Р. Общественный сектор хозяйства сегодня: мир и Россия (философско-хозяйственный аспект). Ростов н/Д.: Изд-во ЮРИУ РАНХиГС, 2015. 114 с.

References

1. Rainert E. S. *How Rich Countries Became Rich, and Why Poor Countries Remain Poor* / Transl. With. N. Avtonomova; ed. V. Avtonomova; State. un-t - Higher School of Economics. Moscow: Ed. House of State. un-ta - Higher School of Economics, 2011. 384 p. (In Russ.)

2. Bugayan I. R. *Neotmiriness of Russia: possible options for reproducible growth of the economy with multi-layering*. In: "Russia under change" / Ed. Yu. M. Osipova, I.R. Bugayana, E.S. Zotova. Moscow; Rostov-on-Don, 2020. (In Russ.)

3. Bugayan I. R., Ivanova D. E. *Economics and Ecology: the role of investments in optimizing their ratio as a condition for continuous growth in the efficiency of the Russian economy* / Based on the materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference with International Participation "Environmental Protection as a Factor in the Socio-Economic Development of the Territories of Municipalities: Experience and Problems, April 2017. Rostov-on-Don. P. 624-629. (In Russ.)

4. Bugayan I. R. *Public sector of economy today: peace and Russia (philosophical and economic aspect)*. Rostov-on-Don; 2015. 114 p. (In Russ.)

Информация об авторах

К. П. Еременко – ведущий экономист, преподаватель отделения СПО ЮРИУ РАНХиГС;

В. В. Ефремов – студент факультета управления ЮРИУ РАНХиГС;

В. Е. Иванов – преподаватель кафедры огневой и физической подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России, майор полиции.

Information about the authors

K. P. Eremenko – Leading Economist, Lecturer of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА;

V. V. Efremov – Student of the Faculty of Management of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА;

V. E. Ivanov – Teacher of the Department of Fire and Physical Training of Volgodonsk branch of Rostov Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russia, Police Major.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 26.08.2022; одобрена после рецензирования 08.09.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 26.08.2022; approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 09.09.2022

Научная статья
УДК 330.1:330.3
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-106-111

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К АНАЛИЗУ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ В УСЛОВИЯХ ЦИФРОВИЗАЦИИ

Оксана Александровна Ищенко-Падукова¹, Ирина Викторовна Мовчан²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ishchenko-oa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6355-1411>

²movchani@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0133-1739>

Аннотация. В статье проведен анализ теоретико-методологических подходов к оценке национальной экономической политики в координатах цифровой трансформации общественного производства, тенденций цифровой трансформации, сложившихся в современном общественном развитии, принципов организации цифрового пространства и управления им. Поскольку цифровая трансформация в настоящее время приобретает фундаментальный массовый характер и охватывает все сферы и отрасли национального хозяйства, границы и способы государственного регулирования цифровых процессов становятся наиболее важным аспектом национальной экономической политики.

Ключевые слова: национальная экономическая политика, цифровизация, цифровая трансформация, цифровой социальный контракт, цифровой капитал, цифровая инфраструктура

Для цитирования: Ищенко-Падукова О. А., Мовчан И. В. Методологические подходы к анализу экономической политики в условиях цифровизации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 106–111. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-106-111>

Problems of Economics

Original article

METHODOLOGICAL CONCEPTS TO THE ANALYSIS OF ECONOMIC POLICY IN THE CONDITIONS OF DIGITALIZATION

Oksana A. Ishchenko-Padukova¹, Irina V. Movchan²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ishchenko-oa@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-6355-1411>

²movchani@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-0133-1739>

Abstract. The article analyzes theoretical and methodological approaches to assessing national economic policy in terms of the digital transformation of social production, digital transformation trends that have emerged in modern social development, the principles of organizing and managing the digital space. Since digital transformation is currently acquiring a fundamental mass character and covers all spheres and sectors of the national economy, the limits and methods of state regulation of digital processes are becoming the most important aspect of national economic policy.

Keywords: national economic policy, digitalization, digital transformation, digital social contract, digital capital, digital infrastructure

For citation: Ishchenko-Padukova O. A., Movchan I. V. Methodological concepts to the analysis of economic policy in the conditions of digitalization. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):106–111.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-106-111>

В настоящее время проблемы цифровизации затрагивают все сферы общественной и экономической жизни, что актуализирует необходимость формирования и реализации эффективной экономической политики на всех уровнях иерархии. Неслучайно повышенное внимание этим аспектам уделяется в научной литературе. Обобщая теоретические подходы

к обеспечению институциональных предпосылок и выработке мер стимулирования устойчивого экономического развития в ведущих странах мира, российские исследователи предлагают практические рекомендации по совершенствованию институционального обеспечения устойчивого развития российской и мировой экономики, включая совершенствование процедур выработки экономической политики, защиты прав собственности [1, с. 3].

Раскрывая влияние цифровизации на эффективность производственного процесса, российские авторы отмечают особенности воздействия цифровых информационно-коммуникационных технологий на такие стадии производства, как непосредственное производство, обмен и распределение [2, с. 13].

На основе анализа предпосылок трансформации экономической политики России в условиях нарастания темпов цифровизации и внедрения информационно-коммуникационных технологий, определен ряд методологических проблем и сделаны выводы о необходимости поиска оптимальной модели «цифрового государства», которая бы объединила динамичность цифровой трансформации, гуманизацию и социальную направленность экономики [3, с. 3].

Прорывной характер цифровизации, обеспечивающий ускоренное, опережающее развитие страны выдвигает в качестве приоритетов отвечающие требованиям экономического роста организационные и структурные преобразования экономики, ориентированной на глубокую структурную модернизацию производственного сектора [4, с. 134].

В целом следует отметить достаточно высокий исследовательский интерес отечественных ученых к проблемам эффективности экономической политики, что объясняется как традицией широкой дискуссии в русле экономической науки относительно масштабов и роли государства в экономическом регулировании на протяжении всей истории экономической мысли, так и теми изменениями в самих процессах экономической организации жизни общества, которые мы наблюдаем в настоящее время.

Современные социально-экономические процессы на практике находят свое отражение в обобщенных оценках исследователей, и, следует признать достаточно очевидный факт – современные исследования ориентированы на усиление государственного регулирования как административными, так и экономическими методами. Расширение процессов цифровизации требуют, в первую очередь, необходимость контроля цифровых сред в целях избежания мошеннических действий и обеспечения гарантий безопасности личных данных.

Тенденции цифровой трансформации, уже сложившиеся в современном обществе, демонстрируют следующие изменения в уровне социально-экономического развития:

- фундаментальный массовый характер цифровой трансформации, обусловленный тем обстоятельством, что в последние годы диджитализация охватывает все сферы и отрасли национального и мирового хозяйства, тогда как на протяжении многих лет она носила фрагментарный характер и затрагивала ограниченный спектр хозяйственных операций, как правило в профильных технологических отраслях;

- объективно обусловленное режимом цифровизации формирование новых форм сотрудничества между национальными экономическими субъектами и создание цифровых платформ, обеспечивающих их взаимодействие;

- цифровой прорыв в смене технологической парадигмы, основанный на формировании продуктивной и диверсифицированной IT-инфраструктуры, предоставляющей пользователям возможности доступа и использования цифровых платформ в непрерывном режиме.

В современных условиях кардинально трансформируются принципы и подходы к организации цифрового пространства и управления им. Эти принципы и подходы включают в качестве обязательных императивов следующие:

- соблюдение цифровой культуры, основанной на равноправии и равнодоступности сервисов для пользователей цифровых услуг;

- обеспечение электронной свободы в сочетании с требованиями кибербезопасности, что предполагает необходимость разработки новой методологии контроля над цифровым пространством, не нарушающего равноправие пользователей и соблюдение их цифровых прав;

- трансформация традиционных сфер и отраслей, цифровизация процессов и механизмов управления;

- инновационное проектирование услуг, включая государственные услуги.

В условиях цифровизации формируется особый тип конкуренции между производителями, что вызывает необходимость трансформации приоритетов конкурентной политики в условиях цифровизации [5, с. 22].

Цифровая трансформация способствует становлению нового типа общественных отношений между производителями и потребителями, работодателями и работниками, взаимодействия субъектов экономических отношений с государственными органами, что требует апробационных механизмов акторно-деятельностной модели согласования интересов экономических и неэкономических субъектов [6, с. 504].

Многие из указанных типов взаимодействия формируются на условиях «цифрового социального контракта», регулирование которого предполагает не только обеспечение кибербезопасности, но и устранение попыток нелегитимного использования цифрового пространства в корыстных и коррупционных целях. Специфической чертой цифровизации выступает ее конклюдентный характер, что применимо к большинству цифровых сделок и требует, как экономического регулирования, так и мер правового характера на принципах солидарности в экономической деятельности государства [7, с. 159].

Основополагающим признаком экономической политики в условиях цифровой трансформации является необходимость формирования цифровой компетентности, призванной обеспечивать возможность получения цифровых знаний и навыков для всех заинтересованных сторон и в первую очередь, на рынке труда, поскольку процессы цифровизации влекут за собой ускоренное устаревание как самих экономических и социальных процессов, так и способов их цифровой регламентации. В этих обстоятельствах высокую значимость приобретает информационно-образовательная политика государства как фактор экономического роста в условиях глобальной цифровизации [8, с. 71].

В рамках национальной инвестиционной политики необходимым направлением выступает инвестирование в цифровую инфраструктуру на условиях частно-государственных инициатив. При этом необходимы системные подходы к обеспечению инвестиционной привлекательности цифровой инфраструктуры в национальном масштабе, разработка системы специальных мер правового регулирования (в настоящее время таким инструментом выступают регуляторные песочницы), внедрение системы особых налоговых льгот и преференций финансового и нефинансового характера, расширение возможностей государственных субсидий и контрактов, а также формирование целостной системы воспроизводства кадров для национальной цифровой экономики.

В контексте реализации мер экономической политики приобретают важное значение как само финансирование цифровой инфраструктуры, так и вопросы обеспечения совместимости цифровых платформ, используемых как в индивидуальных, так и в общественных интересах, особенно в отношении товарно-денежного обращения. Поэтому наиболее важным с точки зрения реализации монетарной политики выступает в настоящее время поиск способов регулирования цифровых валют, а также формирование методологии создания и использования национальных цифровых валют и обеспечение регулирующих мер, направленных на рост эффективности цифрового денежного обращения.

В системе факторов производства формируется и приобретает значительный масштаб влияния на экономику «цифровой капитал», оценка которого может существенным образом изменять конечную результативность деятельности экономического субъекта. В этих обстоятельствах формирование методологии аналитической оценки «цифрового капитала», способы его включаемости в итоговую результативность деятельности субъектов выступает фактором первостепенного исследовательского поиска новых форм эффективного регулирования деятельности.

Методологическая концепция оценки цифровой экономики включает количественные индикаторы эффекта масштаба от распространения цифровых технологий, что, в свою очередь выступает фактором стимулирующего воздействия на рынок инноваций и, в итоге, на интенсивный экономический рост. Современные оценки цифрового капитала достаточно поверхностны и условны и включают, как правило, вклад информационно-коммуникационного сектора в структуру валового внутреннего или валового регионального продукта. Вполне очевидно, что в современных условиях формирование методологии количественной и качественной оценки необходимо в направлениях параметров стоимости цифровых ресурсов, сто-

имости (в том числе дисконтированной) цифрового капитала, определения рентабельности и альтернативной стоимости использования цифрового капитала, а также минимизация возможностей развития институциональных ловушек в сфере социально-экономической политики в условиях цифровизации [9, с. 186].

Специфика экономической политики государства в регулировании цифрового пространства обусловлена теми необходимыми мерами антимонопольного регулирования, которые препятствуют сохранению уникальности результатов деятельности отдельных субъектов и экономического господства на том или ином сегменте рынка, поскольку наблюдается цифровая трансформация традиционных стратегий ценообразования на потребительских, отраслевых и региональных рынках. Вместе с тем господство на рынке в условиях цифровой экономики существенным образом отличается от монополизации традиционных рынков, поскольку цифровое доминирующее положение субъекта возможно лишь как результат активной инновационной деятельности.

В координатах современной цифровой экономики наибольшее значение приобретает проблема взаимодействия государственных и частных инициатив, как в области формирования институциональных условий ведения бизнеса в цифровой среде и создания эффективной цифровой инфраструктуры, включающей в том числе и взаимоотношения бизнеса и государства относительно отчетности и подконтрольности, так и в сфере обеспечения государственной защиты бизнес-сообщества, для чего становится объективно заданным в рамках экономической политики создание оптимальных механизмов и инструментов стимулирования бизнес-деятельности на уровне территорий, отраслей и производственных комплексов национальной экономики, для чего необходима апробация содержательной модели согласования интересов экономических субъектов [10, с. 1905].

С учетом макроэкономических факторов цифровизация способствует становлению новых форм государственного регулирования, которые базируются на следующих императивах:

- необходимость учета рисков цифровизации, анализ и управление рисками в цифровой среде;
- обеспечение защиты прав потребителей в цифровом пространстве;
- контроль цифровых сделок, устранение «цифрового потребительского экстремизма»;
- анализ факторов монополизации и разработка принципов адекватной цифровым реалиям конкуренции, выработка мер по демополизации цифровых рынков;
- оценка допустимости цифровой «рыночной власти» для экономических субъектов, осуществляющих производство цифровой продукции и разработка регулирующих мер в области слияний и поглощений.

В цифровом пространстве экономическая политика должна быть более оперативной и достаточно адаптивной, что требует деюрократизации многих аспектов регулирования при осуществлении эффективного контроля в границах обеспечения безопасности для пользователей. В этой связи объективные трансформации в сфере экономической политики связаны с:

- формированием «открытого цифрового правительства»;
- проведением политики «цифровой безопасности», включающей защиту данных (в том числе персональные данные), защиту критических отраслей национальной экономики и информационной инфраструктуры, обеспечивающей их национальное и транснациональное взаимодействие;
- формированием межведомственных и межсекторальных цифровых структур, обеспечивающих ускоренный обмен информацией, целью которых является проведение эффективной политики правительственных инициатив, направленных на инновационный рост.

Список источников

1. Автономов В. С., Афонцев С. А., Капелюшников Р. И., Кочеврин Ю. Б., Раннева Н. А., Смыслов Д. В., Субботин М. А. Политика институциональных преобразований: от теории к практическим рекомендациям / Под редакцией С. А. Афонцева; ИМЭМО РАН. Москва: Институт мировой экономики и международных отношений РАН. 2013, 198 с.

2. Нуреев Р. М., Карапаев О. В. Влияние цифровизации на эффективность производственного процесса // Управление бизнесом в цифровой экономике : Сборник тезисов выступлений

Четвертой международной конференции, Санкт-Петербург, 18–19 марта 2021 года / Под общей редакцией И.А. Аренкова, М.К. Ценжарик. Санкт-Петербург: Санкт-Петербургский государственный университет промышленных технологий и дизайна. 2021. С. 13-19.

3. Борисов П. А. Трансформация государственной экономической политики в условиях цифровизации // Научный Лидер. 2022. № 6 (51). С. 171-176. URL: <https://scilead.ru/article/1697-transformatsiya-gosudarstvennoj-ekonomicheskoy>

4. Усков В. С. Проблемы формирования государственной промышленной политики в условиях цифровизации экономики // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2020. Т. 13. № 6. С. 134-151.

5. Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Чернова Е. Г., Малышков Г. Б. Конкурентная политика и ее приоритеты в условиях цифровизации и «поствирусного» экономического цикла: опыт России и Евросоюза // Проблемы современной экономики. 2020. № 3(75). С. 20-27.

6. Фролов В. Г., Каминченко Д. И. Апробация акторно-деятельностной модели согласования интересов экономических и неэкономических субъектов промышленной политики в условиях цифровизации // Лидерство и менеджмент. 2021. Т. 8. № 4. С. 503-520.

7. Шукина Т. В. Принцип солидарности в экономической деятельности государства: административно-правовой аспект реализации новых подходов к архитектуре управления в системе публичной власти // Правовая политика и правовая жизнь. 2021. № 3.1. С. 158-166.

8. Pavlova A.F. The government information and educational policy as a factor of economic growth in global digitalization / В сборнике: Languages in professional communication. Сборник материалов международной научно-практической конференции преподавателей, аспирантов и студентов. Ответственный редактор Л. И. Корнеева. 2020. С. 71-78.

9. Фомин Р. В. Институциональная ловушка модернизации региональной социально-экономической политики южного федерального округа в условиях цифровизации экономики // Современная экономика: проблемы и решения. 2020. № 3 (123). С. 186-196.

10. Фролов В. Г., Каминченко Д. И. Апробация содержательной модели согласования интересов экономических субъектов промышленной политики добывающей и обрабатывающей отраслей в условиях цифровизации // Вопросы инновационной экономики. 2021. Т. 11. № 4. С. 1905-1920.

References

1. Avtonomov V.S., Afontsev S.A., Kapelyushnikov R.I., Kochevrin Yu.B., Ranneva N.A., Smyslov D.V., Subbotin M.A. *Approaching Institutional Change: From Theory to Policy Advice*. Moscow: Institute of World Economy and International Relations of the Russian Academy of Sciences; 2013:198. (In Russ.)

2. Nureev R.M., Karapaev O.V. Digitalization Impact On The Production Efficiency. *Business Management in the Digital Economy: Collection of abstracts from the Fourth International Conference*, St. Petersburg, March 18–19, 2021. St. Petersburg: St. Petersburg State University of Industrial Technologies and Design; 2021:13-19. (In Russ.)

3. Borisov P.A. Transformation of the state economic policy in the context of digitalization. *Nauchnyy Lider = Science Leader*. 2022;6(51):171-176. URL: <https://scilead.ru/article/1697-transformatsiya-gosudarstvennoj-ekonomicheskoy> (In Russ.)

4. Uskov V.S. Problems of the state formation within economic digitalization industrial policy. *Ekonomicheskiye i sotsial'nyye peremeny: fakty, tendentsii, prognoz = Economic and social changes: facts, trends, forecast*. 2020;(13);(6):134-151. (In Russ.)

5. Pakhomova N.V., Richter K.K., Chernova E.G., Malyshkov G.B. Competition politics and its priorities in the context of digitalization and «post-virus» economic cycle: Russian and Eurasian experience. *Problemy sovremennoy ekonomiki = Problems of modern economy*. 2020;3(75):20-27. (In Russ.)

6. Frolov V.G., Kaminchenko D.I. Approbation of the actor-activity model of coordinating the interests of economic and non-economic subjects of industrial policy amidst digitalization. *Liderstvo i menedzhment = Leadership and management*. 2021;(8);(4):503-520. (In Russ.)

7. Shchukina T.V. The principle of solidarity in the economic activity of the state: the administrative and legal aspect of the implementation of new approaches to the architecture of governance in the public authority system. *Pravovaya politika i pravovaya zhizn' = Legal policy and legal life*. 2021;(3.1):158-166. (In Russ.)

8. Pavlova A.F. The government information and educational policy as a factor of economic growth in global digitalization. *In the collection: Languages in professional communication*. Collection of materials of the international scientific-practical conference of teachers, graduate students and students; 2020:71-78.

9. Fomin R.V. Institutional trap of modernization of the regional socio-economic policy of the Southern federal district in the conditions of digitalization of the economy. *Sovremennaya ekonomika: problemy i resheniya = Modern economy: problems and solutions*. 2020;3(123):186-196. (In Russ.)

10. Frolov V.G., Kaminchenko D.I. Approbation of a conceptual model for coordinating the interests of economic subjects of the extractive and manufacturing industries amidst digitalization. *Voprosy innovatsionnoy ekonomiki = Questions of innovative economy*. 2021;(11);(4):1905-1920. (In Russ.)

Информация об авторах

О. А. Ищенко-Падукова – канд. экон. наук, доц. кафедры политической экономии и экономической политики ЮФУ;

И. В. Мовчан – канд. экон. наук, доц. кафедры политической экономии и экономической политики ЮФУ.

Information about the authors

O. A. Ishchenko-Padukova – Candidate of Economic Science, Associate Professor of the Department of Political Economy and Economic Policy of Southern Federal University;

I. V. Movchan – Candidate of Economic Science, Associate Professor of the Department of Political Economy and Economic Policy of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 08.07.2022; одобрена после рецензирования 26.07.2022; принята к публикации 27.07.2022.

The article was submitted 08.07.2022; approved after reviewing 26.07.2022; accepted for publication 27.07.2022

Научная статья

УДК 338.23

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-112-120

СТРАТЕГИЧЕСКАЯ ДИАГНОСТИКА ИННОВАЦИОННОГО ЛАНДШАФТА ЮЖНОРОССИЙСКИХ РЕГИОНОВ: ИНСТИТУТЫ, ИНСТРУМЕНТЫ, ПОТЕНЦИАЛ ПЕРЕХОДА К ЦИРКУЛЯРНОЙ ЭКОНОМИКЕ

Екатерина Валерьевна Каплюк¹, Кристина Сергеевна Руднева²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹ekapluk@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5768-6486>

²legostaeva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7487-0055>

Аннотация. Инновационное развитие мезоуровневых систем происходит под перманентным влиянием множества факторов внутреннего и внешнего окружения, в том числе институционального характера, это актуализирует важность учета объективно существующей иерархической взаимосвязи и взаимосопряженности государственной и региональной политики, а также стратегических целей инновационного развития экономических субъектов региона. В данном контексте важно учитывать, что в настоящее время интенсивная и эффективная инноватизация промышленной базы региона является необходимым условием развития промышленности в условиях постоянной адаптации потенциала субъектов к изменяющимся условиям внешней среды. В то же время реальной практикой верифицируется тот факт, что возможности инерционного развития исчерпаны и нужны новые модели развития, основанные на внедрении прогрессивных производственных технологий, информатизации и цифровизации. Моделью, способной дать импульс развитию промышленности, является модель циркулярной экономики, которая основана на принципах ресурсоэффективности, контроле жизненного цикла продукции, формирования экологически ответственной среды, внедрения эффективных бизнес-моделей. В связи с этим целью статьи является решение научно-прикладной задачи относительно разработки инструментария стратегической диагностики инновационного ландшафта регионов, которая характеризуется с одной стороны уровнем инновационного развития, как базовой платформы перехода от линейной экономики, уровнем циркулярной экономики с другой стороны, с учетом параметров ресурсоэффективности, экологизации, управления отходами и вторичного использования материалов. В статье представлены результаты апробационных расчетов на примере южнороссийских регионов, в рамках которых выявлена группа регионов, обладающих базовой платформой для внедрения и развития циркулярной экономики.

Ключевые слова: инновационное развитие, циркулярная экономика, региональная промышленность, стратегическая диагностика, энтропийный подход

Финансирование: исследование выполнено в рамках реализации гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук № МК-1478.2022.2 «Бизнес-модели управления промышленными объединениями в условиях циркулярной экономики».

Для цитирования: Каплюк Е. В., Руднева К. С. Стратегическая диагностика инновационного ландшафта южнороссийских регионов: институты, инструменты, потенциал перехода к циркулярной экономике // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 112–120. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-112-120>

Problems of Economics

Original article

STRATEGIC DIAGNOSIS OF THE INNOVATIVE LANDSCAPE OF THE SOUTHERN RUSSIAN REGIONS: INSTITUTIONS, INSTRUMENTS, THE POTENTIAL OF TRANSITION TO A CIRCULAR ECONOMIC

Ekaterina V. Kapluyk¹, Kristina S. Rudneva²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹ekapluk@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5768-6486>

²legostaeva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7487-0055>

© Каплюк Е. В., Руднева К. С., 2022

Abstract. The innovative development of meso-level systems occurs under the permanent influence of many factors of the internal and external environment, including institutional ones. This actualizes the importance of taking into account the objectively existing hierarchical relationship and interdependence of state and regional policies, as well as the strategic goals of the innovative development of economic entities in the region. In this context, it is important to take into account that at present, intensive and effective innovation of the industrial base of the region is a necessary condition for the development of industry in the context of constant adaptation of the potential of subjects to changing environmental conditions. At the same time, real practice verifies the fact that the possibilities of inertial development have been exhausted and new development models are needed based on the introduction of advanced production technologies, informatization and digitalization. The circular economy model can give impetus to the development of industry. This model is based on the principles of resource efficiency, product life cycle control, the formation of an environmentally responsible environment, and the implementation of efficient business models. In this regard, the purpose of the article is to solve an applied scientific problem: the development of tools for strategic diagnostics of the innovative landscape of regions, which is characterized, on the one hand, by the level of innovative development, as the basic platform for the transition from a linear economy, the level of a circular economy, on the other hand, taking into account the parameters of resource efficiency, greening, waste management and recycling of materials. The article presents the results of approbation calculations on the example of the southern Russian regions, within which a group of regions was identified that have a basic platform for the introduction and development of a circular economy.

Keywords: innovative development, circular economy, regional industry, strategic diagnostics, entropy approach

Financial Support: The study was carried out as part of a grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – candidates of sciences No. МК-1478.2022.2 "Business model for managing industrial associations in a circular economy".

For citation: Kaplyuk E. V., Rudneva K. S. Strategic diagnosis of the innovative landscape of the southern Russian regions: institutions, instruments, the potential of transition to a circular economic. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):112–120. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-112-120>

Введение

Инновационное развитие регионов предполагает постоянную модернизацию как производственных процессов, так и процесса взаимодействия между государством и предприятиями реального сектора экономики. Реальный сектор экономики сегодня находится под постоянным давлением, вызванным общественно-политической ситуацией, что требует непрерывной трансформации и адаптации промышленного сектора к изменениям внешней среды, включая появление новых решений и бизнес-моделей. Президент Российской Федерации В. В. Путин выделил ключевые принципы новой экономической политики¹, в числе которых ответственная и сбалансированная макроэкономическая политика: «достижение настоящего технологического суверенитета, независимого от иностранных институтов», что позволит создать «целостную систему экономического развития», которая не будет зависеть от западных технологий, будет не копировать чужие технологии, а создавать собственные «технологические ключи». Как отмечает Калецкий М., инновации играют ведущую роль в циклической динамике экономического развития, благодаря которым сокращается продолжительность периодов спада и, напротив, увеличивается продолжительность периодов экономического подъема [1]. В данном контексте ориентация на инновационное и научно-технологическое развитие остается в фокусе внимания, в том числе в контексте сопряженности государственной национальной и региональной политики, стратегических целей и целевых показателей [2], так как именно исследование механизмов ретрансляции инноватизации требует особого внимания. В то же время наблюдается инерционность в применяемых механизмах стимулирования инновационного развития, подчеркивающая необходимость изменения курса российской экономики от заимствования новых технологий к разработке собственных.

Инновационное развитие связано с решением экологических проблем, что, в том числе, способствует достижению параметров устойчивого развития, формирования экономики замкнутого цикла в отдельных регионах, и страны в целом. В этом контексте необходимо выделить

¹ Пленарное заседание Петербургского международного экономического форума. 2022. <http://kremlin.ru/events/president/transcripts/68669>

концепцию циркулярной экономики, переход к которой может быть обеспечен модернизационными преобразованиями, технологическим развитием и повышением ресурсоэффективности. При этом отметим, что исследования в области связности инновационного развития и циркулярной экономики, в части концептуализации, во многом «поверхностны и не организованы», а основными направлениями исследований являются отдельные темы, такие как бизнес-модели для циркулярной экономики, движущие силы и барьеры, технические вопросы реализации [3]. В данном контексте необходима модернизация существующей инфраструктуры, что соответствует цели устойчивого развития «Создание стойкой инфраструктуры, содействие всеохватной и устойчивой индустриализации и инноваций». Также выделяется зависимость инновационных процессов от формальных и неформальных институтов региона [4], что также подтверждает актуальность исследования согласованности национальной и региональной политики в области инновационного развития.

Материалы и методы

Российская экономика сегодня находится в состоянии перехода, происходит трансформация процессов ее функционирования и приобретает новые качественные характеристики, что обеспечивает повышение важности анализа взаимосвязи между экономической и социальной средой и исследований в области циркулярной экономики. Концепция циркулярной экономики, набирающая все большую популярность в контексте возникающих ресурсных ограничений, в то же время имеет высокую значимость с позиции технологических, социальных и экономических эффектов.

Стоит обратить внимание на тот факт, что циркулярная экономика противопоставляется линейной экономике и трансформирует траектории протекания бизнес-процессов и процесса воспроизводства в целом, что является объектом исследования эволюционной экономической теории. Как отмечает Г. Г. Горбач: «Переход к модели инновационного развития путем изменения условий воспроизводства должен породить мутации экономических субъектов, которые впоследствии сами будут оказывать воздействие на характер условий воспроизводства и институтов в национальной экономике. В этом проявляется присущий процессу эволюции механизм обратных связей [5]». Соответственно, данное исследование основано на теоретической платформе, включающей теорию инноваций, в том числе в части типологии субъектов, исследования полюсов роста и характера инноваций на различных этапах экономического развития; эволюционную экономическую теорию, рассматривающую все экономические процессы в динамике; позиции экономической географии и географии инноваций, как устоявшейся отечественной научной школы в области выявления пространственных закономерностей развития региональных систем; теория пространственного развития, и исследования в рамках нее становления территориальной организации производительных сил с позиции рациональности использования ресурсов, учета специализации и использования возможностей кооперации; институциональная теория, определяющая необходимость качественного изменения институтов инновационной системы; концепция устойчивого развития, в контексте исследования взаимосвязи между устойчивым ростом, технологическим развитием и потреблением энергии.

Предлагаемый подход позволяет выделить факторы социального, экологического, институционального и технологического характера, являющиеся ключевыми в рамках исследования циркулярной экономики с учетом инновационной и пространственной составляющих. **В соответствии с этим, важной научной задачей является разработка параметров и индикаторов, по которым может проводиться диагностика**, позволяющая оценить уровень циркулярного развития субъекта, с учетом наличия достаточного уровня инновационного развития, который выступает базисом для перехода к циркулярным моделям. Таким образом, диагностика должна включать два блока параметров: индикаторы, характеризующие инновационное развитие региона, как необходимого условия реализации модели экономики замкнутого цикла; индикаторы, характеризующие текущий уровень развития циркулярной экономики региона.

Диагностика выступает как первая стадия стратегического планирования, и рассматривается как «совокупность информационно-аналитических технологий, позволяющих описать ситуации и проблемы, дать им количественную и качественную оценку, установить внутренние и внешние причины продиагностированных состояний [6]». Диагностика уровня развития

циркулярной экономики будет проведена на примере регионов Юга России, что обусловлено тем, что в данный кластер входят крупные производственные агломерации в области сельскохозяйственного производства и обрабатывающей промышленности, а также дотационные регионы, что позволит в последующем провести верификацию полученных результатов в соответствии со специализацией регионов.

В контексте исследования существует необходимость учета институционального влияния, поэтому нормативно-правовая рамка была исследована на предмет иерархии «вложенности» программ инновационного и циркулярного развития регионов Юга России на основе исследования сопряженности стратегических целей инновационного развития, сопряженности целей в части перехода к циркулярной экономике, а также в части инфраструктурной поддержки (участие в федеральных проектах, государственных программах, получения субсидий). В том числе авторами используются разработанные на предыдущих этапах исследования направления развития циркулярной экономики согласно институциональному регулированию [7], а также ключевые направления инновационной политики: высокотехнологичное производство, создание инновационной инфраструктуры, стимулирование устойчивого инновационного развития. Проведенный в рамках исследования анализ согласованности институционального влияния в области циркулярной экономики и инновационного развития позволяет сформировать перечень индикаторов для проведения диагностики, которые будут учитывать как институциональную рамку, так и инновационную траекторию региона, включая технико-технологическую базу промышленности (рис. 1).

Институциональная рамка → Теоретическая рамка ↓	Институционально согласованные направления развития в части циркулярной экономики				Институционально согласованные направления развития в части инновационного развития		
	Экологизация	Ресурсоэффективность	Вторичное использование материалов	Управление отходами	Высокотехнологичное производство	Стимулирование инновационного развития	Инновационная инфраструктура
Инновационный аспект	1.1	1.2		1.3	1.4	1.5	
Технологический аспект	2.1	2.2	2.3		2.4	2.5	2.6
Социальные и экологические факторы	3.1	3.2	3.3	3.4	3.5	3.6	3.7
Территориальная специфика							

Рис. 1. Матрица индикаторов, для проведения диагностики уровня развития циркулярной экономики

Fig. 1. Matrix of indicators for diagnosing the level of development of the circular economy

Содержание индикаторов в матрице представлено следующим образом:

Инновационный аспект: 1.1 - Удельный вес организаций, осуществляющих экологические инновации; 1.2 - Рентабельность активов; 1.3 - Доля уловленных и обезвреженных загрязняющих атмосферу веществ; 1.4 - Удельный вес организаций, осуществляющих технологические инновации; 1.5 - Удельный вес инновационных товаров, работ, услуг в общем объеме отгруженных товаров, выполненных работ, услуг. Технологический аспект: 2.1 - Используемые передовые производственные технологии; 2.2 Энергоемкость ВРП; 2.3 - Осуществление вторичной переработки (рециркуляции) отходов производства, воды или материалов; 2.4. Доля продукции высокотехнологичных и наукоемких отраслей в ВРП; 2.5 - Внутренние затраты на НИР; 2.6 - ВРП. Социологические и экологические факторы: 3.1 - Инвестиции в основной капитал, направленные на охрану окружающей среды и рациональное использование природных ресурсов; 3.2 Объемы производства; 3.3 - Текущие (эксплуатационные) затраты на охрану

окружающей среды на обращение с отходами; 3.4 - Выбросы загрязняющих веществ в атмосферный воздух, отходящих от стационарных источников; 3.5 - Число высокопроизводительных рабочих мест; 3.6 - Затраты на экологические инновации; 3.7 - Затраты на капитальный ремонт основных фондов по охране окружающей среды.

В научном поле присутствует большое число методических разработок, посвященных оценке инновационного развития систем различного уровня. Наибольшее внимание исследователей лежит в области разработки моделей оценки циркулярности на микроуровне, либо на уровне отдельных отраслей, специфика которых изначально лежит в логике модели замкнутого цикла [8–12]. В то же время оценка развития циркулярной экономики в отдельных регионах носит единичный характер, что связано с трудоемкостью такой оценки с одной стороны и с неполнотой статистических данных, с другой. Наиболее полное отражение оценки экономики замкнутого цикла предложена J. Chun-rong и Z. Jun [13], основанный на комбинации анализа имеющих значение элементов с методом нечеткого веса и метода анализа иерархий.

В отличие от имеющихся исследований авторами предлагается более широкий набор индикаторов, который отражает влияние инновационной составляющей экономического развития (включая индикаторы, характеризующие производственную сферу субъектов), а также включенных показателей, характеризующих уровень развития циркулярной экономики. Такая позиция при формировании инструментария позволит избежать ситуации, в которой при разработке интерпретации результатов авторы учитывают исключительно экологический аспект, присваивая высокие оценки циркулярности субъектам с низким производственным потенциалом.

На основании матрицы индикаторов (рис. 1) в разрезе регионов Юга России – субъектов ЮФО и СКФО – формируется матрица оценок (табл. 1), размерность матрицы определяется следующим образом: столбцами m являются отобранные индикаторы, а строками n – регионы, которые вошли в оцениваемый кластер. Период оценки – 2010–2020 гг. (для Республики Крым и г. Севастополь – 2014–2020 гг.). В связи с недостаточностью статистического наблюдения отсутствующие значения индикаторов для отдельных регионов были восполнены методом скользящей средней.

Таблица 1 – Матрица оценок индикаторов диагностики уровня развития циркулярной экономики¹

Table 1 – Matrix of estimates of indicators for diagnosing the level of development of the circular economy

	Индикатор 1	Индикатор 2	...	Индикатор n
Регион 1	I_{11}	I_{12}	...	I_{1n}
Регион 2	I_{21}	I_{22}	...	
...	...	...	...	...
Регион m	I_{m1}	I_{m2}	...	I_{mn}

Следующим шагом диагностики является присвоение весов индикаторам, которое осуществляется с использованием метода энтропии. Данный метод позволяет объективно определить вес на основании реальных значений индикаторов, не прибегая к экспертным оценкам. В отечественных исследованиях метод энтропии также используется для сравнения потоков данных [14]. Присвоение весов осуществляется в несколько этапов.

Первый этап – нормирование значений индикаторов (матрицы оценок) в соответствии со следующей формулой:

$$N_{mn} = \frac{I_{mn}}{\sum_{m=1}^k I_{mn}} \quad (1)$$

где, N_{mn} – нормированное значение, k – количество регионов.

На следующем этапе вычисляется значение энтропии с использованием формулы для энтропии Шенона (формула 2) как меры усредненной информативности индикатора.

$$e_n = -\frac{1}{\ln(k)} \sum_{m=1}^k N_{mn} \ln N_{mn} \quad (2)$$

где, e_n – энтропия конечной нормированной схемы.

¹ Адаптировано авторами по материалам исследования.

На третьем этапе вычисляется весовой вектор в соответствии с формулой 3:

$$w_m = \frac{1-e_n}{\sum_{m=1}^p (1-e_n)} \quad (3)$$

где, w_m – вес индикатора в совокупной оценке уровня развития циркулярной экономики, p – количество индикаторов.

Для определения итоговой оценки уровня развития циркулярной экономики используется метод комплексной пропорциональной оценки, реализуемый в рамках следующих шагов:

Первым шагом рассчитывается взвешенное нормированное значение с использованием формулы 4:

$$\widehat{x}_{mn} = N_{mn} * w_m \quad (4)$$

Вторым шагом рассчитывается относительный вес каждого региона, как сумма взвешенных нормированных значений по индикаторам (формула 5).

$$P_m = \sum_{m=1}^p \widehat{x}_{mn} \quad (5)$$

Результаты исследования

Описанный алгоритм повторялся по каждому году анализируемого периода для оценки динамики уровня развития циркулярной экономики регионов Юга России. Полученные результаты представлены в таблице 2.

Таблица 2 - Матрица оценок уровня развития циркулярной экономики южнороссийских регионов¹

Table 2 - Matrix of assessments of the level of development of the circular economy of the southern Russian regions

Субъект	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Краснодарский край	0,10	0,25	0,23	0,22	0,21	0,19	0,22	0,23	0,22	0,20	0,22
Ростовская обл.	0,17	0,14	0,14	0,19	0,16	0,20	0,20	0,25	0,21	0,18	0,20
Волгоградская обл.	0,16	0,10	0,12	0,14	0,13	0,16	0,13	0,12	0,13	0,15	0,14
Астраханская обл.	0,12	0,08	0,10	0,08	0,06	0,14	0,09	0,08	0,07	0,11	0,08
Республика Адыгея	0,04	0,03	0,03	0,04	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,05	0,03
Республика Крым					0,04	0,04	0,03	0,03	0,04	0,04	0,04
г. Севастополь					0,02	0,03	0,03	0,02	0,03	0,04	0,03
Республика Калмыкия	0,02	0,00	0,01	0,01	0,01	0,02	0,03	0,01	0,01	0,00	0,02
Ставропольский край	0,14	0,09	0,10	0,09	0,17	0,07	0,08	0,08	0,10	0,11	0,09
Республика Ингушетия	0,06	0,16	0,13	0,07	0,05	0,06	0,03	0,03	0,03	0,01	0,03
Республика Дагестан	0,07	0,04	0,04	0,04	0,02	0,01	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03
Кабардино-Балкарская Республика	0,03	0,03	0,04	0,05	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,03	0,04
Республика Северная Осетия – Алания	0,05	0,04	0,03	0,04	0,02	0,02	0,03	0,03	0,03	0,02	0,03
Чеченская Республика	0,02	0,01	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,02	0,03	0,02	0,02
Карачаево-Черкесская Республика	0,02	0,03	0,02	0,02	0,01	0,00	0,01	0,01	0,02	0,02	0,02

На основе метода группировки статистических данных выделены 4 группы регионов по уровню развития циркулярной экономики: 0,02-0,06 – очень низкий, 0,06-0,14 – низкий, 0,14-0,18 средний, 0,18-0,22 – высокий. Представленные в табл. 3 данные можно интерпретировать

¹ Рассчитано авторами по результатам исследования.

следующим образом: низкие оценки уровня развития циркулярной экономики демонстрируют регионы СКФО, которые обусловлены в том числе, низким уровнем развития промышленности и низким уровнем специализации предприятий, расположенных в округе. Специализация регионов с очень низким уровнем развития циркулярной экономики лежит в области услуг (медицинских, образовательных, издательских, туристических). Регионы с низким уровнем развития циркулярной экономики являются среднеспециализированными, в их структуре присутствуют отрасли национальной значимости (например, растениеводство, сельскохозяйственные услуги и производство удобрений, судостроение и др.).

Средний уровень развития циркулярной экономики демонстрирует Волгоградская область, имеющая более устойчивые показатели в области промышленного производства и инноваций, что подтверждается портфелем специализаций области: химические вещества, растениеводство, металлообрабатывающая промышленность и др. Наиболее высокие оценки уровня развития циркулярной экономики по результатам разработанной методики получили полиотраслевые регионы ЮФО (Ростовская обл., Краснодарский край), имеющие в своей структуре большое число развитых производств, включающих как отрасли национальной, так и региональной значимости. Данные регионы характеризуются высоким уровнем развития промышленности (тяжелое машиностроение, металлообрабатывающая промышленность, добыча металлических руд и др.) и инфраструктуры, что отражается в развитии на национальном уровне таких элементов, как образование, наука, деловые и ИТ-услуги, финансовые услуги, транспорт и логистика. С позиции циркулярной экономики важно отметить, что как отрасль национальной и региональной значимости в регионах с высоким уровнем развития циркулярности выступает очистка и распределение воды, обработка отходов. Это позволяет сделать вывод о наличии в выявленной группе регионов базовой платформы для внедрения и развития элементов циркулярной экономики, в том числе циркулярных бизнес-моделей ориентированных на совместное использование ресурсов, продление срока службы производимой продукции, рассмотрение модели «продукт как услуга», восстановление ресурсов.

Выводы

Текущие экономические условия, характеризующиеся высоким уровнем динамизма внешней среды, предполагает поиск новых инструментов регионального развития с одной стороны, разработки адекватных инструментов оценки уровня развития субъектов на основании объективных показателей, с другой стороны, что связано с тем, что регионам РФ присуща высокая дифференциация, в том числе по уровню инновационного развития, характеризующего в том числе, потенциал перехода к циркулярной экономике. Циркулярная экономика все чаще рассматривается как новая модель развития промышленности, что позволяет подчеркнуть актуальность исследования базовых характеристик производственных систем, что является сложной прикладной задачей и требует соответствующего инструментария предварительной оценки уровня развития циркулярной экономики. В контексте настоящего исследования выдвинуто предположение о том, что инновационное развитие регионов выступает в качестве базовой платформы для перехода к экономике замкнутого цикла. Именно регионы с развитой инновационной и производственной инфраструктурой имеют потенциал для внедрения новых бизнес-моделей, трансформации бизнес-процессов, что подтвердила апробация предложенного инструментария оценки уровня циркулярной экономики на основе энтропийного подхода.

Список источников

1. Дзарасов С.С. Михаил Калецкий: жизненный путь и научный вклад. К 100-летию со дня рождения // Экономическая наука современной России. 1999. № 2. С. 116-139.
2. Каплюк Е.В. Иерархия взаимосвязи промышленной политики и инновационной стратегии региона / Цифровая экосистема экономики: сборник статей по итогам VIII-й международной научно-практической видеоконференции. 2021:105-112.
3. Alcalde-Calonge A., Sáez-Martínez F.J., Ruiz-Palomino P. Evolution of research on circular economy and related trends and topics. A thirteen-year review. Ecological Informatics. 2022; 70. DOI: 10.1016/j.ecoinf.2022.101716

4. Rohe S., Mattes J. What about the regional level? Regional configurations of Technological Innovation Systems. *Geoforum*. 2022;129:60-73. DOI: 10.1016/j.geoforum.2022.01.007.
5. Горбач Г. Г. Эволюционная экономическая теория как методологическая база формирования стратегии инновационного развития национальной экономики / Государственное управление Российской Федерации: вызовы и перспективы. Мат-лы 15-й Международной конференции. 2018. С. 143-148.
6. Бандман М. К. Территориально-производственные комплексы: теория и практика предплановых исследований. Новосибирск: Наука, 1980.
7. Лексин В. Региональная диагностика: сущность, предмет и метод, специфика применения в современной России // Российский экономический журнал. 2003. № 9–10. С. 64–86.
8. Kaplyuk E., Rudneva K. Strategic diagnostics of directions circular transformation industrial complex: Proceedings of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University International Scientific Conference "DTMIS", April 28–29, 2022, Saint – Petersburg, Russia. ACM, New York, NY, USA, 7 pages.
9. Ahmed A. A., Nazzal M. A., Darras B. M., Deiab I. M. A comprehensive multi-level circular economy assessment framework. *Sustainable Production and Consumption*. 2022;32:700-717. DOI: 10.1016/j.spc.2022.05.025.
10. Lei H., Li L., Yang W., Bian Y., Li C.-Q. An analytical review on application of life cycle assessment in circular economy for built environment. *Journal of Building Engineering*. 2021;44. DOI: 10.1016/j.jobbe.2021.103374.
11. Tokazhanov G., Galiyeva O., et all. Circularity assessment tool development for construction projects in emerging economies. *Journal of Cleaner Production*. 2022;362. DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.132293.
12. Baratsas S. G., Pistikopoulos E. N., Avraamidou S. A quantitative and holistic circular economy assessment framework at the micro level. *Computers & Chemical Engineering*. 2022;160. DOI: 10.1016/j.compchemeng.2022.107697.
13. Chun-rong J., Jun Z. Evaluation of Regional Circular Economy Based on Matter Element Analysis. *Procedia Environmental Sciences*. 2011;11:637 – 642.
14. Птускин А. С. Энтропийный метод анализа данных для процедуры определения наилучших доступных технологий // Научно-технические ведомости СПбГПУ. Экономические науки. 2018. № 11(3). С. 203–212. DOI: 10.18721/JE.11318.

References

1. Dzarasov S. S. Mikhail Kaletsky: life path and scientific contribution. To the 100th anniversary of the birth. *Economic science of modern Russia*. 1999;2:116-139. (In Russ.).
2. Kaplyuk E. V. Hierarchy of interrelation of industrial policy and innovative strategy of the region. In: *Digital ecosystem of the economy: a collection of articles on the results of the VIII International Scientific and Practical Video Conference*. 2021:105-112. (In Russ.).
3. Alcalde-Calonge A., Sáez-Martínez F.J., Ruiz-Palomino P. Evolution of research on circular economy and related trends and topics. A thirteen-year review. *Ecological Informatics*. 2022; 70. DOI: 10.1016/j.ecoinf.2022.101716
4. Rohe S., Mattes J. What about the regional level? Regional configurations of Technological Innovation Systems. *Geoforum*. 2022;129:60-73. DOI: 10.1016/j.geoforum.2022.01.007.
5. Gorbach G. G. Evolutionary economic theory as a methodological basis for the formation of a strategy for the innovative development of the national economy. *Public Administration of the Russian Federation: Challenges and Prospects. Proceedings of the 15th International Conference*. 2018:143-148. (In Russ.).
6. Bandman M. K. *Territorial-industrial complexes: theory and practice of preplanned research*. Novosibirsk: Science;1980. (In Russ.).
7. Leksin V. Regional diagnostics: essence, subject and method, specifics of application in modern Russia. *Russian Economic Journal*. 2003;9–10:64–86. (In Russ.).
8. Kaplyuk E., Rudneva K. Strategic diagnostics of directions circular transformation industrial complex. In: *Proceedings of Peter the Great St. Petersburg Polytechnic University International Scientific Conference "DTMIS"*, April 28–29, 2022, Saint – Petersburg, Russia. ACM, New York, NY, USA, 7 pages.

9. Ahmed A. A., Nazzal M. A., Darras B. M., Deiab I. M. A comprehensive multi-level circular economy assessment framework. *Sustainable Production and Consumption*. 2022;32:700-717. DOI: 10.1016/j.spc.2022.05.025.

10. Lei H., Li L., Yang W., Bian Y., Li C.-Q. An analytical review on application of life cycle assessment in circular economy for built environment. *Journal of Building Engineering*. 2021;44. DOI: 10.1016/j.job.2021.103374.

11. Tokazhanov G., Galiyeva O., et al. Circularity assessment tool development for construction projects in emerging economies. *Journal of Cleaner Production*. 2022;362. DOI: 10.1016/j.jclepro.2022.132293.

12. Baratsas S.G., Pistikopoulos E.N., Avraamidou S. A quantitative and holistic circular economy assessment framework at the micro level. *Computers & Chemical Engineering*. 2022;160. DOI: 10.1016/j.compchemeng.2022.107697.

13. Chun-rong J., Jun Z. Evaluation of Regional Circular Economy Based on Matter Element Analysis. *Procedia Environmental Sciences*. 2011;11:637 – 642.

14. Ptuskin A. S. Entropy data analysis method for the procedure for determining the best available technologies. Scientific and technical statements of SPbSPU. *Economic Sciences*. 2018;11(3):203—212. DOI: 10.18721/IE.11318. (In Russ.).

Информация об авторах

Е. В. Каплюк – канд. экон. наук, старший научный сотрудник ИУЭС ЮФУ;

К. С. Руднева – начальник отдела методологии и аналитики Проектного офиса программы развития ЮФУ.

Information about the authors

E. V. Kapluyk – Candidate of Economic Sciences, Senior Researcher IMES Southern Federal University;

K. S. Rudneva – Head of the Department of Methodology and Analytics of the Project Office of the Development Program of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.08.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 17.08.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 30.08.2022

Научная статья

УДК 331

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-121-124

РОССИЙСКАЯ БЕДНОСТЬ В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ И ПУТИ ЕЕ ПРЕОДОЛЕНИЯ

Татьяна Васильевна Кашникова

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, kashnikova@live.ru

Аннотация. В статье рассматривается российская бедность в условиях макроэкономической нестабильности и возможные пути снижения ее уровня. Подчеркивается, что вследствие введения значительного количества санкций, снизятся возможности удовлетворения материальных и духовных потребностей. Определяется значимость совершенствования программ поддержки бедного населения со стороны государства. Предлагаются способы преодоления бедности.

Ключевые слова: бедность, уровень жизни, экономические санкции, социальная политика

Для цитирования: Кашникова Т. В. Российская бедность в условиях новой реальности и пути ее преодоления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 121–124. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-121-124>

Problems of Economics

Original article

RUSSIAN POVERTY IN THE NEW REALITY AND WAYS TO OVERCOME IT

Tatyana V. Kashnikova

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, kashnikova@live.ru

Abstract. The article examines Russian poverty in the context of macroeconomic instability and possible ways to reduce its level. It is emphasized that due to the introduction of a significant number of sanctions, the possibility of meeting material and spiritual needs will decrease. The importance of improving programs to support the poor population by the state is determined. Ways to overcome poverty are proposed.

Keywords: poverty, standard of living, economic sanctions, social policy

For citation: Kashnikova T. V. Russian poverty in the new reality and ways to overcome it. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):121–124. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-121-124>

Выявление современных трендов локализации бедности в условиях нестабильного положения российской экономики является крайне необходимым. Это обусловлено рядом следующих причин: ростом уровня инфляции, ухудшением макроэкономической обстановки в стране, падением реальных доходов населения, усилением дифференциации общества на богатых и бедных, замедлением темпов экономического развития. Очевидно, что пандемия внесла свои коррективы и оказала негативное влияние на все сферы жизни общества. Однако сильнее всего пострадали наиболее незащищенные слои населения: дети, пенсионеры, многодетные семьи, «работающие бедные». Важно отметить, что около 60% бедного населения – молодые семьи с детьми. Будущее страны растёт в условиях социальной дискриминации, неравенства и ограниченности ресурсов. Действующая на данный момент система государственной социальной защиты нуждается в укреплении и адаптации для адекватного решения проблем в сфере труда на основе принципов объединения рисков и равенства финансирования и льгот.

С 2014 года против России активно вводятся санкции со стороны всего мирового сообщества – за 8 лет против РФ их было введено 10 128¹. Нет сомнений в том, что это негативно влияет на экономическое, политическое и социальное развитие нашей страны. Выделим лишь часть санкций, которые были введены в период первой половины 2022 года²: ограничения против ЦБ и отключение SWIFT; прекращение работы Visa и Mastercard; уход западных компаний с российского рынка; ограничения в области науки и образования; запрет для спортсменов на участие в международных соревнованиях; отключение Сбербанка и 25 его дочерних компаний от финансовой системы США³; ограничения на ввоз в Россию инновационных технологий; запрет на экспорт товаров, которые могут способствовать укреплению промышленных мощностей России, в том числе речь идет о промышленных роботах или химических продуктах; запрет на импорт бурого и каменного угля, древесины, цемента, морепродуктов, икры и других ресурсов, товаров и др.

Этот список представляет лишь малую часть всех тех санкций, которые были введены против России. Не стоит забывать, что данные ограничения накладываются на продолжающуюся пандемию COVID-19. Россияне, не успев оправиться от «коронакризиса», вновь сталкиваются с трудностями. То, что происходит с российской экономикой сейчас – новый тип кризиса. Это обусловлено следующим: текущий кризис носит нерыночный характер (по сравнению с событиями 2008 и 2014 годов), он порождён массовым уходом инвесторов и компаний с российского рынка. Предположительно, экономика РФ будет восстанавливаться не один десяток лет.

Очевидно, что все вышеперечисленные аспекты напрямую повлияют на рост безработицы и бедности. У россиян в связи с ростом цен на товары первой необходимости, лекарства, бытовую технику и др., снизятся возможности в удовлетворении и материальных, и духовных потребностей [1, с. 146]. И в данном случае речь не идет о товарах роскоши. Домохозяйства будут не в состоянии удовлетворить свои базовые физические, духовные и социальные потребности, следовательно, качество жизни россиян также упадет. Особенно эта проблема затронет нуждающееся население - бедные станут еще беднее.

На сегодняшний день уровень жизни в стране можно охарактеризовать следующим образом [2, с. 46]: низкие денежные доходы населения; снижение реально заработной платы вследствие инфляции; резкая дифференциация заработной платы в региональном аспекте; небольшой размер пенсий по старости, инвалидности; ограниченный и недостаточный набор потребительской корзины, и как следствие размер МРОТ; незначительные социальные выплаты.

Совершенствование программ поддержки со стороны государства поможет замедлить развитие «новой» экономической бедности, к которой относятся домохозяйства с трудоспособными членами семьи, но с высокой иждивенческой и трудовой нагрузкой, низкой заработной платой, мотивацией к труду, отсутствием квалификации и образования и резкой дифференциацией по доходам в региональном аспекте.

Решение проблем бедности является одним из главных направлений политики государства. Экономия ресурсов, увеличение производительности труда, повышение качества продукции, подготовка конкурентоспособных специалистов – все эти меры способствуют уменьшению доли бедных. Следует разработать программы, направленные на выявление причин бедности и способов их решения для каждого региона отдельно. К возможным способам снижения уровня бедности можно отнести следующие:

1. Правительству необходимо разрабатывать инструменты, способствующие эффективному развитию экономики, посредством увеличения количества государственных заказов, укрепления стратегического планирования.

2. Государственные программы, направленные на снижение бедности, должны носить системный характер, и, в то же время, учитывать особенности социально-экономического развития каждого региона.

---

¹ The Village. Цифра дня: Сколько санкций ввели против России с 2014 года. URL: <https://www.the-village.ru/shorts/skolko-sanktsiy> (Дата обращения: 22.05.2022)

² Gogov. Какие санкции введены против России в 2022 году. URL: <https://gogov.ru/articles/sanctions-5apr22> (Дата обращения: 22.05.2022)

³ Российско-германская ВТП. Обзор санкций. URL: <https://russland.ahk.de/ru/krizis-2022/obzor-sankcii> (Дата обращения: 22.05.2022)

3. Создавать и поддерживать благоприятную конкурентную среду для развития малого бизнеса, который решает проблему занятости.

4. Не допустить увеличения роста бедности до критического уровня, тем самым избежать начала цепной реакции ее роста.

5. Стимулировать инвестиционный процесс в стране с целью поддержки уже существующих предприятий, а также создания новых компаний, производящих высокотехнологичную продукцию.

6. Предоставлять налоговые льготы тем предприятиям, которые решают проблему занятости, предлагают инновационные стимулы оплаты труда [3, с. 91].

Важно отметить, что в настоящее время растет осознание преимуществ социальной помощи как меры, призванной защитить людей от бедности, дать им право воспользоваться открывающимися возможностями, помочь домашним хозяйствам приспособиться к переменам и справиться с безработицей. Поэтому следует принимать во внимание важность социальной политики и системы социальной защиты, которые устраняют и сокращают неравенство, социальную изоляцию для долгосрочного устойчивого роста, а также для достижений целей в области социально-экономического развития.

Модернизация системы социальной защиты населения в неустойчивой экономике действительно показывает положительные результаты. В период 2020–2022 гг. было реализовано множество программ по поддержке населения, малого и среднего бизнеса. Государство отсрочило выплаты по кредитам для физических лиц и продлило срок уплаты налогов для предпринимателей. Благодаря льготным банковским программам на 400 млрд. рублей удалось поддержать 5,5 млн. рабочих мест в пострадавшем от ковидных ограничений бизнесе¹.

Ограниченность ресурсов является препятствием при реализации задач социальной защиты. Необходимым становится распространение информации о социальной защите и обмен данными между государствами в рамках коммуникационной стратегии, поскольку это позволяет изучить зарубежный опыт и на его основе создать такие программы, которые помогут не только обычным гражданам в течение определённого периода, например, во время пандемии, но также и лицам, которые нуждаются в социальной защите и помощи на протяжении всей жизни (инвалиды, сироты и т. д.). Важно поддерживать коммуникацию и между социальными агентами внутри государства - агенты на национальном, региональном и местном уровнях должны работать в партнерстве в целях минимизации дисбалансов и для обеспечения равенства между регионами.

Следует подчеркнуть важность инвестирования в социальную защиту населения как в средство сокращения масштабов нищеты. Такие инвестиции помогут странам полностью развить производственный потенциал населения, будут способствовать формализации занятости [4, с. 70], поддерживать экономические и социальные перемены, способствовать устойчивому и справедливому росту, снижению уязвимости и ускорению экономического и социального развития. Помимо активизации усилий по распространению социального обеспечения на более широкий сегмент населения, важность инвестирования заключается и в создании национального минимального уровня социальной защиты на основе тщательного анализа существующих структур и механизмов для использования синергии, повышения эффективности и плавного осуществления.

Таким образом, парадокс российской бедности заключается в том, что большая часть бедных – это работающее население, чьи доходы не превышают прожиточный минимум, который в РФ не может обеспечить человеку здоровую и полноценную жизнь. Людям приходится «выживать», а не жить. Тенденция расслоения общества на бедных и богатых продолжает усугубляться, что происходит под воздействием различных факторов. В этой связи государству необходимо работать над использованием социального диалога с участием социальных партнеров и других заинтересованных сторон для разработки и мониторинга национальных стратегий расширения сферы социального обеспечения.

¹ LENTA.RU. С чистого листа: Пандемия оставила без работы миллионы россиян. Как им пережить кризис? URL: <https://lenta.ru/articles/2020/09/14/pereobuchenie/> (Дата обращения: 23.05.2022)

Список источников

1. Лисова Е. В. Уровень жизни населения в качестве оценки социального развития регионов // Международный научно-исследовательский журнал. 2021. № 3. С.145-148.
2. Молчанов И. Н. Финансы домохозяйств, бедность и уровень жизни населения // Экономика. Налоги. Право. 2021. № 2. С. 44–54.
3. Келарев В.В. Бедность как явление российской экономики и ее отрицательное воздействие на практическое развитие малого бизнеса в стране // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 4. С. 86-92.
4. Кот В. В., Стрельченко Е. А. Институционализация самозанятости на российском рынке труда. Монография. Ростов-на-Дону-Таганрог, 2020. 105 с.

References

1. Lisova E. V. The standard of living of the population as an assessment of the social development of regions. *Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal = International Scientific Research Journal*. 2021;(3):145-148. (In Russ.).
2. Molchanov I. N. Household finances, poverty and the standard of living of the population. *Ekonomika. Nalogi. Pravo = Economics. Taxes. Right*. 2021;(2):44–54. (In Russ.).
3. Kelarev V. V. Poverty as a Phenomenon of the Russian Economy and Its Negative Impact on the Practical Development of Small Business in the Country. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(4):86-92. (In Russ.).
4. Kot V. V., Strelchenko E. A. *Institutionalization of self-employment in the Russian labor market*. Monograph. Rostov-on-Don-Taganrog; 2020. 105 p. (In Russ.).

Информация об авторе

Т. В. Кашникова – канд. экон. наук, доц. кафедры экономической теории, экономический факультет ЮФУ.

Information about the author

T. V. Kashnikova – Candidate of Economic Sciences (PhD), Associate Professor of the Department «Economic Theory» of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 05.08.2022; одобрена после рецензирования 19.08.2022; принята к публикации 22.08.2022.

The article was submitted 05.08.2022; approved after reviewing 19.08.2022; accepted for publication 22.08.2022.

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ИССЛЕДОВАНИЯ СТРАТЕГИИ ТУРИЗМА КАК ПРЕДМЕТА НАУЧНОГО АНАЛИЗА*

Владимир Викторович Келарев¹, Анастасия Алексеевна Потопурченко²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹vkelarev@yandex.ru

²potopurchenko@mail.ru

Аннотация. Развитие стратегии туризма в регионах нашей стране требует научного обоснования и системного подхода. В основе данных постулатов лежит необходимость исследования предмета стратегии туризма как научной категории. К содержательным характеристикам которой в первую очередь относится изучения характера существующих взаимоотношений по поводу развития туризма в регионе между основными субъектами управления и реализации данного направления. Автором выделено три субъекта: туристическая администрация, субъекты туристического кластера и непосредственно туристические потоки. Даны основные параметры необходимого содержания социально-экономических видов системы взаимоотношений.

Ключевые слова: современные факторы развития туристических услуг, стратегия туризма как предмет исследования, туристическая сфера и пространственная структура региона, современные тренды туристической сферы, субъекты реализации стратегии туризма, туристический кластер

Для цитирования: Келарев В. В., Потопурченко А. А. Методологические основы исследования стратегии туризма как предмета научного анализа // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 125–132. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-125-132>

Problems of Economics

Original article

METHODOLOGICAL FOUNDATIONS FOR STUDYING THE TOURISM STRATEGY AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC ANALYSIS

Vladimir V. Kelarev¹, Anastasia A. Potopurchenko²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹vkelarev@yandex.ru

²potopurchenko@mail.ru

Abstract. The development of a tourism strategy in the regions of our country requires scientific justification and systematic approach. These postulates are based on the need to study the subject of tourism strategy as a scientific category. The content characteristics of which primarily include the study of the nature of existing relationships regarding the development of tourism in the region between the main subjects of management and implementation of this direction. The author identifies three areas: the tourism administration, the subjects of the tourism cluster and important tourist flows. The main parameters of the necessary content of the socio-economic types of the relationship system are given.

© Келарев В. В., Потопурченко А. А., 2022

* Статья выполнена в рамках программы "Приоритет-2030" по проекту «Методика создания исследовательских Консорциумов развития и использования потенциала молодых ученых в системе публичной власти».

Keywords: modern factors in the development of tourism services, tourism strategy as a subject of study, the tourism sector and the spatial structure of the region, current trends in the tourism sector, the realities of the tourism strategy, the tourism cluster

For citation: Kelarev V. V., Potopurchenko A. A. Methodological foundations for studying the tourism strategy as a subject of scientific analysis. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(3):125-132. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-125-132>

Система мирохозяйственных связей, сформировавшаяся за последние десятилетия, терпит серьезные преобразования и изменения. Это связано с рядом экономических и политических кризисов. В связи с этим многие страны стремятся скомпенсировать выпадающие доходы за счет развития существующих сфер деятельности, а также поиском наиболее востребованных видов деятельности и воспроизводства.

В полной мере это относится к сферам услуг, в том числе и в туристической сфере услуг и туристической индустрии. По мнению многих специалистов и экспертов, в этих условиях туризм может сыграть «ключевую роль в экономике» [1]. Так, например, известно, что «туризм вносит вклад в мировой ВВП и мировую занятость в размере 10%» [2]. И его роль с каждым годом увеличивается.

Анализируя потенциальные возможности развития туризма в новых условиях можно выделить ряд факторов:

- Влияние туризма на развитие экономики ряда ведущих стран мира значительно усилилось в последние десятилетия и туристические услуги составляют значительную долю всего вида услуг в ВВП этих стран. И естественно, многие страны рассматривают развитие туризма, его инфраструктуру, туристическую индустрию как направление на будущее. Это связано с тем, что туризм как сфера деятельности играет роль катализатора развития многих видов производств. Возник даже термин «туристский мультипликатор» [3]. Считается, что развитие туристических услуг и туризма в целом, как бы «вытягивает и развивает» многие сопутствующие отрасли. Например, «строительство новых туристских комплексов, возрождение существующих объектов культурного наследия, расширение придорожной инфраструктуры, развитие сельского хозяйства и пищевой промышленности, увеличение производства сувенирной продукции и многих других» [2].

- Туристические услуги и сопряженные с ними туристические отрасли играют значительную роль в формировании бюджетов органов государственных и муниципальных органов посредством расширения налоговой базы.

- Развитие цифровых технологий способствовало тому, что система оказания туристических услуг значительно облегчилась. Проще стало бронировать гостиницы, заказывать трансфертные услуги, получать визы и т.д. Кроме этого активнейшую роль цифровые технологии играют и в продвижении туризма, как привлекательного вида отдыха. Существуют специальные виды деятельности, например, «Интернет-маркетинг как элемент стратегии развития туризма» [4].

Добавим к этому то, что факторы, воздействующие на развитие туризма в целом, можно разделить на два типа: статичные и динамические. Первые характеризуют наличие природно-географические и климатические, исторические и другие ценности туристической дестинации. Динамические факторы определяют уровень благосостояние различных групп населения и социальные особенности, в том числе возраст, наличие свободного времени, тренды в потреблении услуг, активное воздействие научно-технических возможностей в развитии туристической индустрии, а также роль государств в проведении политики многих государств.

Таким образом, можно сказать, что туризм как сфера деятельности обладает многими преимуществами для социального и экономического развития территорий, способным стать ускорителем и активным катализатором их развития и преумножения.

Вместе с тем, чтобы максимально получить все преимущества развития региона, территории, муниципалитета необходимо определиться с правильным пониманием сущности стратегии туризма как предмета научного исследования, так как от правильно выстроенной научной концепции стратегии туризма зависит и ее результат.

Прежде всего рассмотрим общее понятие стратегии, ее содержание и существующие типы, и виды. Само по себе слово «стратегия» с греческого языка «strategos» означает искусство

ведения войны. Существуют более упрощенные определения, такие как стратегия это общий, недетализированный план, на длительный период, с целью достижения определенных целей. В целом свойствам и ключевыми характеристиками стратегии считается:

- целеполагание;
- направленность действий;
- плановость, как механизм поэтапного достижения целей;
- длительность действий;
- необходимость и возможность эффективного использования имеющихся ресурсов и потенциала;
- возможность координации и корректировка действий в силу возможных разных условий и рисков.

Обязательно необходимо учитывать, что стратегия имеет разные объекты управления. К ним относятся объекты как отдельных видов деятельности, так и комплексные (интеграционные). Например, стратегия Евросоюза, стратегия стран БРИКС и других подобных объединенных союзов, показывает интеграционный пример объекта управления, а также стратегии отдельных государств, отраслей, комплексов (кластеров) предприятий и так далее.

К субъектам стратегического управления относят органы государственной и межгосударственной власти, органы управления отраслями, предприятиями и т.д.

В зависимости от целей, функций и задач организации существует значительное количество классификаций и видов стратегии. Например, как ориентир развития генеральная стратегия; по различным целям различают стратегию роста и развития, стратегию выживания, стратегию сдерживания, стратегию сокращения и т.д. В бизнесе используются классификации стратегий в зависимости от целей конкурентной борьбы (подходы М. Портера), Ф. Котлера и других.

Не вдаваясь в анализ всех общих свойств стратегии как понятия и явления, выделим главное: любая стратегия – это система управления, опирающаяся на развитие посредством совершенствования системы отношений между участниками системы в нужном русле, направлении, которые определены целями стратегии.

Вместе с тем, необходимо понимать и некоторые особенности построения самой концепции стратегии, в том или ином направлении:

В первую очередь стратегия не дает реальной и точной картины будущего состояния объекта, ввиду слишком динамично разноплановых нарастающих событий как во внешней среде, так и во внутренней. Поэтому применение сценарного подхода служит одним из способов предвидения существующих рисков. И в целом, предлагаемая стратегия дает лишь «желаемое качественное описание того, что должна представлять собой организация в перспективе» [5].

Во-вторых, можно согласиться с мнением, что «стратегическое планирование скорее является определенной философией менеджмента, представляя собой симбиоз интуиции, профессионализма и творчества, обеспечивая взаимосвязь организации и среды, ее обновление, а также активное включение всех работников в реализацию задач организации» [5].

В-третьих, разработка стратегии – это только первый этап работы, важнейшим моментом служат задачи создания механизма ее реализации посредством создания специальных организационных или других структур в управлении.

Рассматривая предмет категории «стратегия туризма» важно раскрыть сущность данной дефиниции на анализе системы отношений между всеми заинтересованными участниками туристической сферы. Проведенный анализ и обзор понятия «стратегии туризма» за последние три года [2; 6; 7] и других, показал, что в основном глубоко не раскрывается ее внутреннее содержание, и все работы по этим направлениям в основном сводятся к комментариям принятой «Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 года»¹. Между тем, данная категория как экономическая дефиниция требует показать уровень, характер связей между субъектами туристической отрасли, их особенности и характерные черты.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 20 сентября 2019 г. № 2129-р. Стратегия развития туризма в Российской Федерации на период до 2035 г. Электронные средства информации. Официальный сайт Правительства РФ. Режим доступа: <http://static.government.ru/media/files/Fjj74rYOaVA4yzPAshEulYxmWSpB4lrM.pdf>

Кроме этого, изменившиеся условия реализации принятой государственной «Стратегии развития туризма в Российской Федерации до 2035 года» находятся в состоянии императива к новой парадигме ее осуществления, в том числе и в системе управления. Тем более на первый план выходят такие проблемы, как [8]:

- наличие дефицита платежного баланса страны по линии туризма, обусловленного неурегулированностью соотношений внутренних, выездных и въездных туристских потоков;
- потребность в синхронизации функционирования более 50-ти отраслей и сфер, вовлекаемых в насыщение спроса со стороны туристских потоков;
- необходимости в создании более полной и адекватной статистики в экономике туризма;
- мониторинга состояния и эффективного использования вовлекаемых в воспроизводство турпродуктов огромных объемов туристских ресурсов регионов, определения их оптимальных рекреационных нагрузок и др.

К тому же существующий Федеральный закон «Об основах туристской деятельности в Российской Федерации» отражает в основном политику государства в отношении туроператоров, хотя структура туристических услуг за время существования данного нормативного акта резко изменилась. Так, если объем туристических услуг туроператорами в 90 – ых годах формировался практически на 80 % от всего объема, то в настоящее время эта доля уменьшилась до 20 %, и львиная доля турпотоков формируется самими туристами. Кроме этого, за счет цифровых технологий на рынке туристических услуг непосредственно такие субъекты услуг как гостиницы, отели, туристические кластеры и комплексы, музеи, субъекты спортивных учреждений и другие подобные субъекты рынка сами формируют свой потребительский сегмент, не опираясь на туроператоров. Активно развивается система частного гостеприимства и другие подобные направления. Все это требуют нормативной и правовой координации.

Все эти проблемы и факты требуют внимательного и научного подхода к развитию туризма в нашей стране, в том числе и к научному пониманию предмета «стратегии туризма» как экономической и социальной категории, раскрывающей всю глубину системы отношений между субъектами рынка в этой специализации.

На наш взгляд чтобы глубже понять систему отношений в части развития туристической отрасли, а значит и более научно правильно отразить основные современные цели, направления, задачи, ориентиры, потенциал имеющихся ресурсов в стратегии развития туризма, в первую очередь необходимо выделить основные особенности, тренды современных реалий, происходящих в туристической сфере.

В первую очередь заметим, что современный туризм становится многоотраслевой и многопрофильной отраслью современной экономики. Речь идет о таких сферах как наука и образование, космос, связь, строительство и т.д. Появляются специальные термины, раскрывающие данную особенность, например, такие категории, как «туристский сектор экономики» и «туристская технологическая платформа» и другие. Вновь возникающие новые туристические продукты уже не ограничиваются познанием территории, истории, культуры и другие ранее распространенные области. Новые туристические продукты содержат в себе большой перечень знаний из различных сфер деятельности человека: медицина, космос, психология, искусство, спорт и многое, многое другое.

Другой особенностью современного туризма служит «сдвиг в современной экономике туризма» [8] от наличие локальных точек туристского интереса («туристский магнит») к формированию целостных туристических пространств («магнитных полей»). Цель такой политики увеличивать и удерживать туристические потоки за счет больших туристических пространств. Активно продвигаются и привлекаются туристические потоки в эти туристические географические пространства за счет современных интернет-технологий, цифровизации, которые способны показывать уникальные возможности регионов в разных сферах деятельности и раскрывать все ресурсы туристических региональных продуктов. На рис. 1 показано место туристической сферы в пространственной структуре региона.

Как видно из данного рисунка существует прямая взаимосвязь между существующими возможностями региона и возможностями развития туристской сферы, так как база последней формируется только за счет наличия пространственной структуры региона.

Рис. 1. Место туристской сферы и ее связь с пространственной структурой региона [8]
 Fig. 1. The place of the tourism sector and its relationship with the spatial structure of the region [8]

Данная мысль напрямую связано с другой особенностью современной туристической сферы. Речь идет о создании туристических региональных кластеров [9]. Туристическая сфера как единый технологический, производственный, научный, сервисный, логистический центр включает в себя все необходимые условия и ресурсы для создания уникальных туристических региональных продуктов.

Таким образом, рассмотрев некоторые современные тренды развития туристической отрасли и сферы услуг стоит сказать, что вся вновь возникающая в них система социальных, экономических, правовых и иных взаимосвязей и отношений также требует своего учета в стратегии туризма как предмета исследования.

Формирование стратегии туризма, на наш взгляд должно начинаться с построения региональной модели функционирования субъектов туристической сферы. Как представляется возможным такой механизм функционирования представлен на рисунке 2.

Как видно из представленного рисунка, вся система взаимоотношений характеризуется разными формами взаимосвязей. Это объясняется тем, что субъекты регионального туристического кластера характеризуются множеством мелких и средних организаций, и характер взаимосвязей между ними и потребителями их услуг основывается на предпринимательской выгоде. Это в полной мере относится как к субъектам сферы гостеприимства всех форм и видов собственности, так и к субъектам инфраструктуры и индустрии туризма в регионе.

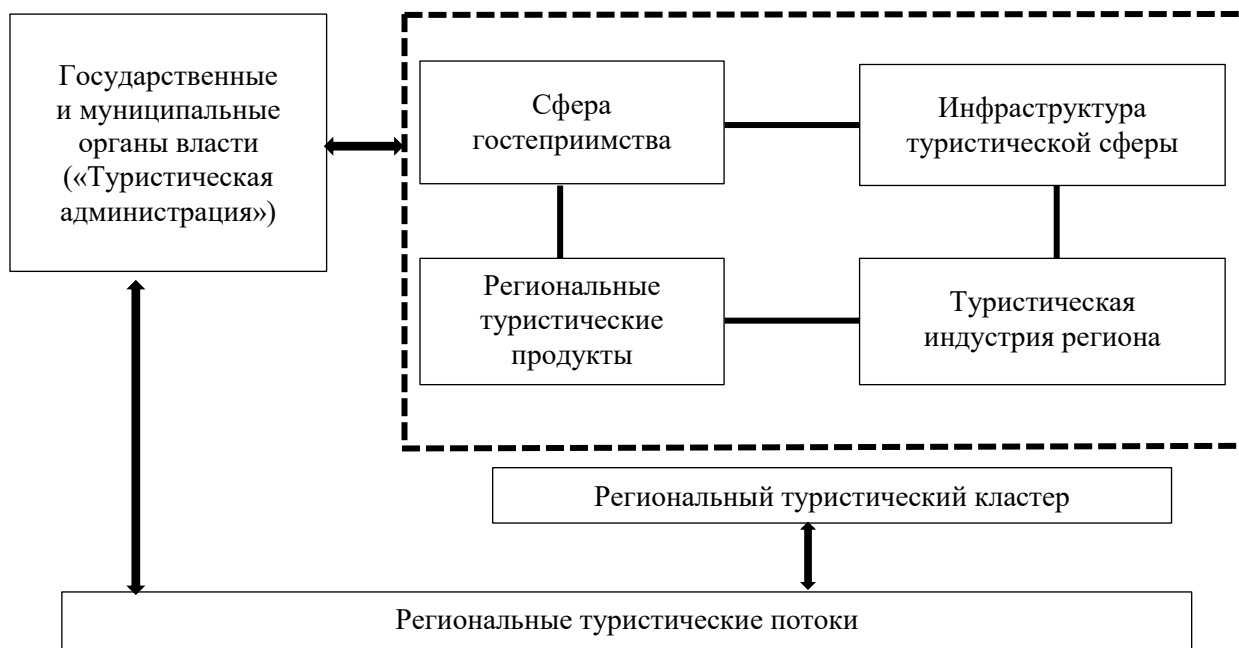

Рис. 2. Механизм функционирования региональной туристической сферы
 Fig. 2. The mechanism of the regional tourism sector functioning

Роль «туристической администрации» определена задачами разработки стратегического развития туристического кластера региона, функциями его корректировки, контроля за мероприятиями по его реализации и создание условий для мотивационной работы субъектов кластера. К ним необходимо относить специальные программы стимулирования, ряд льгот, создание привлекательных условий для инвесторов и стейкхолдеров.

Система отношений между такой администрацией и участниками кластера определена особенностями того, что это межведомственное взаимодействие. В него входит взаимодействие с разными отраслевыми, региональными и муниципальными органами управления, с частными структурами и индивидуальными предпринимателями.

Потребители туристических услуг – ключевые субъекты данного механизма. От степени и уровня удовлетворения их потребностей и получения удовольствия от услуг зависит как конкурентоспособность данного туристического кластера, так и перспективы его развития и роль в региональном валовом продукте.

Рассматривая структуру стратегии туризма следует обратить внимание, что ее генеральная линия должна дополняться рядом функциональных стратегий по различным видам бизнес-процессов в туристическом региональном кластере. В табл. 1 представлены примеры таких стратегий, дополняющих генеральную линию развития туризма в регионе. Как видно из данной таблицы в систему дополняющих стратегий, возможно включать все виды функций, технологий и бизнес-процессов, которые являются узкими местами данной территории и региона.

Табл. 1 – Возможные виды стратегий, дополняющих генеральную стратегию развития туризма
 Table 1 – Possible types of strategies that complete the general strategy for the development of tourism

Структура стратегии по развитию туризма в регионе
Стратегия развития инвестиционной привлекательности в туристический кластер
Стратегия развития гостиничного фонда и повышения качества оказания услуг в сфере гостеприимства
Стратегия информационного обеспечения функционирования туристического кластера
Кадровая стратегия
Стратегия разработки туристических продуктов
Стратегия управления спросом туристических услуг

Таким образом, рассмотрев общие содержательные моменты стратегии, ее особенности, раскрыв некоторые проблемы, существующие в сфере российского туризма, а также современные тренды туристической сферы можно сказать следующее. Предметом стратегии туризма, как научного понятия служит система взаимоотношений между тремя основными субъектами многоотраслевого комплекса:

- государственными и муниципальными органами, как направляющего и координирующего субъекта управления («туристическая администрация»);
- региональным туристическим кластером, как субъектом предоставления туристических услуг;
- непосредственно самими туристами, как потребителями туристических услуг.

Эта система взаимоотношений должна учитывать интересы всех трех обозначенных субъектов, так как возможные противоречия между ними значительно снижают эффективность функционирования системы в целом. Главными противоречиями существующей схемы могут быть:

- противоречие между органами власти, и действующими предпринимателями. С первой стороны задачи развития и координации туристического кластера могут ограничивать предпринимательскую свободу и предприимчивость в системе туристической сферы;
- противоречие между желанием и целями органов власти в развитии экономического потенциала территории ограничивается имеющимися инвестиционными, финансовыми, административными, правовыми, организационными, кадровыми и другими ресурсами.
- усиление туристических потоков в регионы посредством всевозможного арсенала современных форм и методов наталкивается на низкое качество предлагаемых туристических услуг и условий для полноценного отдыха.

Стратегия туризма в системе представленных взаимоотношений должна опираться на приоритет того, что основой ее реализации должен быть человеческий потенциал. Он опирается в первую очередь на запросы туристического сегмента, потребителей рынка туристических услуг, на запросы и интересы бизнеса, как субъекта предоставления услуг и интересы субъектов всего комплекса туристического кластера, для создания условий и возможностей для заповедного отдыха.

Список источников

1. Жерукова А.Б., Тенова З.Ю., Макоева З.А. Особенности построения стратегии развития российского самодеятельного выездного туризма в условиях хронической пандемии // Естественно-гуманитарные исследования. 2020. № 31 (5). С. 122-126.
2. Мерцалова С.Л., Заслонкина О.В. основные положения стратегии развития туризма в России // Вестник ОрелГИЭТ. 2020. № 1 (51). С. 127-130.
3. Дурович А.П. Маркетинг в туризме: учебное пособие. – М.: Инфра-М, 2010. – 316 с.
4. Коротовских Ю.В., Жигжитова А.Т. Интернет-маркетинг как элемент региональной стратегии развития туризма // Дневник науки. 2020. № 5 (41). С. 57.
5. Виноградова М.В. Научные основы стратегического планирования в туризме // Вестник Томского государственного университета. № 323. 2009. С. 233-238.
6. Минченко В.Г., Ползикова Е.В. Анализ программ проектов, входящих в стратегию развития туризма в Российской Федерации в период до 2035 года // Материалы научной и научно-методической конференции профессорско-преподавательского состава Кубанского государственного университета физической культуры, спорта и туризма. 2021. № 1. С. 122-124.
7. Ноев Е.П., Ноева Е.Е. Социальный туризм как перспективное направление развития туризма в России // Евразийское Научное Объединение. 2021. № 11-3 (81). С. 205-207.
8. Романова Г.М., Шарафутдинов В.Н., Онищенко Е.В. О гипотезе новой парадигмы управления развитием туризма в рамках национального проекта "туризм и индустрия гостеприимства" // Профессорский журнал. Серия: Рекреация и туризм. 2020. № 4 (8). С. 7-21.
9. Недосвитий Н.В. Формирование стратегии развития туристической отрасли в регионе на основе кластерного подхода. Автореф. дис. ... канд. экон. наук. Специальность 08.00.05 – Экономика и управление народным хозяйством. Чебоксары, 2010.

References

1. Zherukova A.B., Tenova Z.Yu., Makoeva Z.A. Features of constructing a strategy for the development of the Russian amended outgoing tourism in the conditions of a chronic pandemic. *Estestvenno-gumanitarnye issledovaniya = Natural Humanitarian Research*. 2020;31 (5):122-126. (In Russ.)
2. Mertsalova S.L., Zaslonkina O.V. Main provisions of the strategy of tourism development in Russia. *Vestnik OrelGIET*. 2020;1(51):127-130. (In Russ.)
3. Durovich A.P. *Marketing in tourism: a tutorial*. Moscow: Infra-M; 2010. 316 p. (In Russ.)
4. Korotovskikh Yu.V., Zhigzhitova A.T. Internet marketing as an element of regional tourism development strategy. *Dnevnik nauki = Diary of Science*. 2020;5 (41):57. (In Russ.)
5. Vinogradova M.V. Scientific foundations of strategic planning in tourism. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*. 2009;(323):233-238. (In Russ.)
6. Minchenko V.G., Polzikova E.V. Analysis of project programs included in the strategy of tourism development in the Russian Federation in the period until 2035. In: *Proceedings of the scientific and scientific-methodological conference of the faculty of the Kuban State University of Physical Culture. Sports and Tourism*. 2021;(1):122-124. (In Russ.)
7. Noev E.P., Noeva E.E. Social tourism as a promising direction of tourism development in Russia. *Evrasiiskoe Nauchnoe Ob"edinenie = Eurasian Scientific Association*. 2021;11-3 (81):205-207. (In Russ.)
8. Romanova G.M., Sharafutdinov V.N., Onishchenko E.V. On the hypothesis of a new paradigm of tourism development management in the framework of the national project "Tourism and hospitality industry". *Professorskii zhurnal. Seriya: Rekreatsiya i turizm = Professor's Journal. Series: Recreation and tourism*. 2020;4 (8):7-21. (In Russ.)
9. Nedosvitiy N.V. *Formation of a strategy for the development of the tourism industry in the region based on the cluster approach*. Abstract for the degree of candidate of economic sciences. Specialty 08.00.05 - Economics and management of the national economy. Cheboksary, 2010. (In Russ.)

Информация об авторах

В. В. Келарев – докт. экон. наук, проф. кафедры экономической теории и предпринимательства ЮРИУ РАНХиГС, директор ООО «ОРТО»;
А. А. Потопурченко – студент факультета государственного и муниципального управления ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

V. V. Kelarev – Doctor of Economics, Professor of the Department of Economic Theory and Entrepreneurship of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА, Director of ORTO LLC;
A. A. Potopurchenko – Student of the Faculty of State and Municipal Administration of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.08.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 06.09.2022.

The article was submitted 25.08.2022; approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 06.09.2022.

Научная статья

УДК 338.2:369

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-133-142

ИНДЕКС ДОБРОВОЛЬНЫХ ПЕНСИЙ (VPI) КАК ИНСТРУМЕНТ ОЦЕНКИ ДОБРОВОЛЬНОГО ПЕНСИОННОГО СТРАХОВАНИЯ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

Николай Юрьевич Ковалев¹, Галина Васильевна Ярошенко²

¹Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹nyukovalev@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2895-4925>

²yaroshenkogv@uriu.ranepa.ru

Аннотация. В работе проанализированы демографические условия и тенденции, характерные как для мирового сообщества, так и для Российской Федерации. Определена значимость интеграции добровольных элементов как механизма обеспечения достойной жизни пенсионерам в многоуровневые пенсионные системы стран ОЭСР. Описывается методология индекса добровольных пенсий, а также выявлены дополнительные ограничения его применения. Представлены результаты моделирования для 20 стран и проведена оценка применения индекса в Российской Федерации с 2013 по 2020 годы. Сделан вывод о низкой развитости добровольных пенсионных систем в Российской Федерации.

Ключевые слова: пенсионная система, пенсионная система России, добровольная пенсия, добровольная пенсионная система России, индекс добровольных пенсий

Для цитирования: Ковалев Н. Ю., Ярошенко Г. В. Индекс добровольных пенсий (VPI) как инструмент оценки добровольного пенсионного страхования Российской Федерации // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 133–142. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-133-142>

Problems of Economics

Original article

VOLUNTARY PENSION INDEX (VPI) AS A TOOL FOR ASSESSING VOLUNTARY PENSION INSURANCE IN THE RUSSIAN FEDERATION

Nikolay Yu. Kovalev¹, Galina V. Yaroshenko²

¹National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

²South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹nyukovalev@edu.hse.ru, <https://orcid.org/0000-0003-2895-4925>

²yaroshenkogv@uriu.ranepa.ru

Abstract. The work analyzed demographic conditions and trends characteristic of both the world community and the Russian Federation. The importance of integrating voluntary elements as a mechanism for ensuring a decent life for pensioners in multi-level pension systems of OECD countries has been determined. The methodology of the voluntary pension index is described, as well as additional restrictions on its application. The results of modeling for 20 countries were presented and the application of the index in the Russian Federation from 2013 to 2020 was assessed. The conclusion was made about the low development of voluntary pension systems in the Russian Federation.

Keywords: pension system, pension system of Russia, voluntary pension, voluntary pension system of Russia, voluntary pensions index

For citation: Kovalev N. Yu., Yaroshenko G. V. Voluntary pension index (VPI) as a tool for assessing voluntary pension insurance in the Russian Federation. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):133–142.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-133-142>

Актуальность. Обеспечение достойного уровня жизни гарантируется Конституцией Российской Федерации всем ее гражданам. Согласно Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы Российской Федерации основной целью развития пенсионной системы, в том числе, является «гарантирование социально приемлемого уровня пенсионного обеспечения»¹. Данная цель раскрывается путем решения задач «обеспечение коэффициента замещения трудовой пенсии по старости до 40 процентов утраченного заработка при нормативном страховом стаже и средней заработной плате», а также «обеспечение среднего размера трудовой пенсии по старости не менее 2,5-3 прожиточных минимумов пенсионера».

В настоящее время в отечественной практике в качестве показателей уровня пенсионного обеспечения граждан выступают коэффициент замещения и прожиточный минимум [1]. При этом отсутствует утвержденная методика расчета коэффициента замещения, то есть нет четкого понимания, как считать целевой показатель, на основании которого можно решить, достигнут ли уже «социально приемлемый» уровень пенсий. А также измененный подход к расчету величины прожиточного минимума² не соответствует сложившимся в обществе представлениям о нем [2].

Стоит также отметить, что существующее более 25 лет негосударственное пенсионное обеспечение не аккумулирует достаточный объем накоплений граждан для формирования корпоративных и личных пенсий. Это обусловлено, в том числе низким уровнем заработных плат и малой численностью граждан с доходами, позволяющими формировать пенсионные накопления [3].

Таким образом, **проблемная ситуация** заключается в том, что пенсионные накопления интегрированные в структуру пенсионного обеспечения в качестве механизма компенсирующего утраченный заработок не позволяют, в нынешнем виде, обеспечить социально приемлемый уровень пенсионного обеспечения граждан.

В связи с чем, возникает **исследовательский вопрос**: способны ли добровольные пенсионные накопления стать источником роста уровня пенсионного обеспечения граждан в Российской Федерации?

Целью является оценка пенсионного обеспечения Российской Федерации с помощью применения индекса добровольных пенсий.

Методы: сравнительный анализ, многомерный статистический анализ.

Мировые демографические реалии

За последние десятилетия во всем мире произошли значительные демографические изменения. В результате старения населения пенсионные системы, которые полагаются в основном на распределительную формулу, больше не в состоянии обеспечивать будущим пенсионерам такие же щедрые пособия, как нынешним. Существенное изменение наблюдается в отношении целей государственных пенсионных систем. Как указано в Отчете о достаточности пенсий в ЕС³, недавно осуществленные реформы в европейских странах, приведут к более низким коэффициентам замещения доходов от государственных схем в будущем. Эти прогнозы относятся почти ко всем странам-членам ЕС и относятся к работникам как с низкой, так и с высокой оплатой труда. Чтобы смягчить эффект такого падения, применяются различные меры. В большинстве стран они включают повышение установленного законом пенсионного возраста, а также усиление роли частных профессиональных и личных пенсионных схем. Последнее реализуется за счет внедрения решений, направленных на стимулирование широкого распространения и увеличения частных пенсионных накоплений, например, введения новых видов добровольных пенсионных планов.

¹ Распоряжение Правительства Российской Федерации от 25.12.2012 № 2524-р «Об утверждении Стратегии долгосрочного развития пенсионной системы» // Собрание законодательства Российской Федерации. 31.12.2012. № 53. Часть 2. Статья 8029

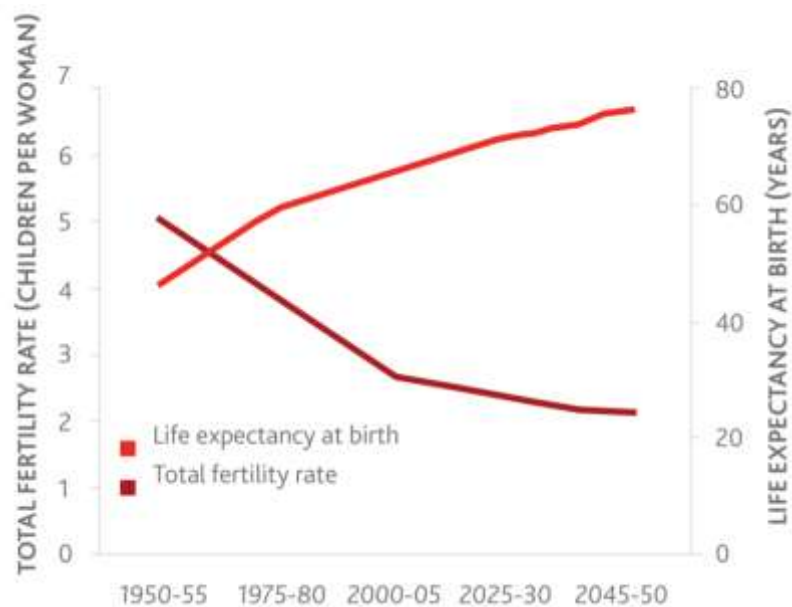
² Федеральный закон от 29 декабря 2020 г. № 473-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 4 января 2021 г. № 1 (часть I) ст. 12

³ The 2015 pension adequacy report: Current and future income adequacy in old age in the EU. Luxembourg: European Commission doi:10.2767/366060

Для комплексного понимания существующих тенденций в пенсионном страховании видится целесообразным остановиться на демографических характеристиках как ключевых детерминантах реализации пенсионных программ.

Наиболее ярким маркером изменяющихся условий является пенсионный разрыв, под которым понимается разница между приведенной стоимостью годового дохода на протяжении всей жизни, необходимого для поддержания разумного уровня жизни, и фактической суммой, которая откладывается для выхода на пенсию, плюс приведенная стоимость текущих взносов. Причем приведенная стоимость, как правило, рассчитывается за 40-летний период.

Основными факторами пенсионного разрыва являются увеличение продолжительности жизни, снижение коэффициентов фертильности и смертности. В своем Докладе о смертности в мире за 2019 год ООН показывает, как средняя продолжительность жизни в мире увеличилась с 46,9 лет в 1959 году до 64,8 в 1999 году до 72,2 в 2019 году и, по прогнозам, достигнет 80 в 2050 году¹. ООН также сообщает, что коэффициенты рождаемости в 1959, 1999 и 2019 годах составляли 5,0, 3,0 и 2,4, соответственно и, как ожидается, снизятся до 2,0 в 2050 году. Динамика представлена на рис. 1.

Источник²

Рис. 1. Общий коэффициент фертильности и ожидаемая продолжительность жизни при рождении: Мир, 1950–2050 гг.

Fig. 1. Total fertility rate and life expectancy at birth: World, 1950-2050

Снижение рождаемости, вероятно, более удивительно, чем увеличение продолжительности жизни. Коэффициент фертильности определяется как количество детей, рожденных женщиной в детородном возрасте. Хотя казалось бы логичным, что коэффициент фертильности 2,0 будет достаточным для замены матери и отца, однако, из-за детской смертности, женщин, не доживших до детородного возраста, и дисбаланса между процентным соотношением мужчин и женщин в некоторых странах, средний мировой коэффициент фертильности требуется для замены нынешнего населения примерно 2,1³.

В период с 1965 по 2019 год мировой коэффициент рождаемости упал с 5,1 до примерно 2,5. В Европе эта тенденция еще более драматична с текущим показателем около 1,5. Интерес-

¹ UNDP (2019) Human Development Report 2019 Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. United Nations Development Programme. <http://hdr.undp.org/sites/default/files/hdr2019.pdf> (Дата обращения: 02.06.2022)

² Human Development Report 2019 Beyond income, beyond averages, beyond today: Inequalities in human development in the 21st century. United Nations Development Programme

³ Eurostat regional yearbook – 2020 edition <https://ec.europa.eu/eurostat/documents/3217494/11348978/KS-NA-20-001-EN-N.pdf/f1ac43ea-cb38-3ffb-ce1f-f0255876b670?t=1601901088000> (Дата обращения: 02.06.2022)

но отметить, что ЕС становится более однородным в отношении коэффициентов рождаемости, поскольку в 1970 году разница между нынешними странами-членами ЕС составляла 2 балла (3,8 для Ирландии и 1,8 для Исландии), тогда как наибольшее неравенство сегодня всего 0,8 (2,0 для Франции и 1,2 для Португалии).

В одной плоскости изучения рождаемости населения располагается смертность. Неопределенность в отношении показателей смертности и потенциальная нехватка пенсионных или ежегодных выплат в значительной степени проистекают из неопределенности относительно того, как будет развиваться показатель смертности. Прямое снижение уровня смертности подразумевают, что люди в среднем живут дольше, и поэтому ожидаемая продолжительность жизни увеличивается. В глобальном масштабе ожидаемая продолжительность жизни при рождении увеличилась более чем вдвое за последние два столетия. В странах ОЭСР ожидаемая продолжительность жизни лиц в возрасте 65 лет увеличивается в среднем почти на два месяца в год за последнее десятилетие¹.

Таким образом, снижение коэффициента фертильности и смертности, а также увеличение продолжительности жизни застало врасплох государственные системы пенсионного страхования. В 2014 году ОЭСР представила доклад, согласно которому каждый дополнительный год жизни населения равен увеличению текущих государственных пенсионных обязательств примерно на 3-5%. Данное обстоятельство нашло отражение в отчете, разработанном Citigroup², в котором показано, что 20 из 34 стран ОЭСР не выполнили пенсионные обязательства на общую сумму около 78 триллионов долларов США.

Пенсионный дефицит - это дыра, которую нелегко заполнить, это живой организм. Она растет и сжимается каждую минуту дня и подвержена влиянию многих внешних факторов. Мы должны понимать, что огромный дефицит финансирования не является «сбоем» системы; государственный организм обязательного пенсионного страхования просто не рассчитан на такое количество бенефициаров.

Основное последствие данной ситуации – бедность по старости. Бедность в пожилом возрасте не только истощает государственные финансы, но и разрушает важный элемент общества, заключающийся в том, что люди должны выходить на пенсию с достоинством. Одним из механизмов снижения нагрузки на государственные фонды являются добровольные пенсионные системы (частные добровольные и частные обязательные).

Таким образом, представленные выше суждения подчеркивают особую значимость изучения возможности интеграции в современные реалии добровольных пенсионных систем как механизма обеспечения достойной жизни пенсионерам. Добровольные пенсионные схемы путем переоценки роли государства, миссии государственной пенсионной системы (сокращение бедности или сглаживание потребления), а также влияния институциональных параметров обязательной пенсии призваны восполнить пенсионный разрыв.

В связи с чем возникает вопрос: как оценить возможность интеграции и масштабирования добровольного способа финансирования пенсионной системы? В 2019 году Эдита Марцинкевич предложила Индекс добровольных пенсий (ИДП) (Voluntary Pensions Index (VPI))³ для оценки взаимосвязи между развитием добровольных пенсий и адекватностью пенсионных пособий в обязательных схемах с двух точек зрения: текущих работников и нынешних получателей.

¹ OECD (2014), Mortality Assumptions and Longevity Risk: Implications for pension funds and annuity providers, OECD Publishing. doi.org/10.1787/9789264222748-en

² Citi (2016) The Coming Pension Crisis, Citi Global Perspectives & Solutions.

<https://ir.citi.com/dYdoNxFDbCtNqOYbpK2GpQgmqw4siytXQPIXXbzA%2Bu4cHc1h4c3cMjPdNHwqem%2BkuMRs03rZ8cl%3D> (Дата обращения: 02.06.2022)

³ Marcinkiewicz, Edyta. (2019). Voluntary Pensions Development and the Adequacy of the Mandatory Pension System: Is There a Trade-Off?. Social Indicators Research. doi.org/143. 10.1007/s11205-018-2001-5

Методология индекса добровольных пенсий

Индекс направлен на оценку размера и актуальности добровольных пенсионных систем с использованием трех отдельных компонентов (параметров): активы (в % от ВВП), коэффициент участия и размер взноса. Представленный агрегированный показатель в Social Indicators Research – новый и в научной литературе пока не нашел должной оценки, но тем интереснее его анализировать.

Рассмотрим основные компоненты данного индекса. Первый параметр (активы как доля от ВВП) выражает размер накопленного пенсионного капитала в зависимости от размера экономики. Но стоит отметить, что использовать его нужно крайне осторожно, особое внимание обращая на временной параметр. По нашему мнению, сравнивать страны с давними традициями добровольных пенсионных планов со странами, где они были созданы совсем недавно, не совсем правильно, а то и совсем бессмысленно. Стоит понимать, что социальная политика должна учитывать различные стадии циклического развития социальных сфер, в том числе и пенсионной. Тогда межстрановое сравнение по данному признаку не учитывает возможное несогласование в разных фазах пенсионной системы, например, накопление или декумуляцию средств. Тогда стоит предположить, что на параметр доли добровольных пенсионных систем от ВВП накладывается временное ограничение, то есть его применение только в краткосрочную перспективу.

Второй компонент, используемый при рассмотрении актуальности добровольных пенсионных схем, – это уровень участия. В данном исследовании оно определяется как количество пенсионных планов относительно размера возрастной группы 15–64 лет, которую можно рассматривать как население трудоспособного возраста; однако, как отмечает автор, это приблизительная справочная информация, поскольку во многих странах пенсионный возраст выше 65 лет. Уровень участия Марцинкевич определяет по уровню охвата и уровню распространенности и доступности добровольных пенсионных планов среди населения трудоспособного возраста. То есть, можно предположить, что подразумевается отражение потенциала добровольной пенсионной системы, дополняющего обязательную систему. Тем не менее, возникает вопрос, а как объективно оценить уровень охвата, ведь, как указывает автор, он выражается через количество лиц, охваченных определенной пенсионной схемой, в процентах от населения трудоспособного возраста. Но в таком подходе, по нашему мнению, упускается важная деталь возможного участия и в государственной, и в обязательной частной, и в индивидуальной добровольной. То есть, есть риск, что на агрегированном уровне зафиксированное удвоение или утроение.

Третье измерение, которое отражает роль дополнительного пенсионного обеспечения, – это размер взносов. В исследовании Марцинкевич он выражается как средний годовой взнос в пенсионный план исходя из среднегодовой чистой заработной платы. Годовой взнос на план рассчитывается путем деления общей суммы взносов (во все агрегированные пенсионные схемы, независимо от их типа) на общее количество добровольных пенсионных планов. Автором подчеркивается, что такой коэффициент, даже если он получен с использованием агрегированных значений, можно интерпретировать как приблизительный эквивалент нормы добровольных пенсионных накоплений, так как он отражает фактическую сберегательную активность только участников добровольных пенсионных планов.

На этих трех компонентах и строится методология измерения индекса добровольных пенсий. Марцинкевич подчеркивает особую ценность данного индекса при изучении макроэкономических характеристик пенсионных систем, межстрановом исследовании. Но обычно, в такого рода исследованиях при выборе критериев делаются поправки на различия в видах пенсионных программ, отличающиеся с точки зрения налогового режима, ограничений по минимальным и максимальным взносам, установленной частоты выплаты взносов. Но стоит заметить, что единственная категория, которую можно напрямую сопоставить с информацией из других баз данных, – это членство в пенсионных схемах.

Путем нормализации показателей автор приводит значений, измеренных в различных шкалах, к условно общей шкале масштабированной до интервала [0; 100] перед включением в VPI. А после все три преобразованные переменные составляются в единый добровольный пенсионный индекс, который задается следующей формулой:

$$VPI_i = w_1 \cdot ASSETS_i + w_2 \cdot PART_i + w_3 \cdot CONTR_i, \text{ где}$$

$ASSETS_i$ обозначает нормированную стоимость добровольных активов как доля ВВП в i -й стране;

$PART_i$ обозначает нормированный коэффициент участия, выраженный как количество участников добровольных пенсионных планов относительно численности населения 15–64 лет;

$CONTR_i$ нормированный средний годовой взнос в пенсионный план исходя из среднегодовой номинальной заработной платы;

w_1, w_2, w_3 - веса компонентов в индексе (их сумма равна 1).

Веса в формуле отражают важность и вклад каждого из трех компонентов в общую оценку индекса. Компоненты, предлагаемые для VPI, имеют одинаковый вес, то есть $w_1 = 0,333$, $w_2 = 0,333$ и $w_3 = 0,333$. Это превращает формулу в простое среднее арифметическое.

Результаты международного применения индекса добровольных пенсий

На основе VPI Марцинкевич исследует данные 2013 года 20 стран, а именно Австрии, Бельгии, Болгарии, Хорватии, Чехии, Дании, Франции, Венгрии, Исландии, Италии, Латвии, Литвы, Норвегии, Польши, Португалии, Румынии, Словакии, Словении, Испании, Соединенного Королевства. Эмпирические результаты представлены в табл. 1.

Таблица 1 – Показатели индекса добровольных пенсий за 2013 год

Table 1 – Indicators of the voluntary pension index for 2013

Страна	ASSETS	PART	CONTR	VPI
Австрия	13,1	70,1	16,9	33,4
Бельгия	86,9	79,5	46,1	70,8
Болгария	1,4	20,3	6,7	9,4
Хорватия	1,4	13,3	12,7	9,1
Чехия	12,1	100,0	15,8	42,6
Дания	39,1	67,6	9,6	38,8
Франция	7,5	27,1	22,4	19,0
Венгрия	8,3	33,1	19,5	20,3
Исландия	36,8	88,5	27,8	51,0
Италия	12,1	26,8	46,2	28,4
Латвия	1,7	27,2	14,4	14,4
Литва	0,2	2,9	16,8	6,6
Норвегия	4,4	45,0	2,8	17,4
Польша	1,4	10,5	19,5	10,4
Португалия	27,7	62,9	37,9	42,8
Румыния	0,2	3,8	12,9	5,7
Словакия	3,1	38,1	2,4	14,5
Словения	6,6	58,7	11,7	25,7
Испания	21,6	98,7	12,5	44,3
Соединенное Королевство	100,0	65,1	100,0	88,4

Источник¹

¹ Marcinkiewicz, Edyta. (2019). Voluntary Pensions Development and the Adequacy of the Mandatory Pension System: Is There a Trade-Off?. Social Indicators Research. doi.org/143. 10.1007/s11205-018-2001-5

Анализируя полученные результаты, Марцинкевич делает интересные выводы. Например, в некоторых странах, таких как Испания, Чехия, Исландия, уровень участия очень высок, и в то же время взносы относительно небольшие. Это может означать, что каналы распределения пенсионных продуктов работают эффективно, однако широкое участие не влечет за собой реальных сбережений, поэтому могут потребоваться дополнительные стимулы или финансовое образование. Также автор отмечает, что есть страны, такие как Соединенное Королевство и Италия, где относительно небольшие уровни участия сопровождаются высокими уровнями взносов. Это, в свою очередь, может указывать на то, что решения, реализованные для поощрения добровольных пенсионных накоплений и повышения их привлекательности по сравнению с другими формами долгосрочных сбережений, эффективны. Но как она справедливо замечает, такие выводы можно сформулировать только после более глубокого изучения конкретной ситуации в стране, которое также включает анализ микроданных. Крупные взносы вместе с участием, ограниченным небольшой частью населения трудоспособного возраста, также могут означать, что стимулы к сбережению нацелены только на лиц с высокими доходами, а другие группы не реагируют на них должным образом. Промежуточным выводом автора является суждение о том, что взносы и участие определяют потенциал добровольных пенсий в дополнение к доходу при выходе на пенсию по отношению к текущему населению трудоспособного возраста, а активы отражают их способность улучшить адекватность пенсионных пособий как текущих работников, так и сегодняшних получателей.

Важно отметить, что в анализируемой группе есть страны со смесью различных личных и профессиональных программ без преобладающего типа с точки зрения охвата (например, Великобритания, Испания, Италия, Франция), страны с преобладающей ролью личных планов (например, Исландия, Дания, Венгрия, Литва), и страны с преобладающей ролью профессиональных планов (например, Словения, Румыния). Тем не менее, каждая группа сильно различается по показателям VPI.

На основе представленных результатов, автор приходит к выводу, что различные уровни VPI в исследуемых странах могут быть объяснены различиями в щедрости пенсионной системы, но только в отношении нынешнего поколения трудоспособного возраста. Эта связь сильна и негативна. В странах, где ожидается, что размер обязательных пенсионных пособий будет меньше, дополнительные пенсии играют большую роль. Результаты также показывают, что в странах с более плоской формулой пенсионных выплат, принятой в обязательной системе, добровольные пенсии развиты лучше. Это может означать, что дополнительные пенсионные планы служат инструментом сглаживания потребления для группы, которая, как ожидается, будет иметь более низкое замещение дохода в пожилом возрасте, то есть агенты с более высокой зарплатой, которые имеют более сильное стремление сгладить потребление.

Расчеты индекса добровольных пенсий для Российской Федерации

Представленный международному научному сообществу в 2019 году индекс добровольных пенсий ранее не был рассчитан для Российской Федерации. С учетом выявленных ранее методологических особенностей, а также с целью межстранового сравнения рассмотрим данный индекс на основе данных с 2013 года (табл. 2).

В работе мы не используем данные за 2021 год ввиду отсутствия их раскрытия в связи с Решением Совета директоров Банка России от 14.04.2022¹. На основе рассмотренного периода путем нормирования распределения с учетом описанных выше условий получили значения ASSETS, PART, CONTR и VPI для Российской Федерации с 2013 по 2020 годы (табл. 3)

---

¹ Решение Совета директоров Банка России от 14.04.2022 «О перечне информации некредитных финансовых организаций, подлежащей раскрытию в соответствии с законодательством Российской Федерации или нормативными актами Банка России, которую некредитные финансовые организации вправе не раскрывать, и перечне информации, предусмотренной законодательством Российской Федерации или нормативными актами Банка России, которую Банк России вправе не раскрывать на своем официальном сайте в информационно-телекоммуникационной сети «Интернет». Банк России. URL: https://cbr.ru/about_br/dir/rsd_2022-04-14_38-01/ (Дата обращения: 20.05.2022)

Таблица 2 – Показатели индекса добровольных пенсий в Российской Федерации с 2013 года по 2020 год

Table 2 – Indicators of the index of voluntary pensions in the Russian Federation from 2013 to 2020

Год	Актив- фон- дов, млрд. руб.	ВВП, в теку- щих ценах, млрд. руб.	Доля акти- вов в ВВП	Количе- ство участ- ников, млн. чел.	Население в трудоспособ- ном возрасте, млн. чел.	Доля участни- ков в ко- личестве трудоспо- собных	Среднего- довой взнос, тыс. руб.	Средняя номиналь- ная начис- ленная за- работная плата в год, тыс. руб.	Доля сред- негодово- го взноса в начис- ленной заработ- ной плате
2013	2 190	72 985	0,03	5,72	86,14	0,07	7,0	357,5	0,02
2014	2 279	79 030	0,03	6,37	85,16	0,07	7,7	389,9	0,02
2015	2 976	83 087	0,04	5,81	85,41	0,07	7,6	408,4	0,02
2016	3 270	85 616	0,04	5,72	84,20	0,07	7,4	440,5	0,02
2017	3 817	91 843	0,04	6,01	83,22	0,07	8,1	470,0	0,02
2018	4 056	103 861	0,04	6,13	82,26	0,07	8,4	524,7	0,02
2019	4 453	109 608	0,04	6,19	84,36	0,08	9,7	574,4	0,02
2020	4 668	107 390	0,04	6,18	85,68	0,07	10,4	616,1	0,02

Источник: составлено авторами на основе данных¹.

¹ Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов за 2013 год. Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123215/OPD_2013.xls (Дата обращения: 04.05.2022);
 Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов за 2014 год. Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123203/OPD_2014.xls (Дата обращения: 04.05.2022);
 Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов за 2015 год. Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123168/OPD_2015.xlsx (Дата обращения: 04.05.2022);
 Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов за 2016 год. Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123157/OPD_2016.xlsx (Дата обращения: 04.05.2022);
 Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов за 2017 год. Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123146/OPD_2017.xlsx (Дата обращения: 04.05.2022);
 Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов за 2018 год. Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123134/opd_2018.xlsx (Дата обращения: 04.05.2022);
 Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов за 2019 год. Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123191/OPD_2019.xlsx (Дата обращения: 04.05.2022);
 Основные показатели деятельности негосударственных пенсионных фондов за 2020 год. Банк России. URL: https://cbr.ru/Content/Document/File/123179/opd_npf_2020.xlsx (Дата обращения: 04.05.2022);
 Годовой отчет Пенсионного фонда Российской Федерации 2013 год URL: https://pfr.gov.ru/files/id/about/godovoi_otchet2013.pdf (Дата обращения: 01.05.2022);
 Годовой отчет Пенсионного фонда Российской Федерации 2014 год URL: https://pfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/godovoi_otchet_2014_1.pdf (Дата обращения: 01.05.2022);
 Годовой отчет Пенсионного фонда Российской Федерации 2015 год URL: https://pfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Pension_fund_Annual_report_2015_1.pdf.pdf (Дата обращения: 01.05.2022);
 Годовой отчет Пенсионного фонда Российской Федерации 2016 год URL: https://pfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Annual_report_2016_3.pdf (Дата обращения: 01.05.2022);
 Годовой отчет Пенсионного фонда Российской Федерации 2017 год URL: https://pfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/annual_report_2017_1.pdf (Дата обращения: 01.05.2022);
 Годовой отчет Пенсионного фонда Российской Федерации 2018 год URL: https://pfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Pension-fund-Annual-report-2018.pdf (Дата обращения: 01.05.2022);
 Годовой отчет Пенсионного фонда Российской Федерации 2019 год URL: https://pfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/Godovoy_otchet_PFR_za_2019_god.pdf (Дата обращения: 01.05.2022);
 Годовой отчет Пенсионного фонда Российской Федерации 2020 год URL: https://pfr.gov.ru/files/id/press_center/godovoi_otchet/godotch_2020.pdf (Дата обращения: 01.05.2022);
 Валовой внутренний продукт. Росстат URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/VVP_god_s_1995.xls (Дата обращения: 06.05.2022);
 Среднемесячная номинальная начисленная заработная плата работников в целом по экономике Российской Федерации в 1991-2022 гг. Росстат URL: <https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/tab1-zpl.xlsx> (Дата обращения: 04.05.2022).

Таблица 3 – Показатели индекса добровольных пенсий для Российской Федерации с 2013 года по 2020 год

Table 3 – Indicators of the index of voluntary pensions for the Russian Federation from 2013 to 2020

Год	ASSETS	PART	CONTR	VPI
2013	0,09	0,72	0,91	0,56
2014	0,06	0,87	0,93	0,61
2015	0,40	0,17	0,74	0,43
2016	0,57	0,16	0,26	0,33
2017	0,79	0,63	0,36	0,59
2018	0,64	0,85	0,11	0,53
2019	0,74	0,75	0,28	0,58
2020	0,88	0,61	0,27	0,58

Источник: составлено авторами.

Таким образом, анализ таблицы 3 показывает значения для Российской Федерации в 2013 году на уровне 0,56, что является минимальным при мировом сопоставлении (табл. 1). Анализ временных рядов свидетельствует о неразвитости добровольных пенсий и об отсутствии тенденции к изменению.

К факторам, препятствующим развитию добровольных пенсий в России, можно отнести:

- недостаточность доходов населения для формирования самостоятельных пенсионных накоплений;
- высокий темп роста долговой нагрузки заемщиков за счет роста как среднего размера задолженности, так и количества кредитов на одного заемщика¹;
- недостаточный уровень финансовой грамотности (согласно оценке ОЭСР²);
- применение завышенного коэффициента дисконтирования при оценке благ в пенсионном возрасте [4].

Выводы

В заключение отметим, что представленный в 2019 году индекс добровольных пенсионных систем VPI крайне актуален. Он призван в эпоху расширения пенсионного обеспечения оценить значимости добровольных пенсионных систем. Как таковые исключительно добровольные пенсионные системы не являются долгожданной вакциной от эпидемии пенсионного разрыва. Имеющиеся опыт Чили и Мексики, а также данные исследования Марцинкевич, подтверждают тезис о том, что хорошо структурированные пенсионные системы, сочетающие государственные и частные резервы, напрямую способствуют достижению двойных целей Всемирного банка: сокращение бедности и повышение общего благосостояния.

На основе выводов Марцинкевич, можно предположить, что не сама архитектура государственной пенсионной системы побуждает к развитию добровольных пенсий, а ее эффективность, которая отражается адекватностью государственных пенсионных выплат.

Марцинкевич справедливо отмечает, что также необходим более глубокий качественный анализ изучаемых стран, чтобы ответить на вопрос, в какой степени эта корректировка обусловлена специальными политическими средствами, направленными на поощрение добровольного участия в пенсионных программах, и в какой степени этот механизм является автоматическим.

¹ Анализ тенденций в сегменте розничного кредитования на основе данных бюро кредитных историй. // Информационно-аналитический материал Банка России [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cbr.ru/Collection/Collection/File/39669/inf-material_bki_2021fh.pdf (Дата обращения: 06.05.2022)

² OECD (2021), Financial Literacy Levels in the Commonwealth of Independent States in 2021 www.oecd.org/financial/education/financial-literacy-levels-in-the-commonwealth-of-independentstates-2021.htm

Для России проведенный анализ показывает низкую развитость добровольных пенсионных систем, в том числе ввиду выявленных факторов. Возможность интеграции в уже сформированные планы государственного пенсионного страхования элементов частных добровольных систем позволит сформировать механизмы упреждающего планирования, отсутствие которых, при имеющихся на сегодняшний день данных, будет означать рост бедности в пожилом возрасте и непосильное бремя для государственных финансов.

Список источников

1. Горлин Ю. М., Ляшок В. Ю., Салмина А. А. Коэффициент замещения как инструмент анализа и прогнозирования пенсионной системы // Вопросы экономики. 2020. № 12. С. 80-103.
2. Корнейчук Б. В. Новая методика расчета прожиточного минимума: проблемы теории и практики // Экономическая политика. 2021. № 6. С. 120-139.
3. Есаулкова Т.С. Повышение уровня пенсионного обеспечения граждан Российской Федерации на основе совершенствования деятельности негосударственных пенсионных фондов: дис. ... докт. экон. наук : 08.00.05; 08.00.10. - Москва, 2020. 539 с.
4. Овчаров Д. А. К вопросу о новой парадигме пенсионной системы с позиций поведенческой экономики // Вестник ВолГУ. Серия 3: Экономика. Экология. 2016. №3 (36).С. 30-38.

References

1. Gorlin Yu. M., Lyashok V. Yu., Salmina A. A. Replacement rate as a tool for analysis and forecasting of the pension system. *Voprosy ekonomiki = Questions of Economics*. 2020;(12):80-103. (In Russ.)
2. Korneychuk B.V. New methodology for calculating the subsistence minimum: problems of theory and practice. *Ekonomicheskaya politika = Economic policy*. 2021;(6):120-139. (In Russ.)
3. Esaulkova T. S. *Raising the level of pension provision for citizens of the Russian Federation on the basis of improving the activities of non-state pension funds*: dis. ... doc. economy Sciences: 08.00.05; 08.00.10 - Moscow, 2020. 539 p. (In Russ.)
4. Ovcharov D.A. On the issue of a new paradigm of the pension system from the standpoint of behavioral economics. *Vestnik VolGU. Seriya 3: Ekonomika. Ekologiya = Bulletin of the VolSU. Series 3: Economy. Ecology*. 2016;3(36):30-38. (In Russ.)

Информация об авторах

Н. Ю. Ковалев – магистрант Института социальной политики Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»;
Г. В. Ярошенко – канд. полит. наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

N. Yu. Kovalev – Master's Student of the Institute of Social Policy of National Research University Higher School of Economics;
G. V. Yaroshenko – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 01.07.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 15.07.2022.

The article was submitted 01.07.2022; approved after reviewing 14.07.2022; accepted for publication 15.07.2022.

Научная статья

УДК 338

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-143-148

ГЕОЭКОНОМИЧЕСКОЕ ПРОСТРАНСТВО В ИЗМЕНЕНИЯХ СОВРЕМЕННОГО ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЩЕСТВА

Андрей Николаевич Козлов

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, ko-an-14@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению трансформации современного информационного общества в условиях геоэкономического пространства, при существенном экономическом воздействии на устойчивость развития страны. Влияние цифровой среды на тенденции технологического производства, раскрывает особенность взаимоотношений между структурами производственного и промышленного класса. Стратегический характер интеграции субъекта экономической деятельности формирует интернационализацию инновационного и организационного применения. Показано, что в условиях геоэкономического пространства, информационное и цифровое воздействие на общество предопределяет степень государственного участия и влияния на экономическую деятельность компании, при котором информационный потенциал раскрывается в контексте научно-исследовательском направления работы предприятия.

Ключевые слова: цифровая среда, субъект экономической деятельности, корпоративный сектор, геоэкономическое пространство, интеграция, государственное влияние, интернационализация, санкции, информационный потенциал

Для цитирования: Козлов А. Н. Геоэкономическое пространство в изменениях современного информационного общества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 143–148. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-143-148>

Problems of Economics

Original article

GEO-ECONOMIC SPACE IN THE CHANGES OF THE MODERN INFORMATION SOCIETY

Andrey N. Kozlov

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, ko-an-14@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the transformation of the modern information society in the conditions of geo-economic space with a significant economic impact on the sustainability of the country's development. The influence of the digital environment on the trends of technological production reveals the peculiarity of the relationship between the structures of the production and industrial class. The strategic nature of the integration of the subject of economic activity is formed by the internationalization of innovative and organizational application. It is shown that in the conditions of geo-economic space, information and digital impact on society determines the degree of state participation and influence on the economic activity of the company, in which the information potential is revealed in the context of the research direction of the enterprise.

Keywords: digital environment, subject of economic activity, corporate sector, geo-economic space, integration, state influence, internationalization, sanctions, information potential

For citation: Kozlov A. N. Geo-economic space in the changes of the modern information society. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):143–148. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-143-148>

Трансформация нового информационного общества раскрывается в контексте геоэкономического пространства через институциональное влияние на все процессы общественного развития цифрового, организационного и технологического преобладания в среде производственного, промышленного, инновационного вектора постиндустриального мира. Формирование современной модели такого экономического преобразования затрагивает геоэкономическое

пространство в рамках сотрудничества всех субъектов экономической деятельности, при которой осуществляется постепенное усиление информационного общества в приоритетах будущего технологического прорыва, где подходы инновационного применения, раскрывают существенные характеристики постиндустриального мира порядка. Особенность использования такого направления в условиях современного информационного общества, отражается на деятельности экономических субъектов, что в состоянии поглощения цифрового приоритета открывают оптимальные институциональные условия своей хозяйственной деятельности в рамках стратегического формирования промышленной программы на среднесрочный и долгосрочный период развития.

Консолидация субъекта экономической деятельности в условиях геоэкономического пространства во взаимоотношениях с другими ответственными субъектами экономической деятельности нашей страны, а также с иностранными субъектами, предопределяет, в ситуации информационного сотрудничества, весь спектр общественного взаимодействия мирохозяйственного соединения и создания конкурентоспособного производства товаров, продукции и услуг, в условиях экономического, хозяйственного и технологического фактора. Эти субъекты экономической деятельности, а это фирмы, компании, предприятия, организации, учреждения, осуществляют свою концепцию развития, в рамках нового хозяйствования, под воздействием специфики расширенной глобализации и интенсивной регионализации, что также влияет на формирование транснациональных корпораций, синдикатов, концернов, финансово-промышленных групп, где успешность хозяйственной деятельности оказывается в ситуации нового технологического и информационного применения. Использование возможностей экономического, хозяйственного и правового влияния на характеристики информационного сотрудничества, открывает для деятельности субъектов новые условия институционального подхода перспективных инновационных и инвестиционных проектов [1, с. 28].

Специфика геоэкономического пространства в изменениях информационного сообщества предопределяет стратегию управленческого, научного и организационного приоритета работы компании при систематизации всего объема цифрового использования. В этот период открывается устойчивое взаимодействие международных экономических отношений в рамках производственной компетентности субъекта, и тем самым, оно, т.е. устойчивое взаимодействие, влияет на интернационализацию экономической деятельности самого предприятия [2, с. 11]. В положении санкций и экономического давления на производственное, промышленное и инвестиционное развитие нашей страны, геоэкономическое пространство консолидирует оптимальное сотрудничество фирм, компаний и организаций с другими субъектами экономической деятельности, что ориентирует бизнес-сообщество, в период кризисного явления, на взаимосвязь с рыночными структурами нового хозяйственного взаимопроникновения. Оптимизация такой специфики геоэкономического пространства в изменениях информационного сообщества, осуществляется через: 1) применение цифрового приоритета в развитии самой компании; 2) вовлечение в процессы обмена технологиями и инновациями с другими предприятиями; 3) построение внутри фирмы концепции информационного общества нового поколения; 4) преобразование информационных процессов между субъектами экономической деятельности.

Динамика построения современного информационного общества, в рамках геоэкономического пространства, раскрывает особенность взаимоотношений между субъектами хозяйственного, производственного и промышленного назначения при выполнении современной программы внутрифирменного планирования в период кризисного времени, что приводит к более легкому прохождению санкций и других хозяйственных и правовых ограничений, и тем самым осуществляется движение вперед. Позиционирование современной компании, фирмы, предприятия в проектах мирового разделения труда при создании конечного товара, продукта, услуги, дает им возможность реализовывать свои планы в условиях ограниченного перспективного хозяйственного сотрудничества [3, с. 96]. Геоэкономическое пространство локализует компании в контексте внешнеэкономических связей, что придает этому процессу эффективность использования ресурсов производства для создания новых товаров при усилении технико-экономических отношений. В технологической и инновационной сфере основными показателями использования результатов труда, является уровень потребления отечественных и иностранных товаров, продукции и услуг в разных сферах промышленного спектра развития основных фондов постиндустриального производителя.

Сущность цифровой среды предопределяет оптимальные тенденции технологического производства в условиях современных технико-экономических отношений, при которых формируется кооперация производственного процесса в рамках информационно-технического взаимодействия, и где концентрация производства, при использовании высоко технологических товаров, продукции и услуг, опережает всю способность компании заниматься цифровым и информационным производством. Такая особенность цифровой среды раскрывает для информационного общества связи воспроизводственного механизма при распределении конечного результата своей экономической деятельности [4, с. 547]. Стратегический характер использования технологических ресурсов предприятия в ситуации нового геоэкономического пространства формирует: 1) технико-инновационное развитие современной транснациональной корпорации; 2) информационно-промышленное совершенствование деятельности предприятия; 3) научно-производственное использование новых наработок в своем рыночном сегменте; 4) хозяйственное применение учетно-технологического механизма в структуре компании; 5) информационно-коммуникационное регулирование взаимосвязей организации. Контроль и ответственность за экономические результаты от деятельности такого направления в среде информационного и цифрового использования лежит на компании, которая показывает, что, как и для кого необходимо создавать в современном постиндустриальном обществе [5, с. 384].

Активность цифровой среды осуществляется в многообразии применения всех потенциальных позиций информационно-технологического действия фирмы, где на любом уровне конъюнктурного колебания функционируют рыночные механизмы макроэкономического характера, и тем самым потребительское общество рассматривает современные наработки в сфере информационных технологий как одну из данностей и условий существования определенного социального класса. В ситуации транзитивного приоритета промышленно-инновационного вектора предприятия, воспроизводственный цикл любого субъекта хозяйственной деятельности определяет для цифровой среды точки опоры на дальнейшую перспективу технико-организационного преобразования [6, с. 82]. Открытость цифровой среды позволяет действовать в период экономической и хозяйственной трансформации через: 1) реализацию технико-инвестиционного подхода к возможностям фирмы; 2) осуществление контроля над стратегией технологического и цифрового фактора; 3) необходимость управления всеми ответственными решениями информационного характера. Деятельность фирмы в контексте цифрового использования ресурсов раскрывает интенсификацию информационно-производственного взаимодействия для дальнейшего приоритетного использования цифрового контента в своей рабочей сфере, где перспективы такого взаимодействия определяются в планировании компании на период среднего и долгосрочного отечественного переустройства технико-экономических отношений.

Интеграция субъекта экономической деятельности в рамках его стратегических хозяйственных возможностей, определяется через использование всего потенциала производственного, промышленного, технологического характера ответственности ее применения. Сложность в реализации индивидуумов хозяйственного сотрудничества, показывает необходимость усовершенствования планирования в развитии современного цифрового, информационного и технологического производства [7, с. 45]. Все процессы взаимодействия интеграционного направления, раскрывают следующие приоритеты, а это: 1) информационно-производственное внедрение нового элемента в деятельности компании; 2) усиление внешнеэкономических отношений в сфере информационной стратегии; 3) преобразование цифрового пространства между всеми субъектами экономической деятельности; 4) хозяйственное взаимодействие в контексте нового использования информационных ресурсов постиндустриального общества. Такое интеграционное влияние на производство новой продукции, товаров и услуг современного информационного мира осуществляется как главенствующий фактор экономического развития самой компании, а также всех участников хозяйственного сотрудничества.

Особенность современного интеграционного взаимодействия прорабатывается через интернационализацию производственного, технологического и организационного применения, в условиях нового использования геоэкономического пространства, как направление инновационного совершенствования всего спектра выпускаемой продукции предприятия. Интернационализацию в стратегическом планировании компании рассматривают при некоторых экономических предпосылках современного изменения информационного общества [8, с. 21]. Возможность интернационализации в условиях цифрового технологического переустройства

общества, открывает для компании некоторые конкурентные преимущества, что предопределяет свойственную экономическую динамику нового информационного общества. Движение субъекта экономической деятельности в направлении инновационного преобладания, осуществляется внутри интернационализации при использовании механизма экономического развития фирмы, а это: 1) производство товаров, продукции, услуг нового цифрового характера; 2) осуществление хозяйственной деятельности в рамках современного информационного поля; 3) создание продукта интеллектуального применения в условиях интеграции компании. При этом у предприятия формируется устойчивое экономическое положение в среде информационного соперничества с другими средними и крупными конкурентными субъектами.

Эффективность государственного влияния в ситуации геоэкономического пространства, определяется управлением некоторыми активами государственных предприятий и компаний, что непосредственно приводит к увеличению и активности отдельных видов хозяйственной деятельности, при непосредственном участии государственного механизма управления. В этот момент раскрываются главные направления государственной экономической политики в области информационного развития страны, что непосредственно влияет на: 1) совершенствование всего хозяйственного взаимодействия государственного управления в сфере информационной стратегии; 2) формирование нового подхода при реализации цифровой политики страны; 3) систематизацию экономических отношений частных и государственных компаний в области информационных технологий. Спектр государственного влияния в условиях переходного периода на деятельность предприятия информационного направления, осуществляется как фактор организационного, правового и цифрового взаимодействия [9, с. 76]. Участие государственных компаний в этот период формируют синергетический эффект с частными компаниями, что непосредственно оказывает влияние на взаимопроникновение технико-экономических отношений между всеми субъектами хозяйственной деятельности. Такое соединение предопределяет информационный потенциал всех участников нового технологического сотрудничества в поиске современного информационно-производственного тренда в своем развитии, где финансирование некоторых проектов осуществляется при использовании бюджетного вливания в сферу информационных технологий.

Функционирование государственного влияния в стратегии преобразования информационного общества, осуществляется с использованием ноу-хау цифрового комплекса технологического преобладания в условиях геоэкономического пространства. Реализация контрактов с отдельными частными фирмами и их ассигнование, помогает предпринимательским структурам создавать продукцию, товары и услуги в сфере информационных технологий, в соответствии с новым информационным, инновационным, промышленным и технологическим решением. Оперативность экономического и производственного фактора только усиливает высоко конкурентное начало в деятельности такого субъекта, что реализует для него современную форму взаимодействия частного сектора экономики и государственной структуры управления характерного взаимодействия в совместной деятельности экономических субъектов. Фундаментальные концессионные соглашения, в этот период возникают в процессе деятельности этих компаний, и всегда рассматривает такие позиции как: 1) своевременность предпринимательских структур в участии определенной деятельности; 2) ответственность сторон государственного и частного партнерства в решении договорных условий. Особенность такого времени заключается в интенсивном развитии компании, где информационное пространство помогает субъектам экономической деятельности в их производственном, хозяйственном и цифровом преимуществе.

Современный корпоративный сектор экономики в условиях геоэкономического пространства, выходит на новый уровень технологического положения при непосредственном участии всех субъектов корпоративного сообщества, а это отечественные корпорации в цифровой сфере и крупные транснациональные корпорации информационного и технологического направления, которые и создают перспективные товары, продукцию и услуги цифрового назначения. Корпоративный сектор в этот период определяет возможности информационного поля для многих участников хозяйственной деятельности, где их эффективность раскрывается в структуре нового инновационного и научно-технического преобразования корпорации [10, с.46]. Механизм действия корпоративного влияния на информационный потенциал современного общества заключается в разработке программ цифрового обеспечения, при котором индивидуумы приобретают новые возможности информационного воздействия, и где основное событие заключается в реализации и потреблении конечного продукта цифрового вектора.

Крупные транснациональные корпорации в области информационной сферы, представляют для общества перспективные товары и продукты цифровой среды, где геоэкономическое пространство является необходимым помощником в продвижении этих товаров и продукции. Всеобщая взаимосвязь производителя информационной и цифровой продукции, предоставляет потребителю многообразие в выборе цифрового продукта, что создает среди производителей высокую степень заинтересованности в качестве своего товара, продукции, услуг. В этот момент для производителя, решается вопрос о необходимом быстром передвижении своего товара, продукции, услуг, в ситуации изменения рыночной конъюнктуры, в условиях нового использования своей позиции на рынке, т.е. передвижение продукции из страны в страну. Применение крупными корпорациями такого цифрового приоритета, раскрывает новое формирование стратегии, а это: 1) совершенствование информационного пространства для корпорации; 2) увеличение производственно-инвестиционного потенциала корпорации; 3) усиление промышленно-технологического проектирования в деятельности корпорации. Это непосредственно выводит корпорацию на совершенно другой уровень позиционирования на рынке, как внутри страны производителя цифрового товара, продукта, услуги, так и действие в других государствах мира.

Необходимость нашей страны совершенствования и преобразования цифровой среды в период санкций, определяется ее укреплением отечественного сегмента информационного и цифрового пространства, где ограничения иностранного контента не всегда оказывает отрицательное значение в преобразовании экономического и институционального положения фирмы. Иностранное ограничения, в условиях геоэкономического пространства, т.е. санкции и рестрикции, которые появились в последнее время, сдерживают некоторые отрасли отечественной экономики в обмене товарами, технологиями, ноу-хау, а это приводит российских хозяйствующих субъектов к положению высокого монопольного состояние на нашем внутреннем рынке производителей. В таком состоянии, внедрение дополнительных производственных мощностей для изменения и замещения импортного товара хозяйствующий субъект реализует свое монопольное положение в контексте: 1) увеличение прибыли компании; 2) инвестиционного развития предприятия в перспективных проектах; 3) технологического совершенствования промышленного уровня фирмы; 4) использование собственных ресурсов производства для формирования нового продукта инновационного характера.

Отечественные возможности экономического сотрудничества в период рестрикции, которые наложены некоторыми иностранными компаниями на российских производителей, рассматриваются как преодолимые барьеры временного характера, где ответственность за конечный результат не обременяет российские компании отрицательным фактором, т.е., например, выплаты штрафов, выплаты неустойки и т.д. В наше время осуществляется функционирование новой отечественной модели организационной, производственной и правовой структуры управления, при которой влиятельные межправительственные и неправительственные органы, крупные отечественные корпорации, большие интеграционные объединения, показывают весь спектр своего информационного потенциала. Такие тенденции государственного и частного применения, в условиях санкций, реагируют на перспективные направления развития современного отечественного промышленного, предпринимательского и управленческого класса.

Таким образом, геоэкономическое пространство в изменениях современного информационного общества, создает для субъекта экономической деятельности функционирование рыночного механизма, при котором информационное и цифровое поле дает субъекту возможность реализовывать свои конкурентные преимущества в рамках его производственного потенциала. Трансформация нового инновационного и цифрового применения, обеспечивает современному информационному обществу условия постиндустриального развития, вследствие чего, происходит стремительное ускорение для компаний и предприятий организационно-промышленное и инвестиционное формирование нового аспекта технико-экономических отношений.

Список источников

1. Кудряшов А. А., Шолина А.И. Инфраструктура цифровой экономики // Актуальные вопросы современной экономики. 2018. № 5. С. 25-32.
2. Игнатова Т. В., Черкасова Т.П. Институты и технологии цифровой экономики как факторы инновационного роста России // Друкеровский вестник. 2020. № 2 (34). С. 5-14.
3. Старостенко К.В., Чекулаев А. А. Геоэкономические аспекты современной глобализации // Экономические и гуманитарные науки. 2018. № 3 (314). С. 89-100.

4. Семячков К. А. Трансформация общественного сектора в условиях цифровой экономики // Журнал экономической теории. 2018. № 3. С. 545-548.
5. Козлов А.Н. Воздействие социально-экономических отношений на устойчивость цифрового сообщества // Экономический журнал. Экономика: вчера, сегодня, завтра. 2021. № 8А. Т. 11. С. 380-387.
6. Чечулин А. В. Коммуникационные технологии в социальной сфере. М.: Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (РГПУ), 2017. 116 с.
7. Новикова И.В. Геоэкономика как «Новая мировая сетевая экономика» Монография. Издательство: Palmarium Academic Publishing. 2016. 80 с.
8. Борисюк Н. К., Смотрина О.С. Механизм развития цифровой экономики в регионе: трактовка понятия // Интеллект. Инновации. Инвестиции. 2018. № 7. С. 18-22.
9. Хлопов О. А. Геоэкономика как аналитический подход в исследовании современных глобальных тенденций // Вестник Евразийской науки. 2020. № 2. Том 12. С. 76-78.
10. Иноземцева С. А. Технологии цифровой трансформации в России // Актуальные проблемы экономики, социологии и права. 2018. № 1. С. 44-47.

Referenses

1. Kudryashov A. A., Sholina A. I. Digital Economy infrastructure. *Aktual'nye voprosy sovremennoj ekonomiki = Topical issues of the modern economy*. 2018;(5):25-32. (In Russ).
2. Ignatova T. V., Cherkasova T. P. Institutions and technologies of the digital economy as factors of innovative growth in Russia. *Drukerovskij vestnik = Drucker's spring*. 2020;2(34):5-14. (In Russ).
3. Starostenko K. V., Chekulaev A. A. Geo-economic aspects of modern globalization. *Ekonomicheskie i gumanitarnye nauki = Economic and humanitarian sciences*. 2018;3(314):89-100. (In Russ).
4. Semyachkov K. A. Transformation of the public sector in the digital economy. *Zhurnal ekonomicheskoy teorii = Journal of Economic Theory*. 2018;(3):545-548. (In Russ).
5. Kozlov A. N. The impact of socio-economic relations on the sustainability of the digital community. *Ekonomika: vchera, segodnya, zavtra = Economics: Yesterday, Today and Tomorrow*. 2021;11(8A):380-387. (In Russ).
6. Chechulin A. V. *Communication technologies in the social sphere*. Moscow: A. I. Herzen Russian State Pedagogical University (RSPU); 2017. 116 p. (In Russ).
7. Novikova I.V. *Geoeconomics as a "New World Network Economy"* Monograph. Publishing house: Palmarium Academic Publishing. 2016. 80 p. (In Russ).
8. Borisjuk N. K., Smotrina O. S. The mechanism of development of the digital economy in the region: interpretation of the concept. *Intellekt. Innovacii. Investicii = Intelligence. Innovation. Investment*. 2018;(7):18-22. (In Russ).
9. Khlopov O. A. Geoeconomics as an analytical approach in the study of modern global trends. *Vestnik Evrazijskoj nauki = The Eurasian Scientific Journal*. 2020;12(2):76-78. (In Russ).
10. Inozemtseva S. A. Technologies of digital transformation in Russia. *Aktual'nye problemy ekonomiki, sociologii i prava = Russian Journal of Economics and Law (RusJEL)*. 2018;(1):44-47. (In Russ).

Информация об авторе

А. Н. Козлов – канд. экон. наук, доц. кафедры политической экономии и экономической политики Южного федерального университета.

Information about the author

A. N. Kozlov – Candidate of Economic Sciences, Associate Professor of the Department of Political Economy and Economic Policy of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 14.08.2022; одобрена после рецензирования 26.08.2022; принята к публикации 29.08.2022.

The article was submitted 14.08.2022; approved after reviewing 26.08.2022; accepted for publication 29.08.2022.

Original article

FEATURES OF CHINESE SOCIO-ECOLOGICAL-ECONOMIC POLICY TO STIMULATE SUSTAINABLE URBAN DEVELOPMENT: THE CASE OF HANGZHOU CITY

Elena I. Lazareva¹, Libin Ni²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

²871688596@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-8329-589X>

Abstract. Scientific and technological progress, accompanied by the rapid process of urbanization, has caused a significant change in the socio-ecological-economic environment, which is particularly reflected in the state of the environment of modern cities. Big cities are a striking example of anthropogenic change in the socio-natural environment, and not always intentional. The article uses the example of Hangzhou to analyze in detail the current situation in the social, environmental and economic spheres of the urban system, assessing the degree of their sustainability. The characteristics of socio-environmental-economic policies of the People's Republic of China aimed at promoting sustainable urban development are revealed and systematically analyzed. It analyzes the influence that current fluctuations in the global economic situation have on socio-economic policy. It is demonstrated that the development of socio-eco-economic policies to promote sustainable urban development will lead to an improvement in the quality of the urban environment, and, as a consequence, an improvement in the quality of life in Chinese megacities.

Keywords: socio-ecological-economic policy, sustainable urban development, stimulation, urban system, economic policy

For citation: Lazareva E. I., Libin Ni. Features of Chinese socio-ecological-economic policy to stimulate sustainable urban development: the case of Hangzhou city. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):149–156. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-149-156>

Проблемы экономики

Научная статья

УДК 338.23

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-149-156

ОСОБЕННОСТИ СОЦИО-ЭКОЛОГО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ ПОЛИТИКИ КИТАЯ ПО СТИМУЛИРОВАНИЮ УСТОЙЧИВОГО РАЗВИТИЯ ГОРОДОВ: КЕЙС ГОРОДА ХАНЧЖОУ

Елена Иосифовна Лазарева¹, Либин Ни²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹elazareva@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5829-5372>

²871688596@qq.com, <https://orcid.org/0000-0002-8329-589X>

Аннотация. Научно-технический прогресс, сопровождающийся бурным процессом урбанизации, вызвал значительное изменение социо-эколого-экономической среды, что особенно отразилось на состоянии окружающей среды современных городов. Большие города являются ярким примером антропогенного изменения социоприродной среды, причем не всегда преднамеренного. В статье на примере города Ханчжоу детально анализируется современная ситуация в социальной, экологической и экономической сферах городской системы, дается оценка степени их устойчивости. Выявляются и системно анализируются характеристики социо-эколого-экономической политики Китайской Народной Республики, нацеленной на стимулирование

устойчивого развития городов. Анализируется влияние, которое оказывают на социо-эколого-экономическую политику современные флуктуации глобальной экономической ситуации. Демонстрируется, что развитие социо-эколого-экономической политики по стимулированию устойчивого развития городов приведет к повышению качества городской среды, и, как следствие, к повышению качества жизни в китайских мегаполисах.

Ключевые слова: социо-эколого-экономическая политика, устойчивое развитие городов, стимулирование, городская система, экономическая политика

Для цитирования: Лазарева Е. И., Либин Ни. Особенности социо-эколого-экономической политики Китая по стимулированию устойчивого развития городов: кейс города Ханчжоу // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 152–159. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-152-159>

Three dimensions of sustainable urban development

In 1987, sustainable development was proposed for the first time. According to Brundtland Report, sustainable development is defined as the development that meets the needs of the present without compromising the ability of future generations to meet their own needs [1]. The balance of social, ecological and economic sustainable development is the central idea of the sustainable development concept [2-4]. Urban sustainable development is an important concept in the sphere of sustainable development for the major role the city plays in human society. Therefore, urban sustainable development is the basis of national sustainable development.

Urban sustainable development mainly focuses on the sustainable development of cities from the perspective of resources, environment, economy and society. W. Betal, Y. Pan and Q. Wang with co-authors hold that a city should make rational use of its own resources, pay attention to the using efficiency for the benefit of contemporary people and future generations in order to achieve sustainable development [5-7]. From the perspective of environment, W. F Tjallingii deems that the environmental problems cannot be left to the future generations and regards the sustainable city as the city of responsibility and obligation. Who proposes that the sustainable development of cities should make the urban economy evolve towards the more efficient, stable and innovative direction based on the minimum utilization of resources. According to O. Yiftachel, in the aspect of society, the sustainable development of cities should pursue a city with great development of culture, human communication, social welfare and information dissemination, featured by stability, vitality and fairness [8].

As the center of electronic commerce, Hangzhou is an emerging city in China recently. From an ordinary tourist city, it has developed into an Internet city which aims to build “the first city of digital economy” in China. In the end of 2017, Hangzhou’s GDP accounted for 1.5% of China’s total, 0.7 percentage points higher than that in 1978, ranking the tenth among all the cities in China.

In 2001, Hangzhou government issued *Construction planning of Hangzhou ecological city*, in which the economic structure, industrial system, ecological system and social management system that meet the requirement of sustainable development would be completed by the year of 2020 according to plan. In 2016, the global working conference of ISO Technical Committee on urban sustainable development standardization (ISO/tc268) was held in Boston. Hangzhou was officially awarded as the world’s first pilot city of international standard for urban sustainable development (ISO37101). Hangzhou has thus become the world’s first standardization leader of urban sustainable development. In 2019, Jianggan District (Hangzhou central business district) has made a comprehensive and significant improvement in the six major aspects of attraction, happiness, resilience, social cohesion, rational utilization of resources and environmental protection after three years’ experiments. Through the test results, Jianggan District has finally become the world’s first international standard demonstration district for urban sustainable development.

Methodology for socio-ecological-economic policy to stimulate sustainable urban development assessing

The methodological basis of the author's approach was the innovation-cyclical paradigm of urban systems’ sustainable development. According to this methodology, the achievement of a particular level of well-being by present and future generations depends steadily on the quality of the accumulated resources – not only productive, but also human, social, and environmental [9, 10].

In the framework of this methodology, the model of comprehensive assessment of socio-environmental and economic policies to stimulate sustainable urban development should be based on the criteria of social, environmental and economic efficiency. Social criteria include employment, quality of life, social security, availability of social infrastructure. To environmental criteria – indicators of environmental safety and justice, biodiversity conservation, public health, water quality, environmental pollution. The components of the group of economic criteria are capitalized income, economic security, innovative activity, preservation of human and natural capital.

Results and suggestions

As part of the study, the prospects of using the methodology of sustainable development of urban systems were demonstrated. The analysis of the socio-economic policy of Hangzhou allowed the authors to identify the key factors that shape the strategy of sustainable development of Chinese urban systems.

Speaking of the social aspects of Hangzhou's policy of promoting sustainable development, the following achievements should be noted.

Hangzhou, as the only city selected as one of "China's happiest cities" for 13 consecutive years, was awarded the honor of "happiness model city" by the organizing committee in 2019. Hangzhou's permanent resident population increased by 554000 in 2020, with the growing rate ranking first in China.

In 2011, the public bicycle system was evaluated as one of the eight cities that provided the best public bicycle service in the world by BBC. In 2017, Hangzhou had 85,800 bicycles, and these bicycles had been rented for more than 700 million times, of which 96% are free. At the same time, it has introduced concepts and technology to more than 200 cities (regions) in China. It effectively reduced urban congestion in a low-carbon way and has become the largest public bicycle system in the world. These bicycles were called as "the red bike" by the citizens of Hangzhou. As the integral component of the public transportation of Hangzhou, "the red bike" is the important hallmark of Hangzhou.

In 2014, Hangzhou published the "Nursing service standard of care facility for the disabled", which is the first local standard in China. It includes basic nursing service, rehabilitation training system, security guard service, medical system and social welfare system. It vividly explains the standards of service, management and supervision of the care facility. The satisfaction rate of the family of the disabled has reached 90%. By the end of 2020, Hangzhou has established 188 care homes for the disabled people. The measures of Hangzhou government have outpaced the other provinces of China.

The Spring Breeze Action Plan in Hangzhou has raised a total of 2.225 billion yuan (\$0.34 billion) of social funds, 659 million yuan (\$101.81 million) of supplementary funds from all levels of finance, and more than 52,800 units and 3.15 million people have donated to the "spring breeze action plan" since 2000. The donation is used to help the poor and disabled people, to provide better employment services for female graduates and medical care to those people who cannot afford it. The "spring breeze action" is deeply rooted and widely praised in Hangzhou.

From the beginning of 2020, each new college graduate in Hangzhou could receive a housing subsidy of 10000 yuan (\$1544.88) for three consecutive years. Each enterprise employee who rented a house could receive a housing subsidy of 500 yuan (\$77.24) per month during the epidemic period. In the end of 2020, people were encouraged to spend Spring Festival which is the most important traditional festival in China at where they lived this year in order to curb the spread of the novel coronavirus. Hangzhou government offered 1,000 yuan (\$154.49) to those people who chose to spend Spring Festival in Hangzhou.

Innovative management tools are constantly used in the city management system. The City Brain system of Hangzhou, was a system established by Hangzhou government and Alibaba. It was dubbed as "Hangzhou's gift to the world". It originated from 2016 and has been applied in 13 spheres including transportation, medical care, police work, tourism, city governance and 48 platforms such as parking, renting, hotel accommodation, food safety supervision, domestic violence prevention and traffic jam warning. As for the citizens, they could solve the problems of eating, transportation, travel and shopping with ease with a mobile phone. As to the government, the appearance of the City Brain system brings fundamental change to the governance of Hangzhou with a mobile phone. By using the City Brain, patients were able to pay only once for the entire medical consultation at 252 medical institutes. More than 22 million Hangzhou residents have benefited from this at the hospital.

The City Brain uses artificial intelligence to gather information around Hangzhou, such as video of GPS data and intersection cameras on the location of the vehicles on the road. At the same time, the platform analyzes different information as it coordinates thousands of traffic lights in the city with the purpose of preventing or reducing traffic jam. After two years of testing, the City Brain system appears to be working. The City Brain shortened commutes and also helped first responders by enabling fire trucks and ambulances to halve the amount of time it takes to get to the scene of emergencies. By 2025, cities using such systems could cut commutes by an average of 15% to 20%. Alibaba's platform has been applied by many other Chinese cities and was introduced to Kuala Lumpur in 2018, the capital of Malaysia [11].

In the process of COVID-19 epidemic control and prevention, the City Brain system helped the government to tackle with the threat of the pandemic by using big data and artificial intelligence. After the outbreak of the pandemic in 2020, Hangzhou's City Brain rapidly changed from daily operation to "wartime" state. The outbreak of the pandemic coincided with the Spring Festival, which leads to the world's largest migration. After the festival, millions of people would go back to their workplace, which was a challenge to the control of the pandemic. In this situation, a color-based health QR code to indicate personal health status was first developed by Alibaba and first applied in Hangzhou. Then the health QR code was rolled out around the country. The City Brain provides a new perspective to control the pandemic and meets the challenge of the epidemic. It ensures the safety and health of the common people and the social sustainable development.

The tools of environmental sustainability also receive considerable attention in Hangzhou's urban management.

Hangzhou is the capital city of southeast China's Zhejiang province, with a history of more than 2,000 years. Dubbed the "Paradise under Heaven", the city is well known across the globe for its splendid natural scenery, numerous historical relics, fine silk and Longjing tea.

Hangzhou also continuously deepened the construction of ecological system, paced the whole nation in establishing ecological compensation mechanism, explored the establishment of pay-offs and strategies for pollution reduction, developed the regulation system and issued policies and regulations such as "Regulations on promoting ecological development in Hangzhou".

Hangzhou has two world natural and cultural heritages, two national scenic spots, two national nature reserves and eight national forest parks. In 2018, the city's forest coverage rate is 66.83% while the green coverage rate is 40.2%. Meanwhile, the city's Green Park area is 8,950.48 hectares. Altogether these figures make the city more ecological and habitable.

Hangzhou is noteworthy for its rich resource of lake and river as a tourist destination. However, there were different degrees of water pollution in the six major water systems of Hangzhou in recent years. All kinds of garbage were poured to the rivers.

Since 2017, Hangzhou government has shut down 70 paper-making enterprises with a capacity of more than 5 million tons, and reduced wastewater discharge by 60 million tons a year. Hangzhou government checked the water quality every month and issued "red, yellow and orange" warning according to the result. The relevant warning was passed to the local government of the districts in time.

Garbage sorting has been enforced in Hangzhou since 2010. Different measures are taken to encourage the citizens to sort the garbage. In some supermarkets in Hangzhou, some kinds of waste could be exchanged for daily necessities. Construction waste is processed into bricks, and the recycling rate has reached 97%. Silt from river dredging is used as the fertilizer for flowers. Altogether after the cleanup it has renovated 480 heavy polluting enterprises and 402 water-related industries, eliminated 1,421 backward capacity enterprises. People's satisfaction with water control increased from 60% in 2014 to 92.5% in 2019 [6].

Just like other cities in China, smog began to shroud Hangzhou from 2013. Hangzhou government issued a series of measures to control pollution and pledged to crack down on polluters and negligent officials.

In 2014, Hangzhou government listed smog control as the top priority of the government's agenda and lost no time in publishing "Regulations on the prevention and control of air pollution". It established the joint prevention and control mechanism of air pollution with Jiangsu province, Zhejiang province, Anhui province and Shanghai.

Over the past few years, Hangzhou has built a "coal-free area" in the main urban area, gradually phasing coal-fired enterprises out. It strengthened the management of vehicle exhaust pollution, abandoned more than 300,000 old cars, and actively promoted new energy vehicles. Now, in the streets of Hangzhou, clean energy and new energy buses account for 97.7%. At the end of 2015, Hangzhou took the lead in transforming into a city without iron and steel production enterprises and coal-fired thermal motor units. In Table 1, it is evident that the smog has been controlled by the government.

Таблица 1 – Ежегодное количество дней в Ханчжоу с высоким уровнем загрязнения атмосферы¹

Table 1 – The statistics of days that are polluted with smog in Hangzhou

Item \ Years	2013	2014	2015	2016	2017	2018
Days that are polluted with smog	239	154	106	75	68	59

The next important area of urban management in China is the management of tea plantations. West Lake Longjing tea is well-known to the world. West Lake scenic spot is the major production area and first-class protection area of West Lake Longjing tea, covering seven Longjing tea bases, with an area of more than 6,000 mu (about 400 hectare). The project team collected 83 technical standards, management standards, work standards and operation standards related to West Lake Longjing tea, including 30 newly formulated and revised standards and additional relevant management systems. Combined with the promotion and implementation of the standard, the scenic area invested tens of millions of funds in the construction of large-scale ecological infrastructure, such as beautiful tea garden trail, tea garden reservoir, tea garden sprinkler irrigation facilities, and tea garden ecological multiple cropping, which greatly improved the ecological environment of tea garden.

In 2016, the pilot project of "mutual recognition and mutual protection between China and Europe" was launched. "China-EU mutual recognition and mutual insurance project" was jointly promoted by Administration of Quality Supervision, Inspection and Quarantine in China and the European Commission. The project specifies that 10 products designated by China can be approved to use the official marks of EU geographical indication products, and are protected by 28 EU member states. The pilot project means that West Lake Longjing tea has obtained the EU passport, which opens the door for West Lake Longjing tea to the world.

The economic aspect of sustainability remains a key policy vector for promoting sustainable urban systems in China.

Hangzhou is the perfect combination of efficient market and efficient government. As a tourist destination, Hangzhou began to develop industry at the beginning of 21st century. The development of Hangzhou could be divided into four periods: the period of industry, the period of electronic commerce, the period of digital economy and the period of livestreaming industry. In Table 2, it is obvious that the flourishing of the tertiary industry makes the urban economy evolve towards the more efficient, stable and innovative direction based on the minimum utilization of resources.

As an old member of the trillions club, Hangzhou's GDP reached 1537.3 billion yuan (\$237.5 billion) in 2019, with a real growth rate of 3.9%, 1.6 and 0.3 percentage points higher than that of the whole country and the whole province respectively. Its total economic volume exceeded 1.6 trillion yuan (\$0.25 trillion) for the first time, and its comprehensive strength reached a new level.

¹ <http://epb.hangzhou.gov.cn/col/col1692934/index.html>: Hangzhou Municipal Ecology and Environment Bureau

Таблица 2 - Основные показатели национальной экономики КНР¹

Table 2 – Major indicators of National Economy of the PRC

Items \ Years	2000	2005	2010	2015	2019
GDP (\$100 million)	215.61	459.41	934.58	1621.39	2374.95
Primary Industry (\$100 million)	16.06	21.67	31.72	43.10	50.32
Secondary Industry (\$100 million)	110.90	235.48	442.06	638.64	753.14
Tertiary Industry (\$100 million)	88.65	202.26	460.80	939.65	1571.49

In 2002, Hangzhou implemented the policy of “prospering the city through industry”. The government focused on the construction of five industrial bases: machinery, textile and clothing, food, electronic communication and medicine. This policy was controversial at that time for the industry was synonymous with pollution to most citizens. They thought Hangzhou should not develop industry because it was a tourism city.

In 2007, the development of industry in Hangzhou was featured by the upgrading and developing traditional advantageous industries, moderately developing new heavy chemical industries and vigorously developing high-tech industries. Hangzhou government tried to find a new way of industrialization with high scientific and technological innovation, good economic benefits, low resource consumption and less environmental pollution.

In 2004, Hangzhou government implemented policies to encourage people to start a business. In that situation, many people chose to start their own business rather than work in the traditional industries. Supported by Hangzhou government, Alibaba Group gradually grew into a company that is known to the world several years later. The government provided a platform to Alibaba, which took advantage of the Internet and grew from a 159-square-meter building to the biggest electronic commerce in the world.

Influenced by Alibaba which is regarded as the giant of electronic commerce in China, Hangzhou government caught the opportunity of electronic commerce and aimed to build a city of electronic commerce. In 2018, Hangzhou proposed to build the first city of digital economy in China. In 2019, Hangzhou’s online retail sales reached 727.77 billion yuan (\$112.43 billion), an increase of 37.2% over 2018, accounting for 36.8% of the total online retail sales in Zhejiang province [12].

With the development of electronic commerce, many new industries such as the digital economy and other Internet-based industries appear. These industries are environment friendly. As Table 3 shows, from the city of mobile payment, Paradise Silicon Valley and Internet finance, to the first city of digital economy and the global city of cross-border e-commerce, the tertiary industry of Hangzhou is developing rapidly, which deepens the supply-side reform of Hangzhou.

In recent years, Hangzhou’s digital economy has achieved considerable success in e-commerce, financial technology, mobile payment, sharing economy, urban governance and other application fields, and some of them are leading the world. However, Hangzhou still lacks core technology in artificial intelligence, high-end chips, big data, cloud computing, and other industries for traditional enterprises.

¹ Hangzhou Statistical Yearbook-2020. Available at: <http://zjjcmspublic.oss-cn-hangzhou-zwynet-d01a.internet.cloud.zj.gov.cn/> (accessed on February 25th, 2022).

Таблица 3 – Цифровая экономика КНР (2018-2019гг.¹)

Table 3 – Digital Economy of the PRC (2018-2019)

Item	Revenue from Principal Business in 2018 (\$100 million)	Revenue from Principal Business in 2019 (\$100 million)
E-commerce	429	494
Cloud Computing and Big Data	380	455
Internet of Things	265	315
Digital Content	942	1170
Software and Information Service	1111	1375
Electronic Information Products	483	562
Manufacturing Industry		
Integrate Circuit Industry	30	44
Robot Industry	13	15

The development of livestreaming industry is also the element of sustainable urban development policy. Nowadays, Livestreaming refers to an e-commerce format and marketing and sales method. It combines live product demonstrations, time-limited pricing promotions, live negotiations, and instant ordering through online streaming services hosted by the online store. It originated in Hangzhou and Hangzhou also ranked first in China with live broadcast in the last four years. By 2022, the city's livestreaming turnover will reach 100 billion yuan (\$15.49 billion), with an annual contribution rate of 20% to the consumption growth.

The rapid development of livestreaming industry provides a large number of cheap and high-quality products to the society. Livestreaming is the fastest growing form of e-commerce in the world in recent three years.

Conclusion

According to the requirements of the international standards for urban sustainable development, the "PDCA" method is used by Hangzhou government to comprehensively promote the pilot work of international cities. The "PDCA" method was proposed by Walter A. Shewhart [13]. It could be represented by four words: plan, do, check and act. "Plan" refers to analyze the current development situation of Hangzhou and clarify the urban development goals and vision. "Do" aims to formulate the implementation plan, key points, division of labor and promotion measures according to the development priorities. "Check" is used to carry out review and performance evaluation according to the six sustainable development goals. "Act" tries to analyze and summarize the problems in order to make further progress.

Each city has a distinct development idea. Hangzhou has always attached great importance to urban sustainable development. As early as a few years ago, Hangzhou introduced the first universal urban sustainable development standard, and actively explored the standardization of social management and public services, and achieved fruitful results. In other words, Hangzhou is gradually bearing fruit on the road of seeking the "standard" of urban sustainable development.

References

1. Wahnschafft, R., Wei, F. Urban China: Toward Efficient, Inclusive, and Sustainable Urbanization. 2015; World Bank, Washington, DC.
2. Lazareva, E., Dong Y. Measuring the Value of Urban Green Space Using Hedonic Pricing Method. *EpSBS*. 2021; 116: 737-747.

¹ Digital Cities Index 2022: A Global Benchmark for Urban Technology. 2022; The Economist Group, London, New York, Geneva, Hong Kong, Singapore.

3. Zhong, L., Li, X., & Sun S. Developing Sustainable Urbanization Index: Case of China. *Sustainability*. 2020, 12: 4585.
4. Anopchenko, T.Yu., Lazareva, E.I., Murzin, A.D., et. al. Diversification of Regulatory Powers in Social, Environmental, and Economic Relations as a Factor for Stimulating Regional Development. *Lecture Notes in Networks and Systems*. 2021, 206: 561-570.
5. Betal, W. Sustainable Cities: Concepts and Strategies for Eco-City Development. 1994; Los Angeles: Eco-Home Media.
6. Pan, Y., Zhang B., Wu, Y., Tian, Y. Sustainability assessment of urban ecological-economic systems based on emergy analysis: A case study in Simao, China. *Ecological Indicators*. 2021, 121: 107-157.
7. Wang, Q., Liu, M., Tian, S., et. al. Evaluation and improvement path of ecosystem health for resource-based city: A case study in China. *Ecological Indicators*. 2021, 128: 107852.
8. Yiftachel, O., & Hedgcock, D. Urban social sustainability and the planning of an Australian City. *Cities*, 1993, 10: 139-157.
9. Lazareva, E., Anopchenko, T., Roshchina, E. Innovative Technologies of Land Resources Management for Sustainable Spatial Development of Urban Areas. *SGEM 2016 Proceedings*. 2016; 2: 327-334.
10. Lazareva, E., Anopchenko, T., Murzin, A. Human Capital in the System of Urban Territory Sustainable Development Management. *Green Technologies and Infrastructure to Enhance Urban Ecosystem Services*. 2020, Springer: 269-277.
11. Digital Cities Index 2022: A Global Benchmark for Urban Technology. 2022; The Economist Group, London, New York, Geneva, Hong Kong, Singapore.
12. Hangzhou Statistical Yearbook-2020. Available at: <http://zjjcmpublic.oss-cn-hangzhou-zwynet-d01a.internet.cloud.zj.gov.cn/> (accessed on February 25th, 2022).
13. Xie, M., & Mukherjee, A. Quasiquicentennial of birth of Shewhart. *Quality Technology and Quantitative Management*. 2017; 14(4).

Информация об авторах

Е. И. Лазарева – докт. экон. наук, профессор, зав. кафедрой «Инновационный и международный менеджмент» факультета управления ЮФУ;

Либин Ни – аспирант факультета управления ЮФУ.

Information about the authors

E. I. Lazareva – Doctor of Economics, Professor, Head of the Department of Innovation and International Management, Faculty of Management of Southern Federal University;

Libin Ni – graduate student of the Faculty of Management of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.08.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 31.08.2022.

The article was submitted 17.08.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 31.08.2022.

Original article

PROBLEMS OF THE FUEL AND ENERGY COMPLEX OF IRAQ: ANALYSIS AND POSSIBLE SOLUTIONS

Tatiana A. Makarenya, Obaidi Ahmed Ibrahim Hussein²

^{1,2}Southern Federal University, Taganrog, Russia

¹mta-76@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8251-3912>

²alual@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1478-602X>

Abstract. In this article, the authors analyze the state of the fuel and energy complex in Iraq. Authors try to make Iraq start a new path for development fuel and energy sector by reviewing investments in this sector. Iraqi Ministry of oil has announced ambitious plans to raise oil production and exports over the current decade by relying on foreign investment as a main means to achieve this increased production, and the main way for investors seeking to enter the Iraqi oil and gas market is growing by the oil licensing rounds announced by the Iraqi ministry of oil.

Keywords: Oil & Gas sector, Integrated National Energy strategy, Budget, Iraq

For citation: Makarenya T. A., Obaidi Ahmed Ibrahim Hussein. Problems of the fuel and energy complex of Iraq: analysis and possible solutions. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):157–164.* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-157-164>

Проблемы экономики.

Научная статья

УДК 330.357

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-157-164

ПРОБЛЕМЫ ТОПЛИВО-ЭНЕРГЕТИЧЕСКОГО КОМПЛЕКСА ИРАКА: АНАЛИЗ И ВОЗМОЖНЫЕ ПУТИ РЕШЕНИЯ

Татьяна Анатольевна Макареня¹, Али Аль-Убайди Ахмед Ибрагим Хусейн²

^{1,2}Южный федеральный университет, Таганрог, Россия

¹mta-76@inbox.ru, <https://orcid.org/0000-0002-8251-3912>

²alual@sfedu.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1478-602X>

Аннотация. В данной статье авторы анализируют состояние топливно-энергетического комплекса Ирака и, по результатам проведенного анализа разрабатывают рекомендации для того, чтобы вывести Ирак на новый путь развития топливно-энергетического комплекса. Министерство нефти Ирака объявило об амбициозных планах по увеличению добычи и экспорта нефти в текущем десятилетии, полагаясь на иностранные инвестиции в качестве основного средства для достижения этого увеличения добычи, и основной путь для инвесторов, стремящихся выйти на рынок нефти и газа Ирака.

Ключевые слова: нефтегазовый сектор, интегрированная национальная энергетическая стратегия, бюджет, Ирак

Для цитирования: Макареня Т. А., Али Аль-Убайди Ахмед Ибрагим Хусейн. Проблемы топливно-энергетического комплекса Ирака: анализ и возможные пути решения // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 157–164. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-157-164>

Introduction

Iraq is a rich country in oil, but its economy suffers from severe structural weaknesses. Iraq's proven oil reserves, which amount to about 143 billion /barrels, are among the highest in the world., which constitutes the third largest conventional oil reserves in the world after Saudi Arabia and Iran, and the costs of extracting oil are very low, and the increase in production since year 2003 has contributed to a rise in per capita GDP from \$1,300 in year 2004 to \$6,300 In 2013, Iraq, as is well known, needs to rebuild the infrastructure, re- build what was destroyed by wars, and revive the productive sectors (such as industry, agriculture and services), as well as the obsolescence of many industrial projects, which need to be reconstructed and modernized. At the same time, the Iraqi economy suffers from a large gap between revenues and expenditures, and insufficient savings to bridge the gap between foreign investments, to secure the minimum necessary resources, for reconstruction, as directing part of the oil surpluses to the sectors (industrial, agricultural, and service) is a necessity. An urgent need with clear strategic dimensions, because of the importance of these sectors and the goods they provide mostly for domestic consumption, and oil export revenues will remain the main source of financing the development of Iraq's economic sectors in the foreseeable future in order to reduce dependence on oil and increase day by day

Analysis of Iraqi economy and impact of fuel & energy sector

Iraqi economy wheel is heading towards development with deliberate steps, after oil sales achieved a financial surplus. Iraq will have a surplus of the difference in selling oil in the range of 20 billion dollars," stressing that "in the current financial abundance remained unlikely to resort to borrowing. the steps taken by the government, through the white paper that it announced after its formation, have clearly reflected on economic development .the government succeeded during two years of its work in achieving the highest rate of economic growth at the level of Arab countries, according to International Monetary Fund reports that expected the economic growth rate in Iraq to reach 9.5% during 2022 and 2023.Economists stress that Iraq needs to invest the financial surplus in the completion of large development projects, but with a delay in approving the budget for 2022, the investment of this money remains suspended.

The important investment accelerators are linked to the budget law for the year 2022, through the new investment spending doors and new investment programs, and not with the disbursement of 1/12 of the actual current expenditures in the year 2021. and he indicated that "the average oil revenues for the year 2022 will increase by no less than 60% of the revenues of oil exports for the year 2021, which means that there will be a large financial reserve available to the state at the end of the year that may exceed 40 billion dollars," noting that "Iraq has been placed at the forefront His priorities, which seek to enter the prospects of development and accelerated development, are to transcend the stage of the rentier economy or the mono-economy, as crude oil still constitutes the largest weight in the components of the gross domestic product.

The five-year and ten-year economic and social development plans are what determine the sectoral and overall growth rates to bring about a fundamental change in the contribution of the vital productive sectors other than the crude oil sector to the gross domestic product, which is called the diversification of the production structure of the overall economy.

The importance of changing production patterns and their components in employing labor and investing in national capital for the benefit of the real vital sectors, starting from maximizing the role of the agricultural sector in the gross domestic product and ending with the manufacturing industry and digital services, without forgetting that there is a major limitation on that diversification represented in by coherently undertaking investment in physical and institutional infrastructure.

The growth in the various sectors increases by a doubling rate whenever the rates of investment in the infrastructure of the economy increase, foremost among which are six sectors: electricity, water, transport, communications, education and health. Thus, nations progress on the basis that development management is joint between state programs and private sector programs in an integrated manner.

We can suggest the establishment of a fund or account concerned with the stability of the budget and fed annually with a percentage of the surplus oil revenues, to hedge against the risks of price fluctuations. increasing the cash reserves with the Central Bank to 90 billion dollars by the end of this year," noting that "the devaluation of the Iraqi dinar led to the preservation of foreign currency reserves with the Central Bank of Iraq after the low and critical levels that reached in the late year 2020".iraqi government expected that the continued recovery of oil prices will increase these reserves to more than 90 billion dollars by the end of 2022, which is a record level for Iraq," noting that "the depreciation of the Iraqi dinar against the US dollar in December 2020 contributed to the decline in demand." On the US dollar, while the current demand for the dollar is higher than the declines seen in 2020, it is much lower than the period before 2020 the total external and internal debts amount to more than 99 trillion dinars.

Oil is supposed to be directed to areas where the Iraqi economy suffers from a lack of funding, the most important of which is to bridge the deficit gap in the general budget, and to be directed to development purposes and improving the situation of the citizen, especially the health file, especially with the outbreak of the pandemic and the existence of phenomena suffocating hospitals, as well as providing expenses to meet the needs of the ration card and improve its quality.

The rise in oil prices can be called (the oil market uprising) due to three cases or problems that occurred in the oil market, which is the increased demand for fuel in Europe due to the decrease in European stocks by 11%, the withdrawal of the strategic oil stock by the United States of America, and the decline in exports to Kazakhstan, which is a member of OPEC. this increase represents successful and good indicators of reviving the Iraqi economy if it is used properly and correctly within the economic engineering in Iraq's oil policy, leading to the absorption of unemployment and the reduction of loans, which has become a burden on the Iraqi economy, the public budget and the Iraqi citizen in particular. it should follow the example of what some countries did by placing them within the strategy of supporting generations, as economists in oil policy tended to directly strengthen the sovereign fund of their countries," stressing "the need to take the right and proper measures in oil policy and achieve an increase in the economic system." In Iraq, as it is a fragile system, it does not adopt standards on how to use these increases so that they will be reflected on the Iraqi economy and citizens.

There is a new wave of high crude oil prices, and it is possible to invest this to break the financial constraint that prevents real economic development, and to invest large sums that can be allocated to activate the aspect." investment and the establishment of some strategic projects that generate goods and services and have an impact on achieving a qualitative leap for the Iraqi economy. the importance of working to establish a sovereign fund and a financial and economic buffer, because the rise in oil prices will not continue, and we will face in the coming years factors of a decline in prices, so this fund is important to maintain to ensure the future for future generations.

According to data of Iraqi ministry of finance , we can summarize the budget of Iraqi oil & gas sector in the Table 1 :

Table 1 – The budget of Iraqi oil& gas sector

Year	Budget(billions \$)
2015	15
2016	16.7
2017	15.1
2018	16.1
2019	18.5
2020	13.4
2021	11.5

Sources : prepared by Authors.

Now we can show the changes in the budget of Iraqi oil& gas sector as the following figure 1:

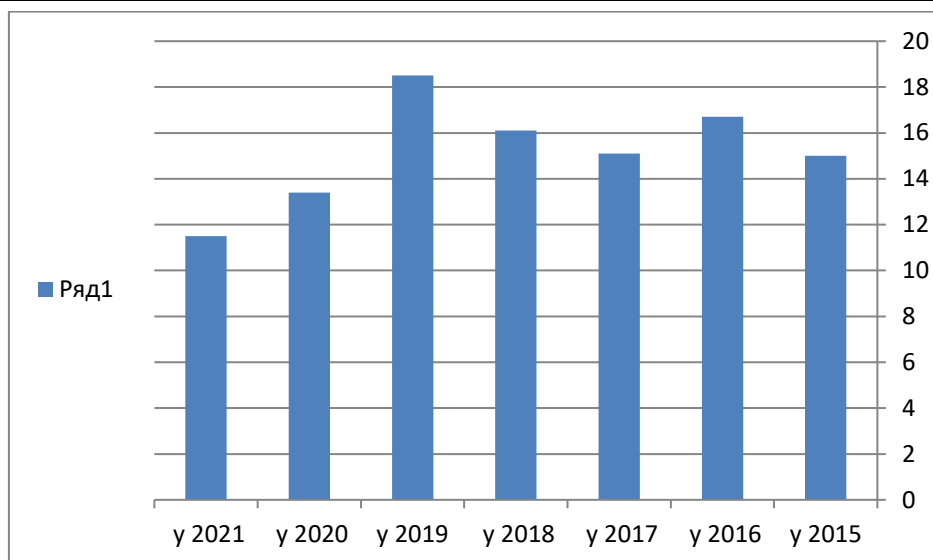

Fig. 1. Changes in the budget of Iraqi oil & gas sector

Sources: prepared by Authors

The planned budget for the energy sector (oil - electricity - dues of the Basra Gas Company) amounted to about 33,3 trillion Iraqi dinars in the 2021 year, and it constituted as a percentage of total spending about 25%, and the budget of the Ministry of Electricity amounted to about 17 trillion Iraqi dinars, mostly Current if it reaches about 14.3 trillion Iraqi dinars, of which 13.5 trillion is under the item of commodity requirements. As for capital, from the total, about 2.6 trillion dinars, and the budget of the Ministry of Oil amounted to about 15.1 trillion Iraqi dinars, most of which are dues for extractive oil companies included in the capital budget and amounted to about 13.6 trillion Iraqi, and the current oil budget amounted to about 2.5 trillion dinars. The problem of electric power in Iraq is represented in the asymmetry of demand and supply, especially in peak times, as Iraq needs approximately 28 gigawatts, which is available at peak times, with the total energy import not reaching nearly 18 gigawatts.

German company "Siemens" in the 2018 year offered Iraq a roadmap agreement to develop the electricity sector with a value of approximately 15 billion dollars, and in the 2019 year it was agreed with the two parties and as a first stage to award contracts worth 700 million euros, which includes the construction of a gas-powered electric power projects with a capacity of 500 megawatts in the Zubaidiya area, the construction of more than 13 stations and the supply of 40 gas turbines using cooling systems, and it pledged to provide more than 25 giga-watts 25,000 megawatts, i.e. 89% of Iraq's need for electric power at peak times, and the amount with the German Siemens is close to the budget of the Ministry of Electricity for the 2021 year only and not for all years of the general budget, so why did this agreement not continue. The experience of Egypt and its agreement with Siemens is not far away. Within 3 years, the company was able to build three stations, the largest in the company's history.

Siemens signed a deal worth the electricity problem is in large part an international and regional political one. Its motives are first, financial, and administrative corruption, and secondly, the failure to implement economic development plans and the disruption of the agricultural and industrial sectors so that the economy remains exposed to its foreign trade, which has a rate of openness of about 70%, and thirdly, social as a blazing fire every summer peak to ignite the Iraqi street.

Iraq needs a specialized company that addresses the problem of electricity radically, starting with structuring this sector, developing the current energy, and building additional stations to start the correct production process, and then addressing the transmission and distribution networks and dealing with energy losses. Its outputs, for example, are 20 megawatts, and here the energy sector loses about 10 megawatts, in addition to that, processing and restructuring the Ministry of Electricity and making it one of the (profitable) holding companies and setting up a system for collecting energy outputs, provided that the ministry provides capacities to meet the local demand to dispense with private generators and achieving self-sufficiency in this sector.

The experience of Iraq in the field of the oil industry is frustrating, although Iraq has been producing oil for nearly nine decades, but it has not succeeded in seriously initiating the export of that strategic resource in the form of oil products or derivatives, and it has not succeeded in the least in investing oil as a basic material that can be Thousands of recipes are extracted from it, which is the raw material for thousands of industries. The limited number of dilapidated refineries that are used to produce a limited number of oil products (quantitatively and qualitatively). The area of the oil industry has remained within its narrowest limits, which do not exceed its counterparts in the poorest countries in the world, including those that do not possess oil at all. What makes matters darker is the waste and corruption of oil wealth, as well as the manifestations of confusion, irrationality, and moodiness in making decisions and the policies adopted for the use and spending of oil revenues.

We can summarize the Main problems of Iraqi oil sector as following:

- 1) The insistence of a group of foreign oil companies that had wide concessions in the process of extracting and exporting Iraqi oil before the nationalization of oil in 1973, on exporting oil in crude form, and for considerations related to the unbalanced agreement that linked them to Iraq at that time.
- 2) The process of investment and development of the oil industries depended on a set of wrong administrative policies and irregular improvisational behavior, and a clear strategy was absent from it.
- 3) The deterioration of the pivot structure of the oil industries and their obsolescence, and this led to severe pressure on the energies of machinery and equipment in that sector with the intention of investing their energies to maximum limits without perpetuating or modernizing these equipment, and this matter made the pivot structure need billions of dollars to ensure the restoration of production energies, As for the refining and manufacturing capacities, it is an issue that requires another financial, temporal and technical horizon.
- 4) Investment in the oil industries is limited to national government projects, and the absence of other types of projects such as: local private sector projects, foreign private sector projects, joint projects between the government sector and the local and foreign private sectors.
- 5) The absence of a unified organizational strategy that combines the steps and decisions taken to develop this industry in specific time frames, quantity and digital marketing.
- 6) The lack of technical, technical and administrative training by the oil industry departments in a way that enhances its capabilities or provides it with new capabilities and skills.
- 7) The dispersion and scattering of the sites of the current industries and their lack of the necessary security protection for the management of work there.
- 8) A lot of advanced technical expertise that was working in the oil sector leaked to sectors unrelated to its specializations, or outside Iraq, despite the fact that all of these experiences have been spent huge amounts of money to train and refine their skills.
- 9) Weakness and failure to finance the development of the oil industries sector, and the prevalence of cases of administrative corruption.
- 10) Need for equipment to ensure continuity (and hence development).
- 11) Qualitative fluctuation, declining commitment to international quality standards, and the economy on producing products with backward and outdated quality specifications.
- 12) The oil industry's lack of a regular standard level of production (inconsistency in the qualitative level of production).

The first priorities of the oil policy in Iraq, is the reconstruction and rehabilitation of oil fields and facilities, the improvement of A new oil fields, the completion of exploration and oil exploration programs, the exploitation of natural gas in the widest economic sectors, the construction of new refineries for local consumption and export, training and rehabilitation of new oil owners, encouraging the local private sector, and emphasizing On the importance of legislating a clear and comprehensive petroleum law, which takes into account Iraq's great hydrocarbon potential, the state of destruction and neglect that befell that industry, and the scarcity of financial resources.

Methodology of solving the problems in Iraqi fuel & Energy Sector

The Iraqi government has prepared An "Integrated National Energy Strategy" by Company & Booz. International Advisory With the support of the World Bank, and under the supervision of a committee of advisors in the Council of Iraqi Ministers, in cooperation with each of the ministries (oil, planning, finance, industry and mining) and the environment to develop the energy sector (oil and natural gas) from year 2012 to year 2030 for increasing its production of Crude oil is widely used and developed to meet the stabilizing demand for oil.

Oil derivatives, as well as the development of facilities for the exploitation of natural and free natural gas during the development of gas fields discovered after concluding the necessary investment contracts with companies on providing employment opportunities and achieving huge financial returns for the Iraqi budget.

The energy strategy indicates that the development of the infrastructure of the energy sector (oil, gas, electricity) is an essential factor in achieving its goals, but the reality indicates the exact opposite. We indicate that the infrastructure of the energy sector is very underdeveloped, in the least developed and other efficient, lacks advanced technology, and urgently needs technical and financial investments. The purpose of developing it, as the wars and the accompanying deterioration significantly affected them after a year 2003 and destroy it. These actions have caused harm in many fuel and energy projects.

Problems may be including the smallest equipment, even the largest one of the gas and gas isolation stations in the oil fields, as its damages reached between 30-90% Oil pumping stations, production facilities and water pumping facilities whose damage rates ranged .nearly 90%, drilling equipment, generators, warehouses, workshops ,Spare parts, control and safety equipment, gasoline and LPG filling stations as well as the destruction of the infrastructure of the transmission towers of electric power and the problems of bypassing the network distribution and excessively high loads, which led to huge waste and energy losses electric power . as well as weak control and supervision over crude oil transmission lines and their exposure corrosion, leaching and problems of the crude oil extraction process, such as deterioration of quality specifications for crude oil and oil derivatives produced due to the lack of modern equipment and equipment, the lack of treatment of the pollutants present in the crude oil before they reach the ports, and the presence of cases of tampering and encroachment on pipelines, wells, installations and oil depots, bottlenecks in storage and pumping at sea berths, and low efficiency of the crude oil tanker, inaccuracy of measurement and control in the transportation and tuning of crude oil and its derivatives and differences It is clear between the quantities that are pumped and those that are received or maintained, as they are still Measuring devices for the quantities of oil produced and mandarin are not yet complete , that

The problem of the presence of sufficient storage capacities in the southern oil fields led to any delay or interruption in loading tankers in marine facilities due to weather conditions can lead directly to stop production.

Recommendations

We can show some of our recommendations to solve the problems of Iraqi fuel and energy:

1) Increasing the oil & gas production according to OPEC+ Agreement by attract foreign investments to the later industries sector, as the quantities of oil, the massive natural gas, which requires the government to establish refining facilities and petrochemicals and fertilizers, modernizing the existing ones, and working on developing the necessary plans to reduce production abroad by taking advantage of the cheap feedstock gas prices especially the natural gas. Iraq can if the security situation improves and the decrease in corruption indicators in it will attract international companies that aspire to invest in the subsequent conflicts of the production of natural gas, which constitutes a strong attraction to it.

- 2) Work to solve all problems in Iraqi fuel and energy sector by benefit from the experiences of the gulf cooperation council countries in dealing with foreign companies that invests in the oil sector and try to adopt the laws and legislation that it enacted and study of contracts entered into and their suitability with the oil and natural gas industry in Iraq.
- 3) Focus on Maintenance and protection of the northern and southern tandoor systems, in order to achieve required flexibility for tanning, and implementing projects related to the tanning system in ports and sites and the development of color and storage capabilities.
- 4) Investing the natural gas and stopping the waste of the burned gas that we represent a high percentage of the gas produced, if exposed this investment will yield a significant return by reducing imports of liquid gas to meet the local need and to meet the need dry gas electric power projects
- 5) Developing the electricity sector as an important and basic pillar for most of the activities and events that take place. It relies on it to a high degree in running the wheel of its production, so it is necessary to develop a new policy. It considers the country's conditions and its real needs through the adoption of plans to establish projects large power stations are distributed throughout the country through their reliance on turbines. the gas and thermal component, and the geographical distribution of power plants is linked to locations that provide fuel sources and the date of their completion are linked to the implementation of oil field and development projects and gas, and attention to the rehabilitation and training of cadres to carry out the necessary operation and maintenance work for high-efficiency electric power production units and encouraging the private sector to invest in electric power industry.

References

1. Al-Maleki, Y.; Robert, T.; Istepanian, H. Annual Report: Riding the Oil Markets, Iraq's Economy in Transition. Iraq Energy Institute. 18 February 2019. Available online: <https://iraqenergy.org/2019/02/18/2018-annual-report-riding-oil-markets-iraqeconomy-in-transition/> (accessed on 15 December 2021).
2. Alzuwaini, H.; Vasil'Kov, D.; Kirillov, N.; Khitrov, A.; Tolmachev, V.; Okorokov, R.; Gatsenko, O.; Zaripova, D. Problems of Petroleum industry in Iraq. IOP Conf. Ser. Earth Environ. Sci. 2019, 337, 012046.
3. Iraq's Energy Sector: A Roadmap to a Brighter Future; International Energy Agency: Paris, France, 2019; p. 59. Available online: https://iea.blob.core.windows.net/assets/fb1f67b9-3515-4b5a-bb40-06ca0b83ef70/Iraq_Energy_Outlook.pdf (accessed on 15 December 2021).
4. Iraq to Start Developing Akkas Gas Field to Pave Way for Foreign Investments. Available online: <https://www.spglobal.com/platts/en/market-insights/latest-news/natural-gas/111421-iraq-to-start-developing-akkas-gas-field-to-pave-way-forforeign-investments> (accessed on 22 November 2021).
5. The World Bank In Iraq. Available in: <https://www.worldbank.org/en/country/iraq/overview#1> (accessed on 15 December 2021).
6. Strong, C.B. The Oil and Gas Law Review: Iraq. 2021. <https://thelawreviews.co.uk/title/the-oil-and-gas-lawreview/iraq> (accessed on 8 January 2022).
7. Lu, J. China Iranlan cooperation in history and modern times: An explanation based on Iranians views of the belt and road initiative. West Asia Afr. 2015, 6, 53–69.
8. Abramovich, B.N.; Bogdanov, I.A. Improving the efficiency of autonomous electrical complexes of oil and gas enterprises. J. Min.Inst. 2021, 249, 408–416.
9. Mardashov, D.V. Development of blocking compositions with a bridging agent for oil well killing in conditions of abnormally low formation pressure and carbonate reservoir rocks. J. Min. Inst. 2021, 251, 617–626.
10. Galkin, S.V.; Krivoshchekov, S.N.; Kozyrev, N.D.; Kochnev, A.A.; Mengaliev, A.G. Accounting of geomechanical layer properties in multi-layer oil field development. J. Min. Inst. 2020, 244, 408–417.
11. Litvinenko, V. Advancement of geomechanics and geodynamics at the mineral ore mining and underground space development. Geomech. Geodyn. Rock Masses 2018, 1, 3–16. Available online: <https://www.scopus.com/record/display.uri?eid=2-s2.0-85061364238&origin=resultslist> (accessed on 15 December 2021).

12. Shahba, S.; Arjmandi, R.; Monavari, M.; Ghodusi, J. Application of multi-attribute decision-making methods in SWOT analysis of mine waste management (case study: Sirjan's Golgohar iron mine, Iran). *Resour. Policy* 2017, 51, 67–76.

13. Rasheed, A. Iraq and Total Sign \$27 Bln Energy Projects Deal. Available online: <https://www.reuters.com/business/iraq-signs27-bln-deal-with-total-build-four-energy-projects-2021-09-05/> (accessed on 21 September 2021).

14. Statistical Review of World Energy, British Petroleum. 2021. Available online: <https://www.bp.com/content/dam/bp/businesssites/en/global/corporate/pdfs/energy-economics/statistical-review/bp-stats-review-2021-full-report.pdf> (accessed on 10 January 2022).

15. Natural Gas Production and Flaring in Iraq, 2000–2030. Available online: <https://www.iea.org/data-and-statistics/charts/natural-gas-production-and-flaring-in-iraq-2000--2030> (accessed on 8 December 2021).

16. BP Statistical Review of World Energy. Available online: <https://www.bp.com/en/global/corporate/energy-economics/statistical-review-of-world-energy/natural-gas.html> (accessed on 14 October 2021).

17. Republic of Iraq Ministry of Planning. Available online: <http://cosit.gov.iq/ar/2018-08-29-08-11-07> (accessed on 10 March 2019).

Information about the authors

T. A. Makarenya – Doctor of Economics Science, Head of the Department of Engineering Economics of Southern Federal University;

Obaidi Ahmed Ibrahim Hussein – PHD student of Southern Federal University.

Информация об авторах

Т. А. Макареня – докт. экон. наук, доц., зав. кафедрой инженерной экономики ЮФУ;

Али Аль-Убайди Ахмед Ибрагим Хусейн – аспирант ЮФУ.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 03.08.2022; одобрена после рецензирования 17.08.2022; принята к публикации 18.08.2022.

The article was submitted 03.08.2022; approved after reviewing 17.08.2022; accepted for publication 18.08.2022.

Научная статья

УДК 659.1:338

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-165-171

SHARING КАК ИНСТРУМЕНТ МАРКЕТИНГА ОДИНОЧЕСТВА

Александра Михайловна Пономарева^{1,2}, Максим Александрович Пономарев³

¹Ростовский государственный экономический университет (РИНХ), Ростов-на-Дону, Россия, alexandra22003@rambler.ru

²Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

³Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, maxuumaxuu@gmail.com

Аннотация. В статье представлено исследование sharing-экономики, экономики одиночества и маркетинга одиночества как взаимосвязанных инструментов. Дана дополненная классификация видов одиночества как основы сегментирования потребителей и разработана матрица «потребитель – продукт» в соответствии с видами одиночества.

Ключевые слова: экономика одиночества, маркетинг одиночества, sharing-экономика, социально-экономические условия, потребление

Для цитирования: Пономарева А. М., Пономарев М. А. Sharing как инструмент маркетинга одиночества // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 165–171. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-165-171>

Problems of Economics

Original article

SHARING AS A TOOL OF LONELINESS MARKETING

Alexandra M. Ponomareva^{1,2}, Maxim A. Ponomarev³

¹Rostov state economic university (RINH), Rostov-on-Don, Russia, alexandra22003@rambler.ru

²Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

³South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, maxuumaxuu@gmail.com

Abstract. The article represents a study of the sharing economy, the loneliness economy and the loneliness marketing as interrelated tools. The supplemented classification of the types of loneliness is given as the basis for consumers segmentation and the matrix "consumer - product" is developed in accordance with the types of loneliness.

Keywords: economy of loneliness, marketing of loneliness, sharing-economy, socio-economic conditions, consumption

For citation: Ponomareva A. M., Ponomarev M. A. Sharing as a tool of loneliness marketing. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):165–171. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-165-171>

Описание сущности sharing-экономики основывается на выявлении специфики потребления в ее рамках, определяемой тем, что потребитель не стремится купить продукт, владеть продуктом, приобрести его в частную собственность, а предпочитает его совместное потребление (sharing), как правило, на основе digital-технологий с использованием аренды, бартера, краудфандинга, краудсорсинга, коливинга, каршеринга и других форм совместного потребления. Sharing запускает процесс формирования нового типа социально-экономических отношений в обществе, активизирующих взаимодействие потребителей на основе сотрудничества,

взаимопомощи, благотворительности, милосердия. Социально-экономическими эффектами такого взаимодействия являются снижение расходов на обслуживание частной собственности, транзакционные издержки и управление при увеличении скорости транзакций, эффективности использования ресурсов, в том числе, на основе саморегулирования, устранение посредников, повышение качества продуктов и расширение их выбора на основе обратных связей производителей с потребительскими сообществами, мобильность граждан, формирование сообществ граждан по интересам и повышение качества социального взаимодействия на основе обмена опытом, увеличение степени личной свободы потребителей, расширение их возможностей, получение дополнительного дохода, снижение социальной напряженности, уменьшение нагрузки государства по социальному обеспечению граждан, уменьшение загрязнения окружающей среды. То есть можно говорить об экономических, социальных и экологических эффектах sharing-экономики. В своем исследовании мы опираемся на теоретико-методологические подходы, представленные в исследовании sharing-экономики Т. В. Игнатовой, Е. Д. Павлюковой и др. [1].

В соответствии с данными Statista, мировую sharing-экономику ожидает значительный рост – с 15 млрд. долл. в 2014 г. до 335 млрд. долл. в 2025 г.¹ Цифры по американскому рынку sharing-экономики показывают почти двукратный рост ее пользователей с 2016 по 2021 гг.² Среди причин роста sharing-экономики, по мнению группы северо-американских исследователей [2], продолжающееся в течение 10 лет падение доходов населения, прогрессирующая безработица и, как следствие, свободное время участников рынка, снижение процентных ставок кредитования, возможность предложить более низкую цену в рамках sharing-модели, способность быстро адаптироваться к меняющемуся спросу потребителей, защита окружающей среды, технологичность процесса покупки и потребления, удобство, легкость и быстрота поиска и сравнения вариантов, более высокая степень доверия к продавцам, возможность опоры на потребительский опыт других людей и ориентирования по рейтингам.

Типичный потребитель услуг и продуктов sharing-экономики, по мнению авторов указанного исследования, это домохозяйства 18-34-летних со средним уровнем дохода и детьми. Авторы также отмечают, что более склонны к участию в sharing-экономике жители Азии, Африки и Латинской Америки, по сравнению с жителями Европы и Северной Америки. Российский рынок sharing-продуктов в 2021 г. перешагнул 1 трлн. руб. рубеж³, по-прежнему, ведущими сегментами этого рынка являются с2с-коммерция (например, на платформах Авито, Циан, Юла и др.), каршеринг (Делимобиль, YouDrive, Car5, BelkaCar и др.) и поиск дополнительной работы⁴, для которых характерен высокий уровень диджитализации. Кроме того, развивается коливинг (совместное потребление жилья), краудфандинг (совместное финансирование научных, коммерческих, социальных проектов), коворкинг (совместное потребление офисных и производственных помещений); современный потребитель склонен «делиться», потребляя туристические, образовательные, кадровые, сервисные, клининговые, жилищно-коммунальные услуги, транспорт, компьютеры и программные продукты, велосипеды, одежду, игрушки и т.д. [3–4].

Экономика одиночества – понятие, появившееся в публикациях, посвященных исследованию поведения потребителей-одиночек на сайтах аренды недвижимости и сайтах знакомств в 2018 г.⁵, и представляющее явление, статистически и фактически подтвержденное данными ряда исследований пандемийного периода⁶. Цифры и факты свидетельствуют о росте

¹ Value of the sharing economy worldwide in 2014 and 2025. Jul 6, 2022. [Электронный ресурс] // <https://www.statista.com/statistics/830986/value-of-the-global-sharing-economy/> (дата обращения 3.08.2022).

² Number of sharing economy users in the United States from 2016 to 2021. Jul 27, 2022. [Электронный ресурс] // <https://www.statista.com/statistics/289856/number-sharing-economy-users-us/> (дата обращения 3.08.2022).

³ Рынок шеринга в России впервые превысил 1 трлн руб. 18.02.2021. [Электронный ресурс] <https://trends.rbc.ru/trends/sharing/602e3a369a79477994233cb3> (дата обращения 3.08.2022).

⁴ Там же.

⁵ Виноградова Е. Куда ведет мир «экономика одиночества»? [Электронный ресурс] <https://kp.vedomosti.ru/humans/article/2020/03/02/824194-odin-na-odin> (дата обращения 3.08.2022).

⁶ This is how Covid-19 has impacted workers' lives around the world [Электронный ресурс] https://www.weforum.org/agenda/2021/01/covid-19-work-mental-health-world-economic-forum-ipsos-survey/?utm_source=sfmc&utm_medium=email&utm_campaign=2739507_Agenda_weekly-

количества домохозяйств с владельцами-одиночками во всем мире, и Россия не является исключением¹, и о растущем влиянии поведения потребителей-одиночек на формирование маркетинговой политики предприятий [5]. В наших предыдущих исследованиях был сформулирован принцип амбивалентности экономики одиночества, проявляющийся в том, что, с одной стороны, одиночество – это социально-экономическая проблема, (ежегодные убытки в рамках экономики одиночества могут составлять до 7 млрд. долл. в США), с другой – точка роста, пространство для развития новых направлений бизнеса, новых услуг, продуктов и т.д. для потребителей-одиночек.

Наша гипотеза заключается в том, что два новых явления – sharing-экономика и экономика одиночества – обуславливают существование друг друга, оказывают развивающее влияние друг на друга. Появление sharing-экономики обусловлено, в том числе, и тем, что одинокий человек в целях обеспечения экономической устойчивости своего домохозяйства склонен к активному потреблению продуктов sharing-экономики. Если в «дошеринговые» времена основными способами обеспечения экономического выживания и устойчивости одинокого человека были изменение семейного статуса и создание семьи, вступление в общину, то в современных социально-экономических условиях субъект, добровольно сохраняя свой статус одинокого человека в семейном, физическом, психологическом, социальном, интеллектуальном, эмоциональном и других аспектах [5], может обеспечить свою экономическую автономность за счет продуктов sharing-экономики. Можно сформулировать и обратную зависимость: продукты sharing-экономики обеспечивают экономическую устойчивость субъектов экономики одиночества.

Маркетинговый подход на основе предложенной нами классификации одиночества потребителей (физическое, психологическое, социальное, культурное, семейное, духовное, научное, технологическое, медицинское, технологическое) [5], которая была дополнена в наших дальнейших исследованиях такими видами одиночества, как эмоциональное и интеллектуальное одиночество, представленной в виде матрицы [5], позволяет определить вектор отношения потребителей к практикам одиночества (положительный, отрицательный) и классифицировать существующие продукты, позволяющие нейтрализовать негативное и развивать позитивное одиночество потребителей. Представим разработанную матрицу «потребитель – продукт», которая опирается на наши предшествующие исследования и разработки и развивает их (табл. 1).

Таблица 1 – Матрица «потребитель – продукт» в соответствии с видами одиночества

Table 1 - Consumer-product matrix according to the types of loneliness

Вид одиночества	Отношение потребителя к одиночеству		Примеры продуктов	
	Положительное	Отрицательное	Развивающих положительное одиночество	Нейтрализующих отрицательное одиночество
Физическое	Хикикомори Полярник	Заблудившийся в городе Заклученный	Доставка продуктов Инструменты и приборы, которые позволяют выполнять работу самостоятельно	Карты-навигаторы Образовательные программы для заключенных, участие в театральных постановках и др.

8January2021&utm_term=&emailType=Newsletter (дата обращения 3.08.2022); The Covid-19 Pandemic's Impact on Workers' Lives. 28-country Ipsos Survey for the World Economic Forum& December 2020& [Электронный ресурс]. <https://www.ipsos.com/sites/default/files/ct/news/documents/2020-12/impact-of-the-covid-19-pandemic-on-workers-lives-report.pdf> (дата обращения 3.08.2022).

¹ Там же.

Вид одиночества	Отношение потребителя к одиночеству		Примеры продуктов	
	Положительное	Отрицательное	Развивающих положительное одиночество	Нейтрализующих отрицательное одиночество
Психологическое	Интроверт Пациент психолога, добровольно оплачивающий его сеансы	Экстраверт Пациент психоневрологической клиники, помещенный туда решением суда	Услуги психолога	Программы социального взаимодействия для пациентов психоневрологических клиник
Социальное	Путешественник-блогер Ученик, находящийся на домашнем обучении	Нелегальный мигрант Ученик, которому класс объявил бойкот	Приложения, помогающие блогеру создавать контент Средства дистанционного цифрового обучения	Государственные и волонтерские программы легализации и адаптации мигрантов Образовательные и психологические тренинги, направленные на нейтрализацию такого явления, как буллинг
Культурное	Жители городов, идеологической доминантой которых является индивидуализм Носитель субкультуры в окружении носителей традиционной культуры	Человек с частичной потерей памяти Вынужденный эмигрант, страдающий от оторванности от близкой, родной ему культуры	Практика good uear в Австралии Магазин продуктов для носителей субкультуры	Трекеры, позволяющие отслеживать местоположение объекта Культурный центр для мигрантов
Семейное	Убежденный холостяк Child-free персона	Человек, потерявший семью в результате ДТП Вдовец	Dating-приложения Волонтерские программы помощи детям-сиротам	Программы психологической реабилитации, консультации психолога Сайты знакомств
Духовное	Обет молчания Отшельничество	Принудительное отселение жен в Индии Черта оседлости	Курсы духовных практик Специализированные туристические программы	Просветительские программы Религиозные онлайн-службы
Научное	Сотрудник обсерватории Научная экспедиция	Цейтнот в завершении диссертационной работы Практика «особых конструкторских бюро» («шарашек») в сталинских лагерях	Оборудование, технологии, связь, базы данных и др.	Научный отпуск, консультирование Научные конференции и сообщества, в том числе, в digital формате

Вид одиночества	Отношение потребителя к одиночеству		Примеры продуктов	
	Положительное	Отрицательное	Развивающих положительное одиночество	Нейтрализующих отрицательное одиночество
Технологическое	Потребитель, пресытившийся digital-продуктами Отказ от мобильной связи в пользу личного помощника	Отсутствие денег на связь с родственниками и друзьями Отключение Интернета и/или приложений, сайтов в период политических волнений в некоторых странах	Программа Digital detox Услуги личного секретаря	Услуга мобильной связи, позволяющая пополнять счет друзьям и родственникам потребителя Приложения, позволяющие обходить введенные ограничения
Медицинское	Перегруженность работой, социальным взаимодействием	Карантин Медикаментозная фиксация больного	Сенсорная депривация Курс лечения в санатории	Развитие digital-технологий личного, рабочего и социального взаимодействия Консультации для родственников больного
Экономическое	Самозанятость Работа во внешней разведке	Исправительные трудовые работы по назначению суда Санкции для предприятия или физического лица	Digital-продукты, консультации для самозанятых как со стороны государства, так и коммерчески Государственная поддержка семьи, льготы для работника	Психологические и юридические консультации Программы помощи в условиях санкций
Эмоциональное	Поэт, трансформирующий в одиночестве свой эмоциональный потенциал в стихотворение Потребитель в низком эмоциональным интеллектом	Родители не разделяют горе ребенка по поводу не купленной в супермаркете игрушки Социализация ребенка, стремящегося к эмоциональному одиночеству	Услуги литературного агента, редактора Консультирование, книги, тренинги, направленные на развитие эмоционального интеллекта	Программа продвижения магазина игрушек, позволяющая делать подарки Услуги психологов и психологических центров

Вид одиночества	Отношение потребителя к одиночеству		Примеры продуктов	
	Положительное	Отрицательное	Развивающих положительное одиночество	Нейтрализующих отрицательное одиночество
Интеллектуальное	Ученый, сделавший открытие, которое не могут оценить современники Написание книги	Исследователь, который не может защитить диссертацию из-за отрицательного отношения к его идеям со стороны коллег Изоляция члена общества, декларирующего идеи, противоречащие общепринятым в социуме, а также государственной идеологии	Программы краудфандинга, инкубаторы идей Услуги литературного агента, редактора	Развитие альтернативных форм продвижения и развития научных идей и альтернативных траекторий развития научной карьеры Развитие альтернативных инструментов коммуникаций, приложений

Классификация и матрица позволяют более точно сегментировать потребителей продуктов экономики одиночества и предложить им продукты, в наибольшей степени соответствующие их потребностям. Так, например, на рынке недвижимости существуют различные продукты для одиноких потребителей. Одной из последних тенденций российского рынка является продукт «суперминиквартира» (8,2 кв. м) для потребителей, стремящихся сохранить полную автономность (социальную, физическую, психологическую, семейную и т.д.), в том числе, экономическую, но не обладающие достаточными ресурсами для полноценного жилья. Другой пример – студенты, совместно арендующие жилье. Они стремятся к автономности по отношению к «большой» семье (родителям, бабушкам, дедушкам и т.д.), но, не обладая достаточными ресурсами, объединяют свои экономические возможности, жертвуя физической, социальной, психологической, эмоциональной и т.д. автономностью. Третий пример – это специально спроектированные для одиноких пожилых людей коливинги, в которых есть полноценные квартиры для автономного проживания потребителей и общественные пространства, в которых, при желании пожилые люди могут нейтрализовать свое физическое, социальное, психологическое, эмоциональное и интеллектуальное одиночество. Таким образом, варьируя элементами матрицы одиночества, построенной на основе его классификации, можно моделировать новые продукты sharing-экономики на разных рынках, нейтрализующие негативное одиночество или развивающие положительное одиночество потребителей.

Список источников

1. Ignatova T., Platonova E., Pavlyukova A., Sroslak G. (2020) Development of Sharing Economy in the Context of Digitalization of Joint Consumption. In: *Advances in Economics, Business and Management Research*, volume 139 International Conference on Economics, Management and Technologies 2020 (ICEMT 2020). Atlantis Press DOI: 10.2991/aebmr.k.200509.063
2. Narasimhan, C., Papatla, P., Jiang, B. *et al.* Sharing Economy: Review of Current Research and Future Directions. *Cust. Need. and Solut.* 5, 93–106 (2018). [Электронный ресурс] // <https://doi.org/10.1007/s40547-017-0079-6>. (дата обращения 3.08.2022).
3. Пономарева А.М. Sharing-экономика и совместное потребление на основе digital-технологий / Глобальные вызовы, новые риски и приоритеты экономических систем: монография в 2-х т. – Ростов-на-Дону, Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2019. Т.1 – 338 с. – С. 179-189.

4. Пономарева А.М., Костоглодов Д.Д. Маркетинг одиночества как инструмент ESG / Реализация ESG принципов в стратегии устойчивого развития экономики России: монография. – Ростов-на-Дону: Изд-во РГЭУ (РИНХ), 2022. - 508 с. С.110-119.

5. Ponomareva, A., Ponomarev, M. (2022). Marketing of Loneliness in the Omnichannel Communication Space of the City. In: Reis, J.L., Peter, M.K., Cayolla, R., Bogdanović, Z. (eds) *Marketing and Smart Technologies. Smart Innovation, Systems and Technologies*, vol 280. P. 251-261. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9272-7_2

References

1. Ignatova T., Platonova E., Pavlyukova A., Sroslak G. (2020) Development of Sharing Economy in the Context of Digitalization of Joint Consumption. In: *Advances in Economics, Business and Management Research*, volume 139 International Conference on Economics, Management and Technologies 2020 (ICEMT 2020). Atlantis Press DOI: 10.2991/aebmr.k.200509.063

2. Narasimhan, C., Papatla, P., Jiang, B. *et al.* Sharing Economy: Review of Current Research and Future Directions. *Cust. Need. and Solut.* 5, 93–106 (2018). [Electronic source]. <https://doi.org/10.1007/s40547-017-0079-6>. (date of the application 8.03.22).

3. Ponomareva A. M. Sharing economy and joint consumption based on digital technologies. In: *Global challenges, new risks and priorities of economic systems: a monograph in 2 volumes*. Rostov-on-Don: RSEU (RINH); 2019. Vol. 1 338 p. P. 179-189. (In Russ.)

4. Ponomareva A. M., Kostoglodov D. D. Loneliness marketing as an ESG tool. In: *Implementation of ESG principles in the strategy of sustainable development of the Russian economy: monograph*. Rostov-on-Don: Publishing House of the Russian State Economic University (RINH); 2022. 508 p. P. 110-119. (In Russ.)

5. Ponomareva, A., Ponomarev, M. (2022). Marketing of Loneliness in the Omnichannel Communication Space of the City. In: Reis, J.L., Peter, M.K., Cayolla, R., Bogdanović, Z. (eds) *Marketing and Smart Technologies. Smart Innovation, Systems and Technologies*, vol 280. P. 251-261. Springer, Singapore. https://doi.org/10.1007/978-981-16-9272-7_21

Информация об авторах

А. М. Пономарева – докт. экон. наук, проф.;

М. А. Пономарев – докт. экон. наук, доц.

Information about the authors

A. M. Ponomareva – Doctor of Economic Science, Professor;

M. A. Ponomarev – Doctor of Economic Science, Docent.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.08.2022; одобрена после рецензирования 25.08.2022; принята к публикации 26.08.2022.

The article was submitted 11.08.2022; approved after reviewing 25.08.2022; accepted for publication 26.08.2022

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 172–177
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):172–177

Политология и этнополитика

Научная статья

УДК 32.019.51

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-172-177

**ПРАКТИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВУЗОВ ПО ОРГАНИЗАЦИИ
СИСТЕМЫ ПРОТИВОДЕЙСТВИЯ РАДИКАЛЬНОЙ И ИНОЙ ДЕСТРУКТИВНОЙ ИДЕОЛОГИИ
В МОЛОДЕЖНОЙ СРЕДЕ**

Олег Александрович Артюхин¹, Людмила Леонидовна Иванова²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, oart1969@mail.ru

¹Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, ivanova-ll@uriu.ranepa.ru

Аннотация. В статье рассматриваются проблемы противодействия радикализму в современной России, определяется роль образовательных учреждений в реализации современной российской политики по противодействию распространения идеологии экстремизма и терроризма, выявляются методологические особенности профилактики экстремизма в молодежной среде, анализируется динамика правонарушений и преступлений экстремистской направленности среди российской молодежи и предлагается инновационный инструментарий профилактики экстремизма в вузах.

Ключевые слова: экстремизм, государственная политика по противодействию экстремизма и терроризма, профилактика экстремизма в молодежной среде, профилактические механизмы, профилактическая работа

Для цитирования: Артюхин О. А., Иванова Л. Л. Практическая деятельность вузов в организации системы противодействия радикальной и иной деструктивной идеологии в молодежной среде // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 172–177. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-172-177>

Politology and Ethnopolitics

Original article

**PRACTICAL ACTIVITY OF UNIVERSITIES ON THE ORGANIZATION OF A SYSTEM
OF COUNTERING RADICAL AND OTHER DESTRUCTIVE IDEOLOGY
IN THE YOUTH ENVIRONMENT**

Oleg A. Artyukhin¹, Lyudmila L. Ivanova²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, oart1969@mail.ru

¹Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

²South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, ivanova-ll@uriu.ranepa.ru

Abstract. The article examines the problems of countering radicalism in modern Russia, defines the role of educational institutions in the implementation of modern Russian policy to counter the spread of the ideology of extremism and terrorism, identifies methodological features of

the prevention of extremism among young people, analyzes the dynamics of offenses and crimes of extremist orientation among Russian youth and offers innovative tools for the prevention of extremism in universities.

Keywords: extremism, state policy on countering extremism and terrorism, prevention of extremism among young people, preventive mechanisms, preventive work

For citation: Artyukhin O. A., Ivanova L. L. Practical activity of universities in the organization of the system of countering radical and other destructive ideology in the youth environment. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(3):172–177. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-172-177>

Проблема распространения идеологии экстремизма и терроризма, особенно в молодежной среде, становится особенно актуальной в условиях трансформации современного миропорядка, эскалации международной напряженности и повышения конфликтогенности современных социально-политических процессов. Отмечается рост социальной, национальной и расовой нетерпимости, активизация деятельности запрещенных во многих странах мира экстремистских организаций, ряд бесчеловечных и масштабных террористических актов, что свидетельствует о радикализации современного политического процесса. Поэтому одним из приоритетных направлений устойчивого развития политической системы современной России в XXI веке становится обеспечение глобальной безопасности.

Глобальные трансформации влекут по мнению ряда экспертов усиление тотальных рисков во всех сферах общественной жизни. Для обеспечения глобальной безопасности необходимо учитывать реалии современного мира, связанные с рядом опасностей, в числе которых проблема противодействия экстремизма, как одна из сложно искореняемых и наиболее опасных характеристик общественного бытия, приобретает новые качества. Это связано в том числе и с теми геополитическими потрясениями и переломами, которые сегодня вызвали неопределенность будущего и неизбежное обострение противоречий, вызванных ценностными деформациями. Усилия международного сообщества по установлению конструктивного диалога между разными людьми, общностями и государствами, привели в выработку норм и принципов гуманистического характера, которые зафиксированы в нормативных документах международного и национального уровней.

Проблема противодействия экстремизму и терроризму должна решаться на всех уровнях осуществления публичной власти, поэтому активная деятельность органов власти в законодательской и профилактической противоэкстремистской деятельности, детерминированная опасностью и деструктивностью феномена экстремизма, демонстрирует особую значимость этой проблемы и в нашем государстве. Принятая в Российской Федерации Стратегия национальной безопасности¹, относит деятельность террористических и экстремистских организаций к основным угрозам государственной и общественной безопасности. От проявлений экстремизма не застрахован, к сожалению, никто, ни человек, умудренный жизненным опытом, ни подросток.

В современных реалиях слова Н.М. Карамзина о том, что для обеспечения безопасности государству необходимо не только физическое, но и нравственное могущество [1], звучат особо актуально, т.к. проблемы, характерные для российского общества в период общественно-политических изменений, становятся специфической основой для долговременных стратегических жизненных установок и ценностных ориентаций, что, в первую очередь, оказывает влияние на молодое поколение. Под влиянием социальных, политических, экономических и иных факторов у наиболее подверженной деструктивному влиянию части молодежи легко формируются радикальные взгляды и убеждения. Это связано, с одной стороны, тем, что молодежь в силу особенностей восприятия является частью общества, наиболее предрасположенной к экстремистской идеологии, в силу чего оказывается наиболее доступной для пропаганды радикальных идей. С другой, с возрастанием негативных факторов, связанных с формированием гиперинформационного общества [2]. Следовательно, «экстремизм в молодежной среде можно считать одной из важных проблем, требующих не только внимания со стороны государства,

¹ Указ Президента Российской Федерации от 02.07.2021 г. № 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Официальный интернет-портал правовой информации <http://pravo.gov.ru/>

но и принятия конкретных мер по предупреждению экстремизма среди молодежи» [3]. В силу этого важным направлением государственной политики является профилактика, выявление, предупреждение и пресечение экстремистской деятельности.

17 июня 2022 г. в ЮРИУ РАНХиГС прошла научно-практическая конференция с международным участием «Идеология терроризма и меры противодействия ее распространению». Мероприятие проходило в рамках «Воронцовских чтений» памяти профессора С.А. Воронцова. На конференции отмечалось, что несмотря на усилия государства и общества в последние годы отмечается активизация ряда экстремистских движений, которые вовлекают в свою деятельность молодежь. Отмечается и рост правонарушений экстремистской направленности.

В рамках конференции проводилось исследование, в ходе которого выявлена динамика преступлений экстремистской направленности. Результаты исследования коррелируют со статистическими данными, представленными Генеральной прокуратурой Российской Федерации, зафиксировавшей увеличение количества указанных преступлений практически вдвое (с 656 в 2010 году до 1057 в 2021)¹ (рис. 1)

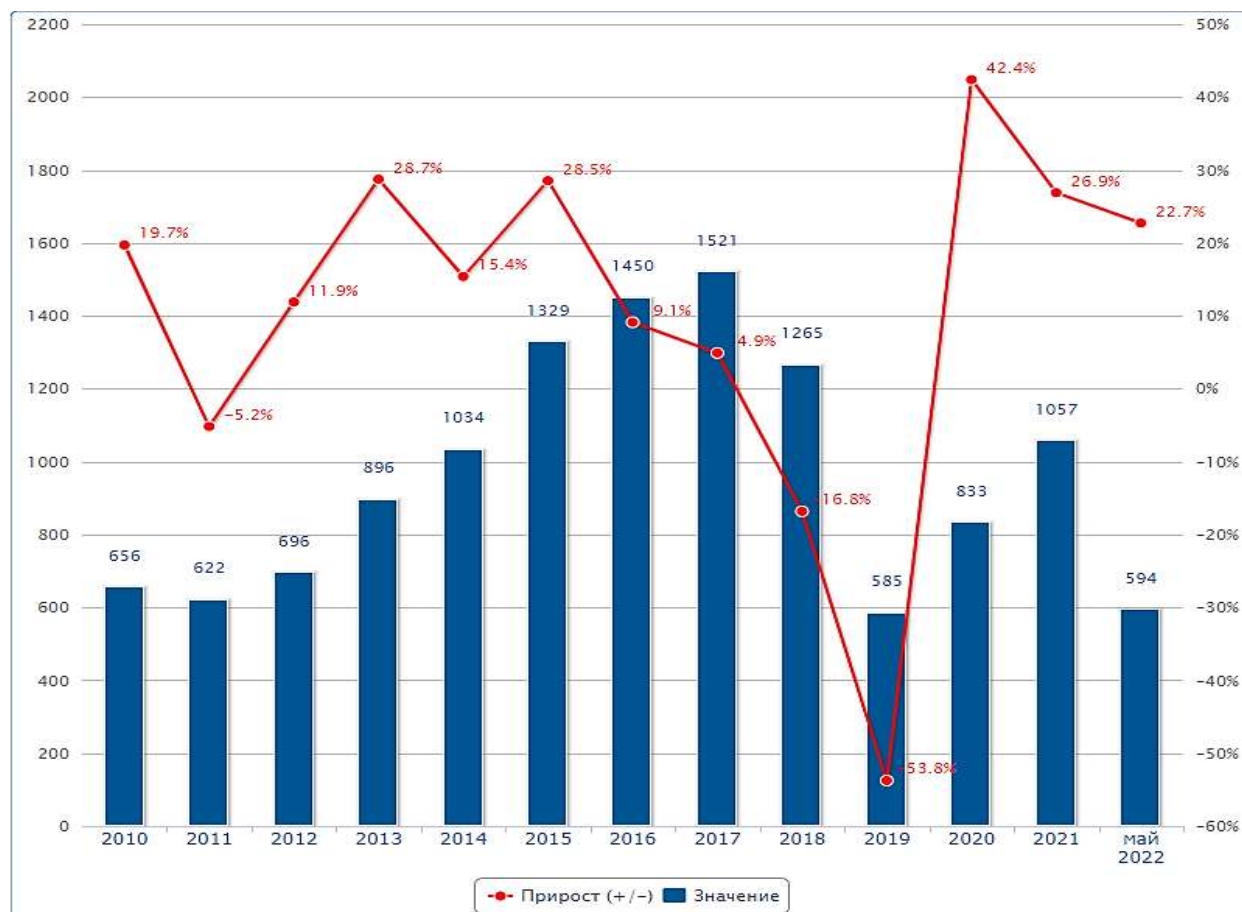

Рис. 1. Динамика преступлений экстремистской направленности в Российской Федерации
 Fig. 1. Dynamics of extremist crimes in the Russian Federation

Результаты анализа динамики преступлений экстремистской направленности актуализируют роль профилактики экстремизма, где субъектами выступают в том числе и образовательные учреждения, которые предпринимают меры воспитательного и пропагандистского характера в работе с молодежью. Профилактика молодежного экстремизма представляет собой комплекс мер, направленных с одной стороны на выявление и устранение либо ослабление и нейтрализацию угроз экстремизма, а также способствующих им условий; с другой – выявление в молодежной среде групп повышенного риска и проведение профилактических мероприятий.

¹ Показатели преступности в России [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://crimestat.ru/offenses_chart

Особое значение приобретает профилактика экстремизма во всех образовательных организациях. В отношении вузов можно с уверенностью заявить о системной работе, в которую включены руководящий, профессорско-преподавательский, учебно-вспомогательный состав, а также обучающиеся. Максимального результата можно добиться только при проведении многовекторной профилактической работы: диагностической, информационной, коррекционной.

С целью получения максимального эффекта от профилактической и превентивной работы с вузовской молодежью следует учитывать факторы, оказывающие влияние на зарождение экстремистских идей и желания молодежи связать свою жизнь с террористическими организациями. К таким факторам можно отнести:

- влияние родственников, имеющих радикальные убеждения;
- влияние малых групп, членами которой являются молодые люди;
- влияние авторитетных взрослых из круга общения (в том числе лидеров молодежных движений, представителей спортивных или творческих секций, преподавателей и др.);
- личностные психологические установки молодых людей;
- психическое напряжение, стресс и т.д.

Важно понимать, что профилактика экстремистских настроений в молодежной среде требует серьезного планирования. Она не терпит хаоса. В данную работу должны быть включены все субъекты профилактики этого явления, поскольку только совместными усилиями мы сможем выработать в молодежной среде непринятие подобного рода идей. Молодежь имеет большой творческий и гражданский потенциал, который в условиях благоприятного экономического и социально-политического развития, может стать основой для формирования и укрепления сил, направленных на предотвращение угроз национальной безопасности нашей страны.

Исходя из указанных факторов очень важно грамотно организовать профилактическую работу в вузе сразу по нескольким направлениям: научно-исследовательском, культурно-просветительском, патриотическом, психологическом и т.д.

К примеру, в направлении раннего выявления лиц, склонных к экстремизму, среди студентов первокурсников в Южно-Российском институте управления РАНХиГС ежегодно осуществляется исследование по методике диагностики диспозиций насильственного экстремизма Д.Г. Давыдова и К.Д. Хломова [4], результаты которого с высокой надежностью позволяют выявить группы риска среди вновь поступивших студентов, что позволяет администрации вуза и кураторам учебных групп оперативно организовать коррекцию и профилактику, а также определить целевые ориентиры для воспитательной работы со студентами. Так, было установлено, что по показателю «Протестная активность» число лиц, находящихся в группе риска в 2021 году стало меньше почти на 4 процента по сравнению с предшествующим годом [5]. Это произошло благодаря системности информационно-правовой и воспитательной работы, реализуемой в ЮРИУ РАНХиГС. Данные, полученные в ходе диагностики, позволяют оперативно организовать коррекцию и профилактику, а также определить целевые ориентиры для воспитательной работы со студентами, которые показали наиболее тревожные результаты. В подобную работу включается и психологическая служба вуза, и непосредственные кураторы, и профессорско-преподавательский состав вуза.

Информационный вектор профилактической работы представлен различными мероприятиями: традиционные беседы, памятки по противодействию экстремизму, конкурсы плакатов, обсуждение фильмов, популярной музыки, событий, происходящих в стране и мире, игры (квизы, викторины, «Крокодил» и т.д.), проектная работа, дебаты, дискуссия Джеффа, Science Slam, конференции, медиаторы, конкурсы социальной рекламы и других.

Важную долю работы в рамках профилактики радикальных настроений в студенческой среде выполняет студенческий совет, вовлекающий студенческую молодежь в ежегодный культурно-образовательный проект «Фестиваль культур», который проводится в целях взаимообогащения культур, воспитания интереса, любви и уважения к представителям разных национальностей через знакомство с их традициями и обычаями.

Опыт профилактической работы в Южно-Российском институте управления – филиале РАНХиГС показал успешное использование формата РЕСНА КУСНА, целью которого было создание сценариев профилактических мероприятий по противодействию идеологии экстремизма в молодежной среде. Суть формата – в подготовке презентаций из 20 слайдов, которые должны быть представлены за 6 минут 40 секунд. Для наилучшего профилактического эффекта

работа была проведена в виде конкурса презентаций между несколькими командами. Эффект соревновательности позволил студентам максимально включиться в работу по созданию сценариев профилактических мероприятий для молодежи, творчески подойти к составлению и представлению презентаций.

Активное обсуждение и подготовка докладов для презентации своих сценариев позволили участникам научиться чувствовать время, сосредотачиваться на главном, развить ораторские способности, творческие качества.

Результаты командной работы были представлены в проектах с «говорящими» названиями: «Старт гуманизму! Стоп экстремизму!», «Экстремизм как главный порок общества», «Психопрофилактика экстремистских деструкций», «Я люблю свою родину!», «Эпицентр». Проекты, подготовленные студентами, вызвали оживлённую дискуссию в аудитории, что свидетельствует о том, что они могут использоваться в профилактической работе в формате «равный равному».

Важным направлением превентивной работы в рассматриваемой нами сфере является повышение квалификации педагогического состава, в целях получения новой профессиональной компетенции, которая позволяет осуществлять организацию мероприятий по противодействию терроризму и экстремизму.

Специальным службам профилактики негативных проявлений в студенческой среде (в числе которых отдел по воспитательной работе, психологическая служба и служба безопасности) следует проводить профилактические мероприятия со всеми студентами, при этом особое внимание уделять студентам из группы риска, к которым можно отнести студентов склонным к девиантному поведению, студентов из неблагополучных семей, а также семей с предельно низкими, а также весьма внушительными доходами, поскольку одни могут погнаться за «длинным рублем», а другие в силу вседозволенности и безнаказанности могут воспринять экстремизм как нормальное явление; студентов с имеющимися расстройствами психического поведения; представителей молодежных субкультур и т.д.

При организации профилактической работы важно учитывать неоднородность студенческих настроений. В данном аспекте следует выделять как минимум два направления работы:

1. Профилактическая работа со студенческими группами с отсутствием экстремистских наклонностей. Как правило трудностей при работе с данной категорией студентов не возникает, они добровольно включаются в социально-психологическую работу в силу отсутствия агрессивных антисоциальных настроений.

2. Профилактическая работа со студентами из группы риска. В данном случае важен поиск нестандартных методов работы, индивидуальный подход к студентам, поиск точек соприкосновения с целью установления доверительных отношений с сотрудником службы безопасности вуза и с сотрудником психологической службы с целью переубеждения молодого человека в его радикальных взглядах.

Несомненно, в профилактике экстремистских проявлений важно осуществлять планомерную и комплексную работу, учитывая социальные и возрастные особенности обучающихся.

Таким образом, в заключение необходимо отметить, что роль профилактической работы по противодействию экстремизму особенно велика в образовательных учреждениях высшего образования, где, по сути, происходит политическая социализация молодежи. Поэтому для повышения эффективности данной работы необходима системность и активное внедрение инновационных методов и методик в образовательный и воспитательный процессы.

Список источников

1. Карамзин Н. М. Записка о древней и новой России в ее политическом и гражданском отношении / Примечания Ю.С. Пивоварова. М.: Наука, 1991. 128 с.

2. Аверин А. Н., Понеделков А. В., Яланский А. П., Стельмах С. А. Правовое обеспечение информационной безопасности детей и подростков в интернете // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 120–124.

3. Загиров Э. З. Воспитание патриотических ценностных ориентаций как фактор формирования готовности курсантов к противодействию экстремизму // Вестник Санкт-Петербургского военного института войск Национальной гвардии. 2022. № 2 (19). С. 96–101.
4. Давыдов Д. Г., Хломов К. Д. Методика диагностики диспозиций насильственного экстремизма // Психологическая диагностика. 2017. Т. 14. № 1. С. 78–97.
5. Ярошенко Г.В., Белуженко О.В. Сравнительный анализ склонности к экстремизму студентов-первокурсников гуманитарного вуза с инвалидностью и без ограничений по здоровью / В сборнике: Социально-педагогическая поддержка лиц с ограниченными возможностями здоровья: теория и практика. Сборник статей по материалам V Международной научно-практической конференции. Симферополь, 2021. С. 233–237.

References

1. Karamzin N. M. *A note on ancient and new Russia in its political and civil relations*. Notes by Y.S. Pivovarov. M.: Nauka, 1991. 128 p. (In Russ).
2. Averin A.N., Ponedelkov A.V., Yalansky A.P., Stelmakh S.A. Legal provision of information security of children and adolescents on the Internet. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2021;(3): 120-124. (In Russ).
3. Zagirov E. Z. Education of patriotic value orientations as a factor in the formation of cadets' readiness to counter extremism. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo voennogo instituta voisk Natsional'noi gvardii = Bulletin of the St. Petersburg Military Institute of the National Guard Troops*. 2022;2(19):96–101. (In Russ).
4. Davydov D. G., Khlomov K. D. Methods of diagnosing dispositions of violent extremism. *Psikhologicheskaya diagnostika = Psychological diagnostics*. 2017;1(17):78-97. (In Russ).
5. Yaroshenko G. V., Beluzhenko O. V. Comparative analysis of the propensity to extremism of first-year students of a humanitarian university with disabilities and without health restrictions. In: *Socio-pedagogical support of persons with disabilities: theory and practice*. Collection of articles based on the materials of the V International Scientific and Practical Conference. Simferopol, 2021;233-237. (In Russ).

Информация об авторах

О. А. Артюхин – канд. полит. наук, доцент кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; доцент кафедры «Теория и история государства и права» ДГТУ;
Л. Л. Иванова – канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

O. A. Artyukhin – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА; Associate Professor of the Department «Theory and History of State and Law» of Don State Technical University;
L. L. Ivanova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.08.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 06.09.2022.

The article was submitted 21.08.2022; approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 06.09.2022

Научная статья

УДК 323

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-178-186

ПОЛИТИКО-УПРАВЛЕНЧЕСКИЙ ПРОЦЕСС НА ФОНЕ СОВРЕМЕННЫХ ВЫЗОВОВ: АКТУАЛЬНЫЕ ФЕДЕРАЛЬНЫЕ И РЕГИОНАЛЬНЫЕ КЕЙСЫ

Майя Арташесовна Аствацатурова¹, Лариса Хасановна Дзахова²

¹Пятигорский государственный университет, Пятигорск, Россия, maya.astv@gmail.com

²Северо-Осетинский государственный университет им. К. Л. Хетагурова, Владикавказ, Россия, ldzakhova@mail.ru

Аннотация. Политико-управленческие стратегии и тактики РФ сегодня во многом определяются геополитической обстановкой, которая во многом повлияла на современный миропорядок. В этих условиях необходимы новые инфраструктурные решения, отказ от рефлексивного управления в пользу ответственного антикризисного управления. Авторы рассматривают данные практики применительно к федеральному и региональному уровням управления.

Ключевые слова: политико-управленческий кейс, миропорядок, управленческие стратегии, геополитическая обстановка, демилитаризация, денацификация, экстравертные риски, гражданское единство, патриотизм, индоктринация, патриотические идеи, управленческие элиты, социальный оптимизм

Для цитирования: Аствацатурова М. А., Дзахова Л. Х. Политико-управленческий процесс на фоне современных вызовов: актуальные федеральные и региональные кейсы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 178–186. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-178-186>

Politology and Ethnopolitics

Original article

POLITICAL AND MANAGEMENT PROCESS ON THE BACKGROUND OF MODERN CHALLENGES: CURRENT FEDERAL AND REGIONAL CASES

Maya A. Astvatsaturova¹, Larisa Kh. Dzakhova²

¹Pyatigorsk State University, Pyatigorsk, Russia, maya.astv@gmail.com

²North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, Vladikavkaz, Russia, ldzakhova@mail.ru

Abstract. The political and administrative strategies and tactics of the Russian Federation today are largely determined by the geopolitical situation, which has largely influenced the modern world order. Under these conditions, new infrastructure solutions are needed, the rejection of reflexive management in favor of responsible anti-crisis management. The authors consider these practices in relation to the federal and regional levels of government.

Keywords: political and administrative case, world order, administrative strategies, geopolitical situation, demilitarization, denazification, extraverted risks, civil unity, patriotism, indoctrination, patriotic ideas, administrative elites, social optimism

For citation: Astvatsaturova M. A., Dzakhova L. Kh. Political and management process on the background of modern challenges: current federal and regional cases. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):178–186. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-178-186>

Федеральный политико-управленческий кейс: противостояние современным вызовам

Современный миропорядок, внутри которого сдвигаются структурные составляющие и формируются новые стратегические платформы и альянсы, требуют пересмотра внутренних политико-управленческих стратегий и тактик [1, с. 184–188.]. Глобальными факторами, которые сегодня мощно воздействуют на состояние внутрироссийского политико-управленческого

процесса, являются современная геополитическая обстановка, жесткие санкции США и коллективного Запада против РФ, а также мощная информационная война против Российского государства. Признание РФ независимости Луганской и Донецкой народных республик и специальная военная операция, которую ведет Россия с 24 февраля 2022 г. в целях защиты русского населения Донбасса и демилитаризации и денацификации Украины вызвала в отношении Президента РФ, российского общества беспрецедентные агрессивные меры. Отметим, что эти события, имеющие долгосрочные масштабированные следствия для всего миропорядка, существенно воздействуют на сущностно-структурные и организационно-функциональные аспекты политико-управленческого процесса внутри страны. Нет сомнений, что они требуют новых инфраструктурных решений, отказа от рефлексивного управления в пользу ответственного антикризисного управления и даже управления как противостояния масштабным вызовам и реальным угрозам.

Политико-управленческий процесс в современной России, с одной стороны отражает, а с другой стороны, формирует многие общественные тренды, проявляющиеся на уровнях отношений государства и общества, власти и гражданина. Само политико-административное управление в его доктринальном, институциональном, организационном и технологическом воплощении детерминировано множеством собственно российских историко-культурных, социально-экономических, политических традиций и реалий, которые обнаружили существенную устойчивость в противодействии внешним влияниям и экстравертным рискам¹.

Политико-управленческую доктрину современного Российского государства во многом можно номинировать, как «доктрину Путина», в основе которой лежит комплексная идея российского патриотизма, суверенитета, безопасности и идентичности [2, с. 47-54]. Она базируется на общеизвестных и в то же время на вновь достигаемых императивных посылах власти и реактивных ответах общества в контексте кратологического и собственно кратического дискурса [3]. Эти послылы и ответы сегодня, как никогда в ближайшем прошлом, проявляются в политико-управленческом процессе и противостоят экономическим и политическим санкциями против РФ, «культуре отмены» против русскости и российскости. Также эти послылы и ответы коррелируются с внутренними проблемами – сложная экономическая ситуация, торможение темпов роста производства, ухудшение социального состояния общества, падение уровня жизни, снижение рождаемости, избыточная смертность в результате пандемии COVID-2019. Среди послылов выделим такой, как необходимое усиление гражданского единства, патриотизма, солидарности. Среди ответов выделим такой, как интуитивное сплочение общества перед внешними опасностями и поддержка государства. При этом российская политико-управленческая традиция воплощается в отождествлении Родины с государством, государства с властью, власти с Президентом РФ, а Президента РФ с В.В. Путиным как с безальтернативным главой РФ, национальным лидером и главнокомандующим, рейтинг которого вырос в связи с решительными проявлениями геополитической воли.

Новая ситуация может характеризоваться как геополитический, но также и внутривнутриполитический поворот, в котором некоторые эксперты усматривают ресурсы для повышения качества политико-управленческого процесса, прежде всего, за счет реформирования и ротации российской политической и управленческой элиты и перехода ее на патриотические позиции «народности». В самом первом приближении индоктринация патриотических идей в действия политической и управленческой элиты предусматривает честное служение народу. Оно включает: повышение уровня жизни, сохранение и приумножение численности, стимулирование рождаемости, обеспечение рабочими местами и социальными лифтами, предоставление качественных социальных услуг, снижение налогового бремени, поддержка самозанятости и предпринимательства, патронаж социально незащищенных групп населения, повышение социального оптимизма и др.

Не рассматривая реальные и абстрактные аргументы возможной «патриотизации» или, напротив, апатии современной политико-управленческой элиты [4, с. 39-44], отметим, что алгоритм ее сущностно-функциональной конверсии прослеживался в стратегических соображениях

¹ Итоги Первого Московского политологического форума в Президентской академии совместно с РАПН и АПН «Политическая наука сегодня: междисциплинарные подходы». Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ. Москва. 15-16 апреля 2022 г. <https://www.rapn.ru/in.php?part=5&gr=69&d=6199>

Президента РФ. Они легитимированы в указах, посланиях, а также в поручениях как в особом виде оперативных и целевых верхушечных документов [5, с. 131-145; 6]. В. В. Путин на протяжении долгого времени акцентировал в своем управленческом курсе качество и достоверность действий руководителей, как федерального, так и регионального уровня [7, с. 9-37]. Глава государства предпринимал многие организационные меры для повышения профессионализма, ответственности, нравственности руководителей разного уровня – от полномочных представителей Президента РФ в федеральных округах (с 2000 г.) до глав регионов и муниципальных образований¹.

С начала 2000-х гг. требования со стороны федерального центра к адекватности содержания и транспарентности технологий политико-управленческого процесса повышаются в общей централизации и вертикализации власти². Здесь стоит указать на такие этапные мероприятия президентов РФ (В. В. Путина и Д. А. Медведева), как: образование федеральных округов и формирование корпуса полномочных представителей главы государства (2000 г.), образование Государственного совета (2000 г.) и Совета законодателей (2003 г.), реформирование Совета Федерации (2000 г. и 2008 г.), отмена республиканских деклараций о суверенитете (2000 г.) и двусторонних соглашений (2003 г.), налоговая централизация и передача ключевых полномочий в центр, увеличение федеральных чиновников в регионах, а также известное укрупнение субъектов.

Кейс федеративных составляющих политико-управленческого процесса

Политико-управленческий процесс в РФ сохраняет свою «федеративную окраску», которая, впрочем, утратила многие рельефы [8, с. 48-53]. Усилия федерального центра в течение последних 20 лет нацелены на «стягивание регионов» и на усиление присутствия федерального центра в регионах [9, с. 98-102]. Во многом это обусловлено инерцией постсоветских рисков распада страны и несостоявшихся попыток некоторых региональных лидеров оппонировать федеральному центру. Движение РФ от договорно-конституционной федерации к конституционной федерации с сильным центром и сильным президентом имеет свою логику в России, где сила и авторитет центральной власти имеют масштабный социальный запрос [10]. В то же время федеративные отношения по вертикали и по горизонтали являются самостоятельным контекстом разработки и реализации политико-управленческих стратегий и тактик. Политика и управление в России как в федеративном государстве осуществляется в общих рамках распределения полномочий и предметов ведения между федеральным центром и регионами в пределах правового, бюджетного, организационного федерализма. В связи с этим подчеркнем собственное понимание принципов политико-управленческой системы России как федерации Президентом РФ В. В. Путиным. Он «убежден, что наша страна с ее огромной территорией, сложным национально-территориальным устройством, многообразием культурно-исторических традиций не может нормально развиваться и, скажу больше, просто существовать стабильно в форме парламентской республики. Россия должна оставаться сильной президентской республикой»³.

Управление регионами с учетом геополитических вызовов, общероссийских и в то же время региональных проблем и противоречий сегодня представляет весомую задачу. Ее успешное решение прямо проецируется в общую стабильность, в общую национальную безопасность, а также и в лояльность граждан власти [11, с. 77-111]. Здесь значима управленческая настойчивость и в то же управленческая тактичность федерального центра, который формирует политический курс движения страны и «спускает» управленческие императивы в регионы, контролируя их воплощение. Важнейшей технологией федерального центра в системе отношений «центр –

¹ Указ Президента РФ от 28 марта 2011 г. № 352 «О мерах по совершенствованию организации исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации» (вместе с «Порядком исполнения поручений и указаний Президента Российской Федерации») // Информационно-правовое обеспечение. Система ГАРАНТ. URL: <http://base.garant.ru/55170890/> (дата обращения: 30 июня 2021); Распоряжение Президента РФ от 5 декабря 1993 г. № 85-рп «О мерах по упорядочению подготовки актов Президента Российской Федерации» (в ред. от 12 января 2010 г.). ПРАВО: <https://ipravo.info/russia1/zakon18/186.htm>.

² Федеративное устройство: реализация Конституции Российской Федерации: сборник аналитических обзоров и рекомендаций / Институт законодательства и сравнительного правоведения при Правительстве РФ (М.); Под ред. Н.В. Постового, Б.С. Крылова, Ю.А. Тихомирова. М., 1995. 294 с.

³ Послание Президента РФ В.В. Путина Федеральному Собранию РФ. 15 января 2020 г. РИА НОВОСТИ. <https://ria.ru/20200115/1563440439.html>

регионы», которая во многом обеспечивает развитие субъектов в общероссийском политико-управленческом пространстве, является установление формата и процедуры определения глав субъектов РФ [12].

На протяжении транзитивного формирования нового государственного устройства, новой политической системы, нового политического режима трансформировался и формат определения глав субъектов РФ в соответствии с новациями законодательства¹, а также в соответствии с уставами, конституциями регионов и местными законами о выборах. Правовое, организационное и технологическое сопровождение выборов меняется с 1991 г., а главной альтернативой изменений является выбор между назначением и выборами глав регионов. Альтернатива ротации кадрового корпуса соотносится с политической обстановкой в стране, с уровнем национальной безопасности, с общим состоянием управляемости². Вариативность назначения или выборности глав регионов отражает содержание отношений федерального центра и субъектов, которые на разных этапах политического транзита имели разное, в том числе, конфликтное содержание. Стоит отметить, что диалог между федеральным центром и регионами из-за назначения или избрания глав регионов отражает: а) общие противоречия формирования демократического политического режима; б) характерные тенденции устройства региональных политических систем; в) частные столкновения интересов конкретных персоналий³.

Своя модель федеративного контекста и ротации персоналий глав регионов реализуется в Северо-Кавказском федеральном округе (далее – СКФО), который, с одной стороны, отмечен некоторой гомогенностью внутреннего политико-управленческого пространства, а с другой стороны, характеризуется существенным разнообразием субъектов, если не политических, то управленческих процессов. В субъектах РФ СКФО – Ставропольском крае, Дагестане, Ингушетии, Кабардино-Балкарии, Карачаево-Черкесии, Северной Осетии-Алании, Чечне – налицо выраженные различия политико-управленческих, тактик органов власти и МСУ, несмотря на то, что они действуют в одной федеральной властно-доктринальной системе. Эти различия обусловлены историческими, политическими, социальными, демографическими, ментальными факторами, а также принципами образования субъектов (национально-государственным и административно-территориальным). У каждого субъекта РФ СКФО есть своя политическая и этнополитическая история, в том числе и новейшая, в которой присутствуют многие успешные практики и славные достижения, но в то же время наличествуют жесткие конфликтные инциденты, террористические и экстремистские интервенции, потери гражданского населения [13, с. 1433-1441]. Поэтому сохранение безопасности и стабильности в СКФО как в важном геостратегическом приграничном регионе РФ с полиэтничным и поликонфессиональным населением, достигнутое многими усилиями федерального центра, региональных элит и региональных гражданских сообществ, чрезвычайно важно [14, с. 73-76].

В этом контексте собственную ценность имеет кадровая политика главы государства и его политическая логика в определении глав республик и губернатора Ставропольского края. Подчеркнем, что формирование корпуса глав субъектов РФ СКФО осуществляется с учетом многих обстоятельств – уровня социально-экономического развития, потребностей производственной

¹ См.: Федеральные законы: "Об основных гарантиях избирательных прав и права на участие в референдуме граждан Российской Федерации" от 12.06. 2002 г., "Об общих принципах организации законодательных (представительных) и исполнительных органов государственной власти субъектов Российской Федерации" от 6.10.1999 г., "О политических партиях" от 11.07.2001 г.

² См.: Указ Президента РСФСР Б. Ельцин от 22.08.1991 г. "О некоторых вопросах деятельности органов исполнительной власти в РСФСР", Закон Верховный Совет РСФСР от 24.10.1991 г. "О выборах главы администрации"; Указ Президента РФ Б. Ельцина от 17.10.1995 г. "О выборах в органы государственной власти субъектов Российской Федерации и в органы местного самоуправления".

³ В сентябре-декабре 2004 г. Президент РФ В.В. Путин своими указами образовал новую нормативную платформу порядка определения глав субъектов – отмена прямых выборов и утверждение кандидатов законодательными собраниями регионов по представлению Президента РФ, отрешение глав регионов от должности решением Президента РФ в связи с утратой доверия и ненадлежащим исполнением своих обязанностей. Одновременно усилились позиции в выдвижении кандидатур на пост главы региона полномочных представителей Президента РФ в федеральном округе и политических партий. Далее состоялся процесс возврата прямых выборов глав регионов (с 1 июня 2012 г.) и дифференциация формата, который предполагает как прямые (в 75 субъектах), так и непрямые (в 10 субъектах) выборы главы. 21 декабря 2021 г. принят ФЗ N 414-ФЗ "Об общих принципах организации публичной власти в субъектах Российской Федерации».

и социальной инфраструктуры, производственных специализаций, природно-климатических, ландшафтных ресурсов, запросов населения, а также очевидных и скрытых рисков и вызовов, внутренней и внешней детерминации. Выделим также иные специфические ориентиры, которые учитываются федеральным центром в формировании корпуса руководителей регионов РФ СКФО:

- во-первых, этнодемографические и этнокультурные свойства региональных сообществ, так как этноидентификационные стремления населения остаются жизненно важными и востребованными, в том числе, в политике и управлении и заметно проявляются в этнократических конструкциях [15];

- во-вторых, близость и привязанность возможных кандидатов к региональным коллективам по факту рождения, проживания или профессиональной деятельности на соответствующих территориях, так как в северокавказских сообществах высоко ценятся родственные, свойственнические, соседские связи, приверженность к региональной культуре, традициям, языкам;

- в-третьих, значимость личного авторитета и личного общественного бэкграунда гипотетического главы региона, а также его желаемого персонального имиджа как человека большой воли, способного к решительным действиям и «мужским поступкам», к «маскулинному стилю поведения», которые заслуживают одобрение у жителей СКФО;

- в-четвертых, озабоченность северокавказских сообществ социальной и политической судьбой их этнических сородичей за пределами СКФО и за пределами РФ, прежде всего в тех странах ближнего и дальнего зарубежья, где происходят конфликты, гражданские, гибридные войны, дискриминации, националистические, террористические и экстремистские инциденты.

Современный политико-управленческий кейс Республики Северной Осетии-Алании

Указанные типичные тенденции проявились в политико-управленческом процессе республиканского масштаба Республики Северная Осетия-Алания (РСО-А). Они нашли свое выражение в связи с назначением на пост главы РСО-А С.И. Меняйло Указом Президента РФ 9.04.2021 г. Жизненный путь С.И. Меняйло является «приоритетно-нормативным» для исполнения функционала главы региона¹. Его биография содержит множество заслуживающих внимание сюжетов – служба в рядах Северного флота, Каспийской флотилии, Новороссийской военно-морской базы (командир, контр-адмирал), Черноморского флота (заместитель командующего). С.И. Меняйло проявил себя в сложных военно-политических ситуациях в Южной Осетии, в Крыму. В 2014 г. он был назначен губернатором Севастополя. При этом С.И. Меняйло наращивал свое участие в политико-управленческих процессах федерального уровня, он становится членом президиума Государственного совета РФ, полномочным представителем Президента РФ в Сибирском федеральном округе и далее – главой РСО-А.

Блиц-анализ политико-управленческих принципов С.И. Меняйло позволяет выделить его государственнические убеждения, сопряженные с высоким пониманием воинского долга, а также с четким пониманием политической конъюнктуры. С.И. Меняйло, как и иные руководители субъектов РФ СКФО, открыто поддерживает курс Президента РФ и считает, что современный этап исторического творчества России и российской нации можно считать «часом самоочищения». В этом плане закономерен акцент С. Меняйло на необходимости для каждого гражданина определиться в отношении курса Президента РФ и проявить свое отношение к России как к Родине. Также глава РСО-А нацелен на изыскание новых возможностей развития региона в общем антисанкционном политико-управленческом процессе: «Ситуацию с санкциями мы рассматриваем сквозь призму «окна возможностей» для бизнеса, в том числе в сфере импорто-замещения. Да, работа предстоит непростая. Но можно и нужно строить долгосрочные планы»².

В современной ситуации очень важна ясность и релевантность политико-управленческой позиции чиновников всех уровней, которая, так или иначе, транслируется в окружающее сообщество. В этом плане социум РСО-А не равнодушен к происхождению главы региона, к его этнокультурной самоидентификации. В ответ на этот закономерный в СКФО запрос С. И. Меняйло

¹ Меняйло Сергей Иванович. Правительство России. <http://government.ru/persons/397/>; Меняйло Сергей Иванович. https://ru.wikipedia.org/wiki/%D0%9C%D0%B5%D0%BD%D1%8F%D0%B9%D0%BB%D0%BE_%D0%A1%D0%B5%D1%80%D0%B3%D0%B5%D0%B9_%D0%98%D0%B2%D0%B0%D0%BD%D0%BE%D0%B2%D0%B8

²Сергей Меняйло – глава Республики Северная Осетия –Алания. <http://alania.gov.ru/persons/1379>.

отмечает, что воспринимает свою деятельность на посту главы РСО-А как значимый служебный и человеческий долг, как долговременный профессиональный и личностный проект, который основан, в том числе, и на неравнодушном отношении к Северной Осетии, так как «находится дома».

Качество современного политико-управленческого процесса в РСО-А, как и во всех РФ в целом, заострено в связи с глобальными санкциями США и коллективного Запада в отношении России. В этом плане важны тезисы главы региона о том, что на повестке дня вопрос существования России как самостоятельного государства отражает проблему ответственности политиков и управленцев, которая сегодня наполняется конкретным содержанием. В качестве продуктивной технологии управления С.И. Меняйло выделяет тесные связи с федеральными структурами, взаимодействие в рамках управленческой вертикали и горизонтали, что продуктивно в федеративном государстве¹.

Всякий новый руководитель региона РФ интересен своими кадровыми стратегиями, кадровой политикой. В этой связи назначения в 2021–2022 гг. новых управленцев на должности в Правительстве РСО-А вызывают вопросы и разноречивые толкования в республиканском дискурсе. С.И. Меняйло сформулировал свою позицию по системе подбора, расстановки и ротации кадров, которая отмечена системностью, объективностью, а также нейтральностью и непредвзятостью, что важно для региона, где крепки родственные, фамильные связи в рамках этнократической системы.

Глава РСО-А увязывает ротацию кадров с геополитической ситуацией, с потребностями политического времени и политического пространства, с меняющимися задачами, масштаб которых растёт. С.И. Меняйло считает, что чиновники высокого уровня призваны иметь и проявлять ресурсы модернизации, профессионализма, динамичного функционала, а также готовностью и стремлением работать в команде для достижения результата: «У каждого есть шанс проявить свои способности и компетенции и не оставаться в роли статистов»².

Большой интерес вызывают идеи С. Меняйло по поводу развития в регионе не только кадрового потенциала, но и человеческого капитала в целом. Здесь очевидно, что глава РСО-А четко ориентируется в общих проблемах социального и профессионального роста в субъектах РФ СКФО, где весьма ограниченный рынок труда и крайне узки социальные лифты. В этой связи перспективна инициатива С. Меняйло по поводу максимального соотношения подготовки кадров и потребностей рынка труда, в частности, в производстве, в строительстве. Глава региона предлагает пересмотреть направления подготовки молодых специалистов в системе высшего образования для оптимизации связей производства, образования и научных разработок.

Искреннюю заинтересованность проявляет С.И. Меняйло, комментируя организацию торжеств и праздничных мероприятий, посвященных 1100-летию крещения Алании в 2022 г. Этот праздник весьма значим в этноконфессиональном пространстве Северо-Кавказского региона и Северной Осетии-Алании. С.И. Меняйло рассматривает возможности этой даты для сплочения регионального сообщества, для акцентирования общей культурной составляющей участников северокавказского историко-культурного пространства, которые имеют как общие, так и разнонаправленные интересы, в том числе и политические, территориальные, конфессиональные.

Общий политико-управленческий стиль главы РСО-А можно характеризовать как волевой, решительный и в то же время взвешенный и стабилизирующий. В его диапазоне стоит выделить несколько составляющих:

- акцентирование идей высокого общероссийского гражданского патриотического наполнения при понимании социальной специфики республиканского североосетинского сообщества как полиэтничного и поликонфессионального;
- рассмотрение стратегий и тактик регионального политико-управленческого процесса в контексте внутри-и геополитический реалий, вызовов и рисков;
- актуализации серьезных проблем развития региона, проблем жизнеобеспечения республиканского сообщества в различных сферах при оптимистическом видении перспектив развития региона;

¹ Марат Хуснуллин провёл рабочую встречу с главой Республики Северная Осетия – Алания Сергеем Меняйло. 9 декабря 2021 г. Правительство России. <http://government.ru/news/44053/>

² Большая пресс-конференция главы РСО-Алания Сергея Ивановича Меняйло.

https://iryston.tv/teleproject_release/bolshaya-press-konferentsiya-glavy-rso-alaniya-sergeya-ivanovicha-menyajlo/

- открытость и заинтересованность в общении с работниками СМИ, с гражданским обществом, гражданскими активистами;
- интерактивность, стремление к поиску эффективных технологий и компетенций политического и административного управления, а также ресурсов модернизации для подъема ситуации в республике

Краткое резюме

Современный российский политико-управленческий процесс в силу очевидных и жестких внешних вызовов и рисков приобретает особую значимость в плане оперативности, достоверности, качества и эффективности. Акцентированной идеологемой политики и управления стала идея суверенитета, конкурентоспособности, безопасности, устойчивости России в новых, крайне неблагоприятных реалиях мироустройства. Заявление РФ своих предпочтений и устремлений в мировой политике обязывает руководство России к применению транспарентных стратегий и тактик не только на международной арене, но и в отношении оптимизации внутреннего экономического, политического и социального пространства.

На этом пространстве техниками и технологиями политико-управленческого процесса важно:

- поддерживать гражданское единство и патриотические настроения граждан, которые солидарны с инициативами главы государства;
- применять эффективные формы и методы компенсации населению существенных потерь, которые стали следствием применяемых к России беспрецедентных санкций со стороны США и коллективного Запада;
- избегать формализации и бюрократической эксплуатации народного энтузиазма и искренних массовых выражений верности России как Отечеству;
- учитывать дифференцированные свойства и устремления социальных, этнических сообществ, имеющих разный социальный и политический опыт позиционирования в составе российской гражданской нации и обустройства в составе Российского государства;
- обеспечивать российских граждан правдивой и оперативной информацией о внешнеполитических сюжетах, о ходе специальной военной операции РФ на Украине и о будущих перспективах России и российского общества в части обеспечения граждан социальными услугами, демократическими свободами, общегражданскими правами.

Свое содержание политико-управленческий процесс имеет на Северном Кавказе, в связи с чем, тем более, на современном этапе игнорирование собственно северокавказских проблем в политике и управлении крайне непредусмотрительно. Подчеркнем, что на Северном Кавказе население, прошедшее многие, в том числе, рискованные стадии национально-государственного, национально-территориального и национально-культурного самоопределения, пережившее тяжелые сюжеты репрессий, конфликтов, террористического воздействия, весьма неравнодушно относится к достигнутой государственности в виде республик РФ [16, с. 58-72].

Эта форма национально-государственной организации населения на исторических территориях этногенеза определённых народов создает благоприятные условия для сохранения комплекса этничности во многих ее социальных претворениях (язык, культура, обрядность, традиции, неписанный этнический этический кодекс поведения и др.). Покушения на свободу этнической идентификации, пренебрежение языковыми, историко-культурными интересами, этноконфессиональная интервенция, социальная унификация, культуртрегерство воспринимаются населением настороженно и даже встречают организованное сопротивление.

В то же время современные северокавказские сообщества СКФО в условиях очевидных рисков и вывозов международного калибра проявляют высокий уровень гражданского сознания, высокую степень отождествления себя с российским и даже с русским миром [11, с. 99].

Это важно поддерживать политико-управленческими мерами, однако, не формализуя и не эксплуатируя патриотические побуждения и искренность населения. Также это требует профессиональных политических и управленческих интерпретаций, которые бы ясно и достоверно формировали у жителей региона будущий образ России как правового, социального, демократического государства.

Список источников

1. Денисенко И. Ф., Тованчова Е. Н. Перекомпозирование мирополитических отношений и социально-политических ролей в современном глобальном мире // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 2. С. 184-188.
2. Юрченко В., Пуликовский С., Юрченко И. Формирование концепции российского патриотизма в условиях современных геополитических вызовов // Вестник Российской нации. 2021. № 3. С. 47-54.
3. Черданцев В. В., Глазунов О. Н. Прикладная кратология. Наука о власти. М., 2015. 160 с.
4. Виноградов М. Ю., Сулова А. А. Возможна ли апатия у российских элит? // Власть. 2022. Т. 30. № 2. С. 39-44.
5. Гаджиев Х. А. Эффективность президентской власти: критерии оценки // Вестник Российской нации. 2018. № 1 (59). С.131-145.
6. Старцев Я.Ю. Поручения Президента РФ: анализ инструмента дискреционной власти. URL: <https://docplayer.ru/28899106-Porucheniya-prezidenta-rf-analiz-instrumenta-diskreccionnoy-vlasti.html> (дата обращения: 5 июня 2021).
7. Федякин А. К 30-летию отечественного президентства: национальные интересы и образ России в инаугурационных речах и праздничных выступлениях главы государства // Вестник Российской нации. 2021. № 1-2. С. 9-37.
8. Коротина Н. Ю. Асимметрия системы экономического федерализма: понятие и классификация // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2021. № 1. С. 48-53.
9. Климашевская О. В. Проблемы действующей системы и структуры федеральных органов исполнительной власти // Власть. 2022. Том. 30. № 1. С. 98-102.
10. Лексин В.Н. Федеративная Россия и ее региональная политика. М.: ИНФРА-М, 2008. 352 с.
11. Чихтисов Р.А. Социальные причины проявления экстремистских настроений в молодежной среде в регионах Северного Кавказа / Роль информационных и телекоммуникационных технологий в противодействии экстремизму и терроризму в образовательной и молодежной среде: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Владикавказ, 30 мая 2022 года. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 2022. – С. 77-111.
12. Палитай И. С., Матюсова А. И. Губернаторский корпус РФ: сравнительный анализ механизмов отбора и каналов рекрутирования «новичков» и «старожилов» // Вестник Московского государственного областного университета. 2020. № 4. С. 114-130.
13. Аствацатурова М. А. Этнополитические заметки из дневника Северо-Кавказского федерального округа // Вопросы политологии. 2019. Вып. 7 (47). Т. 9. С. 1433-1441.
14. Дзахова Л. Х., Кадзова Н. Г., Мильдзихов С. Т. Профилактика экстремистского и террористического поведения молодежи в интернет-пространстве как государственная и международная проблема / Роль информационных и телекоммуникационных технологий в противодействии экстремизму и терроризму в образовательной и молодежной среде: материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Владикавказ, 30 мая 2022 года. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 2022. С. 73-76.
15. Адиев А. З., Аккиева С. И., Аствацатурова М. А., Курбанов Е. Ш., Щербина Е. А. Неформальное этническое квотирование в полиэтничных республиках Северного Кавказа. Аналитический доклад. Махачкала, 2017. 53 с.
16. Койбаев Б. Г., Цогоев Д. А. Проблемы реализации инициатив государственной власти по противодействию экстремизму в РФ / Роль информационных и телекоммуникационных технологий в противодействии экстремизму и терроризму в образовательной и молодежной среде : материалы Межрегиональной научно-практической конференции, Владикавказ, 30 мая 2022 г. Владикавказ: Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова, 2022. С. 131-137.

References

1. Denisenko I. F., Tovanchova E. N. Re-composing world political relations and socio-political roles in the modern global world. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(2):184-188. (In Russ.)
2. Yurchenko V., Pulikovskiy S., Yurchenko I. Formation of the concept of Russian patriotism in the context of modern geopolitical challenges. *Vestnik Rossiiskoi natsii = Bulletin of the Russian Nation*. 2021;(3):47-54. (In Russ.)
3. Cherdantsev V. V., Glazunov O. N. *Applied Cratology. Power science*. Moscow; 2015. 160 p. (In Russ.)
4. Vinogradov M. Yu., Suslova A. A. Is apathy possible among the Russian elites ? *Vlast' = The Authority*. 2022;30(2):39-44. (In Russ.)

5. Hajiyev Kh. A. Efficiency of presidential power: assessment criteria. *Vestnik Rossiiskoi natsii = Bulletin of the Russian Nation*. 2018;1(59):131-145. (In Russ.)

6. Startsev Y. Yu. *Instructions of the President of the Russian Federation: analysis of the instrument of discretionary power*. Available from: <https://docplayer.ru/28899106-Porucheniya-prezidenta-rf-analiz-instrumenta-diskreционnoy-vlasti.html> [Accessed: June 5, 2021] (In Russ.)

7. Fedyakin A. To the 30th anniversary of the domestic presidency: national interests and the image of Russia in the inaugural speeches and festive speeches of the head of state. *Vestnik Rossiiskoi natsii = Bulletin of the Russian Nation*. 2021;(1-2):9-37. (In Russ.)

8. Korotina N. Yu. Asymmetry of the system of economic federalism: concept and classification. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2021;(1):48-53. (In Russ.)

9. Klimashevskaya O. V. Problems of the current system and structure of federal executive bodies. *Vlast' = The Authority*. 2022;30(1):98-102. (In Russ.)

10. Lexin V. N. *Federal Russia and its regional policy*. Moscow: INFRA-M; 2008. 352 p. (In Russ.)

11. Chikhtisov R. A. Social reasons for the manifestation of extremist sentiments in the youth environment in the regions of the North Caucasus. In: *The role of information and telecommunication technologies in countering extremism and terrorism in the educational and youth environment: materials of the Interregional Scientific and Practical Conference, Vladikavkaz, May 30, 2022*. Vladikavkaz: North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov, 2022:77-111. (In Russ.)

12. Palette I. S., Matyusova A. I. Governor's Corps of the Russian Federation: a comparative analysis of the selection mechanisms and recruiting channels for "newcomers" and "old-timers". *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo oblastnogo universiteta = Bulletin of Moscow State Regional University*. 2020;(4):114-130. (In Russ.)

13. Astvatsaturova M. A. Ethnopolitical notes from the diary of the North Caucasus Federal District. *Vo-prosy politologii = Political science issues*. 2019;7(47)(9):1433-1441. (In Russ.)

14. Dzakhova L. H., Kadzova N. G., Mildzikhov S. T. Prevention of extremist and terrorist behavior of young people in the Internet as a state and international problem. In: *The role of information and telecommunication technologies in countering extremism and terrorism in the educational and youth environment: materials of the Interregional Scientific and Practical Conference, Vladikavkaz, May 30, 2022*. Vladikavkaz: North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov; 2022:73-76. (In Russ.)

15. Adiev A. Z., Akkieva S. I., Astvatsaturova M. A., Kurbanov E. Sh., Shcherbina E. A. *Informal ethnic quotas in the multi-ethnic republics of the North Caucasus. Analytical report*. Makhachkala; 2017. 53 p. (In Russ.)

16. Koybaev B. G., Tsogoev D. A. Problems of implementing initiatives of state power to promote extremism in the Russian Federation. In: *The role of information and telecommunication technologies in countering extremism and terrorism in the educational and youth environment: materials of the Interregional Scientific and Practical Conference, Vladikavkaz, May 30, 2022*. Vladikavkaz: North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov; 2022:131-137. (In Russ.)

Информация об авторах

М. А. Аствацатурова – доктор полит. наук, проф., директор Научно-образовательного центра политических и этнополитических исследований ПГУ;

Л. Х. Дзахова – докт. полит. наук, зав. кафедрой философии и социальных наук СОГУ им. К. Л. Хетагурова.

Information about the authors

M. A. Astvatsaturova – Doctor of Political Sciences, Professor, Director of the Scientific and Educational Center for Political and Ethnopolitical Research of Pyatigorsk State University;

L. Kh. Dzakhova – Doctor of Political Sciences, Head of the Department of Philosophy and Social Sciences of North Ossetian State University named after K.L. Khetagurov.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests

Статья поступила в редакцию 27.07.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted 27.07.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 23.08.2022.

Научная статья

УДК 321.011.1

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-187-192

ГРАЖДАНСТВО РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ КАК ИНСТИТУТ СИСТЕМЫ ГАРАНТИЙ НЕЗАВИСИМОСТИ И БЕЗОПАСНОСТИ ГОСУДАРСТВА

Давид Кромвелович Григорян¹, Евгения Николаевна Кондратенко²,
Валерия Андреевна Дурасенко³

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия,

^{1,3}Ростовский юридический институт Министерства внутренних дел Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия

¹davo-davo23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9411-8418>

²zen2710@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0286-5131>

³vdurasenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3202-4803>

Аннотация. Настоящая статья посвящена оценке и анализу изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ, предлагаемые законопроектом РФ от 29.12.2021 № 49269-8. В работе рассматривается целесообразность внесения обсуждаемых изменений в законодательство Российской Федерации в связи со сложившейся политической обстановкой в стране и в мире, с учетом проведения Российской Федерацией Специальной военной операции на территории Украины с целью демилитаризации и денацификации Украины. Проведенный анализ позволил прийти к выводу о том, что актуальность и целесообразность внесения изменений в Федеральный закон «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ тождественны и оправданы.

Ключевые слова: Российская Федерация, законодательство Российской Федерации, институт гражданства, прекращение гражданства, специальная военная операция, беженцы

Для цитирования: Григорян Д. К., Кондратенко Е. Н., Дурасенко В. А. Гражданство Российской Федерации как институт системы гарантий независимости и безопасности государства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 187–192. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-187-192>

Politology and Ethnopolitics

Original article

CITIZENSHIP OF THE RUSSIAN FEDERATION AS AN INSTITUTION OF THE SYSTEM OF GUARANTEES OF INDEPENDENCE AND THE SECURITY OF THE STATE

David K. Grigoryan¹, Evgenia N. Kondratenko², Valeria A. Durasenko³

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

^{1,3}Rostov Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation, Rostov-on-Don, Russia

¹davo-davo23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-9411-8418>

²zen2710@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0003-0286-5131>

³vdurasenkov@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-3202-4803>

Abstract. This article is devoted to the assessment and analysis of amendments to the Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation" dated 31.05.2002 No. 62-FZ, proposed by the draft Law of the Russian Federation No. 49269-8 dated 29.12.2021. The paper considers the expediency of introducing the discussed amendments to the legislation of the Russian Federation in connection with the current political situation in the country and in the world, taking into account the conduct of a special military operation by the Russian Federation on the territory of Ukraine for the purpose of demilitarization and denazification of Ukraine. The analysis made it possible to come to the conclusion that the relevance and expediency of

amendments to the Federal Law "On Citizenship of the Russian Federation" dated 31.05.2002 No. 62-FZ are identical and justified.

Keywords: Russian Federation, legislation of the Russian Federation, institute of citizenship, termination of citizenship, Special military Operation, refugees

For citation: Grigoryan D. K., Kondratenko E. N., Durasenko V. A. Citizenship of the Russian Federation as an institution of the system of guarantees of independence and the security of the state. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(3):187–192. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-187-192>

Институт гражданства в Российской Федерации представляет собой сложную систему, состоящую из двух взаимосвязанных и взаимозависимых элементов, таких как граждане и государство, основное предназначение которых заключается в наделении человека правовым статусом, именуемым – гражданин Российской Федерации. До сегодняшнего дня правовые нормы о гражданстве в России регламентируются Федеральным законом «О гражданстве Российской Федерации» от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ. Нельзя не отметить, а также не согласиться с мнением многих ученых, например, Скачковой А.П., которые в своих трудах упоминали о целесообразности внесения изменений в данный закон. Актуальность внесения корректировок крайне высока и причиной тому служит дестабилизация политических отношений в мире [1]. Также предлагаемые законопроектом изменения требований при приеме в российское гражданство необходимы для выполнения одной из намеченных национальных целей Российской Федерации, которая содержится в Указе Президента Российской Федерации «О национальных целях развития России до 2030 года» от 21.07.2020 года и звучит как «увеличение численности населения». Стоит отметить, что по данным пояснительной записки к проекту Федерального закона «О гражданстве Российской Федерации», одним из направлений своего предназначения законопроект определяет реализацию Концепции государственной миграционной политики Российской Федерации на 2019 – 2025 годы.

В предложенном законопроекте РФ от 29.12.2021 № 49269-8 четко определены пункты, касающиеся изменений требований при приеме в гражданство России. Так, в законопроекте предлагается расширить перечень субъектов, имеющих право на процедуру упрощенного приема в гражданство, что приветствуется судебными практиками и характеризуется многими учеными как положительное явление ввиду увеличения числа лиц, имеющих добровольное желание стать гражданами Российской Федерации. Ранее такими учеными, как Калинин В. Н. и Кальгина А.А. отмечалось признать необходимым внесение изменений в ФЗ «О гражданстве РФ» касательно упрощенного порядка приобретения гражданства из-за изменения политико-экономической обстановки в стране [2]. Согласно законопроекту в данный перечень входят:

1) граждане бывшего СССР и их дети, а также участники государственной программы по добровольному переселению. Включение данной категории субъектов в общий перечень закона на сегодняшний день, с учетом сложившейся политической обстановки, считается целесообразным и актуальным. Так, с 2014 года по март 2017 года по данным официально представленной информации представителем МИД России Марией Захаровой число граждан Украины, находящихся на территории России составило более 2-х млн. 300 тыс. человек [3]. Сегодня в связи с проведением Российской Федерации специальной военной операции на территории Украины ситуация с беженцами не становится стабилизированной, а наоборот число таковых возрастает. Владимир Владимирович Путин на заседании Генпрокуратуры официально заявил о цифре беженцев из Украины и Донбасса в Россию, которая равнялась более миллиону беженцев¹;

2) лица, имеющие в Российской Федерации близких родственников, имеющих российское гражданство. По данной категории стоит обратить внимание на такое понятие, как «близкие родственники», которое также считается необходимым закрепить в ФЗ «О гражданстве РФ». Однако, согласно п. 4 ст. 5 УПК РФ близкими родственниками являются супруг, супруга, родители, дети, усыновители, усыновленные, родные братья и родные сестры, бабушка, бабушка, а также внуки. Из данного перечня можно сделать вывод о том, что вероятность установления факта нахождения близких родственников на территории России иным лицам достаточно

¹ LENTA.RU / Россия: Политика: Путин назвал число прибывших в Россию беженцев из Донбасса и Украины - <https://lenta.ru/news/2022/06/25/bezhenci/> (дата обращения: 25.06.2022).

высока, особенно, если анализировать степень родства с соседними странами Российской Федерации, такими как Украина, Белоруссия, Казахстан;

3) родственники постоянно проживающих на территории Российской империи и бывшего СССР в пределах государственной границы СССР. Целесообразно подчеркнуть, что прохождение процедуры признания факта того, что предлагаемый законопроектом перечень субъектов, является носителем русского языка не обязателен. Однако, знание истории России и основ законодательства приобретает устойчивое положение при приеме в российское гражданство, также по-прежнему главными условиями остаются соблюдение Конституции Российской Федерации, не представление угрозы для правопорядка и безопасности Российской Федерации и владение русским языком;

4) лица, родившиеся на территории РФ (территории РСФСР) до 6 февраля 1992 года, а также лица, имеющие одного или двух родителей, являвшихся на момент рождения ребенка, гражданами бывшего СССР и постоянно проживали на территории РФ (РСФСР).

5) военнослужащие, которые принесли присягу на верность СССР или РФ. Введение данной группы лиц может считаться явлением, вызывающим вопрос, так как военнослужащие любого государства «по определению» граждане своих государств, однако существует мнение на этот счет о том, что под «военнослужащими» стоит понимать граждан других государств.

Законопроектом предлагается оставить во введении Президента исключительный порядок приобретения гражданства России следующих категорий лиц:

1) Ветераны Великой Отечественной войны, являющиеся гражданами бывшего СССР;

2) лица, имеющие особые заслуги перед Россией. Под особыми заслугами, по мнению Волковой В.В., следует понимать установленную в поощрительных нормах права модель поведения в зависимости от формы выражения заслуг в законодательстве [4].

3) лица, кто ввиду своей профессии или квалификации либо по иным причинам представляют интерес для России.

В этой связи, в июле 2022 года Президентом РФ В.В. Путиным был подписан Указ от 11.07.2022 № 440 «О внесении изменений в Указ Президента Российской Федерации от 24 апреля 2019 г. № 183 «Об определении в гуманитарных целях категорий лиц, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке» и Указ Президента Российской Федерации от 29 апреля 2019 г. № 187 «Об отдельных категориях иностранных граждан и лиц без гражданства, имеющих право обратиться с заявлениями о приеме в гражданство Российской Федерации в упрощенном порядке». В данном Указе Президентом был расширен круг лиц, которые могут получить в упрощенном порядке гражданство Российской Федерации. Если конкретнее, то граждане Украины, ДНР или ЛНР, а также лица без гражданства, которые постоянно проживают на территории Донецкой и Луганской народных республиках и Украины, имеют возможность получить российское гражданство в упрощенном порядке. В ранние периоды воспользоваться такой возможностью могли только граждане Украины, ДНР или ЛНР, постоянно проживающие на территории ДНР, ЛНР, Запорожской либо Херсонской области Украины. На сегодняшний день такое право могут использовать также лица без гражданства, имеющие миграционную карту с условием, что данные категории лиц обязаны на постоянной основе проживать на территории ДНР, ЛНР или Украины.

Возвращаясь к законопроекту о гражданстве, отметим, что согласно ему Президент России вправе самостоятельно определять категорию лиц, которые могут приобретать гражданство РФ в исключительном порядке.

Институт прекращения гражданства в законопроекте РФ от 29.12.2021 № 49269-8 также нашел свое отражение взамен отмены решений о приеме в гражданство Российской Федерации. Повышается роль Президента РФ, выражающаяся в согласовании с ним прекращения гражданства РФ по всем основаниям без исключения. Полномочиями по прекращению гражданства РФ по причине добровольного волеизъявления граждан законопроектом предлагается наделить МВД России, что довольно таки эффективно в последующем обеспечит использование единого механизма прекращения гражданства по доброй воле самих граждан РФ. Закон также определяет исключительные случаи решения вопроса о прекращении гражданства РФ Президентом РФ. К таким случаям, в соответствии с законопроектом относятся дети, находящиеся под опекой иностранных граждан или усыновленных (удочеренных) ими вне зависимости места проживания таких детей.

Особое внимание в законопроекте уделяется прекращению гражданства РФ как следствии совершения конкретного преступления или преступлений согласно уголовному законодательству Российской Федерации. К перечню таких преступлений добавляются некоторые преступления против государства, а также преступления в сфере оборота наркотических средств и психотропных веществ. Расширение перечня преступлений, по которым Российская Федерация имеет основания согласно внутреннему законодательству прекращать статус гражданина РФ положительно влияет на безопасность общества Российской Федерации, что и является основной функцией государства по мнению многих ученых, включая и Э.Р. Мурадян, который высказался по данной проблеме еще в 2008 году в своих научных трудах [5]. По нашему мнению, целесообразно включить в предлагаемый законопроект перечень преступных деяний, составы, относящиеся к особо тяжким и совершаемые рецидивистами в отношении несовершеннолетних.

Изменения, предлагаемые законопроектом, затронули и основной документ, подтверждающий гражданство РФ – паспорт. Предлагается внедрить электронные паспорта в пользование всеми гражданами России. Подобное новшество, по нашему мнению, благоприятно отразится на функционировании Информационной системы МВД России, а также в последующем спроецирует практику применения электронных ресурсов подобного рода в документообороте гражданства РФ.

Также, проанализировав сравнительную характеристику института гражданства в зарубежных странах, мы пришли к определенным умозаключениям относительно целесообразности применения конкретных оснований, дающих право на приобретение гражданства. Например, в США на сегодняшний день действует государственная лотерейная программа «Diversity Immigrant Visa» по получению иммиграционных виз, дающих право на приобретение постоянного статуса резидента США и в последующем, по истечении 5-летнего срока, полноправного гражданина страны. Участником лотереи может стать абсолютно любой гражданин, окончивший школу, имеющий заграничный паспорт, не имевший непогашенных судимостей и заполнивший анкету с необходимыми данными. Победителей ежегодно определяет специальная программа путем отбора случайных чисел [6]. Данное явление, на наш взгляд, характеризуется негативно, так как предполагает наличие потенциальной угрозы для общества страны в виде получения правового статуса гражданина на законных основаниях, однако без должной гарантии соблюдения им законодательства. Также стоит уделить внимание такому способу получения гражданства как инвестиции, например, в Турции капиталовложение должно составлять не менее 500 тысяч долларов, в таких странах, как Черногория – инвестиции должны быть не менее 100 тысяч евро, в Норвегии – 250 тысяч евро, а в Испании – 2 млн. евро, что говорит о том, что «гражданство можно купить». Такой способ, с нашей точки зрения, не стоит относить к благонадежным, так как далеко не все обеспеченные граждане Европы добывают деньги законным путем, следовательно, именно они могут негативно повлиять на уровень преступности в той или иной стране.

С недавних времен ряд стран мира легализовали способ приобретения гражданства, связанный с покупкой недвижимости, что также стоит отнести к провокационным способам. Так, в Республике Кипр, купив недвижимое имущество от 300 тысяч евро, любой человек может рассчитывать на оформление вида на жительство, а в последующем и получения статуса полноправного гражданина Кипра. В Португалии стоимость недвижимого имущества должна составлять не менее 500 тысяч евро, при этом инвестор при таких условиях имеет право не присутствовать лично при оформлении документов, что крайне опасно для безопасности общества страны, а главным же условием является одобрение от иммиграционного департамента. В Гренаде на сегодня основания для получения гражданства могут быть, как инвестиции от 150 тысяч долларов в Фонд Национальной Трансформации, так и покупка недвижимости от 220 тысяч долларов, однако, оформление самих паспортов на семью, состоящую из 4-х человек, требует также денежных взносов в размере 200 тысяч долларов. Необходимо отметить, что все страны, имеющие легализованное основание приобретения гражданства путем капиталовложений и покупки недвижимости имеют разрешение на въезд во многие другие страны мира без визы, что создает не только угрозу конкретной стране в плане законных перемещений лиц, совершивших преступления, но и международной безопасности мира. Так, Гренада разрешает

выезд своим гражданам без визы в 116 стран мира, Сент-Люсия – в 120 стран, а Антигуа и Барбаду – в 132 страны мира¹.

Таким образом, редакция Федерального закона «О гражданстве РФ» от 31.05.2002 г. № 62-ФЗ, предлагаемая Законопроектом РФ от 29.12.2021 № 49269-8 после вступления в законную силу окажет влияние на широкий спектр развития направлений по следующим показателям:

1) стабилизация института гражданства в Российской Федерации путем расширения категорий лиц, имеющих право на упрощенный порядок приема в гражданство РФ;

2) выполнение национальных целей РФ согласно Указу Президента РФ от 21.07.2020 № 474 «О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года» за счет предлагаемых законопроектом изменений в ФЗ «О гражданстве РФ», имеющих второстепенную цель в виде увеличения численности страны;

3) защита суверенитета и укрепление целостности государства с помощью увеличения перечня преступлений, прекращающих право быть гражданином РФ, предлагаемых законопроектом о внесении изменений в ФЗ «О гражданстве РФ»;

4) обеспечение безопасности граждан Российской Федерации путем недопущения легализации таких оснований приобретения гражданства как лотерейная программа, капиталовложения или покупка недвижимости;

5) развитие политической системы государства с последующим развитием социальной сферы общества как первоочередный показатель положительного влияния за счет регуляции конституционного и федерального законодательства страны.

Список источников

1. Лапшина И. Е., Скачкова А. П. Новеллы правового регулирования принятия в гражданство Российской Федерации // Концепт. 2018. №5. - <https://cyberleninka.ru/article/n/novelly-pravovogo-regulirovaniya-prinyatiya-v-grazhdanstvo-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 09.07.2022).

2. Калинин В.Н., Кальгина А.А. Изменение требований при приеме в российское гражданство Федеральным законом РФ от 20 апреля 2014 г. № 71-ФЗ, связанных с владением русским языком // Вестник Московского университета МВД России. 2014. №12. - <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-trebovaniy-pri-prieme-v-rossiyskoe-grazhdanstvo-federalnym-zakonom-rf-ot-20-aprelya-2014-g-71-fz-svyazannyh-s-vladieniem-russkim> (дата обращения: 15.07.2022).

3. Семенистый А.В. О совершенствовании законодательства в области гражданства Российской Федерации // Государственная службы и кадры. 2022. №1. - <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-zakonodatelstva-v-oblasti-grazhdanstva-rossiyskoy-federatsii> (дата обращения: 18.07.2022).

4. Волкова В.В. Классификация заслуг в поощрительном производстве // Теория и практика общественного развития. 2014. №5. - <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-zaslug-v-poooschritelnom-proizvodstve> (дата обращения: 15.07.2022).

5. Мурадян Э. Р. Безопасность личности в современной России // Вестник ЮУрГУ. Серия: Право. 2008. №2 (102). - <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnost-lichnosti-v-sovremennoy-rossii> (дата обращения: 17.07.2022).

6. Шутурова Х.М. Правовой институт двойного гражданства России и США // Образование и право. 2022. №5. - <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-institut-dvoynogo-grazhdanstva-rossii-i-ssha> (дата обращения: 29.07.2022).

References

1. Lapshina I.E., Skachkova A.P. Novelties of legal regulation of admission to citizenship of the Russian Federation. *Kontsept = Concept*. 2018;(5). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/novelly-pravovogo-regulirovaniya-prinyatiya-v-grazhdanstvo-rossiyskoy-federatsii> [Accessed: July 9, 2022] (In Russ.).

¹ VisaSam.ru / Страны, дающие гражданство при покупке недвижимости:

<https://visasam.ru/emigration/vybor/grazhdanstvo-pri-pokupke-nedvizhimosti.html> (дата обращения: 09.07.2022).

2. Kalinin V.N., Kalgina A.A. Changing the requirements for admission to Russian citizenship by Federal Law of the Russian Federation No. 71-FZ of April 20, 2014 related to the possession of the Russian language. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Bulletin of the Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*. 2014;(12). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/izmenenie-trebovaniy-pri-prieme-v-rossiyskoe-grazhdanstvo-federalnym-zakonom-rf-ot-20-aprelya-2014-g-71-fz-svyazannyh-s-vladeniem-russkim> [Accessed: July 15, 2022]. (In Russ.).

3. Semenisty A.V. On improving legislation in the field of citizenship of the Russian Federation. *Gosudarstvennaya sluzhby i kadry = Public services and personnel*. 2022;(1). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/o-sovershenstvovanii-zakonodatelstva-v-oblasti-grazhdanstva-rossiyskoy-federatsii> [Accessed: July 18, 2022]. (In Russ.).

4. Volkova V.V. Classification of merits in incentive production. *Teoriya i praktika obshchestvennogo razvitiya = Theory and practice of social development*. 2014;(5). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/klassifikatsiya-zaslug-v-pooschritelnom-proizvodstve> [Accessed: July 15, 2022]. (In Russ.).

5. Muradyan E. R. Personal security in modern Russia. *Vestnik YuUrGU. Seriya: Pravo = Bulletin of SUSU. Series: Law*. 2008;2(102). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/bezopasnostlichnosti-v-sovremennoy-rossii> [Accessed: July 17, 2022]. (In Russ.).

6. Shuturova H. M. Legal Institute of dual citizenship of Russia and the USA. *Obrazovanie i pravo = Education and law*. 2022;(5). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/pravovoy-institut-dvoynogo-grazhdanstva-rossii-i-ssha> [Accessed: July 29, 2022]. (In Russ.).

Информация об авторах

Д. К. Григорян – канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС, доц. кафедры криминалистики и оперативно-розыскной деятельности РЮИ МВД России;

Е. Н. Кондратенко – канд. полит. наук, доц. кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС;

В. А. Дурасенко – курсант Ростовского юридического института МВД России.

Information about the authors

D. K. Grigoryan – PhD in Political Sciences, Associate Professor of Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration; Associate Professor of the Department of Criminalistics and Investigative Activities of Rostov Law Institute of Ministry of Internal Affairs of Russian Federation;

E. N. Kondratenko – PhD in Political Sciences, Associate Professor of Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration;

V. A. Durasenko – Cadet of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 04.08.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted 04.08.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 23.08.2022.

ПРИЧИНЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ МЕЖДУНАРОДНЫХ КОНФЛИКТОВ И ГИПОТЕЗЫ ИХ БУДУЩЕГО РАЗВИТИЯ: ПОЛИТОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Андрей Андреевич Ковалев

Северо-Западный институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Санкт-Петербург, Россия, kovalev-aa@ranepa.ru

Аннотация. Целью статьи является стремление выявить возможные причины будущих международных конфликтов и проанализировать способы их протекания с политологической точки зрения. Работа основана на применении политического анализа и прогнозирования, которые позволили рассмотреть различные аспекты вероятных будущих международных конфликтов с тем, чтобы повысить эффективность управление ими. Современные международные конфликты видоизменились. На основании чего в статье была предпринята попытка систематизировать условия и причины их возникновения. Также были рассмотрены основные очаги напряженности в мире, сгруппированные по территориальному признаку, дополненному рядом второстепенных условий. Автор приходит к выводу, что спрогнозировать международные конфликты будущего и управлять ими можно на основании выдвижения ряда гипотез их развития, которые будут преобладать в ближайшее время.

Ключевые слова: международный конфликт, конфликтогенность, напряженность, социально-политические последствия, управление конфликтом

Для цитирования: Ковалев А. А. Причины возникновения международных конфликтов и гипотезы их будущего развития: политологический аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 193–203. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-193-203>

Politology and Ethnopolitics

Original article

CAUSES OF INTERNATIONAL CONFLICTS AND HYPOTHESES OF THEIR FUTURE DEVELOPMENT: POLITICAL SCIENCE ASPECT

Andrej Andreevich Kovalev

North-West Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, St. Petersburg, Russia

¹kovalev-aa@ranepa.ru

Abstract. The aim of the article is to identify possible causes of future international conflicts and analyze the ways of their occurrence from a political point of view. The work is based on the application of political analysis and forecasting, which allowed us to consider various aspects of likely future international conflicts in order to improve their management. Modern international conflicts have changed. On the basis of which the article attempted to systematize the conditions and causes of their occurrence. The main hotbeds of tension in the world were also considered, grouped on a territorial basis, supplemented by a number of secondary conditions. The author comes to the conclusion that international conflicts of the future can be predicted and managed on the basis of a number of hypotheses of their development, which will prevail in the near future.

Keywords: international conflict, conflictogenicity, tension, socio-political consequences, conflict management

For citation: Kovalev A. A. Causes of international conflicts and hypotheses of their future development: political science aspect. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):193–203.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-193-203>

Введение

Ученые и политики-практики, понимая необходимость предотвращения глобальных конфликтов, тем не менее, пытаются предсказать возможные причины и ход будущих международных конфликтов. Исследуя данную проблематику, стоит отдельно рассмотреть возможность некоего перспективного подхода к изучению современных тенденций развития международных конфликтов.

Нынешний мир конфликтов демонстрирует огромное разнообразие, несравнимое с некоей простотой той общей «карты конфликтов», которая была составлена теоретиками и политиками-практиками после окончания холодной войны, ознаменовавшей создание однополярного мира. Именно попытка США как самопровозглашенного лидера западной цивилизации навязать свои экономические и политические интересы и породила современное противостояние цивилизаций, угрожающее перерасти в глобальный военный конфликт.

В XXI веке мировое сообщество не должно допустить развязывания новой мировой войны. Противоборствующие империи больше не разделяют планету, пространство международного права расширилось, традиционные проблемы географического контроля над территориями кажутся – пусть на время – но все же локализованными. Но мир не может быть описан как движущийся всецело к «деконфликтуализации», как постепенно объединяющийся вокруг общих ценностей, которые будут сдерживать его агрессивность.

Цель настоящего исследования – выявить возможные причины будущих международных конфликтов и проанализировать способы их протекания, опираясь на политологический аспект.

Работа основана на применении политического анализа и прогнозирования, которые позволили рассмотреть различные аспекты вероятных будущих международных конфликтов с тем, чтобы повысить эффективность управления ими.

Условия возникновения международных конфликтов современности

Современные войны пересекаются друг с другом множеством конфликтов, которые трудно классифицировать. Возникает образ многолетнего, диффузного и циркулирующего насилия. Такова сложная геостратегическая реальность. В условиях этой реальности в международной системе конфликтов доминируют три возможных условия, в которых возникают различные конфликты.

Первое условие связано с диалектическим противоречием между открытостью современного мира, в котором постепенно стираются границы, и стремлением многих стран сохранить национально-государственное своеобразие, что в крайних формах приводит к социокультурной изоляции.

В начале XXI столетия процесс глобализации сопровождается невиданной ранее революцией в области коммуникаций, которая развивается в течение последних четырех десятилетий и находит свое отражение в круговороте людей, товаров, идей и капитала. Родается мир открытых или «приоткрытых» границ.

С другой стороны, процессы экономического обособления и ярко выраженное стремление сохранить свой национально-культурный колорит так же легко идентифицируемы и распространены в значительной мере. Национальное государство признается суверенным, но в повседневной жизни всячески подчеркивается транснациональная необходимость.

В данном случае вступает в противоречие стремление государства к защите своего суверенитета и отсутствие полной независимости в международных отношениях (или даже во внутригосударственных делах). Суверенитет – это политико-правовое свойство государственной власти, определяющее ее верховенство. Это верховенство выражается в полноте и неделимости власти внутри территории страны; в исключительном праве на установление правовых норм, регулирующих всю систему общественных отношений; в определении правового статуса органов государственной власти и местного самоуправления; в применении насилия; в определении прав и свобод граждан [1, с. 45]. В данном определении не упоминается самостоятельность во внешней политике, и это справедливо, так как в современном мироустройстве ни одно государство не может проводить полностью автономную и независимую политику, не опираясь на ожидания других международных игроков.

Россия уже много лет последовательно пытается объяснить мировому сообществу свои стремления, опасения и намерения, порожденные действиями ряда государств. И когда после многочисленных неудачных попыток сделать это Россия начала отстаивать свои национальные интересы по сохранению своего суверенитета и независимости последним из возможных аргументов (силовым), она испытала на себе все последствия от несогласия лидера мирового порядка, которым они сами себя нарекли, – США. Соединенные Штаты, которые дирижируют современным мировым порядком, прямо отмечают, что защита государством своих национальных интересов приравнивается к нарушению мирового порядка, за которое последует наказание¹. И масштаб этого наказания уже на себе ощутила Россия.

По сути, современный мировой порядок – это безоговорочный космополитизм, который постулирует, что «политические институты, неподконтрольные национальным сообществам, могут влиять на сообщества, не будучи перед ними подотчетны» [2, с. 26]. И 2022 год на примере России показал, насколько справедливо это утверждение.

Вторым определяющим условием для современной глобальной системы конфликтов является постоянное изменение форм и методов государственной власти. Это происходит, в первую очередь, из-за глобального изменения баланса сил, приближающего конец западного господства. Развитие КНР может уже теперь поставить под сомнение многовековое превосходство Запада. На международной арене и в геополитическом пространстве возникает новая иерархия сил. Происходит это, в первую очередь, вследствие утверждения экономической мощи стран восточных цивилизаций.

Если раньше США считали себя центром однополярного мира, возникшего после распада СССР и биполярной системы международных отношений, то в последние несколько лет эта тенденция заметно изменилась. Так, баланс сил в мире меняется по линии американо-китайских [3], американо-российских отношений [4], также на новый уровень выходят российско-китайские отношения в свете последних событий, связанных с экономической войной Запада против России и тех, кто принимает ее сторону.

Третьим условием является то обстоятельство, что современные конфликты в международной сфере становятся все менее «случайными», ибо они происходят вследствие так и не решенных, хотя и «загнанных внутрь» проблем внутренней и внешней политики.

В разной степени и по разным причинам ведущие мировые игроки – Китай, Соединенные Штаты и Европа – находятся в процессе полного пересмотра своей международно-политической позиции и своей роли в мире. Китай – потому, что возможность компромиссов между его внутренней, региональной и глобальной политикой еще не ясна, несмотря на все более заметное стремление к увеличению собственного международно-политического влияния. США – потому, что «опорный пункт», определенный Бараком Обамой, недостаточен для создания четкой внешнеполитической стратегии, а метания Дональда Трампа, обещавшего наладить отношения с Россией, но так и не сумевшего этого сделать из-за противодействия Конгресса, лишь усугубили нерешенные ранее международно-политические проблемы, стоящие перед Вашингтоном. А продолженный Дж. Байденом курс на сохранение американской глобальной гегемонии [5] был гиперболизирован на антироссийской и антикитайской основе [6], что в итоге пошатнуло сформированный миропорядок и привело к беспрецедентной нестабильности во всем мире во всех областях.

Наконец, Европейский Союз никогда не казался столь далеким от гармонии, как сегодня. Граждане Германии и Франции как стран-локомотивов ЕС отказываются придерживаться политики поддержки экономически слабых европейских государств как на не соответствующую собственным национальным интересам. Малые государства – особенно бывшие прибалтийские республики СССР – требуют все больших влияний и военную защиту от мифической русской угрозы. В целом, европейцы демонстрируют растущее несогласие с тем, какой может быть их новая роль в мире, где американское руководство постепенно меняет свое к ним отношение.

Эта марионеточная роль в полной мере проявилась в период проведения спецоперации России на Украине в 2022 г. Антироссийские санкции вполне согласованны (за исключением

¹ США пообещали ответить нарушителям мирового экономического порядка // Lenta.ru [сайт]. 19.07.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://lenta.ru/news/2022/07/19/poryadok/> (дата обращения 19.07.2022).

одиноким здоровым голосом несогласных в самой Европе или в США), однако Европа в итоге получила от них все те же свои проблемы, но в стадии обострения: наплыв украинских беженцев, энергетический кризис, перспектива вступления в ряды ЕС Украины, помощь богатых стран из ЕС бедным странам (и она уже не просится, а требуется).

Региональные очаги напряженности и вероятные причины возникновения международных конфликтов

В современном мире конфликты распределяются неравномерно, но даже поверхностный географический обзор позволяет выявить несколько их очагов.

Первым очагом международных конфликтов является географически очень большая область. Она простирается от Центральной Азии до Африки. Кризисы принимают различные формы и степень тяжести – Кавказ, Балканы, Левант, Африка к югу от Сахары.

Основные причины конфликтогенности этого обширного региона – недавно приобретенная независимость (не до конца сформирована государственность, наличие внутрисубъективных, межгосударственных конфликтов в борьбе за власть), межэтнические споры, территориальные притязания, а также споры из-за водно-энергетических ресурсов. К таким комплексным и не решенным конфликтам можно отнести ошский, карабахский, курдский, арабо-израильский конфликты, «арабскую весну», споры между Узбекистаном, Кыргызстаном и Таджикистаном из-за водно-энергетических ресурсов [7] и многие другие.

Особую жестокость приобретают межэтнические конфликты, которые могут перерасти в полноценный геноцид, как это произошло в Руанде в начале 1990-х годов во время гражданской войны между народностями хуту и тутси. Африка справедливо считается одним из самых нестабильных регионов современности.

Второй очаг конфликтов расположен в Восточной Азии, которая в настоящее время включает стабильные государства (Китай, Японию, Южную Корею, страны АСЕАН). Конфликты этого региона имеют исторические корни, связанные с периодом холодной войны (споры вокруг Южных Курил/ «северных территорий», островов Токто/Такэсима и Сэнкаку/Дьяоюйдао), а также с колониальным периодом (конфликты в Южно-Китайском море). В основном все споры в этом регионе связаны с определением принадлежности островов и морских границ [8]. Также значимым в системе современного миропорядка является политика Китая в отношении Тайваня, а также использование последнего как средства давления на КНР со стороны других международных игроков (например, США, которые выразили желание поставлять туда оружие).

Конфликты в Восточной Азии будут продолжаться, так как спорные территории стратегически выгодны с экономической точки зрения, а возможность взять их под контроль будет доказательством и политической состоятельности как в регионе, так и во всем мире. Каждое из государств стремится отстаивать собственные национальные интересы в этих спорах, поэтому использованная и ранее политика выработки системы консультаций и поиска общих подходов к решению фундаментальных региональных проблем должна укрепляться для достижения взаимоприемлемого консенсуса [9, с. 33].

Третий очаг конфликтов находится в так называемой неопределенной Южной Азии. Неопределенной как из-за постоянной афгано-пакистанской жары, так и из-за существующей неясности будущего Индии, которая, вероятно, скоро станет ведущей демографической силой в мире. Этот регион также может стать проводником нового этапа опасной по своим последствиям идеологической и политической исламизации. В Коране говорится: «И сражайтесь с ними, пока не будет больше искушения, а (вся) религия будет принадлежать Аллаху. А если они удержатся, то нет вражды, кроме как к несправедливым!» (2:193) [10]. Эти слова звучат отнюдь не оптимистично в свете надежд на возможное мирное и бесконфликтное будущее.

Ключевыми очагами нестабильности в Южной Азии выступают: 1) территория бывшего кашмирского княжества; 2) индо-бангладешская граница; 3) приграничная область вдоль линии Дюранда [11, с. 167]. Данные конфликты периодически то обостряются, то затухают, поэтому о полном их разрешении даже в долгосрочной перспективе пока говорить не приходится.

Основными факторами, влияющими на обострение и в целом динамику южно-азиатских конфликтов, являются: 1) реальная или субъективная маргинализация определенных социальных групп; 2) наложение идентичностей и государственных границ; 3) действия государства в качестве ответных контрмер на вспыхнувший конфликт; 4) вмешательство внешних сил как внутрирегиональных, так и внерегиональных [12, с. 6].

Четвертый очаг конфликтности находится на Американском континенте, и здесь нет особой перспективы крупных международных конфликтов, но будущее все равно неясно. Необходимо задаться следующими вопросами. Какова мировая роль американской власти, разделенной между ее все еще подавляющими экономическими, военными, технологическими, культурными возможностями и ее стратегическими колебаниями? Какая связь США, Канады и Латинской Америки, лидеры которой полагали, что эти страны могут возникнуть в качестве самостоятельной цивилизационной общности в последние два десятилетия из-за ее относительной геополитической и геоэкономической изоляции, но не преуспели в этом начинании?

На всех этих географических территориях причины и предлоги для конфликтов неисчислимы. Однако можно представить, что в будущих конфликтах будет преобладать четыре доминирующих логики, смысл которых можно свести к следующему.

Во-первых, *все, что связано с личностными потенциями и социальными претензиями*. В данном случае уместно говорить о том, что в конфликт вступают международные принципы «право народов на самоопределение» и «территориальная целостность государства» [13]. Каждое государство стремится к самосохранению, однако ряд территорий, особенно приграничных, могут изъять готовность войти в состав соседнего государства либо приобрести независимость.

Также здесь уместно говорить о цивилизационных разломах и противостоянии цивилизаций, когда под угрозой оказывается существование автономного цивилизационного типа [14, с. 173]. Например, в 2022 году ряд русофобских государств призывали к тому, чтобы уничтожить «русский мир». Хотя, по сути, спецоперация Россия – это и есть обострение давних противоречий, но никак не самостоятельное явление.

Дополнительно можно отметить реакцию национальных государств, особенно традиционных, на политику мультикультурализма, стирания границ, вестернизацию, то есть на глобализацию в целом, последствия которой расцениваются как вызов национальной самобытности [15, с. 61]. Именно ее сохранение становится одной из целей национальной безопасности государства.

Во-вторых, *все, что связано с контролем над политической оппозицией*. Контролируемая извне оппозиция – это всегда фактор повышенной конфликтности, потому что позволяет внешним силам управлять внутренними делами другого государства. Здесь складывается широкое поле для маневров: от учинения препятствий для нормальной работы легитимной власти до создания марионеточного правительства и полного контроля над государством вплоть до его разрушения. Лидером в этом являются США, при этом они никогда не скрывали своего присутствия в местах внезапно вспыхнувшего желания того или иного государства встать на путь демократии и всегда позиционировали себя проводниками этой самой демократии. Однако их истинные цели и намерения всегда были очевидными и лежали на поверхности, в чем США теперь и сами признаются¹.

Важно отметить, что независимость государства возможна только в том случае, если искоренить феномен управляемой оппозиции [16]. В противном случае фактор конфликтности будет только укрепляться.

В-третьих, *все, что касается перераспределения сфер и полномочий власти* в связи с появлением новых экономически развитых держав, которое дает многим странам новые возможности для чисто региональной политической игры. Здесь можно вспомнить об укреплении власти в Китае, ирано-саудовском соперничестве, укреплении самоличной власти в Турции и прочих явлениях современной международно-политической реальности.

Баланс сил в мире постепенно меняется, и если всего несколько десятилетий назад США могли диктовать другим государствам свои условия, то теперь ряд государств перехватили у них инициативу. Некоторые из них диктуют даже самим США. Так, Президента США Дж. Байден активно критикуют за то, что он унижался перед Саудовской Аравией в попытках убедить ее руководство нарастить добычу нефти в рамках антироссийских санкций. Также можно привести в качестве примера КНР, требующую от США не продавать оружие Тайваню и не посещать его территорию без согласования с Пекином; или Турцию, которая ставит ультиматумы

¹ Политический каминг-аут: Почему США сорвали с себя маску и признались в международных преступлениях // Life.ru [сайт]. 18.07.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://life.ru/p/1509442> (дата обращения 19.07.2022).

и выдвигает неудобные требования в рамках вступления Финляндии и Швеции в НАТО в 2022 году, вызывая негодование США.

При этом баланс сил меняется не только в мировых границах, но также и в рамках отдельных регионов планеты. Например, в XXI веке активному переформатированию подлежит баланс сил в Ближневосточном [17], Южно-Тихоокеанском [18], Азиатско-Тихоокеанском регионах [19], в Европе [20] (внутри самой Европы, а также в отношениях с Россией) и в ряде других регионов.

И последнее, *все, что связано с глубинной логикой присвоения природных богатств и контроля над ними*. Так формируется и развивается мировая ресурсная политика, которая не должна приобретать черт стихийности и неуправляемости. Именно поэтому во избежание возникновения конфликтов в данной сфере мировое сообщество должно разрабатывать, внедрять и контролировать механизмы регулирования мировой ресурсной политики [21]. Под особый контроль должны быть взяты методы, с помощью которых международные игроки достигают лидерства в освоении (или присвоении) природных богатств.

Гипотезы развития международных конфликтов

Точно спрогнозировать развитие и динамику тех или иных конфликтов по различным основаниям в будущем невозможно. Однако можно принять и учесть возможные геополитические гипотезы развития конфликтов.

Перечислим некоторые обзорные гипотезы, относящиеся к геополитике или геоэкономике и возможные рамки, в которых будут реализовываться интересы международных субъектов, и, следовательно, возникать возможные конфликты.

Демографический вопрос останется центральным в ближайшие десятилетия. С точки зрения ограниченности природных ресурсов и валового прироста населения, особо проблемной территорией является Африка. Увеличение населения обострит глобальную продовольственную проблему, а также проблему социального управления. Безудержная урбанизация ставит вопрос об управлении городскими комплексами беспрецедентных размеров, а демографический взрыв в Африке обнаруживает недостаточное производство и проблемы в распределении продуктов питания.

Также необходимо отметить рост (нынешний и еще в большей степени предстоящий) массовых перемещений населения, в первую очередь – в Африке. Увеличение миграции с юга на север, несомненно, в той или иной степени неизбежно, и мы знаем, что у Европы есть все шансы оказаться на переднем крае этих миграционных потоков, учитывая ее близость к африканскому континенту.

С 2022 года особую проблему для Европы представляет поток украинских беженцев, который остро стоит на повестке. Кроме беженцев с Украины Европу заполнили мигранты из Африки и Ближнего Востока. Помимо несовершенства механизмов по приему беженцев и банальной нехватки для всех мест для размещения, массовые миграционные потоки в Европу порождают и другие сложности, например, разобщение в вопросах солидарности государств-членов ЕС, а также дискриминацию мигрантов [22, с. 7, 13], что в итоге повышает уровень конфликтогенности и может спровоцировать конфликты в регионе в будущем.

Вторая гипотеза, способствующая формированию будущего конфликтного ландшафта, связана с *гонкой за обладание энергетическими ресурсами и с процессом освоения новых технологий*. С проблемой энергоресурсов неразрывно связан вопрос свободы морских перевозок. Поскольку 85% торгового оборота происходит благодаря морским перевозкам, остановка этого потока будет представлять серьезную угрозу для мировой безопасности¹. Именно поэтому Президент США Дж. Байден после посещения Саудовской Аравии в июле 2022 года заявил, что США не намерены лишаться морских путей для перевозок на Ближнем Востоке и не допустят угроз в этой области от любого государства².

¹ Конференция Организации Объединенных Наций по торговле и развитию // Обзор морского транспорта [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://unctad.org/en/PublicationsLibrary/rmt2016_ru.pdf (дата обращения 08.05.2022).

² США не допустят угрозы судоходству на Ближнем Востоке, заявил Байден // РИА Новости [сайт]. 16.07.2022. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://ria.ru/20220716/sudokhodstvo-1802937696.html> (дата обращения 19.07.2022).

Исторически Россия является самой богатой природными ресурсами страной. Поэтому в условиях наращивания гонки за обладание энергетическими ресурсами наше государство будет находиться в конфликтных отношениях со многими международными игроками. Подобное противостояние уже обострилось в отношениях с Европой.

Наконец, проблема доступа к технологическим ресурсам, несомненно, возникнет в ближайшее время. Если контроль над ростом технических знаний является источником богатства и власти, доступ к этим ресурсам рискует стать более контролируемым, насколько это возможно, для субъектов, стремящихся сохранить свое богатство (крупные фирмы) или свою власть (государства). Поэтому вопрос доступа к определенным критически важным технологиям может стать важной проблемой.

Так, в условиях спецоперации и антироссийских санкций Запад взял курс и на технологическое ослабление нашего государства, когда лишил Россию возможности приобретать полупроводники, из-за дефицита которых серьезно пострадает военно-промышленный комплекс в области высоких технологий, IT-сфера, космическая сфера и даже гражданская (когда недоступными для населения станут персональные компьютеры, смартфоны и т.д.). Единственным местом производства полупроводников последнего поколения является Тайвань, который сразу присоединился к антироссийским санкциям.

Развитые государства конкурируют между собой в области технологического совершенствования, особенно в военной сфере. Например, современный Китай стремится вырваться в лидеры в этом направлении [23]. А это новое поле для развития международного конфликта, поскольку США вряд ли захотят уступить пальму первенства. Таким образом, и сама борьба за лидерство в области новейших технологий, и военный потенциал на основе таких достижений (навигационные, информационные и радиоэлектронные технологии, геофизическое оружие и пр. [24, с. 158]) повышают уровень конфликтности в мире.

Третья гипотеза связана с *распространением оружия*. Ядерная проблема все еще остается одной из самых актуальных и нерешенных. Во-первых, потому что основные процессы разоружения в современном мире фактически прекратились. Во-вторых, ситуация с ядерными экспериментами в Северной Корее может привести к общей дестабилизации региона. Потенциальная нестабильность исламского Пакистана несет также значительную опасность. Поэтому проблемы с ядерным оружием еще не скоро сойдут с бегущих строк международных новостей. Распространение баллистического оружия также тщательно контролируется как непосредственно связанное с распространением ядерного оружия.

Что касается периодических попыток регулировать распространение обычных вооружений, то они по большей мере потерпели неудачу в последние десятилетия под влиянием ближневосточных, а затем азиатских событий, а также из-за неконтролируемого обращения стрелкового оружия. Дополнительно здесь также прослеживается проблема запрета размещения космического оружия, подрывающего безопасность всего человечества [25], где локомотивом опять же выступают США и их экспансионистская политика [26].

В гонку вооружений XXI века включается все большее количество государств, желающих заявить о значимости своих национальных интересов на весь мир. По справедливому мнению академика РАН А.Г. Арбатова, «мир сомнамбулически бредет к принципиально новому этапу состояния международной безопасности – жизни в условиях гонки ядерных и иных вооружений безо всяких ограничений, правил и обмена военной информацией» [27, с. 27]. В таких условиях жизнедеятельности человечества опасность возникновения конфликта той или иной степени интенсивности может вообще не иметь сколько-нибудь понятных и объяснимых причин. В таком состоянии «война всех против всех» приобретет качественно новые смыслы и последствия.

Четвертая гипотеза связана с *проблемами здравоохранения*. Процессы глобализации лишь ускоряют и обостряют эти процессы. Конфликтные последствия оцениваются здесь с точки зрения ограничений для гражданского общества, деморализующей и ослабляющей паники, закрытия границ и т.д. (например, политические последствия уже наблюдались в Африке на худшем этапе пандемии СПИДа).

Также глобальные проблемы здравоохранения могут поставить под экономический и политический удар целые государства. Так, в 2022 году Шри-Ланка объявила дефолт по внешнему долгу. Одной из причин такого бедственного положения данного государства стала в том числе и пандемия COVID-19, резко сократившая доход страны, оборвав туристические потоки,

которые и были его основным источником. Также ситуация ухудшилась на фоне антироссийских санкций, в результате которых в стране закончился бензин, практически не осталось еды и медикаментов. Сейчас Шри-Ланка переживает тяжелейший кризис за всю свою историю, в стране начались восстания, столкновения граждан с полицией, поджоги. И протестный потенциал продолжает нарастать.

Проблемы в области здравоохранения напрямую влияют на миграционные потоки населения из неблагополучных регионов в наиболее благополучные, политическую стабильность, уровень прав человека, являются индикатором эффективности/неэффективности управления (национального или международного) [28, с. 145]. Проблемы здравоохранения дестабилизируют внутригосударственную обстановку и повышают конфликтный потенциал, который, в свою очередь, может спровоцировать как внутригосударственные конфликты (например, гражданские войны), так и международные, обостряя обстановку всего региона или выходя на глобальный уровень.

Пятая гипотеза связана с *природными и экологическими катастрофами*. Эти изменения могут оказаться судьбоносными для политических систем, в том числе демократических, в условиях институционального или морального кризиса. Можно вспомнить вызванную цунами аварию в Японии в 2011 г., которая чуть не привела к масштабной экологической катастрофе.

Природные и экологические катастрофы наносят серьезный ущерб в области экономики, человеческих ресурсов, техносфере, в сфере здравоохранения и т.д. Экология прочно сплелась с политикой, образовав симбиоз под названием политэкология [29, с. 176]. При этом повестка дня политэкологии всегда глобальная, так как затрагивает интересы всего человечества. Именно по вине человека наблюдаются и признаки надвигающейся экологической катастрофы, характеризующейся увеличением роста природных катастроф за последнее столетие.

Возникающие конфликты между государствами на политической основе также могут серьезно повлиять на экологию, причина здесь – отсутствие компромисса. Так, в 2022 г. в Европе на фоне газового кризиса, спровоцированного антироссийскими санкциями, уже звучат идеи о замене голубого топлива из России собственной ядерной энергетикой. Такие недальновидные заявления могут вызвать нестабильность внутри государства, в регионе или во всем мире, обостряя и без того напряженную и взрывоопасную обстановку на фоне украинских событий.

Шестая гипотеза связана с *непрекращающимся воздействием на человечество новых технологий*. Доктор философских наук А.М. Кулькин выделял три группы рисков, связанных с развитием новых технологий. Первая группа характеризуется наличием разрушительного потенциала новых технологий, трудно поддающихся контролю. Это и опасные заболевания, и экологические катастрофы, и угроза конфиденциальной информации, и нарушение работы критических в плане жизнеобеспечения блоков, и мн. др. Ко второй группе относятся чисто технические поломки и сбои. В третью группу рисков вошли этические аспекты подобных исследований и их [аспектов] нарушение, которые могут спровоцировать серьезные социальные потрясения (например, из-за отношения к клонированию) [30, с. 180-181].

Также технический прогресс создает так называемый класс ненужных людей, которые не смогли адаптироваться к быстро меняющемуся миру, потеряли работу и сами стали угрозой жизни для человечества [31, с. 114]. Так происходит маргинализация целых социальных слоев, появление которых создает напряжение и нестабильность во всем мире.

Итак, по итогам проведенного исследования было выделено шесть гипотез, согласно которым могут развиваться международные конфликты в будущем. Дальнейшие исследования данного вопроса могут способствовать выделению новых гипотез динамики международных конфликтов.

Список источников

1. Славецкий В. Ю., Сатпаев А. К., Бекешев К. О. Глобализация и суверенитет: некоторые современные аспекты // Наука и реальность. 2021. № 1 (5). С. 45-49.
2. Бекбулатов Д. Р., Лутовинова Н. В., Незнамова А. А., Крюквоа Е. М. Суверенитет России: угрозы и вызовы со стороны глобальных корпораций // Закон и власть. 2021. № 1. С. 26-31.
3. Приходько О.В. Меняющийся баланс сил в мире: американско-китайский контекст // США и Канада: экономика, политика, культура. 2020. Т. 50. № 8. С. 30-51.

4. Батюк В.И. Баланс сил между США и РФ //Мировая экономика и международные отношения. 2020. Т. 64. № 8. С. 63-69.
5. Алхименков М.А. Стратегия администрации Дж. Байдена по сохранению американской глобальной гегемонии // Проблемы национальной стратегии. 2021. № 3 (66). С. 25-41.
6. Блохин К.В. «Крестовый поход» Дж. Байдена против России. Причины и перспективы эскалации американо-российских отношений // Свободная мысль. 2021. № 3 (1687). С. 85-94.
7. Асатрян Э. Межгосударственные конфликты в Центрально-Азиатском регионе // Россия и мусульманский мир. 2017. № 7 (301). С. 26-30.
8. Стрельцов Д. Российский подход к территориальным конфликтам в Восточной Азии // Международная жизнь. 2017. № 9. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://interaffairs.ru/jauthor/material/1910> (дата обращения 19.07.2022).
9. Райков Ю.А. Территориальные противоречия и безопасность в Восточной Азии // Юго-Восточная Азия: актуальные проблемы развития. 2015. Выпуск XXVIII. № 28. С. 20-34.
10. Коран. Перевод и комментарии И.Ю. Крачковского / Под редакцией В.И. Беляева [Предисловия В.И. Беляева и П.А. Грязневича]. Изд. 2-е. М.: Главная редакция восточной литературы издательства «Наука», 1986. 727 с.
11. Яковлев А.Ю. Современные конфликты в Южной Азии // Социально-экономические науки и гуманитарные исследования. 2016. № 15. С. 167-171.
12. Баджпай А. Динамика внутригосударственных конфликтов в Южной Азии // Человек. Сообщество. Управление. 2014. № 1. С. 6-17.
13. Тужба Э.Н., Пчегатлук С.К. Право народов на самоопределение (на примере Абхазии) // Общество: политика, экономика, право. 2019. № 8 (73). С. 17-21.
14. Малыгина И.В. Россия на рубежах истории и границах цивилизаций // Ярославский педагогический вестник. 2014. Т. 1. № 1. С. 173-177.
15. Алиева О.Г. Политика мультикультурализма и вызов национальной самобытности // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия. 2015. № 2. С. 61-67.
16. Керимов А.Д., Халипова Е.В. О государственном суверенитете и грядущем миропорядке // Российский журнал правовых исследований. 2018. Т. 5. № 1 (14). С. 43-51.
17. Мелконян С.Г. Динамика границ Ближневосточного региона. Переформатирование границ национальных государств // Научные труды Северо-Западного института управления РАНХиГС. 2015. Т. 6. № 4 (21). С. 321-328.
18. Балашов В.В. Ключевые игроки Южно-Тихоокеанского региона в 2010-2020-х гг. // Евразийское Научное Объединение. 2019. № 7-2 (53). С. 138-140.
19. Алексеев А.Н., Еремкина Т.А. Баланс сил в АТР: противостояние США и КНР в регионе в XXI веке // Россия и Китай: проблемы стратегического взаимодействия: сборник Восточного центра. 2021. № 24. С. 24-27.
20. Голуб Ю.Г., Алексеев Д.С. Европейская безопасность в новых условиях взаимодействия России и Запада // Современная Европа. 2017. № 2 (74). С. 55-64.
21. Кравцев Е.В. Механизмы регулирования мировой ресурсной политики // Русская политология. 2017. № 3 (4). С. 32-35.
22. Потемкина О.Ю. Украинские беженцы в Евросоюзе: новый миграционный кризис? // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2022. № 2 (26). С. 7-15.
23. Решетникова М.С., Лукина Ю.Д. Политика Китая в борьбе за мировое лидерство в области искусственного интеллекта // Вопросы инновационной экономики. 2020. Т. 10. № 4. С. 1929-1942.
24. Шонин Н.Е. Оружие XXI века и международная безопасность // Правовое государство: теория и практика. 2017. № 3 (49). С. 158-166.
25. Синяева Н.А. Международно-правовые аспекты размещения космического оружия // Военное право. 2021. № 6 (70). С. 318-325.
26. Райков Ю.А. Космический меч Вашингтона: противостояние на орбите // США и Канада: экономика, политика, культура. 2021. Т. 51. № 1. С. 35-52.
27. Арбатов А.Г. Диалектика судного дня: гонка вооружений и их ограничения // Полис. Политические исследования. 2019. № 3. С. 27-48.
28. Беляков А.В. Обеспечение здравоохранения как глобальная проблема: международно-правовые аспекты // Современное право. 2014. №11. С. 143-149.

29. Спицын А.Г. Проблемы глобальной экологии в мировой политике XXI века // Вестник Московского государственного лингвистического университета. 2014. Вып. 23 (709). С. 174-185.
30. Кулькин А.М. Перспективы и риски развития технологий XXI века // Россия и современный мир. 2012. № 4 (77). С. 171-186.
31. Куркин Е.Б. Модель образования для сложного мира // Народное образование. 2019. № 4 (1475). С. 114-123.

References

1. Slavetsky V.Yu., Satpayev A.K., Bekeshev K.O. Globalization and sovereignty: some modern aspects // *Nauka i real'nost' = Science and reality*. 2021; 1 (5); 45-49. (In Russ.)
2. Bekbulatov D.R., Lutovinova N.V., Neznamova A.A., Kryukova E.M. Sovereignty of Russia: threats and challenges from global corporations // *Zakon i vlast' = Law and Power*. 2021; 1; 26-31. (In Russ.)
3. Prikhodko O.V. The changing balance of power in the world: the American-Chinese context // *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura = USA and Canada: economics, politics, culture*. 2020; 50; 8; 30-51. (In Russ.)
4. Batyuk V.I. Balance of power between the USA and the Russian Federation // *Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnoshenija = World economy and international relations*. 2020; 64; 8; 63-69. (In Russ.)
5. Alkhimenkov M.A. Strategy of the administration of J. Biden on the preservation of American global hegemony // *Problemy nacional'noj strategii = Problems of national strategy*. 2021; 3 (66); 25-41. (In Russ.)
6. Blokhin K.V. "The Crusade" of J. Biden against Russia. Reasons and prospects for the escalation of US-Russian relations // *Svobodnaja mys' = Free Thought*. 2021; 3 (1687); 85-94. (In Russ.)
7. Asatryan E. Interstate conflicts in the Central Asian region // *Rossija i musul'manskij mir = Russia and the Muslim world*. 2017; 7 (301); 26-30. (In Russ.)
8. Streltsov D. The Russian approach to territorial conflicts in East Asia // *Mezhdunarodnaja zhizn = International life*. 2017; 9. (In Russ.)
9. Raikov Yu.A. Territorial contradictions and security in East Asia // *Jugo-Vostochnaja Azija: aktual'nye problemy razvitija = South-East Asia: actual problems of development*. 2015; 28; 20-34. (In Russ.)
10. *The Quran*. Moscow, Publishing house "Nauka", 1986. 727 p. (In Russ.)
11. Yakovlev A.Yu. Modern conflicts in South Asia // *Social'no-jekonomicheskie nauki i gumanitarnye issledovanija = Socio-economic sciences and humanitarian studies*. 2016; 15; 167-171. (In Russ.)
12. Bajpai A. Dynamics of intra-state conflicts in South Asia // *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie = Man. Community. Management*. 2014; 1; 6-17. (In Russ.)
13. Tuzhba E.N., Pchegatluk S.K. The right of peoples to self-determination (on the example of Abkhazia) // *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo = Society: politics, economics, law*. 2019; 8 (73); 17-21. (In Russ.)
14. Malygina I.V. Russia on the frontiers of history and the borders of civilizations // *Jaroslavskij pedagogicheskij vestnik = Yaroslavl Pedagogical Bulletin*. 2014; 1; 1. 173-177. (In Russ.)
15. Alieva O.G. The policy of multiculturalism and the challenge of national identity // *Vestnik Rossijskogo universiteta druzhby narodov. Serija: Filosofija = Bulletin of the Russian People's Friendship University. Series: Philosophy*. 2015; 2. 61-67. (In Russ.)
16. Kerimov A.D., Khalipova E.V. On state sovereignty and the coming world order // *Rossijskij zhurnal pravovyh issledovanij = Russian Journal of Legal Studies*. 2018; 5; 1 (14); 43-51. (In Russ.)
17. Melkonyan S.G. Dynamics of the borders of the Middle East region. Reformatting the borders of national states // *Nauchnye trudy Severo-Zapadnogo instituta upravlenija RANHiGS = Scientific works of the Northwestern Institute of Management of the RANEPa*. 2015; 6; 4 (21); 321-328. (In Russ.)
18. Balashov V.V. Key players of the South Pacific region in the 2010-2020s // *Evrazijskoe Nauchnoe Obединenie = Eurasian Scientific Association*. 2019; 7-2 (53); 138-140. (In Russ.)
19. Alekseev A.N., Eremkina T.A. Balance of forces in the Asia-Pacific region: the confrontation between the USA and China in the region in the XXI century // *Rossija i Kitaj: problemy strategicheskogo vzaimodejstvija: sbornik Vostochnogo centra = Russia and China: problems of strategic interaction: collection of the Eastern Center*. 2021; 24; 24-27. (In Russ.)

20. Golub Yu.G., Alekseev D.S. European security in the new conditions of interaction between Russia and the West // *Sovremennaja Evropa = Modern Europe*. 2017; 2 (74); 55-64. (In Russ.)
21. Kravtsev E.V. Mechanisms of regulation of world resource policy // *Russkaja politologija = Russian Political Science*. 2017; 3 (4); 32-35. (In Russ.)
22. Potemkina O.Y. Ukrainian refugees in the European Union: a new migration crisis? // *Nauchno-analiticheskij vestnik Instituta Evropy RAN = Scientific and Analytical Bulletin of the Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences*. 2022; 2 (26); 7-15. (In Russ.)
23. Reshetnikova M.S., Lukina Yu.D. China's policy in the struggle for world leadership in the field of artificial intelligence // *Voprosy innovacionnoj jekonomiki = Issues of innovative Economics*. 2020; 10; 4; 1929-1942. (In Russ.)
24. Shonin N.E. Weapons of the XXI century and international security // *Pravovoe gosudarstvo: teorija i praktika = The Rule of Law: theory and practice*. 2017; 3 (49); 158-166. (In Russ.)
25. Sinyaeva N.A. International legal aspects of the deployment of space weapons // *Voennoe pravo = Military law*. 2021; 6 (70); 318-325. (In Russ.)
26. Raikov Yu.A. Washington's cosmic sword: confrontation in orbit // *SShA i Kanada: jekonomika, politika, kul'tura = USA and Canada: economics, politics, culture*. 2021; 51; 1; 35-52. (In Russ.)
27. Arbatov A.G. The Doomsday dialectic: the arms race and their limitations // *Polis. Politicheskie issledovanija = Polis. Political studies*. 2019; 3; 27-48. (In Russ.)
28. Belyakov A.V. Healthcare provision as a global problem: international legal aspects // *Sovremennoe pravo = Modern law*. 2014; 11; 143-149. (In Russ.)
29. Spitsyn A.G. Problems of global ecology in world politics of the XXI century // *Vestnik Moskovskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta = Bulletin of the Moscow State Linguistic University*. 2014; 23 (709); 174-185. (In Russ.)
30. Kulkin A.M. Prospects and risks of the development of technologies of the XXI century // *Rossija i sovremennij mir = Russia and the modern world*. 2012; 4 (77); 171-186. (In Russ.)
31. Kurkin E.B. Model of education for a complex world // *Narodnoe obrazovanie = National education*. 2019; 4 (1475); 114-123. (In Russ.)

Информация об авторе

А. А. Ковалев – канд. полит. наук, доц. кафедры государственного и муниципального управления СЗИУ РАНХиГС.

Information about the author

A. A. Kovalev – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of Public and Municipal Administration of North-West Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 31.07.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted 31.07.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 23.08.2022.

РОССИЙСКАЯ ПОЛИТИЧЕСКАЯ ЭЛИТА В ТРАНСФОРМАЦИОННЫХ ПРОЦЕССАХ СОВРЕМЕННОСТИ

Ольга Алексеевна Коряковцева¹, Андрей Юрьевич Карпов²

¹Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского, Ярославль, Россия, youth1@mail.ru

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, ochest@mail.ru

Аннотация. Закон циркуляции элит является одним из базовых теоретических понятий элитологии, однако его реализация зависит от политического режима, от трансформационных процессов общественной системы государства и других факторов. Проведен анализ механизмов рекрутирования элит. Доказано: а) трансформация современного политического поля в России требует соответствующей трансформации элитного слоя; б) цифровые технологии составляют в настоящее время такой же властный ресурс, как и традиционные институты образования и религии. Предлагается путь преодоления состояния лиминальности посредством создания новых фундаментальных основ развития национальной элиты.

Ключевые слова: политические элиты, трансформация общества, циркуляция элит, цифровизация

Для цитирования: Коряковцева О. А., Карпов А. Ю. Российская политическая элита в трансформационных процессах современности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 204–209. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-2-204-209>

Politology and Ethnopolitics

Original article

THE RUSSIAN POLITICAL ELITE IN THE TRANSFORMATIONAL PROCESSES OF MODERNITY

Olga A. Koryakovtseva¹, Andrey Yu. Karpov²

¹Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky, Yaroslavl, Russia, youth1@mail.ru

²South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, ochest@mail.ru

Abstract. The law of circulation of elites is one of the basic theoretical concepts of elitology, but its implementation depends on the political regime, on the transformational processes of the social system of the state, and other factors. The analysis of the mechanisms of elite recruitment has been carried out. It is proved: a) the transformation of the modern political field in Russia requires a corresponding transformation of the elite layer; b) digital technologies are currently the same powerful resource as the traditional institutions of education and religion. A way is proposed to overcome the state of liminality by creating new fundamental foundations for the development of the national elite.

Keywords: political elites, society transformation, elite circulation, digitalization

For citation: Koryakovtseva O. A., Karpov A. Yu. The Russian political elite in the transformational processes of modernity. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):204–209. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-204-209>

Современная элитология как отрасль политической науки обладает спецификой, вызывающей перманентные дискуссии в публичном поле и научном сообществе, особенно в прикладной ее части. Сам термин «элита» сохраняет до настоящего времени значительно разнящиеся трактовки, обусловленные разными подходами: культурологическим, социально-философским, политологическим и др. Так, элитолог О.В. Гаман-Голутвина с точки зрения политологического подхода называет элитой категорию лиц, обладающих властью, независимо от того, как эти лица получили властный статус: с помощью своего происхождения, финансов или личных качеств [1, с. 97].

Трансформационные процессы политической, экономической, правовой и других сфер общественной жизни России конца XX и начала XXI вв. сопровождалась активной социальной вертикальной мобильностью элит: советская номенклатура замещалась новой, пришедшей во власть на волне институциональных реформ, что актуализировало научное исследование путей циркуляции элит, их ротации и рекрутирования, в том числе на обширном эмпирическом материале.

Считается, что современная теория элит возникла в первой половине XX в. благодаря работам итальянских ученых Г. Моска, В. Парето и Р. Михельса [2–4]. Ее положения стали основой развития элитологии в западной традиции. Учеными, внесшими вклад в теорию элит во второй половине XX в., были: Р. Миллс, Р. Патнэм, Ф. Хантер, Р. Дарендорф, Г. Ласуэлл, П. Бахрах [5–10] и многие другие. Из отечественных ученых-элитологов можно выделить Г. Ашина, О. Гаман-Голутвину, А. Старостина, А. Понеделкова, О. Крыштановскую, А. Дуку [11–14] и др.

Как бы ни характеризовали элиту (это устоявшийся в настоящее время термин), – как «правлящий класс» или «политический класс» (для политической элиты), ее функция по принятию общезначимых, стратегических решений для страны является неоспоримой и определяющей. О. Шпенглер писал, что распределение власти в государстве носит пирамидальный характер: наверху небольшое количество людей, принимающих решения, далее вниз по вертикали находится масса исполнителей («политиков второго ранга»), которые внушают нижестоящим слоям населения «иллюзию самоопределения народа» [15, с. 74]. Степень влияния масс народа на властную верхушку и принимаемые ими решения зависит от типа конкретного режима, политической ситуации, политической культуры общества и других факторов. Элита также структурирована на сегменты по силе их влияния на процесс принятия решений, на «лидеров» и «бюрократию». Лидеры могут не занимать высоких должностей, но могут влиять на общественное мнение, например, лидеры политических партий. А бюрократия – это административные структуры самых разных, в том числе высших уровней, которые профессионально обеспечивают реализацию стратегических политических решений и также влияют на принимаемые решения.

Важной темой элитологического знания является тема циркуляции элит, каналов и способов ее рекрутирования. Особенностью политических элит является то, что ее круг пополняется выходцами из самых разных слоев общества, независимо от их профессионального образования, в отличие от тех элит, вход в которые требует определенных профессиональных знаний (культурной, финансовой и пр.). В период резкой трансформации общественного строя (в результате революции, государственного переворота, кризиса и т.д.) в политическую элиту могут войти даже представители криминальных кругов. В такое время элиту называют «открытой» системой. «Закрытой» же элита становится, когда она начинает самовоспроизводиться, закрыв или затруднив вход для представителей внешнего, внеэлитного круга.

В «открытых» и «закрытых» системах разнятся и механизмы рекрутирования элит. В раннесоветский период система рекрутирования элит была максимально открытой, ротация элит была чрезвычайно интенсивной по ряду причин – соблюдения революционных принципов выдвижения в управленцы лучших представителей низших слоев (отсюда пресловутое выражение «и кухарка может управлять государством»), и последующая ожесточенная репрессивная борьба за власть, и кадровые потери в войнах. Но постепенно включались партийные и институциональные фильтры, и ротация кадров в правящей советской номенклатурной элите происходила чрезвычайно медленно.

К механизмам рекрутирования политической элиты (по аналогии с военным термином – набора новобранцев) относят несколько, но их применение зависит от политического режима, государственного устройства, формы правления, исторического времени. Некоторые из механизмов появились сравнительно недавно, другие существуют на протяжении веков, несмотря

на изменения в ценностном и политико-правовом устройстве человеческих сообществ. Пополнение элит происходит через протекционизм, партийную принадлежность, родство, наследование, с учетом личной преданности, профессионализма, владение имуществом, коррупционные связи и т.д.

Наиболее эффективными, но тоже в зависимости от общественно-политической ситуации, каналами рекрутирования элит, т.е. путями продвижения к вершине политической власти, являются: государственные органы управления, армия, другие силовые структуры, политические партии, общественные организации и движения, системы образования, культуры, бизнеса и др. Для России, например, традиционным каналом рекрутирования всегда являлась государственная служба. Но в последние десятилетия произошли изменения: на государственные должности и в парламент приходят представители крупного бизнеса, и наоборот: бывшие государственные чиновники уходят в бизнес-структуры. Исследователи наблюдают такую зависимость: в кризисные времена ротация элиты происходит гораздо интенсивнее, чем в стабильные периоды [1, с. 103].

В современной России, по мнению С. Кургиняна, политическая элита расслоилась на три вида (компонента): ультралиберальная (прозападная), умеренно-либеральная (колеблющаяся) и консервативная (патриотическая). И высказал мнение о необходимости ротации элит: «Либо эта элита, либо возможность борьбы с назревающими грозными тенденциями» [16]. Существуют и другие типологии элит, по самым различным основаниям.

Необходимо констатировать, что изменения в структуре элитарного слоя происходят с разной динамикой и по разным причинам, в том числе глобального масштаба, но наиболее заметными стали трансформации элитного слоя на фоне стремительного цифрового преобразования всего общественного пространства. И хотя говорить о полной смене традиционной элиты на представителей IT-индустрии не приходится, но очевидно, что последние в соответствии с требованиями времени активно встраиваются в политические и экономические сегменты элит, вытесняя наиболее консервативные их группы. И если экономические элиты замещаются естественным путем, неизбежным в связи с бурным ростом цифровых технологий, то в политическом сегменте остается еще много требующих решения задач.

Одной из задач, стоящих перед политической элитой России, стала задача контроля за системой коммуникаций в виртуальных сетях. Социальные сети используются для слежки за пользователями, фиксации их интересов, политических предпочтений, размещения экстремистской пропаганды, сбора информации о пользователях в большие базы данных, воздействия на пользователей путем предоставления им адаптированной под них рекламы, пропаганды и пр. М. Кастельс, предложивший термин «Network Society» – «сетевое общество», предупреждал: «Именно сети составляют новую социальную морфологию наших обществ, а распространение “сетевой” логики в значительной мере сказывается на ходе и результатах процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью» [17, с. 386].

Англосаксонские политические элиты активно используют социальные сети Twitter, Facebook, Instagram, видеохостинг Youtube и другие в качестве инструментария «мягкой силы», модерирова, моделируя и контролируя процессы в масштабах всего мира. Воздействие направлено преимущественно на молодежь как наиболее информационно активную группу общества, одновременно, – из-за несформированности мировоззрения, отсутствия опыта и психологической незрелости, – наиболее поддающуюся манипулятивной пропаганде. Опыт «арабских революций», организованных через социальные сети, свидетельствует о выросшей роли социальных сетей, их использовании внешними силами в процессах смены политических режимов и правящих элит.

США рассматривают свой вклад в развитие мировой сети Интернет как стратегическое преимущество: ведь сохранение контроля над сетевыми кодами и протоколами, использование английского языка и программного обеспечения позволяет им быть в курсе действий партнеров и противников. Россия принимает меры по защите национального информационного поля, инвестируя в развитие собственного программного обеспечения. Так, правительство предусматривает увеличение к 2024 году расходов государства на развитие IT-сферы в 3-4 раза по сравнению с последними тремя годами. Сумма может превысить 650 млрд руб. [18].

Это еще одна актуальная проблема в российском элитном политическом поле: противодействие доминированию западных мировых элит в информационном пространстве, так как

цифровые технологии составляют в настоящее время такой же властный ресурс, как и традиционные институты образования и религии.

Интернет-ресурсы уже практически вытеснили из общественного дискурса традиционные СМИ и телевидение, они дают возможность обратной связи в коммуникациях власти и граждан в реальном времени, что является важной плебисцитарной составляющей политических процессов, в том числе в процессах циркуляции элит.

Овладение инструментарием «мягкой силы» в социальных сетях, блогах, телеграм-каналах и пр., нейтрализация негативного контента, разоблачение фейковых вбросов, создание пророссийских смыслов и контекстов позволит контролировать и направлять информационные потоки. Игнорирование этого фактора создаст угрозы не только существованию политической элиты, но и стабильному развитию и целостности российского государства.

Трансформации общественной системы, в том числе института политической власти, обусловлены деятельностью политической элиты, ее ценностными ориентациями. Поэтому специфика трансформации самой элиты влияет на те или иные причины институциональной эффективности или неэффективности политической власти. Циркуляция элит позволяет политической власти избежать «институциональной ловушки», т.е. зависимости от предшествующего пути развития (эффекта колеи) [19].

Применительно к российской действительности, современная политическая элита сформировалась в турбулентных условиях реформ. Окончание реформистского периода 1990-х не значило окончания турбулентности общественно-политического пространства, а последние события турбулентность общества только увеличили. Что говорит в пользу аргумента о необходимости циркуляции элит в соответствии с вызовами времени [20].

Опасность «институциональной ловушки» состоит еще и в затянувшемся состоянии лиминальности (*англ.* Liminality, от *лат.* limen – порог, пороговая величина), – пограничном состоянии перемен, неопределенности, идеологической размытости. Однако именно такое состояние стимулирует поиск новых фундаментальных основ развития национальной общности, национальной элиты, новых жизненных смыслов и порядка.

Список источников

1. Гаман-Голутвина О. В. Определение основных понятий элитологии // Полис. 2000. № 3. С. 97-103.
2. Моска Г. Правящий класс. Церкви, партии, секты / Пер. с англ. и примеч. Т.Н. Самсоновой // Социологические исследования. 1994. № 10. С. 187-198; № 12. С. 97-117.
3. Парето В. Компендиум по общей социологии / Гос. ун-т - Высшая школа экономики. 2-е изд. М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2008. 511 с.
4. Михельс Р. Социология политических партий в условиях демократии // Политология: хрестоматия / Сост. проф. М.А. Василик, доц. М.С. Вершинин. М.: Гардарики, 2000. 843 с.
5. Миллс Р. Властвующая элита / пер. с англ. Розенталь Е.И., Рошаль Л.Г., Кон В.Л. М.: Директ-Медиа, 2007. 844 с.
6. Патнэм Р. Чтобы демократия сработала. Гражданские традиции в современной Италии / Библиотека Московской школы политических исследований, 1996. URL: <http://www.socio.karazin.ua/resources/530ccfd4b223dd0192f72ef3d1a7435f.pdf> (дата обращения 21.08.2022)
7. Floyd Hunter. Community power structure; a study of decision makers. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1953. 330 p.
8. Дарендорф Р. Элементы теории социального конфликта // Социологические исследования. 1994. № 5. С. 142-147.
9. Lasswell H. D., Lerner D., Rothwell C. E. The Elite Concept // Political Elites in a Democracy / Ed. by P. Bachrach. N. Y.: Atherton Press, 1971. P. 13-26.
10. Bachrach, Peter. Political elites in a democracy. Aldine Transaction (January 11, 2010).
11. Ашин Г., Понеделков А., Игнатов В., Старостин А. Основы политической элитологии. М.: Издательство «ПРИОР». 2001 (1999). 304 с.

12. Гаман-Голутвина О.В. Политические элиты России: Вехи исторической эволюции. М.: РОССПЭН, 2006. 446 с.
13. Крыштановская О.В., *Анатомия российской элиты*. М.: «Захаров», 2005. 384 с.
14. Дука А.В. Российские властные группы в (не)политическом пространстве. Вместо предисловия // *Власть и элиты*. 2019. Т.6. № 1. С. 5-14.
15. Шпенглер О. *Закат Европы*. Новосибирск: Наука, 1993. 584 с.
16. Кургинян описал «трехкомпонентную элиту» России // ИА Красная Весна 22 мая 2021 URL: <https://rossarprimavera.ru/news/c5978ebf> (дата обращения: 21.08.2022).
17. Кастельс М. Становление общества сетевых структур. Новая постиндустриальная волна на Западе. Антология / Под ред. В. Л. Иноземцева. М., 1999. С.494-505.
18. Исакова Т. Софту увеличивают бюджет // *Коммерсант*. 24 августа 2022. URL https://kommersant-gu.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/5525673?turbo_feed_type=full (дата обращения 24.08.2022)
19. Верников А.В. «Институциональная ловушка»: научный термин или красивая метафора? // *Journal of Institutional Studies*. 2020. №12(2). С. 25-37.
20. Кузина С.И., Фомин Г.А., Хагуш С.Л., Керимов О.А. Элиты как субъекты государственно-политического управления в трансформационных процессах становления и развития национальных государств / *Российская элитология: инновационные ответы на вызовы современного мира: материалы Третьего Всероссийского элитологического конгресса с международным участием 15-16 февраля 2019 г., Ростов-на-Дону, ред.-изд.гр.: А.Ю. Шутов (руков.), О.В. Локота, А.В. Понеделков и др. Изд-во ЮРИУ РАНХиГС*, 2019. С. 299-304.

References

1. Gaman-Golutvina O. V. Definition of the basic concepts of elitology. *Polis*. 2000;(3):97-103. (In Russ).
2. Moska G. Ruling class. Churches, parties, sects. Transl. from English. and note by T.N. Samsonova. *Sotsiologicheskiye issledovaniya. = Sociological research*. 1994;(10):187-198; (12): 97-117. (In Russ).
3. Pareto V. *Compendium of General Sociology* / State. un-t - Higher School of Economics. 2nd ed. M.: Ed. house of State University Higher School of Economics, 2008. 511 p. (In Russ).
4. Michels R. Sociology of political parties in a democracy. In: *Political science: reader* / Comp. prof. M.A. Vasilyk, Assoc. M.S. Vershinin. Moscow: Gardariki, 2000. 843 p. (In Russ).
5. Mills R. The ruling elite / transl. from English. Rozental E.I., Roshal L.G., Kon V.L. Moscow: Direct-Media; 2007. 844 p. (In Russ).
6. Putnam R. To make democracy work. Civic Traditions in Modern Italy. *Biblioteka Moskovskoy shkoly politicheskikh issledovaniy = Library of the Moscow School of Political Studies*. 1996. Available from: <http://www.socio.karazin.ua/resources/530ccfd4b223dd0192f72ef3d1a7435f.pdf> [Accessed 21 August 2022]. (In Russ).
7. Floyd Hunter. *Community power structure; a study of decision makers*. Chapel Hill, University of North Carolina Press, 1953. 330 p.
8. Dahrendorf R. Elements of the theory of social conflict. *Sotsiologicheskiye issledovaniya. = Sociological research*. 1994;(5):142-147. (In Russ).
9. Lasswell H. D., Lerner D., Rothwell C. E. The Elite Concept. In: *Political Elites in a Democracy* / Ed. by P. Bachrach. N. Y.: Atherton Press, 1971. P. 13-26.
10. Bachrach, Peter. *Political elites in a democracy*. Aldine Transaction (January 11, 2010).
11. Ashin G., Ponedelkov A., Ignatov V., Starostin A. *Fundamentals of political elitology*. Moscow: PRIOR Publishing House. 2001 (1999). 304 p. (In Russ).
12. Gaman-Golutvina O.V. *Political Elites of Russia: Milestones of Historical Evolution*. Moscow: ROSSPEN, 2006. 446 p.
13. Kryshтанovskaya O.V. *Anatomy of the Russian elite*. Moscow: "Zakharov", 2005. 384 p.
14. Duka A.V. Russian power groups in the (non-)political space. Instead of a preface. *Vlast' i elity. = Power and elites*. 2019;6(1):5-14. (In Russ).
15. Spengler O. *Decline of Europe*. Novosibirsk: Nauka, 1993. 584 p. (In Russ).

16. Kurginyan described the “three-component elite” of Russia. *IA Krasnaya Vesna = IA Red Spring*. May 22, 2021. Available from: <https://rossaprimavera.ru/news/c5978ebf> (Accessed 21 August 2022). (In Russ).

17. Castells M. Formation of the society of network structures. New post-industrial wave in the West. *Anthology* / Ed. V. L. Inozemtseva. Moscow; 1999:494-505. (In Russ).

18. Isakova T. Soft increase the budget. *Kommersant*. August 24, 2022. Available from: https://kommersant-ru.turbopages.org/kommersant.ru/s/doc/5525673?turbo_feed_type=full (Accessed 24 August 2022). (In Russ).

19. Vernikov A. V. "Institutional trap": a scientific term or a beautiful metaphor? *Journal of Institutional Studies*. 2020;12(2):25-37. (In Russ).

20. Kuzina S.I., Fomin G.A., Khagush S.L., Kerimov O.A. Elites as subjects of state-political management in the transformational processes of formation and development of national states. In: *Rossiyskaya elitologiya: innovatsionnyye otvety na vyzovy sovremennogo mira: materialy Tret'yego Vse-rossiyskogo elitologicheskogo kongressa s mezhdunarodnym uchastiyem 15-16 fevralya 2019 g. = Russian elitology: innovative responses to the challenges of the modern world: materials of the Third All-Russian Elite Congress with international participation February 15-16, 2019*, Rostov-on-Don, ed. .-ed.gr.: A.Yu. Shutov (leaders), O.V. Lokota, A.V. Ponedelkov et al. Publishing House of YURIU RANEPА, 2019. S. 299-304. (In Russ).

Информация об авторах

О. А. Коряковцева – докт. полит. наук, проф. ЯГПУ им. К. Д. Ушинского;
А. Ю. Карпов – аспирант ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

O. A. Koryakovtseva – Doctor of Political Sciences, Professor of Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky;
A. Yu. Karpov – Postgraduate Student of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 27.08.2022; одобрена после рецензирования 08.09.2022; принята к публикации 09.09.2022.

The article was submitted 27.08.2022; approved after reviewing 08.09.2022; accepted for publication 09.09.2022.

Научная статья

УДК 32.019.51

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-210-214

СМИ КАК ИНСТРУМЕНТ ВЛИЯНИЯ НА ФОРМИРОВАНИЕ В МАССОВОМ СОЗНАНИИ БЛАГОПРИЯТНОГО ИМИДЖА ГОСУДАРСТВА

Светлана Ивановна Кузина¹, Алина Сергеевна Семеренко²

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, svivk@yandex.ru

¹Донской государственной технической университет, Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, semerenko_polit@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена актуальной проблеме формирования положительного имиджа государства посредством использования средств массовой информации. Внешнеполитические процессы демонстрируют важность качественного собирательного имиджа государства как инструмента защиты и продвижения собственных интересов для страны. Описан механизм влияния на массовое сознание посредством «символической концепции», позволяющей охватить недостижимую для PR-мейкера субъективную составляющую имиджа государства.

Ключевые слова: политический имидж, имиджелогия, PR-мейкер, общественное мнение, массовое сознание, семиотика, символический капитал культуры, средства массовой информации, «мягкая сила»

Для цитирования: Кузина С. И., Семеренко А. С. СМИ как инструмент влияния на формирование в массовом сознании благоприятного имиджа государства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 210–214. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-210-214>

Politology and Ethnopolitics

Original article

MASS-MEDIA AS AN INSTRUMENT OF INFLUENCE ON THE FORMATION OF A FAVORABLE IMAGE OF THE STATE IN THE MASS CONSCIOUSNESS

Svetlana I. Kuzina¹, Alina S. Semerenko²

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, svivk@yandex.ru

¹Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

²South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, semerenko_polit@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the actual problem of forming a positive image of the state through the use of the media. Foreign policy processes demonstrate the importance of a high-quality collective image of the state as a tool for protecting and promoting one's own interests for the country. The mechanism of influence on the mass consciousness by means of a "symbolic concept" is described, which makes it possible to cover the subjective component of the image of the state, which is inaccessible to the PR-maker.

Keywords: political image, imagology, PR-maker, public opinion, mass consciousness, semiotics, symbolic capital of culture, mass media, «soft power»

For citation: Kuzina S. I., Semerenko A. S. Mass-media as an instrument of influence on the formation of a favorable image of the state in the mass consciousness. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):210–214.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-210-214>

Одним из решающих факторов общественных отношений на всех уровнях, – от национального до межгосударственного, является политический имидж государства. Успешность проведения внешнеполитических действий, развития торгово-экономических отношений с другими государствами, внутренняя политика страны зависят от уровня позитивности или негативности ее имиджа. Внешнеполитический имидж также влияет на политические процессы, протекающие в самом государстве, и наоборот.

Целенаправленным формированием положительного имиджа занимаются все государства, являющиеся акторами на мировой политической арене. Грамотно сформированный позитивный внутренний имидж государства оказывает благоприятное влияние на общественное настроение внутри страны, способствует снижению уровня социальной напряженности, а также положительно влияет на поддержку проводимых реформ и проводимой внешней и внутренней политики в целом. Если говорить о влиянии внешнего имиджа, то здесь он выступает инструментом защиты национальных интересов и создания атмосферы взаимного сотрудничества государств. В настоящее время это особенно актуально для Российской Федерации в связи с тем, что современная ситуация на внешнеполитической арене под воздействием событий в Украине значительно усложнилась и продолжает усложняться.

Само понятие «имидж государства» не является изобретением последних лет, данная проблематика затрагивалась и ранее. Слово «имидж» происходит от английского *image* и латинского *imago* – образ, вид. В соответствии со словарем терминов политологии слово «имидж» трактуется как «целенаправленно формируемый образ (лица, явления, предмета), призванный оказать эмоционально-психологическое воздействие в целях популяризации, рекламы и т.п.; одно из средств пропаганды». [1, с. 43] В России понятие «образ» часто приравнивают к «имиджу», хотя «имидж» является более широким понятием. В данной работе мы рассматриваем эти два термина как синонимичные.

Также необходимо внести ясность в практику использования словосочетаний «имидж государства» и «имидж страны», – И. Лябухов настаивает на более подробном рассмотрении внутренней структуры данных понятий, говоря о разных их составляющих, но в то же время соглашается, что в обыденном сознании эти два выражения сливаются, а, значит, есть практическая польза от употребления слова «имидж» в процессах формирования позитивного имиджа государства, не отделяя его от имиджа страны. [2, с. 250-253]

В данной работе мы солидарны с И. Лябуховым, что с практической точки зрения целесообразно рассматривать имидж государства и имидж страны как цельный объект. Безусловно, чаще всего средства массовой информации (СМИ) освещают политические события, однако они также информируют об экономических, культурных, общественных и иных сферах жизни, которые оказывают немаловажное влияние на формирование определенного мнения о государстве.

Одним из важных направлений имиджологии является политическая имиджология, в рамках которой мы рассмотрим некоторые ее аспекты. Политический имидж изучается в рамках разных научных направлений и учебных дисциплин, в том числе – политической социологии, имиджологии и ее нового направления – политической имиджологии, которая призвана дать систематические знания о феномене политического имиджа, параллельно раскрывая его сущность и природу возникновения, особенности и условия развития в современном обществе. Термин «имидж государства» является собирательным, поскольку для того, чтобы итоговый продукт был полноценным, требуется кропотливая работа не только PR-специалистов, но и профессиональных психологов, лингвистов, журналистов. Для дальнейшей работы в нашей статье мы будем использовать следующее понятие: политический имидж государства – это мнение о нем на основе образа, сложившегося в представлении, целенаправленно сформированном посредством профессиональных усилий у внутренней (население страны) или внешней (социальные группы других стран) аудитории. [3, с. 437-438].

Стоит отметить, что выделение имиджологии в самостоятельную дисциплину связано с процессами демократизации, охватившими часть государств в XX в., а также с появлением и развитием новых технологий воздействия на сознание масс. Наиболее популярными в работе у имиджмейкеров становятся те технологии, с помощью которых можно охватить как можно большую аудиторию, особенно с использованием средств массовой информации, поскольку

за счет своей распространенности роль их влияния на сознание аудитории возрастает день ото дня.

Для успешного формирования и продвижения имиджа государства необходимы две составляющие – объективная и субъективная. И если первая не поддается работе PR-специалистов, поскольку формируется вне нашего сознания, то субъективная напрямую зависит от информационного воздействия. С целью более глубокого проникновения в механизмы формирования имиджа, имиджология опирается на исследования в области семиотики (Ж. Бодрийяр и Р. Барт). Отличительными чертами семиотической концепции можно считать в первую очередь особое понимание дискурса как определенной системы вербальных и невербальных знаковых комплексов, под которой подразумеваются текст и голосовая речь, музыка, мода, дорожные знаки, товарные знаки и т.д. В работах Ж. Бодрийяра «семиотическая концепция к изучению дискурсологии синтезируется с кратологической, рассматривая дискурс как властную силу, которой наделены знаки, в том числе вещи как знаковые системы». Таким образом, вещи впоследствии утратят свое истинное предназначение, превращаясь в грезы, в имитирующие действительность знаки реальности, которым Ж. Бодрийяр дал оригинальное название – «симулякры» [4, с. 19-20].

Кратологическая концепция Ж. Бодрийяра отличается от подобных концепций концентрацией на принудительной силе властного начала. Доступ к различного рода проявлениям дискурса находится в ведении органов власти, или частично наделенных ею. За право их обладания идет непрерывная борьба. С этой точки зрения эффективность политического имиджа скажется на количественном увеличении управленческого ресурса.

Подробное изучение данных концепций позволит исследователю на макроуровне рассмотреть природу становления и развития имиджа в массовом сознании. Владение массовым сознанием для PR-мейкера является обязательным критерием результативности своей деятельности. Именно общественное сознание является оплотом и индикатором имиджа государства, а также в моменты кризиса внешнеполитических отношений – гарантом поддержки и внутренней стабильности.

Глобализационные процессы расширяют спектр каналов взаимодействия с целевой аудиторией, увеличивая возможность влияния на общественное мнение с помощью семиотики. Оказывая влияние и концентрируя в своих руках власть над большей частью средств массовой информации, PR-команда сможет с легкостью внедрять и пропагандировать выгодную информацию, а также использовать черные PR-технологии, очерняющие личность других политиков. Но охватить полностью все каналы взаимодействия современным политическим лидерам и их командам практически невозможно – это требует колоссальных усилий и средств, тотальной фильтрации всех размещаемых материалов, что само по себе противоречит процессам демократизации, проходящих в большом количестве стран. В случае полного или существенного контроля информационного потока для масс со стороны властей возрастает количество и важность независимых информационных каналов. Возможность обращения к другому источнику, выбрать из существующих мнений верное – все это дает представление гражданам современных государств о свободе их мысли и самовыражении, об уровне демократизации в его стране и уровне свободы.

Но на психологическом уровне зачастую массы не хотят слышать или видеть информацию, которая, по их мнению, подрывает общественный порядок, может являться стимулом к беспорядкам, кризисам и общественным волнениям. Так, по результатам опроса, проведенного Фондом общественного мнения в марте 2020 года, 69 % россиян «признают, что есть такие общественно важные проблемы и темы, информацию о которых допустимо умалчивать в государственных интересах». ¹ Подобная практика вполне объяснима со стороны человеческого сознания и удобна для работы PR-мейкеров. Заполняя информационное поле спокойным, развлекательным контентом, можно с большим успехом добиться желаемого результата в продвижении благоприятного имиджа государства.

---

¹ Допустимо ли умалчивать общественно важную информацию? <https://fom.ru/SMI-i-internet/14438>

В поле зрения общественного мнения и освещения СМИ в большинстве своем находятся те ситуации, факты, мнения, которые актуальны и вызывают общественный интерес. Здесь стоит отметить, что на формирование контентом СМИ с одной стороны общественное мнение может оказывать колоссальное влияние, подсвечивая те проблемы, которые общественности кажутся наиболее актуальными и интересными.

С другой стороны, имиджмейкеры могут искусственно создать ажиотаж в средствах информации вокруг необходимой темы, тем самым подогревая интерес к этой теме со стороны аудитории или уводя спектр внимания от «неудобной» проблемы. Данной технологией нельзя злоупотреблять, использование ее имеет достаточно кратковременный характер, способный лишь в кризисные моменты временно снять социальное напряжение, переведя фокус внимания аудитории на иногда искусственно созданную проблему. В дальнейшем можно наблюдать в СМИ демонстрацию успешного решения данной проблемы, что закрепит в общественном мнении положительный имидж власти.

Негативно сказывается на имидже государства как гаранта демократических основ (если мы говорим о демократическом государстве) ограничение деятельности тех каналов информации, которые позиционируют себя как независимые. В таком случае на подсознательном уровне у общественности будет присутствовать возмущение на тему ограничения доступа к информации, права на доступ к информации, которое закреплено в Конституции. В таком случае необходима доказательная база, в связи с чем данный источник был признан нежелательным.

Использование СМИ как инструмента воздействия на общественное сознание в целях формирования благоприятного имиджа Российской Федерации в последнее время сильно усложнилось в связи с обстановкой на внешнеполитической арене. В данной ситуации для успешной реализации своих геополитических интересов необходима кооперация сил всех информационных источников для формирования сплоченного общественного мнения, который будет являться базисом для дальнейших действий в отношении защиты интересов государства на мировой политической арене. Подобная практика уже продемонстрировала свой успех в период 2015-2018 гг., когда после событий, связанных опять же с Украиной, присоединением Крыма, Россия с помощью средств массовой информации как «мягкой силы» воздействовала на формирование массового сознания как внутри страны, так и за рубежом, смогла в большей степени восстановить свой имидж «страны-объединительницы». [5, с. 146–147]. СМИ сегодня являются, с одной стороны, некими ориентирами и индикаторами общественного мнения, а с другой, – они заполнены стереотипами и умело навязывают выгодные поведенческие стандарты. Средства массовой информации сегодня – это колоссальный инструмент влияния на массовое сознание, позволяющее формировать, корректировать образ государства как внутри страны, так и на мировой политической арене.

Список источников

1. Пусько В. С. Политология. Краткий словарь основных терминов и понятий. М.: Изд-во МГТУ им. Н. Э. Баумана, 2010.
2. Лябухов И. В. О соотношении понятий «Имидж государства» и «Имидж страны» (к постановке проблемы) // Известия АлтГУ. 2011. №4-1. С. 250–253.
3. Бозаджиев М. Л. Политическая психология: учебное пособие для студентов высших учебных заведений. М.: Издательский дом Академии Естествознания, 2015. 474 с.
4. Русакова О. Ф. Основные теоретико-методологические подходы к интерпретации дискурса // Научный ежегодник Института философии и права Уральского отделения Российской академии наук. 2007. № 7. С. 5–34.
5. Кузина С. И. СМИ как инструмент "мягкой силы" в процессах формирования политического имиджа российского государства // Дневник Алтайской школы политических исследований. 2017. № 33. С. 143–147.

References

1. Pusko V. S. *Political science. Brief dictionary of basic terms and concepts*. Moscow: Publishing house of MSTU im. N.E. Bauman, 2010. (In Russ.)
2. Lyabukhov I. V. On the relationship between the concepts "Image of the state" and "Image of the country" (to the formulation of the problem). *Izvestiya AltGU = Izvestiya of Altai State University*. 2011;(4-1):250-253. (In Russ.)
3. Bozadzhiev M. L. *Political psychology: a textbook for students of higher educational institutions*. Moscow: Publishing House of the Academy of Natural Sciences; 2015. 474 p. (In Russ.)
4. Rusakova O. F. Basic theoretical and methodological approaches to the interpretation of discourse. *Nauchnyi ezhegodnik Instituta filosofii i prava Ural'skogo otdeleniya Rossiiskoi akademii nauk = Scientific Yearbook of the Institute of Philosophy and Law of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences*. 2007;(7):5-34. (In Russ.)
5. Kuzina S. I. Mass media as a tool of "soft power" in the processes of forming the political image of the Russian state. *Dnevnik Altaiskoi shkoly politicheskikh issledovanii = Diary of the Altai School of Political Studies*. 2017;(33):143-147. (In Russ.)

Информация об авторах

С. И. Кузина – докт. полит. наук, проф. кафедры политологии и этнополитики ЮРИУ РАНХиГС; проф. ДГТУ;

А. С. Семеренко – аспирант ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

S. I. Kuzina – Doctor of Political Sciences, Professor of the Department of Political Science and Ethnopolitics of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА; Professor of Don State Technical University;

A. S. Semerenko – Graduate Student of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

”

Статья поступила в редакцию 23.07.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted 23.07.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 23.08.2022.

Научная статья

УДК 323.2

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-215-219

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИТИКА СССР В ОТНОШЕНИИ КОРЕННЫХ НАРОДОВ: ОПЫТ И УРОКИ

Манушак Назаретовна Плякич

Сочинский государственный университет, Сочи, Россия, Mb.sgu@mail.ru

Аннотация. В статье рассматривается советский опыт построения системы государственных и национальных институтов развития коренных народов, который имеет особый интерес в связи с признанием необходимости сохранения традиционных культур в Российской Федерации. Автор констатирует необходимость формирования комплексного историко-правового знания о опыте национальной политики в отношении коренных народов в России.

Ключевые слова: государственная политика, советская национальная политика, права коренных народов, модели управления

Для цитирования: Плякич М. Н. Государственная политика СССР в отношении коренных народов: опыт и уроки // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 215–219. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-215-219>

Politology and Ethnopolitics

Original article

STATE POLICY OF THE USSR IN RELATION TO INDIGENOUS PEOPLES: EXPERIENCE AND LESSONS

Manushak N. Plyakich

Sochi State University, Sochi, Russia, Mb.sgu@mail.ru

Abstract. The article examines the Soviet experience of building a system of state and national institutions for the development of indigenous peoples, which is of particular interest in connection with the recognition of the need to preserve traditional cultures in the Russian Federation. The author states the need to form a comprehensive historical and legal knowledge about the experience of national policy towards indigenous peoples in Russia.

Keywords: state policy, Soviet national policy, rights of indigenous peoples, management models

For citation: Plyakich M. N. State policy of the USSR in relation to indigenous peoples: experience and lessons. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):215–219. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-215-219>

Государственная национальная политика в СССР с начала формирования советской системы управления и до прекращения существования выстраивалась в соответствии с идеалами построения не только коммунистического общества, в котором каждый народ имел право на сохранение своего культурного и этно-языкового пространства, оформление территории как субъекта государственных отношений с организацией структур власти, но и с целью сохранения малых народов.

В мировой истории коренные или аборигенные народы изучаются как этносы, сохранившие свои исконные культурные и традиционные уклады, даже подвергаясь аккультурации со стороны доминирующих форм современной культуры и глобализационных тенденций нового столетия. В связи с этим мировое сообщество и научные культурные институты настояли на необходимости защиты народов, сохраняющих уклады традиционной культуры, ведущие хозяйственную деятельность, приближенную к народным истокам.

В XX в. были приняты два основных декларативных по своему значению акта. Сначала в 1957 г., а потом в 1989 г. закреплены в международных документах¹ нормы защищающие права таких народов и выступающие против их дискриминации в социальном и экономическом взаимодействии в национальных государствах на рынке труда. В 2007 г. международная организация – ООН закрепила принципы защиты прав коренных народов в Декларации², данные акты являются основанием для современной государственной национальной политики в России³ и тех государств в которых сохранились коренные народы.

Российская государственность в ее многонациональной поликультурной форме складывалась на протяжении всего исторического пространства ее существования. Формирование Древнерусского и Русского централизованного государства проходило под влиянием сначала миграционных потоков, которые носили как мирный, так и военный характер, поэтому складывание поликультурного и многоконфессионального мира цивилизационного пространства прослеживается как устойчивый фактор, влияющий на российскую государственность. К времени выхода Российского государства на геополитическую карту раннего Нового времени XV – XVI вв., когда в Европе начался период Великих географических открытий в стране кроме формирующейся великорусской народности проживало около двадцати этнических групп, исповедующих как мировые конфессии, так и ранние религиозные формы с традиционным укладом жизни, а с началом освоения регионов Великой Сибири многонациональный состав страны стал неотъемлемым составляющим ее межкультурного состояния.

Для периода становления многоукладного российского общества характерно расширение территории России под влиянием и государственного воздействия с целью получения новых богатых земель природными ресурсами (земля, пушнина, ископаемые и т.д.), так и удивительного явления первопроходничества как исторического процесса продвижения в глубь Сибири свободных от налогового и административного давления групп, которые стремились стать независимыми от власти.

Наиболее активным по поиску модели управления территориями стал XIX в. как период осознанного и целенаправленного государственного воздействия на территории Сибири и Дальнего Востока в целях создания системы эффективного управления с учетом специфики региона:

- во-первых, удаленность его от центральной части Российской империи;
- во-вторых, хозяйственная отсталость народов, заселяющих регион;
- в-третьих этническое и религиозное многообразие населения.

Следует отметить, что в итоге в отношении малочисленных народов Севера, Сибири и Дальнего Востока в Российской империи в период с конца XIX в. до 1917 г. сложилась политика особого управления. С одной стороны, ее отличала закрепление особого правового положение групп северных народов, с другой создавала управленческую изолированность от населения страны из-за религиозного и хозяйственного обособления. При этом учитывалась необходимость сохранения и развития территорий в составе Российской империи. Многие государственные и общественные деятели говорили о том, что равнодушное отношение к проблемам малочисленных народов противоречит идеям развитого общества и принципам гуманизма, осознавалась в российском обществе специфика жизни и быта инородцев, особенности мировоззрения, их отличие от пришлого русского населения.

Следовательно, проблема развития управления территориями, координация межнациональных и межкультурных отношений стояла всегда остро, особенно в советское время и

---

¹ «Конвенция о коренных народах и народах, ведущих племенной образ жизни в независимых странах» № 169 от 7 июня 1989 года на 76-й сессии Генеральной конференции Международной организации труда, созванной в Женеве Административным советом Международного бюро труда // <https://www.un.org/ru>

² Декларация о правах коренных народов, принятая 13 сентября 2007 года на 62-й сессии Генеральной Ассамблеи Организации Объединённых Наций // СПС «КонсультантПлюс».

³ Стратегия государственной национальной политики Российской Федерации на период до 2025 года (утв. Указом Президента РФ от 19 дек. 2012 г. № 1666. В ред. от 06.12.2018). Всего на территории РФ проживают представители 193 национальностей (2010), используются 277 языков и диалектов, в государственной системе образования используются 89 языков, из них 30 – в качестве языка обучения, 59 – в качестве предмета изучения // СПС «КонсультантПлюс».

в современный период развития России, поэтому рассмотрение места малочисленных коренных народов, их роли в федеративной системе СССР и Российской Федерации является не только актуальной, но и позволит всесторонне изучить как складывалась национальная политика в разные периоды. При этом необходимо учесть российский и советский опыт в сохранении культурного наследия народов в XX в., входивших в состав советского государства и которое интегрировало территории расселения народов, сохраняющих культуру родоплеменных отношений и ведущих хозяйство традиционного общества.

Становление советской национальной политики происходило в период ее оформления в 1917–1920-е гг., когда проходила апробацию модель развития межнациональных отношений, предложенная государственным лидером страны В.И. Ульяновым (Лениным) в рамках доктрины права советских народов на национальную территорию и культурное самоопределение. Это реализовалось в многочисленных документах с начала образования системы управления территориями с расселением коренных народов Севера.

Первым актом построения государственной политики межнационального взаимодействия стала «Декларация прав народов России»¹ от 2 ноября 1917 г., которая провозгласила принципы свободного развития народов, их права на реализацию своей культурной, религиозной и национальной идентичности вплоть до объявления своего суверенитета. Данный акт позволил крупным этносам бывшей Российской империи завершить этногенез образованием наций в составе советской России и потом СССР, а вот малые народы, особенно те, которые еще находились в состоянии сохранения традиционных культур стали основанием для формирования новых форм политической и социально-экономической организации. Эти принципы были отражены в статьях 11 (области с особым бытом и национальным составом) и 22 первой советской конституции 1918 г.², затем реализованы в 1919 г. закреплением прав на земли за народами Севера Сибири. Эти конституционные основы декларировались во всех Основных законах СССР и РСФСР. Таким образом, признавалось развитие народов, их культур, языка, запрещалась дискриминация по этим признакам.

Ленинские идеи [1] построения национальных отношений развивались и реализовывались в государственном строительстве, но особенно активно в 1920–1930-е гг. складывания системы управления и очерчивание границ национальных образований, поиска формы, как уже виделось новому государственному лидеру. Новая концепция была закреплена в Основных Законах Советского Союза 1936 г.³ и ее субъекта – РСФСР 1937 г.⁴ в рамках национального округа. К концу десятилетия И.В. Сталин определил модель как программу коренизации народов или советизации, получившую в науке понятие сталинской [2], которая, с одной стороны, учитывала взаимосвязь политических, социально-экономических и идеологических факторов государственного воздействия на народы, входившие в ее состав.

Такая концепция встраивалась в систему советского хозяйствования с проведением мер по созданию коллективных хозяйств с учетом климатических и природных факторов Севера, активно интегрировались районы в общую политическую и идеологическую реальность времени с централизованной формой подчинения органов управления, таким образом определенная автохтонность ушла в прошлое, был избран национальный округ. За аборигенными народами сохранились конституционные права на представительство в высших органах власти, использование языка в государственных учреждениях, сохранение и развитие культуры.

Вторая половина развития СССР, ее государственной национальной политики – это время пересмотра политической стратегии в отношении коренных народов, особенно в сохранении

¹ Декларация прав народов России. Распубликовано в 4 «Газеты Временного Рабочего и Крестьянского Правительства» от 16 (3) ноября 1917 г. СУ РСФСР, 1917, ь 2, ст.18. // СПС «КонсультантПлюс».

² Конституция (Основной Закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

³ Конституция (Основной Закон) Союза Советских Социалистических республик Утверждена Чрезвычайным VIII съездом Советов Союза ССР 5 декабря 1936 года (с последующими изменениями и дополнениями) // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ Конституция (Основной Закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики (утверждена постановлением Чрезвычайного XVII Всероссийского Съезда Советов от 21 января 1937 г.) // СПС «КонсультантПлюс».

природных богатств Севера, культурного, языкового многообразия народов, населяющих СССР [3, с. 44–59], что закреплялось в положениях Конституции СССР 1977 г.¹ и РСФСР 1978 г.²

Новый этап в жизни коренных малочисленных народов Севера наступил в 60 – 70-е гг. XX в., когда вследствие широкомасштабной разработки полезных ископаемых – нефти и газа – нависла реальная угроза для среды обитания этих народов. Уже тогда встала проблема защиты прав коренных малочисленных народов Севера по мнению исследователей [4, с. 121–130] в сохранении природных богатств, культурной идентичности. Одной из главных проблем стала потеря языковой и культурно-демографической связи поколений из-за системы советского образования на Севере.

Возникла проблема создания эффективных государственных подходов к разрешению накапливаемых системных недочетов в отношении малых народов страны в сфере хозяйствования, воспитания нового поколения, сохранения их. В период политики «перестройки» был инициирован соответствующий законопроект, но работа над ним продлилась более десяти лет из-за необходимости соотнести проблему сохранения культуры малых народов и экономические интересы развития региона. Эта работа была завершена лишь в конце 1990-х гг., когда был принят Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации»³. Закон предусмотрел широкий комплекс мер, обеспечивающий права этих народов с учетом накопленного исторического опыта межнациональных отношений в СССР и РСФСР.

Основным достижением государственной национальной политики в СССР в отношении регионов проживания коренных народов или как их чаще называли в советский период малочисленных этносов проводилась в рамках национально-культурного строительства, сохранения их, развития структуры образования, создание объектов промышленности, что отражалось в официальных документах от союзного до республиканского законодательства.

Необходимо констатировать, что национальная советская политика прошла за семьдесят лет сложный путь, который продемонстрировал положительное начало в сохранении культуры народов Крайнего Севера, Дальнего Востока, то есть всего большого региона Сибири с его многообразием природной и климатической среды, что отражалось в общем экономическом развитии сельскохозяйственных регионов, но с главной стратегической задачей влить аборигенные народы в состав советского народа и социалистической системы.

Ведущим фактором рассмотренного времени стала культурная интеграция коренных народов в советское многонациональное общество и государственную систему управления. Советская власть создала новую форму организации жизни малых народов Севера – административные и культурные центры, которые стали формировать материальную базу развития национальных культур.

Социалистическая система хозяйствования дала новые виды экономической деятельности, урбанизацию, как совершенно нехарактерный образ жизни и повседневности и конечно изменила этническое сознание народов через систему образования. При этом коренные народы столкнулись с проблемой сохранения традиционного уклада, языка, воспитания поколений из-за потери обычного уклада и навыков промыслов. Следствием этого стал не только социально-экономический кризис конца 1980-х гг. в регионах проживания, но возник вопрос о эффективности советской государственной национальной политики в отношении малых народов.

Таким образом, опыт советского национального строительства в XX в. привел к осознанию сохранения народов, роли многонациональных государств в создании программ, проектов и полученных практик развития традиционных укладов и транслирования своей культурную идентичности в таких поликультурных и многообразных образованиях.

Советское государство прошло свой путь формирования национальной политики с учетом тех идей и программ политических, которые стояли перед государственными органами

---

¹ Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) (с изменениями и дополнениями) // СПС «КонсультантПлюс»

² Конституция (Основной закон) Российской Советской Федеративной Социалистической Республики от 12 апреля 1978 г. // СПС «КонсультантПлюс»

³ Федеральный закон «О гарантиях прав коренных малочисленных народов Российской Федерации» от 30.04.1999 № 82-ФЗ (последняя редакция) 30 апреля 1999 года № 82-ФЗ // СПС «КонсультантПлюс»

в рамках создания государства нового типа – многонационального, поликультурного, ставшего союзом разных культур, языков.

Советская социалистическая модель национальных отношений прошла путь развития, поиска модели, что позволило проанализировать национальную политику, государственные цели и задачи, которые ставились перед центральными и региональными органами и местной властью.

Российская Федерация как правопреемник советской государственности старается учесть опыт государственной национальной политики, проводимой в СССР и не допустить ошибки и просчеты в стратегии национального и культурного построения современного государства, имеющего на своей территории такое национальное многообразие.

Советское государство прошло свой путь формирования национальной политики с учетом тех идей и программ политических, которые стояли перед политическими органами в рамках создания государства нового типа – многонационального, поликультурного, ставшего союзом разных культур, языков.

Советская социалистическая модель национальных отношений прошла путь развития, поиска модели, что позволило проанализировать национальную политику, государственные цели и задачи, которые ставились перед центральными и региональными органами и местной властью. Следовательно, вклад советских ученых огромен в накоплении научных материалов о необходимости сохранения народов, их самобытной культуры. С конца 1980-х гг. изменилась мировая тенденция оценок ассимиляции коренных народов с глобальной культурой и исследования изменили вектор. Современные ученые стремятся выявить тенденции развития и сохранения коренных народов для России и мирового сообщества, особенно их культурное наследие.

Российская Федерация как правопреемник советской государственности старается учесть опыт государственной национальной политики, проводимой в СССР, и не допустить ошибки и просчеты в стратегии национального и культурного построения современного государства, имеющего на своей территории такое национальное многообразие.

Список источников

1. Аверин А. Н. Коренные малочисленные народы: динамика развития // Вестник БГУ. 2015. № 14. С. 70-76.
2. Ахметова А. В. Государственная политика в отношении коренных малочисленных народов Дальнего Востока: 1960-е-начало 1980-х гг. Дис...канд. ист. наук. Комсомольск-на-Амуре, 2006. 207 с.
3. Зибарев В. А. Ленинская национальная политика КПСС и малые народы Севера // История СССР. 1981. № 3. С.44–59.
4. Козьменко В. М., Цай В. И. Эволюция межнациональных отношений и национальной политики в СССР в 1920-х – 1991 г. // Вестник РУДН. История России. 2012. № 2. С. 121–130.

References

1. Averin A. N. Indigenous peoples: dynamics of development. *Vestnik BGU*. 2015;(14):70–76. (In Russ.)
2. Akhmetova A. V. *State policy in relation to the indigenous peoples of the Far East: the 1960s-early 1980s*. Dis...kand. ist. nauk. Komsomol'sk-na-Amure; 2006. 207 p. (In Russ.)
3. Zibarev V. A. Lenin's national policy of the CPSU and the small peoples of the North. *Istoriya SSSR = History of the USSR*. 1981;(3):44–59. (In Russ.)
4. Kozmenko V. M., Tsai V. I. The evolution of interethnic relations and national policy in the USSR in the 1920s - 1991. *Vestnik RUDN. Istoriya Rossii = RUDN Bulletin. History of Russia*. 2012;(2):121-130. (In Russ.)

Информация об авторе

М. Н. Плякич – канд. социол. наук, ст. преп. кафедры теории права и государства, истории и философии Сочинского государственного университета.

Information about the author

M. N. Plyakich – PhD in Sociology, Senior Lecturer, Department of Law and State Theory, History and Philosophy, Sochi State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 08.06.2022; одобрена после рецензирования 25.06.2022; принята к публикации 26.06.2022.

The article was submitted 08.06.2022; approved after reviewing 25.06.2022; accepted for publication 26.06.2022.

**ОСОБЕННОСТИ РАЗВИТИЯ КАДРОВОГО ПОТЕНЦИАЛА РАБОТНИКОВ
ОРГАНОВ МЕСТНОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ: КОНТЕКСТ ДИАЛОГА ОБЩЕСТВА
И ГОСУДАРСТВА В УСЛОВИЯХ НОВОЙ РЕАЛЬНОСТИ**

Тамара Ирановна Просандеева¹, Андрей Викторович Ляхов²

¹Таганрогский институт имени А. П. Чехова (филиал) Ростовского государственного экономического университета (РИНХ), Таганрог, Россия, tamara.prosandeewa@yandex.ru

²Исполнительная дирекция «Совет муниципальных образований Ростовской области», Ростов-на-Дону, Россия, andrei99999@mail.ru

Аннотация. Статья посвящена рассмотрению актуальных вопросов развития политической культуры и повышения качества управления на муниципальном уровне в целях укрепления жизнеспособности государства и общества на основе активного использования инструментария общественной дипломатии.

Ключевые слова: культурный иммунитет, общественная дипломатия, гражданское общество, политическая культура, политические коммуникации, национальная безопасность, информационная безопасность, национальные проекты

Для цитирования: Просандеева Т. И., Ляхов А. В. Особенности развития кадрового потенциала работников органов местного самоуправления: контекст диалога общества и государства в условиях новой реальности // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 220–225. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-220-225>

Politology and Ethnopolitics

Original article

**FEATURES OF THE DEVELOPMENT OF THE PERSONNEL POTENTIAL OF EMPLOYEES
OF LOCAL SELF-GOVERNMENT BODIES: THE CONTEXT OF THE DIALOGUE
BETWEEN SOCIETY AND THE STATE IN A NEW REALITY**

Tamara I. Prosandeeva¹, Andrey V. Lyakhov²

¹Taganrog Chekhov Institute (branch) of Rostov State Economic University, Taganrog, Russia, tamara.prosandeewa@yandex.ru

²Council of Municipal Formations of the Rostov Region, Rostov-on-Don, Russia, andrei99999@mail.ru

Abstract. The article is devoted to the consideration of topical issues of the development of political culture and improving the quality of governance at the municipal level in order to strengthen the viability of the state and society through the active use of public diplomacy tools.

Keywords: cultural immunity, public diplomacy, civil society, political culture, political communications, national security, information security, national projects

For citation: Prosandeeva T. I., Lyakhov A. V. Features of the development of the personnel potential of employees of local self-government bodies: the context of the dialogue between society and the state in a new reality. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):220–225. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-220-225>

В сегодняшних непростых и противоречивых условиях развития мирового сообщества, манифестируемых все чаще концептом «новой реальности», жизнедеятельности человека в технологически богатом мире, наполненном множеством ресурсов информационного воздействия, расширяющих (большей частью, именно на это и направленных) пространство его (человека) когнитивной энтропии, размывающих ценностные, базирующиеся на культурных

традициях, основания, выступающие основой моделирования его поведения и формирования пространства разнообразных отношений с окружающим миром, очень важно заботиться о разработке инструментов демпфирования угроз, рисков и опасностей размывания ценностно-смыслового ядра культурного иммунитета личности, общества и государства.

Культура является основой формирования отношений человека с миром, с окружающими, именно культура позволяет человеку обогащать свою картину мира и помнить о том, что, например, исторически почти забытое сегодня понятие «интеллигентность» в контексте его дескрипции в духовно-нравственном ключе, определялось не столько полученным образованием, сколько отношением к окружающим и окружающей среде.

В настоящее время, учитывая один из очевидных трендов развития государств, эксплицирующийся процессом цифровизации, вопросы развития культуры, целесообразно, на наш взгляд, исследовать в контексте формирования медиафона обеспечения укрепления культурного иммунитета общества как важнейшего элемента иммунной системы общества в целом.

Известно, что результатом повсеместного применения информационных технологий является формирование качественно новой информационной среды обитания человека – виртуальной реальности, позволяющей обеспечивать более яркие эмоции, чем повседневная жизнь. В статье «Уйти из Матрицы» В. Ю. Бровка¹, постулируя мысль о планомерном устранении нравственных и интеллектуальных барьеров в современном обществе посредством специфических механизмов, разработанных архитекторами новой реальности, ведущими среди которых являются СМИ, предупреждает об угрозах иллюзорного мира, подменившего подлинную реальность для огромного числа людей.

В эпоху тотальной цифровизации посредством Интернет и социальных сетей в сознание российского гражданина последовательно внедрялись чуждые ему культурные коды, оказывая тем самым негативное влияние на формирование представлений о настоящем и будущем и, соответственно, лишая человека перспектив для духовного развития; при этом не требует дополнительной аргументации тезис о том, что при лишении страны идейного фундамента и ощущения духовного единства социума, стимулирующего граждан к участию в общественных процессах, трудно рассчитывать на то, что в нужный момент «здесь и сейчас найдутся» продуктивные ресурсы развития и/или защиты национальных интересов... Особую значимость в контурах осмысления позиционируемого проблемного поля приобретает активная рефлексия над феноменом исторической памяти как важного фактора конструирования единства общества и государства в рамках актуализации вопросов повышения их (общества и государства) жизнеспособности.

В этой связи представляется целесообразным, в аспекте обогащения контента дискурса общественно-политических коммуникаций современной России и в контексте моделирования ландшафта его смысловых акцентов, активнее и более «рельефно» рассматривать вопросы, качества политической элиты [1]: именно «качество» наполнения ценностной платформы «картины мира» её (политической элиты) представителей коррелирует с интересами укрепления российской государственности и целостности гражданского общества.

Полагаем, что в современных условиях развития российского государства и многоаспектной модернизации различных сфер жизнедеятельности общества задачи повышения качества кадрового потенциала – развития человеческого капитала нации – входящие в ценностно-смысловое ядро государственной образовательной, молодежной и культурной политики в рамках поиска «точек роста» обеспечения гармонизации как внутривнутриполитического диалога, так и повышения продуктивности внешнеполитических коммуникаций современной России [2], являются чрезвычайно важными и актуальными.

Особую значимость в этом контексте приобретает комплексное осмысление политико-управленческих и социальных аспектов кооперации акторов, интегрированных в процесс производства и трансляции культурных ценностей и смыслов.

На сегодняшний день основными направлениями государственной культурной политики Российской Федерации является сохранение и развитие культуры в целях укрепления государства и гражданского общества. Однако одним из препятствующих обстоятельств выступают вопросы качества кадрового обеспечения реализации позиционируемых задач, предусматривающих,

¹ <http://csef.ru/ru/politica-i-geopolitica/326/ujti-iz-matriczy-9495> (Дата обращения: 04.09.2022 г.).

в частности, совершенствование инструментария развития политической культуры. Следовательно, реализация национальных целей страны невозможна без развития стратегических важных направлений государственной кадровой политики (в том числе в сфере культуры) на всех её уровнях, в т.ч. на региональном и муниципальном уровнях [3].

В целях обеспечения прорывного научно-технологического и социально-экономического развития Российской Федерации, увеличения численности населения страны, повышения уровня жизни граждан, создания комфортных условий для их проживания, а также условий и возможностей для самореализации и раскрытия таланта каждого человека Указом Президента Российской Федерации от 07.05.2018 № 204 «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года»¹ (в редакции Указа Президента Российской Федерации от 21.07.2020 №474) определены девять национальных целей развития.

Для достижения национальных целей развития Российской Федерации, определенных Президентом, Правительством Российской Федерации утвержден прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года, предусматривающий механизмы и ресурсное обеспечение достижения национальных целей². Также, в соответствии с национальными целями, совместно с органами государственной власти субъектов Российской Федерации разработаны и рассмотрены на заседании Совета при Президенте Российской Федерации по стратегическому развитию и национальным проектам 13 национальных проектов (программ) по трем направлениям («Человеческий капитал», «Комфортная среда для жизни», «Экономический рост»). В табл. 1 представлена информация относительно процентного соотношения доли расходов на национальные проекты в расходах федерального бюджета.

Таблица 1 – Объем финансирования нацпроектов – на 2022 год и плановый период 2023 и 2024 годов³

Table 1 – The amount of funding for national projects – for 2022 and the planning period of 2023 and 2024

Наименование развития / наименование нацпроекта	2022 год	Доля в общем объеме, %	2023 год	Доля в общем объеме, %	2024 год	Доля в общем объеме, %
Человеческий капитал	1 311,30	5,60	1 411,40	5,60	1 501,00	5,70
Комфортная среда для жизни	593,70	2,50	704,10	2,80	806,40	3,10
Экономический рост	889,10	3,80	814,50	3,20	759,30	2,90
ИТОГО	2 794,10	11,90	2 930,00	11,60	3 066,70	11,70

Касаясь вопроса о потенциальных мультипликативных эффектах национальных проектов в контексте воздействия на приоритетные отрасли экономики государства, целесообразно, на наш взгляд, отметить, относительно небольшую долю, которую они занимают в расходах федерального бюджета. Таким образом, объем финансирования нацпроектов в 2022 г. составил 11,9% от общего объема затрат федерального бюджета, предусмотренных сводной бюджетной росписью, в 2023 году – 11,6% и в 2024 году 11,7%, соответственно.

В рамках исполнения федеральных проектов определены целевые показатели, достижение которых предусматривает формирование эффективной кадровой политики. На рис. 2 приведены показатели входящего в состав федерального проекта «Творческие люди» регионального проекта «Создание условий для реализации творческого потенциала нации» (Ростовская область) в отношении количества специалистов сферы культуры, которые должны пройти повышение квалификации к 2024 г.⁴

¹ Указ Президента Российской Федерации от 21.07.2020 № 474 "О национальных целях развития Российской Федерации на период до 2030 года". <http://www.kremlin.ru/events/president/news/57425>.

² Прогноз социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2024 года.

³ Рассчитано автором самостоятельно на основе «Основных параметров Федерального бюджета», представленных на официальном сайте Министерства финансов Российской Федерации (<https://minfin.gov.ru/ru/>).

⁴ <https://www.donland.ru/activity/2539/>

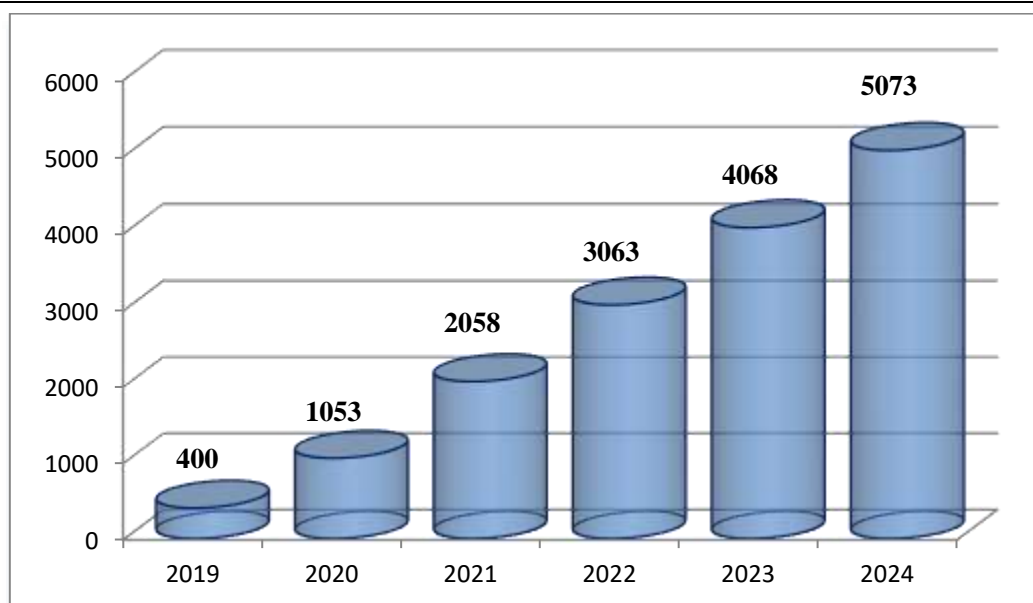

Рис. 2. Показатели регионального проекта «Создание условий для реализации творческого потенциала нации» (Ростовская область) (чел.)

Fig. 2. Indicators of the regional project "Creating conditions for the realization of the creative potential of the nation" (Rostov region) (people)

Обеспечение доступности обучения и возможности профессионального развития граждан с целью получения востребованных на рынке труда компетенций, соответствующих требованиям экономики страны и запросам рынка труда предусмотрено в ряде национальных проектов в рамках федеральных (региональных программ):

- НП «Образование»: Региональные проекты Ростовской области «Современная школа»¹ и «Молодые профессионалы (повышение профессионального образования)»;
- НП «Цифровая экономика»: Региональный проект Ростовской области «Кадры для цифровой экономики» и пр.

Считаем важным подчеркнуть, что региональные проекты, не содержащие чётко обозначенные кадровые показатели, тем не менее, связаны с вопросами кадрового обеспечения различных сфер жизнедеятельности Ростовской области, так как формирование комфортной городской среды, совершенствование регуляторной политики и применения новых технологий в дорожной отрасли, улучшение качества жизни населения посредством ликвидации несанкционированных свалок в границах городов и пр., безусловно, требуют обеспечения профессиональными специалистами.

Решение задач повышения качества кадрового потенциала в рамках развития стратегического ресурса – человеческого капитала нации, обеспечивающих обогащение ценностно-смыслового ядра культурного иммунитета нашей страны, целесообразно, на наш взгляд, более активный и предметный поиск механизмов обеспечения гармоничного взаимодействия государства и общества современной России в рамках конструирования ландшафта продуктивных коммуникаций «равных сторон» условного треугольника «государство-общество-личность».

Таким образом, предположим, что эффективной площадкой гармонизации диалога «граней» указанного треугольника и фактором «мягкой силы» в противоречивых условиях «новой реальности» может и должна стать общественная дипломатия. Именно общественная дипломатия приобретает особую актуальность ввиду, в частности, того, что традиционные каналы для межгосударственных коммуникаций оказываются, в значительной степени закрыты.

Считаем важным уделить особое внимание рассмотрению в качестве весьма эффективного вида общественной дипломатии в контексте сохранения и укрепления традиций развития диалога общества и, например, муниципальных органов власти Губернаторского проекта

¹ <https://www.donland.ru/activity/2525/>

«Сделаем вместе»¹, реализуемого в соответствии с Областным законом от 01.08.2019 № 178-ЗС «Об инициативном бюджетировании в Ростовской области»² и Постановлением Правительства Ростовской области от 24.10.2019 № 742 «О некоторых мерах по реализации Областного закона от 01.08.2019 № 178-ЗС»³ [4].

Ключевой идеей проекта является создание прозрачной площадки взаимодействия (в том числе, на основе активного использования цифрового инструментария) «равных сторон» условного треугольника – «государство-общество-бизнес» – в рамках повышения взаимного доверия как важнейшего социального капитала и гармонизации их коммуникации и, как следствие, решение вопросов развития общественной инфраструктуры муниципалитетов региона.

Кроме того, обращаясь, в контексте позиционируемых «сюжетов», к смысловому ландшафту внешнеполитического дискурса, отметим, что в современных геополитических условиях весьма актуальным является проблемное поле, манифестирующее «лакуны» формирования соответствующего ожиданиям общества квалификационного уровня и профессионализма властвующего и правящего слоя в государстве, в экономике и в политических структурах гражданского общества. Таким образом, весьма актуальной задачей представляется разработка и осуществление собственной, связанной с российской национальной культурной традицией, теории и практики управления [4].

Суверенное государственное развитие невозможно без квалифицированных кадров в области обеспечения качественного функционирования государственных органов власти и экономических хозяйствующих субъектов, контролируемых государством, которые обладают «культуроцентричным» политическим мировоззрением, и «картина мира» которых сформирована на основе ценностной матрицы, описываемой в контурах приверженности национальным интересам и «подпитываемой» компонентами традиционного культурно-цивилизационного ландшафта развития российского государства.

Резюмирую вышеизложенное, считаем важным, подчеркнуть особую значимость развития общественной дипломатии в рамках поиска «точек роста» общественной самоорганизации и выстраивания конструктивного диалога общества и власти (в том числе с опорой на «цифровой ландшафт» коммуникаций) на основе факторов солидарной ответственности за происходящее посредством общественного контроля, общественной экспертизы, укрепления местного самоуправления, социальной политики и совершенствования правовой базы функционирования в целях активизации институтов гражданского общества в процессах модернизации и качественного развития различных сфер жизнедеятельности государства и общества.

Список источников

1. Ляхов В. П. Местное самоуправление как инструмент модернизации современной России: перспективные направления развития, политико-управленческие ресурсы, проблемы (политологический аспект). Автореферат дис. докт. политических наук / Рос. акад. нар. хоз-ва и гос. службы при Президенте РФ. Ростов-на-Дону, 2015.

2. Иванова Л. Л. К вопросу о муниципальной кадровой политике / В сборнике: Местное самоуправление и муниципальное управление в России: состояние, проблемы, перспективы. Материалы Всероссийской заочной научно-практической конференции. Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Пермский филиал. 2017. С. 43–48.

3. Зайцева М. В., Логинова А. А. Роль муниципальных служащих в развитии территории // Международный журнал гуманитарных и естественных наук. 2019. №1-2. С. 41–43.

4. Малик Е. Н. Конструирование политической коммуникации в российском политическом процессе: от проблем к эффективности // Социальная политика и социальное партнерство. 2018. № 3. С. 19–23.

¹ <http://vmeste161.ru/>

² Областной закон Ростовской области от 01.08.2019 № 178-ЗС "Об инициативном бюджетировании в Ростовской области". <https://www.donland.ru/documents/10627/>

³ Постановление Правительства Ростовской области от 24.10.2019 № 742 "О некоторых мерах по реализации Областного закона от 01.08.2019 № 178-ЗС". <https://www.donland.ru/documents/10826/>

References

1. Lyakhov V. P. *Autonomous self-government as an instrument of modernization of modern Russia: promising directions of development, political and managerial resources, problems (political science aspect)*. Abstract of the dissertation of the Doctor of Political Sciences. Rostov-on-Don; 2015. (In Russ.)
2. Ivanova L. L. On the issue of municipal personnel policy. In: *Local self-government and municipal management in Russia: status, problems, prospects. Materials of the All-Russian correspondence scientific and practical conference*. Russian Academy of National Economy and Public Administration under the President of the Russian Federation, Perm Branch. 2017:43-48. (In Russ.)
3. Zaitseva M. V., Loginova A. A. The role of municipal employees in the development of the territory. *Mezhdunarodnyi zhurnal gumanitarnykh i estestvennykh nauk = International Journal of Humanities and Natural Sciences*. 2019;(1-2):41-43. (In Russ.)
4. Malik E. N. Constructing political communication in the Russian political process: from problems to effectiveness. *Sotsial'naya politika i sotsial'noe partnerstvo = Social Policy and Social Partnership*. 2018;(3):19-23. (In Russ.)

Информация об авторах

Т. И. Просандеева – канд. экон. наук, начальник отдела организации и сопровождения научной деятельности Таганрогского института имени А.П. Чехова (филиала) РГЭУ (РИНХ);
 А. В. Ляхов – главный специалист по организационно-правовым вопросам Исполнительной дирекции «Совет муниципальных образований Ростовской области», магистр политологии.

Information about the authors

T. I. Prosandeeva – Candidate of Economic Sciences, Head of the Department of Organization and Support of Scientific Activities of A.P. Chekhov Taganrog Institute (branch) of Russian State University of Economics;
 A. V. Lyakhov – Chief Specialist in Organizational and Legal Issues of the Executive Directorate "Council of Municipal Formations of the Rostov Oblast", Master of Political Science.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.08.2022; одобрена после рецензирования 07.09.2022; принята к публикации 08.09.2022.

The article was submitted 25.08.2022; approved after reviewing 07.09.2022; accepted for publication 08.09.2022

ЦИФРОВИЗАЦИЯ И СТИЛЬ ПОЛИТИЧЕСКОГО МЫШЛЕНИЯ

Елена Алексеевна Склярова^{1, 2}

¹Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, Sklyarova2007@yandex.ru

²Донской государственный технический университет, Ростов-на-Дону, Россия

Аннотация. Цифровизация в статье рассматривается как механизм формирования, воздействия и трансформации общественного мнения, как инструмент «программирования» стиля политического мышления. В данной статье ключевой является проблематика взаимосвязи процессов: научно-технического и социально-политического. Необходимость исследования использования достижений научно-технического прогресса в различных сферах общественной жизни, включая политическую, представляется актуальной. Отмечается, что цифровизация в современном мире может использоваться как мощное идеологическое оружие, служить платформой для распространения фейковой информации, поддержки культуры отмены, русофобских настроений, клонирования современных форм остракизма. Проводится анализ характерных черт современного стиля политического мышления, подчеркивается, что цифровизация способна оказывать влияние на процессы трансформации мировоззрения человека, его образа мысли, стиля политического мышления.

Ключевые слова: цифровизация, автоматизация, стиль мышления, стиль политического мышления, общественное мнение, социальный порядок, политическая культура, политическое сознание, идеология, духовная безопасность

Для цитирования: Склярова Е. А. Цифровизация и стиль политического мышления // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 226–230. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-226-230>

Politology and Ethnopolitics

Original article

DIGITALIZATION AND STYLE OF POLITICAL THINKING

Elena A. Sklyarova^{1, 2}

¹South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, Sklyarova2007@yandex.ru

²Don State Technical University, Rostov-on-Don, Russia

Abstract. Digitalization in this article is considered as a mechanism for the formation, influence and transformation of public opinion, as a tool for "programming" the style of political thinking. In this article, the key issue is the relationship of processes: scientific and technical and socio-political. The need to study the use of the achievements of scientific and technological progress in various spheres of public life, including political, seems relevant. It is noted that digitalization in the modern world can be used as a powerful ideological weapon, serve as a platform for the dissemination of fake information, support for the culture of cancellation, Russophobic sentiments, cloning of modern forms of ostracism. The analysis of the characteristic features of the modern style of political thinking is carried out, it is emphasized that digitalization can influence the processes of transformation of a person's worldview, his way of thinking, style of political thinking.

Keywords: digitalization, automation, style of thinking, style of political thinking, public opinion, social order, political culture, political consciousness, ideology, spiritual security

For citation: Sklyarova E. A. Digitalization and the style of political thinking. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(3):225–229. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-225-229>

Введение

Цифровизация на сегодняшний день становится значимой тенденцией современного общества. Настоящий этап научно-технического прогресса характеризуется переходом на новый уровень процессов автоматизации и информатизации, широким распространением технологий, основу которых составляет способ кодирования, преобразования, сохранения и передачи информации в виде последовательности нулей и единиц (дискретный код нулей и единиц). Широкое распространение термин «цифровизация» получает в России с 2018 года после выхода Указа Президента Российской Федерации № 204 (от 07.05.2018.) «О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года» и формирования Правительством Российской Федерации национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹.

В данной статье мы не рассматриваем технологические преимущества и возможности цифровизации как одного из способов запечатления и трансляции информации. В центре нашего внимания – проблема формирования мировоззрения человека (в широком смысле), его образа мысли, стиля политического мышления (как значимого компонента мировоззрения) и цифровизации как инструмента данного формирования.

Цель данной статьи – исследовать механизм взаимосвязи процессов цифровизации и формирования стиля политического мышления. Нижеперечисленные задачи служат достижению поставленной цели:

- раскрыть содержание понятий цифровизации, специфику цифровизации и возможности ее применения в сфере политики;
- исследовать специфику стиля политического мышления;
- определить роль цифровизации в формировании общественного мнения, а также возможности ее использования в целях воздействия на политическое сознание и стиль политического мышления.

Методология

В данном исследовании мы опираемся на цивилизационный подход (Н. Я. Данилевский, А. Тойнби, С. Хантингтон), главным содержанием которого является понимание истории человечества как совокупности уникальных образований, в своих основаниях имеющих внешнюю и внутреннюю независимую специфику. К «внешней» специфике можно отнести – географическое положение, климатические условия, разнообразие этнографических элементов, особенности экономической жизни, социальной стратификации, политическое устройство и законодательство, а также политическую независимость, культурную самобытность, стиль жизни общества и индивида. К «внутренней» специфике – духовные, религиозные основания, язык, ментальность, самоидентичность, общественное сознание, идеология, стиль политического мышления.

Результаты

Преобразования, называемые цифровизацией, зачастую обозначаются четвертой промышленной революцией и отражают реалии в области развития науки и техники XXI века. Если первая промышленная революция начала Нового времени осуществила переход от ручного труда к машинному, от мануфактуры к фабрике, вторая промышленная революция открыла путь электрификации и использованию конвейера в массовом производстве (XIX в.), то третья промышленная революция (60-е годы XX в.) прошла под знаменем автоматизации производства. Цифровизация является следствием автоматизации. Обратимся к терминологии.

¹ Паспорт национального проекта «Национальная программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (утв. президиумом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 04.06.2019 № 7) [Электронный ресурс]. Режим доступа: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_328854/ (дата обращения 15.07.2022).

Автоматизация – это процесс производства, в ходе которого технические средства (автоматы) заменяют человека при выполнении особо тяжелых операций. Приборы и устройства наделены функциями получения, использования, преобразования, передачи энергии, информации, предметов, материалов. Цель автоматизации – повышение эффективности труда, улучшение качества продукции, создание условий для оптимального использования всех ресурсов производства. Если сам термин стал популярен в 40-е годы XX века (в период создания фордовского конвейерного производства), то идеи об управлении автоматами были высказаны Дж. Максвеллом, И. А. Вышнеградским, А. Стодолой [1].

Цифровизация – фаза в научно-техническом развитии, современный этап автоматизации и информатизации, характеризующийся распространением технологий, основу которых составляет способ кодирования (дискретный код нулей и единиц); логические объекты, используемые для моделирования различных сред на основе законов математики¹. Для различных сфер современного общества цифровизация – реальность. В экономике – появились цифровые товары и услуги, онлайн-услуги, Интернет-реклама, электронные платежи, электронный документооборот, Интернет-торговля; в мире финансов – удаленная работа, цифровые деньги, система безналичного расчета, мобильный банк; в сфере производства – переход компаний на электронные платформы с целью изменения процессов проектирования, производства и управления; в сфере образования и культуры – онлайн-обучение, виртуальные музеи, электронные библиотеки; в сфере услуг – наличие роботов-консультантов, роботов-помощников и т.д.

Чем цифровизация кардинально отличается от автоматизации?

Во-первых, необходимостью создания единого информационного пространства для обмена данными, во-вторых, виртуализацией электронного двойника реального объекта (субъекта); в-третьих, управлением данными на протяжении всего цикла, включая автоматический сбор, накопление, изменение и анализ информации.

Лейтмотив автоматизации – помочь человеку при реализации его целей и задач в различных сферах его жизнедеятельности.

Лейтмотив цифровизации: исключить человека из многих звеньев производственного, информационного процесса, избавить современного человека от дополнительных усилий в борьбе с человеческим фактором в любой системе.

На первый взгляд, следуя рационализму и сциентизму, цифровизация является положительной тенденцией современного мира, освобождающей многие процессы от «человеческого, слишком человеческого». Однако, воздействуя на это «человеческое», цифровизация воздействует и трансформирует мировоззрение, образ мысли, стиль мышления.

Что мы подразумеваем, используя термины стиль мышления, стиль политического мышления?

Мышление человечества развивается «стилями». Суждение, выраженное К. Манхеймом [2], служит основанием для развития этой мысли в различных направлениях гуманитарного знания.

На наш взгляд, стиль мышления, – это прежде всего манера, способ отражения, кодирования, анализа действительности, структурными элементами которого выступают логический строй (категориальный уровень), духовная жизнь конкретной цивилизации (включая базовые духовные ценности), специфика мышления индивида. Стиль мышления историчен, он выстраивается в контексте определенной эпохи, а также конкретной цивилизации, и своеобразен, уникален в своем роде. Он проявляется в любых актах мыслительной деятельности и позволяет рассматривать в единстве логический строй, уровень духовной стилистики эпохи (куда включены тенденции философской мысли, характер научных интересов, религиозных идей, эстетических вкусов), ценностные ориентации общества, стиль мышления индивида.

В истории человечества выделяются: архаический (мифологический) стиль мышления, средневековый (символический), стиль мышления Нового времени (научно-рациональный), современный (компиляционный, синкретичный, интерпретационный, множественный и сложный). Каждая историческая эпоха является сочетанием различных цивилизаций и культур как самостоятельных, самодостаточных единиц, характеризующихся стилем жизни и стилем мышления.

¹ «Цифровая трансформация. Термины и определения» [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://stb.by/Stb/ProjectFileDownload.php?UrlId=9032> (дата обращения 28.07.2022).

Стиль политического мышления несомненно является компонентом цивилизационного стиля мышления. Как отмечает В. Л. Бозаджиев: «Это социально обусловленный, неразрывно связанный с речью процесс опосредованного и обобщенного отражения политической реальности в ходе ее политико-психологического анализа и синтеза. Политическое мышление включает в себя не только когнитивные, но и эмоционально-оценочные механизмы, имеющие собственный онтологический статус» [3]. Носителями политического мышления могут быть различные социальные группы: нации, этносы, классы, профсоюзы, общественно-политические движения, партии, профессиональные организации и др.

Мы отмечаем также, что стиль политического мышления включает (на общественном и индивидуальном уровне) базовые категории и понятия, отражающие политическую действительность, методологические идеологические основания, систему идеологических ценностей и принципов.

Какие черты стиля политического мышления демонстрирует нам сегодня современный мир? Во-первых, – *схематичность*: совокупность «отпечатков» в сознании человека как результатов механического процесса. По А. И. Щербинину, это характерная черта так называемого «плакатного» стиля политического мышления, находящегося в родстве «с матричным основанием нашего мышления» [4]. Такого рода стиль политического мышления позволяет манипулировать и управлять массовым сознанием, впечатывая необходимые образы и идеи, конструирующие иллюзорную реальность.

Во-вторых, – *циничность* как отстраненность от высокой морали, возведение в обыденность и повседневность «не-нормы», пошлости, агрессии. Петер Слотердаjk справедливо называет цинизм современного мира сумерками ложного сознания [5].

В-третьих, – *фрагментарность, клиповость* как сочетание отдельных несвязанных между собой образов, символов, идей, категорий, понятий.

В-четвертых, *агрессивность, воинственность*.

Данный ряд можно продолжить. Однако именно данные черты современного стиля политического мышления, на наш взгляд, достаточно легко формируются и копируются при помощи механизмов цифровизации.

Можно увидеть, как сегодня осуществляется попытка изменения логического строя современного стиля политического мышления: происходит наполнение новым содержанием базовых понятий, которое пропагандируется (прежде всего западными средствами информации) как единственно «правильное». Например, оперирование такой категорией, как «свобода» становится возможным лишь в контексте описания реальности, присущей исключительно западному социально-политическому порядку и исключительно в западно-цивилизационном понимании. «Демократия» трактуется как политический режим, выстроенный по американскому, европейскому образу и подобию, а «демократическими» объявляются страны, которые подчиняются (добровольно или принудительно) интересам западной цивилизации во внешней и внутренней политике. Понятие «частная собственность» также теряет на сегодняшний день свой главный признак – неприкосновенность. Средства массовой информации как поле, на котором разворачивается сражение между идеологическими ценностями и принципами, активно используют новейшие технологические достижения для мгновенного распространения, клонирования и «внедрения» тенденциозной информации в сознание человека: «Информация переполняет резервуары нашего сознания, создавая принципиальную угрозу самому человеческому существованию» [5, с. 463].

Заключение

В современной международной ситуации жесткого цивилизационного противостояния (особенно Запад – Россия) многие достижения научно-технического прогресса, информационного общества превращаются в мощное оружие, служащее достижению политических, государственных, цивилизационных целей.

Цифровизация оказывает достаточно мощное воздействие на формирование мировоззрения человека, общественного мнения, ценностных ориентиров, которые соответствует жизненным установкам общества и индивида.

В сфере политики и международных отношений цифровизация сегодня становится инструментом автоматического распространения заведомой лжи (телеграм-боты, которые гене-

рируют фейковые заголовки для СМИ и т.д.), может использоваться как мощное идеологическое оружие, служить платформой для распространения фейковой информации, поддержки культуры отмены, русофобских настроений, клонирования современных форм остракизма.

Цифровизация сегодня – яркий пример того, что всё задуманное «для человека», «в пользу человека» легко оборачивается против человека, его мироощущения и миропонимания.

Цифровизация сегодня может выступать как механизм формирования, воздействия и трансформации общественного мнения, как мощный инструмент «программирования» стиля политического мышления.

Список источников

1. Максвелл Д. К., Вышнеградский И. А., Стодола А. Теория автоматического регулирования (линеаризованные задачи). М.: Издательство АН СССР, 1949. 430 с.
2. Манхейм К. Консервативная мысль / Манхейм К. Диагноз нашего времени. М.: Юрист, 1994. 704 с.
3. Бозаджиев В. Л. Политическое мышление и политическое воображение как компоненты политической психики // Международный журнал прикладных и фундаментальных исследований. 2014. № 4. С. 212-214. [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=5120> (дата обращения: 01.08.2022).
4. Щербинин А. И. Плакатный стиль политического мышления: своеобразие и пути формирования // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 3 (15). [Электронный ресурс]. Режим доступа: <https://cyberleninka.ru/article/n/plakatnyy-stil-politicheskogo-myshleniya-svoeobrazie-i-puti-formirovaniya/viewer/> (дата обращения: 01.08.2022).
5. Слотердайк П. Критика цинического разума. СПб: Издательство Ивана Лимбаха, 2021. 800 с.

References

1. Maxwell D. K., Vyshnegradsky I. A., Stodola A. *Theory of automatic control (linearized problems)*. Moscow: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR; 1949. 430 p. (In Russ.)
2. Mannheim K. Conservative thought. In: Mannheim K. *Diagnosis of our time*. Moscow: Lawyer; 1994. 704 p. (In Russ.)
3. Bozadzhiev VL Political thinking and political imagination as components of the political psyche. *International Journal of Applied and Fundamental Research*. 2014;(4):212-214. Available from: <https://applied-research.ru/ru/article/view?id=5120> [Accessed 01.08.2022]. (In Russ.)
4. Shcherbinin A. I. Poster style of political thinking: originality and ways of formation. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Tomsk State University*. 2011;3(15). Available from: <https://cyberleninka.ru/article/n/plakatnyy-stil-politicheskogo-myshleniya-svoeobrazie-i-puti-formirovaniya/viewer/> [Accessed 01.08.2022]. (In Russ.)
5. Sloterdijk P. *Criticism of the cynical mind*. St. Petersburg: Ivan Limbakh Publishing House; 2021. 800 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Е. А. Склярлова – докт. филос. наук, проф. кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС; проф. кафедры «Философия и мировые религии» ДГТУ.

Information about the author

E. A. Sklyarova – Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy and Methodology of Science of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPa; Professor of Department "Philosophy and World Religions" of DSTU.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 02.08.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted 02.08.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 23.08.2022.

Научная статья

УДК 327

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-231-235

ГЕОПОЛИТИЧЕСКИЕ КОНТУРЫ ЕВРОПЫ: ИСТОРИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЙ АСПЕКТ

Елена Николаевна Тованчова¹, Ольга Андреевна Полякова²

¹Ростовский государственный университет путей сообщения, Ростов-на-Дону, Россия, just_ien@mail.ru

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия, filosofia@uriu.ranepa.ru

Аннотация. В статье проведен анализа сущности и специфики функционирования политического процесса Европейского союза в условиях глобализирующегося мира и быстрой сменой социальной и политической ситуации, выявления геополитических особенностей Европейского союза, которые отражают позицию субъектного доминирования в условиях сложной конфигурации аннексионных и сепарационных проявлений, связанных с различными форматами функциональной деятельности глобальных игроков в геополитическом пространстве и политической реальности Европейского Союза.

Ключевые слова. глобализация, Европа, геополитика, экономическая интеграция, институциональный статус, географическое превосходство

Для цитирования: Тованчова Е. Н., Полякова О. А. Геополитические контуры Европы: историко-методологический аспект // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 231–235. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-231-235>

Politology and Ethnopolitics

Original article

GEOPOLITICAL CONTOURS OF EUROPE: HISTORICAL AND METODOLOGICAL ASPECTS

Elena N. Tovanchova¹, Olga A. Polyakova²

¹Rostov State University of Railway Transport, Rostov-on-Don, Russia, just_ien@mail.ru

²South Russian Institute of Management - Branch of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, filosofia@uriu.ranepa.ru

Abstract. The article analyzes the essence and specifics of the functioning of the political process of the European Union in a globalizing world and the rapid change of the social and political situation, identifying the geopolitical features of the European Union, which reflect the position of subjective dominance in a complex configuration of annexation and secession manifestations associated with various formats of functional activities of global players in the geopolitical space and political reality of the European Union.

Keywords: globalization, Europe, geopolitics, economic integration, institutional status, geographical superiority

For citation. Tovanchova E.N., Polyakova O.A. Geopolitical contours of Europe: historical and metodological aspects. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):231-235. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-231-235>

Образование суверенных государств стало важнейшей составляющей политического развития, как на ранних, так и на современных этапах истории человечества.

В мировой политике и международном праве критерии и механизмы легитимации процесса государствообразования и его итогов не выработаны, политическая карта мира продолжает меняться не только качественно, но и количественно.

Теория постулирует, что Евразия является «опорой» мира, где равновесие нарушено и потеряно, и где залежи ресурсов, экономический рост и светские конфронтации, которые были зачатками истории.

В своих работах Маккиндер рассматривал потенциальные угрозы британскому превосходству. Его исследования привели его к постулированию его теории «центра, географического центра истории», согласно которому место возникновения всех конфликтов лежало в попытках континентальных держав контролировать прибрежные выходы (побережье) [1].

Хотя критический анализ мышления Маккиндера не приводит к выводу, что Хартленд обладает постоянным превосходством, его теория подтверждает роль географии в конфликтах. Поучительным примером в современной геополитической истории является норвежский порт Нарвик, во многом объясняемый его географией. Нарвик пользуется влиянием Гольфстрима, теплого морского течения, которое происходит в Северной Атлантике, и это гарантирует, что европейская береговая линия остается судоходной круглый год вплоть до Северного мыса и даже Баренцева моря, в то время как многие порты на севере Балтики остаются ледяной в течение месяцев каждый год. С первых дней апреля 1940 года, и хотя Норвегия была в то время нейтральным государством, нацистская Германия вторглась в страну, чтобы обеспечить контроль над линией поставок шведского железа из шахт в Кируне (шведская Лапландия) в Нарвик с прямой доступ к норвежскому морю и судоходство в течение всей зимы.

Таким образом, европейское морское пространство открывает более сильные преимущества с точки зрения связей, особенно когда они являются судоходными круглый год, тогда как континентальное пространство открывает стратегические преимущества. В обоих случаях география не нейтральна: она оказывает геополитическое влияние.

Во времена Римской империи Европа построила неразделенную гегемонию над Средиземным морем, тем более что береговая линия предлагала несколько портов, к которым легко было получить доступ.

После ослабления власти Афин, которая, по общему признанию, ослаблена междоусобной ссорой, Рим достиг исключительной исторической ситуации, будучи политическим образованием в европейской части, охватывающим все средиземноморские берега. На пути к этому успеху было три ключевых даты. Оставленный в Афинах римлянами в 166 году до нашей эры, Делос стал международным и космополитическим логистическим центром, символизирующим морское превосходство. В 146 г. до н.э. разрушение Карфагена избавило римлян от тяжеловесного соперника в Средиземноморье. Наконец, в 67 г. до н.э. римский сенат принял жизненно важное решение: Помпею, избранному консулу, удалось получить чрезвычайные полномочия, чтобы взять на себя пиратов, которые сеют хаос в Средиземном море. За несколько месяцев, убив или поймав 30 000 пиратов, Помпей поставил печать на римский орден на Средиземном море, уничтожив пиратство как минимум до 3-го века нашей эры. Таким образом, римляне смогли претендовать на Средиземное море, расширяя свою империю вокруг всего бассейна.

Власть, сосредоточенная в Европе в Риме, наложила свой суверенитет на Средиземное море, тем самым сформировав на территориях вокруг своего края своего рода «общий рынок» или, скорее, «единый рынок».

Воспользовавшись техническим прогрессом, достигнутым в военно-морской сфере, Рим использовал свои берега, чтобы сделать Средиземное море своим собственным, геополитически внутренним морем европейской державы.

Средиземноморье имело два преимущества для Рима. Во-первых, это позволило значительно увеличить объемы торговли, поскольку конструкция больших закругленных лодок, с грузоподъемностью около 2000 метрических тонн, составляла по размеру то, чего им не хватало в относительной скорости. Во-вторых, Средиземное море было жизненно важным, поскольку морские перевозки были проще и дешевле, чем наземные альтернативы, средиземноморские порты захода составляли основную транспортную сеть Империи.

Наконец, Маре Нострум напрямую зависел от построения политического единства, падение которого вызвало фрагментацию Средиземноморья. Распад Римской империи сопровождался значительным сокращением населения, которое разрушило экономический рост и сократило торговлю, в то время как вновь возникло отсутствие безопасности на море. Однако в течение нескольких веков европейская держава могла использовать географическое преимущество, предлагаемое ее морскими характеристиками.

Спустя столетия другие европейские территории оказались в выгодном положении от морского преимущества в геополитических целях. Например, начиная с 13-го века, география стала основой для соглашения между двумя портами, Гамбургом и Любеком: Ганзейская лига возникла, во-первых, для обеспечения политической автономии портовых городов в отношении княжеских полномочий и, во-вторых, обеспечить безопасное коммерческое судоходство, прежде всего в Северном море и Балтике. Таким образом, Ганзейская лига создала прототип для общего морского рынка, который в своем апогее с десятками портов, присоединяющихся к движению, простирался от Балтики до Западного Средиземноморья через Северное море, Ла-Манш и Атлантический океан.

По мере развития мастерства навигационных технологий морские параметры европейского перешейка стали важными аспектами европейской геополитики, которая начала оставлять глобальный след с конца 15-го века.

Последняя часть 15-го века была временем достижений в море, увенчанным открытием Христофором Колумбом Америки (1492 г.) и округлением мыса Доброй Надежды (1498 г.) португальским мореплавателем Васко де Гамой, дающим Европе доступ к Азии.

В конце европейского перешейка и отрезанного от остальной Европы «стеной» Испании, которая исключала любую форму территориальной экспансии на восток, у Португалии был только один другой сосед: Атлантический океан. В 15-м веке эта небольшая страна, независимая с 1143 года, отдала приоритет этому географическому активу, чтобы начать существенное расширение на море, овладев двумя технологиями: транспортом и связью. Португалия стала чрезвычайно опытной в картографировании.

В 15 веке португальцам удалось успешно построить значительную империю, которая была в полной мере расширена либо путем завоеваний, либо путем объединения с местным населением. Точно так же Испания, чей потенциал расширения на север столкнулся с барьером Пиренеев, также использовала свой морской потенциал.

Впоследствии, когда развернулась вторая половина второго тысячелетия, другие европейские страны решили создать геополитические условия, которые позволили бы им закупать ресурсы, которых им не хватало в северном полушарии, но которые были в основном доступны на других континентах. Франция, Англия и Нидерланды использовали свой доступ к морям, чтобы получить продукты, которые либо отсутствовали, либо были недостаточно доступны в Европе: специи, золото, слоновая кость, серебро, сахар, мех, хлопок, табак, какао, каучук кофе, чай, олово, медь и т. д.

Это привело к неоднократным трансграничным конфликтам между европейскими державами, но также к инициативам по решению проблем, в частности к Берлинской конференции (1884-1885) с участием четырнадцати стран.

Используя свои морские активы, европейская геополитика, таким образом, сформировала мир с бесчисленными границами, символизируемыми, в частности, языковым разрывом между Бразилией и остальной частью Южной Америки или разделением двух островов, Гаити и Тимора, на два государства, соответственно, в результате франко-европейских отношений.

Испанское и голландско-португальское соперничество. Во второй половине 20-го века европейские колонии получили независимость, но наследие морской экспансии Европы существует в больших масштабах. С одной стороны, Европейская культурная идентичность по-прежнему присутствует на других континентах через свои языки – например, португальский в Бразилии и Анголе – и в форме международных организаций, которые, хотя и податливы, выполняют значительную геополитическую роль: более четверти стран мира являются членами Содружества, а треть являются членами Международной организации франкоязычных стран, в то время как восемь стран являются членами Сообщества стран португальского языка. В более общем плане европейская геополитика 21-го века держится на заморских территориях, которые являются наследием колониальной эпохи и во многом обязаны морской географии Европы.

Все заморские территории, которые зависят от европейских стран, имеют большое геополитическое значение, поскольку они дают Европе большее глобальное присутствие, предлагая связи с другими региональными державами.

Так, например – Диего Гарсия, один из шестидесяти зависимых от Британии атоллов в Индийском океане. Диего Гарсия имеет британскую военную базу, сданную в аренду армии США, что дает Соединенным Штатам материально-техническую базу для их военных операций

в странах вокруг Индийского океана, где они участвовали в войне в Персидском заливе 1991 года, войнах в Ираке и Афганистан.

В Индийском океане у Франции также есть территории, которые являются основным активом для контроля над океаном и имеют стратегическое значение для их текущих и будущих научных интересов. Наука также поставлена на карту во многих обширных антарктических территориях, контролируемых европейскими странами; К ним относятся Земля Адели, Британская антарктическая территория, а также норвежские острова Петра I.

Эти территории, лежащие за пределами Европы, но зависящие от последних, имеют геополитическое значение, поскольку они в основном являются островами или, как и Гвиана, имеют морское побережье. Поэтому они имеют очень обширные исключительные экономические зоны, которые, согласно международному морскому праву, могут простираются на расстояние до 200 морских миль от береговой линии, предлагая странам, занимающим последние, постоянные права на подводные природные ресурсы.

Следовательно, эти зарубежные зависимости дают Европе важную роль в мире. В то же время размер суши и сопутствующих оффшорных зон, а также важность международных границ, таких как граница между Французской Гвианой и Бразилией, создают обязательства и могут привести к ряду геополитических напряжений в таких контекстах, как как Фолклендские острова или Новая Каледония [3].

Таково разнообразие геополитического присутствия Европы были определены в нескольких типах территорий: восемь территорий, которые составляют неотъемлемую часть Европейского Союза (ЕС), называемых «Внешними регионами» (ОМР), и другие. К первым относятся французы (остров Реюньон, Гваделупа, Мартиника, Гвиана и Майотта с 1 января 2014 года), испанцы (Канарские острова) или португальцы (Азорские острова и Мадейра).

Заморские территории, которые зависят от стран-членов ЕС, называются заморскими странами и территориями (ОКТ). Хотя они не являются частью территории Европейского Союза, их граждане имеют гражданство государства-члена Союза.

Таким образом, география, которая полезна для геополитики Европы, является одновременно глобальной и весьма разнообразной с точки зрения как местоположения соответствующих территорий, так и их институционального статуса.

В течение нескольких десятилетий ЕС игнорировал силовую политику и концентрировался на экономической интеграции. Но за последние пятнадцать лет, когда авторитарные режимы пришли к власти во многих частях мира, а лидерство США пришло в упадок, геополитика вернулась с удвоенной силой. Внешняя политика ЕС со своими слабыми структурами пытается приспособиться к новой реальности [2].

Изменения в институциональном цикле ЕС в конце 2019 года сопровождались незнакомой риторикой. Новый президент Европейской комиссии Урсула фон дер Лейен говорила о создании «геополитической комиссии». (Термин «геополитический», используемый политиками ЕС, обычно означает подход к внешней политике, сфокусированный на распределении военной и экономической мощи и вытекающей из этого динамике власти.) И она, и новый глава внешней политики ЕС Джозеп Боррелл настаивали на том, чтобы профсоюз теперь должен «научиться использовать язык власти». Точно так же президент Франции Эммануэль Макрон предупредил, что Европа «исчезнет геополитически», если она не станет действовать в качестве стратегической державы [4].

Однако настоящая геополитическая проблема заключается не во внешней политике и политике безопасности, а в экономическом ядре европейской интеграции. Если считать, что в мире доминируют конкурирующие силовые блоки, многие из нынешней политики ЕС - в области торговли, инвестиций, конкуренции, исследований и технологий - нуждаются в переосмыслении [5]. Союз больше не может рассматривать международные экономические отношения как взаимовыгодные партнерские отношения. Европейцы должны учитывать властные отношения, устранять свои уязвимые места и делать свою политику более надежной и устойчивой.

Список источников

1. Макиндер Х. Географическая ось истории / Дугин А. Г. Основы геополитики. М.: Арктогея-центр, 2000. С. 491-506.
2. Кондратьева Н. С. Евросоюз: теория и практика // Международные экономические отношения. 2015. № 1 (9).

3. Сазонова О.М., Петрухин Е.Д. Этапы развития Европейского Союза как региональной политической силы [Электронный ресурс] // А-фактор: научные исследования и разработки (гуманитарные науки). – 2020. – № 1. – Режим доступа: <http://www.a-factor.ru/tekushchij-nomer/item/128-etapy-razvitiyaevropejskogo-soyuza-kak-regionalnoj-politicheskoy-sily>

4. Узнародов И. М. Европейская идентичность XXI века в контексте глобализационных процессов / Альтернативные модели глобализации и проблемы современной глобальной динамики. Ростов-на-Дону: Издательско-полиграфический комплекс РГЭУ (РИНХ), 2017. – 400 с.

5. Старостин А.М., Урбан Г.А., Тованчова Е.Н., Левчук Л.В. Современные энвайроментальные проблемы в глобальном и глокальном контексте // Наука и образование: хозяйство и экономика; предпринимательство; право и управление. 2020. № 4.

References

1. Mackinder H. Geographical axis of history. In: *Dugin A. G. Fundamentals of geopolitics*. Moscow: Arktogea Center, 2000:491–506. (In Russ.)

2. Kondratyeva N. S. European Union: Theory and Practice. *Mezhdunarodnye ekonomicheskie otnosheniya = International Economic relationships*. 2015. № 1 (9). (In Russ.)

3. Sazonova O. M., Petrukhin E. D. Stages of development of the European Union as a regional political force [Electronic resource]. *A-factor: scientific research and development (humanities)*. 2020;(1). Available from: <http://www.a-factor.ru/tekushchij-nomer/item/128-etapy-razvitiyaevropejskogo-soyuza-kak-regionalnoj-politicheskoy-sily>.

4. Uz narodov I. M. European Identity of the 21st Century in the Context of Globalization Processes. In: *Alternative Models of Globalization and the Problems of Modern Global Dynamics*. Rostov-on-Don; 2017. 400 p. (In Russ.)

5. Starostin A. M., Urban G. A., Tovanchova E. N., Levchuk L. V. Modern environmental problems in a global and glocal context. *Nauka i obrazovanie: khozyaistvo i ekonomika; predprinimatel'stvo; pravo i upravlenie = Science and Education: Economy and Economics; entrepreneurship; law and management*. 2020;(4).

Информация об авторах

Е. Н. Тованчова – канд. полит. наук, доц. кафедры «Государственное и муниципальное управление» РГУПС;

О. А. Полякова – преп. кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

E. N. Tovanchova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of the Department of State and Municipal Administration of Rostov State University of Railway Transport;

O. A. Polyakova – lecturer of the Department of Philosophy and Methodology of Science of South Russian Institute of Management – Branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 02.08.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted 02.08.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 23.08.2022.

**СОЦИОКУЛЬТУРНЫЙ АНАЛИЗ СИМВОЛИЧЕСКИХ ПРОГРАММ МЫШЛЕНИЯ
И СОЦИАЛЬНОГО ПОВЕДЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА В РОССИЙСКОМ ОБЩЕСТВЕ**

**Жанна Викторовна Андриевская¹, Наталья Юрьевна Беликова²,
Руслан Нариманович Муллаширов³**

¹Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия,
zhandan3@gmail.com

²Кубанский государственный технологический университет, Краснодар, Россия,
belikova2003@mail.ru

³Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь,
Россия, mullashirov.ruslan@yandex.ru

Аннотация. Статья посвящена социокультурному анализу символических программ мышления и социального поведения человека в российском обществе исходя из двух подходов – диспозиционного и социокультурного. Этнонациональный контекст становится той ключевой «рабочей рамкой», в границах которой осуществляется теоретическая рефлексия данного исследования. Делается вывод о том, что мышление определяет социальное поведение человека, символические программы российского мышления внедряются в социальное поведение и деятельность.

Ключевые слова: символические программы мышления, социальное поведение, российское общество, русский человек, российское мышление, социокультурное пространство, идентичность, социокультурные архетипы, национальное самосознание, этнонациональная идентичность

Для цитирования: Андриевская Ж. В., Беликова Н. Ю., Муллаширов Р. Н. Социокультурный анализ символических программ мышления и социального поведения человека в российском обществе // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 236–241. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-236-241>

Sociology Problems

Original article

**SOCIO-CULTURAL ANALYSIS OF SYMBOLIC PROGRAMS
OF THINKING AND HUMAN SOCIAL BEHAVIOR IN RUSSIAN SOCIETY**

Zhanna V. Andrievskaya¹, Natalya Yu. Belikova², Ruslan N. Mullashirov³

¹Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia, zhandan3@gmail.com

²Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia, belikova2003@mail.ru

³Crimean branch of Russian State University of Justice, Simferopol, Russia, mullashirov.ruslan@yandex.ru

Abstract. The article is devoted to the sociocultural analysis of the symbolic programs of thinking and social behavior of a person in Russian society based on two approaches - dispositional and sociocultural. The ethno-national context becomes the key "working frame" within which the theoretical reflection of this study is carried out. It is concluded that thinking determines the social behavior of a person, the symbolic programs of Russian thinking are being introduced into social behavior and activities.

Keywords: symbolic thinking programs, social behavior, Russian society, Russian people, Russian thinking, sociocultural space, identity, sociocultural archetypes, national self-awareness, ethno-national identity

For citation: Andrievskaya Zh. V., Belikova N. Yu., Mullashirov R. N. Socio-cultural analysis of symbolic programs of thinking and human social behavior in Russian society. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):236–241. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-236-241>

В современной научной литературе рассматриваются различные аспекты, связанные с изучением символических программ мышления и социального поведения русского человека; особое внимание исследователей привлекает вопрос о специфике мышления российского общества.

Проблема специфики российского мышления – отнюдь не случайна и отнюдь не надумана. Кристаллизация исконно российского типа мышления, никак несводимого к Западному, ни к Восточному типам, шла непроторенной своей тропой через многие века. В настоящее время предпринимаются попытки построить подходы – социально-философские, общественно-исторические, социокультурные этнонациональные – к изучению особенностей мышления российского социума (строятся модели исторического исследования, исследуется мировоззрение, выявляются связи между личностным и национально-этническим началами). Однако на сегодняшний день символические программы мышления и социального поведения человека в российском социуме не стали объектом активного изучения.

Что же представляют собой символические программы мышления и социального поведения русского индивида?

Прежде всего стоит заметить, что «элементы ряда символические программы – мышление – социальное поведение оказываются элементами единой системы, функционирование которой обеспечивает продолжительное функционирование того или иного общества в долгосрочной исторической перспективе; при этом именно гармоничное функционирование системы символические программы – мышление – социальное поведение является ключевым признаком, показателем и мерилем» [1, с. 171], указывающим на уровень социально здорового устройства общества [2], его возможность и способность к социокультурному воспроизводству и стабильному социальному развитию на перспективу [3].

Символические программы мышления и социального поведения русского человека являются проявлениями особенностей российского социокультурного пространства, и при этом данные программы проявляют самобытность русского человека и его социально-философские основания жизнедеятельности, что находит прямое отражение в его непосредственном поведении. Эти социокультурные архетипы являются базисными элементами российского культурного пространства, формирующими константные (или же инвариантные) модели социальной и духовной жизни народа, и составляют уникальную систему социокультурного пространства российского общества, прошедшего тысячелетний путь своего формирования.

Символические программы, как нормативное ядро коллективного (общественного) бессознательного, играют роль фона определенных норм, традиций, в рамках которого осуществляется социальная жизнедеятельность людей и их социокультурного символизма, проявляющегося в «ритуальности», установленном порядке и автоматизированных программ мышления и социального поведения [1].

В социокультурном анализе символических программ мышления и регуляторов социального поведения человека кроются, как минимум, два подхода – диспозиционный и социокультурный.

Первый (диспозиционный) подход подразумевает анализ внутренних регуляторов социального поведения человека, связанных с определенными внутренними социально-культурными установками, ценностями, духовно-нравственными ориентирами, регулируемыми символические программы мышления и паттерны социального поведения человека. Заметим, что под диспозицией подразумевается «личностная предрасположенность индивида к восприятию ситуации и сложившихся условий деятельности, устойчивая склонность к выбору определенной формы поведения в этих условиях» [4, с. 54].

Второй – социокультурный подход уделяет внимание анализу внешних регуляторов социального поведения, связанных с социокультурными нормами и традициями социального поведения, «функциональных в прошлом и помогающих выбирать инструментальные формы поведения в настоящем» [5, с. 11]. Это связано с тем, что «интерпретация социальной ситуации и соответствующее социальное поведение как реакция человека на социальную ситуацию и на внешние социальные изменения в виде совокупности социальных действий, направленных на поддержание социального существования или адаптацию к социальной среде, осуществляются на основе ментальной программы» [5, с. 11].

Имеющийся спектр научных публикаций в рамках данного проблемного поля, показывает, что символические программы мышления и социального поведения человека в российском социуме исследованы, прежде всего, в аспекте широкого контекста разнообразных этнических специфик, которые образуют «рабочую рамку», в границах которой происходит, производится широкое осмысление особенностей характерно российского мышления и программ социального поведения.

Именно этнический или этнонациональный контекст становится той ключевой «рабочей рамкой», в границах которой осуществляется теоретическая рефлексия данного исследования: «никто не отыщет удачно природу вещи в ней же самой», и, как следствие, именно внешний этнический горизонт оказывается той важнейшей методологической предпосылкой для обеспечения исследования.

И в этом плане следует отметить, что важную роль в формировании символических программ мышления и социального поведения играет формирование национального сознания и национального самосознания, поскольку понимание менталитета – зиждется на феномене сознания, в том виде, в котором он влияет на мышление.

О. С. Парфенова указывает, что «оперируя понятием национального самосознания, следует уточнить, что мы понимаем под ним то, как нация рассматриваемого государства, его народонаселение, относится к себе, как себя воспринимает, гордится ли своей страной, стыдится ли её положения на мировой арене. Соответственно, элементами, формирующими национальное самосознание, можно считать и национальные ценности, такие как язык, культуру нации и национальное достояние» [6, с. 165]. В связи с этим российское национальное мышление погружено в объемлющий контекст общественного самосознания.

В. Ж. Келле справедливо замечает, что «в развитии общественного сознания присутствуют две тенденции – познавательная и идеологическая, которые пронизывают общественное сознание, но по-своему сочетаются в каждой из его форм» [7, с. 122].

Познавательный элемент общественного сознания оказывается уже навсегда неискоренимым – будущее имеют только те народы, которые прочно связали себя с наукой в её западном понимании, и тем самым, могут реагировать на современные вызовы и угрозы – как локальные, так и глобальные: «в этих условиях вполне правомерно ставить вопрос не просто о научной, но об интеллектуальной культуре, включающей и науку как ее ядро, и ее диффузию в общественное сознание, и все создаваемое на базе научного знания» [7, с. 189]; в этом смысле интеллектуальная культура оказывается важнейшим элементом общественного сознания.

Тем самым русское общественное сознание оказывается своего рода гибридным – переняв Западную науку и соответствующий тип рациональности, оно, вместе с тем, остается самобытным и сохраняет свою уникальность. Вместе с тем, оно открыто Восточным наукам и практикам – достаточно вспомнить популярность йоги в России, легализацию практики акупунктуры и пр.

Этнические архетипы, взятые как абстрактно, так и в конкретике российского социокультурного пространства, выявляют архетипические основания моделей социокультурного дискурса, базирующегося на различных этнических архетипах, выстраивающихся на типологии культур по основанию архетипов [8].

Э.М. Колчева пишет: «архетипы как «коллективные паттерны» составляют содержание коллективного бессознательного»; архетипами являются те ли иные символы, которые «осаждаются» на коллективном бессознательном; они продолжают «жить» и функционировать в культуре даже тогда, когда утрачивают свою формальную актуальность; при этом «актуализация архетипа служит включению культурного опыта в новые исторические реалии», и именно этот механизм обеспечивает целостность общественно-исторического опыта человечества [9, с. 255-257]. В этой связи принято говорить о коллективном бессознательном, в том числе и русском коллективном бессознательном.

В рамках социальной антропологии изучается этническая, национальная и социокультурная идентичность; проводится изучение этнической идентичности и специфически русской идентичности; выявляются возможные соотношения между этническим самосознанием, этнической идентичностью и русской идеей [10].

Южнороссийские исследователи Ю.Г. Волков и А.В. Лубский в рамках общероссийской идентичности выделяют этнонациональную идентичность и национально-гражданскую идентичность, подчеркивая «многокомпонентную модель общероссийской идентичности», позволяющей «выявить не только универсальное и партикулярное, присущее различным социальным и коллективным идентичностям, носящим симбиотический характер, но и показать их особенности», специфику социального поведения и мышления различных представителей социальных и этнических групп [11, с. 64].

Идентичность также рассматривается в политическом контексте, и в социальном: так, например, «для многих западных исследователей стало большой неожиданностью то обстоятельство, что некоторые русские люди с трудом идентифицируют себя со своей этнической группой. Русские веками жили в империи (сначала царской, затем советской) и поэтому привыкли отождествлять себя с более глобальными сообществами» [12], в чём вольно-невольно допустимо усмотреть корни русского космизма, устремления в Всеединству, общинности, интернационализма и пр. [13].

Ю.А. Шубин сообщает: «Категория «идентичность» употребляется в значении «тождественность», «одинаковость». Это центральное понятие личности, в котором проявляется неразрывная связь человека с окружающим его социальным и культурным миром» [14, с. 42]. Национально-культурная идентичность русского человека состоит, прежде всего, в тех аспектах его жизнедеятельности, в которых проявляется его единение с общенациональным началом, в тех моментах его жизни, когда просыпается его единство с русским миром вообще. Это и национальные праздники, и собственный день рождения – в общем всё, что, так или иначе, связано с родовыми (генетическими) аспектами и моментами его жизни.

Приобщаясь к общенациональному социокультурному началу, русский человек понимает это последнее как предельный контекст своей жизни вообще, нация для него – семья: напротив же, реальная «невозможность отождествить себя в социальном плане (маргинальность) порождает внутрилличностные конфликты, разрушает образ «я», стимулирует процессы негативной социальной идентичности – в форме наркомании, проституции, алкоголизма» [14, с. 42] – в этом смысле всякий человек нуждается в некотором национальном контексте, и русский человек – отнюдь не исключение. Эта необходимость наличия некоего национального, надличностного «мы», как в контексте которого мыслит себя русский человек, приводит к выработке широкого спектра средств консолидации общества; это и купание в проруби, и георгиевские ленточки, и общенациональные праздники, и шествие «бессмертного полка», и создание особого национального образа в каналах медиа и пр. При этом именно праздники оказываются теми интегрирующими механизмами, которые связывают отдельные «я» в целостное «мы», именно праздники задают тот календарный фон, на котором происходят события единения людей в рамках национального начала. Будучи своего рода «маховым колесом» цивилизации, национально-культурная идентичность воплощает себя в календарных праздниках, находит в них своё отражение и отображение, проявление; календарные праздники при этом оказываются «конденсатом» исторического опыта нации.

Таким образом, подводя итог данной публикации, социо-культурологические и социально-антропологические исследования специфик символических программ мышления и социального поведения изучают проблемы этнонациональных типов идентичности; справляясь с этим достаточно успешно, эти исследования, тем не менее, не вскрыли взаимосвязь между этническими типами рациональности и символическими программами.

А ведь именно способ реагирования на те или иные социальные ситуации есть та сущность, которая самым теснейшим образом связана с типом рациональности той или иной этнической общности, определяя облик и существо этого типа рациональности; при этом сама рациональность теснейшим образом связана с мышлением человека, и проявляется в характерных особенностях этого мышления, уже всегда предпосланных этническими основаниями.

Мышление, будучи ключевым фактором, определяющим социальное поведение человека, есть ключ к исследованию символических программ – взятых ли самим по себе, взятых ли в контексте поведения и деятельности, упорядочиваемых символическими программами – эти последние внедряются в социальное поведение и деятельность именно через мышление, определяя логику построения данного поведения и деятельности.

Список источников

1. Андриевская Ж.В. Символические программы «Мышление» и «Социальное поведение»: соотношение феноменов // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9 (43). №3.
2. Гафиятулина Н.Х., Барановский С.Б., Самыгин С.И. Угроза общественной безопасности как фактор влияния на социальное здоровье российской студенческой молодежи // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2018. № 6. С. 25-29.
3. Жукова Е.Д. Сущность и содержание понятия «социокультурное воспроизводство» // Человек в мире культуры. 2015. №3. С. 9-18.
4. Касьянов В.В., Гафиятулина Н.Х., Самыгин С.И. Особенности и проблемы социального поведения в условиях режима самоизоляции российского населения // Гуманитарий Юга России. 2020. Т. 9. №2. С. 51-63.
5. Ментальные программы и модальные модели социального поведения на Юге России: монография / отв. Ред. А.В. Лубский. М.: Социально-гуманитарные знания, 2017. 396 с.
6. Парфёнова, О. С. Роль национального самосознания в системе национальной безопасности // Казанский педагогический журнал. 2015. № 6. С. 165.
7. Келле В.Ж. Интеллектуальное и духовное начала в культуре. Рос. акад. наук, Ин-т философии. – М.: ИФРАН. 2011, С. 122.
8. Лукьянов, А. Типология и согласование культур по основанию их архетипов. М.: «Прогресс – культура», 1995. 174 с.
9. Колчева Э.М. Понятие «культурный архетип» как инструментальный анализа национального искусства // Знание. Понимание. Умение. 2015. №1. С. 254-263.
10. Андреев Э.М. Социально-культурная идентификация: методологические проблемы исследования и реализации // Вестник Казанского технологического университета. 2012. С. 94-98.
11. Волков Ю.Г., Лубский А.В. Российская реальность в пространстве социологического дискурса: монография в двух книгах. Книга 2. Ростов-н/Д. – Таганрог. 2019. 384 с.
12. Смирнова А.Г., Киселев И.Ю. Идентичность в меняющемся мире / Науч. ред. проф. В.Е. Семенов; Яросл. гос. ун-т. Ярославль, 2002, С. 257.
13. Смирнов А.В. Проблемы русской культурной идентичности // Русская история и русский характер: матер, межд. конф. СПб., 2002. С. 85-93.
14. Шубин Ю.А. Национально-культурная идентичность как проблема современной культурологии // Вестник МГУКИ. 2011. 4 (42). С. 42.

References

1. Andrievskaya Zh.V. Symbolic programs «Thinking» and «Social Behavior»: correlation of phenomena. *Hymanitarij Yuga Rossii=Humanitarian of the South of Russia*. 2020; 9 (43). (3). (In Russ.)
2. Gafiatulina N.Kh., Baranovsky S.B., Samygin S.I. A threat to public safety as a factor influencing the social health of Russian student youth. *Hymanitarnyye, socialno-ekonomicheskie i socialnyie nauki=Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2018; (6): 25-29. (In Russ.)
3. Zhukova E.D. The essence and content of the concept of «socio-cultural reproduction». *Chelovek v mire klynyryi=Man in the world of culture*. 2015; (3): 9-18. (In Russ.)
4. Kasyanov V.V., Gafiatulina N.Kh., Samygin S.I. Features and problems of social behavior in the conditions of the regime of self-isolation of the Russian population. *Hymanitarij Yuga Rossii=Humanitarian of the South of Russia*. 2020; 9. (2): 51-63. (In Russ.)
5. Mental programs and modal models of social behavior in the South of Russia: monograph. Ed. A.V. Lubsky. Moscow: Social and humanitarian knowledge, 2017. 396 p. (In Russ.)
6. Parfenova, O. S. The role of national identity in the system of national security. *Kazanskiy pedagogicheskij journal=Kazan Pedagogical Journal*. 2015; (6): 165. (In Russ.)
7. Kelle V.Zh. Intellectual and spiritual principles in culture. Ros. acad. Sciences, Institute of Philosophy. M.: IFRAN, 2011, p. 122. (In Russ.)
8. Lukyanov, A. Typology and harmonization of cultures based on their archetypes / A. Lukyanov. M.: "Progress - culture", 1995. 174 p. (In Russ.)
9. Kolcheva E.M. The concept of "cultural archetype" as a tool for the analysis of national art. *Znanie. Ponimanie. Ymenie=Knowledge. Understanding. Skill*. 2015; (1): 254-263.

10. Andreev E.M. Socio-cultural identification: methodological problems of research and implementation. *Vestnik Kazanskogo tehnicheskogo eniversiteta=Bulletin of the Kazan Technological University*. 2012.: 94-98. (In Russ.)
11. Volkov Yu.G., Lubkiy A.V. Russian reality in the space of sociological discourse: a monograph in two books. Book 2. Rostov-n / D. - Taganrog. 2019. 384 p. (In Russ.)
12. Smirnova A.G., Kiselev I.Yu. Identity in a changing world / Nauch. ed. prof. V.E. Semenov; Yaroslavl state un-t. Yaroslavl, 2002: 257. (In Russ.)
13. Smirnov A.V. Problems of Russian cultural identity. In: *Russian history and Russian character: mater, int. conf.* SPb., 2002: 85-93. (In Russ.)
14. Shubin, Yu.A. National-cultural identity as a problem of modern cultural studies. *Vestnik MGYKI=Vestnik MGUKI*. 2011. 4 (42): 42. (In Russ.)

Информация об авторах

Ж. В. Андреевская – канд. психолог. наук, доц. РГМУ;
Н. Ю. Беликова – канд. ист. наук, доц. КГТУ;
Р. Н. Муллаширов – ст. преп. Крымского филиала РГУП.

Information about the authors

Zh. V. Andrievskaya – PhD in Psychology, Associate Professor of Rostov State Medical University;
N. Yu. Belikova – Ph.D. in Historical Sciences, Associate Professor of Kuban State Technological University;
R. N. Mullashirov – Senior Lecturer of Crimean branch of Russian State University of Justice.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 25.08.2022; одобрена после рецензирования 09.09.2022; принята к публикации 12.09.2022.

The article was submitted 25.08.2022; approved after reviewing 09.09.2022; accepted for publication 12.09.2022.

Научная статья

УДК 316.334.2

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-242-247

АКСИОЛОГИЧЕСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ОБЩЕСТВА ПОТРЕБЛЕНИЯ В СОВРЕМЕННЫХ УСЛОВИЯХ: СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

Александр Владимирович Войтов¹, Вадим Сергеевич Медведев²

¹Волгоградская академия МВД России, Волгоград, Россия, alexvoy@mail.ru

²Волгодонский филиал Ростовского юридического института МВД России, Волгодонск, Россия, vadim.medvedev.1975@bk.ru

Аннотация. В статье анализируются особенности «общества потребления» как особой формы социального устройства в современных условиях глобализации и информатизации социальных контактов. Авторами рассматриваются ценностные проблемы общества, наделенного теми характеристиками, которые приписывал ему Ж. Бодрийяр. Рассмотрены аксиологические проблемы как на межличностном уровне, так и на общесоциальном уровне.

Ключевые слова: общество потребления, межличностные отношения, симулякр, опережающее потребление, глобализация, информатизация, манипуляция, общественное сознание

Для цитирования: Войтов А. В., Медведев В. С. Аксиологические проблемы общества потребления в современных условиях: социологический взгляд // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 242–247. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-242-247>

Sociology Problems

Original article

AXIOLOGICAL PROBLEMS OF CONSUMER SOCIETY IN MODERN CONDITIONS: A SOCIOLOGICAL VIEW

Aleksander V. Voytov¹, Vadim S. Medvedev²

¹Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgograd, Russia, alexvoy@mail.ru

²Volgodonsk Branch of of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Volgodonsk, Russia, vadim.medvedev.1975@bk.ru

Abstract. The article analyzes the features of the "consumer society" as a special form of social structure in the current conditions of globalization and informatization of social contacts. The authors examine the value problems of a society endowed with the characteristics attributed to it by J. Baudriard. Axiological problems are considered both at the interpersonal level and at the general social level.

Keywords: consumer society, interpersonal relations, simulacrum, anticipatory consumption, globalization, informatization, manipulation, public consciousness

For citation: Voytov A. V., Medvedev V. S. Axiological problems of consumer society in modern conditions: a sociological view. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):242–247.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-242-247>

Несмотря на достаточно долгий период существования понятия «потребление», как в экономической науке, так и в политэкономии, понятие «общество потребления» термин достаточно новый, возникший лишь в середине XX века. Развитие массового производства во второй половине XX века, рост благосостояния граждан позволил сформировать теоретические концепции нового «общества потребления» таким авторам, как Ж. Форрестье, Р. Арон, Дж. Гелбрейт, У. Росту, Э. Фромм, Ж. Бодрийяр и др., зафиксировавшим процесс генезиса этого

нового феномена. Указанные философы и социологи подошли к изучению общества потребления с разных сторон и позиций. По мнению ряда исследователей, впервые данный термин использовал немецкий мыслитель Э. Фромм [1, с. 42], однако в рамках данной статьи особый интерес представляет концепция Ж. Бодрийяра [2, с. 4], поскольку в современных условиях стандартные (привычные) нормы потребления лишены возможности реализации по многим причинам, начиная с микросоциальных – трансформация межличностных отношений, и, заканчивая макросоциальными – трансформацией общества в целом. События последних 5-8 лет показывают, на сколько тенденции социально-экономической глобализации могут быть хрупкими и нестабильными. Пандемия коронавирусной инфекции, закрытие границ, политико-экономическое давление как на российское общество, так и на ряд других – это лишь неполный список тех социальных изменений, с которыми каждый из нас столкнулся за последнее время [3, с. 144; 4, с. 65].

Традиционные общества, а точнее общества с традиционной системой ценностей провозглашаются устаревшими, непрогрессивными, в то время как система ценностей основой которых выступает потребление и индивидуализм во всех его проявлениях выступает основополагающей общества будущего и современного настоящего. Общество потребления здесь определяет такие социальные связи и отношения, в рамках которых потребление выступает критерием социальной стратификации, а также является определяющим самой сути и существования общества.

Проблема ценностей подчеркивается многими философами и социологами, в том числе Э. Тоффлером в работе «Шок будущего», где он считает выбранную обществом систему ценностей источником развития общества: «А это будет зависеть от того, сколь ясно мы поймем и сумеем предсказать изменения в целостной архитектонике ценностей, которые регулируют человеческое поведение» [5, с. 14]. В то же время ряд ученых, особенно применительно к современным обществам, отмечают схожесть таких понятий как ценность и потребность, в частности А. Маслоу отмечает, что самой сильной из всех потребностей является потребность, основанная на примитивных, животных потребностях – потребность в пище, воде и воздухе (дыхании). Благодаря этому можно утверждать, что автор ставит на первое место в иерархии ценностей – ценность жизни как таковой, ведь без реализации потребности в пище, воде и воздухе жизнь может закончиться. [6, с.7 4].

Идею об иерархии ценностей, озвученную научно впервые Маслоу, используют различные социальные институты для эффективности своего функционирования. В частности, религия призывает к объективному самоанализу, интеграции истины, добра и красоты, к альтруизму, к отказу от плотских желаний, к доброжелательности и доброте. Однако религиозным ценностям в меньшей степени свойственна особенность выделенная М.С. Каганом – разделении нравственных ценностей на два уровня – межличностный и личностно-коллективный [7, с. 115]. Межличностный уровень отвечает за отношения в формате «Я-Ты». В данном случае каждый из участников формирует свои ценностные установки и соотносит их с объектом своего взаимодействия. Личностно-коллективный уровень отвечает за отношения в формате «Я-Ты-Мы», где коллектив выступает неким объединяющим аспектом, когда каждый свободный индивид учитывает не только ценности других, но и коллектива в целом. При чем ценности коллектива этим же коллективом и конструируются. В данном случае коллектив выступает не механическим объединением отдельных атомизированных индивидов, а, скорее, органической системой, в которой наблюдается диалектическое единство каждого из участников друг с другом и с коллективом в целом. Ценности, наличествующие в коллективе должны включать не только «Свободу», как мы отметили, которая является необходимым условием появления коллектива с органической солидарностью, но также таких ценностей как «Любовь», «Уважение к другому», «Свобода другого», «Совесть», «Ответственность» и т.п. В данном случае появляются ценности принципиально нового уровня, такие как «Общие интересы», а также «Интересы группы».

Именно особенности взаимодействующих субъектов: личностей друг с другом, личности и общности, одной общности, взаимодействующей с другой, а также личности и общности в структуре общества в целом, детерминирует те особенности социальных контактов, действий и взаимодействий, которые представляют собой разнообразные ценности. В данном случае социальные взаимосвязи и отношения выступают диалектически связанными сторонами

общества как системы, определяя те особенности социальных интеракций, которые детерминируют системные качества и особенности общества. В рамках социальной системы, каждый из ее элементов, будь то личность, социальные объединения или социум в целом, не просто взаимодействуют, но и формируют друг друга посредством конструирования, усвоения и интеграции ценностей одного элемента во внутренний мир другого. Так, личность конструирует социальную реальность, в том числе интегрируя собственные ценности в общий «плавильный котел» тех социальных интеракций, в которые включена. Общественные отношения, с другой стороны, растворены в социальной сущности индивида – социализированных и интериоризированных ценностях общества. Каналами такой интериоризации, то есть формирования личностных качеств и особенностей через взаимодействие с внешним миром, а соответственно встраивания внешних ценностей во внутренний мир личности, выступает не только сознание как таковое, но и потребности личности. В случае, когда потребности личности, точнее потребности личностей из внутренних мотивов становятся внешними, порой навязанными средствами массовой информации, мы можем говорить о ценностях «общества потребления» сформулированных Ж. Бодриаром.

В том или ином виде потребление мы можем наблюдать в любом обществе, однако утверждение, что современное общество является обществом потребления, позволяет нам выделить его особый статус в социальной системе ценностей. Наше общество является обществом потребления в том смысле, в каком индустриальное общество было обществом производства. Способ, которым сегодняшнее общество «формирует» своих членов, диктуется в первую очередь обязанностью играть роль потребителей. Но отличительным признаком такого общества не является потребление как таковое, ибо феномен современного потребления не ограничивается его функциональными границами, но отсылает к определенным реакциям и эффектам, имеющим важное значение для формирования и воспроизводства социального порядка.

Подобный социальный порядок в условиях глобализации распространяется по всему миру, разрушая прежние нормы и ценности, формируя новые практики социо-экономического поведения. Так, существующие в традиционном обществе патриархальные ценности (наследство, постоянный доход) конструировали реальность, где производство детерминировало потребление. В современном обществе потребление и формируемые им ценности определяют не только производство, но и всю жизнь человека.

Человек становится объектом столь мощных манипуляций в ходе широкомасштабного внедрения которых он сам начинает верить в ту сконструированную реальность которая выгодна создателям данной симуляции. Благодаря психологической монополизации всевозможных потребностей человека как потребителя последний вынужден встраиваться и подстраиваться под постоянно изменяющиеся условия жизни, в условиях развития технологий, смены маркетинговых стратегий и изменения моды. В силу этих обстоятельств, в обществе потребления никогда не потребляется объект сам по себе, но всегда манипулируют объектами как знаками, которые отличают человека или присоединяют его к определенной группе.

По мнению Ж.Бодриара, распространение городского образа жизни и урбанизация ведет к трансформации городского пространства так, что город становится местом эскалации потребления – «цепной реакции» дифференциации, которая подчинена «тотальной диктатуре моды» [2, с. 111]. В данной ситуации не следует забывать о моде, как культурной компоненте становления общества потребления: процессы массовизации производства ведут к массовизации культуры. мода становится источником и причиной такого потребления, которое перестает быть функциональным и экзистенциально важным, а становится социально значимым, формируя статусность потребителя.

В данном случае необходимо вспомнить предложенную около ста лет назад концепцию «демонстративного потребления» Т. Веблена. Американский экономист фразой «keeping up with the Joneses» [8, с. 41] (не отставать от Джонсонов) сравнил подобное социально значимое потребление с соревнованием, постоянно сравнивая себя с «соперником», при чем соперником выступают соседи. В данной ситуации все соперники выставляют напоказ потребленные товары и услуги, определяя таким образом положение себя и окружающих.

Потребление создает свое символическое пространство, которое вполне успешно влияет на окружающую нас реальность и все сферы жизнедеятельности общества – экономическую, духовную, социальную и политическую. Наилучшим инструментом для демонстрации уровня

своего потребления становятся социальные сети, которые позволяют многократно увеличить аудиторию охвата.

Все развитие информационно-телекоммуникационной сферы на протяжении XX века, несмотря на ряд выполняемых функций: коммуникативной, инструментальной, образовательной и т.д., преследует ведущую капиталистическую цель – получение прибыли. Реклама в интернете – всего лишь новая площадка для распространения «модных» товаров и услуг. Принципиально новым витком развития общества потребления можно считать появление и бурное распространение социальных сетей в конце XX-начале XXI века.

Именно социальные сети, созданные посредством сети интернет, стимулируют и направляют акты потребления, как в сети, так и офлайн. Благодаря так называемым «инфлюенсерам» – профессиональному аппарату, состоящего из популярных личностей: деятелей культуры, политики, спорта, навязывается привлекательный трендовый имидж со множеством рекламных сопутствующих товаров, «без которых в повседневной и деловой жизни никак не обойтись».

Потребление любых товаров и услуг начинает носить символический характер. Так, в частности, брендовая одежда призвана в первую очередь не обеспечивать полезность в удовлетворении нужд, а подчеркивать статусность индивида, удовлетворять его амбиции, а подчас и весьма надуманные потребности. Подробный анализ показного потребления автомобилей в кредит в современной России провели ученые Верников А. В. и Курышева А. А. [9, с. 11-39]. Человек начинает воспринимать себя, окружающих и предметы вокруг как товар, собственником которых он при желании и достаточных усилиях может стать. Подобная ситуация таит большие угрозы.

В данном контексте важно отличать общество потребления и общество с высоким уровнем потребления. Порой в обществе потребления сам уровень потребительской активности может быть ниже, чем в обществе, которое не считается обществом потребления. Подобный эффект достигается разнообразными манипуляциями общественного сознания и симуляциями реальности. Таким образом, человеческий мир – который мы называем миром культуры – целиком и полностью имеет механику подобию, симуляции. Вещи существуют постольку, поскольку являются симулякрами. Образами, знаками, которые взывают к тому, чтобы от них перейти к чему-то другому. Отличительное свойство человека – он все время спрашивает, что это значит. Сама сущность человеческой культуры базируется на симулятивном отражении действительности. Вся радикальная критика культуры Бодрийера становится такой острой, потому что он хочет показать, как в современную эпоху это состояние дел обострилось, стало опасным для человеческой мысли, души, общества. Речь о степени, уровне, порядке симулякров и симуляции [10, с. 11-39].

Несмотря на отмечаемые рядом авторов [11, с. 174] положительные стороны «общества потребления», среди ученых доминирующей является позиция, высказанная Дж. Гэлбрейтом, который отмечает ценностную проблему общества потребления. Данная проблема тесно связана с развитием и влиянием корпораций, которые устанавливают правила и направления развития общества. Подчинив себе масс-медиа, они через рекламу и СМИ подчиняют человека, формируя его желания и потребности в нужном им русле. Мыслитель предупреждает: если индивид и дальше позволит корпорациям управлять его желаниями, то «экономические цели будут неправомерно господствовать над всеми сферами нашей жизни» [12, с. 11-39]. В действительности так и происходит, процесс глобализации идет чисто экономическим путем. Гэлбрейт основную опасность для общества видит в потере индивидом своей самостоятельной творческой субъективности. Тогда смысл существования человека сведется к служению индустриальной системе, о чем в свое время предупреждал и Э. Фромм.

Особую опасность данная проблема приобретает в современном глобализирующемся мире. По словам Ж. Бодрийера, в такой системе действуют «чары игрового правила» – «любая самопоглощающаяся система, втянутая в тотальный сговор с самой собой, так что знаки в ней утрачивают всякий смысл, как раз по этой причине воздействует с редкостной завораживающей силой... Когда самодостаточное и самоуничтожающееся нечто всасывает в себя всё реальное – это завораживает» [13, с. 46].

Как подчеркивает Г. Дебор [14, с. 145], в таком обществе конструируется самостоятельная система образов, в которой обманщик лжет самому себе, а подобный «спектакль»

представляет собой инверсию жизни. В этих условиях, общество потребления становится средой всеобщей имиджезации, где коммуникация между людьми осуществляется преимущественно актуализацией потребности выставления себя напоказ, актуализацией потребности удовлетворять свои потребности в демонстративной затратно-эпатажной форме.

Таким образом, в результате рассмотрения весьма сложной и многосторонней проблемы аксиологических проблем общества потребления и рассмотрев современное общество в тех категориях, которые указывал Ж.Бодрийяр применительно к обществу потребления, мы отмечаем комплексный характер аксиологических проблем и необходимость управляемой социокультурной динамики для предупреждения социальных потрясений и кризисов.

Список источников

1. Фромм Э. Иметь или быть. М.: Издательство АСТ, 2018. 320 с.
2. Бодрийяр Ж. Общество потребления: его мифы и структуры; [пер. с фр., послесл. и примеч. Е. А. Самарской]. М.: Республика : Культурная революция, 2006. 268 с.
3. Войтов А. В., Гладков Д. В. Социальная готовность к последствиям пандемии: социологический взгляд // *Logos et Praxis*. 2021. Т. 20. № 2. С. 143–153.
4. Войтов А. В., Гуломов О. Н. Истина для социологии в обществе постмодерна В сборнике: Научное познание и истина: историко-философские, социально-экономические и правовые аспекты. Материалы Международной научно-практической конференции, посвященной памяти профессора Е. М. Фрадлинной. Волгоград, 2020. С. 64-68.
5. Тоффлер Э. Шок будущего. [Пер. с англ.: Е. Руднева и др.]. М. : АСТ, 2003 (ГУП ИПК Ульян. Дом печати). 557 с.
6. Маслоу А. На подступах к психологии бытия. Перевод на русский язык: О. Чистяков. М., 1997. 270 с.
7. Каган М. С. Философская теория ценности. СПб.: ТОО ТК "Петрополис", 1997. 205 с.
8. Веблен Т. В. Теория праздного класса. [Пер. с англ.: В.Желнинов]. М.: АСТ, 2021. 384 с.
9. Верников А. В., Курышева А. А. Показное потребление в долг: на примере легковых автомобилей // *Экономическая социология*. 2021. № 5. С. 11–39.
10. Бодрийяр Ж. Симулякры и симуляции [Перевод с фр. А. Качалова]. М.: Издательский дом «ПОСТУМ», 2015. 240 с.
11. Miles S. *Consumerism as a Way of Life*. London, SAGE Publications, 1998. 174 p.
12. Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М.: ООО «Издательство АСТ», 2004. 602 с.
13. Бодрийяр Ж. Соблазн. [Пер. А. Гараджа]. Ч. 2. М., 2000. 319 с.
14. Дебор Г. Общество спектакля [Пер. с фр. С. Офертаса и М. Якубович]. М.: Логос, 1999. 224 с.

References

1. Fromm E. *To have or to be*. Moscow: AST Publishing House; 2018. 320 p. (In Russ.)
2. Baudrillard J. *Consumer society: its myths and structures*; [Transl. from French, afterword and note. E. A. Samarskaya]. Moscow: Republic: Cultural Revolution; 2006. 268 p. (In Russ.)
3. Voytov A. V., Gladkov D. V. Social readiness for the consequences of a pandemic: a sociological view. *Logos et Praxis*. 2021;20(2):143-153. (In Russ.)
4. Voytov A. V., Gulomov O .N. *Truth for sociology in postmodern society In the collection: Scientific knowledge and truth: historical-philosophical, socioeconomic and legal aspects*. Proceedings of the International scientific-practical conference dedicated to the memory of Professor E. M. Fradlina. Volgograd; 2020:64-68. (In Russ.)
5. Toffler E. *Future shock*. [Trans. from English: E. Rudneva and others]. Moscow: AST; 2003 (GUP IPK Ulyan. Press House). 557 p. (In Russ.)
6. Maslow A. *On the approaches to the psychology of being*. Translation into Russian: O. Chistyakov. Moscow; 1997. 270 p. (In Russ.)
7. Kagan M. S. *Philosophical theory of value*. St. Petersburg, LLP TK "Petropolis", 1997. 205 p. (In Russ.)

8. Veblen T. V. *The Theory of the Leisure Class*. [Trans. from English: V. Zhelninov]. Moscow: AST; 2021. 384 p. (In Russ.)
9. Vernikov A.V., Kurysheva A.A. Conspicuous consumption in debt: on the example of passenger cars. *Ekonomicheskaya sotsiologiya = Economic sociology*. 2021;(5):11–39. (In Russ.)
10. Baudrillard J. *Simulacra and simulations* [Translated from French. A. Kachalova]. Moscow: POSTUM Publishing House; 2015. 240 p. (In Russ.)
11. Miles S. *Consumerism as a Way of Life*. London: SAGE Publications; 1998. 174 p.
12. Galbraith J. *New industrial society*. Moscow: AST Publishing House LLC; 2004. 602 p. (In Russ.)
13. Baudrillard J. *Temptation*. [Trans. A. Garaja]. Part 2. Moscow; 2000. 319 p. (In Russ.)
14. Deborah G. *The Society of the Spectacle* [Transl. from fr. C. Offeras and M. Yakubovich]. Moscow: Logos; 1999. 224 p. (In Russ.)

Информация об авторах

А. В. Войтов – канд. социол. наук, доц. кафедры «Философия» Волгоградской академии МВД России;

В. С. Медведев – преп. кафедры тактико-специальной подготовки Волгодонского филиала Ростовского юридического института МВД России.

Information about the authors

A. V. Voytov – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of the Philosophy Department of Volgograd Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

V. S. Medvedev – Teacher of the Department of Tactical and Special Training of the Volgodonsk Branch of the Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 16.08.2022; одобрена после рецензирования 30.08.2022; принята к публикации 31.08.2022.

The article was submitted 16.08.2022; approved after reviewing 30.08.2022; accepted for publication 31.08.2022.

Научная статья

УДК 316.344.34:377

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-248-254

**БУДУЩЕЕ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ В ВЫСШЕЙ ШКОЛЕ:
СОЦИОЛОГИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ МНЕНИЙ СУБЪЕКТОВ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОГО ПРОЦЕССА**

**Ярослава Геннадиевна Зинченко¹, Анастасия Сергеевна Рева²,
Артур Дмитриевич Тур³**

^{1, 2, 3}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹yazinchenko@uriu.ranepa.ru

²revaanas@mail.ru

³tur_artur@rambler.ru

Аннотация. В статье исследуются проблемы развития дистанционного обучения в высшей школе, а также перспективы внедрения новых дистанционных образовательных технологий в вузах России. В качестве методологии использовался контент-анализ публичных выступлений ректоров ведущих вузов России, вторичный анализ данных социологических исследований и собственное прикладное социологическое исследование, проведенное методом опроса.

Ключевые слова: высшее образование, образовательный процесс, онлайн-обучение, студенты, пандемия, вуз.

Для цитирования: Зинченко Я. Г., Рева А. С., Тур А. Д. Будущее дистанционного обучения в высшей школе: социологический анализ мнений субъектов образовательного процесса // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 248–254. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-248-254>

Sociology Problems

Original article

**THE FUTURE OF DISTANCE LEARNING IN HIGHER EDUCATION:
A SOCIOLOGICAL ANALYSIS OF THE VIEWS OF THE EDUCATIONAL PROCESS SUBJECTS**

Yaroslava G. Zinchenko¹, Anastasia S. Reva², Artur D. Tur³

^{1, 2, 3}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹yazinchenko@uriu.ranepa.ru

²revaanas@mail.ru

³tur_artur@rambler.ru

Abstract. The article examines the problems of distance learning development in higher education, as well as the prospects of introducing new distance learning technologies in Russian universities. The methodology used was content analysis of public speeches of rectors of leading Russian universities, secondary analysis of sociological research data and our own sociological research conducted by survey method.

Keywords: higher education, educational process, online learning, students, pandemic, university

For citation: Zinchenko Ya. G., Reva A. S., Tur A. D. The future of distance learning in higher education: a sociological analysis of the views of the educational process subjects. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):248–254. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-248-254>

За последние два года, информационные технологии и возможности онлайн-коммуникации оказали существенное влияние на многие сферы деятельности человека, в том числе и на образовательный процесс. С одной стороны, можно сказать, что внедрение дистанционных образовательных технологий имеет положительные аспекты: снижение различных издержек на обучение, стимулирование построения образовательных сетей и возможность использования гибридной формы обучения, в которой сочетаются традиционные и дистанционные методы. С другой стороны, начало пандемии COVID-19 ускорило переход на дистанционное обучение, не давая преподавателям, студентам и административному персоналу, задействованному в организации учебного процесса, качественно адаптироваться к новым условиям взаимодействия.

Анализ научных трудов, посвященных проблематике дистанционного обучения, показывает, что изначально ученые проявляли интерес к такому формату работы как к потенциальной инновации, которую можно внедрить в образовательный процесс [1]. Интерес к дистанционным образовательным технологиям резко возрос с начала пандемии COVID-19, что нашло отражение в социологических исследованиях, проводимых в высших учебных заведениях, а также в публичных заявлениях ректоров ведущих вузов России. Например, в МГУ был проведен опрос среди студентов и преподавателей, где 70% опрошенных отмечали, что стали меньше уставать от учебы, а преподаватели повышают свою квалификацию дополнительными онлайн-курсами по тем дисциплинами, которые они преподают¹.

Рассмотрим мнение ректора МГУ Виктора Антоновича Садовнича, который отмечает, что цифровизация в настоящее время ставит новые вызовы перед вузами. Ректор МГУ поддерживает формат смешанного обучения и подчёркивает, что необходимо пользоваться технологиями рационально и «с умом». Виктор Антонович отметил, что не нужно переходить полностью на онлайн обучение, это целесообразно только в кризисной ситуации. Ректор МГУ заявил, что пандемия помогла выявить проблемные зоны высшего образования, а именно – заметно, что хороших преподавателей, лекторов в вузах становится меньше. Это отражается на том, как преподносится информация в дистанционном формате: не все преподаватели владеют навыками выбора коммуникации, не всегда получается вовлечь в процесс и мотивировать студентов.

Президент МФТИ Николай Николаевич Кудрявцев заявил, что переход на полное дистанционное обучение в вузе занял не более трёх дней. Объясняется такой стремительный переход тем, что в вузе и раньше внедрялись технологии дистанционного обучения. Однако нагрузка на преподавателей возросла, так как появилась необходимость по-новому структурировать материалы для обучения².

На вопрос о дальнейшем сохранении дистанционного обучения в вузе Н. Н. Кудрявцев говорит о том, что уже на данный момент многое можно сделать дистанционно. Так, существуют технологии искусственного интеллекта, позволяющие следить за процессом обучения студента и диагностировать, какие разделы им усваиваются хуже. В использовании таких технологий будет значительный плюс, так как нагрузка на преподавателя значительно снизится, и у него появится возможность уделять больше времени общению со студентами по той или иной проблеме и поиску креативных путей ее решения. Также говорится, что изучение предмета на базовом уровне и решение различных заданий – это те задачи, которые студент должен делать без участия преподавателя. Тем не менее, процесс перехода к таким методам обучения будет плавным и неравномерным. «Если появятся локальные инициативы: кто-то захочет первым перейти на эту систему, – мы будем их поддерживать». Президент МФТИ отмечает что, сейчас к ним приходит поколение «цифровых» студентов: они не могут жить без интернета, планшета, телефона – и новый процесс образования точно им подойдёт. Видно, что они в нем заинтересованы и понимают его эффективность. Так что использование онлайн-технологий в обучении неизбежно.

П. П. Баранов, анализируя возможности использования дистанционных образовательных технологий в России, отмечает, что «в современном российском правовом поле отсутствуют четкие ориентиры организации системы дистанционного образования и обучения в широком

¹ Садовничий: организацию обучения в вузах нужно пересмотреть с учетом цифровизации // URL: <https://tass.ru/obschestvo/13193847>

² Задача МФТИ – статья брендовым университетом мирового уровня // URL: <https://hbr-russia.ru/liderstvo/delo-zhizni/837387>

понимании данного просветительского феномена» [2]. Можно полагать, что рассмотрение дистанционного обучения как полноценной качественной замены традиционным форматам образования до сих пор вызывает большие разногласия среди научного и педагогического сообщества, однако сегодня, безусловно, приобретает важность развития отечественной системы дистанционного обучения в рамках постепенной изоляции зарубежных программных продуктов от российского рынка.

Мы полагаем, что ввиду нехватки отечественных аналогов образовательных онлайн-платформ на сегодняшний день, эффективным решением для вузов будет создание собственной системы цифрового обучения.¹ Такая система должна учитывать накопленный опыт коммуникации в дистанционном режиме и разрабатываться в непосредственном взаимодействии со студентами и преподавателями. Можно полагать, что при разработке отечественного программного обеспечения для внедрения в образовательные процессы должны быть учтены актуализировавшиеся проблемы дистанционного обучения.

С целью определения отношения студентов к организации учебного процесса и проведению занятий в онлайн-формате методом опроса в апреле 2022 года в форме анкетирования нами было опрошено 82 студента, обучающихся в ЮРИУ РАНХиГС. Опрошены студенты 3,4 курса бакалавриата, а также студенты 1, 2 курса магистратуры. Данная выборка строилась нами таким образом, чтобы в опросе были задействованы студенты, имевшие полноценный опыт взаимодействия как в очном формате (не менее 1 семестра обучения в допандемийный период), так и в дистанционном формате.

Во-первых, отметим, что мнения студентов в части мотивации к обучению в дистанционном формате разделились – у 42% студентов мотивация не изменилась, у 39% увеличилась, а у 17% наоборот снизилась. Отметим, что похожий результат в части мотивационной компоненты имеет место и в опросах, проводимых в рамках других исследований, где также наибольшее количество студентов считают, что дистанционный формат не влияет на мотивацию во время образовательного процесса (43,5%). Но такой показатель вовсе не совпадает с мнением преподавателей, которые все же указывают на отсутствие достаточной мотивации к учебе у студентов в режиме онлайн (67%) [3].

Большинство студентов отмечают, что дистанционное обучение проходит в таком формате, когда преподаватель ведет лекции и семинары онлайн, с использованием программ видеосвязи (91%). Такой показатель соответствует данным, полученным в ходе опроса студентов российских вузов об условиях дистанционного обучения в рамках совместного проекта Института образования НИУ ВШЭ, Центра внутреннего мониторинга НИУ ВШЭ и Института образования ТГУ. По результатам данного исследования 89% студентов сказали об использовании преподавателями программ видеосвязи. Кроме того, 17% студентов ответили, что очные занятия заменены на онлайн-курсы под руководством преподавателя и 47% говорят, что преподаватель просит посмотреть видеолекции на Youtube и т.п. и выполнить задания².

Студенты также отметили преимущества дистанционного обучения, среди которых выделили гибкость учебного процесса (80%), обучение в привычной и комфортной обстановке (78%), легкость обновления содержания и возможности архивации старого материала (77%). Высокая оценка гибкости учебного процесса также обуславливается тем, что 62% обучающихся указывают на удобство совмещения работы с учебой во время дистанта. Только 5% студентов отметили, что формат обучения не влияет на их работу, а 30% обучающихся не были трудоустроены на момент опроса.

Стоит отметить, что к наименее привлекательным аспектам дистанта студенты отнесли технологичность процесса обучения (40%) и получение практических навыков (20%), а на вопрос «Какие формы работ чаще всего используют преподаватели на дистанционном обучении» большинство студентов выбрали презентацию (82%), онлайн-тесты (74%) и доклады (72%). Несмотря на то, что в онлайн режиме студентам было предложено использовать формы работ хорошо для них знакомые, они самостоятельно дают негативную оценку полученным практическим навыкам. Это свидетельствует о том, что привычные задания, предлагаемые

¹ Остро стоит вопрос нехватки российских аналогов образовательных веб-сервисов // URL: <https://arppsoft.ru/news/experts/11397/>

² Опрос студентов российских вузов об условиях дистанционного обучения // <https://cim.hse.ru/covidsurvey>

обучающимся для развития практических навыков, не могут быть применены в дистанционном формате, либо вузу не хватает технологических мощностей для полноценного перехода на дистанционный формат обучения.

Немаловажным аспектом является влияние дистанционного обучения на здоровье студентов. Хотя большая часть студентов говорит о том, что дистант не повлиял на состояние их здоровья (68%), некоторые отмечают ухудшение зрения (17%), осанки (17%) и нарушение режима дня (10%).

Более половины студентов не заметили изменения учебной нагрузки в их жизни (54%). 25% отвечают, что нагрузка на них возросла, а 20% считают иначе.

Таким образом, можно сделать вывод о том, что пандемия коронавируса запустила цифровую трансформацию образовательного процесса [4]. Мы можем сказать, что адаптация к новому формату взаимодействия все же произошла, однако всё еще недостаточно развита технологичность обучения и остаются на сравнительно невысоком уровне практические навыки, получаемые студентами. Такие негативные аспекты могут быть решены только с учетом мнения обучающихся и преподавателей, что получает особую актуальность с учетом курса на импортозамещение иностранных программных продуктов и разработку отечественных образовательных платформ.

Мы можем рассматривать будущее дистанционного формата в образовательном процессе России по трем векторам развития:

- 1) сохранение гибридного формата;
- 2) возвращение к полноценному дистанционному образованию;
- 3) полное возвращение к допандемийной практике ведения образовательного процесса.

На данный момент сложно предвидеть, какой из путей развития ожидает систему высшего образования ближайшее время, ввиду как социально-политических, так и эпидемиологических причин. Однако можно рассмотреть некоторые риски и возможности при том или ином исходе.

Переход на дистанционное обучение на постоянной основе в наше время создаёт как положительные, так и отрицательные эффекты, формирует определённые риски. Для оценки последствий дистанционного обучения в РФ мы выделим две группы: к первой группе отнесём поставщиков онлайн-образовательных технологий, туда входит государство, вузы, органы власти, ко второй группе отнесём потребителей – это студенты, родители, общество.

Для поставщиков первым плюсом, безусловно, является сокращение до минимума физического контакта населения, студентов с целью минимизации рисков распространения инфекций, если эпидемиологическая ситуация будет развиваться по негативному сценарию. Сокращение персонала произойдет за счет использования онлайн формата обучения, возможность давать одному преподавателю двойную нагрузку из-за упрощения процесса обучения. Также некоторых специалистов можно будет заменить машинной обработкой данных, а следовательно работа выполняется за преподавателя [5].

Стоит отметить такой плюс, как снижение затрат, а именно сокращение численности преподавательского состава университетов, так как нагрузка при заочном обучении в 3-4 раза меньше, чем при очном формате. Все это ведёт к сокращению административно-управленческого персонала, что также экономит бюджет. Уменьшение аудиторных занятий, сотрудников, количества площадей учебной территории, корпусов и студенческих общежитий сократит бюджетное финансирование и может привести к коммерческому использованию [6].

Рассмотрим выгоды для потребителей, они более спорны. Стоит выделить такой фактор, как потенциальное уменьшение стоимости обучения, так как оно проходит уже в дистанционном формате, также отметим то, что основные фонды не используются и не изнашиваются, коммунальные услуги не платятся в прежнем объеме. В первое время дистанционного обучения поднимался вопрос об обязательном снижении стоимости обучения, который решился общественным признанием, что вузы не обязаны понижать стоимость, так как изменилась лишь структура, но знания предоставляются в полном объеме. Возможно, при сохранении дистанционного обучения будет решён вопрос о рациональной стоимости обучения.

Вторым положительным моментом является оптимизация временного ресурса, а именно, студенты не тратят время, чтобы добраться до учебного заведения, появляется возможность совмещать учебу с работой, получая практические навыки параллельно с обучением [7].

Отметим, что эффективность и целесообразность принципиально отличается при очном и заочном обучении. Достоинства дистанционного обучения наиболее очевидны для заочного формата.

Дистанционное обучение формирует и отрицательные эффекты для потребителей. Важной проблемой является отсутствие обратной связи от студентов, что не характерно для очного формата обучения, также увеличивается объём учебного материала в онлайн-лекциях. Преподаватели должны выделять больше времени для подготовки материала на практические занятия.

Одной из важных проблем является цифровая дезинформация, а именно: наличие большого количества ложной и недостоверной информации на просторах интернета, которая трудно поддаётся верификации. Сайты вузов предоставляют видеолекции для самостоятельного обучения, что не несёт практического результата. Не все преподаватели могут разрабатывать авторские курсы, следовательно, студенты должны самостоятельно изучать лекционный материал и появляется большая вероятность дезинформирования обучающихся, из-за большого количества некачественных источников информации в интернете. Отметим, что большую роль играют технические проблемы, которые выражаются в возможностях студентов, а именно, в недостатке оснащённости компьютерной техникой.

Отрицательным фактором для потребителей является проблема, связанная с ограничениями программного обеспечения, используемого в процессе дистанционного обучения, а также доступ к широкополосному интернет-соединению. Многие вузы в 2019-2021 учебных годах проводили занятия на платформе Microsoft Teams, где наблюдались неполадки со связью, сбои с соединением при одновременном подключении более 20 участников. Отметим, что сегодня использование онлайн-обучения создает больше проблем, чем преимуществ, о чём свидетельствуют данные нашего и иных исследований, где ниже всего студенты оценивали возможности интернет-соединения и обеспеченность необходимым оборудованием [8]. Особую остроту этой проблеме придают вопросы, связанные с широким применением зарубежных программных продуктов в российских вузах, причём не только в отношении дистанционного обучения, но и для повседневного использования с целью создания текстовых файлов, презентационных материалов, хранения и обмена данными.

Учитывая внешние вызовы, предъявляемые к Российской Федерации, и нарастающее санкционное давление, некоторые вузы начали использовать отечественные разработки для удалённой работы еще в 2020 г. Например, Курганский государственный университет, Нижегородский государственный университет имени Н. И. Лобачевского, Удмуртский государственный университет пользовались серверным продуктом VideoMost. Кроме того, приостановка доступа к Zoom госучреждениями в 2021 году повторно продиктовала необходимость использования отечественных аналогов, что выразилось в утверждении методических рекомендаций по использованию систем ВКС. Среди них отмечались такие решения как Видеоселектор, TrueConf, IVA MCU, Vinteo.

В 2022 году в связи с угрозой прекращения работы компании Microsoft и приостановки обновления её программных продуктов на территории России, проблема разработки и улучшения отечественного софта обострилась. Существующие на рынке решения либо не в полной мере соответствуют требованиям, предъявляемым к образовательному процессу, либо не имеют достаточно мощностей. Генеральный директор образовательной онлайн-платформы «Нетология» Марианна Снигирева отмечает, что в планах у компании переход на платформу Webinar, и скорость полного переключения на неё зависит от доработки мощностей. Например, Webinar не позволяет конвертировать лекцию в течение нескольких часов, чтобы загрузить ее в личный кабинет студента. Такое техническое ограничение замедляет образовательный процесс, и запись лекции у студента появляется через пару дней. Такой опыт имплементирования отечественных платформ образования в коммерческой сфере характерен и для высших учебных заведений, которые также ограничены гибкостью перехода на отечественное ПО из-за недостатка финансового обеспечения, недостатка у преподавателей времени для прохождения курсов повышения квалификации и в целом отсутствия опыта работы на отечественном софте как у преподавателей, так и у студентов.

Также необходимо отметить запрос учащихся и педагогов на интерактив в дистанционном обучении. И хотя у большинства студентов не меняется мотивация к получению знаний

в зависимости от режима обучения, отметим, что коммуникационный ресурс выходит на первый план, демонстрируя стремление студентов к построению социальных связей и работе в группе [3]. Значит, необходимо предоставлять студентам возможность общаться с преподавателями не только с помощью электронных почт или различных мессенджеров, но и через «виртуальные классы», в режиме реального времени. Обучение в таком формате становится полноценным и качественным, когда происходит личный контакт. Если стоит вопрос о сохранении дистанционного формата обучения, то стоит задуматься о соответствующих технических возможностях как информационной, так и коммуникационной инфраструктуры.

Массовый переход на дистанционное обучение в России несет ряд рисков для страны из-за технологической неподготовленности системы высшего образования. Переход на удалённый формат резко снижает роль университетов в подготовке кадров, уровень качества обучения, а также вся ответственность в качестве обучения с университетов переносится на студентов. Такой формат обучения может только сократить расходы государственного бюджета на высшую школу и оптимизировать возрастной преподавательский состав. Обращаясь к будущему гибридного формата обучения, из преимуществ отметим появление возможностей для развития технологий дистанционного обучения, а также преимущественно положительно ориентированных на это студентов. Тем не менее, при сохранении гибридного формата обучения неизбежным является вопрос оптимального соотношения очных и онлайн занятий в вузах разных направленностей и подготовка соответствующего софта для обеспечения эффективности образовательного процесса.

Список источников

1. Бурнашева Л.Ю. Дистанционное обучение и его роль в современном мире // *ColloquiumJournal*. 2020. № 10-5. С. 32–34.
2. Баранов П. П. Возможности использования дистанционных технологий обучения в образовательном пространстве России // *Северо-Кавказский юридический вестник*. 2019. № 1. С. 168-174. – DOI 10.22394/2074-7306-2019-1-1-168-174.
3. Ковалев В. В., Дятлов А. В., Лацвеева А. В. Качество высшего образования в России: когнитивные ресурсы онлайн-обучения // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28. № 2. С. 57-69. – DOI 10.19181/nko.2022.28.2.5.
4. Ugnich E. A., Zmiyak K. V., Ignatova T. V., Frank E. V., Karsuntseva O. V. Emergency Distance Learning at the University: Features of Applied Technologies // *Advances in Science, Technology and Innovation*, 2022, pp. 753-759 https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85132927060&doi=10.1007%2f978-3-030-90324-4_122&partnerID=40&md5=DOI:10.1007/978-3-030-90324-4_122
5. Цыгалов Ю. М. Эффекты и риски дистанционного образования в высшей школе // *Управленческое консультирование*. 2020. № 10(142). С. 61-73. – DOI 10.22394/1726-1139-2020-10-61-73.
6. Старые вызовы новых форм обучения: уроки первой половины 2020 года // *Управленческое консультирование*. 2020. № 6(138). С. 8-9. – DOI 10.22394/1726-1139-2020-6-8-9.
7. Сорокопуд Ю. В., Борисевич М. М. Специфика профессиональной подготовки в условиях онлайн-образования // *Мир науки, культуры, образования*. 2019. № 5(78). С. 225-226. – DOI 10.24411/1991-5497-2019-00094.
8. Великая Т. В. Цифровизация образовательной деятельности в период коронавирусной инфекции // *Наука. Культура. Общество*. 2022. Т. 28. № 2. С. 70-80. – DOI 10.19181/nko.2022.28.2.6.

References

1. Burnasheva L. Y. Distance learning and its role in the modern world. *ColloquiumJournal*. 2020;(10-5):32–34. (In Russ.)
2. Baranov P. P. Opportunities of using distance learning technologies in the educational space of Russia. *Severo-Kavkazskii yuridicheskii vestnik = North Caucasus Legal Vestnik*. 2019;(1):168-174. - DOI 10.22394/2074-7306-2019-1-1-168-174. (In Russ.)
3. Kovalev V. V., Diatlov A. V., Latsveeva A. V. Quality of Higher Education in Russia: Cognitive Resources of Online Learning. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Nauka. Culture. Society*. 2022;28(2):57-69. - DOI 10.19181/nko.2022.28.2.5. (In Russ.)

4. Ugnich E. A., Zmiyak K. V., Ignatova T. V., Frank E. V., Karsuntseva O. V. Emergency Distance Learning at the University: Features of Applied Technologies. *Advances in Science, Technology and Innovation*, 2022: 753-759 https://www.scopus.com/inward/record.uri?eid=2-s2.0-85132927060&doi=10.1007%2f978-3-030-90324-4_122&partnerID=40&md5=DOI:10.1007/978-3-030-90324-4_122

5. Tsygalov Y. M. Effects and Risks of Distance Education in Higher School. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management Consulting*. 2020;10(142):61-73. - DOI 10.22394/1726-1139-2020-10-61-73. (In Russ.)

6. Old challenges of new forms of learning: lessons from the first half of 2020. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie = Management Consulting*. 2020;6(138):8-9. - DOI 10.22394/1726-1139-2020-6-8-9. (In Russ.)

7. Sorokopud Y. V., Borisevich M. M. Specificity of professional training in the conditions of online education. *Mir nauki, kul'tury, obrazovaniya = The World of Science, Culture, Education*. 2019;5(78):225-226. - DOI 10.24411/1991-5497-2019-00094. (In Russ.)

8. Velikaya T. V. Digitization of educational activities during coronavirus infection. *Nauka. Kul'tura. Obshchestvo = Science. Culture. Society*. 2022;28(2):70-80. - DOI 10.19181/nko.2022.28.2.6. (In Russ.)

Информация об авторах

Я. Г. Зинченко – канд. социол. наук, доцент кафедры социологии ЮРИУ РАНХиГС;

А. С. Рева – призер конкурса лучших студенческих работ Майских социологических чтений «Продолжая традиции научной школы профессора Зинченко Г. П.», студент ЮРИУ РАНХиГС;

А. Д. Тур – победитель конкурса лучших студенческих работ Майских социологических чтений «Продолжая традиции научной школы профессора Зинченко Г. П.», студент ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

Ya. G. Zinchenko – Candidate of Sociological Sciences, Assistant Professor of the Department of Sociology of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА;

A. S. Reva – Student of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА;

A. D. Tur – Student of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 19.07.2022; одобрена после рецензирования 28.07.2022; принята к публикации 01.08.2022.

The article was submitted 19.07.2022; approved after reviewing 28.07.2022; accepted for publication 01.08.2022.

Научная статья

УДК 316.7:81.272

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-255-260

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ И ГЕОПОЛИТИКА (РЕТРОСПЕКТИВНЫЙ АНАЛИЗ)

Динара Нургалиевна Иванова¹, Вера Ивановна Немчина²

^{1,2}Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹dina0901@yandex.ru

²nemchinavera@yandex.ru

Аннотация. Проблема многоязычия не просто как лингвистическое явление, а как комплексный феномен всегда привлекала повышенное внимание исследователей. В данной статье рассмотрены примеры того, как конкретные мероприятия в области языковой политики влияют на формирование геополитического пространства. В фокусе внимания авторов работы оказались территории бывшего Советского Союза и Соединенного Королевства Великобритании и Северной Ирландии. Оба региона характеризуются как полиязычные и многонациональные. И не вызывает сомнения тот факт, что оба государства сделали много практически ценных шагов, обусловленных конкретной исторической эпохой, по регулированию языковых ситуаций. В этом контексте изучение этой проблемы приобретает особую актуальность.

Ключевые слова: язык, геополитика, языковая ситуация, ретроспективный анализ, языковая ассимиляция, языковая идентичность, культурный плюрализм, периферийные регионы, малые языки

Для цитирования: Иванова Д. Н., Немчина В. И. Языковая ситуация и геополитика (ретроспективный анализ) // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 255–260. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-255-260>

Sociology Problems

Original article

LINGUISTIC SITUATION AND GEOPOLITICS (RETROSPECTIVE ANALYSIS)

Dinara N. Ivanova¹, Vera I. Nemchina²

^{1,2}Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

¹dina0901@yandex.ru

²nemchinavera@yandex.ru

Abstract. The problem of multilingualism not just as a linguistic phenomenon, but as a complex phenomenon has always attracted the attention of researchers. This article discusses examples of how specific events in the field of language policy affect the formation of the geopolitical space. The focus of the authors' attention is on the territories of the former Soviet Union and the United Kingdom of Great Britain and Northern Ireland. The both regions are characterized as multilingual and multinational. And there is no doubt that the both states have made many practically valuable steps, conditioned by a specific historical epoch, to regulate language situations. In this context, the study of this problem becomes particularly relevant.

Keywords: language, geopolitics, language situation, retrospective analysis, linguistic assimilation, linguistic identity, cultural pluralism, peripheral regions, small languages

For citation: Ivanova D. N., Nemchina V. I. Linguistic situation and geopolitics (retrospective analysis). *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):255–260. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-255-260>

Основной целью настоящей работы является изучение влияния языковой политики на формирование геополитического пространства, причем в фокусе исследования оказались исторический опыт Великобритании и бывшего Советского Союза. Мы бы хотели начать наши рассуждения с небольшого экскурса в прошлое, что помогло бы, на наш взгляд, выстроить четкую авторскую концепцию по заявленной авторами тематике.

До конца XIX века национальные пространства по всему миру состояли из отдельных, зачастую практически изолированных сообществ. Так, например, Российская империя того периода включала себя вассальные государства – Хивинское ханство и Бухарский эмират, автономную Финляндию и т.д.

Кроме того, официальная государственная концепция не строилась на каком-либо национальном принципе, в том числе и в языковых вопросах. «В большинстве этнорегионов – преимущественно восточных, а также в Польше, Финляндии – проводилась политика невмешательства в национальную жизнь вполне в духе цивилизованного европейского либерализма [1]. Хотя, возможно, такая характеристика языковой политики того времени была бы слишком упрощенной.

Как правило, «невмешательство в национальную жизнь» инородцев было свидетельством не проявления политики «европейского либерализма», а освоения в недостаточной мере регионов. Доказательством данного тезиса может служить как раз геополитический ракурс исследования. Все регионы, которые характеризовались относительной автономностью в области языка, были в территориальном плане достаточно удалены от политического центра. В Российской империи примерами таких регионов, в первую очередь, являются уже упомянутые выше Финляндия, Польша, Урянхайский край (ныне Тува), Бухарский эмират. А на территории Европы такая политика, с той или иной степенью интенсивности, проводилась в отношении басков на Иберийском полуострове, фризов в Нидерландах и кельтов в Великобритании.

Однако в начале XX века происходит резкий поворот политических взглядов правящей элиты, особенно в Европе, и в свете этих радикальных изменений лингвистическое разнообразие признается реальной угрозой единству нации. В целях устранения этого угрожающего национальной интеграции разнообразия правящая этническая группа взяла курс на проведение полной языковой и культурной ассимиляции, применяя весь арсенал имеющихся в запасе ресурсов, поощрений и символической власти, чтобы повлиять непосредственно на механизм взаимодействия людей.

В первой половине XX века осуществление именно такой стратегии языковой политики было характерно для большинства регионов Европы и СССР. В то время многие специалисты искренне верили в то, что со временем произойдет полная ассимиляция с доминирующей национальной культурой [2]. Сейчас уже это общепризнанный факт, что в процессе проведения ассимиляторской политики не произошло полной потери этнической идентичности, и, следовательно, культурный плюрализм сохраняет достаточно прочные позиции во всем мире.

В целом что-то прогнозировать в этой области дело неблагодарное. Вспомним известный прогноз Ф. Энгельса о неизбежной ассимиляции чехов и хорват [3]. Динамика развития культурного плюрализма сейчас бросает вызов государственной власти в плане обеспечения национальной целостности.

Требования нацменьшинств повлиять на формирование национальной политики с целью защиты основных прав и свобод часто являются отражением признания данным национальным меньшинством важности языкового фактора для данной этнической группы, особенно в условиях, когда язык большинства является мажоритарным и считается потенциальной угрозой их этнической идентичности. Для такой группы нацменьшинства законодательство в области языкового планирования становятся важным инструментом поддержки их этнолингвистической жизнеспособности.

Ниже мы бы хотели привести несколько примеров попыток повлиять на проводимую национальную политику в языковом поле, которые иллюстрируют данное утверждение. Мы решили в качестве примеров кратко описать исторический опыт по проведению языковой политики в периферийных регионах на территории бывшего СССР и Великобритании.

Уэльс и Шотландия в Великобритании, так же, как и многочисленные регионы на территории бывшего Советского Союза, занимают периферийное положение по отношению к политическому и экономическому центру. В XIX веке языки многих малых этносов имели стабильные позиции, но в результате ассимиляторской политики резко сократилось как количество потенциальных и реальных носителей этих языков, так и количество сфер их употребления. Более того, национальные меньшинства, проживающие в периферийных регионах многонациональных государств, часто просто не имеют возможности повлиять на проницаемость собственных границ, чтобы воспрепятствовать аккультурации.

Урбанизация, индустриализация, доступные и быстрые средства сообщения и увеличение мобильности населения – все эти факторы способствовали ускорению процессов аккультурации

и языковой ассимиляции. Необходимо особо отметить роль телевидения как мощного инструмента формирования желаемой реальности, в том числе и желаемой языковой ситуации через выбор языка телевидения. Процессы конвергенции времени и пространства, охватившие большинство регионов по всему миру, ускоряются и разрушают культурную и языковую идентичность периферийного национального меньшинства.

В противовес ассимиляторской политике националисты стремятся выстроить политику территориального контроля, установив формальные границы. Такие попытки, например, были предприняты националистами из Уэльса, которые создали своего рода «валлийскую крепость», препятствующую проникновению английского языка в их регион. В основе самой идеи лежало стремление оградить немногочисленных к тому времени монолингвов, говорящих только по-валлийски, от контактов с англоязычным большинством.

Некоторые специалисты выступили против проведения подобной политики [4]. Опираясь на данные последующих переписей населения, они пришли к неутешительным выводам, что «зона крепости» превратилась в «зону упадка», и на пограничной территории английский язык практически полностью вытеснил валлийский даже в бытовой сфере, традиционно закрепляемой ранее за последним. Эти специалисты связали полученные данные в отношении изменений в языковом поле с информацией, поступившей в ходе переписи населения.

Другими словами, они наложили языковые данные на переменные различного рода, такие как образование, религия, культура и т. д.

Вывод, к которому пришли эти исследователи, звучал следующим образом: «С целью повышения эффективности языковое планирование должно быть функциональным, а не формальным (как в случае с «валлийской крепостью») и должно согласовываться с реформированием социоэкономических условий данного языкового сообщества» [4]. Таким образом, необходимо обеспечить институциональную поддержку миноритарного языка через функционирование школ, церквей и других государственных учреждений на этом языке чтобы оптимизировать эффективность проводимой языковой политики в периферийных регионах.

Мы обратились к данным исследования Г. Льюиса, в фокусе которого был компаративный анализ языковых ситуаций в Советском Союзе и Уэльсе. Несомненно, Советский Союз имел свою специфику, связанную, в первую очередь, с существованием на территории огромного количества разных языков. Однако в общих чертах языковая ситуация в СССР не столь уж радикально отличалась от той, что была в других многонациональных государствах. Различались скорее количественные параметры проводимой языковой политики, а не качественные. Поэтому мы согласны с Г. Льюисом, который обратил внимание на явное тождество как объективных факторов, так и государственных мероприятий.

Функционирование валлийского или, скажем, шотландского языка оказывается схожим на ту ситуацию, в которую попали многие языки народов бывшего Советского Союза. Так, например, Г. Льюис указывал на сходство двуязычного образования в СССР и Уэльсе и на то, что многие носители миноритарных языков на территории всей Великобритании, сохраняя их использование в быту, не желают читать на каком-либо другом языке, кроме английского, и не знают грамоты на своих материнских языках. Таким образом, имеет место диглоссия, при которой функции мажоритарного и миноритарного языков четко распределены. Для валлийцев и шотландцев их этнические языки сегодня зачастую представляются непрестижными. Такая же ситуация была типична для большинства малых народов СССР. Исключение составляла национально ориентированная интеллигенция, но она, как правило, была довольно немногочисленна.

Впрочем, низкая престижность в той или иной степени свойственна и диалектам. Возьмем, к примеру, шотландский диалект английского языка (так называемый скотс). Данный диалект всегда имел устойчивые позиции в сельской местности, а также использовался в художественной литературе. Так, всемирно известный поэт Р. Бернс использовал этот диалект для создания своих произведений. Грант даже сравнил шотландский диалект с украинским языком, указав на совпадение сфер употребления данных идиомов и наличие диглоссной ситуации. Тот же Грант указал и на отличие, а именно тот факт, что шотландский диалект, в отличие от украинского, не имел официального статуса [6]. Конечно, это сравнение не совсем верно, поскольку данные идиомы не сопоставимы по своим масштабам, но вполне можно согласиться с тем фактом, что языковые ситуации в периферийных регионах часто не имеют национальной специфики.

Необходимо отметить, что вынужденный или добровольный отказ от каких-то идиом в том или ином регионе не подразумевает отказа от национальной культуры во всем ее многообразии, если его место заполняется нормированным вариантом того же языка. Именно так и произошло в советское время произошло со значительной частью русских. в периферийных регионах. Если же отказ от диалекта связан с переходом на другой язык, то приобщение к новой культуре меняет позиции этноса в целом. «В настоящее время до 50% карелов, более 30% башкир, коми, мордвы, удмуртов, 20-25% чувашей и марийцев признают родным русский язык. Только за период 1970-1989 гг. доля утративших владение русским языком бурятов, коми, марийцев, удмуртов, чувашей, якутов увеличилась вдвое, а карелов и мордвы – в полтора раза» [7, с. 34]. Особенно актуальны эти языковые сдвиги и предпочтения в младших возрастных группах. Еще в 1959 г. мордовским языком владело лишь 39% мордовских детей до 9 лет и 42% – в возрасте 10-19 лет [8].

Генерационный анализ языковых предпочтений имеет очень важное значение для определения основных тенденций развития языковой ситуации в регионе. Предпочтительное использование мажоритарного языка представителями младшей возрастной группы свидетельствует о возможной скорой утрате, в той или иной степени, этносом своей языковой идентичности и, в конечном счете, культурной тоже.

Подобный процесс, как правило, принято связывать с политикой центра и местных властей. Конечно, как и в случае с Уэльсом, в данных периферийных регионах имели место процессы аккультурации, ускоренные типичной для нового времени конвергенцией времени и пространства. Однако нельзя сбрасывать со счетов и проведение ряда конкретных мероприятий, контролируемых сверху, в области русификации. Особенно это относится к свертыванию обучения на материнских языках. Так, карелы²⁶ потеряли национальные школы в 1956-1958 гг., буряты – по решению обкома в 1960г., калмыки – в начале 60-х гг., кабардинцы и балкарцы – в 1965/1966 учебном году [9]. К началу 1970-х годов на Северном Кавказе обучение на местных языках сохранилось только в Дагестане, и то лишь начальное и в сельской местности [10]. Всего в РСФСР в начале 60-х гг. еще существовало школьное обучение на 47 языках; однако к 1982 г. языков обучения осталось только 17 [11]. Сходные процессы происходили и во всех остальных республиках СССР. Так, с 1939 по 1962 гг. количество языков школьного образования в Узбекской ССР уменьшилось с 22 до 7 [12].

Понятно, что услышать открыто националистические лозунги во времена СССР было совершенно нереально. Однако нельзя не согласиться, что языковая политика, хотя бы отчасти, контролировалась снизу. Официальная политика, направленная на закрытие национальных школ, мешала, в первую очередь, развитию литературного языка, но практически не влияла на функционирование диалектов и просторечий. Почти во всех национальных образованиях поддерживалось на местном уровне функционирование прессы. Так зачастую было организовано, хотя бы на символическом уровне, радио- и телевидение на миноритарных языках; многие малые народы имели собственные театры.

Роль националистически настроенных валлийцев могла в бывшем Советском Союзе сыграть национально ориентированная интеллигенция, проживающая в периферийных регионах. Однако, как правило, эта часть населения имела мало влияния и малое количество представителей. Поэтому в основном контроль за осуществлением языковой политики велся сверху, и не всегда проводимые меры в полной мере соприкасались с реальной жизнью. Школьное образование, несомненно, напрямую затрагивает быт людей, однако издание книг может осуществляться чисто по идеологическим соображениям. Так, издание книг на миноритарных языках было в те годы более или менее стабильным. Имелось и определенное количество писателей, создающих произведения на этих языках. Гораздо сложнее при проведении языковой политики сверху контролировать число читателей, желающих ознакомиться с этими произведениями. Как раз читателей во все времена катастрофически не хватало. Отсюда понятна современная тенденция уменьшения издания книг и других печатных изданий на миноритарных языках. Иначе и не может быть во времена рыночной экономики.

В периферийных этнолингвистических сообществах люди селятся фрагментарно, следовательно, националистические цели касаются, главным образом, сохранения и поддержания основных сфер использования малых языков. Естественно, языковое употребление также носит фрагментарный характер, так как население часто сталкивается с необходимостью использовать мажоритарный язык за пределами своего сообщества, поскольку последний, как правило,

оказывается языком торговли и ведения бизнеса. Создавшуюся языковую ситуацию в периферийных регионах можно охарактеризовать как «субтрактивный билингвизм», при котором материнский язык национального меньшинства постепенно вытесняется мажоритарным языком за счет увеличения сфер его использования.

Высокую степень устойчивости и жизнеспособности демонстрируют языки, границы употребления которых остаются в какой-то степени непроницаемыми для внешнего воздействия. Примером такой жизнеспособности может выступить мордовский язык, который существует, несмотря на тысячелетнее неравное соперничество с русским [13]. Данная устойчивость объясняется, в первую очередь, социоэкономическими и географическими факторами. Носители мордовского языка, как правило, селятся в сельской местности. А условия проживания, характерные для сельских жителей, поддерживают тенденцию сохранения традиционных материнских языков в сфере бытового общения. Не все национальные меньшинства занимают периферийное географическое положение в многонациональных государствах. Существуют довольно многочисленные примеры этнолингвистических групп, окруженных национальным большинством, как, например, фламандцы и валлоны в Бельгии. Несмотря на географическое положение Лапонс [14] полагает, что в многонациональном государстве миноритарный язык неизбежно оказывается в более неустойчивом положении и не имеет независимого статуса, что, в свою очередь, разрушает язык в ходе постоянной и неравной борьбы с мажоритарным языком, играющим роль лингва франка во всем государстве. Даже при условии того, что миноритарный язык получает официальный статус, он никогда не сможет получить привилегий в сферах делопроизводства и школьном образовании, где ему, как правило, отводится лишь символическая роль.

Чтобы избежать ассимиляции, представители национальных меньшинств должны стремиться к тому, чтобы утвердиться в своей этничности. Такое стремление может манифестироваться в требованиях усилить контроль в регионе. Такой контроль может включать в себя ограничение или полное исключение употребления мажоритарного языка в пределах данного языкового сообщества. Чем выше географическая концентрация языка через осуществление последовательного контроля проницаемости лингвистических границ, тем меньше угрозы со стороны мажоритарного языка этнолингвистической витальности данной группы населения, а, следовательно, их этнической идентичности.

Выводы, которые можно сделать из наших утверждений, следующие:

- факторы, способствующие устойчивости миноритарных языков, как правило, не имеют национальной специфики, и их витальность может целенаправленно поддерживаться как сверху, так и снизу.
- в условиях многонационального государства больше шансов выжить у тех языков, которые получают последовательную государственную поддержку. Те же языки, которые поддерживаются исключительно приверженностью населения местным культурным традициям, имеют мало шансов на выживание в условиях пограничных регионов.

Список источников

1. Прусаускас А. Развал России – это политический блеф // Независимая газета. 1993. URL: <https://www.ashurbeyli.ru/media/article/razval-rossii---eto-politicheskiy-blef-17968>
2. Deutsch K.W. Nationalism and social communication: An inquiry into the foundations of nationality. mit Press, 1966. Т. 34. 312 p.
3. Маркс К., Энгельс Ф. Собрание сочинений. Изд. 2-е. М. 630 с.
4. Ambrose J.E., Williams C.H. On the special definition of minority: Scale as an influence on the geolinguistic analysis of Welsh. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1981. Pp. 53-71.
5. Lewis E. G. Movements and agencies of language spread: Wales and the Soviet Union compared // Language spread: Studies in diffusion and social change. 1982. Т. 214. С. 59.
6. Grant N. Mechanisms: policy formation and implementation // Language planning in the Soviet Union. Palgrave Macmillan, London, 1990. С. 64-84.
7. Баскаков А.Н. Социоллингвистический анализ языковой ситуации в регионе Средней Азии и Казахстане. Нукус: Билим. 1992. 48 с.
8. Lewis G. Implementation of language planning in the Soviet Union // Progress in Language Planning: International Perspectives. Berlin–New York–Amsterdam: Mouton. 1983. С. 309-326.
9. Намжилов Ц.Н. Языковая ситуация в республике Бурятия // Независимая газета. 1994.
10. Silver B. D. The status of national minority languages in Soviet education: An assessment of recent changes // Soviet studies. 1974. Т. 26. №. 1. С. 28-40.

11. Кузнецов Г.Д., Чехоева С.А. Национальные школы РСФСР в современных условиях // Советская педагогика. 1982. № 8. С.50-54.
12. Ханазаров К.Х. Сближение наций и национальные языки в СССР. Автореферат дис. на соискание ученой степени доктора философ. наук / Акад. наук СССР. Ин-т философии. Москва: 1963. 47 с.
13. Kreindler I. T. The non-Russian languages and the challenge of Russian: The Eastern versus the Western tradition // Sociolinguistic perspectives on Soviet national languages. De Gruyter Mouton, 2015. С. 345-368.
14. Laponce J. A. Languages and their Territories. University of Toronto Press, 1987.

References

1. Prazauskas A. The collapse of Russia is a political bluff. *Nezavisimaya gazeta = Independent newspaper*. 1993. Available from: <https://www.ashurbeyli.ru/media/article/razval-rossii---eto-politicheskiy-blef-17968> (In Russ.)
2. Deutsch K. V. Nationalism and social communication: a study of the basics of nationality. mit Press, 1966. Vol. 34. 312 p.
3. Marx K., Engels F. Collected works. Ed. 2. Moscow. 630 p. (In Russ.)
4. Ambrose J.E., Williams K.H. *On the special definition of a minority: scale as an influence on the geolinguistic analysis of the Welsh language*. Edinburgh: Edinburgh University Press. 1981. pp. 53-71.
5. Lewis E. G. Movements and factors of language dissemination: a comparison of Wales and the Soviet Union. *Language dissemination: studies in the field of dissemination and social change*. 1982;(214). p. 59.
6. Grant N. *Mechanisms: formation and implementation of policy. Language planning in the Soviet Union*. Palgrave Macmillan, London, 1990:64-84.
7. Baskakov A.N. *Sociolinguistic analysis of the linguistic situation in the region of Central Asia and Kazakhstan*. *Hykyc: Bilim*. 1992. 48 p. (In Russ.)
8. Lewis G. Introduction of language planning in the Soviet Union. In: *Progress in language planning: international perspectives*. Berlin–New York –Amsterdam: Mouton, 1983:309-326.
9. Namzhilov Ts. N. Language situation in the Republic of Buryatia. *Nezavisimaya gazeta = Independent newspaper*. 1994. (In Russ.)
10. Silver B. D. The status of national minority languages in Soviet education: assessment of recent changes. *Soviet Studies*. 1974;26(1):28-40.
11. Kuznetsov G. D., Chekhov S. A. National schools of the RSFSR in modern conditions. *Sovetskaya pedagogika = Soviet pedagogy*. 1982; 8: 50-54. (In Russ.)
12. Khanazarov K. H. *Rapprochement of nations and national languages in the USSR*. Abstract of the dis. for the degree of Doctor of Philosophy / Academy of Sciences of the USSR. In-t philosophy. Moscow: 1963. 47 p. (In Russ.)
13. Kreindler I. T. Non-Russian languages and the problem of the Russian language: Eastern tradition versus Western. *Sociolinguistic perspectives of Soviet national languages*. De Gruyter Mouton, 2015. pp. 345-368.
14. Lapons J. A. *Languages and their territories*. University of Toronto Press, 1987.

Информация об авторах

Д. Н. Иванова – канд. социол. наук, доц. Института филологии, журналистики и межкультурной коммуникации ЮФУ;

В. И. Немчина – канд. социол. наук, доц. Института социологии и регионоведения ЮФУ

Information about the authors

D. N. Ivanova – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Institute of Philology, Journalism and Intercultural Communication of Southern Federal University;

V. I. Nemchina – Candidate of Sociological Sciences, Associate Professor of Institute of Sociology and Regional Studies of Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 21.06.2022; одобрена после рецензирования 14.07.2022; принята к публикации 15.07.2022.

The article was submitted 21.06.2022; approved after reviewing 14.07.2022; accepted for publication 15.07.2022.

Научная статья

УДК 1:316:37

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-261-266

ДИАЛОГ КАК ОСНОВА ОБРАЗОВАНИЯ И ОБЩЕСТВА: ОБРАЩАЯСЬ К НАСЛЕДИЮ МАРТИНА БУБЕРА

Нина Сергеевна Котова¹, Софья Сергеевна Дукян²

^{1,2}Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

¹ninakotova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5715-3495>

²duksofia@mail.ru

Аннотация. Известный в прошлом столетии философ, мыслитель, выдающийся представитель экзистенциализма и педагог Мартин Бубер оставил глубокое наследие: эволюцию философии диалога и новое восприятие человека, его обучения, роли педагога в становлении характера человека, личности в период поиска новых ценностей, духовных оснований и ориентиров в условиях сложной современной социальной реальности, необходимости диалога для осмысления сложной реальности и поиска возможностей для адекватного понимания настоящего и будущего. В статье рассматривается роль непрерывного образования и педагога во времена социальных, политических и иных перемен. В статье рассматривается диалоговая философия образования Бубера, которая остается неизменно актуальной для всех сфер общества, и направлена на то, чтобы научить учащихся быть людьми, интеллектуалами, понимать свое личное присутствие как уникальную реальность, взаимодействующую с обществом.

Ключевые слова: Мартин Бубер, философия образования, диалоговое образование, диалоговое обучение, непрерывное образование

Для цитирования: Котова Н. С., Дукян С. С. Диалог как основа образования и общества: обращаясь к наследию Мартина Бубера // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 261–266. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-261-266>

Sociology Problems

Original article

DIALOGUE AS THE BASIS OF EDUCATION AND SOCIETY: TURNING TO THE LEGACY OF MARTIN BUBER

Nina S. Kotova¹, Sofia S. Dukyan²

^{1,2}South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

¹ninakotova@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-5715-3495>

²duksofia@mail.ru

Abstract. Well-known in the last century, philosopher, thinker, outstanding representative of existentialism and educator Martin Buber left a rich heritage: the evolution of the philosophy of dialogue and a new perception of a person, his education, the role of a teacher in the formation of a person's character, personality in the period of searching for new values, spiritual foundations and guidelines in conditions complex modern social reality, the need for dialogue to comprehend the complex reality and search for opportunities for an adequate understanding of the present and future. The article discusses the role of lifelong education and the teacher in times of social, political and other changes. The article discusses Buber's dialogue philosophy of education, which remains invariably relevant for all spheres of society, and aims to teach students to be people, intellectuals, to understand their personal presence as a unique reality that interacts with society.

Keywords: Martin Buber, philosophy of education, dialogue education, dialogue learning, continuous education

For citation: Kotova N. S., Dukyan S. S. Dialogue as the basis of education and society: turning to the legacy of Martin Buber. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(3):261–266. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-261-266>

Мартин Бубер — универсальный гений, мысль которого не поддается поверхностному объяснению: философ, известным своим «Я и ты» и философией диалога, глубокими мыслями об образовании, воспитании характера человека актуальны сегодня не меньше, чем в прошлом столетии. Основополагающие тексты философии диалогического образования Бубера были опубликованы почти столетие назад, тем не менее его мышление продолжает резонировать с современными целями образования как взрослых, так и детей. В области образования педагогическое влияние Бубера несомненно значительно. Однако наследие Бубера заключается не в его систематической педагогике, а в его характеристике преобразующих отношений между педагогом и учащимся, в которых ожидается, что педагог возьмет на себя ведущую роль, проявляя «подлинную взаимность, честность, заботу» и активное участие в процессе обучения [1]. Его теория познания как критической, рефлексивной, свободно ориентированной, но исторически обоснованной деятельности вносит значительный вклад в современные концепции преподавания и обучения.

С ростом технологизации, цифровизации и внедрением возможностей искусственного интеллекта в учебный процесс, диалогическая философия образования Бубера позволяет вернуться к пониманию ведущей роли взаимодействия педагога и учащегося в учебном процессе, основанного на диалоге и различиях между Я-Ты и отношениях Я-Оно [2], преодолении этих различий, развитии исследований диалога с целью понимания Другого и разрешения конфликта [1]. Бубер утверждал, что по мере взросления убеждения человека меняются в зависимости от его образования и накопленного опыта (формального и неформального). Следовательно, диалог имеет решающее экзистенциальное значение в достижении зрелости самого человека и существовании общества в целом.

В рамках исследования не будем ссылаться на религиозный аспект мыслей Бубера, а обратимся к его идеям в области образования, в частности трех видов диалога в приложении к современным реалиям:

1) диалог подлинный, или отношения Я-Ты, в котором каждый из участников имеет общается и взаимодействует с Другим (другими) в надежде на подлинные взаимоотношения, формируемые за счет образования;

2) диалог технический, или отношения Я-Оно, вызванный необходимостью объективного понимания, например в профессиональном обучении. Именно здесь обнаруживаются, например, в профессиональном обучении;

3) внутренний диалог, в котором каждый говорит с Другим, но без подлинного участия.

Идеи Мартина Бубера актуальны в широком смысле и в отношении непрерывного образования в интеллектуальной, эмоциональной и нравственной сферах [3]. По мнению Бубера, оно должно не просто добавлять знания (то есть представлять собой обучение), но должно развивать мышление учащихся, воздействовать на их характер и их существование» [4]. Трактуя возможности непрерывного образования как формирования личности, Бубер, занимаясь образованием взрослых более 50 лет, искал ответы на такие вопросы: можно ли воспитывать взрослых людей, чья личность и культура уже сформировался, как преодолеть противоречие между «обучаемостью и преемственностью» в обучении взрослых и т.д. На каждый вопрос в работах Бубера есть положительный ответ: во-первых, «первичное образование» происходит на ранних этапах жизни (детство, подростковый возраст), когда «молодежь слишком рано вступает в общественную жизнь», то есть молодежи присуще «воображаемое» понимание реальности и неоправданная самоуверенность [4]; во-вторых, «первичная формация» (первичное образование) недостаточно для установления действительно взрослой личности, способной критически и самостоятельно анализировать действительность. По этой причине у детей необходимо развивать «два автономных инстинкта» – инстинкты создателя (учить ребенка познавать себя и мир) и инстинкты общения (учить понимать «взаимность и отличие», тем самым готовя его к «Я-Ты», истинному диалогу) [5]. Бубер подчеркивает, что воспитание одного

лишь первого инстинкта готовит человека к одиночеству. Понимая образование как «выбор человеком эффективного мира» [6], Бубер выступает за активную роль учащегося в как в обучении, так и в выборе и построении собственных знаний. Вместо накопления знаний путем зубрежки он предлагает непосредственный опыт, конструктивную критику. Цель обучения, по Буберу, состоит в том, чтобы превратить объективное знание в «активное». Воспитание эффективно, когда происходит личное повторное переживание и человек по-новому открывает себя. Роль педагога в диалоговом обучении - побуждение учащегося к самообучению и самосовершенствованию, к стремлению реализовывать и актуализировать индивидуальное «я» в мире отношений, а также выстраивание отношений, которые не могут быть построены на базе индивидуальной идентичности.

Непрерывное образование, по мнению Бубера, должно реструктурировать знания, отношения и поведение человека на качественно новом уровне, так как взрослый человек обладает более высоким порядком готовностью к образованию: осознаются недостатки знаний, взглядов, не хватает навыков решения новых проблем, выхода из критических ситуаций. Все это побуждает взрослого человека учиться: неудовлетворенность и кризис являются стимулирующим фактором в получении непрерывного образования [7]. Главная задача непрерывного образования - реакция на истинную культурно-историческую ситуацию.

Реализовать диалогическое образование на практике достаточно трудно, так как оно не должно фокусироваться только на «индивидуальных функциях» человека (знаниях и навыках). По Буберу, подлинное образование рассматривает человека «как единое целое» и сосредотачивается на «воспитании характера». Характер – это и есть сам человек, его существо, «действия и отношения» [8]. Бубер определяет характер четырьмя терминами: «актуальность» или «реальность» и «возможности» или «потенциальность» [8]: первые два термина относятся к способности и готовности человека воспринимать и принимать действительную реальность в его жизни, вторые два - ответственность человека за реализацию жизни, исходя из потенциала человека и сложившейся ситуации. Фактически, Бубер говорит о «личной ответственности» человека [8], еще одному ключевому концепту в понимании характера. «Индивидуальная ответственность существует только там, где есть реальная реакция» [8]. Следовательно, «реакция» человека – это существенное измерение его существования. Обладать «характером», по Буберу, означает, что человек воспринимает реальность как призыв и «ответственно» реагирует. Поэтому образование должно вести к «подлинной реальности», к ее постижению [9]. Далее Бубер делает вывод, что зрелый человек осознает свои притязания и принимает, и раскрывает то, что он или она хочет видеть. «на самом деле есть». Ведь когнитивное знание не формирует характер, не помогает объяснить, что такое хорошо и что такое плохо. Человеку нужен педагог, который обращается к учащемуся таким образом, чтобы спровоцировать ответ (диалог Я-Ты) и в конечном счете ответ должен не только прозвучать, а реализоваться в форме действия, соответствующего реалии. Для такого воспитания характера необходимо личное обучение, общение, взаимодействие.

Диалоговое обучение не может быть реализовано исключительно взаимодействием Я-Оно (в современных реалиях онлайн обучение). Навыки и знания, согласно Буберу, приобретаются посредством диалога. «Сердцем образования является дискурс: диалог вопроса и ответа, в котором обе стороны спрашивают и обе стороны отвечают; диалог совместного изучения преподавателем и учащимся человека, природы, искусства и общества; диалог истинной дружбы, в которой промежутки молчания не менее диалогичны, чем разговорная речь [9]. В диалоге общение является «центральным», а язык становится мощным средством в процессах смыслообразования: «говорение и слушание необходимы для любого истинного общения, для действительно эффективного обучения» [10]. Диалог проходит через участников образовательного процесса, а они через него. Следовательно, диалог находится не в любом или даже в каждом отдельном участнике, а скорее в несоизмеримом целом, суммарном каждого.

Центральную, формирующую и дисциплинирующую роль в обучении и воспитании Бубер отводит педагогу. Учителя Бубер сравнивает с «фильтром», который не только «стоит в противоречии со старым (традиционным) образованием», но берет на себя главную ответственность за то, чтобы оказывать влияние на учащихся, за развитие их возможностей [11]. Допуская иерархичность отношений учитель-ученик (учитель может «постичь» своих учеников, но его ученики «неспособны» «постичь» своего учителя), Бубер настаивает на диалогичности

педагогической сферы: учитель должен стоять одновременно на двух полюсах образовательной сцены: своем и ученика; быть полностью экзистенциально вовлеченным в работу со своими учениками и вести с ними взаимный творческий диалог Политцер [12]. Бубер писал: «Для воспитания персонажей вам нужен не нравственный гений, а... человек, полностью живой и способный напрямую общаться со своими братьями» [13]. Диалоговое образование направлено на то, чтобы научить учащихся быть как людьми, так и интеллектуалами, используя такие методы, как диалог и процесс критического осмысления, понять свое личное присутствие как уникальную реальность, взаимодействующую с сообществом и затем с обществом. Важно отметить, что Бубер призывает людей получать образование на протяжении всей жизни. Он признавал процесс «социальной трансформации» и требовал, чтобы люди оставались открыты социальным переменам.

В непрерывном образовании педагог несет ответственность за создание межличностной и общей реальности. Этого можно добиться с помощью особой вариации отношений Я-Ты, которую Бубер называет «включением» (взаимность в отношениях педагога и учащегося), «Включение» Оно не зависит от атмосферы или чувств, не зависит от атмосферы, но не представляет собой технологию. Это установка, которая выражается в поведении. Включение состоит из нескольких элементов:

- диалогическое отношение, которое включается каждый раз, когда студент и педагог встречаются как два человека, что может выходить за рамки конкретного профессионального дискурса, но не противоречит обучающей ситуации, так как именно педагог стимулирует или тормозит диалог;

- «событие, переживаемое совместно», или образовательная ситуация, в которой педагог несет ответственность и жертвует своим Я как эго, своим представлением о себе и т.д.;

- «воображение реальности другого», то есть педагог в реальности своей деятельности одновременно переживает общее событие с точки зрения другого» (учащегося). Воспитатель, пишет Бубер, переживает процесс воспитания ученика, но воспитанник не может переживать тот же процесс по отношению к педагогу. Педагог стоит по обе стороны общей ситуации, ученик только на одном конце [14].

Педагог может представить себе реальность ученика всякий раз, когда он открывается другому, и готов «войти в свою инаковость», сохраняя при этом свою обособленность. Это не идентификация, поскольку на протяжении всего процесса педагог сохраняет свою собственную точку зрения, в то же время имея возможность испытать точку зрения ученика. Это и не эмпатия, ибо эмпатия не всегда связана с конкретной реальностью участия в общей ситуации. Воображение реальности другого расширяет конкретную реальность и имеет онтическое значение. Это своего рода восприимчивость педагога к учащемуся как к единственному во всей его полноте. Это представляет собой особую структуру включенности (человек остается самим собой и в то же время переживает другого).

В обязанности педагога входит передача и воспитание ценностей. Целью непрерывного образования становится «самоактуализация», выражение своего творческого потенциала, однако, по мнению Бубера, не может быть достаточной. Диалог между одним человеком и другим, между человеком и окружающим миром есть ценность, которую педагог должен прививать своим ученикам, что в результате формирует осознание учащимся принадлежности к человеческому сообществу, а также связанных с этим обязанностей и ответственности. При этом педагог берет на себя ответственность перед учащимися как людьми, обеспечивает разрыв диалога между собой и ими, а также свой внутренний диалог.

Таким образом, диалоговое образование представляет собой основу воспитания. Несмотря на симметричность отношений педагог-учащийся в образовании взрослых, принцип «включенности» сохраняется. Только в таком формате возможно реализовать то, что Бубер называет Образованием, а не простую передачу знаний. Например, как лекция в записи, где нет живого присутствия преподавателя, и студенты пассивно слушают преподавателя без какого-либо участия. В подобной ситуации ни педагог не может «включить» учащихся, ни они не могут взаимно включить педагога в свой образовательный опыт. В диалоговом образовании при «включении» педагог слушает своих учеников и меняется вместе с ними, открывает путь к преобразующему опыту. Педагог «сжимает» себя как часть воображения реальности ученика и освобождает место для его уникальной инаковости, но в то же время актуализирует свое собственное бытие [14].

Таким образом, вклад педагога в своих учеников выходит за рамки простой передачи знаний и банальной образовательной ситуации. По выражению Дэвида Бома, диалог подразумевает «новый тип разума» и приводит пример диалога на лекции: студенты полагали, что будет серия лекций, а затем обсуждения с упором на содержание, но вскоре выяснилось, что будет «нечто более важное – пробуждение процесса, сам диалог как свободный поток смысла между всеми участниками»; если в начале студенты выражали твердые позиции, стремились их защищать, то позже чувство дружбы в группе стало гораздо важнее, чем отстаивать позицию и эта дружба имела «безличный характер в том смысле, что ее установление не зависело от близких личных отношений между участниками»; так, зарождался новый тип ума, основанный на «развитии общего смысла, который постоянно трансформируется в процессе диалога», таким образом, группа студентов начала вступать в новые динамичные отношения, в которых ни один говорящий не исключен. Диалог способствовал переходу от негативной логики тождества к открытости взаимодействия. Бом также отмечает, что, защищая свою личную позицию и идентичность в начале, студенты в определенный момент поняли, что то, что они делали вместе, было более важно, чем самоутверждение [15].

Немыслимо представить образование без учителей, педагогов и преподавателей, они дают возможность учащимся говорить, читать, писать, критически мыслить. Без руководства учителя невозможно развитие личностный рост в полной мере. Задача современного педагога, вступая в технологические отношения Я-Оно, оставаться помощниками в обучении, настоящими проводниками, которые позволяют учащимся: «[...] с раннего детства на протяжении всей траектории обучения развивать и продвигаться по постоянно расширяющемуся лабиринту знаний» [5].

Фактически, значение педагогов в достижении новой модели развития, основанной на реализации индивидуального потенциала, устойчивого общества, проявляется с новой силой в отношении непрерывного образования, основанное на философии образования и диалога Мартина Бубера. Мы предположили, что данная философия имеет большой потенциал для непрерывного обучения, так как сама генеалогия диалога, согласно которой понимание образования относится к участию в обучении длиною в жизнь (до школы и далеко за ее пределами). Именно «образование на протяжении всей жизни», а не «обучение на протяжении всей жизни», позволяет учесть формальный и неформальный контекст обучения, за которым стоит не столько предмет, курс или дисциплина, как само преподавание. Значение философии диалогового образования состоит в том, что участники меняют свои когнитивные способности, способны слышать других, потому что они лично не оскорблены. Через игру различий в диалоговом обучении участники делятся своим с другими, поэтому диалог – это всегда опыт обучения. Современное образование представляет собой извлечение потенциала: в то время как традиционная педагогика, основанная на логике тождества, видит потенциал как конечный, диалогическая педагогика видит его как бесконечный. Диалоговое обучение позволяет участникам с первого занятия или встречи пробудить интерес, вдохновение, участие, удивление, увлечение, любопытство и ощутить актуальность обучения. Благодаря встрече с другими, мы находим другое и в себе, меняемся, раскрываем свой неожиданный потенциал через реконтекстуализацию в диалоге.

Список источников

1. Morgan, W J., Martin Buber: philosopher of dialogue and of the resolution of inter-communal conflict. *The British Academy Review* (10), 2007: 11–14.
2. Buber, M., *I and Thou*. London/New York. 2004.
3. Buber, M., *Between Man and Man*, London: Collins, 1961.
4. Buber, M., Adult education in Israel. *The Torch*, 1952; 2(3): 6-10.
5. Yaron, K., Martin Buber. *Prospects: the quarterly review of comparative education* (Paris, UNESCO: International Bureau of Education), 2005.
6. Cohen, A., The question of values and value education in the philosophy of Martin Buber. *Teacher college record*, 1979 (4): 743-770.
7. Hilliard F. H., A re-examination of Buber's address on education. *British Journal of Educational Studies*, 1973: 21(1), 47.

8. Buber, M., The education of character, *Between man and man*, Kegan Paul, London. 1947:104-117.
9. Buber, M., 'Education and world-view', *Pointing the way: Collected essays - Primary source edition*, Harper & Brothers, New York, NY (Reprint), 1957: 98-105.
10. Murphy, D., Martin Buber's philosophy of education, *Dublin: Irish Academic Press*. 1988.
11. Buber, M., The address on education, In *Between Man and Man*, London and Glasgow: Collins, 1961.
12. Politzer, H., Martin Buber : humanist and teacher. *The Adolf D. Klarmann Memorial Collection*. 1956.
13. Bohm, D., *Thought as a System*. London: Routledge, 1994.
14. Buber and Education: Dialogue as conflict resolution. *London/New York*, 2014: 105–118.
15. Bohm, D., *Unfolding Meaning. On Dialogue*. London: Routledge, 1996.

References

1. Morgan, W J., Martin Buber: philosopher of dialogue and of the resolution of inter-communal conflict. *The British Academy Review* (10), 2007: 11–14.
2. Buber M. *I and Thou*. London/New York. 2004.
3. Buber M. *Between Man and Man*. London: Collins, 1961.
4. Buber M. Adult education in Israel. *The Torch*, 1952; 2(3): 6-10.
5. Yaron, K., Martin Buber. *Prospects: the quarterly review of comparative education (Paris, UNESCO: International Bureau of Education)*, 2005.
6. Cohen A. The question of values and value education in the philosophy of Martin Buber. *Teacher college record*. 1979 (4): 743-770.
7. Hilliard F. H., A re-examination of Buber's address on education. *British Journal of Educational Studies*, 1973: 21(1), 47.
8. Buber M. *The education of character, Between man and man*. Kegan Paul, London. 1947:104-117.
9. Buber M. 'Education and world-view', *Pointing the way: Collected essays - Primary source edition*, Harper & Brothers, New York, NY (Reprint), 1957: 98-105.
10. Murphy D. *Martin Buber's philosophy of education*. Dublin: Irish Academic Press, 1988.
11. Buber M. *The address on education, In Between Man and Man*. London and Glasgow: Collins, 1961.
12. Politzer H. *Martin Buber : humanist and teacher*. The Adolf D. Klarmann Memorial Collection. 1956.
13. Bohm D. *Thought as a System*. London: Routledge, 1994.
14. *Buber and Education: Dialogue as conflict resolution*. London/New York, 2014: 105–118.
15. Bohm D. *Unfolding Meaning. On Dialogue*. London: Routledge, 1996.

Информация об авторах

Н. С. Котова – докт. филол. наук, проф., зав. кафедрой иностранных языков и речевых коммуникаций ЮРИУ РАНХиГС;

С. С. Дукян – канд. филос. наук, доц. кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the authors

N. S. Kotova – Doctor of Philology, Professor, Head of the Department of Foreign Languages and Speech Communication of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА;

S. S. Dukyan – Candidate of Philosophy, Associate Professor of the Department of Philosophy and Science Methodology of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 31.07.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted 31.07.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 23.08.2022.

Научная статья

УДК 316

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-267-272

АДДИКТИВНОЕ ПОВЕДЕНИЕ МОЛОДЕЖИ КАК ПРЕДМЕТ НАУЧНОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

Андрей Михайлович Лилюхин¹, Наталия Валериевна Баблюян²,
Лидия Николаевна Кравченко³

^{1, 2, 3}Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹dalai-lama2008@yandex.ru

²babloyan2011@yandex.ru

³kravchenko_ln@rostgmu.ru

Аннотация. В данной статье рассматривается суть аддиктивного поведения молодежи. Выявлены формы аддиктивного поведения. Определен методологический подход, позволяющий изучать аддиктивное поведение в социологической перспективе. Описаны границы аддиктивного поведения, а также выявлены его особенности. Сделаны выводы о том, что аддиктивное поведение во многом есть продукт общества потребления.

Ключевые слова: аддиктивное поведение, социальное поведение, девиантное поведение, социология, общество, система ценностей, социокультурная трансформация, общество потребления, индивид, трансформация

Для цитирования: Лилюхин А. М., Баблюян Н. В., Кравченко Л. Н. Аддиктивное поведение молодежи как предмет научного исследования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 267–272. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-267-272>

Problems of sociology

Original article

ADDICTIVE BEHAVIOR OF YOUNG PEOPLE AS A SUBJECT OF SCIENTIFIC RESEARCH

Andrey M. Lilyukhin¹, Natalia V. Babloyan², Lidiya N. Kravchenko³

^{1, 2, 3}Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia

¹dalai-lama2008@yandex.ru

²babloyan2011@yandex.ru

³kravchenko_ln@rostgmu.ru

Abstract. This article examines the essence of addictive behavior of young people. The forms of addictive behavior are revealed. A methodological approach is defined that allows us to study addictive behavior in a sociological perspective. The boundaries of addictive behavior are described, as well as its features are revealed. Conclusions are drawn that addictive behavior is largely a product of consumer society.

Keywords: addictive behavior, social behavior, deviant behavior, sociology, society, value system, socio-cultural transformation, consumer society, individual, transformation

For citation: Lilyukhin A. M., Babloyan N. V., Kravchenko L. N. Addictive behavior of young people as a subject of scientific research. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):267–272.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-267-272>

Для проведения анализа данного явления и выявления его социологической сущности мы должны в начале нашего исследования определиться с его интерпретациями, принятыми в научном мире. Само понятие аддиктивного поведения тесно переплетено с понятием девиантного поведения и во многом является его составной формой. Девиантное поведение трактуется как устойчивая осознанная модель поведения индивида, основанная на отрицании и

пренебрежении господствующими в обществе социальными нормами и принципами. Аддиктивное же поведение имеет множество определений, но почти повсеместно в общем его определяют как отклоняющееся или зависимое. Во многом это обусловлено определением цели и средств осуществления данного рода социального поведения. Для понимания этого обратимся к расшифровке цели аддиктивного поведения. Под целью аддиктивного поведения мы понимаем стремление к уходу от реальности для достижения чувства объективной или субъективной саморегуляции или адаптации, которые способствуют развитию чувства гармонии, спокойствия, безопасности. Соответственно, с целью достижения нужного результата носители аддиктивного поведения прибегают к использованию различных препаратов фармацевтического свойства либо наоборот, пытаются сконцентрироваться на определенных действиях, предметах и активностях для изменения психического состояния с целью обретения гармонии. Как правило, аддиктивное поведение не несет в себе большой общественной опасности. Более того, определенные формы аддиктивного поведения даже стимулируются социальными институтами общества потребительского толка. Аддиктивное поведение изучается целым рядом смежных с социологией гуманитарных наук, но целью нашего исследования мы видим определение его социологической специфики.

Социология в отличие от других наук изучает аддиктивное поведение комплексно, то есть в рамках социологического исследования исследователи аддиктивного поведения интересуются его пониманием не как индивидуального качества личности, а как коллективного или индивидуального социального процесса. Социологию интересует сугубо общественная сторона данного процесса в рамках как влияния аддиктивного поведения на функционирование социума, так и обратной связи. В рамках социологии изучение аддиктивного поведения проводится в контакте с изучением особенностей девиантного поведения, а также социальных норм и социального контроля. С помощью этого исследователи могут выделить общеметодологические ориентиры для его сдерживания с помощью инструментов социализации и социального контроля. Однако данный подход имеет определенные изъяны, так как анализ различных социальных теорий, являющихся различными исследовательскими перспективами, очень часто не позволяет выявить специфику формирования, функционирования и изменения аддиктивного поведения молодежи и не вполне объясняет феномен его зарождения как социального процесса. Именно данной проблематике и посвящено наше исследование.

Для того, чтобы вывести теоретическую модель обоснования сути аддиктивного поведения, нам нужно выбрать методологический подход, позволяющий изучать аддиктивное поведение в социологической перспективе, то есть используя частные социологические категории типа «социальный институт» или «социальная структура». Данное изучение феномена аддиктивного поведения можно претворить в жизнь только рассматривая аддиктивное поведение в социокультурной перспективе. Собственно, для понимания процесса нам нужно определить методологические основания, используемые авторами социокультурного подхода в социологии реального времени.

В современной социологической литературе данный подход имеет большую популярность вследствие попыток объяснить через него социальные трансформации современного общества в целом. Большинство ученых, творивших в данной парадигме, сосредотачивали свои усилия на выявление того, что именно толкает людей на аддиктивное поведение, то есть является причиной действий, ведущих к аддикции. Собственно, это интересует и нас.

Так, российский социолог Т. И. Заславская, чьи основные научные труды посвящены проблемам социального изменения социальной структуры страны в современный исторический отрезок, изучала взаимозависимость социальной трансформации общественной жизни под влияние экономических и политических изменений и влияние на эти процессы социокультурной сферы. В частности, «направление социокультурных сдвигов – пишет Т. И. Заславская, - важный, но трудно доступный критерий трансформации, так как определяется институциональными изменениями» [1, с. 12]. То есть, в качестве вывода мы можем сказать, что институциональные изменения, с одной стороны, влияют на процесс становления и социализацию социальной структуры российского общества в целом путем навязывания индивидуальным новым формам социальной активности и новых потребностей, а с другой - опосредуют их ценностные ориентации. Иными словами, первичным триггером новых типов социальной активности в целом и

интересующими нас аддиктивными практиками выступают изменения в социокультурной сфере жизни общества.

Другой советский/российский ученый, работающий в данной парадигме, В. А. Ядов, выделял особую роль личностной активности как локомотива социальных изменений в российском обществе. Он писал: «Социальные субъекты (от рядовых граждан до национальных правительств и международных акторов современной истории) способны реагировать на внутренние и внешние вызовы, упреждать или сдерживать нежелательные и опасные тенденции природных, социальных, экономических, политических сдвигов и содействовать желательным» [2, с. 48]. То есть согласно данному подходу, изменение критериев общественного поведения есть продукт рационального выбора индивидов к тем вызовам, которые ставит перед ними общество.

С другой стороны, ряд ученых изучал проблему социокультурной обусловленности действий россиян. В основе данного подхода лежит мысль о том, что социокультурные процессы в обществе обуславливают поведенческую активность его членов. В числе них особый интерес в нашем исследовании привлекают противоположные по духу и направленности мысли А. С. Ахиезера и Н. И. Лапина.

А. С. Ахиезер в рамках своей концепции считал, что сфера социальных отношений находится в конфликтной ситуации с культурой. Триггером этого являются существующие между ними социокультурные противоречия. Согласно ему, они имеют место быть «в результате существования энтропийных процессов, то есть ошибок, дезорганизации в освоении культуры, потери определенных ее элементов, а также попыток установить неэффективные отношения, что порождает несоответствие культуры сложившимся отношениям» [3, с. 159]. Далее автор, развивая свою мысль, постулирует следующие моменты – с его точки зрения, общественное равновесие поддерживается благодаря системе ценностей. То есть базовые социокультурные ценности в обществе являются гарантом существования стабильности протекания социальных процессов. Господствующие в социуме культурные ценности имеют свои полярности: они обусловлены различными системами ценностей – с одной стороны это традиционные «вечевые» (соборность и либерализм), с другой – имеющие авторитарное начало (абсолютизм и тоталитаризм). В итоге в нашей стране фиксируется существенная борьба между этими двумя культурными крайностями, зачастую приводящая общество в состояние внутреннего конфликта. По мысли ученого, этот перманентный конфликт имеет место быть благодаря двум разнонаправленным социальным моделям поведения – модели города и городского образа жизни и традиционными практиками российского крестьянства.

С другой стороны, антагонист А. С. Ахиезера – Н. И. Лапин – в свою очередь, полагает, что феномен человеческой деятельности (условно социальность) и культура есть по сути одно и то же [4, с. 9]. Так же, как и А. С. Ахиезер, социолог вычленил два типа ценностно-культурных отношений – традиционалистскую и либералистскую. Согласно его теории, каждая из данных систем ценностей в определенный исторический период может доминировать, а их смена происходит в процессе социокультурной трансформации. О том, что система ценностных ориентаций молодежи является отражением состояния духовной жизни общества, пишут многие авторы. Так, в истории России автор выделяет несколько периодов социокультурной трансформации в зависимости от приоритета традиционалистских или либералистских типов социальности.

Исходя из вышесказанного, можно понять, что в недрах социокультурного подхода весьма продуктивно развивается социологическое понимание проблемы общественной трансформации, причем главную роль играет так называемый субъектный фактор. Но наряду с его несомненными достоинствами мы не можем не выделить его недостатки, главным из которых является то, что оценка социального взаимодействия на уровне индивид-группа зачастую осуществляется исследователями с позиций их социально-политических или морально-нравственных предпочтений. То есть возникает иллюзия того, что социализация и социальная дифференциация в обществе в целом поддерживается благодаря определенным ценностным системам. Но данного рода трансформации социума связаны не только и не столько с морально-нравственными или социально-политическими предпочтениями наших сограждан, более являются аттракцией преобразований либерального плана в экономической сфере и, следовательно, появлением новых социальных статусных позиций и возникновением новаторских типов социальных практик в обществе. Собственно, основываясь на этом, можно выявить закономерность –

установление социокультурной специфики действий социальной группы зависит от объективной оценки способов коммуникации и порождаемых ими форм общения, при помощи которых эта группа дифференцируется в социальной структуре [5].

В нашем исследовании нам в соответствии с социокультурным подходом необходимо понять, что за факторы являются триггером для инновационных способов коммуникации и общения молодежи. Зачастую данные способы являются первым шагом, вынуждающим молодежь становиться на путь обращения к теории и практикам аддиктивного поведения.

Аддиктивное поведение в принципе невозможно без существования основного условия для формирования его практик. Таким условием выступает потребительское общество. Его ключевой особенностью в нужном нам контексте является наращивание объемов производства товаров и услуг за счет формирования в обществе новых (зачастую искусственных, навязанных) потребностей. В полевых исследованиях, проведенных Безвербной Н. А., имеются тому подтверждения. «Результаты говорят о том, что цифровая среда играет большую роль в жизни респондентов: более 84 % проводят в Сети более 4-х часов в сутки, 58 % предпочитают покупки онлайн, более трети часто заказывают различные услуги через Интернет» [6]. Одним из новых видов аддиктивного поведения является медиабулимия – феномен неконтролируемого получения информации. К. Б. Мкртычева отмечает: «Большой объем информации не только постоянно находится вокруг нас, но и заставляет с ним взаимодействовать. В результате мы получаем информацию не только из различных источников добровольно, но и периодические сигналы в виде рекламы, деловых или личных уведомлений и различного спама без нашего на то согласия» [7]. То есть наблюдается навязывание конечному потребителю необходимости использовать для удовлетворения своих потребностей, ряд из которых имеют ложный характер, именно данные товары или услуги. Для навязывания социуму такого рода потребностей производители, как правило, обращаются к помощи СМИ, которые скрытно и мягко подводят молодежь к мысли о том, что эта потребность действительно существует и ее можно удовлетворить исключительно только с помощью определенных товаров и услуг. Как правило, при этом отсекая возможные эрзац-продукты, которые вполне могут быть гораздо более утилитарными, нежели предлагаемые и широко рекламируемые. То есть можно сказать, что потребительские практики порождают и стимулируют новые подходы к социализации молодежи и формируют исключительно систему ценностей, причем их содержательный ориентир не всегда может находиться в конструктивном русле. Кроме этого, как правило, на первое место выходит не удовлетворение потребностей непосредственно, а приобретение социального имиджа, которое дает обладание этой вещью.

В обществе потребления есть свои незыблемые законы и порядки. Согласно основополагающему из них, индивид будет находиться в гармонии с окружающим его социумом только в том случае, если у него есть тот набор вещей, который признается этим обществом как необходимый. Чем выше человек хочет забраться по статусно-иерархической лестнице, тем больший набор вещей для этого ему требуется. В данном контексте на первое место выходит уже не утилитарность вещи, ее функционализм, красота, история происхождения или внутреннее наполнение. По сути, вещь перестает быть объектом непосредственно удовлетворения определенной потребности и становится скорее неким символическим «знаком» принадлежности к группе. Соответственно, у ее обладателя появляется и определенный социальный статус, на основании которого ее хозяин претендует на то или иное место в иерархии данной социальной группы.

С такой точки зрения получается, что вещь, теряя свой непосредственный функциональный статус и набор эстетических качеств, трансформируется в некий знак, то есть ее основным предназначением является не только и не столько удовлетворение потребности, для которой она собственно создана, сколько является неким имиджевым сигналом, гласящим о том, что ее обладатель принадлежит к определенной группе. То есть мы видим институционализацию того, что определенные вещи характеризуют определенный статус. Современный нам российский социальный мыслитель Светлана Землелова по этому поводу пишет: «Суть потребления – это обмен знаками, ориентация на внешнее. Предметы лишаются как сакрального смысла, так и функциональности, предметы более не служат, они значат. В своей основе потребление гедонистично и регрессивно, оно основано на сведении сложного к простому, высокого – к низкому. Ценностью общества потребления стало своеобразно понятое счастье, а точнее – гедонизм» [8].

Исходя из вышеизложенного, мы можем сказать, что само по себе приобретение этих вещей-знаков служит желанием подчеркнуть принадлежность человека к определенной социальной группе и определить свой социальный статус в ней. То же самое касается и референтных групп, то есть с помощью обладания вещами-знаками, ценными в референтной группе, индивид хочет приблизиться к своим кумирам или образцам для подражания. Но, несмотря на это, далеко не всегда обладание необходимой вещью-знаком, ценное в определенной группе, ведет к реальному завоеванию индивидом места в данной реально существующей социальной группе. То есть надо не просто обладать атрибутами данной группы в виде вещей-знаков, но и принять существующие правила игры в виде определенных нарративов поведения, стиля жизни, мировоззрения и т.д.

В основе данного заблуждения лежит внушенная индивиду извне потребность, коррелируемая с помощью благ, имеющих ценность в данном обществе. Во многом это может быть ложная, искусственная потребность, без которой человек легко бы полноценно функционировал в социуме. Но в процессе данного заблуждения данная потребность понимается индивидом как необходимая или даже витальная.

Но мы не должны также забывать о том, что потребление является не столько индивидуальной производственной, сколько коллективной. В целом, по его мнению, в обществе наблюдается определенная трансформация, когда традиционное принуждение к труду и производству трансформируется на мягкое подталкивание к необходимости потребления, которое расценивается не иначе как долг гражданина. Отсюда и лозунги «поддержим отечественного производителя» и т.д.

В итоге, по мнению автора, человек, по сути, становится заложником своих потребностей, которые далеко не всегда являются истинными. Его смысл жизни теперь заключается в постоянном удовлетворении своих зачастую искусственных и навязанных потребностей с целью получить все больше удовольствия и наслаждения. Наступает своеобразная гонка или даже попросту бег по кругу – индивид должен неустанно бросать все свои силы на удовлетворение потребительских способностей, ибо в противном случае он может стать аутсайдером и маргиналом и выпасть из своей социальной группы.

Подытоживая вышесказанное, можно сделать следующие выводы. Аддиктивное поведение во многом есть продукт общества потребления. Общество потребительского толка генерирует новые принципы межличностной коммуникации, порождающие новые формы и принципы общения молодежи, которые во многом и провоцируют обращение индивидов к практикам аддиктивного поведения. Само аддиктивное поведение формируется обществом потребления, целью которого является вовлечение все большего количества людей в процесс постоянной гонки за все новыми удовольствиями, эмоциями и социальными статусами. Общество потребления для формирования новых потребностей и актуализации старых активно использует ресурсы СМИ, которые осуществляют скрытое и мягкое принуждение. В результате этого мы видим тенденции в навязывании молодежи необходимости потребления вещей-знаков и поддержании определенных нарративов поведения, которые служат своеобразным пропуском в желаемую группу либо получение нужного социального статуса. Неудовлетворенность же этого грозит индивиду возможным исключением из рядов социальной группы и превращение его по сути в социального изгоя. То есть потребительские практики аддиктивного поведения представляют собой перманентный процесс, который не имеет конца. Отсюда и тенденция к перманентному обновлению и актуализации во многом навязанных потребностей для удовольствия и наслаждения.

Следовательно, проведенный нами анализ основных тенденций потребительского общества позволяет их исследовать в качестве социальных условий формирования аддиктивного поведения.

Список источников

1. Заславская Т.И. Современное российское общество: проблемы и перспективы // *Общественные науки и современность*. 2004. №6. С. 5–18.
2. Ядов В. А. Трансформация постсоветских обществ: что более значимо – исторически традиционное или недавнее прошлое // *Социологические исследования*. 2014. № 7. С. 47–50.
3. Ахиезер А., Клямкин И., Яковенко И. История России: конец или новое начало? Издание 2-е. М.: Новое издательство, 2008.

4. Лапин Н.И. Актуальные теоретико-методологические аспекты исследований российской модернизации // Социологические исследования. 2012. № 1. С. 5–10.
5. Лубский А. В. Неоклассическая модель социологического исследования // Социально-гуманитарные знания. 2012. № 7. С. 112–120.
6. Умахаджиев Д. Ш., Безвербная Н. А., Кивва А. А., Умахаджиева Д. А. К вопросу об интернет-зависимости / Современные аспекты формирования ЗОЖ у молодого поколения. Сборник материалов всероссийской научно-практической конференции студентов и молодых ученых. Ростов-на-Дону, 2019. С. 91-93.
7. Мкртычева К. Б., Меликова Т. А. Распространение медиабулемии в студенческой среде // Экономические и гуманитарные исследования регионов. 2020. № 3. С. 137–142.
8. Землелова С. Власть патологии // Советская Россия. № 139 от 12 декабря 2015. С. 2-3. http://www.zamlelova.ru/obshestvo/all/article_452/

References

1. Zaslavskaya T. I. Modern Russian society: problems and prospects. *Social sciences and modernity. Obshchestvennye nauki i sovremennost' = Social Sciences and Modernity*. 2004;(6):5–18. (In Russ.)
2. Yadov V. A. Transformation of post-Soviet societies: what is more significant - historically traditional or recent past. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2014;(7):47–50. (In Russ.)
3. Akhiezer A., Klyamkin I., Yakovenko I. *History of Russia: the end or a new beginning? 2nd ed.* Moscow: New Publishing House; 2008. (In Russ.)
4. Lapin N. I. Actualistic theoretical and methodological aspects of research on Russian modernization. *Sotsiologicheskie issledovaniya = Sociological Research*. 2012;(1):5–10. (In Russ.)
5. Lubsy A. V. Neoclassical model of sociological research. *Sotsial'no-gumanitarnye znaniya = Social and humanitarian knowledge*. 2012;(7):112–120. (In Russ.)
6. Umahajiev D. Sh., Bezverbnaya N. A., Kiva A. A., Umahajieva D. A. On the issue of Internet addiction. In: *Modern aspects of the formation of healthy lifestyle in the younger generation. Collection of materials of the All-Russian scientific and practical conference of students and young scientists*. Rostov-on-Don; 2019:91–93. (In Russ.)
7. Mkrtycheva K. B., Melikova T. A. Spread of mediabulemia in student environment. *Ekonomicheskie i humanitarnye issledovaniya regionov = Economic and humanitarian research of the regions*. 2020;(3):137–142. (In Russ.)
8. Zemlelova S. The power of pathology. *Soviet Russia*. No. 139 of December 12, 2015. P. 2-3. Available from: http://www.zamlelova.ru/obshestvo/all/article_452/

Информация об авторах

А. М. Лилукин – канд. социол. наук, доц. кафедры экономической и социальной теории РГМУ;
Н.В. Баблоян – канд. социол. наук, доц. кафедры экономической и социальной теории РГМУ;
Л.Н. Кравченко – ст. преподаватель кафедры иностранных языков с курсом латинского языка РГМУ.

Information about the authors

A. M. Lilyukhin – Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Social Theory of Rostov State Medical University;
N. V. Babloyan – Candidate of Social Sciences, Associate Professor of the Department of Economic and Social Theory of Rostov State Medical University;
L. N. Kravchenko – Senior lecturer of the Department of Foreign Languages with a course in Latin of Rostov State Medical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 11.07.2022; одобрена после рецензирования 18.07.2022; принята к публикации 19.07.2022.

The article was submitted 11.07.2022; approved after reviewing 18.07.2022; accepted for publication 19.07.2022.

СОЦИАЛЬНО-МЕДИЦИНСКИЕ И СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ПРИ РАСПРОСТРАНЕНИИ COVID-19: НА ПРИМЕРЕ РОССИИ И ГЕРМАНИИ

Андрей Михайлович Руденко¹, Вячеслав Казьмирович Биловус²,
Инеcса Евгеньевна Шолудченко³

^{1,2}Институт сферы обслуживания и предпринимательства (филиал) Донского государственного технического университета в г. Шахты, Шахты, Россия

³Ростовский государственный медицинский университет, Ростов-на-Дону, Россия

¹amrudenko@list.ru

²Bilovus_66@mail.ru

³inessluck@yandex.ru

Аннотация. В рамках данной статьи авторы работы отмечают тот факт, что новая реальность сильно воздействовала на повседневность, обострила симптомы тревоги, депрессии, стресса, породила социальную поляризацию мнений и большие споры из-за разных взглядов на сложившуюся ситуацию по распространению инфекции и проблемам вакцинации. Цель данной статьи заключается в рассмотрении социально-медицинских и социально-психологических последствий COVID-19 на примере двух стран: России и Германии. Проанализированные авторами статьи материалы показывают, что и в России, и в Германии у людей одинаково присутствуют страхи и тревоги по поводу заражения COVID-19, что приводит к увеличению проблем с физическим, психическим и социальным здоровьем.

Ключевые слова: вызовы, риски, коронавирусная инфекция, пандемия, COVID-19, социально-психологические последствия, психическое здоровье, социальное здоровье

Для цитирования: Руденко А. М., Биловус В. К., Шолудченко И. Е. Социально-медицинские и социально-психологические последствия при распространении COVID-19: на примере России и Германии // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 273–278. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-273-278>

Sociology Problems

Original article

SOCIO-MEDICAL AND SOCIO-PSYCHOLOGICAL CONSEQUENCES OF COVID-19: ON THE EXAMPLE OF RUSSIA AND GERMANY

Andrey M. Rudenko¹, Vyacheslav K. Bilovus², Inessa E. Sholudchenko³

^{1, 2}Institute of Service and Entrepreneurship (branch) of Don State Technical University in Shakhty, Shakhty, Russia

³Rostov State Medical University, Rostov-on-Don, Russia

¹amrudenko@list.ru

²Bilovus_66@mail.ru

³inessluck@yandex.ru

Abstract. Within the framework of this article, the authors of the work note the fact that the new reality had a strong impact on everyday life, exacerbated the symptoms of anxiety, depression, stress, gave rise to social polarization of opinions and great controversy due to different views on the current situation on the spread of infection and vaccination problems. The purpose of this article is to consider the socio-medical and socio-psychological consequences of COVID-19 using the example of two countries: Russia and Germany. The materials analyzed by the authors of the article show that both in Russia and in Germany, people have the same fears and anxieties about Covid-19 infection, leading to increased physical, mental and social health problems.

Keywords: challenges, risks, coronavirus infection, pandemic, COVID-19, socio-psychological consequences, mental health, social health

For citation: Rudenko A. M., Bilovus V. K., Sholudchenko I. E. Socio-medical and socio-psychological consequences of COVID-19: on the example of Russia and Germany. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(3):273–278. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-273-278>

В течение двух последних лет все мировое сообщество находится в стадии серьезных изменений, которые произошли в связи с распространением новой коронавирусной инфекции, вспыхнувшей в декабре 2019 года в Ухане. Быстрая скорость передачи инфекционного заболевания повлияла на ухудшение эпидемиологической ситуации в мире, что, в свою очередь, отразилось на повседневной реальности людей. Абсолютно каждая сфера жизнедеятельности человека трансформировалась по причине введения ВОЗ глобальной пандемии коронавируса в начале марта 2020 г.

Именно в этот период все мировое сообщество попало в какую-то не спрогнозированную и непрекращающуюся зону турбулентности, в которой постоянно трясет от риска высокой заболеваемости и смертности, неизвестности последствий для физического, психического и социального здоровья; а также дальнейшей жизнедеятельности от заражения новой инфекцией; страха за близких; тревоги от закрытия границ торговых центров, магазинов, кинотеатров; угрозы самоизоляции; невозможности встреч с родными и близкими; ношения масок; соблюдения социальной дистанции; непонимания полезности неисследованной вакцины, что никак не прибавляет оптимизма для социальных настроений. Все изменения обнажили чувства многих людей в обществе, обострили симптомы тревоги, депрессии, стресса, породили социальную поляризацию мнений и споры из-за разных взглядов на сложившуюся ситуацию по распространению инфекции и проблемам вакцинации. Спустя два с половиной года непрекращающихся трансформаций мы видим, как меняется социальная реальность, и общество адаптируется к изменяющимся условиям.

На наш взгляд, очень важно понимать, с какими последствиями в результате распространения новой инфекции сталкивается современное общество. Стоит отметить, что в разных странах последствия могут иметь как сходства, так и различия. В связи с этим, цель данной работы заключается в рассмотрении социально-медицинских и социально-психологических последствий COVID-19 на примере двух стран: России и Германии.

Возникающие в следствие распространения COVID-19 проблемы и вызовы находят огромный отклик в исследованиях большого количества ученых, занимающихся различными направлениями исследований: образование [1], здравоохранение [2; 3], социальное здоровье [4; 5], экономика [6], семейно-брачные отношения [7] и другие отрасли.

Каждая страна мира к сегодняшнему моменту прошла огромное количество уроков, связанных с пандемией, и накопила колоссальный опыт в вопросах борьбы с новой инфекцией и адаптацией к изменяющимся условиям социальной среды из-за плохих эпидемиологических условий.

Для начала опишем те ситуации, с которыми Россия столкнулась в связи со всплеском COVID-19. Прежде всего, стоит отметить обострившийся страх заболеть, который появился у россиян. В начале 2020г., по данным ВЦИОМ, «более половины информированных о вспышке заболевания считают, что коронавирус опаснее, чем сезонный грипп (59%). Половина россиян, информированных о болезни, опасаются заболеть или что заболеют их близкие (52%)»¹.

Страх заболеть дополнился страхом того, что человеку не смогут оказать надлежащую медицинскую помощь, а также страх попасть в переполненную больницу. Такие страхи пришли к россиянам в середине 2021г., когда был переполнен больничной коечный фонд, скорая помощь не всегда могла быстро приехать на вызов и госпитализировать больного с симптомами COVID-19, а некоторые люди попадали в больницу и лежали в коридорах, что для многих было эмоционально тяжело. Конечно, страх заболеть и страх смерти обострили у россиян неврозы, усилили тревоги за собственное здоровье и здоровье близких, вызвали опасения по поводу использования общественного транспорта. В период распространения COVID-19 зафиксирован

¹ Россияне опасаются коронавируса и ищут пути защиты от него URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/rossiyane-opasayutsya-koronavirusu-i-ishhut-puti-zashhity-ot-nego>

факт того, что снизился уровень доверия россиян к системе здравоохранения, а также медицинским работникам.

Несмотря на то, что у россиян обострился страх заболеть, желающих добровольно вакцинироваться, когда была изготовлена вакцина от COVID-19, было не так уж много. Государственные власти стали прибегать к мерам принуждения: без сертификата о вакцинации власти запрещают посещать кафе, рестораны, концерты, кинопоказы, спортивные состязания, невакцинированных работников предприятий стали отстранять от работы. Все это породило множество возмущений среди российского населения: многие россияне посчитали данные меры недопустимой дискриминацией и вторжением в частную жизнь, что не могло позитивно отразиться на социально-психологическом здоровье, ведь некоторые люди были вынуждены терять рабочие места и экономическую стабильность из-за отказа от вакцинации.

В период самоизоляции, которая была объявлена в России в марте 2020 г. обострилась социально-психологическая напряженность в семье. Возникновение напряженности связано с тем, что многие члены семьи вынуждено ушли в удаленный формат работы/учебы, поэтому на одной территории все стали жить, работать и отдыхать 24/7, к чему многие семьи были не готовы [8]. Также исследователи отмечают учащение случаев абьюза. В рамках Грушинской конференции в 2020г. один из экспертов секции (Елена Князева), посвященной семейно-брачным отношениям в этот период, отметила, что: «Случаи абьюза становятся чаще, а сами абьюзеры – агрессивнее по следующим причинам: агрессор и жертва круглосуточно находятся вместе, напряжение выливается в срывы на близких»¹.

После прохождения нескольких волн распространения коронавирусной инфекции на территории России у многих граждан можно наблюдать адаптацию к неблагоприятной эпидемиологической ситуации, а восприятие самой инфекции как части новой реальности [9]. Экспертами, которые изучают вопросы социального алармизма (тревожности), отмечается, что в связи с известными защитными механизмами – вытеснения и отрицания, происходящего у россиян, наблюдается уменьшение случаев панических атак, депрессии и уровня тревожности. Но нельзя не отметить, что неблагоприятная ситуация, социальное дистанцирование, дистанционное обучение и удаленная работа породили проблемы профессионального выгорания среди таких профессий, как медицинские работники, которые ежедневно сталкиваются с обострением хронических заболеваний у людей, переболевших COVID-19, а также учителей школ и преподавателей вузов, вынужденных оперативно реагировать на вызовы дистанта и адаптировать учебные курсы к удаленному формату обучения.

Несмотря на то, что в настоящее время среди россиян отмечается определенная адаптация к новой реальности, которую в жизнь людей привнесла коронавирусная инфекция, многие люди не могут вернуться к прежней жизни и вынуждены даже сегодня сокращать свою социальную активность: частоту контактов с друзьями и знакомыми, с пожилыми родственниками, а также частоту посещения общественных мест.

Если обращаться к опыту Германии, то в самом начале объявления пандемии на территории страны стали действовать строгие ограничения на выезд и социальные контакты, стали вводиться меры карантина для заболевшего населения и изоляции даже для тех, кто пока не болел, но взаимодействовал с носителем вируса. Большинство немецкого населения очень остро отнеслось к изоляции и карантину, посчитав эту меру не заботой о здоровье, а потерей, полным ограничением собственной свободы. Разлука с родными и близкими, неуверенность в своем здоровье от заболевания, которое толком не изучено, скука, малоподвижность обостряют одиночество человека и влияют на его физическое и психическое здоровье².

Длительная социальная изоляция у многих людей в Германии вызвала симптомы посттравматического стрессового расстройства, спутанность сознания и гнев. Во время самоизоляции или карантина, а также после карантина были обнаружены следующие стрессоры: продолжительность карантина, страх заражения (по отношению к себе или другим), разочарование и

¹ Разговор о семье, судьбе и браке в пандемических тонах. URL: <https://covid19.fom.ru/post/razgovor-osome-sudbe-i-brake-v-pandemicheskikh-tonah>

² Gesundheitliche und soziale Folgewirkungen der CoronaKrise. URL: <https://www.wiso.uni-hamburg.de/fachbereich-sozoek/professuren/beblo/02-team/01-beblo-miriam/pdf-beblo/20200521-corona-papier-evidenz.pdf>

скука, нехватка поставок (например, продуктов питания), неадекватная информация от властей, финансовые потери (например, потеря дохода) и стигматизации со стороны окружающих¹.

Стоит отметить, что из-за строгих карантинных мер, введенных на территории Германии, в течение первых недель была приостановлена медицинская помощь, плановые операции, лечение онкологических заболеваний, стоматологические и психиатрические процедуры, а также физиотерапия и важные социально-реабилитационные мероприятия (например, после инсульта).

По данным Немецкой больничной компании (DKG, 2020), с середины марта интенсивное лечение было увеличено до 28 000 коек интенсивной терапии по всей стране, из них 20 000 с возможностью вентиляции, до 40 000 коек интенсивной терапии, из которых 30 000 с возможностью вентиляции. В то же время предложение было сокращено при заболеваниях, отличных от COVID-19, поэтому многие важные процедуры не могли быть выполнены². Также исследователями отмечается тенденция снижения числа пациентов с инсультом и инфарктом. Но предполагается, что данные пациенты боялись обращаться за помощью в больницу из-за риска заражения COVID-19. Безусловно, это повлияло на снижение уровня здоровья населения, обострило хронические заболевания, а также вызвало дополнительные проблемы.

При введении локдауна в Германии были закрыты детские сады и школы. Для многих родителей, имеющих детей, непосещение детей детского сада или школы привело к стрессу, тяжелому балансированию между работой на дому и уходом за детьми, а также домашним обучением³. Женщины стали еще более загруженными, чем были до пандемии, так как работа по уходу за детьми, с которыми необходимо играть или делать домашние задания, в большей степени легла на плечи женского населения. То есть, для многих семей домашний офис и обязанности по дому без отрыва от работы стали настоящим испытанием, которое вызвало огромный стресс и привело к возникновению семейных конфликтов.

Закрытие детских садов и школ повлияло не только на состояние родителей, но и самих детей. Особенно тяжелые последствия ожидаемы для детей из социально-неблагополучных семей, так как дети в социально-неблагополучных семьях получают меньшую поддержку со стороны родителей в процессе обучения и развития. В реальности пандемии в таких семьях, на наш взгляд, ситуация может обостриться и ухудшиться. Стоит отметить, что дистанционная форма обучения с большим количеством усвоения материала самостоятельным образом, требует от детей особой усидчивости, самоконтроля, ответственности. Не все дети обладают такими навыками, что вынуждает многих испытывать стресс от непонимания учебного материала. Исследователи отмечают, что дистанционное обучение имеет негативные последствия, особенно для детей, которые и в рамках традиционных форм обучения уже имели плохую успеваемость⁴.

Ситуация распространения новой коронавирусной инфекции в Германии повлияла и на рынок труда. Локдаун вызвал закрытие или приостановку работы большого количества предприятий и компаний, что отразилось на сокращении рабочего времени, а также увольнении работников. Ухудшение в сфере экономики прямо отразилось на материальном благополучии граждан. Помимо прямого влияния на заработанный доход и распределение доходов, статус рынка труда также оказывает влияние на субъективные и объективные показатели, такие как удовлетворенность жизнью, качество жизни и состояние здоровья⁵. Принимая во внимание новые тенденции на рынке труда, многие достижения последнего десятилетия в Германии могут быть перечеркнуты. Предыдущий рост реальных доходов и снижение уровня низких доходов в большинстве возрастных групп, вероятно, повернутся вспять. Кроме того, в германском обществе стоит отметить восходящую траекторию такой формы девиантного поведения, как суицид, что является прямым индикатором нарушения социально-психологического здоровья населения [10].

---

¹ Gesundheitliche und soziale Folgewirkungen der CoronaKrise. URL: <https://www.wiso.uni-hamburg.de/fachbereich-sozoek/professuren/beblo/02-team/01-beblo-miriam/pdf-beblo/20200521-corona-papier-evidenz.pdf>

² Там же.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Там же.

В целом, проанализированные нами последствия социально-психологического и социально-медицинского характера, показывают, что и в России, и в Германии среди населения одинаково присутствуют страхи и тревоги по поводу заражения COVID-19, что приводит «к повышению уровня распространения среди населения психических заболеваний, таких как стрессовые и тревожные расстройства, депрессия, к усилению психосоматической симптоматики, а также к повышенному потреблению алкоголя, табака, психоактивных веществ» [11, с. 34]. Также стоит заметить, что длительное переживание человеком какой-либо угрозы, куда можно отнести пандемию, разрушает веру человека в свою способность влиять на будущее.

Для того, чтобы избежать длительных последствий от карантинных мер рекомендуется придерживаться таких механизмов, как короткие фазы карантина, четкая информационно-коммуникационная политика со стороны властей с акцентом на альтруистическую мотивацию карантина и гарантии как базовой помощи, так и социально-медицинской помощи. Со стороны властей необходимо доносить людям, что изоляция должна быть обязательной для инфицированных граждан, а остальные люди могут добровольно придерживаться данных карантинных мер. Нужно не запугивать людей, которые и без этого находятся в постоянном стрессе, а, наоборот, поддерживать их уверенность в том, что они способны влиять на ситуацию. Таким образом, люди не будут чувствовать давление, будут испытывать доверие к тем механизмам, которые стремятся их поддержать, создать для них безопасность. Благодаря таким стратегиям люди будут чувствовать себя более защищенными и психологическое состояние сможет нормализоваться.

Список источников

1. Университеты и пандемия: образовательные практики, оценки и ожидания студенческой молодежи. Астоянц М.С., Бедрик А.В., Артамонова Я.В. и др. коллективная монография / Ростов-на-Дону – Таганрог, 2021.
2. Перхов В.И., Гриднев О.В. Уроки пандемии covid-19 для политики в сфере общественного здравоохранения // Современные проблемы здравоохранения и медицинской статистики. 2020. №2. С. 206-222.
3. Намитоков А. М., Ишевская О. П., Фетисова В. И., Космачёва Е. Д., Порханов В. А. Основные подходы к диагностике и лечению острого коронарного синдрома во время пандемии новой коронавирусной инфекции COVID-19 // РКЖ. 2020. №4. С.86-94.
4. Власова В.Н. Социальное здоровье российского населения в условиях угрозы распространения covid-19 // Бюллетень Национального научно-исследовательского института общественного здоровья имени Н. А. Семашко. 2021. №3. С. 54-59.
5. Вакула И.М., Гафиатулина Н.Х. Пандемия COVID-19: социологический взгляд на трансформацию сфер общественной жизнедеятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2021. № 3. С. 30-34.
6. Положихина М.А. Экономика России в условиях пандемии коронавируса // ЭСПР. 2021. №4 (48). С.39-63.
7. Артамонова Я.В. Влияние пандемии новой коронавирусной инфекции на семейные отношения российского населения // Российское общество в условиях постпандемической реальности: ценностная трансформация и стратегии адаптации: Материалы Всероссийской научной конференции, Дивноморское, 18-19 мая 2021 года. Ростов-н/Д, 2021. С. 11-14.
8. Артамонова Я.В., Гафиатулина Н.Х. Ценность семьи в массовом сознании российского населения в рискогенных условиях жизнедеятельности // Гуманитарные, социально-экономические и общественные науки. 2020. № 6. С. 15-19.
9. Одарущенко О.И. Сравнительный анализ уровня ситуативной и личностной тревожности медицинских работников и других групп населения в условиях пандемии новой коронавирусной инфекции – COVID-19 // Вестник восстановительной медицины. 2020. № 3 (97). С. 110-116.
10. Thakur V., Jain A. COVID 2019-Suicides: a global psychological pandemic // Brain Behav. Immun. 2020. DOI:10.1016/j.bbi.2020.04.062
11. Екимова В.И., Розенова М.И., Литвинова А.В., Котенева А.В. Травматизация страхом: психологические последствия пандемии COVID-19 // Современная зарубежная психология. 2021. Том 10. № 1. С. 27-38.

References

1. Universities and the pandemic: educational practices, assessments and expectations of students. Astoyants M.S., Bedrick A.V., Artamonova Ya.V., et al. Collective monograph / Rostov-on-Don - Taganrog, 2021. (In Russ.)
2. Perkhov V.I., Gridnev O.V. Lessons of the covid-19 pandemic for public health policy. *Sovremennye problemy zdravoohraneniya i medicinskoj statistiki = Modern problems of healthcare and medical statistics*. 2020;(2):206-222. (In Russ.)
3. Namitokov A.M., Ishevskaya O. P., Fetisova V. I., Kosmacheva E. D., Porkhanov V. A. Basic approaches to the diagnosis and treatment of acute coronary syndrome during the pandemic of a new coronavirus infection COVID-19. *RKZH = RCJ*. 2020;(4):86-94. (In Russ.)
4. Vlasova V.N. Social health of the Russian population under the threat of the spread of COVID-19. *Byulleten' Nacional'nogo nauchno-issledovatel'skogo instituta obshchestvennogo zdorov'ya imeni N. A. Semashko = Bulletin of the N. A. Semashko National Research Institute of Public Health*. 2021;(3):54-59. (In Russ.)
5. Vakula I.M., Gafiatulina N.H. The COVID-19 pandemic: a sociological view on the transformation of spheres of public life. *Gumanitarnye, social'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanities, socio-economic and social sciences*. 2021;(3):30-34. (In Russ.)
6. Polozhikhina M.A. The economy of Russia in the conditions of the coronavirus pandemic. *ESPR = ESPR*. 2021; 4 (48):39-63. (In Russ.)
7. Artamonova Ya.V. The impact of the pandemic of a new coronavirus infection on family relations of the Russian population. In: *Russian Society in a Post-pandemic Reality: Value Transformation and Adaptation Strategies: Proceedings of the All-Russian Scientific Conference*, Divnomorskoe, May 18-19, 2021. Rostov-on-Don. (In Russ.)
8. Artamonova Ya.V., Gafiatulina N.Kh. The value of the family in the mass consciousness of the Russian population in risky conditions of life. *Gumanitarnye, sotsial'no-ekonomicheskie i obshchestvennye nauki = Humanitarian, socio-economic and social sciences*. 2020;(6):15-19. (In Russ.)
9. Odarushchenko O.I. Comparative analysis of the level of situational and personal anxiety of medical workers and other population groups in the conditions of a pandemic of a new coronavirus infection – COVID-19. *Vestnik vosstanovitel'noj mediciny = Bulletin of Restorative Medicine*. 2020;3 (97):110-116. (In Russ.)
10. Thakur V., Jain A. COVID 2019-Suicides: a global psychological pandemic. *Brain Behav. Immun*. 2020. DOI:10.1016/j.bbi.2020.04.062
11. Ekimova V.I., Rozenova M.I., Litvinova A.V., Koteneva A.V. Traumatization by fear: psychological consequences of the COVID-19 pandemic. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya = Modern foreign psychology*. 2021;(1): 27-38. (In Russ.)

Информация об авторах

A. M. Руденко – докт. филос. наук, проф. Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ДГТУ в г. Шахты;
 В. К. Биловус – канд. социол. наук, доц. Института сферы обслуживания и предпринимательства (филиала) ДГТУ в г. Шахты;
 И. Е. Шолудченко – канд. педагог. наук, доц. РГМУ.

Information about the authors

A. M. Rudenko – Doctor of Philosophical Sciences, Professor of Institute of Service and Entrepreneurship (branch) of DSTU in Shakhty;
 V. K. Bilovus – Candidate of sociological sciences, Associate professor of Institute of Service and Entrepreneurship (branch) of DSTU in Shakhty;
 I. E. Sholudchenko – Candidate of Pedagogical Sciences, Associate Professor of Rostov State Medical University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
 Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 15.08.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 15.08.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.

Научная статья

УДК 316.3

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-279-284

ОБРАЗ ЛИЧНОСТИ В СОВРЕМЕННОМ СОЦИОКУЛЬТУРНОМ ПРОСТРАНСТВЕ: ГРАНИ И ПАРАДОКСЫ

Лариса Владимировна Рябова

Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Ростов-на-Дону, Россия, larisarabova44@gmail.com

Аннотация. В обществе и культуре всегда есть некий желанный образ личности. И чтобы понять, из чего он складывается, нужно определить и выстроить вопросы, отвечая на которые можно построить образ личности, адекватный современным социальным запросам. Формулированию вопросов о человеке и личности и выстраиванию их в определенном порядке и посвящена эта статья.

Ключевые слова: личность, социум, культура, образование, социализация, индивидуальная жизнь, транслирование опыта, внешний облик, внутренний мир, социальный идеал, само-реализация, индивидуализация

Для цитирования: Рябова Л. В. Образ личности в современном социокультурном пространстве: грани и парадоксы // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 279–284. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-279-284>

Sociology Problems

Original article

IMAGE OF PERSONALITY IN MODERN SOCIOCULTURAL SPACE: FACETS AND PARADOXES

Larisa V. Ryabova

South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia, larisarabova44@gmail.com

Abstract. In society and culture there is always a certain desirable image of personality. And in order to understand what it consists of, you need to determine and build questions, answering which you can build an image of a person adequate to modern social needs. This article is devoted to formulating questions about a person and personality and building them in a certain order.

Keywords: personality, society, culture, education, socialization, individual life, broadcasting of experience, appearance, inner world, social ideal, self-realization, individualization

For citation: Ryabova L. V. Image of personality in modern sociocultural space: facets and paradoxes. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):279–284. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-279-284>

Личность – вечная тема социально-гуманитарного познания. Во все культурно-исторические эпохи имеется предпочтительный образ личности, человека, который декларируется в философских трактатах, в произведениях людей, занимающихся социально-гуманитарным познанием, в художественной литературе. Кроме того, во все времена имеется так или иначе выстроенная система образования, анализ которой показывает, какого человека оно, это образование, формирует и на какие ценности и представления о человеке и личности в конечном счете ориентировано.

Мы живем в невероятно динамичное, стремительное, непредсказуемое время, переполненное катаклизмами, потрясениями, непредвиденными изменениями. Неопределенность экономической, политической, информационной, а, следовательно, и обыденно-повседневной реальности, становится неуютной нормой жизни. Размышлять и теоретизировать некогда, успеть бы за меняющимися обстоятельствами, ответить бы на внезапно возникающие вызовы.

Философское размышление и социально-гуманитарное исследование предполагают отстранение от реальности, некоторое удаление от нее. А сегодняшняя реальность такова, что нужно как кэрролловской Алисе бежать в два раза быстрее, чтобы только остаться на месте. Теоретически построения, выводы и аналитические исследования мгновенно стареют и остаются в прошлом либо в виде почтенного и уважаемого теоретического антиквариата, либо в виде невостребованного информационно-теоретического хлама.

И тем не менее, у социально-гуманитарного познания имеется одна замечательная особенность. Она в том, что могут состариться теории и идеи, а вот вопросы, проблемы, как правило, умудряются сохранять свежесть и новизну.

Предположим, что несмотря на все социальные катаклизмы и потрясения в обществе и культуре всегда есть некий желанный образ личности. И чтобы понять, из чего он складывается, нужно определить и выстроить мозаику вопросов, отвечая на которые можно построить желаемый сегодня образ личности.

Формулированием вопросов о человеке и личности и выстраиванием их в некоем порядке мы в этой статье и займемся, понимая, что составление букета вопросов – не последнее дело для исследователя. Не претендуя на абсолютную новизну (трудно на это претендовать, имея за спиной 2,5 тыс. лет развития философии), посмотрим на человека и личность через призму всегда актуальных вопросов.

Для начала сформулируем вопросы методологического плана, обозначим аспекты исследования, на пересечении которых может быть сегодня проанализирована личность.

Прежде всего отметим, что личность, персона – это феномен социальный и этический. Это человек в своих персональных качествах, обращенных к социуму, к миру других. Разговор о личности – это прежде всего разговор о социальных качествах человека, о способах включенности индивидуального человеческого существа в человеческое сообщество. Или, другими словами, это старая как мир проблема социализации. Однако в разных культурно-исторических обстоятельствах проблема социализации приобретает разные грани. Социализация – приобретение социальных навыков и умений, обучение социально приемлемому поведению – необходимое условие элементарного выживания человека в обществе. И, кто бы и что об этом сегодня ни писал, вся система воспитания, обучения, образования в конечном счете направлена на то, чтобы научить человеческого детеныша думать, поступать, действовать и соотноситься с реальностью так, как это сегодня принято у людей. Сегодняшние информационно-технические возможности и либеральные воззрения главной тенденцией современной жизни делают автономизацию, индивидуализацию, отстраненность, отделенность человека от общества. А реформы системы образования, как правило, направлены на разрушение его главной социально объединяющей, социально цементирующей функции. Главная задача образования не может быть сведена к сообщению определенного количества информации и поощрению, и оправданию любых проявлений индивидуальности, даже если они носят агрессивный, враждебный и антиобщественный характер.

Главная задача образования – научить человека жить среди людей, сообщить ему правильные формы поведения. Дистантное обучение не может быть единственно возможной формой образования, поскольку оно не решает проблему социализации. Компьютер является прекрасным средством трансляции информации, но обучать человека должен человек, поскольку человек – учитель, педагог транслирует не только информацию, но прежде всего отношение к миру, систему оценок, формы поведения. Учитель несет знания в личностной форме, что имеет принципиальное значение для социализации учеников. Неуспешная социализация создает серьезные проблемы и отдельному человеку, и обществу. Для отдельного человека несоциализированность – это широкий разброс личных проблем: от неудобств жизни до болезненных ситуаций типа аутизма и социопатии. Для общества – это рост преступности, брошенные дети и старики, размывание и снижение культурного уровня.

Представляется, что социализация, гармонизация взаимоотношений человека и общества – одна из главных задач сегодняшнего образования. Опасно, что эта задача не представляется сегодняшним деятелям образования очевидной.

Современное обществознание должно заинтересоваться сегодняшними формами и способами взаимоотношения человека и социума, но есть и еще одна важная и интересная проблема, которая предлагает другой угол зрения, другой вариант подхода к человеку. Это ис-

следование индивидуальной жизни как культурного феномена в совокупности личной истории, биографии, фактов жизни, значимых для индивидуального человека событий, обстоятельств, и других людей, повлиявших на его духовный мир.

Если проблема **социализации** может быть рассмотрена в рамках социологии личности и **социологии образования**, то проблема индивидуальной жизни – это проблема культурологическая.

Индивидуальная жизнь как культурный феномен представляет собой рассмотренные в единстве и взаимосвязи личную историю, биографические факты, события, сформировавшие опыт.

Культура, как известно, сложный феномен, который, в том числе, может быть понят и рассмотрен как общение и взаимодействие вполне конкретных людей, обладающих индивидуальными особенностями и личной неповторимостью. Такой взгляд на культуру позволяет рассмотреть транслирование ценностей, идеалов, образцов и правил поведения как процесс индивидуализированный, реальный и конкретный.

Если описывать культуру как общение, то индивидуальность может быть представлена как атом культуры, ее носитель, представитель и демонстратор.

Индивидуальная жизнь как культурный феномен представляет собой единство личной истории, биографических фактов, событий, сформировавших опыт и отразившихся на внутреннем мире человека.

Обращение к вопросу об индивидуальной жизни как культурному феномену актуально во многих смыслах. Но сегодня, как кажется, следует рассмотреть эту тему в контексте проблем современного образования.

Обучение и образование как любой культурный процесс имеют свою неизменную и изменчивую стороны.

В цивилизованном обществе изменчивая сторона бытия – инструментально-технологическая. Психологически, ментально, ценностно люди меняются мало и обучать, транслируя опыт, они так или иначе умеют.

Фундаментальная основа обучения – подражание. Способность к подражанию – основа обучения у людей и высших животных. Изменения в образовании, как правило, касаются формальной стороны – средства, методы, приемы, инструменты. Суть образования – трансляция опыта, знаний, ценностей и вообще трансляция культуры пока остается неизменной. Покуситься на суть образования, то есть передачу знания и опыта, значит образование уничтожить. Образование, как и медицина, и искусство – сфера духовно-практическая. Поэтому формальные манипуляции с образованием, осуществляемые вопреки ментальным и культурным основаниям, способны образование только ухудшить.

Все новейшие реформы образования идут по формальному пути (объединение и разъединение вузов, создание гигантской отчетности и документации, попытка пересмотреть систему отметок и т.п.). При том, что вся эта формальная деятельность успешно омертвляется не только в бумажном, но и в электронном виде. Воплощение огромного количества документов в электронный вид не решает проблему их *пригодности*. Силы отвлекаются от главного и создается видимость, которая не имеет отношения к делу.

Следует обратить внимание на главное – на транслирование опыта и ценностных представлений в современной социокультурной ситуации. Вопрос об авторитетности личностного транслирования культуры в первой четверти XXI века представляется весьма непростым. Дело в том, что современные информационно-технические возможности трансляции знания создают иллюзию, что современная техника способна исключить личность учителя, педагога из образовательного процесса. Есть чудесная чиновничья иллюзия о возможности сэкономить на образовании посредством демонстрации лекций в записи.

Идея об образовании посредством информационных технологий без учителя и педагога – сюжет для научно-фантастического триллера, финалом которого должен быть распад и гибель общества, не наученного человеческим формам жизни, перед лицом какого-либо непредвиденного катаклизма – коронавируса или еще чего-либо в таком же духе.

Индивидуальный человек как личный носитель опыта ценностей и правил человеческой жизни не может ни быть актуальным в мире людей, если они намерены продолжить свое человеческое существование.

Весьма интересной темой современного социально-гуманитарного познания является вопрос о **роли внешнего облика** человека в различных социокультурных контекстах. Мы помним, что личность – личина. Личность – человек в социуме, социально оформленный и представленный облик индивидуального человека. Где-то у Моэма есть размышления о том, что горожане внешне похожи как галька на морском берегу, активная и насыщенная социальная жизнь города подобно морскому прибору упорядочивает жизнь людей, диктует правила поведения, оформления внешности, диктует моду, правила общения, стандарты речи.

Необычность, нестандартность, ярко выраженная индивидуальность обычно встречается там, где нет плотной социальной жизни – в горах, лесах, пустынях, на далеких островах. А насыщенная социальная жизнь, с одной стороны формирует определенные легко читаемые социальные типа личности, но, с другой стороны, разнообразие социальной жизни формирует разнообразие социальных персонажей, предлагает разные социальные портреты и таким образом диктует социальному познанию разные аспекты исследования личности.

Применительно к теме внешнего облика человека и его роли в индивидуальной и социальной жизни, то она может быть связана с такими темами, как коммуникация и восприятие человека человеком; с темой самопрезентации и самовыражения и социальными статусами и правилами самовыражения. Проблема внешности человека в социальной жизни имеет и аксиологический аспект, поскольку внешность не только информационно-знаковый феномен, но и ценностный.

Тема внешнего облика человека как социально-культурного феномена широка и разнообразна. Здесь нет цели рассматривать ее подробно, но некоторые соображения все же выскажем.

Поскольку внешний облик включен в коммуникацию, постольку оформление внешности может сказать о многом, например, о профессии (мундир военного, халат врача, форменная одежда служащего различных учреждений). Во внешнем облике человек часто выражает притязания, самооценку, отношение к миру. Так, по наблюдению Э. Берна [1, с. 338-340], люди надменные и высокомерные носят «форму», одежду и аксессуары, подчеркивающие желание доминировать над окружающими. Есть целый ряд видов «формы», демонстрирующих пренебрежение, высокомерие, потребность в привлечении внимания и т.п.

По внешности можно судить о духовных и интеллектуальных качествах личности. В работе А. Ф. Лосева «Диалектика мифа» [2, с. 528] можно встретить рассуждения в духе античной традиции, полагающей тело явленностью души, когда душа подбирает себе вполне выражающее ее тело.

Древние греки во внешности видят душу. Для русских же, если верить фольклору, чужая душа – потемки, и чтобы ее узнать, нужно вместе съесть пуд (16 кг) соли.

А. Ф. Лосев в «Диалектике мифа» [2] обращает внимание на то, что если мы хотим понять некую личность во всей ее полноте, то обращения к ее деятельности и творчеству недостаточно. Важно и то, как выглядела эта личность, какое впечатление производила на окружающих.

Внешний облик может быть понят как некая культурная конструкция, соответствующая определенному социальному требованию. Так, внешний облик имеет значение в различных видах деятельности; в таких, как актерство, учительство. Маги, шаманы, философы так же, как правило, имеют заметную внешность.

Внешний облик имеет огромное значение в процессе восприятия человека человеком, то есть внешность включена в процесс общения и взаимодействия людей («По одежке встречают»; «С лица воду не пить» и т.п.). Отсюда собственная внешность выступает для человека как индивидуальная ценность, а, значит, как момент самосознания и самооценки. Разгул пластической хирургии и всякого рода косметических процедур связан с этим обстоятельством духовно-рефлексивного плана. Кстати, древние сознавали, что перемена внешности (и имени) меняет суть человека и влияет на судьбу. Поэтому перемена внешности не невинное мероприятие.

Размышления о внешнем облике предполагают обсуждение вопроса о ценности красоты, о культурно-исторических стандартах красоты и о том, как в своей повседневной жизни люди с ними соотносятся. Здесь возникает вопрос о ценности красоты внешнего облика в разных обществах и культурах, связь красоты и социального успеха. Отсюда популярность конкурсов красоты.

Личность – это не просто социальная личина, социокультурно сформированная внешность, но личность – целостность внешнего и внутреннего, единство социально оформленного поведения и индивидуального внутреннего мира. Поэтому внутренний мир – еще одна важная грань проблемы личности.

Что такое внутренний мир на житейском уровне? Это я сам для себя, такой, как я есть на самом деле. Как обнаружить собственное существование и факт собственного внутреннего мира?

Декарт предлагал сомневаться во всем и посредством сомнения обнаруживал нечто несомненное, то, в чем сомневаться нельзя и с чего начинается познание. Таким несомненным по Декарту оказывается наличие собственного мышления, размышления о мире. Но обнаруживая факт собственного размышления о мире, я обнаруживаю факт собственного существования: «Я мыслю, следовательно, существую».

В философской терминологии такого понятия, как «внутренний мир», не встречается, но есть экзистенция, душа – религиозный термин, психика – психологический термин.

Внутренний мир – проблема и тайна. О внутреннем мире можно говорить лишь при наличии некоего личного рефлексивного опыта. Проблема внутреннего мира на пересечении таких понятий, как душа, экзистенция, субъективность, индивидуальность, психика.

Внутренний мир – это моя духовная территория. Ее никто не знает, и я туда никого не пушу.

Об устройстве внутреннего мира философы, а затем психологи размышляют издревле. По Демокриту душа состоит из круглых атомов, по Гераклиту душа бывает сухая и влажная (безумная), у Платона – душа – идея, но бывает золотая, серебряная и оловянная. У Аристотеля души – растительные, животные и человеческие, у Фрейда психика, она же – внутренний мир, включает бессознательное, сознание и совесть; у Юнга внутренний мир – набор архетипов. Можно перечислять дальше, но все эти конструкции построены на созерцании и предположении.

Вопрос о явленности внутреннего мира во вне и способах его расшифровки всегда волновал исследователей. Об этом думают психологи, философы, вопрос, конечно же, волнует деятелей искусства. У древних греков душа явлена посредством тела, по Юнгу – персона или личность, личина – оформленный и представленный во вне фрагмент внутреннего мира, который может быть представлен другим людям, поскольку соответствует неким общепринятым нормам.

Вопрос о проникновении в чужой внутренний мир – это также вопрос о формах, правилах и условиях человеческого взаимопонимания и успешного общения. Психологи предлагают ряд способов такого проникновения, таких как, например, идентификация, эмпатия и рефлексия. Эти способы предполагают отдельный разговор, описание и исследование, а в данном тексте мы лишь укажем на их существование.

При исследовании проблемы современного человека, личности в современной социокультурной ситуации важно обратить внимание еще на ряд проблем интересных и важных. Мы не будем их раскрывать, а лишь обозначим.

Во-первых, это проблема идеала, образца совершенной личности, на который ориентируется социум в процессе обучения и воспитания желательного типа личности.

Сверхчеловек – это идеал, который мы обнаруживаем в произведениях Ницше и который был воспринят нацистской Германией.

Советский человек – идеал личности, который формировала система воспитания и образования Советского Союза. В постсоветской отечественной истории в качестве идеала был предложен грамотный потребитель. Как показывает современная социально-политическая ситуация, вопрос об идеале нужно срочно пересматривать, поскольку грамотный потребитель не станет жертвовать собой, проявлять патриотизм и спасать государство и общество. Грамотный потребитель не способен исполнить роль социального образца в переломные моменты истории.

Отдельного внимания заслуживает проблема личностных ориентиров современного человека. Огромное количество современной социологической, философской, педагогической литературы в связи с этим посвящены таким ориентирам, как самореализация и индивидуализация. Вполне буржуазные и либеральные ориентиры. Но для устойчивости социума таких ориентиров недостаточно. Если говорить о главнейших человеческих целях, то для западного человека цель – это материальное благосостояние. Для русского человека цель – это духовное преображение.

Сегодня из русского человека 30 лет делают западного за счет смены цели. Это удастся. Это сегодняшний социальный эксперимент. Но этот эксперимент придется прекратить, иначе не спасти страну.

Завершая, заметим, что важных проблем, касающихся исследований вопроса о личности современного человека в сегодняшнем непростом мире, еще множество. Мы обозначили лишь некоторые из них. Но если проблемы обозначены, то они восходят в сферу публичного обсуждения и могут быть исследованы, а в дальнейшем и решены.

Список источников

1. Берн Э. Введение в психиатрию, психоанализ для непосвященных. СПб., 1991. 510 с.
2. Лосев А.Ф. Диалектика мира / Из ранних произведений. М., 1990. 655 с.

References

1. Bern E. *Introduction to psychiatry, psychoanalysis for the uninitiated*. St. Petersburg; 1991. 510 p. (In Russ.)
2. Losev A. F. *Dialectics of the world*. In: *From early works*. Moscow; 1990. 655 p. (In Russ.)

Информация об авторе

Л. В. Рябова – докт. филос. наук, проф. кафедры философии и методологии науки ЮРИУ РАНХиГС.

Information about the author

L. V. Ryabova – Doctor of Philosophy, Professor of Department of Philosophy and Methodology of Science of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 29.07.2022; одобрена после рецензирования 22.08.2022; принята к публикации 23.08.2022.

The article was submitted 29.07.2022; approved after reviewing 22.08.2022; accepted for publication 23.08.2022.

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 284–291
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):284–291

Проблемы социологии

Научная статья

УДК 316.4.066

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-284-291

СОЦИОЛОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ КАК ФАКТОР ПОВЫШЕНИЯ КАЧЕСТВА УПРАВЛЕНИЯ ОБРАЗОВАНИЕМ

Виктория Анатольевна Чернышова¹, Анастасия Александровна Иванова²,
Елизавета Александровна Гринченко³

¹Управление образования города Ростова-на-Дону, Ростов-на-Дону, Россия

²Южно-Российский институт управления – филиал Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Ростов-на-Дону, Россия

³Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия,

Автор, ответственный за переписку:

Елизавета Александровна Гринченко, grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

Аннотация. В рамках настоящей исследовательской работы предпринимается попытка совместить фундаментальные и прикладные исследовательские наработки и реальные потребности системы управления для достижения единственной возможной цели образования – воспитать гармонично развивающуюся конкурентоспособную личность, владеющую современными компетенциями. В статье представлен синергетический анализ детерминированности теоретико-методологической базы, социоструктурных изменений, а также модернизирующихся содержательных практик государственной образовательной политики для разработки качественно новой модели социально-политического управления системой интеллектуальных ресурсов в контексте реализации национального проекта «Образование» при помощи социологического сопровождения образовательных акторов.

Ключевые слова: система управления, государственная образовательная политика, образование, эффективные управленческие решения, системные элементы образования, потребности участников образовательного процесса, качество образовательной системы, социоструктурные изменения, модель социально-политического управления, система интеллектуальных ресурсов, национальный проект «Образование», социологическое сопровождение, социоинженерные технологии, образовательные акторы

Для цитирования: Чернышова В.А., Иванова А. А., Гринченко Е. А. Социологическое сопровождение как фактор повышения качества управления образованием // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 284-291. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-284-291>

Sociology Problems

Original article

SOCIOLOGICAL SUPPORT AS A FACTOR OF IMPROVING THE QUALITY OF EDUCATION MANAGEMENT

Victoria A. Chernyshova¹, Anastasia A. Ivanova², Elizaveta A. Grinchenko³

¹Rostov-on-Don Education Department, Rostov-on-Don, Russia

²South-Russia Institute of Management – branch of Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Rostov-on-Don, Russia

³Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia

Corresponding author: Elizaveta A. Grinchenko, grinchenko.elizaveta08@yandex.ru

Abstract. Within the framework of this research work, an attempt is made to combine fundamental and applied research developments and the real needs of the management system in order to achieve the only possible goal of education – to educate a harmoniously developing competitive personality with modern competencies. The article presents a synergetic analysis of the determinism of the theoretical and methodological base, sociostructural changes, as well as the modernizing substantive practices of state educational policy for the development of a qualitatively new model of socio-political management of the system of intellectual resources in the context of the implementation of the national project "Education" with the help of sociological support of educational actors.

Keywords: management system, state educational policy, education, effective management decisions, system elements of education, needs of participants in the educational process, quality of the educational system, socio-structural changes, model of socio-political management, system of intellectual resources, national project "Education", sociological support, socio-engineering technologies, educational actors

For citation: Chernyshova V. A., Ivanova A. A., Grinchenko E. A. Sociological support as a factor in improving the quality of education management. *State and Municipal Management. Scholar Notes*. 2022;(3):284–291. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-284-291>

Качественные характеристики уровня образования населения в Российской Федерации – ресурс устойчивого развития и экономического роста благосостояния нации, способствующий возвращению государства в число наиболее развитых стран мира. С переходом в эпоху нового информационного тысячелетия и постиндустриальную веку социального развития все более определяющую роль представляют субстанциальные ценности, к которым можно отнести знания, навыки, творческие способности, компетентность, грамотность, культуру труда и другие показатели, объединяемые единым собирательным понятием – «интеллектуальные ресурсы». В условиях повсеместных процессов политико-социальной цифровизации и инноватизации потребностный механизм общественного развития модифицировался с учетом образовательной компоненты как базисного мобилизационного ресурса в воспроизводстве интеллектуального капитала нации. Повышение социально-экономической роли образования как инструментальной регулятивной ценности стало триггерообразующим маркером в интенсификации эффективности индивидуализации траекторий образования, а также прикладных технологий управления¹. Раскрывая актуальные концепты исследуемой проблематики следует отметить, что сфера образования подвергается социокультурным модификациям, структурным трансформациям, которые кардинальным образом изменяют функциональную роль и место занятых в данной

¹ Паспорт национального проекта «Образование» [Электронный ресурс]. URL: https://minobrнауки.gov.ru/files/NP_Obrazovanie.htm (дата обращения: 02.08.2022 г.)

сфере социального воспроизводства. Верифицируем гипотезу: управление системой образования может быть результативным, если управленческая модель будет полностью соответствовать современным вызовам, обеспечивать функционирование всех системных элементов образования, а конечный продукт управления – эффективные управленческие решения – будет создаваться, базируясь на точной информации об основных потребностях и интересах всех участников образовательного процесса, и отражаться в социально-экономическом и социально-политическом пространстве новым системным качеством образовательной системы¹.

В этой связи особую актуальность приобретают прикладные социологические исследования, которые способствуют определению доступных способов оперативной корректировки основных конститутивных процессов в образовательном пространстве, в том числе в части реализации национальных проектов, а также оценки удовлетворенности населения достигнутыми результатами. Систематический мониторинг общественного мнения, объективное информирование социума по всем вопросам институционального устройства образования, разъяснение решений органов государственной власти и местного самоуправления способствуют снижению социальной напряженности и более мобильному вовлечению населения в процесс реализации национальных образовательных проектов на уровне муниципальных образований, а далее на региональном и федеральном уровнях.

Предметно изучая ценностные ориентации и учитывая потребностно-мотивационную компоненту субъектов муниципального образования, а также осуществляя социологический мониторинг хода выполнения управленческих решений, создаются все условия для своевременного управленческого реагирования на проблемные точки и потребности субъектов образования. При учете интересов, потребностей, событийной повседневности, ценностных ориентаций, мотиваций и ментальных установок акторов образовательного процесса, технологии, аккумулированные в социологическое сопровождение, планомерно вносят коррективы в осуществлении планируемых социальных изменений.

Оптимизация ресурсных возможностей для интеллектуального модернизационного рывка осуществима посредством осовременивания социоинженерных технологий в отношении соответствующих организационно-распорядительных, методических, системно-технологических моделей и нормативно-правовых документов, социальных национальных планов и задач². Информационно-аналитическая поддержка решений органов управления посредством предоставления результатов социологических исследований, способствует системному осмыслению адаптивных возможностей образовательных социальных лифтов для успешной социализации образовательных акторов на принципах повышения конкурентоспособности личности как главного субъекта креативно-творческого прогресса государства. Превалирующей задачей социологического сопровождения образовательной матрицы выступает рассмотрение и адаптация многовариантной категории «интеграция» в качестве способа оптимального изменения содержания и методик организации образовательного процесса, где региональную стабильность и социальную преемственность обеспечивает, в первую очередь, система культурно-образовательных институтов. Образовательные фреймворки, разновекторные потребности субъектов образовательного пространства, их индивидуальные интересы и желаемые траектории развития должны рационально материализовываться с использованием технологий социальной инженерии.

В соответствии с целями модернизации образования социологическое сопровождение конструирует механизмы «алгоритма» знания», направленного на мобилизацию личностных результатов субъектов интеллектуального пространства, и позволяющего управленческому корпусу в каждом локальном случае создать условия для активизации внутреннего потенциала образовательного субъекта, нуждающегося в таком сопровождении [1, с. 24]. Одним из этих условий является разработка и внедрение инновационной модели управления, отличительными чертами которой являются: акцент на процессы самоорганизации, транспарентность использования научных методов в решении актуальных вопросов. Инновационные модификации в институте образования могут сразу не восприняться в ментальном сознании социума. При

---

¹ О национальных целях и стратегических задачах развития Российской Федерации на период до 2024 года: Указ Президента Российской Федерации от 7 мая 2018 г. № 204 [Электронный ресурс]. – URL: (дата обращения: 10.08.2022).

² Там же.

управленческой готовности субъектов образования важно осознать, что эффект, направленный на общество, будет постепенным: от отрицания к принятию, от индифферентности к сопричастности и профессиональной заинтересованности; от индивидуалистского скептицизма к коллективному доверию и созидательному устремлению. В этом смысле, представляется целесообразным рассмотреть возможности социологического сопровождения акторов образовательного пространства для их постепенной адаптации и включения в созидательные когнитивные практики как мобилизационных участников образовательного модуля.

Социальная инженерия – это тот инструмент, который можно использовать для обеспечения социологического сопровождения процесса управления в системе общего образования. При этом важно понимать, что управленческая модель должна быть способной в полной мере использовать современные социоинженерные практики. Для сущностной оценки социальной инженерии следует сделать акцент на двух качественных ее характеристиках: 1) социальная инженерия часто определяется как разновидность управленческой деятельности, осуществляемой социологами, психологами и руководителями организаций, заключающаяся в регулировании поведенческих аспектов деятельности и реализации контрольной функции; 2) дефиниция социальной инженерии происходит посредством методов и технологий, направленных на решения проблем адаптации и функционирования различных социальных групп, организационных и институциональных структур к условиям социальной реальности. Целесообразно отметить, что отличие инженерии от технологизации принципиально: инженер не ограничивается проектированием и моделированием новых социальных систем, но он осуществляет анализ создаваемых им структур.

В условиях повсеместной трансформации необходимо обеспечить содействие в налаживании механизмов коммуникативных ожиданий и транслятивных каналов между коммуникаторами и реципиентом. Социологическое сопровождение, в этом смысле, является смыслозадающим процессом, осуществляющим информационную функцию, обеспечивая эмоциональную поддержку субъектам образования.

Таблица 1 – Градиента типизации форм социологического сопровождения в контексте концептуально-функционального наполнения

Table 1 – Gradient of typing forms of sociological support in the context of conceptual and functional content

Форма сопровождения	Концептуально-функциональное наполнение
Социально-педагогическое сопровождение	При помощи технологий прогнозирования перспектив поведения и самопроявления образовательного субъекта в ситуации развития осуществляется планомерное конструирование, а также адаптация «индивидуального образовательного маршрута» путем реализации личностного потенциала каждого ученика в образовательном фундаменте.
Психологическое сопровождение	Проориентационное ориентирование и индивидуализация выбранных образовательных программ для молодежи. Формирование равных стартовых площадок и условий для становления личности, повышения её потенциала.
Юридическое сопровождение	Деятельность по созданию адаптивных условий для самоопределения субъекта в сложной жизненной ситуации, предотвращающих появление проблем и неблагоприятных последствий. Осуществление профилактики недопущения делинквенций у обучающихся. Регулирование и корректировка стимулов их поведения законодательными императивами.
Рекреационно-оздоровительное сопровождение	Диагностирование показателей усталости и утомленности субъектов института образования. Разработка и внедрение комплекса оздоровительных мероприятий, направленных на восстановление психофизиологического самочувствия и работоспособности человека, развитие ментального и физического здоровья нации путем создания благоприятных социальных условий.
Культурологическое сопровождение	Создание условий для гуманного взращивания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.

Использование методов социологической науки в процессе разработки стратегических планов реализует следующую функциональную компоненту и градируется на следующие стадии: 1) разработка образовательной стратегии; 2) определение ключевых компетенций и индикаторов, необходимых для адаптации образовательной стратегии; 3) системный анализ существующих, на сегодняшний день, образовательных моделей и стратегий развития; 4) выявление образовательных процессов, функциональные звенья которых требуют качественного изменения; 5) определение ключевых показателей эффективности целостной образовательной системы; 6) реинжиниринг, контроль и перманентное совершенствование образовательной системы и ее закономерных процессов на основе ключевых показателей эффективности.

Принятие решений по развитию образовательной инфраструктуры позволяет максимально учитывать мнение субъектов социальной системы, мобилизовать общество на выполнение поставленных задач, снизить цену рисков, а также социально-экономические издержки, определить приоритеты и посредством социоинженерных технологий повысить управленческую результативность деятельности органов местного самоуправления. При этом важно с ясностью понимать, что социальная инженерия — это не только опросы, социометрия, наблюдение, контент-анализ и т. д. Это возможность использовать данные прикладных исследований, полученных посредством не только количественных, но и качественных методов сбора информации, для оптимизации работы управленческой системы.

Помимо традиционных методов современная образовательная ситуация предполагает активное использование управленческого моделирования (включая применение макетов и тренажеров), теории игр, исследование критических ситуаций и т.д. Реализация данных практик требует комплексного и профессионального подхода, междисциплинарной подготовки, включающей в качестве основных модулей основы социальной инженерии, организационную диагностику, системный анализ, прогнозирование, моделирование, проектирование, социальное планирование, конфликтологию, внедрение социальных новшеств. В качестве базовых принципов социоинженерной деятельности следует определить принцип субсидиарности, принцип поэтапности, принцип опережающего развития культуры, принцип единства социальных, культурных и личностных изменений [2, с. 63]. С точки зрения управления социальным пространством – это наиболее эффективный инструмент. Исследовать эти предпочтения, склонности, способности, социальные ожидания для принятия верного управленческого решения позволяет современные социологические технологии.

Апробируя базис современных социологических технологий в контексте социологического сопровождения образовательных акторов, в рамках научно-исследовательской работы, предложено использовать качественно новую модернизационную синергетическую модель. Предлагаем интегрировать и аккомодировать в образовательный процесс интерактивно-рациональную модель управления. Данная модель позволит организовать пространство социального бытия как функционирование множества индивидов, трансформировавших свой облик под воздействием повсеместной цифровизации и инноватизации, которые мыслительной деятельностью формируют его высокопроизводительные новаторские свойства и образовательные возможности.

Актуальность выбранной модели обеспечивается следующими социально-экономическими трендами: индустриализация и автоматизация процесса производства; повышение требований к квалификации и интеллектуализации труда; инфраструктура и среда – НИОКТР; появление новых инновационных технических средств для передачи информации; фундаментальные изменения в технике; ускорение научно-технических преобразований [3]. Прицельное внимание уделено революции коммуникаций, т.е. развитию электронных масс-медиа виртуальной и симуляционной реальности. Устанавливается, что фундаментом инновационно-институциональной формы проявления идеологических феноменов должны стать идеологическо-культурологические проекты, где артикулируются возможности цифровых технологий, образуя поле идентификационных стратегий образовательных акторов. Стремительная динамика эволюции развития цифровых технологий и передачи информации, а также сложная эпидемиологическая ситуация, актуализировали проблему инноватизации образовательного процесса и акцентировки новой формы организации учебного процесса – дистанционного обучения (ДО).

Дидактическая система, сложная по содержанию и своей специфике, служит как средство для качественного достижения целей образовательного процесса. Образовательная среда

столкнулась с острой проблемой – несоответствие компонентов дидактической системы новейшим технологиям, имплантационно внедренным в дистанционный образовательный формат. Такие элементы дидактической системы как цель образования, содержательная база процесса, средства обучения, методы контроля и оценки результатов обучения и форма передачи информации посредством организации учебного процесса, не в полной мере отвечали требованиям пандемийного и постпандемийного периода.

Ведущие акторы образовательной системы в период пандемии взяли курс на активное развитие цифровых образовательных траекторий. Это отразилось на разработке профильных онлайн-курсов, активном включении в образовательный процесс дистанционных технологий и реализации удаленного обучения контингента обучающихся. В этом контексте необходимо продолжать следовать стратегической концепции национального проекта «Образование», осуществляя интеллектуально-творческий рывок к новым модернизационным практикам социологического сопровождения, посредством использования инновационных технологий для обеспечения качественного образовательного маршрута каждого обучающегося¹.

В качестве эмпирического примера, индуцирующего актуальную потребность в социологическом сопровождении акторов образовательного процесса, можно проиллюстрировать коммуникативные трудности между учителем (субъектом) и обучающимся (объектом) в процессе интеллектуального взаимодействия. Во-первых, обратная связь при обучении заметно снизилась, получить ответы на интересующие вопросы со стороны обучающихся и быстро среагировать на поступивший запрос обучающихся, удавалось не в полной мере. Во-вторых, асинхронная коммуникация не способна предоставить учителю условия для систематического регулирования передачи учебного материала обучающимся, т.к. отследить реакцию обучающихся в форме виртуальной беседы, порой не представляется возможным. В-третьих, дополнительная нагрузка в освоении учебного материала и время, затраченное на освоение, непрерывно поступающего информационного контента, осложнила деятельность преподавательского состава и обучающихся образовательной среды.

В рамках исследуемой проблематики было проведено пилотное социологическое исследование, целью которого ставилось исследование социального самочувствия представителей интеллектуального кадрового корпуса и диагностирование развитости интеллектуальной экосистемы школ и вузов, ее турбулентных ресурсных зон². В настоящем исследовании предпринята попытка исследования проблемного поля посредством использования социоинженерных технологий, а также анализа данных экспертного опроса представителей научного сообщества и директоров общеобразовательных учреждений. Данные опроса показали, что, по мнению большинства респондентов, в числе преобладающих факторов, в наибольшей степени, обеспечивающих качество образования были представлены следующие: 1) высокий уровень профессионализма преподавателей (100%); 2) наличие дополнительных программ, факультативных и элективных курсов, вариативность обучения (80%); 3) возможность получить начальные профессиональные навыки (60%); 4) современное материально-техническое обеспечение (компьютеры, копировальная техника и т.д.) (60%); 5) соответствие программ обучения мировому образовательному уровню (40%).

Выявить проблемные реферные точки на предмет интеллектуальной сноровки и профессиональной компетентности образовательного корпуса позволил инструментарий анкетного опроса. Так, на заданный полуоткрытый многовариантный вопрос анкеты директора школ с уверенностью отмечают те знания и навыки, которых не хватает для эффективной работы учителям образовательной организации: 1) навыки в области компьютерных и информационных технологий (60%); 2) методы индивидуального обучения (диагностирование когнитивных

¹ Паспорт национального проекта «Образование» [Электронный ресурс]. URL: https://minobrnauki.gov.ru/files/NP_Obrazovanie.htm (дата обращения: 02.08.2022 г.)

² Сбор первичной социологической информации осуществлялся с помощью социологической анкеты – «Оптимизация социоинженерных методов управления интеллектуальными ресурсами Российской Федерации с учетом реализации задач национального проекта «Образование». Были опрошены деканы, входящие в профессорско-преподавательский состав, имеющие соответствующую ученую степень и ученое звание, а также директора школ г. Ростова-на-Дону. Формулировки вопросов и варианты ответов изложены в редакции, предложенной респондентам. Данные приведены в процентах от реального количества ответов. Социологическое исследование было проведено в период с мая по июнь 2022 года.

способностей учащихся) (40%); 3) использование инновационных методик в образовательном процессе (40%); 4) умение организовать рефлексию хода занятия и полученных каждым учеником своих образовательных результатов (40%); 5) методическая компетентность в преподавании предметной области (20%). Показательно, что деканы ЮРИУ РАНХиГС единогласно отметили, что основной проблемой учебного процесса, требующей первоочередного решения, является поиск новых форм взаимодействия преподавателей и студентов, т.е. необходима коррекция подходов и методов взаимодействия педагогов с обучающимися. С учетом этих характерных проблемных точек система управления образовательной средой, находящаяся в бифуркационной точке своего развития, должна учитывать готовность и нацеленность интеллектуальных субъектов к коммуникативным действиям, формирующих своими социальными практиками инновационное общеинтеллектуальное пространство.

С помощью социологического сопровождения удалось диагностировать «западающие направления» образовательной системы и предложить проект по реформации, включающий ряд направлений. С точки зрения стимулирования инноваций и технологического лидерства РФ, в качестве приоритетных направлений совершенствования образовательных практик должны стать: 1) внедрение новых педагогических технологий и методик (46,2%); 2) совершенствование действующих и создание альтернативных программ, учебников, методических пособий и разработок и т.д. (32,7%); 3) экспорт образования (32,7%); 4) организация опытно-экспериментальной работы в образовательном процессе (25%); 5) развитие системы непрерывного образования (23,1%); 6) создание интеграционных образовательных структур – ТНЦ, технико-внедренческая зона, бизнес-инкубаторы, технопарки, технополисы (19,2%); 7) индивидуализация обучения через создание новых институтов образования (17,3%); 8) обеспечение доминирующего положения в интеграции образовательной и исследовательской сферы (11,5%).

Для решения продиктованных задач целесообразным считаем предложить потенциальные возможности для повышения качества управления образованием:

1. Генерация капитала знаний через создание новых исследовательских инновационных педагогических методик и изучение новых знаний в уже известных областях.

2. Разработка гуманистических стратегий стимуляции и мотивации труда представителей интеллектуальной когорты. Институциональные изменения призваны артикулировать идеологические ориентиры, которые должны соотноситься с реальным модусом повседневности, приблизивших к сфере общему уровню социетальных смыслов [4].

3. Обеспечить преподавание посредством развития инновационных модификационных практик.

4. Адаптация методологического и методического российского образовательного капитала в практическую компоненту при помощи консолидирующих видов взаимодействия с внешней средой на принципах синергии и системной организованности [5]. Итогом станет создание условий для гуманного взращивания гармонично развитой и социально ответственной личности на основе духовно-нравственных ценностей народов Российской Федерации, исторических и национально-культурных традиций.

5. Новая аккомодация системы социальных гарантий для интеллектуально корпуса позволит постепенно поднять социальный статус и престиж образовательных деятелей.

6. Ценностно-нормативная трансформация нравственно-этической компоненты обучения должна направить свою созидательную энергию на создание благоприятных социокультурных условий для обеспечения процессов интеллектуальной гражданской социализации и воспроизводства состава профессиональных кадров для отраслей, обеспечивающих интеллектуальное развитие и прирост человеческого капитала. Прогрессивный образовательный ренессанс, отраженный в повышении общего уровня функциональной грамотности населения страны, послужит подспорьем для повышения духовного влияния и социального авторитета представителей интеллектуальной элиты в обществе.

Резюмируя вышеизложенные концепты, считаем целесообразным в рамках повышения качества образования реализацию в течение ближайших 10 лет последовательный органический реинжиниринг, обеспечивающий переход к современной модели развития образовательной системы. Обновленная система должна базироваться на принципе согласования всех интеллектуальных подсистем и ресурсов, посредством которых обеспечивается функциональное единство всех элементов системы, гармония внутренней согласованности. Ориентиром в данном контексте призваны служить не консервативные абстракции усредненных универ-

сальных ценностей, а «живые потребности» и «интеллектуальное слово» представителей образовательной среды. В контексте решения социально продиктованных вопросов устойчивости муниципальной и региональной образовательных систем, следует рассмотреть такую инструментальную категорию и ценность как «запас интеллектуальной устойчивости». Это управленческий каркас прочности экономической системы, который в любой временной промежуток без дополнительных затрат будет вовлечен и аккомодирован в образовательную деятельность для функционирования и развития компонентов образовательной системы.

Список источников

1. Болгов В. В., Гаранин М. А., Краснова Е. А., Христофорова Л. В. Образование после пандемии: падение или подготовка к прыжку? // Высшее образование в России. 2021. Т. 30. № 7. С. 9–30.
2. Журавлева И. А. Оценка реализации государственной образовательной политики (экспертный анализ) // Социология. 2021. № 4. С. 63–
3. Перспективные направления развития государственной образовательной политики в России // Среднерусский вестник общественных наук. Том 11. 2016. № 3. С. 118–125.
4. Ибрагимли З. И. Интеллектуальный капитал: социально-философский анализ // Молодой ученый. 2009. № 4(4). С. 104–109.
5. Иванова А. А., Гринченко Е. А. Релевантность прикладного социологического исследования // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 1. С. 234–239. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-234-239>.

References

1. Bolgov V. V., Garanin M. A., Krasnova E. A., Khristoforova L. V. Education after a pandemic: falling or preparing for a jump? *Vysshee obrazovanie v Rossii = Higher education in Russia*. 2021;30(7):9-30. (In Russ.)
2. Zhuravleva I. A. Evaluation of the implementation of state educational policy (expert analysis). *Sotsiologiya = Sociology*. 2021;(4). (In Russ.)
3. Zhuravleva I. A. Promising directions for the development of state educational policy in Russia. *Srednerusskii vestnik obshchestvennykh nauk = Central Russian Journal of Social Sciences*. 2016;11(3). (In Russ.)
4. Ibrahimli Z. I. Intellectual capital: socio-philosophical analysis. *Molodoi uchenyi = Young scientist*. 2009;(4):104–109. (In Russ.)
5. Ivanova A. A., Grinchenko E. A. Relevance of applied sociological research. *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski = State and municipal administration. Scientific notes*. 2022;(1):234–239. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-1-234-239>.

Информация об авторах

В. А. Чернышова – Начальник Управления образования города Ростова-на-Дону;
А. А. Иванова – канд. полит. наук, доц. ЮРИУ РАНХиГС;
Е. А. Гринченко – магистрант Института социологии и регионоведения ЮФУ.

Information about the authors

V. A. Chernyshova – Head of the Department of Education of the City of Rostov-on-Don;
A. A. Ivanova – Candidate of Political Sciences, Associate Professor of South-Russia Institute of Management – branch of RANEPА;
E. A. Grinchenko – Master's Student of the Institute of Sociology and Regional Studies of the Southern Federal University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации. Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

Статья поступила в редакцию 17.08.2022; одобрена после рецензирования 31.08.2022; принята к публикации 01.09.2022.

The article was submitted 17.08.2022; approved after reviewing 31.08.2022; accepted for publication 01.09.2022

Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 292–296
State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):292–296

Слово молодым ученым

Научная статья
УДК 316.34:316.4432
doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-292-296

РЕСУРСЫ ДЛЯ НАСЛЕДОВАНИЯ БИЗНЕСА В ПРЕДПРИНИМАТЕЛЬСКИХ СЕМЬЯХ

Илья Александрович Демешкин

Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия,
demeshkinilya@gmail.com

Аннотация. Данная работа посвящена необходимости привлечения ресурсов на основании анализа двух авторских исследований, проведенных по теме «Семейный бизнес» и «Наследование бизнеса в предпринимательских семьях». В основу была положена концепция капиталов Людвига Лахмана, который рассматривал капиталы – как ресурсы, которые имеют не только материальную природу, но и социальный контекст, определяющий и аккумулирующий деятельность актора как возможность генерации новых свойств имеющихся капиталов.

Ключевые слова: семья, бизнес, наследство, наследник, предприниматель

Для цитирования: Демешкин И. А. Ресурсы для наследования бизнеса в предпринимательских семьях // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 292–296. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-292-296>

Young scientists

Original article

RESOURCES FOR BUSINESS HERITAGE IN ENTREPRENEURIAL FAMILIES

Ilya A. Demeshkin

National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia, demeshkinilya@gmail.com

Abstract. This work is devoted to the need to attract resources based on the analysis of two author's studies conducted on the topic "Family Business" and "Business Inheritance in Entrepreneurial Families". It was based on the concept of capitals by Ludwig Lachmann, who considered capitals as resources that have not only a material nature, but also a social context that determines and accumulates the actor's activity as an opportunity to generate new properties of existing capitals.

Keywords: family, business, inheritance, heir, entrepreneur

For citation: Demeshkin I. A. Resources for business heritage in entrepreneurial families. *State and Municipal Management. Scholar Notes.* 2022;(3):292–296. (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-292-296>

Предпосылки к изучению ресурсов в контексте предпринимательской деятельности и семейного бизнеса лежат в двух первоначальных векторах: зарождении и формировании предпринимательских капиталов [1], а также способах передачи информации и методиках вовлечения преемников в предпринимательскую деятельность [2].

В рамках изучения наследования бизнеса было проведено социологическое исследование среди предпринимателей и их наследников. Интервьюирование проводилось в период с 20.03.2022 г. по 29.03.2022 г. и имело 20 участников. Ниже представлены результаты исследования.

Во время исследования установлено, что 7 информантов занимаются предпринимательской деятельностью 24–30 лет, 3 информанта занимаются бизнесом 8 - 15 лет. Предприниматели из группы «Старые» (первые бизнесмены в новейшей истории страны) начали предпринимательскую карьеру в прошлом столетии, они делают акцент на тот факт, что это была вынужденная мера.

«Выживать надо было как-то, других причин не было. Мы тогда даже не знали, что это предпринимательство, барыжили и все» [Интервью 10].

«В то время зарплаты как правило не платили, а уже появились первые ростки бизнеса.» [Интервью 1].

Тяжелое положение, появившееся в стране после «распада» СССР, отсутствие денежных средств и необходимость содержания семьи – выступали основными мотивами для предпринимателей. У исследуемой группы, занявшейся бизнесом гораздо позже, наблюдаются схожие мотивы. Однако, отмечают тот факт, что свободные ниши на рынке побуждали к занятию предпринимательством. Именно поэтому вторая группа «Новые» (бизнесмены второй волны) приходила в предпринимательство добровольно и осознано.

«Потому как появилась возможность у меня. И товарищи таким бизнесом занимались» [Интервью 4].

«Хотел, желание такое было. Понравилось, попробовал, понравилось, пошло, начал» [Интервью 3].

Разница в 10 лет позволила данной группе легче зайти в предпринимательскую сферу. Процесс вхождения осуществлялся двумя способами: «никто не помог» и «помогали друзья, родственники, нужные люди».

В опрошенной группе детей предпринимателей: шесть информантов трудоустроены, четверо из них работают совместно с родителями. 4 информанта не трудоустроены, причиной тому: декрет - 1 информант и учеба - 3 информанта. Предприниматели привлекают своих детей для помощи в бизнесе в различных ролях. Обязанности зависят от возраста, опыта, образования ребенка. Информанты с опытом занимаются решением более серьезных вопросов. Семья по-прежнему имеет важное значение при выборе профессии [3], также, как и мотивация [4].

«Начинал с малого, помогал с разгрузкой, продавцом» [Интервью 2].

Феномен зарождения предпринимательства в основном носит принудительный характер. Многие из информантов начали заниматься предпринимательской деятельностью из-за семьи. Внутренний мотив заставлял информантов пойти в сферу с повышенными рисками. На сегодняшний день группа «Старые» находится в состоянии необходимости передачи бизнеса своим детям. Состояние здоровья и возраст актуализируют вопрос наследования. Однако, решение вопроса зависит не только от готовности предпринимателя передать бизнес детям, но и от готовности детей перенять дело родителей [5].

В процессе анализа актуальности предпринимательства среди молодого поколения были выявлены три группы регулярностей, которые характеризуют человека с точки зрения ключевых моментов предпринимательского действия:

- действие предполагает соотнесение «по своему смыслу с поведением других субъектов и ориентировано на него» (М. Вебер), то есть, как мы уже показывали, представляет собой сеть процессов создания ценности, связанных с действиями субъектов определенного типа;
- действие предполагает наличие определенных объектов, используемых в качестве средств и предметов воздействия, которые в совокупности могут быть определены как ресурсы;
- действие невозможно без субъекта, обладающего способностью не только к целеполаганию, но и к смыслообразованию, то есть, установлению связи между целью и действием в контексте собственного существования.

Одним из главных процессов в наследовании бизнеса является передача профессиональных знаний и стиля управления. Как отмечалось ранее, предприниматели считают важным иметь опыт и навыки в сфере бизнеса. Однако, опрашиваемые бизнесмены не занимались целенаправленным обучением своих детей, предпочитая подавать им «личный пример».

«Ну как можно сказать обучал, своим примером только. Наверное, только так. Старший сын спрашивает какие-то нюансы, естественно рассказываю показываю, обучаю, а как?..» [Интервью 7].

«Нет. Их не надо обучать. Они просто на тебя смотрят, либо они принимают, либо нет» [Интервью 6].

«Ну, он заходит ко мне, общаемся, разговариваем. Обучать я его не обучал, но там нюансы, этому недолго обучить. По ходу дела сам все поймет» [Интервью 4].

На вопрос «Необходимо ли обучать детей предпринимательской деятельности?» все информанты отвечали «Да!» и отзывались об этом крайне положительно. Понимание о необходимости обучения, пришло к группе предпринимателей достаточно поздно. Процесс социализации у детей достиг точки невозврата, вследствие чего предпринимателю тяжело привить желание продолжать родительский бизнес. Например, два критических аспекта планирования преемственности включают в себя социализацию преемника и подготовку актора к будущему лидерству посредством обучения. Эти действия требуют, как готовности обучать со стороны действующего предпринимателя, так и готовности учиться со стороны преемника.

Дети предпринимателей, говорят о том, что фактически, процесса обучения не было, но родители обучали их отдельным аспектам деятельности.

«Прям, чтобы обучали, нет. А, так сказать, навыки свои мне передают. Пытаются что-то объяснить» [Интервью 13].

Исходя из анализа ответов, видно, что процесс обучения несет косвенный характер. Предприниматели не всегда привлекали своих детей к помощи в вопросе ведения бизнеса. В свою очередь, понимание необходимости обучения пришло достаточно поздно к предпринимателям, что является фактором отчуждения со стороны детей. Однако, дети расценивают сложившиеся ситуации иначе. Для них образ жизни родителей является неформальным мануалом.

В ходе исследования, задавался вопрос о том, какими качествами должен обладать человек, чтобы преуспеть в бизнесе. Вопрос задавался как предпринимателям, так и их детям, во многих случаях называемые качества совпадали. Однако, определить влияние предпринимателя на формирование мнения ребенка не удалось. Предположительно, влияние оказали первичные знания детей и взаимодействие в повседневной жизни с родителями. В табл. 1 указаны качества, определяемые родителями и их детьми.

Таблица 1 – Характеристики предпринимателя

Table 1 – Entrepreneur characteristics

№ п/п	Характеристики, описываемые предпринимателями	Характеристики, описываемые преемниками
1	Жуликоватость, неординарное мышление, чувство голода	Целеустремленность, харизматичность, желание
2	Желание создать и развивать бизнес	Ум, понимание, информированность
3	Терпеливость	Стремление развиваться
4	Трудолюбие, терпение, знания, умение мыслить	Терпение, упорство
5	Смелость, трудоспособность, честность, любовь к своему делу	Упорство, смелость, коммуникабельность
6	Креативность, коммуникабельность	Рискованность
7	Трудолюбие, ответственность	Харизма, трудолюбие
8	Честность, ум, справедливость	Знания
9	Трудолюбие, желание заработать	Трудолюбие, ответственность
10	Честность	Заинтересованность

Основные качества присущие предпринимателю, по мнению исследуемой группы: трудолюбие, терпение, коммуникабельность. Данный тип предпринимателя был описан Кирцнером. Немногочисленные информанты отмечают качества, которые присущи предпринимателю, описанному Шумпетером: харизма, творчество, креативность. Сегодня основу предпринимательской сферы наполняют акторы подходящие под описание Кирцнера, об этом свидетельствует представленные выше качества.

Далее, соотнеся выявленные характеристики, необходимые для предпринимателя, мы провели анализ – как в целом оценивают возможности молодого поколения действующие предприниматели.

«Перспектива развития, в развитии мозгов, не зацикливании.... Жизнь более насыщенная. С другой стороны, очень много проблем» [Интервью 7].

Информант указывает на то, что предприниматель должен быть авантюристом по своему типу. Для того, чтобы не произошла стагнация, предприниматель должен постоянно

находиться в движении не только физическом, но и умственном. Отвечая на вопрос, информант затрагивает тему интересов своего старшего сына и указывает на то, что ребенок не хотел бы владеть бизнесом отца. В ходе проведения интервью с преемником данного предпринимателя было установлено обратное мнение – ребенок утверждает, что ему нравится сфера деятельности отца. Именно здесь актуализируется необходимость создания условий для эффективного семейного функционирования [6] и взаимодействия, особенно, в период становления личности и индивидуализации актора [7].

«На самом деле - да. Просто, как бы лес, природа, природные ресурсы. Достаточно простые и интересные» [Интервью 15].

Различия во мнениях свидетельствует о том, что родители не всегда полноценно знают о желаниях и интересах своих детей [8]. Одновременно, дети редко выражают личное мнение [9] относительно получения бизнеса по наследству.

Предприниматель из группы «Старые», говорит, что сегодня у молодежи завышены амбиции, которые в реальности практически не исполнимы. Информант рассматривает предпринимательскую деятельность, как комплекс действий, который отягощен проблемами, связанными с опытом и финансами.

«Вот выходит молодой человек с университета, с каким-то набором знаний, как ему начать заниматься предпринимательством. Где та точка опоры, где тот толчок, который ему поможет начать заниматься, как таковую стратегию выстроить? Где она? А ее нет, есть пустота. Мое четкое мнение, молодой человек, который хочет уйти в собственный бизнес должен получить опыт по данному направлению» [Интервью 10].

Из ответа можно сделать вывод о том, что для предпринимательской деятельности необходим базис, который формируется через практику, трудовую деятельность на предприятиях и практических знаниях. Академические знания не несут ценности для информанта.

Группа опрашиваемых детей практически единогласно говорит об актуальности предпринимательства среди молодежи. Ключевым фактором выделяют возможность работы на себя, а не «на дядю».

«Потому что молодежь хочет заниматься своим делом, не хочет работать на кого-то» [Интервью 20].

Не все опрошенные информанты из группы детей строят свои карьерные стратегии по данному принципу. Линейная карьера вызывает большее доверие, нежели бизнес. Информанты связывают это с возможностью получения образования и мобильностью.

«В разговорах своих сверстников я практически никогда не слышу о том, что кто-то целенаправленно хочет заниматься предпринимательской деятельностью» [Интервью 14].

Информант отмечает, что предпринимательство для него служит как побочный продукт деятельности. Линейная карьера менеджера или наемного сотрудника характеризуется меньшим количеством рисков и ответственностью, а современная молодежь, как правило, не готова к рискам [10]. Деятельность в организациях регламентируется уставами и нормами поведения. В предпринимательской деятельности человек принимает все риски, как со стороны предприятия, так и с внешней среды.

Занятие предпринимательской деятельностью требует не только принятие рисков, но и привлечение ресурсов, как для начала дела, так и для передачи бизнеса. Процесс наследования сопровождается наличием определенных условий. Со стороны группы предпринимателей единственным необходимым условием является желание детей перенять бизнес. Привлечение капиталов не несет обязательный характер. Ресурсы в процессе наследования не нужны.

«Естественно самое главное, это желание у детей. Ресурсы есть там, нету, будут, это наживное. Самый главный ресурс – это желание, стремление детей заниматься этим видом деятельности. Если не будет желания, какой смысл передавать?» [Интервью 7].

В процессе анализа стало понятно, что передача предприятия по наследству не несет потребности в привлечении материальных ресурсов, а актуализирует необходимость получения когнитивных ресурсов (знания о том, как правильно подготовить наследника и передать ему бизнес). Единственным необходимым фактором выступает обоюдное желание передать и принять бизнес. Однако, как отмечалось ранее, отсутствие коммуникации в вопросе передачи бизнеса может повлечь за собой к недопониманию с обеих сторон.

Список источников

1. Левушкин А. Н., Надысева Э. Х. Переход семейного бизнеса по наследству // Наследственное право. 2021. №3. С. 8–12.
2. Абраменков М. С., Блинков О. Е. Модели приобретения наследства в наследственном праве зарубежных стран // Наследственное право. 2017. №1. С. 3–6.
3. Зарембо Г. В., Углов В. В., Герасименко Т. Н. Родители и дети: путь к выбору профессии // Научный диалог. 2017. № 2. С. 467–470.
4. Полякова Е. М. Мотивация как метод повышения эффективности управления человеческими ресурсами // Экономика и социум. 2022. № 3. С. 772–775.
5. Алекберова Д. Р., Пушкина А. В. Отношение подростков и их родителей к интересу как фактору выбора профессии // Научные исследования и разработки молодых ученых. 2016. № 9-1. С. 39–43.
6. Коновалова О. В., Черепанова А. А. Исследование взаимосвязи детско-родительских отношений и личности родителей // Наука и современность. 2010. № 5-2. С. 91–96.
7. Романенко Л. В. Роль семьи в формировании личности ребенка // Наука, образование и культура. 2017. № 3. С. 30–32.
8. Лупенко Н. Н., Станоева Ю. П. Особенности взаимодействия родителей и подростков, осуществляющих выбор профессии // Общество: социология, психология, педагогика. 2019. № 8. С. 57–61.
9. Цветкова И. В. Отношения с родителями как фактор социального самочувствия подростков // Азимут научных исследований: педагогика и психология. 2017. № 4. С. 428–431.
10. Винокурова Н. А., Комарова К. А., Светлов Н. М. Кто хочет стать миллионером? Портрет российского студента, желающего стать предпринимателем // Экономика, предпринимательство и право. 2022. № 2. С. 527–544.

References

1. Levushkin A. N., Nadyseva E. Kh. Transfer of family business by inheritance. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance law*. 2021;(3):8–12. (In Russ.)
2. Abramenzkov M. S., Blinkov O. E. Models of the acquisition of inheritance in the inheritance law of foreign countries. *Nasledstvennoe pravo = Inheritance law*. 2017;(1):3–6. (In Russ.)
3. Zarembo G. V., Uglov V. V., Gerasimenko T. N. Parents and children: the path to choosing a profession. *Nauchnyy dialog = Scientific dialogue*. 2017;(2):467–470. (In Russ.)
4. Polyakova E. M. Motivation as a Method for Improving the Efficiency of Human Resource Management. *Ekonomika i sotsium = Economics and Society*. 2022;(3):772–775. (In Russ.)
5. Alekberova D. R., Pushkina A. V. The attitude of adolescents and their parents to interest as a factor in choosing a profession. *Nauchnyye issledovaniya i razrabotki molodykh uchenykh = Scientific research and development of young scientists*. 2016;(9-1):39–43. (In Russ.)
6. Konovalova O. V., Cherepanova A. A. Study of the relationship between parent-child relationships and the personality of parents. *Nauka i sovremennost = Science and Modernity*. 2010;(5-2):91–96. (In Russ.)
7. Romanenko L. V. The role of the family in shaping the child's personality. *Nauka, obrazovaniye i kultura = Science, education and culture*. 2017;(3):30–32. (In Russ.)
8. Lupenko N.N., Stanoeva Y.P. Peculiarities of interaction between parents and teenagers who choose a profession. *Obshchestvo: sotsiologiya. psikhologiya. pedagogika = Society: sociology, psychology, pedagogy*. 2019;(8):57–61. (In Russ.)
9. Tsvetkova I. V. Relations with parents as a factor in the social well-being of adolescents. *Azimut nauchnykh issledovaniy: pedagogika i psikhologiya = Azimut of scientific research: pedagogy and psychology*. 2017;(4):428–431. (In Russ.)
10. Vinokurova N. A., Komarova K. A., Svetlov N. M. Who want to be a millionaire? Portrait of a Russian student who wants to become an entrepreneur. *Ekonomika, predprinimatelstvo i pravo = Economics, Entrepreneurship and Law*. 2022;(2):527–544. (In Russ.)

Информация об авторе

И. А. Демешкин – аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета.

Information about the author

I. A. Demeshkin – Postgraduate Student of National Research Tomsk State University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 15.05.2022; одобрена после рецензирования 23.05.2022; принята к публикации 27.05.2022.

The article was submitted 15.05.2022; approved after reviewing 23.05.2022; accepted for publication 27.05.2022.

Научная статья

УДК 32.019.5

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-297-306

ТЕОРИЯ «НОВОЙ ДЕМОКРАТИИ» МАО ЦЗЭДУНА: ОПЫТ МОРФОЛОГИЧЕСКОГО АНАЛИЗА ИДЕОЛОГИЧЕСКОГО КОНСТРУКТА

Мэн Юйфэн

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, 552094367@qq.com,

<https://orcid.org/0000-0002-3747-8927>

Аннотация. Целью статьи является анализ ключевых концептов теории «новой демократии» Мао Цзэдуна. Для этого автор в качестве методологического ориентира выбирает когнитивистскую трактовку идеологии, прежде всего, структурно-морфологический подход М. Фридена, который позволяет охарактеризовать ядро идеологии с учетом ее смежных и периферийных концептов. С опорой на анализ текстов Мао периода 1920–40 гг. автор показывает, как в дискурсе лидера китайских коммунистов формируется идеологический конструкт, получивший позднее название «теория новой демократии». В статье раскрывается смысл концептов, составляющих ядро этой теории: китаизация марксизма, революционная война и новая демократия. При этом автор акцентирует также роль смежных концептов, позволяющих раскрыть общий смысл «новой демократии»: классы и классовая борьба, аграрная революция, китайская нация, китайский народ, единый национальный фронт, гегемония и др.

Ключевые слова: идеологический конструкт, идеологический концепт, Мао Цзэдун, классовый подход, китаизация марксизма, крестьянская революция, революционная война, новая демократия, нация, народ

Для цитирования: Мэн Юйфэн. Теория «новой демократии» Мао Цзэдуна: опыт морфологического анализа идеологического конструкта // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 297–306. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-297-306>

Young scientists

Original article

MAO ZEDONG'S THEORY OF "NEW DEMOCRACY": THE EXPERIENCE OF MORPHOLOGICAL ANALYSIS OF AN IDEOLOGICAL CONSTRUCT

Meng Yufeng

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, 552094367@qq.com,

<https://orcid.org/0000-0002-3747-8927>

Abstract. The purpose of the article is to analyze the key concepts of Mao Zedong's theory of "new democracy". For this purpose, the author chooses the cognitive understanding of ideology as a methodological guideline, first, the structural-morphological approach of M. Freedon, which allows us to characterize the core of ideology considering its adjacent and peripheral concepts. Relying on the analysis of Mao's texts of the 1920-40 period, the author shows how an ideological construct is formed in the discourse of the leader of the Chinese Communists, which later became known as the "theory of new democracy". The article reveals the meaning of the concepts that make up the core of this theory: the Sinification of Marxism, revolutionary war and new democracy. At the same time, the author also emphasizes the role of adjacent concepts that allow revealing the general meaning of the "new democracy": classes and class struggle, agrarian revolution, Chinese nation, Chinese people, united national front, hegemony, etc.

Keywords: ideological construct, ideological concept, Mao Zedong, class approach, Sinification of Marxism, peasant revolution, revolutionary war, new democracy, nation, people

For citation: Meng Yufeng. Mao Zedong's Theory of "New Democracy": the experience of morphological analysis of an ideological construct. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):297–306.* <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-297-306>

Одним из наиболее дискуссионных вопросов в научной литературе, посвященной маоизму, является оценка степени его оригинальности в рамках марксистско-ленинской традиции¹. Китайский историк Ван Цзясян первым использовал термин «идеи Мао Цзэдуна», когда в одной из своих статей 1943 года четко заявил, что «идеи Мао Цзэдуна – это китайский марксизм-ленинизм»². Известный американский китаевед Б. Шварц назвал маоизм «ересью» марксизма [1]. Другой известный американский китаевед С. Шрамм высказал мнение, что из всех концепций, выдвинутых Мао в конце 1930-х гг., ни одна не воплощала так откровенно и смело его веру в уникальность китайской революции и необходимость для китайцев решать свои собственные проблемы собственным способом, как его идея 'китайской оптимизации марксизма' [2]. В данной статье мы обращаемся именно к этой идее, как она была продумана в текстах Мао Цзэдуна периода 1930-40 гг. Данный период практически единодушно оценивается китайскими учеными как наиболее продуктивный в творческой биографии классика китайского марксизма. При этом в качестве общей черты идейного наследия Мао данного периода указывается первый (и основополагающий для КНР) опыт «китаизации марксизма» [3]. Относящееся к 1930–40-м гг. «первое сочетание марксизма с китайской действительностью» отличают в КНР от «второго сочетания» в эпоху социалистического строительства 1950-60-х гг. При этом концептуальным маркером упомянутого «первого сочетания» выступает как раз теория «новой демократии» [4].

В пользу выделения этой теории как особого идеологического конструкта говорят прежде всего ее позднейшие оценки внутри самой КПК. Мао Цзэдун отказался от своего идеологического детища уже в начале 1950-х годов [5, т. 5, с. 105]. Напротив, Дэн Сяопин, объявляя на XII съезде КПК программу реформирования Китая, символически называет этот съезд наиболее важным форумом партии после VII съезда, на котором Мао продвигал доктрину новой демократии. В речи Дэна были обозначены три идеологических конструкта КПК, которые вписываются в общую идеологическую формацию китайского социализма: с одной стороны, маоистские концепции «новодемократической революции» и «всестороннего развертывания социалистического строительства»; с другой – концепт «социализма с китайской спецификой», выдвинутый самим Дэном. При этом, если концепт новой демократии оценивается китайским реформатором положительно, то практику второго он описывает как «извилистый путь», полный «серьезных неудач» [6, с. 4-5]. Вместе с тем Дэн Сяопин высоко оценивал стремление Мао Цзэдуна «сочетать всеобщую истину марксизма с конкретной реальностью нашей страны, идти собственным путем» [6, с. 6]. Не будет преувеличением сказать, что выраженный здесь концепт китаизации марксизма является неотъемлемым элементом всех идеологических конструктов, до сих пор выполнявших роль «временно-официальных идеологий» [7, с. 38] в КНР. Но зарождается этот элемент в дискурсе Мао Цзэдуна и в связи с констелляцией концептов, получивших позднее общее (и отчасти условное) название «теории новой демократии».

Какие же концепты составляют структуру этого идеологического конструкта? Цель данной статьи состоит в том, чтобы идентифицировать в этой структуре центральную (ядерную) часть с привлечением смежных для нее концептов. Но для этого необходимо вначале уточнить, что следует понимать под идеологическим конструктом и каким методом его исследовать.

Понятие идеологии, лежащее в основе данной работы, является марксистским по своим истокам, однако учитывает и вклад других интеллектуальных традиций в изучение данного сложного явления. Для классиков марксизма идеология есть самодовлеющая система идей, которая, в отличие от науки, не только не нуждается в проверке социальной реальностью, но сама претендует быть «творческой силой и целью всех общественных отношений» [8, т. 3, с. 421]. Для неомарксистской традиции в лице прежде всего А. Грамши такой статус идеологии является не только инструментом политического господства посредством преднамеренного введения масс в заблуждение, но прежде всего «той почвой, на которой люди движутся, осознают свои собственные позиции, борются и т. д.» [9, с. 74]. Среди современных авторов сходный концепт

¹ Заметим, что в отличие от исследовательской литературы, посвященной Мао Цзэдуну [1], ни в текстах самого Мао, ни в официальном дискурсе КПК никогда не использовался термин «маоизм» (毛主义: Мао чжуи) по аналогии с «марксизмом-ленинизмом» (马克思 - 列宁主义: Макэсы - Ленин чжуи), а в современном Китае в официальных партийных документах употребляется выражение «идеи Мао Цзэдуна» (毛泽东思想: Мао Цзэдун сысян).

² 王稼祥. 中国共产党与中国民族解放的道路. - 解放日报. 1943-07-08. [Ван Цзясян. Коммунистическая партия Китая и путь к национальному освобождению в Китае. - Цзефан жибао. 08.07.1943.]

идеологии развивает голландский ученый Т. ван Дейк. Он рассматривает идеологию как «форму социального знания, разделяемого членами группы, класса или других социальных формаций» [10, с. 54]. Это специфическое знание представляет собой когнитивную конструкцию, составленную из разных по своему типу элементов. Природа этих элементов является предметом широкой научной дискуссии, в тонкости которой мы здесь входить не будем.

Пролить свет на этот вопрос нам во многом позволяет «морфологический» подход к идеологиям, предложенный британским политическим философом Майклом Фриденем. Трактат идеологии как «особый и уникальный жанр использования и комбинирования политических концептов (concepts)» [11, р. 48], Фриден показывает, что главное в идеологиях есть не столько наличие либо отсутствие каких-то концептов, сколько разное упорядочение сходных концептов. Такое упорядочение характеризуется, по Фридену, различием ядерных, смежных и периферийных концептов в общей структуре идеологии. Эта структура обеспечивает «деконтекстацию» многозначности политических концептов, выводя их из режима «сущностной оспариваемости». Используя изначальную многозначность политических концептов как сырой материал, идеология по-своему занимается конструированием социальной реальности: «связывая воедино большое количество концептов, каждый из которых был деконтекстирован благодаря своей ассоциации с соседними концептами, идеологии получают четкие идеологические профили» [11, р. 85].

Если для ученого многозначность идеологического понятия неизбежна, то для самого идеолога она, напротив, вне закона, и это выражается, по Фридену в «цементировании» отношений между словом и концептом как эффекте деконтекстации альтернативных значений. Так, должно было пройти некоторое время, прежде чем термин «новая демократия» победил своих вербальных «конкурентов» и стал единоличным индексом соответствующего идеологического конструкта. Важно, что идеологические концепты вроде «новой демократии» являются не исключительно условными моделями какого-то теоретика или отвлеченными фантазиями политика, но «конструктами (constructs), отражающими социально-историческую практику» [11, р. 52].

Поскольку в анализе идеологического конструкта Мао Цзэдуна мы делаем акцент на различии ядерных и смежных концептов, есть необходимость высказать по этим понятиям несколько методологических замечаний. К ядерным концептам идеологической структуры мы будем относить те, без которых она теряет свое специфическое отличие от других идеологий. Само ядро идеологии представляет собой не один какой-то концепт, а концептуальный пучок - «гибкую и эмпирически подтверждаемую коллекцию идей, сформированных социальными конвенциями» [11, р. 84]. Взаимное выключение некоторых смыслов (деконтекстация) ядерных концептов происходит, видимо, только в том случае, когда они образуют связанное суждение, выражающее основную идею идеологии. Так, для идентификации ключевых концептов либеральной идеологии М. Фриден, останавливаясь на одном суждении британского философа Дж. С. Милля («Свободное развитие индивидуальности является одной из главных основ благополучия»), замечает, что содержащаяся в нем фраза «свободное развитие индивидуальности» содержит три из основных концептов, которые Милль продвигал в своей политической теории. Фриден поясняет, почему: «Отношения свободы, индивидуализма и прогресса – это отношения взаимной зависимости и определения. Невозможно распутать их и поместить одну из них в центр аргументации Милля» [11, р. 145].

Этот пример может служить нам образцом при характеристике ядерных концептов теории «новой демократии». И здесь есть смысл стартовать с базового суждения. Разумеется, это суждение необязательно должно быть цитатой из какого-то реального текста - оно может быть и резюме соответствующей аналитической работы с источниками. Заметим также, что в идеологических конструктах более субъективного (как доктрины какой-то партии) и/или локального (привязанного к условиям конкретной страны) характера индексация ядерных концептов может носить более сложный характер, чем в случае отдельных слов в примере Фридена с классическим либерализмом. Однако аналитик, работающий с концептной структурой данной идеологической формации, должен иметь в виду, что даже логика основной идеи идеологии не может служить абсолютным критерием для отнесения того или иного концепта к ядру идеологии. Здесь важна также позднейшая идеологическая рефлексия со стороны тех, кто сохранил к этой идеологии политический интерес.

Как показывает М. Фриден на примере либеральной идеологии, только нескольких концептов с их взаимно уточняющими семантиками в выражении «свободное развитие

индивидуальности» недостаточно для выживания либерализма в кругу других идеологий. Поэтому либерализм нюансирует дальше смыслы своих ядерных концептов, присоединяя к ним определенный набор дополнительных (смежных) понятий. К ним относятся в идеологии те «категории концептов, которые необходимы для ее выживания как с культурной, так и с логической точек зрения, хотя отдельные экземпляры этих категорий таковыми не являются» [11, р. 78]. Общая функция смежных концептов состоит в том, чтобы раскрыть специфическое содержание варианта (вида) какой-либо идеологии. Другими словами, благодаря смежным концептам типовые характеристики (ядерные концепты) какой-то идеологии не только становятся более понятными массовой аудитории, но и пускают корни в конкретной культурной среде, становятся ближе к жизненному кругу людей. В этом смысле различие между ядерными, смежными и периферийными концептами примерно соответствует различению типа, вида и экземпляра какой-то идеологии. К примеру, есть общая идеология коммунизма с ядерными концептами вроде «бесклассового общества», далее, есть ее разные виды (русский большевизм, китайский социализм и т.д.), наконец, есть конкретные экземпляры одного и того же вида идеологии, как в нашем случае – теория «новой демократии» Мао Цзэдуна, концепция «социализма с китайской спецификой» Дэн Сяопина и т.д. Используемое нами понятие «идеологического конструкта» примерно совпадает с понятием «экземпляра» идеологии.

Не менее важным в анализе идеологических конструктов китаизированного марксизма является и понятие периферийных концептов, которые обеспечивают жизнеспособность конкретных экземпляров той или иной идеологии – к примеру, успех идей Мао в период единого антияпонского фронта 1930-40 гг. в отличие от идей Мао в период социалистического строительства в Китае 1950-60-х годов. Но из-за ограниченного объема статьи мы этот сюжет опускаем. Охарактеризуем теперь в общих чертах ядерные концепты маоистского идеологического конструкта «новой демократии».

Накануне провозглашения КНР Мао Цзэдун свел суть программы действий китайских коммунистов с учетом прошлого опыта к одной формуле: «Демократическая диктатура народа, руководимая рабочим классом (через коммунистическую партию) и основанная на союзе рабочих и крестьян ... в тесном сплочении с международными революционными силами» [5, т. 4, с. 515–516]. Смысл этой формулы, в которой с формально-логической точки зрения есть сразу несколько тавтологий и противоречий, невозможно расшифровать без морфологического анализа всего идеологического конструкта Мао, причем взятого в его динамике на протяжении 1930-40 гг.

Для этого надо прежде всего сформулировать базовое суждение, в котором выражена основная идея этого идеологического конструкта. Оно могло бы звучать так: *творчески применяя общие истины марксизма к осмыслению конкретного опыта китайской революционной войны, коммунисты Китая выработали программу новой демократии*. В этом суждении главными являются три концепта, которые вербально могут быть проиндексированы как *китаизация марксизма*, *революционная война* (в Китае) и *новая демократия*. Теперь охарактеризуем эти концепты подробнее, с учетом смежного им концептуального пространства.

Китаизация марксизма. Принцип китаизации марксизма как идеологического условия китайского пути к социализму Мао Цзэдун четко формулирует в контексте внутривнутрипартийной дискуссии о «едином национальном фронте (民族统一战线: миньцзу тун и чжаньсянь)» против японских захватчиков. Он заявляет в своем выступлении в декабре 1938 года: «Коммунисты являются сторонниками интернационального учения — марксизма, однако марксизм мы сможем претворить в жизнь только с учетом конкретных особенностей нашей страны и через определенную национальную форму» [5, т. 2, с. 256]. Для этого коммунисты должны осознать себя «частью великого китайского народа» от Конфуция до Сунь Ятсена, усвоить «приятный для слуха и радостный для глаза китайского народа китайский стиль и китайскую манеру» [5, т. 2, с. 266]. Впрочем, сам термин «китаизация марксизма» (马克思主义的中国化: Макэсы чжунгхоуа), употребленный Мао в упомянутом докладе, при издании «Избранных произведений Мао Цзэдуна» был заменен на фразу «применить марксизм к конкретным условиям Китая» (使马克思主义在中国具体化: Ши Макэсы чжунгхоуа цзай чжунгхоуа цзюйтихуа) [5, т. 2, с. 266]. Профессор Центральной партийной школы при ЦК КПК Ли Цзюньжу поясняет такую корректировку опасением тогдашнего руководства КПК, что формулировка «китаизация марксизма» могла быть ошибочно расценена как националистический уклон, поэтому в дальнейшем КПК избегала ее использования вплоть до 2000-х годов [12]. В своем докладе на совещании кадровых работников в Яньани (май 1941 года) Мао Цзэдун изящно обезопасил себя

от обвинений в националистическом уклоне, сославшись на «Краткий курс истории ВКП(б)» как на образец того, как «Ленин и Сталин соединили всеобщую истину марксизма с конкретной практикой революции в Советском Союзе» [5, т. 3, с. 24].

В идеологическом конструкте Мао к базовому концепту китаизации марксизма подтягивается, как минимум, три смежных концепта: *класс*, *китайская нация* и *китайская (национальная) революция*. Тем самым Мао удается, с одной стороны, раскрыть политические и научные перспективы марксистского классового подхода в Китае, а с другой - деконтектировать в марксистском духе концепт «китайской нации», за который у КПК шла острая семантическая борьба с китайскими националистами вроде Лян Цичао.

При исходном раскрытии содержания концепта китайской революции, помимо таких смежных понятий, как *аграрная* и *демократическая революция*, исключительно важную роль играет понятие *класса* и *классового анализа*. Эти понятия активно используются на всем протяжении идеологического конструирования у Мао, но интересны национальные нюансы реализуемого им классового анализа китайского общества 1920-30 гг. Мао не ограничивается простым наложением общей марксистской схемы классов (буржуазия vs. пролетариат; помещики vs. крестьяне) на китайское общество; но, во-первых, он дифференцирует каждый из этих классов на подклассы, выделяя, к примеру, несколько подгрупп внутри не только буржуазии и «мелкой буржуазии», но даже внутри «полупролетариата» и люмпен-пролетариата [5, т. 1, с. 11-16; т. 2, с. 404]. При этом китайский марксист методично оценивает (контр-) революционный потенциал каждого подкласса в зависимости от его экономического статуса.

Во-вторых, классовый анализ модифицируется у Мао в зависимости от политической ситуации. При этом нередко экономические критерии выделения подклассов плавно переходят в политические и идеологические. К примеру, буржуазию, помимо традиционного марксистского разделения на крупную, среднюю и мелкую, Мао делил на «компрадорскую крупную буржуазию» и «национальную буржуазию», а среди состава первой категории выделял «прояпонскую крупную буржуазию (капитулянтов (投降派: тоусян пай))» и «крупную буржуазию европейской и американской ориентации (твердолобых (顽固派: ваньгу пай))» [5, т. 2, с. 401-402].

В-третьих, оценка Мао интеллигенции обнаруживает некоторые отличия от большевистской. Ленин писал в 1919 г., что «большинство интеллигенции тянет к буржуазии», так что пролетариат победит «не с помощью интеллигенции, а вопреки ее противодействию» [13, т. 39, с. 19]. У Мао же отношение к интеллигенции (知识分子: чжиши фэньцзы) двоякое: с одной стороны, он убежден, что «без участия интеллигенции победа революции невозможна» [5, т. 2, с. 377], тем более что «буржуазные партии отчаянно борются с нами за интеллигенцию» [5, т. 2, с. 378]. С другой стороны, замечает лидер китайских коммунистов, без включенности в революцию интеллигенция «часто бывает склонна к субъективизму и индивидуализму» [5, т. 2, с. 405], да и внутри партии интеллигенты страдают «книгопочтением» (本本主义: бэнь бэнь чжуй): «Многие из читавших марксистские книги стали ренегатами революции, в то время как неграмотные рабочие зачастую прекрасно владеют марксизмом» [14, с. 278].

Далее, в понимании Мао Цзэдуном китайской революции сталкиваются два концепта: с одной стороны, логически смежное понятие «буржуазно-демократической революции», поставленное из теоретических арсеналов марксистской классики; а с другой - характер китайской революции как крестьянской революции под руководством коммунистов. Мао уже в одной из своих ранних работ (1926 года) [5, т. 1, с. 9-21], вооружившись классовым подходом, видит в крестьянстве не столько главного союзника пролетариата в китайской революции, сколько ее главную движущую силу (при условии руководства со стороны коммунистов). Здесь мысль Мао существенно отклоняется от подхода к крестьянству у русских большевиков. Ленин свое понимание диктатуры пролетариата как «самой свирепой, самой острой, самой беспощадной войны нового класса против более могущественного врага, против буржуазии» оправдывал не в последнюю очередь опасностью для пролетарской власти со стороны крестьянского мелкого производства, которое «рождает капитализм и буржуазию постоянно, ежедневно, ежечасно, стихийно и в массовом масштабе» [13, т. 42, с. 6]. Мао же, напротив, опубликовал в сентябре 1926 года статью «Национальная революция и крестьянское движение», в которой утверждал, что национальная революция не будет успешной, если крестьяне не восстанут, чтобы присоединиться к ней и поддержать ее [15].

Мао был убежден, что «национальная революция (国民革命: гоминь гэмин) есть прежде всего прежде всего «аграрная (сельская) революция (土地革命: туди гэмин)». Тем самым идеолог

китайских коммунистов семантически сближает концепты национальной (китайской), демократической и сельской (аграрной, крестьянской) революции. И только с этой позиции соглашается с концептом «буржуазно-демократической революции», которым коминтерновская резолюция обозначала тогдашние революционные события в Китае [5, т. 1, с. 116]. Руководство со стороны пролетариата и компартии у Мао тоже понимается несколько иначе, чем у русских большевиков: это не вооруженная борьба с «мелкобуржуазной анархистской стихией», а тактика, в которой чувствуется отзвук даосской мудрости: «Мы, коммунисты, подобны семенам, а народ подобен земле. Когда мы едем в какое-либо место, мы должны объединиться с людьми, пустить корни и расцвести среди них...» [16, с. 1]. Аналогичную стратегию Мао предлагал и в отношении буржуазной интеллигенции: «чтобы их перековать, надо прежде всего сплотиться с ними» [5, т. 3, с. 237].

Крестьянство выступает у Мао и главной опорой «китайской нации» как культурно-политической общности. Это наиболее ярко выразилось в эмоционально окрашенных текстах Мао и декларациях ЦК КПК 1937 года, с началом того, что было квалифицировано в официальном дискурсе партии как «общенациональная война Сопrotивления с японскими захватчиками». Судя по работам Мао того периода, он прославляет китайскую нацию как «великую»: она «не только известна всему миру своим трудолюбием и выносливостью, но и является свободолюбивой нацией, обладающей богатыми революционными традициями» [5, т. 2, с. 383]. Однако в понимании природы китайской нации у Мао Цзэдуна заметна двусмысленность. С одной стороны, в примордиалистском ключе утверждается, что в течение многих тысяч лет «развития своей цивилизации» [5, т. 2, с. 383] китайская нация создала земледелие и ремесло. С другой стороны, в дискурсе Мао транслируется близкий марксизму модернистский концепт нации как политической общности, которую еще надо построить. В отчетном докладе VII съезду КПК (апрель 1945 года) в качестве «исторической задачи китайского народа» значится «превратить раздробленный Китай в Китай единый» [5, т. 3, с. 313]. В этом же докладе Мао обрушивается с критикой «на великоханьский (大汉族主义: да ханьцзу чжуи), порочный подход к национальному вопросу» среди гоминьдановцев, противопоставляя этому суньятсеновский принцип «национализма (民族主义: миньцзу чжуи)», предполагающий не только освобождение самой китайской нации (中国民族: чжунго миньцзу), но также равноправие всех наций (= национальностей) (民族: миньцзу) и защиту национальных меньшинств (少数民族: шаошу миньцзу).

Революционная война. У Мао мастерски деконструируется концепт войны в составе базового концепта «революционной войны (革命战争: гэмин чжаньчжэн)» или «национально-революционной войны», где стягиваются воедино семантики всех возможных войн (гражданской, классовой, национальной, партизанской, культурной и т.д.). Это позволяет лидеру китайских коммунистов обеспечить выгодные для КПК позиции в семантической войне за ключевой (после начала масштабной японской агрессии) символ-концепт тогдашнего публичного дискурса – «война». Но и независимо от войны с японцами, Мао Цзэдуна никогда не смущал военный модус классовой борьбы. Еще в 1920-х годах он писал, что «в каждой деревне необходим кратковременный период террора», ибо «революция — это не званый обед, а ... насильственный акт одного класса, свергающего власть другого класса» [5, т. 1, с. 30].

Концепт революционной войны Мао начинает использовать, еще не отказываясь от коминтерновского понятия «демократической диктатуры рабочих и крестьян» как непосредственной цели китайской революции. Однако достижение этой цели китайский коммунист квалифицирует как «великую классовую борьбу», требующую мобилизации и агитации даже в экономической сфере, где обученные коммунистами кадры «станут командирами, а широкие массы народа – бойцами хозяйственного фронта» [5, т. 1, с. 167]. Мао называет Красную армию Китая «вооруженной организацией, выполняющей политические задачи революции», рассматривая ее как главное средство не только для решения военных задач, но также для «агитации и пропаганды в массах» [5, т. 1, с. 128-129].

В целом, ядерный концепт революционной войны раскрывается в текстах Мао, с одной стороны, через логически смежные концепты *классовой борьбы, революции, буржуазии* и т.п., относящиеся к теории марксизма-ленинизма; с другой же стороны – посредством исторически смежных концептов вроде *антияпонского сопротивления, затяжной войны, партизанской войны, окружения города деревней* и др. Между этими концептами у Мао всегда сохранялось теоретическое напряжение, потому что стандартные марксистско-ленинские понятия не всегда вписывались в китайские реалии.

Мао неоднократно цитирует в своих работах 1930-40 гг. сталинский тезис о том, что одно из преимуществ революции в Китае заключается в вооруженном характере противостояния революции и контрреволюции. Но Сталиным эта особенность китайской революции фиксируется в 1926 году как ситуативная в сравнении с кейсом русской революции 1905 года. Мао же спустя два десятилетия генерализирует смысл сталинского тезиса: «в Китае главной формой борьбы является война, а главной формой организации – армия» [5, т. 2, с. 277]. Специфика китайской революции, подчеркивает китайский коммунист, состоит не только в том, что силы революции в ней так же вооружены, как и силы контрреволюции; важно также, что ни одна из этих сил не имеет решающего перевеса. Отсюда понятен затяжной характер революционной войны и необходимость партизанских практик. Длительное существование в тогдашнем Китае небольших районов красной власти («отторгнутых» районов - 割据地: гэцзюй ди), окруженных со всех сторон территорией под белой властью Гоминьдана, Мао считал «явлением, невиданным в мировой истории» [5, т. 1, с. 73]. С этим он связывал свою знаменитую стратегию «брать города в окружение революционных деревень» [5, т. 1, с. 82, 397].

Таким образом, концепт революционной войны в том смысле имеет центральное (ядерное) значение для Мао, что он предполагает у него общий милитаристский концепт политики. Более того, лидер китайских коммунистов объявляет себя приверженцем «теории всемогущества войны», суть которой выражает своими крылатыми изречениями «Винтовка рождает власть» и «Винтовка рождает всё» [5, т. 2, с. 282]. Впрочем, даже винтовка рождает разную власть: «При помощи винтовки русские коммунисты завоевали социализм, мы же создадим демократическую республику» [5, т. 2, с. 282].

Новая демократия. История концепта «новой демократии» (新民主主义: синь миньчжу чжуи) тоже берет начало с тактики «единого национального фронта», которая была принята на вооружение КПК по инициативе Мао в 1935 году. Эта установка означала отказ от тезиса, что китайская национальная буржуазия не может быть союзником рабочих и крестьян в борьбе против японского империализма. В политической сфере единый национальный фронт означал отказ от однопартийных диктатур (Гоминьдана либо КПК), а вместо этого Мао предлагает «демократический режим, основанный на сотрудничестве различных партий и классов» [5, т. 1, с. 343] или «двустороннюю политику (两重性政策: лянчун син чжэнцэ)», в которой сочетаются и «объединение, и борьба» [5, т. 3, с. 12]. Для ревнителей идеологической чистоты партии сам тезис о «сотрудничестве классов» отвергался с порога как ревизионистский. Мао же в ответ требует от своих однопартийцев гибкости мышления (привлекая для этого даже категории диалектического материализма вроде «практики» и «противоречия») и признания того, что «интересы классовой борьбы должны быть подчинены интересам войны и не могут им противоречить» [5, т. 2, с. 254].

«Национальный фронт сопротивления» со временем приобрел статус культурно-исторического смежного концепта для ядерного концепта «новой демократии». Еще один такой концепт – это «гегемония» (领导权: лиидао цюань), которую Мао привлекает для объяснения сути единого национального фронта. Гегемонию КПК (либо его соперника Гоминьдана) в рамках антияпонского национального фронта Мао описывает как власть авторитета, как «роль воспитателя многомиллионных масс народа», к которому «народ прислушивается» [5, т. 1, с. 245]. Гегемония требовала от китайских коммунистов замены лозунга «рабоче-крестьянской демократической республики» на лозунг «народной» или «народно-демократической» республики [5, т. 1, с. 211-212; 5, т. 2, с. 303]. Хотя эти выражения кажутся плеоназмами, в устах КПК они транслировали конкретный политический смысл: отказ от классового термина «буржуазно-демократический» в пользу надклассового суньятсеновского «народа». Таким образом, Мао передвигает поначалу маргинализированный в коммунистическом дискурсе концепт «народных принципов» в сторону ядра нового идеологического конструкта. Вдобавок, в первой половине 1940-х годов Мао Цзэдун концептуально усиливает лексикоконцепт «народ», формируя его «плавающую» семантику: состав входящих в «народ» социальных классов и групп трактуется им по-разному в зависимости от актуальных политических задач, но деконтектированный концепт «крестьянства» (села) сохраняет свою ключевую роль [5, т. 3, с. 93; 5, т. 4, с. 509].

Концепты «новой демократической республики» и «единой демократической республики», которые с 1937 года часто появляются в дискурсе Мао в контексте политики единого фронта, получают развитие в его работах конца 1939 – начала 1940 годов и семантически

плавно переходят в концепт «новая демократия». Этот концепт и стал в позднейшей идеологической рефлексии КПК общим именем всего идеологического конструкта. К его смежной области относится концептуальное различие между буржуазно-демократическими революциями «старого» типа (чисто буржуазными революциями XVII – XIX вв. в странах Европы и Америки) и революциями «нового» типа в XX веке (начиная с Октябрьской революции в России), которые создают «руководимую пролетариатом диктатуру единого фронта революционных классов» [5, т. 2, с. 412].

Национально-китайский смысл концепту «новой демократии» придается ссылкой на «три народных принципа» Сунь Ятсена (национализм, народовластие и народное благоденствие), включая принцип «каждому пахарю – свое поле [5, т. 2, с. 447]. В идеологии КПК этот лозунг-концепт сразу в нескольких смыслах выступает концептом-связкой: с одной стороны, он носит буржуазно-демократический характер, делая из крестьян частных собственников; с другой стороны, выступает одним из ключевых пунктов пролетарской коммунистической партии, поскольку в Китае, как часто повторял Мао, нет партии, которая представляла бы исключительно интересы крестьянства, а буржуазные партии не имеют радикальной аграрной программы.

Одним из ключевых вопросов теории новой демократии был вопрос о принципе ее конституционного устройства: будет ли последнее опираться на западный принцип разделения властей либо станет диктатурой пролетариата (и компартии от имени пролетариата). Мао поначалу предлагал нечто третье. Определяя «новодемократическое конституционное правление» как «диктатуру нескольких объединившихся революционных классов, направленную против национальных предателей и реакционеров» [5, т. 2, с. 523], он, с одной стороны, отвергает буржуазный республиканизм в пользу диктатуры как «новой демократии». Однако, с другой стороны, Мао не понимает эту диктатуру как диктатуру какого-то одного класса или партии. Но вместо системы (разделенных) трех властей он предлагает «систему трех третей (三三制: сань сань чжи)» - своего рода вариант общественной демократии, в основе которой лежат не этнополитические, а классово-идеологические сегментарные различия [5, т. 2, с. 573]. Впрочем, этот любопытный концепт остался на периферии политической мысли Мао, поскольку накануне провозглашения КНР лидер КПК уже начинает использовать в качестве синонима «новой демократии» выражение «демократическая диктатура народа». Взятое вне контекста, это выражение тоже кажется тавтологией и абсурдом, однако ситуационно-идеологический смысл его очевиден: с одной стороны, оно выражает стремление отмежеваться от гоминьдановского «буржуазного» принципа народовластия (отсюда «народность» демократии); с другой – сигнализирует усиление акцента на диктатуре рабочих и крестьян, тогда как роль национальной буржуазии в «демократической диктатуре» снижается из-за стратегии «сдерживания капитализма» и недопущения ведущей роли буржуазии в государственной власти [5, т. 4, с. 514].

В заключение заметим, что наш анализ концептной структуры одного из идеологических конструктов Мао Цзэдуна сознает свои границы в плане изучения стратегий реальной политики китайского коммунистического лидера. Американский китаевед Б. А. Шварц был отчасти прав, заметив, что «хотя эта политика действительно влечет за собой глубокие последствия для марксистско-ленинской доктрины, эти последствия никогда не становятся очевидными в теории. Напротив, в теоретической сфере предпринимаются все усилия, чтобы эти последствия скрыть» [1, р. 189]. В конце концов, любая идеология, включая марксистскую, остается той самой «камерой обскура» [8, т. 3, с. 25], с которой связывали природу идеологического сознания марксистские классики. Однако и по перевернутой картине мира можно еще немало узнать верного о сути его устройства.

Список источников

1. Schwartz B. I. Chinese Communism and the Rise of Mao, Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. 258 p.
2. Schram S. R. The Thought of Mao Tse-Tung. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988. 242 p.
3. 杨胜群. 马克思主义中国化的基本经验和毛泽东邓小平的历史贡献. // 北京: 党的文献. 1999. No. 2. P. 26-28 [Ян Шэнцзюнь. Основной опыт китаизации марксизма и исторический вклад Мао Цзэдуна и Дэн Сяопина // Партийная литература. Пекин. 1999. №. 2. С. 26-28].

4. 张乾元. // 毛泽东关于马克思主义与中国实际第二次结合的思想及历史贡献. // 武汉: 武汉大学学报. 2008. No. 3. P. 261-266 [Чжан Цяньюань. Идеи Мао Цзэдуна о втором сочетании марксизма и китайской действительности и его исторический вклад. // Журнал Уханьского университета. Ухань. 2008. №. 3. С. 261-266].
5. Мао Цзэдун. Избранные произведения в 5 томах. Пекин: Издательство литературы на иностранных языках, 1964-1977.
6. Дэн Сяопин. Основные вопросы современного Китая: Пер. с кит.— М.: Политиздат, 1988. 256 с.
7. Макаренко В. П. Бюрократия и сталинизм. Ростов-на-Дону: Издательство Ростовского университета, 1989. 368 с.
8. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Т. 1-39. Издание второе. М.: Издательство политической литературы, 1955-1974.
9. Грамши А. Тюремные тетради. В 3 ч. Ч. 1. Пер. с ит. М.: Политиздат, 1991. 559 с.
10. Дейк Т. А. ван. Дискурс и власть: Репрезентация доминирования в языке и коммуникации. Пер. с англ. М.: Книжный дом «ЛИБРОКОМ», 2013. 344 с.
11. Freedman M. Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach. Oxford: Clarendon Press, 2006. 592 p.
12. Ли Цзюньжу. Об основных вопросах китаизации марксизма // Свободная мысль. 2017. № 4. С. 65-76
13. Ленин В.И. Полное собрание сочинений / Ин-т марксизма- ленинизма при ЦК КПСС. 5-е изд. М.: Госполитиздат, 1958–1965.
14. Мао Цзэдун. Против книгопочтения (май 1930 года) // Выступления Мао Цзэдуна, ранее не публиковавшиеся в китайской печати (1950—1967). Выпуск третий. М., Прогресс, 1976. С. 276–283.
15. 毛泽东. 国民革命与农民运动 // 农民运动 - 广州. 1926年, No. 8. P. 1-2 [Мао Цзэдун. Национальная революция и крестьянское движение // Журнал крестьянского движения. Гуанчжоу. 1926. № 8. С. 1-2].
16. 中共中央文献研究室, 中央电视台: 《大型文献片邓小平》. 北京: 中央文献出版社. 1997年, P. 1. 共271页 [Центр по изучению партийной литературы при ЦК КПК, CCTV: широкомасштабный документальный фильм «Дэн Сяопин». Пекин: Изд-во центральной литературы, 1997. 271 с.].

References

1. Schwartz B. I. *Chinese Communism and the Rise of Mao*. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1951. 258 p.
2. Schram S. R. *The Thought of Mao Tse-Tung*. Cambridge; New York: Cambridge University Press, 1988. 242 p.
3. 杨胜群. 马克思主义中国化的基本经验和毛泽东邓小平的历史贡献. 北京: 党的文献. 1999. No. 2. P. 26-28 [Yang Shengqun. The basic experience of the Sinicization of Marxism and the historical contribution of Mao Zedong and Deng Xiaoping. *Party Literature*. Beijing, 1999 (2): 26-28]. (In Chinese)
4. 张乾元. // 毛泽东关于马克思主义与中国实际第二次结合的思想及历史贡献. // 武汉: 武汉大学学报. 2008. No. 3. P. 261-266 [Zhang Qianyuan. Mao Zedong's ideological and historical contributions to the second integration of Marxism and Chinese practice. *Journal of Wuhan University*. Wuhan, 2008 (3): 261-266]. (In Chinese)
5. *Mao Zedong. Selected works in 5 vol.* Beijing: Publishing House of Literature in Foreign Languages, 1964-1977. (In Russ.)
6. Deng Xiaoping. *The main issues of modern China*: Trans. from Chinese. Moscow: Politizdat, 1988. 256 p. (In Russ.)
7. Makarenko V. P. *Bureaucracy and Stalinism*. Rostov-on-Don: Rostov University Press, 1989. 368 p. (In Russ.)
8. Marx K., Engels F. *Collected Works*. Vol. 1-39. Second edition. Moscow: Publishing House of Political Literature, 1955-1974. (In Russ.)

Young scientists

Meng Yufeng. Mao Zedong's Theory of "New Democracy": the experience of morphological analysis of an ideological construct

9. Gramsci A. *Prison notebooks*. In 3 vol. Vol. 1. Transl. from Italian. Moscow: Politizdat, 1991. 559 p. (In Russ.)
10. Dijk T. A. van. *Discourse and power: Representation of dominance in language and communication*. Trans. from English. Moscow: Book House "LIBROCOM", 2013. 344 p. (In Russ.)
11. Freedman M. *Ideologies and Political Theory: A Conceptual Approach*. Oxford: Clarendon Press, 2006. 592 p.
12. Li Junru. On the main issues of the Sinification of Marxism Free Thought. 2017 (4): 65-76. (In Russ.)
13. Lenin V.I. *Complete works* / Institute of Marxism- Leninism at the Central Committee of the CPSU. 5th ed. Moscow: Gospolitizdat, 1958-1965. (In Russ.)
14. Mao Zedong. Against book-worship (May 1930). Speeches of Mao Zedong, previously unpublished in the Chinese press (1950-1967). Vol. 3. Moscow: Progress, 1976, pp. 276-283. (In Russ.)
15. 毛泽东. 国民革命与农民运动// 农民运动 - 广州. 1926年, No. 8. P. 1-2. [Mao Zedong. National Revolution and Peasant Movement. *Journal of the Peasant Movement*. Guangzhou, 1926 (8): 1-2.]. (In Chinese)
16. 中共中央文献研究室, 中央电视台: 《大型文献片邓小平》. 北京: 中央文献出版社. 1997年, P. 1. 共271页 [Party Literature Research Center at the Central Committee of the Communist Party of China, CCTV: a large-scale documentary "Deng Xiaoping". Beijing: Central Literature Publishing House, 1997. 271 p.]. (In Chinese)

Информация об авторе

Мэн Юйфэн – аспирант, Южный федеральный университет.

Information about the author

Meng Yufeng – Graduate Student of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 21.08.2022; одобрена после рецензирования 05.09.2022; принята к публикации 06.09.2022.

The article was submitted 21.08.2022; approved after reviewing 05.09.2022; accepted for publication 06.09.2022.

Научная статья

УДК 330.837.2

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-307-312

НЕОИНСТИТУЦИОНАЛЬНАЯ ПРИРОДА ЭКОНОМИЧЕСКОГО НЕРАВЕНСТВА

Алексей Андреевич Подгайко

Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия, a.podgayko@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5230-0780>

Аннотация. Экономическое неравенство является весьма острой исследовательской проблемой в современном методологическом тренде науки. Представленный в ходе множественных исследований дискурс формирует суждения о неравенстве в контексте неравномерного распределения доходов внутри экономики. Но при расчете реальных доходов потребителей в неоклассической традиции пренебрегается влияние транзакционных издержек. Неинституциональная экономическая теория, являясь продолжением неоклассической исследовательской парадигмы, обращает внимание на то, что экономический обмен не происходит сам по себе, а происходит в условиях действия транзакционных издержек. Учитывая тот факт, что транзакционные издержки в экономике могут быть неоднородными и разбалансированными, то есть бремя совершения обмена у разных контрагентов может быть разным, к статье формируется исследовательская гипотеза о том, что транзакционные издержки могут быть регулятором экономического неравенства, сдерживая или разгоняя его. Статья ставит своей целью обоснование данной гипотезы.

Ключевые слова: неравенство, неоинституциональная экономическая теория, транзакционные издержки, реальные доходы

Для цитирования: Подгайко А. А. Неинституциональная природа экономического неравенства // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 307–312. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-307-312>

Young scientists

Original article

THE NEOINSTITUTIONAL NATURE OF ECONOMIC INEQUALITY

Aleksei A. Podgayko

Southern Federal University, Rostov-on-Don, Russia, a.podgayko@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-5230-0780>

Abstract. Economic inequality is a very acute research problem in the modern methodological trend of science. The discourse presented in the course of multiple studies forms judgments about inequality in the context of an uneven distribution of income within the economy. But when calculating the real incomes of consumers in the neoclassical tradition, the influence of transaction costs is neglected. Neoinstitutional economic theory, being a continuation of the neoclassical research paradigm, draws attention to the fact that economic exchange does not occur by itself, but occurs under the conditions of transaction costs. Considering the fact that transaction costs in the economy can be heterogeneous and unbalanced, that is, the burden of making an exchange may be different for different counterparties, a research hypothesis is formed for the article that transaction costs can be a regulator of economic inequality, restraining or dispersing it. The article aims to substantiate this hypothesis.

Keywords: inequality, neoinstitutional economics, transaction costs, real incomes

For citation: Podgayko A. A. The neoinstitutional nature of economic inequality. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):307–312.* (In Russ.). <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-307-312>

1. Экономическое неравенство. Введение

Современные исследования в области проблемы неравенства часто основаны на выработке универсальных статистических закономерностей и разработке универсального фундаментального принципа. То есть если исследователь много времени изучает генезис неравенства и его влияние на те или иные экономические процессы и наблюдает схожие результаты, то вполне логичным будет выглядеть тот факт, что данная закономерность ляжет в основу выработанного

фундаментального принципа. Но насколько всецело он будет отражать репрезентативные свойства такого явления как экономическое неравенство? Действительно ли сохраняется 100-процентная вероятность воспроизводства данной статистической закономерности в будущем в данных условиях, или в условиях генезиса неравенства в другой экономической системе? Такой исследовательский подход был весьма релевантен в работах представителей клиодинамики.

Клиодинамика как область научного знания возникла как продолжение новой экономической истории. Если представители клиометрики, такие как Роберт Фогель или Дуглас Норт, проводили количественный анализ экономической истории и на основании этого делали весьма частные выводы, то клиодинамика была основана на том, что репрезентативные свойства *ex post* модели лягут в основу *ex ante* модели.

Дуглас Норт не был сторонником такого радикального подхода к моделированию статистических закономерностей, так как понимал динамичность любой социально-экономической среды, благодаря чему и стал великим ученым. Роберт Фогель тоже не был сторонником экстраполяции результатов количественного анализа повсеместно и формировании на основании них фундаментальных принципов экономической науки. В частности, Роберт Фогель анализировал эффективность обработки пашни на конфедеративном Американском юге и свободном Американском севере и пришел к выводу о том, что в условиях жесткого принуждения к рабскому труду эффективность обработки угодий была выше [1]. Или же Фогель писал также о том, что серьезным драйвером развития американской экономики в XIX веке служил факт прокладки железнодорожной колеи через всю страну [2]. И если такие весьма частные корреляции были действительно объективны, то основным методом научного познания в экономике была бы индукция. Но данные корреляции носят весьма частный характер. Действительно, в условиях Гражданской войны в США принуждение было эффективнее свободы. Но есть исходы, где свобода будет эффективнее принуждения.

Данные явления, которые могут быть весьма противоположными друг другу, демонстрируют эпистемологическую сущность и природу экономической науки, которая заключается в том, что результаты одного и того же социального эксперимента в одних и тех же условиях на начальные данные могут быть разными. Это происходит, потому что человек генерирует социальный процесс, в котором является актором. А учитывая тот факт, что человек не обладает универсальной волей или разумом, можно сделать некоторое суждение о том, что возможна реализация весьма разных альтернатив, смена которых разбивает репрезентацию, которая являлась *ex post* статистической закономерностью и выработанным фундаментальным принципом.

Возвращаясь к неравенству, на основании ранее изложенного, можно сказать, что неравенство само по себе может быть сгенерировано разными факторами и может создавать весьма разные социальные эффекты. В одних случаях перераспределение доходов в некоторых пропорциях между группами домохозяйств может быть эффективно в данной шкале измерений, а может быть и нет. Много об этом писали Абхиджит Банерджи и Эстер Дюфло. В частности, они предлагали некоторый абстрактный эксперимент, в котором в условиях узкого внутреннего рынка в экономике некоторой страны реализовывался оптимальный эффект масштаба через внешнюю торговлю [3]. При этом это делалось путем создания производственного кластера, в который осуществлялся внутренний импорт факторов производства, в том числе и труда. В результате действия эффекта масштаба генерировался весьма устойчивый экономический рост. Тогда становился вопрос о перераспределении между регионами выигрыша. То есть реализация теоремы Столпера-Самуэльсона наяву.

Пол Самуэльсон писал о том, что регионам и контрагентам, которые не обладают сравнительными преимуществами, остается лишь уповать на волю победителей [4]. Представим ситуацию, при которой выигрыш остается внутри генерирующего кластера. Тогда недовольные могут митинговать против социальной несправедливости. Либо же может быть другая альтернатива – рост трудовых стимулов. Проигравшие в конкурентной борьбе контрагенты могут быть воодушевлены поражением и работать «не покладая рук» чтобы завтра оказаться победителем. А может быть еще и третья альтернатива. И четвертая. И так далее. Количество возможных альтернатив стремится к бесконечности, их число не ограничено. И как в данных предпосылках исключительно гуманитарного свойства моделировать процесс развития неравенства и влияния его на экономику? В таких условиях любые статистические наблюдаемые закономерности начинают иметь частный характер и перестают быть закономерностями, что и отражает эпистемологические свойства экономической теории.

Именно так и функционирует категория «экономическое неравенство» в окружающем мире: частным образом и необъективно в контексте генерации социальных эффектов. Также важно принять во внимание тот факт, что методы оценки неравенства могут быть субоптимальными.

Современный исследовательский дискурс, который сложился вокруг проблемы неравенства, проводит его оценку через распределение номинальных и реальных доходов среди действующих контрагентов. Но насколько объективна оценка реальных доходов в современном методологическом аппарате науки? Например, макроэкономическое моделирование реальных доходов делает поправку на величину инфляции. Или же моделируется процесс распределения номинальных доходов в экономике, в частности благодаря кривой Лоренца [5]. Но исключается определенная предпосылка к формированию обмена, которая предполагает его совершение, как процедуру, сопряженную с издержками. То есть такая модель будет предполагать, что все домохозяйства имеют одинаковые возможности для потребления, равноудалены от рынка и формирование неравенства будет заключаться в несбалансированном характере инфляционного процесса.

Безусловно, несбалансированность инфляции – весьма важный фактор генезиса неравенства в экономике, но при этом контрагент уникален в своих возможностях (эндогенных и экзогенных), в знаниях и понимании мира, что демонстрирует разные транзакционные издержки, поправку на которые следует делать при оценки экономического неравенства, так как реальные доходы могут прямо или косвенно зависеть не только от темпов инфляции, но и от транзакционных издержек, которые могут стать преградой на пути потребления, изменяя структуру потребления и реальные доходы потребителя.

2. Транзакционный подход в исследовании неравенства

Экономическое неравенство является следствием тех или иных обменов, которые происходят в данной системе. То есть акторы взаимодействуют таким образом, что в данной системе доходы распределяются неравномерно. Но если неравенство – это следствие взаимодействия акторов и обменов между ними, значит процесс генезиса сопряжен с транзакционными издержками, как и любой обмен.

Рональд Коуз 85 лет назад, в 1937 году издал свою знаменитую статью, которая называется «Природа фирмы». В данной статье он формирует два вопроса. Вопрос первый – «Если рынок так эффективен, то почему есть фирма?» Вопрос второй – «Если фирма так эффективна, то почему все вокруг не фирма?» [6].

В процессе исследования Коуз пришел к выводу о том, что рынок сам по себе является раскоординированным, потому что потребитель и производитель могут друг о друге не знать и не знать, как начать между собой взаимодействовать. Настоящие обстоятельства являются суть транзакционных издержек, которые, в данном случае, заключаются в поиске информации друг о друге и поиске путей дальнейшего взаимодействия. Так вот, фирма в данной цепочке взаимодействия является связующим звеном, позволяя контактировать производителю и потребителю в минимальных транзакционных издержках. Согласно институциональной теории фирмы, которая сформировалась на базе данного исследования Рональда Коуза, смысл существования фирмы заключается в минимизации транзакционных издержек на товарообмен, за что она и получает доход.

Отвечая на второй вопрос, который был поставлен к статье, следует упомянуть что фирма не является безграничной. Она имеет некоторые границы. Неоклассическая теория фирмы определяла смысл существования фирмы в так называемом «Черном ящике» [7], в котором сырье превращается в обработанный товар, а размер фирмы определялся глубиной черного ящика. Институциональная теория фирмы определяла ее размер в издержках. Нижней границей являются внешние издержки, то есть транзакционные. Верхней границей являются издержки внутреннего контроля.

С ростом фирмы издержки контроля растут из-за масштабов, но и изменяются транзакционные издержки. Так вот, фирма всегда будет заканчиваться там, где транзакционные издержки будут выше издержек контроля.

Институциональная теория фирмы в контексте объяснения экономического неравенства может стать надежным методологическим аппаратом. Дело в том, что всякое потребление в современных экономических системах связано с фирмой, и определяя цены, фирма определяет реальные доходы в экономике. Неинституциональная теория предполагает, что фирма, устанавливает цены на рынке исходя из величины транзакционных издержек и величины

издержек контроля в условиях производственных затрат, таких как приобретение и обслуживание факторов производства.

Изменение издержек контроля в целом не является дифференцируемым в контексте национальной экономики, просто потому что не носят внешний характер. Но есть частные случаи, при которых изменение стоимости факторных доходов ляжет на экономику неравномерным бременем. Например, если при уменьшении ставок заработной платы, предприятие будет делать скидки работникам на произведенную продукцию, которые увеличат реальные доходы данной группы акторов в большей пропорции, чем у остальной группы акторов, потребляющей данную продукцию, то это будет означать что реализуется ценовая дискриминация первого типа. Но с транзакционными издержками дело будет обстоять по-другому, просто потому что они не универсальны для всех акторов как минимум в силу некоторых эндогенных детерминантов, таких как когнитивные способности, разное сознание и воля, разное место проживания, физическое здоровье и так далее. И фирма, ориентируясь на данную предпосылку, может устанавливать разные цены в разных транзакционных издержках для разных групп потребителей, что дифференцирует реальные доходы в экономике, генерируя экономическое неравенство. Но данный процесс может сталкиваться с некоторой предпосылкой: расчет транзакционных издержек отдельных групп потребителей сопряжен высокими транзакционными издержками для самой фирмы, что в конечном итоге может быть невыгодно. Тем не менее, фирма не находится в полной асимметрии информации, так как некоторые транзакционные издержки некоторых групп акторов фирме могут быть известны изначально или же при проведении исследований методом аппроксимации. Например, те, которые зависят от инфраструктуры городской среды.

Часто происходит так что акторы, которые проживают в городах, имеют спрос на потребление с минимальными затратами времени и сил, и фирма идет на это, предлагая весьма доступную инфраструктуру и минимизируя транзакционные издержки настолько сильно, насколько это возможно. И при прочих равных цены в данном магазине могут быть выше, так как фирма минимизирует больше количество транзакционных издержек, в чем и выражена наценка. Соответственно, реальные доходы потребителя в данном контексте сокращаются. Или же наоборот, инфраструктура может быть неразвита, и группы акторов вынуждены потреблять те или иные блага в условиях высоких транзакционных издержек, так как фирма не заинтересована для данных групп акторов продавать с минимальными транзакционными издержками по разным причинам экономического свойства, таким как нерентабельность данных итераций, к примеру. В таком случае при прочих равных, фирма, работая в низко развитой инфраструктуре может продавать товары по более низким ставкам, так как минимизируют меньшее число транзакционных издержек, чем в случае с высокоразвитой инфраструктурой, где максимально возможная минимизация транзакционных издержек является экономически обоснована для фирмы. Так транзакционные издержки могут стать драйвером развития инфляционного процесса, который часто имеет несбалансированный характер, запуская новый виток развития экономического неравенства.

Методологической базой для доказательства и научного обоснования данного тезиса будет являться теорема Коуза, суть которой сводится к тому, что минимальные транзакционные издержки и четкие права собственности – основные условия оптимальности рыночного обмена [8]. То есть степень оптимальности обмена прямо коррелирует с количеством обменов. А рост числа обменов уже прямо коррелирует со скоростью обращения денег, что в условиях количественной теории будет влиять на цены [9].

Таким образом проблема влияния транзакционных издержек на рыночные обмены может обернуться негативной макроэкономической динамикой в виде роста инфляции. Можно выделить некоторую методологическую основу для регулирования этого процесса с целью нивелирования инфляционной динамики, и как следствия несбалансированности инфляции, экономического неравенства. Первая методологическая основа будет основа на макроэкономическом моделировании. То есть регулятор, проводя сдерживающую макроэкономическую политику, может снизить спрос на деньги путем поднятия ставки процента [10]. Либо же основа для решения данной проблемы может быть институциональная. Акторы, выполняющие в экономике властные функции, могут предложить такие нормы, правила и механизмы правоприменения, что такое количество обменов станет невыгодным в результате транзакционных издержек *ex post* или *ex ante*.

Говоря о традиционных издержках *ex post*, следует упомянуть что это различного рода негативные формальные санкции, такие как штрафы, либо же более серьезные транзакционные

издержки в виде тюремного заключения и так далее. Либо же трансакционные издержки *ex ante* могут стать объектом институционального действия. Например, в ситуациях, когда властная воля будет заключаться в сдерживании темпов урбанизации с целью сокращения числа рыночных обменов. В данном процессе институциональные ловушки часто неизбежны, что является основой для борьбы с институциональной инерцией путем проведения экономических реформ [11]. Но и в целом макроэкономическое равновесие – очень нестабильное состояние экономической системы, которое реализуется в весьма узких условиях, плюс процесс проведения реформ сопряжен с трансакционными издержками и издержками контроля.

Неинституциональная экономическая теория определяет две детерминанты трансакционных издержек в экономике – оппортунизм и информационные асимметрии [12]. Об этом в 70-90 годы XX века писал нобелевский лауреат по экономике Оливер Уильямсон. Так вот, институциональная эволюция, целью которой будет сдерживание обменов через максимизацию трансакционных издержек, генерирующих экономическое неравенство, будет направлена на воздействие на незнание акторов, либо же на их мотивы, исходя из фундаментального содержания категории.

3. Итоги институционального действия на неравенство

Несмотря на то, что институты в экономике имеют четкое действие в виде выстроенной фокальной точки в рамках альтернативы, институциональное влияние на обмены может быть неоднозначным с позиций детерминирования социального эффекта. Социальный эффект можно расценивать как уже свершившийся результат экономического обмена, что в контексте объяснения состояния экономической системы является более важным чем те детерминирующие факторы, которые привели к данному социальному эффекту. Объясняется это тем, что одни и те же детерминанты могут приводить к разным социальным эффектам, и данный процесс невозможно всецело смоделировать, так как социальный эффект порождается в виде сознательной реакции человека, которая возникает, в том числе, спонтанным, иррациональным образом.

Таким образом в рамках исследуемой проблематики минимизации трансакционных издержек в контексте сглаживания уровня экономического неравенства можем наблюдать предельное количество возможных исходных альтернатив (табл. 1).

Таблица 1 – Аппроксимация конечных альтернатив в условиях институционального действия на качественное изменение экономического неравенства¹

Table 1 - Approximation of finite alternatives under conditions of institutional action on qualitative change of economic inequality

	Социальный эффект положительный	Социальный эффект отрицательный
Минимизация трансакционных издержек сглаживает неравенство	В данных условиях институциональное действие является абсолютно оправданным. Положительный социальный эффект, как реакция на институциональные изменения является целью реформ.	Институциональные изменения не являются оправданными, так как рыночные обмены, которые проводят к сглаживанию неравенства не формируют Парето-оптимальное состояние экономической системы. Возможны отрицательные экстерналии.
Минимизация трансакционных издержек не сглаживает неравенство	В данном случае реформа не является необходимой, поскольку действующий уровень экономического неравенства является оптимальным. Но при этом институт оказывается неэффективен, что является мертвым грузом для налогоплательщиков	Институциональные изменения являются необходимыми. Path Dependence реализуется в неэффективных обменах с позиции генерации положительного социального эффекта, так как в экономике субоптимальное состояние системы. Действующие институциональные изменения являются неэффективными, что есть свидетельство мертвого груза для акторов-резидентов

¹ Разработана автором.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Fogel R. W., Engerman S. L. *Time on the cross: The economics of American Negro slavery*. – WW Norton & Company, 1995. – V. 1.
2. Fogel R. W. *Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric*. – Johns Hopkins University Press, 1964.
3. Banerjee A. V., Duflo E. Inequality and growth: What can the data say? // *Journal of economic growth*. 2003. V. 8. № 3. P. 267-299.
4. Stolper W. F., Samuelson P. A. Protection and real wages // *The Review of Economic Studies*. 1941. V. 9. № 1. P. 58-73.
5. Rohde N. An alternative functional form for estimating the Lorenz curve // *Economics Letters*. 2009. V. 105. № 1. P. 61-63.
6. Coase R. H. The nature of the firm // *Economica*. 1937. V. 4. № 16. P. 386-405.
7. Demsetz H. The firm in economic theory: A quiet revolution // *The American economic review*. 1997. V. 87. № 2. P. 426-429.
8. Coase R. H. The problem of social cost // *The journal of Law and Economics*. 2013. V. 56. № 4. P. 837-877.
9. Содикова С. Ш. Количественная теория денег: историко-генетический анализ // *Terra Economicus*. 2008. Т. 6. № 4. С. 9-10.
10. Roberts J. M. New Keynesian economics and the Phillips curve // *Journal of money, credit and banking*. 1995. V. 27. № 4. P. 975-984.
11. Подгайко А. А. Зависимость от предшествующего пути развития и нарративная экономика: парадоксальность экономической объективности // *Journal of Economic Regulation (Вопросы регулирования экономики)*. 2020. Т. 11. № 2. С. 64-72.
12. Williamson O. E. Transaction-cost economics: the governance of contractual relations // *The journal of Law and Economics*. 1979. V. 22. № 2. P. 233-261.

References

1. Fogel R. W., Engerman S. L. *Time on the cross: The economics of American Negro slavery*. WW Norton & Company, 1995. V. 1.
2. Fogel R. W. *Railroads and American Economic Growth: Essays in Econometric*. Johns Hopkins University Press, 1964.
3. Banerjee A. V., Duflo E. Inequality and growth: What can the data say? *Journal of economic growth*. 2003;8(3):267–299.
4. Stolper W. F., Samuelson P. A. Protection and real wages. *The Review of Economic Studies*. 1941;9(1):58-73.
5. Rohde N. An alternative functional form for estimating the Lorenz curve. *Economics Letters*. 2009;105(1):61–63.
6. Coase R. H. The nature of the firm. *Economica*. 1937;4(16):386–405.
7. Demsetz H. The firm in economic theory: A quiet revolution. *The American economic review*. 1997;87(2):426–429.
8. Coase R. H. The problem of social cost. *The journal of Law and Economics*. 2013;56(4):837–877.
9. Sodikova S. The pure theory of money. Historical and genetic analysis. *Terra Economicus*. 2008;6(4):9–10. (In Russ.)
10. Roberts J. M. New Keynesian economics and the Phillips curve. *Journal of money, credit and banking*. 1995;27(4):975–984.
11. Podgaiko A. Path dependence and narrative economy. The paradoxality of economic objectivity. *Journal of Economic regulation*. 2020;11(2):64–72. (In Russ.)
12. Williamson O. E. Transaction-cost economics: the governance of contractual relations. *The journal of Law and Economics*. 1979;22(2):233–261.

Информация об авторе

А. А. Подгайко – аспирант экономического факультета ЮФУ.

Information about the author

A. A. Podgaiko – Graduate student of the Faculty of Economics of Southern Federal University.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
The author declares that there is no conflict of interest.

Статья поступила в редакцию 09.07.2022; одобрена после рецензирования 23.07.2022; принята к публикации 24.07.2022.

The article was submitted 09.07.2022; approved after reviewing 23.07.2022; accepted for publication 24.07.2022.

Научная статья

УДК 32.019.51

doi: 10.22394/2079-1690-2022-1-3-313-318

РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В РАСПРОСТРАНЕННЫХ ПОЛИТИКО-КОММУНИКАТИВНЫХ ПРАКТИКАХ

Гарник Вагинакович Туманян¹, Буда Зоригтоевич Лыгденов²,
Валерия Федоровна Толпышева³

^{1,2,3}Национальный исследовательский Томский государственный университет, Томск, Россия

¹tumangar@mail.ru

²buda.lygdenov@mail.ru

³tolpysheva2015@mail.ru

Аннотация. В статье поднимается научная проблема, касающаяся символического представительства политических субъектов (партий, лидеров) в политической медиареальности. Для ее решения исследуются две политико-коммуникативные практики: идеологическая и образная репрезентации в соцсетях. Политическая идеология при этом понимается как новая горизонтально оформленная коммуникация. Сетевой же образ политика тяготеет к традиционным моделям и ролевой содержательной наполненности. Вывод свидетельствует о принципиальной значимости политической репрезентации субъектов, которые должны присутствовать во всех видах политической реальности. Но эмпирическая часть указывает, что идеологическая репрезентация российских партий недостаточна, а образная репрезентация политиков грешит имиджевым однообразием.

Ключевые слова: политическая репрезентация, политическая коммуникация, политическая идеология, позиционирование, политический образ/имидж, политические символы и смыслы

Для цитирования: Туманян Г. В., Лыгденов Б. З., Толпышева В. Ф. Репрезентация в распространенных политико-коммуникативных практиках // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2022. № 3. С. 313–318. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-313-318>

Young scientists

Original article

REPRESENTATION IN ACCEPTED COMMUNICATIVE POLITICAL PRACTICES

Garnik V. Tumanyan¹, Buda Z. Lygdenov², Valeria F. Tolpysheva³

^{1,2,3}National Research Tomsk State University, Tomsk, Russia

¹tumangar@mail.ru

²buda.lygdenov@mail.ru

³tolpysheva2015@mail.ru

Abstract. The article devoted the scientific problem concerning the symbolic representation of political subjects (parties, leaders) in the political media reality. To solve it, two political and communicative practices are studied: ideological and figurative representation in social networks. At the same time, political ideology is understood as a new horizontally shaped communication. The network image of a politician gravitates towards traditional models and role content. The conclusion testifies to the fundamental importance of the political representation of subjects that should be present in all types of political reality. But the empirical part indicates that the ideological representation of Russian parties is insufficient, and the figurative representation of politicians sins with image monotony.

Keywords: political representation, political communication, political ideology, positioning, political image, political symbols and meanings

For citation: Tumanyan G. V., Lygdenov B. Z., Tolpysheva V. F. Representation in accepted communicative political practices. *State and Municipal Management. Scholar Notes. 2022;(3):313–318. (In Russ.)*. <https://doi.org/10.22394/2079-1690-2022-1-3-313-318>

Политическая репрезентация (представленность) включает в себя различные символические практики. Понятие репрезентации мы будем трактовать на основе определений П. Рикёра. Репрезентация связана с замещением, воплощением и даже подменой чего-то отсутствующего, а политическая репрезентация очень часто ассоциируется с идеологией и престижем образа [1, с. 372-373]. Конечно, политическая репрезентация не имеет целью введение в заблуждение, но предполагает предоставление значимой информации в форме представления для обеспечения властного воздействия и признания. Потому процесс самой репрезентации зависит от символического обмена и предполагает конструирование другой реальности в ходе состоявшейся политической коммуникации. Для раскрытия данного тезиса мы рассмотрим две бытующие политико-коммуникативные практики: представленность партийных идеологий и образов политиков.

Политическая идеология, как нам представляется, находит своё онтологическое выражение в политической реальности, в политической коммуникации, являясь её составной частью. В данной связи политическая идеология в коммуникации воспринимается в символических формах, в которых заключены соответствующие идеологические смыслы, выстраиваемые по ценностным основаниям, и требующие соответствующего кодирования и декодирования. Таким образом, саму политическую идеологию можно определить как политическую коммуникацию, передающую идеологически кодированные смыслы.

Роль идеологии в политической коммуникации в рамках теории политического конструирования реальности, делающей акцент на легитимации [2, с. 221], и при использовании категориального аппарата П. Бергера и Т. Лукмана, состоит в структуризации и систематизации «символического универсума», матрицы всех социально (в нашем случае политически) объективированных и субъективно реальных значений и смыслов [3, с. 46]. Отсюда исходит способность политической идеологии выступать интерпретационной рамкой в политической коммуникации в деле легитимации или делегитимации политической власти. Выходит, что символический универсум, структурированный и систематизированный идеологическими смыслами, в практическом выражении и является политической идеологией. Понимаемый так символический универсум это, по сути, всеобщая политическая репрезентация, которая находит свое выражение в различных идеологически концептуализированных и поддерживающих репрезентациях как коммуникативных практиках. Из подобной роли политической идеологии исходят ее функции интеграции и дезинтеграции общества, мобилизации и демобилизации и т.д.

Политическую идеологию также можно рассматривать как специфическую «картину мира» или же «призму восприятия» окружающего мира. Здесь идеология находится на месте фрейма [4], т.е. внутреннего контекста коммуникации, но не замещает его, являясь целостной смысловой рамкой, уже структурирующей и образующей фреймы восприятия коммуникации. Она помогает, и формировать смысл передаваемого сообщения, и принимать его с наименьшими «потерями», противодействуя «шуму», при условии схожести кода, как у отправителя, так и у получателя. Таким образом, внешним выражением политической идеологии является ее определение в качестве политической коммуникации, передающей идеологически кодированные смыслы, а внутренним эффектом выступает формирование соответствующей картины мира, осуществляющей условия адекватного восприятия передаваемого смысла. В контексте же семиотической традиции идеология в состоявшихся коммуникативных ситуациях исполняет роль языка.

С появлением интерактивных СМК происходят изменения в вертикальной и одновременно линейной модели массовой коммуникации, потому М. Кастельс ввел новое понятие «массовой самокоммуникации». Создаётся ситуация формирования горизонтальной коммуникации, где «отправители являются также адресатами, так что новый субъект коммуникации – отправитель / получатель — возникает в качестве центральной фигуры галактики Интернета» [5, с. 183]. Таким образом, изначальный смысл не только дополняется, но возникает обратная связь, где получатель также чувствует в образовании смысла сообщения, влияя на отправителя и на смысл сообщения в целом. И данная система находит своё выражение именно в сетевой коммуникации. При этом государственной власти становится сложнее передавать «сверху» идеологизированные смыслы в условиях отсутствия монополии на политическое конструирование реальности, поскольку символы идеологий подвергаются десимволизации, а сообщения деконструируются. Новые информационно-коммуникационные пространства способствуют

возникновению нескольких противостоящих ветвей «символической власти» (термин П. Бурдьё), что создает проблему с адекватного «посыла» символической репрезентацией вообще и в идеологических коммуникативных практиках в частности.

В качестве конкретной политико-коммуникативной практики мы рассмотрим общение на основе идеологических смыслов в визуально-символическом пространстве YouTube. Процесс коммуникации организуется владельцем отдельного сообщества YouTube-канала, что увеличивает контроль над обратной связью, выражаемой в комментариях, и позволяет контролировать формирование смысла со стороны акторов массовой самокоммуникации различными способами: от непосредственного удаления возможности комментирования, до его форматирования различными технологиями и цензурой. При этом узлами данной сети являются именно YouTube каналы. Это значит, что возможность комментирования видеороликов и система рекомендаций, ориентированная на потребление похожего контента, связывает разрозненные YouTube каналы в социальную сеть, объединённую по некоторому общему «протоколу коммуникации» (термин М. Кастельса), позволяющему также формировать политические сообщества. YouTube является современным электронным типом медиа, поэтому следуя С.В. Володенкову, создаваемое им пространство политической коммуникации можно охарактеризовать как виртуализированное и медиатизированное [6, с. 46-62]. Подобное пространство осознаётся и существует во многих случаях лишь в рамках виртуальной реальности, создаваемой медиа, т.е. медиареальности, в нашем случае политической. Важным в визуальном восприятии идеологически нагруженной информации является непосредственно текст, предоставляемый авторами: названия видеороликов в заголовке, превью и направленность канала – по политической информации удобнее обратиться к каналам соответствующей направленности с совпадающей ценностной и идеологической ориентацией, с которыми уже установлены доверительные отношения. Кроме того, влияют «случайные» факторы, ориентированные на эмоциональный захват внимания и на моментальную заинтересованность, через создание потребности / проблемы, разрешаемой через потребление выданной информации.

Таким образом, рассматриваемая площадка навязывает собственные условия существования политической информации: речь идет не только о текстуальной информации, но и о визуально-символической; при этом необходимо разделять информацию нейтрального и манипулятивного характера от важных символических форм и репрезентаций; смысловая наполненность текстуальных форм зависит от жанра выбранного видео; при анализе же обратной связи наиболее релевантной областью является раздел комментариев. При конкретном исследовании классических тотальных идеологий (коммунистической, либеральной, национал-патриотической) были выбраны и каналы соответствующей направленности. Оказалось, что коммунистическая идеология формирует наиболее широкий спектр символических репрезентаций, исходя из собственных постулатов и собственного видения картины мира, и идеологические смыслы. Либеральный же идеологический контент меньше репрезентирует собственно идеологию в качестве совокупности политических ценностей, но концентрируется на лицах, символизирующих идеологических противников, и популизме. Наибольший вопрос вызвала символическая репрезентация националистической идеологии, которая весьма эклектична, охватывая как часть коммунистических символов, так и многие репрезентации либеральной идеологии.

Другой характерной для политики репрезентацией выступает образная репрезентация, которая чаще всего совершается на основе маркетинговой технологии позиционирования. Данная технология направлена на работу над сознанием потребителя информации, потому позиционирование – это всегда сражение за умы людей [7, с. 12]. Здесь политика замещает его искусственно созданный образ – имидж, который призван, не просто представить политика в форме структуры лидерских черт (персональные, социальные, символические), соответствующих ролевому типу, но выделить его как символический «товар» в одном сегменте политического рынка. Для этого после тщательного анализа, необходимо отобрать выбранные характеристики политика и вывести их через событийный ряд и символические характеристики в сознание граждан. В политическом позиционировании, где формирование образов и их символизация являются ключевым содержанием деятельности по репрезентации, проблема донесения до целевых групп таких сюжетов, сообщений, месседжей, которые смогли бы оказать воздействие на их умонастроения, установки и ценностные предпочтения, становится приоритетной [8, с. 1]. В основу конструирования сетевого образа политического лидера по-прежнему кладутся общие

имиджевые характеристики. Мы будем опираться на схему, предложенную Г. Г. Почепцовым: биологические/психофизиологические, личностно-коммуникативные, социальные, мифологические/мифосимволические [9, с. 174–176].

Сегодня политик должен позиционироваться в сети, поскольку интернет-сообщества, блогеры, новостные сайты создают востребованный гражданами имидж, публикуют соответствующий контент, задают информационную повестку дня, влияя на мировосприятие пользователей. Отличительная особенность позиционирования в виртуальном пространстве заключается в мгновенной обратной связи – пользователи реагируют на транслируемый образ сразу и это, с одной стороны, помогает корректировать позиционирование, дополнять, направлять в нужную сторону, а с другой стороны, требует более осознанного и стратегического подхода к формированию своего позиционирования [10]. К онлайн способам политической репрезентации в форме позиционирования относятся: поддержка работы официального сайта; специальные мероприятия в сети интернет, ориентированные на массовое участие; вирусная реклама; контекстная и медийная реклама; введение социальных сетей и SMM. Особое значение имеет сегодня в России блогосфера, обладающая способностью создавать информационную среду для политической коммуникации.

Ведение популярного блога требует большое количество ресурсов, финансов и времени. Зачастую, совмещая блогинг с профессиональной деятельностью, политические акторы, для ведения веб-страницы нанимают команду специалистов, которые выполняют такие задачи как: разработка контент-плана; составление визуальной части профиля; коммуникация с активными пользователями (ответы на комментарии и сообщения). Подобные способы ведения блога не ограничивают коммуникацию, а наоборот, структурно спланированные посты, эстетичный материал профиля привлекают еще большее количество подписчиков. Такие «Правила игры» как правило хорошо работали в признанной экстремистской социальной сети «Instagram¹», ныне запрещенной на территории РФ. Так, например, популярный губернатор-блогер Кемеровской области С.Е. Цивилев, в социальной сети «Instagram²» работал с командой SMM-специалистов, для более тесной коммуникации с подписчиками (видеомейкеры снимают Stories, подключают прямые эфиры на совещаниях, встречах С.Е. Цивилева, обеспечивая погружение зрителей в решение региональных вопросов).

Нами была проведено сравнительное исследование позиционирования российских политиков в блогосфере на примере самых популярных глав регионов в социальной сети «Instagram³» за 2021 год. В число исследуемых вошли из ТОП-10 глав субъектов Российской Федерации: Собянин С.С. – мэр Москвы, Воробьев А.Ю. – губернатор Московской области, Куйвашев Е.В. – губернатор Свердловской области, Ведерников М.Ю. – губернатор Псковской области, Цивилев С.Е. – губернатор Кемеровской области, Кондратьев В.И. – губернатор Краснодарского края.

Примечательно, что не только структурно, но и содержательно их имиджи в блогосфере оказались очень похожими. Перед нами все тот же «заботливый» мэр или губернатор, «покровитель» в своей символической ипостаси, который нуждается в лояльности жителей региона и потому несет им всевозможные блага. При преобладании у большинства глав регионов персональных характеристик, они в то же время зачастую подчеркивали свое статусное положение. То есть, позиционирование глав субъектов Российской Федерации осуществлялось не сточки зрения репрезентации уникального политического лидерства. Отличия, скорее, касались не содержания, а количественно наполненного соотношения демонстрируемых аудитории типовых образов. Самыми востребованными образами по типологии Е.А. Бочковой оказались: «защитник», «хозяйственник», «благодетель». По классификации М. Херманн самый популярный образ выстраивался через лидера «знаменосца».

¹ Сервис, принадлежащий экстремистской организации Meta, деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена.

² Сервис, принадлежащий экстремистской организации Meta, деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена.

³ Сервис, принадлежащий экстремистской организации Meta, деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена

Несмотря на специфику исследуемой социальной сети «Instagram¹» как канала, где, чаще популярность набирают публикации за счет качественного визуального материала с блогером, более активная аудитория была у того главы региона, персону которого в меньшей степени, присутствовала в сетке профиля. Однако большинство глав субъектов не посчитали нужным демонстрировать себя в фото- и видеоматериале собственного блога, также не освещали свою личную жизнь, путешествия, хобби. Таким образом, в блогах губернаторов и мэров прослеживаются только те темы, которые связаны с их профессиональной деятельностью. Также можем отметить, что в блогах всех глав субъектов в подавляющем количестве присутствовали публикации на схожие темы. В большей степени внимание уделялось поздравлениям, медицине, строительству и благоустройству, а также взаимодействию регионального лидера с представителями иных органов власти.

Кроме того, мы можем сделать вывод о том, что все исследуемые главы субъектов России формировали содержательно одинаковый имидж у своей аудитории при помощи практически идентичных имиджевых характеристик. В свою очередь, большую популярность в блогах региональных глав получили публикации на однообразные темы, в которых демонстрировался не столько формальный статус главы субъекта или его приверженность определенному политическому курсу, сколько те публикации, в которых освещались личностные моральные качества главы региона, например, сочувствие, человечность, забота, ответственность, доброта. Все это свидетельствует, что именно маркетинговый эффект позиционирования (достижение отличия) либо не достигался, по сути, либо не получался, по факту.

И подводя итоги исследованию репрезентации в распространенных сегодня политико-коммуникативных практиках, мы можем констатировать, что представленность политических партий через идеологии и официальных политических лидеров через образы/имиджи показывает свою значимость в политической коммуникации вообще и сетевой коммуникации в частности (политическая партия атрибутируется именно идеологией, а политический лидер – имиджем). И эта непреходящая значимость определяется эффектом успешной политической коммуникации и политического конструирования реальности, за которыми стоит политика, имеющая смысл.

Список источников

1. Рикёр П. Память, история, забвение. М.: Издательство гуманитарной литературы, 2004. 728 с.
2. Щербинина Н.Г. Определение медиареальности и коммуникации в контексте теории политического конструирования реальности // Вестник Томского государственного университета. Философия. Социология. Политология. 2019. № 50. С. 219-232.
3. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. Трактат по социологии знания. М.: «Медиум», 1995. 323 с.
4. Вахштайн В. С. Фрейм-анализ как политическая теория // Социология власти. 2013. №4. С. 13-44.
5. Кастельс М. Власть коммуникации. М.: Издательский дом Высшей школы экономики, 2016. 564 с.
6. Володенков С. В. Интернет-коммуникации в глобальном пространстве современного политического управления. М.: Издательство Московского университета; Проспект, 2015. 272 с.
7. Райс Э., Траут Дж. Позиционирование: битва за узнаваемость. СПб: Питер, 2001. 256 с.
8. Кудашова Ю. В. Проблемы формирования информационной среды политического позиционирования // Государственное управление. 2011. № 26. С. 1-10.
9. Почепцов Г.Г. Паблик рилейшнз для профессионалов. М., 2000. 624 с.
10. Карнаухова Н. А., Полянская Е. В. Online позиционирование цифровых кочевников. // Цифровое кочевничество как глобальный и сибирский тренд. Томск, 2017.

¹ Сервис, принадлежащий экстремистской организации Meta, деятельность которой на территории Российской Федерации запрещена

References

1. Ricoeur P. *Memory, history, oblivion*. Moscow: Publishing house of humanitarian literature, 2004. 728 p. (In Russ.)
2. Shcherbinina N. G. Definition of media reality and communication in the context of the theory of political construction of reality. *Vestnik Tomskogo Gosudarstvennogo Universiteta. Filosofiya. Sociologiya. Politologiya = Tomsk State University Bulletin. Philosophy. Sociology. Political science*. 2019;(50):219-232. (In Russ.)
3. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. *Treatise on the sociology of knowledge*. Moscow: "Medium"; 1995. 323 p. (In Russ.)
4. Vakhshstein V. S. Frame-analysis as a political theory. *Sotsiologia vlasti = Sociology of power*. 2013;(4):13-44. (In Russ.)
5. Castells M. *The power of communication*. Moscow: Publishing House of the Higher School of Economics, 2016. 564 p. (In Russ.)
6. Volodenkov S. V. *Internet communications in the global space of modern political management*. Moscow: Moscow University Publishing House; Prospect, 2015. 272 p. (In Russ.)
7. Rice E., Trout J. *Positioning: the battle for recognition*. St. Petersburg: Piter, 2001. 256 p. (In Russ.)
8. Kudashova Yu. V. Problems of formation of the information environment of political positioning. *Gosudarstvennoe upravlenie = Public administration*. 2011;(26):1-10. (In Russ.)
9. Pocheptsov G. G. *Public relations for professionals*. Moscow; 2000. 624 p. (In Russ.)
10. Karnaukhova N. A., Polyanskaya E. V. *Online positioning of digital nomads. Digital nomadism as a global and Siberian trend*. Tomsk, 2017. (In Russ.)

Информация об авторах

Г. В. Туманян – аспирант Национального исследовательского Томского государственного университета;
Б. З. Лыгденов – магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета;
В. Ф. Толпышева – магистрант Национального исследовательского Томского государственного университета.

Information about the authors

G. V. Tumanyan – Postgraduate Student of National Research Tomsk State University;
B. Z. Lygdenov – Master Student of National Research Tomsk State University;
V. F. Tolpysheva – Master Student of National Research Tomsk State University.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.
Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Contribution of the authors: the authors contributed equally to this article. The authors declare no conflicts of interests.

„

Статья поступила в редакцию 03.08.2022; одобрена после рецензирования 29.08.2022; принята к публикации 30.08.2022.

The article was submitted 03.08.2022; approved after reviewing 29.08.2022; accepted for publication 30.08.2022.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ СТАТЕЙ

Научная статья должна соответствовать профилю журнала, быть ориентированной на актуальные проблемы управления, экономики, политологии, социологии.

При подготовке статьи необходимо руководствоваться ГОСТ Р 7.07–21 «Статьи в журналах и сборниках. Издательское оформление».

Объем научной статьи должен быть от 10 до 20 тыс. знаков. Шрифт Times New Roman, 14 кегль, межстрочный пробел – 1,5 интервала, поля по 2 см по периметру страницы, абзацный отступ – 1 см. Таблиц должно быть не более 3-х. Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком на русском и английском языках. Все графы в таблицах должны также иметь заголовки.

Иллюстративные материалы (рисунки, графики, схемы) должны быть четко читаемыми, черно-белыми, сгруппированными в единый объект, также не более 3-х, их название должно быть представлено на русском и английском языках.

Структура представляемого материала:

1) Научная статья должна быть классифицирована – иметь УДК, указываемый в левом верхнем углу материала.

2) На русском и английском языках:

- заголовок статьи;

- имя, отчество фамилия автора полностью. На следующей строке – организация (вуз), город, страна, код ORCID, электронная почта автора. Ученая степень, звание и другие сведения указываются после списка литературы под заголовком «Информация об авторе/Information about the author»;

- аннотация (до 250 слов);

- ключевые слова или словосочетания, несущие в тексте основную смысловую нагрузку (9-15).

Ключевые слова должны браться из текста научной статьи и выражать ее содержание.

3) Список литературы на русском языке следует оформлять в соответствии с ГОСТ 7.0.5-2008. «Библиографическая ссылка». В список не включаются: нормативные акты, статистические сборники, официальные документы, архивные материалы, интернет-публикации. Ссылки на такие материалы следует давать в тексте подстрочными примечаниями (сносками).

Список литературы должен включать от 10 до 20 научных источников (статьи, монографии), причем публикации самого автора(ов) статьи могут составить не более 20 % списка.

Ссылки на литературу оформляются по тексту в квадратных скобках (например, [З, с. 15-16]), а список литературы, составленный в порядке встречаемости ссылок, помещается за текстом.

В публикациях в списке литературы для каждого источника должно быть указано общее число страниц (например: *Гончаров В.И.* Институционализация системы местного самоуправления в Российской Федерации. Конституционно-правовое исследование. М.: Проспект, 2016. 268 с.) либо (для статей из журналов и сборников) диапазон страниц, на которых находится статья (например: *Змияк С.С., Игнатова Т.В., Хашева И.А.* Реализация активных мер государственной политики занятости на рынке труда Ростовской области // Государственное и муниципальное управление. Ученые записки. 2016. № 4. С. 30–40).

После списка литературы на русском языке приводится References (список литературы на английском языке, представленный согласно стилю оформления Vancouver).

4) На последней странице автором указывается: «Материал выверен, цифры, факты, цитаты сверены с первоисточником. Материал не содержит сведений ограниченного распространения. Научная статья проверена в системе «Антиплагиат». Научная статья должна иметь не менее 80 % оригинальности текста.

Научные статьи предоставляются по адресу: 344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54, ЮРИУ РАНХиГС. Редакция журнала «Государственное и муниципальное управление. Ученые записки».

Тел. 8(863) 203-63-89; e-mail: jurnal@uriu.ranepa.ru; <http://upravlenie.uriu.ranepa.ru/>

ГОСУДАРСТВЕННОЕ И МУНИЦИПАЛЬНОЕ УПРАВЛЕНИЕ.
УЧЕНЫЕ ЗАПИСКИ

НАУЧНЫЙ
И ОБЩЕСТВЕННО-ТЕОРЕТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

№ 2. 2022

Выход в свет 29.09.2022. Гарнитура Cambria. Формат 60x84 1/8.
Офсетная печать. Бумага офсетная. Объем 20 п.л. Тираж 100 экз. Заказ № 1952

Адрес издателя:

Российская академия народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
119571, г. Москва, пр. Вернадского, 84.

Адрес редакции:

Южно-Российский институт управления – филиал
Российской академии народного хозяйства и государственной службы
при Президенте Российской Федерации
344002, г. Ростов-на-Дону, ул. Пушкинская, 70/54.

Свободная цена

Отпечатано в типографии ИП Кузнецов Н.В.
603057, г. Н. Новгород, Шорина, 13/13. Тел.: (831) 463-91-68, 413-62-61